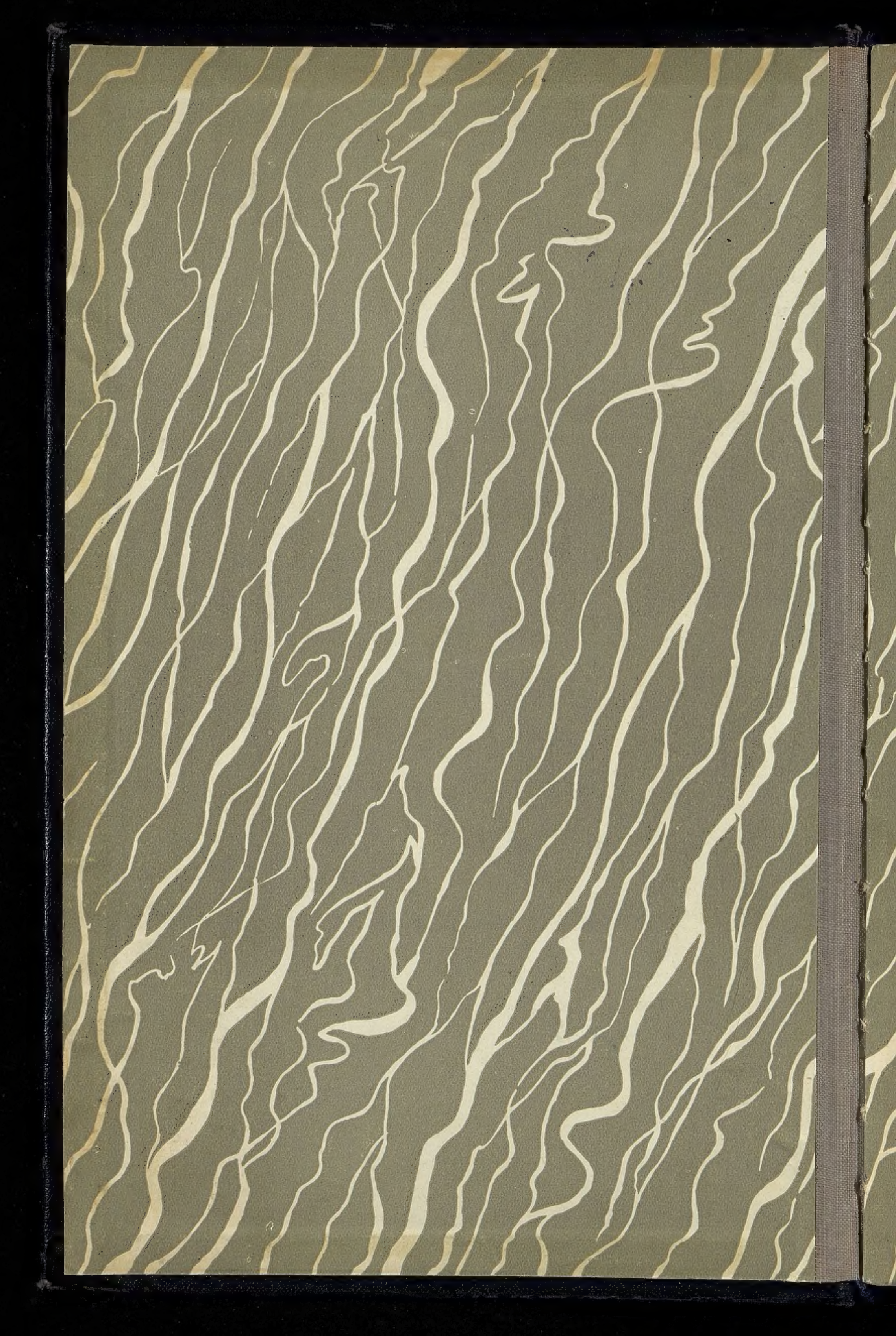
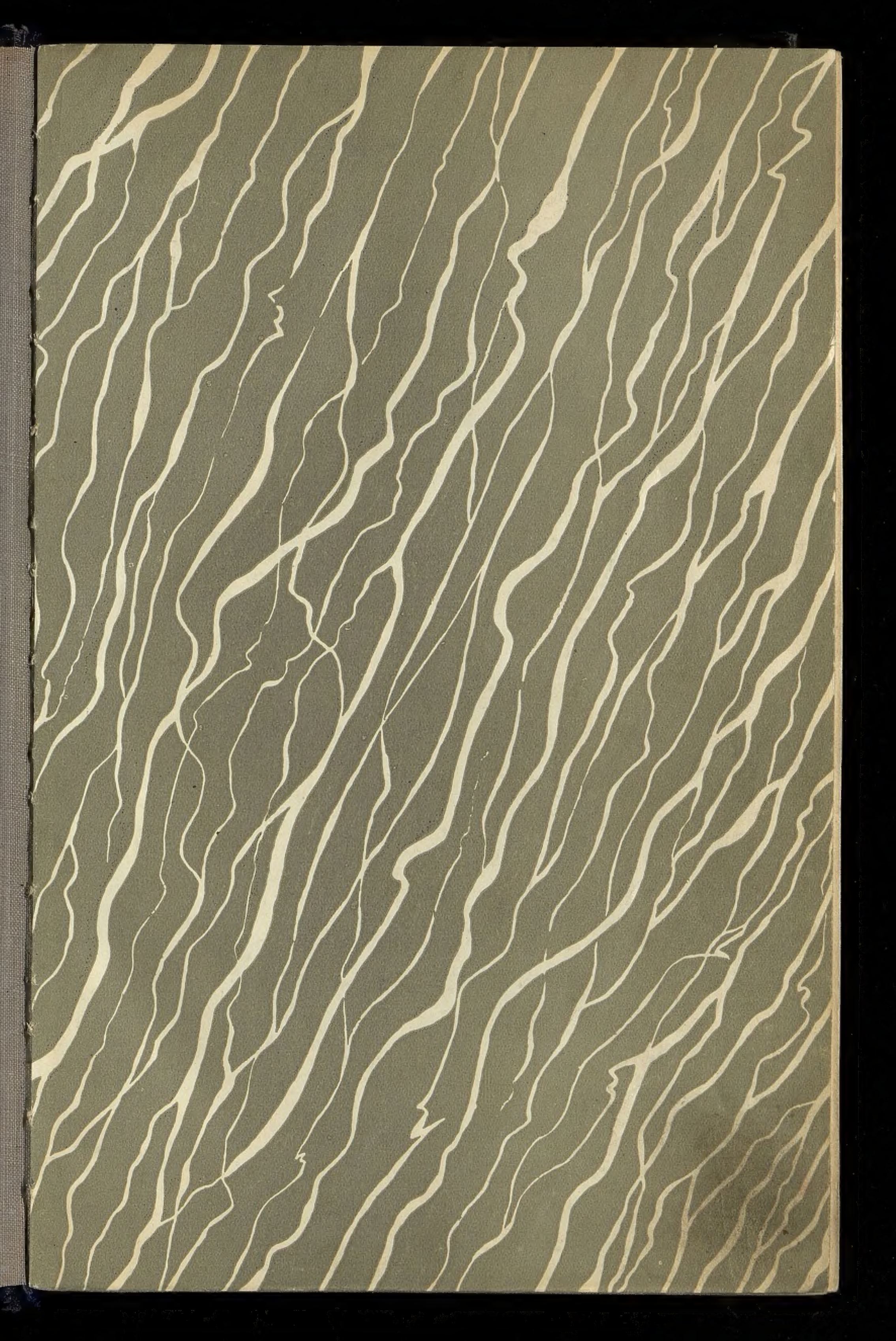
НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС





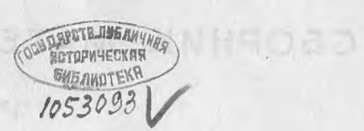
НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

2
ТОМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1951

Сборник подготовлен под редакцией
К. П. Горшенина (главный редактор),
Г. Н. Сафонова, С. А. Голунского
и И. Т. Никитченко



ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

УНИЧТОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ НАРОДОВ[1]

ИЗ ПРОГРАММЫ НСДАП[2], ПРИНЯТОЙ В ФЕВРАЛЕ 1920 ГОДА

[*Документ 1708-ПС, США-225*]

... § 4. Только член расы может быть гражданином. Принадлежать к расе может только человек германской крови, независимо от его вероисповедания...

§ 6. Право решать вопросы, касающиеся администрации и закона, принадлежит только гражданину. Поэтому мы требуем, чтобы на все должности во всех государственных учреждениях любого рода, будь то в империи, округе или муниципалитете, назначались только граждане...

ИЗ ДНЕВНИКА ГАНСА ФРАНКА

[*Документ СССР-223*]

а) Из записи совещания губернаторов 7 декабря 1942 г. в Кракове

... Если будет осуществлен новый продовольственный план, то это означает, что только в Варшаве и ее окрестностях не будут больше получать продовольствия 500 тыс. человек...

б) Из записи рабочего совещания политических руководителей «трудового фронта» генерал-губернаторства 14 декабря 1942 г.

... Это ставит перед нами следующую проблему: сможем ли мы, уже начиная со 2 февраля, лишить проживающих в этой области двух млн. человек негерманской национальности общего снабжения продовольствием...

ИЗ РАБОТЫ ГЕРМАНСКОГО ИНСТИТУТА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ «ЗНАЧЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ВОПРОСА ДЛЯ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЕРХНЕЙ СИЛЕЗИИ»

[*Документ СССР-252*]

... Исследованию чужда какая бы то ни было гуманная тенденция (стр. 39).

---

[1] Основные документы об уничтожении славянских народов помещены в разделе «Военные преступления». — Составители.

[2] Сокращенное наименование фашистской партии Германии. — Составители.

... Мы поднимаем наш голос не для защиты поляков, но чтобы воспрепятствовать падению военной продукции, которая должна снабжать вооруженные силы... (стр. 145).

Сообщения, касающиеся положения польского населения, и взгляды, какие меры в связи с этим надо считать наиболее целесообразными, расходятся во многом. Однако все мнения согласны в одном пункте, который сводится к краткой формуле: «Поляки голодают». Уже немногие, иногда беглые наблюдения подтверждают эти выводы: один из информаторов посетил военно-промышленный завод во время обеденного перерыва. Рабочие апатически стоят или сидят, греясь на солнышке, некоторые курят папиросы. Наблюдатель насчитал 80 человек. Только один из них имеет кусок хлеба на завтрак; у остальных нет с собой никакой еды, хотя рабочий день продолжается 10—12 часов (стр. 38).

... Наблюдения, сделанные на заводах, доказывают, что порции, получаемые польскими рабочими, так ничтожны, что у них недостает еды, чтобы захватить с собой завтрак на работу. У рабочих нет с собой даже куска хлеба, чтобы позавтракать во время полуденного перерыва на заводе. Если некоторые приносят с собой завтрак, то он состоит из тощего кофе и одного или двух кусков сухого хлеба или сырого картофеля, а в более трудные времена у них нехватает даже скудной пищи, и они довольствуются сырой морковью, которую во время работы подогревают на печке (стр. 72).

... при посещении рудников оказалось, что около 10% польских рабочих, отправляющихся на смены в копи, не имело с собой никакой пищи, а около 50% из них отправлялось на работу под землей, захватывая с собой только сухой хлеб или разрезанный на куски сырой картофель, который они подогревали потом на плите (стр. 150).

Еще ярче выступает это недоедание польских детей в возрасте от 10 до 14 лет в сравнении с тем, что получают немецкие дети. Здесь разница составляет не менее 65%. Об этом и свидетельствует уже внешний вид этой молодежи.

... Из всех категорий потребителей польское юношество по сравнению с немецким находится в самом худшем положении. Разница в получаемых продуктах достигает 60% и даже больше (стр. 178).

... Закон не дает лицам, принадлежащим к польскому народу, в какой бы то ни было области права требовать чего-нибудь. Все, что предоставлено полякам,— это добровольный дар немецких господ. Самое яркое выражение находит это юридическое положение в обездоленности поляков перед законом (стр. 127).

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЮГОСЛАВИИ

[*Документ СССР-36*]

... Оккупанты уничтожили еще, по меньшей мере, 1 500 000—2 000 000 человек, главным образом детей, женщин и стариков.

Из 15 млн. югославского населения до войны, за сравнительно короткий период — в четыре года, уничтожено почти 14% этого населения...

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПРИ ГЛАВНОМ КОМАНДОВАНИИ 17 АРМИИ КАПИТАНА ПФЛЕЙДЕРЕРА ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1941 г., АДРЕСОВАННОГО СОТРУДНИКУ ОТДЕЛА ИНФОРМАЦИИ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФОН РАНТЦАУ

[*Документ СССР-218*][1]

Предпосылки, обеспечивающие снабжение и конфискацию наибольшего количества продовольствия на Украине, настроения и положение населения в конце октября 1941 г.

... Настроение населения в большинстве случаев сразу же после оккупации территории нашими войсками значительно ухудшилось. В чем причина этого? Мы высказываем внутреннюю неприязнь, даже ненависть по отношению к этой стране и высокомерие по отношению к этому народу. Третий год войны и необходимость перезимовать в неприветливой стране вызывают ряд затруднений. Но их необходимо преодолевать со стойкостью и самодисциплиной. Мы не должны срывать на населении свое недовольство этой страной...

Как часто бывали случаи, когда мы поступали нелогично и благодаря ошибкам, которых легко можно было избежать, теряли у населения всякую симпатию. Мы расстреливаем в деревнях и населенных пунктах выбившихся из сил пленных и оставляем их группами на дороге, а эти факты не может понять население... Так как войскам даны широкие полномочия по самоснабжению, то вблизи больших магистралей и городов колхозы, в большинстве случаев, уже не имеют племенного скота, семян и посевного картофеля (Полтава). Безусловно, снабжение собственных войск стоит на первом месте. Однако сам характер снабжения нам не безразличен. Реквизиция последней курицы с психологической стороны столь же неразумна, как и неразумно с хозяйственной стороны убийство поросной свиньи и последних телят...

Население оказалось без руководства. Оно стоит в стороне. Оно чувствует, что мы смотрим на него сверху вниз, что мы видим саботаж в его темпе работы и методах, что мы совершенно не делаем никаких попыток, чтобы найти путь к нему...

ИЗ «ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧЕТА» ПРОФЕССОРА БИОЛОГО-ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПОЗНАНИ ДОКТОРА ПАУЛЯ В. ТОМСОНА ОТ 19 ОКТЯБРЯ 1942 г.

[*Документ СССР-439*][2]

... Хотя здесь, на востоке, на меня возложены чисто научные задачи, я чувствую себя обязанным присоединить к моему деловому докладу об-

[1] На основании ознакомления с документами можно заключить, что Пфлейдерер в 1941—1942 гг. совершил поездку по оккупированным областям по маршруту Ярослав на Украине, Львов, Тернополь, Проскуров, Винница, Умань, Кировоград, Александрия, Кременчуг.

Целью поездки, повидимому, было изучение экономической и политической обстановки оккупированных областей Украины.— Составители.

[2] Из самого документа усматривается, что фашистский профессор Томсон совершил «научную поездку» по оккупированным советским территориям «от Минска до Крыма».— Составители.

щий политический отчет. Я должен откровенно и честно заявить, что я возвращаюсь на родину с самыми тяжелыми впечатлениями.

В этот час, когда решается судьба нашего народа, каждая ошибка может иметь роковые последствия.

С польским или чешским вопросом мы можем разделаться, на это хватит биологических сил нашего народа. Такие маленькие национальности, как эстонцы, латыши и литовцы, должны либо приспособиться к нам, либо погибнуть.

Совершенно иначе обстоят дела на колоссальном русском пространстве, которое крайне важно для нас как сырьевая база...

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

[*Документ СССР-60*]

... Ясные указания относительно программы в этом отношении найдены в публикации, распространяемой среди членов национал-социалистской партии Германии в 1940 г. Она содержала принципы немецкой политики на Востоке. Вот несколько цитат из нее.... «В военном смысле польский вопрос решен, но с точки зрения национальной политики он теперь только начинается для Германии. Национальный политический конфликт между немцами и поляками должен быть доведен до степени, невиданной до сих пор в истории».

«Цель, перед которой стоит немецкая политика на территории бывшего польского государства, двоякая: 1) стремиться, чтобы известная часть этого пространства была очищена от чужого населения и населена немецким населением, и 2) навязать немецкое руководство с целью обеспечить, чтобы на этой территории не вспыхнул новый пожар против Германии. Ясно, что такой цели нельзя никогда достичь с поляками, но только против них»....

Политика в этом отношении ясно выражена официальными немецкими властями. В «Остдейтчер Беобахтер» от 7 мая 1941 г. напечатано нижеследующее воззвание: «Впервые в истории Германии мы используем наши военные победы в политическом отношении. Никогда больше даже сантиметра земли, которую мы покорили, не будет принадлежать поляку»...

Местность за местностью, деревня за деревней, местечки и города на присоединенных территориях были очищены от польских жителей. Это началось в октябре 1939 г., когда местность Орлово была очищена от всех поляков, живших и работавших в ней. Потом пришла очередь порта Гдыни. В феврале 1940 г. около 40 000 человек были изгнаны из города Познани. Их места были заняты 36 000 балтийских немцев, членов семейств военных и немецких чиновников.

Польское население было изгнано из следующих городов: Гнездно, Холмно, Постян, Ношива, Иновроцлав и многих других городов.

Немецкая газета «Гренццейтунг» уведомляла, что в феврале 1940 года весь центр города Лодзи был очищен от поляков и предназначен для будущих немецких поселенцев. В сентябре 1940 года общее число поляков, вывезенных из Лодзи, определилось в 150 000.

Но не только был дан приказ, чтобы люди, живущие в этих местностях, ушли: им было запрещено взять с собой свою собственность — все следовало оставить. Место этих поляков, депортированных из своих жилищ, предприятий и хозяйств, было занято немецкими пришельцами. В январе 1941 года более 450 000 немцев было таким образом поселено...

Тысячи польских детей (от 7 до 14 лет) были безжалостно уведены от родителей и семейств и увезены в Германию. Сами немцы объяснили цель этой самой жестокой меры в № 1584 газеты «Кельнише Цейтунг» за 1940 г.:

«Их будут учить немецкому, им будут прививать немецкий дух затем, чтобы воспитать их как образцовых юношей и девушек».

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ОТ 26 ФЕВРАЛЯ 1946 г.

Показание свидетеля Григорьева Я. Г.

Председатель: Как ваше имя?

Свидетель: Григорьев Яков Григорьевич.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги.

«Я, гражданин Советского Союза Яков Григорьев, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, перед лицом Высокого Суда обещаю и клянусь говорить Суду только правду обо всем, что мне известно по делу».

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Вы можете сесть.

Смирнов[1]*:* Скажите, пожалуйста, свидетель, в какой деревне вы проживали до войны?

Свидетель: В деревне Кузнецово, Порховского района, Псковской области.

Смирнов: В какой деревне вас застала война?

Свидетель: В деревне Кузнецово.

Смирнов: Существует ли сейчас эта деревня?

Свидетель: Не существует.

Смирнов: Я прошу вас рассказать суду, при каких обстоятельствах произошло уничтожение деревни.

Свидетель: В памятный день 28 октября 1943 г. немецкие солдаты неожиданно напали на нашу деревню и стали творить расправу с мирными жителями, расстреливать, загоняя в дома. В этот день я работал на току со своими двумя сыновьями, Алексеем и Николаем. Неожиданно к нам на ток зашел немецкий солдат и велел следовать за ним. Нас повели через деревню в крайний дом. Я сидел около самого окна и смотрел в окно. Вижу, немецкие солдаты гонят еще бо́льшую толпу народа. Я заметил свою жену и маленького своего сына 9 лет. Их сначала подогнали к дому, а потом повели обратно, куда — мне было тогда неизвестно.

---

[1] Л. Н. Смирнов — помощник Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе. — Составители.

Немного погодя входят три немецких автоматчика, и четвертый держит наган в руках. Нам приказали выйти в другую комнату. Поставили к стенке всю толпу 19 человек, в том числе меня и моих двух сыновей, и начали из автоматов стрелять по нас. Я стоял около самой стенки, немного опустившись. После первого выстрела я упал на пол и лежал не шевелясь. Когда расстреляли всех, они ушли из дома. Я пришел в сознание, гляжу — невдалеке от меня лежит мой сын Николай, он лежал ничком и был мертв, а второго сына я сперва не заметил и не знал, убит он или жив. Потом я стал подниматься, освободив ноги от навалившегося на них трупа. В этот момент меня окрикнул мой сын, который остался в живых.

Смирнов: Окрикнул второй ваш сын?

Свидетель: Второй, а первый лежал убитый невдалеке от меня. Сынишка крикнул: «Папа, вы живой?».

Смирнов: Он был ранен?

Свидетель: Он был ранен в ногу. Я его успокоил: «Не бойся, сыночек, я тебя не оставлю, как-нибудь уйдем. Я тебя вынесу отсюда». Немного погодя загорелся дом, в котором мы лежали. Тогда я, открыв окно, выбросился из него вместе со своим раненым мальчиком, и мы стали ползти от дома, притаясь, чтобы не заметили немецкие солдаты. Но на пути нашего отхода от дома стояла высокая изгородь, мы не сумели раздвинуть изгородь, а начали ломать ее. В этот момент нас заметили немецкие солдаты и начали по нас стрелять. Я тогда шепнул своему сынишке, чтобы он притаился, а я побегу. Мне его было не снести, и он побежал немного и, благодаря зарослям, притаился, а я побежал дальше, отвлекая внимание солдат. Немного пробежав, я вскочил в постройку, стоявшую около горящего дома. Посидел там немножко и решил итти дальше. Я убежал в ближайший лес, находящийся неподалеку от нашей деревни, и там переночевал. Наутро я встретил из соседней деревни Алексея Н., который мне сообщил, что мой сын Леша жив, так как он уполз. Потом, на второй день после этого, я встретил из этой деревни Кузнецово мальчика Витю — это был беженец из-под Ленинграда и проживал во время оккупации в нашей деревне... Он тоже чудом спасся, выскочив из огня. Он мне сказал, как происходило дело во второй избе, где были моя жена и мой малый сынишка. Там дело происходило так: немецкие солдаты, загнав людей в избу, отворили в коридор дверь и через порог стали поливать из автомата. Со слов Вити, там горели живые люди, в том числе, по его словам, сгорел заживо мой мальчик Петя девяти лет. Когда Витя выбегал из избы, то видел, что мой Петя еще был жив и сидел под лавкой, зажавши ручонками уши.

Смирнов: Сколько лет было самому старшему жителю деревни, уничтоженному немцами?

Григорьев: Сто восемь лет — старуха Артемьева Устинья.

Смирнов: Сколько лет было самому младшему, уничтоженному в деревне?

Григорьев: Четыре месяца.

Смирнов: Сколько всего было уничтожено жителей деревни?

Григорьев: 47 человек.

Смирнов: За что немцами было уничтожено население вашей деревни?

Григорьев: Неизвестно.

Смирнов: А что говорили сами немцы?

Григорьев: Когда немецкий солдат пришел к нам на гумно, мы его

спросили «За что вы нас убиваете?» Он сказал, что знаете ли вы деревню Максимово — эта деревня по соседству с нашим сельсоветом. Я ответил «да». Он сказал мне, что эта деревня Максимово — капут, и жители — капут, и вам — капут.

Смирнов: А за что капут?

Григорьев: За то, что, мол, у вас спасались партизаны. Но это слово не соответствовало делу, потому что у нас партизан в деревне не бывало и у нас партизанской деятельностью никто не занимался, потому что было некому. В деревне остались старые и малые, и деревня партизан даже не видела.

Смирнов: Много ли взрослых мужчин оставалось в вашей деревне?

Григорьев: Был один 27-летний мужчина, но он был больной, полоумный и параличный, а то были старики и малые, а остальные мужчины были в армии.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, только ли население вашей деревни постигла такая участь?

Григорьев: Нет, не только. Немецкие солдаты расстреляли в Курышеве 43 человека, во Вшивове —47, в той деревне, в которой я проживаю сейчас, в деревне Павлове — сожгли 23 человека, и в других деревнях, где насчитывалось по нашему сельсовету около 400 человек, уничтожили мирных жителей старых и малых.

Смирнов: Я прошу вас повторить цифру, сколько было уничтожено в вашем сельсовете?

Григорьев: Около четырехсот человек только в одном нашем сельсовете.

Смирнов: Скажите, кто остался в живых из вашей семьи?

Григорьев: Из моей семьи остались в живых только я и мой мальчик. Застрелены в моей семье: жена на шестом месяце беременности, сын Николай 16 лет, сын Петя 9 лет и невестка, жена брата, с двумя ребятами — Сашей и Тоней.

Смирнов: Я не имею больше вопросов, господин председатель.

Председатель: Кто-нибудь из других обвинителей хочет задать вопросы свидетелю? *(Молчание.)* Кто-нибудь из защитников хочет задать вопросы свидетелю? *(Молчание.)* Свидетель может итти.

ИЗ ДОКЛАДА ОБЕРГРУППЕНФЮРЕРА СС ПОЛЯ РЕЙХСФЮРЕРУ СС О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ КОНЦЛАГЕРЕЙ

[*Документ Р-129, США-217*]

... Рейхсфюрер, сегодня я докладываю о положении в области концлагерей и о мерах, которые я принял для того, чтобы выполнить ваш приказ от 3 марта 1942 г.

1) В начале войны существовали следующие концентрационные лагери:

а) Дахау: 1939 г.— 4000 заключенных, сегодня —8000;
б) Заксенгаузен: 1939 г.— 6500 заключенных, сегодня —10 000;
в) Бухенвальд: 1939 г. —5300 заключенных, сегодня —9000;
г) Маутхаузен: 1939 г. —1500 заключенных, сегодня —5500;
д) Флоссенбург: 1939 г.— 1600 заключенных, сегодня —4700;
е) Равенсбрук: 1939 г.— 2500 заключенных, сегодня —7500...

2) В период с 1940 по 1942 гг. было создано еще девять лагерей, а именно: а) Освенцим, б) Нойенгамме, в) Гузон, г) Нацвейлер, д) Гросс-Розен, е) Люблин, ж) Нидергаген, з) Штуттгоф, и) Арбейтсдорф.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ВОЕННОПЛЕННОГО ОХРАННИКА КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ БУХЕНВАЛЬД АНДЕРСЕНА ПФАФФЕНБЕРГЕРА

(Документ Р-129, США-217)

...После того, как осмотрели заключенных, у которых имелась татуировка, тех из них, у которых татуировка была наиболее интересная и художественная, поместили в больницу, а затем они были убиты посредством впрыскивания, которое производил Карл Байгс, уголовный заключенный. Вслед за этим трупы были переданы в больничный морг, где желаемые куски кожи с татуировкой были вырезаны и обработаны. Затем в обработанном виде эта кожа была передана жене штандартенфюрера СС Коха, которая использовала эту кожу в качестве абажуров и других украшений для дома. Я сам видел различные куски татуированной кожи с рисунками и надписями. Например, надпись «Ганс и Гретель», которая была на колене одного заключенного, и рисунки кораблей, которые были вытатуированы на груди заключенных. Эта работа выполнялась заключенным Вернербахом [1].

ИЗ ДНЕВНИКА ГАНСА ФРАНКА. ТОМ СОВЕЩАНИЙ, ЗАПИСЬ ОТ 24 АВГУСТА 1942 г.

[*Документ 2233Е-ПС, США-283*]

... Тот факт, что мы приговариваем 1 млн. 200 тысяч евреев к голодной смерти, следует отметить только мимоходом. Само собою разумеется, что если евреи не умрут с голода, то, мы надеемся, это произойдет в результате активизации антиеврейских мероприятий.

ИЗ ОТЧЕТА ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД «ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ»

[*Документ 1061-ПС, США-275*] [2]

... Сопротивление, которое оказывали евреи и бандиты, могло быть сломлено только при безжалостном использовании всей нашей силы и энер-

---

[1] На Нюрнбергском процессе Обвинение представило Международному Военному Трибуналу в качестве вещественных доказательств пергамент, выработанный из человеческой кожи, обнаруженный в концентрационном лагере Бухенвальд, три куска татуированной человеческой кожи и высушенную человеческую голову, из которой были вынуты черепные кости.— Составители.

[2] Документ составлен в конце мая 1943 года и является отчетом генерал-майора полиции Штруппа о его деятельности по уничтожению варшавского гетто. Из отчета Штруппа видно, что к моменту уничтожения варшавского гетто в нем насчитывалось не менее 60 000 евреев, в том числе женщин и детей. Варшавское гетто было создано в ноябре 1940 г., и вначале в нем находилось около 400 тыс. евреев, но до начала операции по разрушению гетто около 316 тыс. евреев было вывезено оттуда в лагери уничтожения.— Составители.



Статуэтка из препарированной человеческой головы заключенного, специально для этого убитого гитлеровцами. (Предъявлена обвинением в качестве вещественного доказательства.)

гии как днем, так и ночью. 23 апреля 1943 г. рейхсфюрер СС издал через фюрера СС и начальника полиции Восточных областей в Кракове приказ произвести уничтожение варшавского гетто с крайней жестокостью и безжалостной настойчивостью. Поэтому я решил разрушить все места жительства евреев путем поджога каждого квартала, включая также те здания, которые находились близ военных заводов. Производилась систематическая эвакуация обитателей, а затем здания сжигались. Тогда евреи, почти в каждом случае, покидали свои убежища. Зачастую евреи оставались в зданиях, охваченных пламенем, до тех пор, пока из-за жары и страха быть заживо сожженными они не предпочитали выпрыгивать из верхних этажей после того, как предварительно выбрасывали матрацы и другую мебель из горящих зданий. Затем они с переломленными костями еще пытались переползти в те здания, которые еще не горели или частично горели. Зачастую евреи в ночное время меняли место, где они скрывались и, прятались в развалинах сожженных зданий до тех пор, пока их не находили наши патрули.

Пребывание в трубах канализационной системы также теряло для них свою прелесть после первой же недели. Нередко с мостовой мы слышали громкие голоса, которые доносились из канализационных люков, тогда члены СС, полиция, а также саперы мужественно спускались в люки с целью извлечь оттуда евреев и часто находили там трупы евреев. Для того чтобы заставить бандитов выйти наружу, приходилось всегда применять дымовые шашки. В течение одного только дня мы вскрыли 183 канализационных люка и бросили туда дымовые шашки. В результате бандиты выскакивали оттуда, думая, что это газ, в бывшее гетто, где их и вытаскивали из труб канализационной системы. Большое количество евреев, которое не поддаётся учету, было истреблено путем подрывания канализационных труб и люков.

Чем дольше длилось сопротивление, тем более жестокими становились солдаты войск СС, полиция и солдаты и офицеры германской армии. Они выполняли свой долг неуклонно в духе тесного товарищества и являли собою образцы солдат. Они работали с раннего утра и до поздней ночи. Ночью патрули следовали по пятам за евреями и не давали им никакой пощады. Иногда они захватывали и убивали евреев, которые использовали ночные часы для того, чтобы пополнять свои запасы из покинутых убежищ, а также для того, чтобы поддерживать контакт с соседними группами и обмениваться с ними новостями.

Принимая во внимание, что бóльшая часть солдат СС проходила тренировку только в течение 3—4 недель до того, как их послали на выполнение этого задания, надо отдать должное мужеству, храбрости и преданности делу, которые продемонстрировали эти люди. Следует указать, что саперные части армии также неустанно и самоотверженно производили взрывы землянок, канализационных люков и бетонных сооружений. Офицеры и солдаты полиции, бóльшая часть которых уже побывала на фронте, также продемонстрировали свой боевой дух. Только лишь путем непрерывной и неустанной работы всех вышеуказанных лиц мы смогли захватить 56 055 евреев, истребление которых учтено. К этому надо добавить евреев, которые были убиты во время взрывов или пожаров, но их число не поддается учету.

Краткие выдержки из ежедневных телеграфных донесений

...Результатом ночного поджога нами квартала было то, что те евреи, которых мы не могли найти вопреки всем нашим поискам, покидали свои убежища через крыши, выходили из подвалов и появлялись снаружи зданий, пытаясь избежать пламени. Многие — целые семьи — были уже охвачены пламенем и прыгали из окон или пытались спуститься на землю на простынях, но были приняты меры к тому, чтобы сразу ликвидировать этих евреев так же, как и остальных...

...Когда вышеупомянутые кварталы были разрушены, было захвачено 120 евреев, и большое количество евреев было убито в то время, когда они прыгали с крыш во внутренние дворы, пытаясь избежать пламени. Но еще большее число евреев погибло в пламени или было убито во время подрывания убежищ и канализационных люков...

Только лишь тогда, когда кварталы уже охватывались пламенем и были готовы рухнуть, большое количество евреев пыталось прорваться сквозь пламя и дым. Многие евреи пытались убежать даже через горящие здания. Большое число евреев, которых мы видели во время пожара на крышах, погибло в пламени. Другие прыгали с верхних этажей в самый последний момент для того, чтобы избежать смерти от пламени. Сегодня мы захватили 2283 еврея, из которых 204 были расстреляны. Бесчисленное количество евреев было уничтожено в убежищах и в пламени...

...Евреи рассказывают о том, что они выходят наружу ночью для того, чтобы подышать свежим воздухом, так как невыносимо постоянно находиться под землей в течение операции, которая длится долгое время. В среднем патрули расстреливают от 30 до 50 евреев каждую ночь. Это свидетельствует о том, что еще значительное число евреев находится в подземных убежищах в гетто. Сегодня мы взорвали бетонное здание, которое мы были не в состоянии уничтожить огнем. В результате этой операции мы выяснили, что взрыв здания является очень продолжительным процессом и требует очень большого количества взрывчатых веществ. Поэтому наилучшим и единственным методом истребления евреев продолжает оставаться поджог...

... Некоторые данные указывают на то, что от 3 до 4 тыс. евреев еще находится в подземных пещерах, убежищах и канализационных трубах. Поэтому нижеподписавшийся решил не прекращать операции широких масштабов до тех пор, пока не будет убит последний еврей...

Из телеграфного донесения от 15 мая 1943 г.

... Особая часть вновь исследовала последний неразрушенный квартал в гетто и разрушила его. Вечером часовня, покойницкая и другие здания на еврейском кладбище были взорваны или сожжены...

Из донесения от 24 мая 1943 г.

... Из общего числа 56 065 человек пойманных евреев примерно 7000 человек были убиты на территории бывшего гетто во время операции

широких масштабов, 6929 евреев были уничтожены после доставки их в Т-II [1].

Общее число уничтоженных евреев составляет 13 929 человек, помимо названных 56 065 человек. Примерно 5 или 6 тыс. евреев были уничтожены во время взрывов или же погибло в пламени.

ИЗ ОТЧЕТА НАЧАЛЬНИКА ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ «А» БРИГАДЕНФЮРЕРА СС ШТАЛЕНЕРА ОТ 15 ОКТЯБРЯ 1941 г., АДРЕСОВАННОГО РЕЙХСФЮРЕРУ СС ГИММЛЕРУ

[*Документ Л-180, США — 276*]

...К нашему изумлению, вначале было нелегко провести большой еврейский погром. Климатис — начальник отряда вооруженных добровольцев, который вначале был использован для этой цели, смог организовать погром лишь на основании советов, которые давались ему небольшой воинской частью, которая действовала в Каунасе. Это было сделано таким образом, что постороннему наблюдателю невозможно было заметить никакого приказа или подстрекательства со стороны немцев.

Во время первого погрома в ночь с 25 на 26 июля литовские добровольцы прикончили более 1500 евреев, сожгли несколько синагог или разрушили их другими способами и выжгли район, где жили евреи, уничтожив примерно 60 зданий.

В последующие ночи, примерно, 2300 евреев были убиты таким же образом...

Благодаря аналогичному влиянию на литовские вспомогательные отряды был произведен погром евреев также и в Риге. Во время этого погрома были разрушены синагоги и было убито около 400 евреев [2].

ИЗ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНОГО ОТЧЕТА УНТЕРШТУРМФЮРЕРА СС ДОКТОРА БЕККЕРА ОТ 16 МАЯ 1942 г., АДРЕСОВАННОГО ОБЕРШТУРМБАННФЮРЕРУ СС РАУФФУ В БЕРЛИН, ПРИНЦ-АЛЬБРЕХТШТРАССЕ, Д. № 8

[*Документ ПС-501, США-288*]

Осмотр газовых автомобилей группами «Д» и «С» окончен. В то время, как газовые автомобили первой серии могут использоваться также, когда погода не слишком плохая, автомобили второй серии (Заурер) совершенно выходят из строя в дождливую погоду. Например, если они пробыли под дождем в течение получаса, то газовый автомобиль нельзя использовать, потому что он буксует. Его можно использовать только при абсолютно сухой погоде. Вопрос заключается теперь в том, может ли газовый автомобиль использоваться только тогда, когда он стоит на месте казни. Во-

---

[1] Т-II — условное обозначение лагеря уничтожения № 2 в Треблинке.— Составители.

[2] Как видно из отчета оперативной группы «А», на 15 октября 1941 г. было уничтожено 135 567 евреев.— Составители.

первых, автомобиль следует доставить к этому месту, что возможно только при хорошей погоде. Место казни обычно находится в 10—15 километрах от шоссе, и к нему трудно добираться. В грязь или в сырую погоду к нему вообще нельзя проехать. Если лиц, подлежащих уничтожению, перевозят или ведут к этому месту, то они немедленно понимают, что происходит. Они начинают беспокоиться, чего следует избегать насколько возможно. Остается один только способ — грузить их на автомашины в одном пункте, а затем перевозить к месту казни. Я приказал замаскировать автомашину «Б» под прицепы, приспособленные под жилье, приделав по одной паре оконных ставен с каждой стороны малого газового автомобиля и по две пары ставен на каждой стороне больших автомобилей так, чтобы это походило на крестьянские домики, какие можно наблюдать в сельской местности. Эти машины стали настолько хорошо известными, что не только власти, но и гражданское население называют эти автомобили «душегубками», как только появится хотя бы одна такая автомашина.

Я думаю, что невозможно даже в течение короткого промежутка времени не только держать в секрете газовый автомобиль, но даже и замаскировать его...

Ввиду пересеченной местности, ужасных дорог и шоссе со временем отходят заклепки и появляются щели. Меня просили, чтобы в таких случаях не направлять автомобили на ремонт в Берлин. Перевозка в Берлин была бы слишком дорога и требовала бы слишком много горючего. С целью избежать этих затрат я приказал запаивать небольшие щели, а если это, в конце концов, окажется невозможным, то немедленно информировать Берлин по радио, что Пол. №... неисправен. Затем я приказал, чтобы во время выпуска газа служебный персонал находился на возможно большем расстоянии от автомашины с тем, чтобы их здоровье не страдало от газа, который может иногда выходить наружу. Я хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы обратить ваше внимание на тот факт, что некоторые команды должны были произвести разгрузку после применения газа своими силами. Я обратил внимание командира С. К. на огромный психологический вред и ущерб для здоровья, которые эта работа может иметь для них если не сразу, то, по крайней мере, позднее. Люди жалуются мне на головные боли, которые появляются после каждой разгрузки. Тем не менее они не хотят уклоняться от выполнения приказа потому, что заключенные, привлеченные к этой работе, могут использовать удобный момент для того, чтобы совершить побег. Я прошу вас отдать соответствующие приказы для того, чтобы предохранить служебный персонал от ущерба их здоровью...

Газ не всегда применяется правильным образом. С целью кончить как можно скорее шофер нажимает акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Выполнение моих инструкций показало, что при правильном положении рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. Больше не приходится наблюдать искаженные лица и испражнения, как это было прежде.

Сегодня я продолжу мою инспекционную поездку и посещу группу «Б», где я смогу получить дальнейшие сведения.

Подписано: *Доктор Беккер*, унтерштурмфюрер СС.



Лагерь Освенцим. Проволочное ограждение. Надпись «Осторожно. Высокое напряжение — опасно для жизни». (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)



Узники концлагеря Освенцим. (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД ОСТЛАНД ХАУПТШТУРМФЮРЕРА ТРЮГЕ ПО ВОПРОСУ ГАЗОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ, АДРЕСОВАННОЕ В ГЛАВНОЕ ИМПЕРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В БЕРЛИНЕ, В КОМНАТУ № 2-Д-3-А

[*Документ ПС-501*]

Тема: *Газовые автомобили.*

Транспорты с евреями, которые должны быть подвергнуты особому способу обращения, прибывают еженедельно в управление начальника полиции безопасности и службы безопасности Белоруссии. Три газовых автомобиля, которые имеются там, недостаточны для этой цели. Я прошу, чтобы прислали еще один газовый автомобиль (пятитонку). В то же время я прошу, чтобы переправили 20 газовых труб для трех автомашин, которыми мы располагаем (две Диамонд, одна Заурер), так как имеющиеся трубы уже пропускают газ.

Подписано: Начальник полиции безопасности и службы безопасности Остланд.

ИЗ ПИСЬМА НАЧАЛЬНИКА ТЮРЬМЫ В МИНСКЕ ГЮНТЕРА ОТ 31 МАЯ 1943 г., АДРЕСОВАННОГО ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ БЕЛОРУССИИ

[*Документ Р-135, США-289*]

Тема: *Действия против евреев.*

13 апреля 1943 г. бывший германский зубной врач Эрнест Израель Тишауер и его жена Эльза Сара Тишауер, урожденная Розенталь, были помещены службой безопасности в судебную тюрьму. С этого времени все немецкие и русские евреи, которые привозились к нам, подвергались вырыванию или выламыванию золотых мостов, коронок. Это производилось за один-два часа до соответствующих действий...

Начиная с 13 апреля 1943 г. было убито 516 немецких и русских евреев. Точно установлено, что золото изо рта было извлечено в течение только двух операций: в первый раз 14 апреля 1943 г. у 172 евреев и во второй раз 27 апреля 1943 г. у 164 евреев. Примерно 50% евреев имеют золотые зубы, мосты и пломбы. При этом всегда лично присутствовал гауптшарфюрер СД Рюбер, который и забирал золото. До 13 апреля 1943 г. этого не делалось.

Подписано: *Гюнтер*, начальник тюрьмы

ИЗ ПИСЬМА ИНСПЕКТОРА ПО ВООРУЖЕНИЮ НА УКРАИНЕ ОТ 2 ДЕКАБРЯ 1941 г., АДРЕСОВАННОГО НАЧАЛЬНИКУ ВООРУЖЕНИЙ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ГЕНЕРАЛУ ТОМАСУ

[*Документ 3267-ПС, США-290*]

Я направляю полный отчет о нынешнем положении в украинском рейхскомиссариате для личного сведения начальнику управления вооружения и экономики. В этом отчете с безошибочной ясностью описываются трудности и напряженная обстановка, которые имелись до сих пор, а также проблемы, которые могут вызвать серьезное беспокойство.

Я умышленно решил отказаться от передачи этого отчета через официальные каналы или же сделать известным его содержание другим департаментам, так как я не жду от этого никаких результатов. Наоборот, я сознаю, что ввиду сложности ситуации могут только увеличиться трудности и напряженность обстановки и усилиться расхождения во взглядах.

«Еврейская проблема». Разрешение еврейского вопроса на Украине было трудной проблемой, так как евреи составляли значительную часть городского населения. Поэтому мы должны были, так же как и в генерал-губернаторстве, иметь дело с проблемой их политики в отношении значительной массы населения. Во многих городах еврейское население превышало 50 процентов. Только богатые евреи сумели ускользнуть от германских войск. Большинство евреев осталось под властью немцев. Германская администрация оказалась перед трудной проблемой, так как эти евреи представляют собой почти все ремесленное сословие и они используются также на небольших промышленных предприятиях. Кроме того, евреи принимали участие в учреждениях, которые частично стали излишними в результате прямого или косвенного влияния войны.

Поэтому истребление должно было вызвать далеко идущие экономические последствия и даже прямые последствия для производства вооружения.

... То, что евреи внутренне ненавидели германскую администрацию, само собой понятно и не удивительно. Однако нет доказательства того, что все еврейское население или даже большее его число занималось актами саботажа. Безусловно, среди них были террористы и саботажники так же, как и среди украинцев. Но нельзя сказать, что евреи представляли собой угрозу для германских вооруженных сил. Производство, в котором были заняты евреи, ускорялось не чем иным, как их страхом, и удовлетворяло как войска, так и германскую администрацию...

Некоторое время еврейское население не трогали после окончания военных действий. Только лишь спустя несколько недель, иногда месяцев, специально выделенные части полиции начали производить планомерные расстрелы евреев. Эти действия происходили, как правило, в направлении с востока на запад. Это производилось открыто с использованием украинской милиции, и, к несчастью, в некоторых случаях военнослужащие германской армии также принимали в этом добровольное участие. Эти действия распространялись на мужчин, стариков, женщин и детей всех возрастов и проводились ужасным образом... Примерно от 150 до 200 тыс. евреев было уничтожено в той части Украины, которая входила в рейхскомиссариат. Никакого внимания не обращалось на интересы экономики...

Суммируя все это, можно сказать, что тот способ разрешения еврейской проблемы, который применялся на Украине и который в принципиальном отношении основывался на идеологических теориях, имел следующие результаты:

а) уничтожение отчасти излишней категории едоков среди городского населения;

б) уничтожение части населения, которая вне всякого сомнения нас ненавидела;

в) уничтожение ремесленников, в которых имелась острая нужда и которые необходимы даже в интересах вооруженных сил;

г) результаты, сказавшиеся на внешней политике,— пропаганда, которая проводится вне всякого сомнения;

д) отрицательное воздействие на войска, которые во всяком случае имели косвенное отношение к экзекуциям;

е) дурное влияние на части регулярной полиции, которые производят казни...

ИЗ СООБЩЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД РАДОМСКОЙ ОБЛАСТИ, АДРЕСОВАННОЕ ГАУПТШТУРМФЮРЕРУ СС ТИЛЮ

[*Документ ПС-53, США-291*]

Тема: *Чистка в тюрьмах.*

... Я вновь обращаю внимание на тот факт, что количество заключенных в тюрьмах полиции безопасности и СД должно быть минимальным. При нынешней обстановке заподозренные лица, особенно арестованные гражданской полицией, нуждаются только в коротком формальном допросе в случае, если нет серьезных улик против них. Затем их как можно быстрее надо посылать в концлагери в случае, если нет необходимости в военно-полевом суде или если они не подлежат освобождению. Пожалуйста освобождайте как можно меньше арестованных. В случае, если обстановка на фронте делает это необходимым, надо подготовиться к полной очистке тюрем. В случае, если обстановка неожиданно изменится таким образом, что будет невозможно эвакуировать заключенных, то заключенных надо ликвидировать, а их тела уничтожать (сжигать, взрывать здания и т. д.). В случае необходимости с евреями, которые еще заняты в промышленности по вооружению или же на других работах, надо поступать таким же образом. Освобождения заключенных или евреев врагом — будь то Красная Армия или ВБ [1]—следует избегать при всех обстоятельствах. Они ни в коем случае не должны попадать им в руки живыми...

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ОТЧЕТА ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ 31 МАЯ 1945 г. О КОНЦЛАГЕРЕ В ОСВЕНЦИМЕ

[*Документ Л-161, США-292*]

... В течение июля 1944 г. убивали в день по 12 тыс. венгерских евреев, а так как крематорий не мог пропустить такое количество трупов, то они сбрасывались в глубокие ямы и засыпались негашеной известью...

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ОТЧЕТА ПОЛЬСКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПОЛЬШЕ

[*Документ 3811-ПС, США-293*]

... В марте 1942 года немцы приступили к сооружению другого лагеря «Треблинка Б», близ «Треблинка А», который должен был стать местом для истребления евреев. Создание этого лагеря находилось в тесной связи с германским планом, который имел целью полное уничтожение ев-

[1] ВБ — сокращенное обозначение «Вест-Бунд» — западные союзники. — Составители.

рейского населения в Польше. Это в свою очередь вызвало необходимость создания аппарата, при помощи которого польских евреев можно было бы убивать в массовом порядке. В апреле 1942 года было закончено строительство первых трех камер, в которых жертв должны были умерщвлять газом. Затем было закончено создание основного здания, где производились убийства, в котором имелось 10 камер смерти. Открытие относится к осени 1942 года и ознаменовалось совершением массовых убийств...

... Среднее число евреев, которые доставлялись в лагерь летом 1942 г., достигало двух железнодорожных эшелонов в день. Но были дни, когда это количество намного превышалось. Начиная с осени 1942 г. это количество начало понижаться...

После разгрузки поезда всех жертв собирали в одном месте, где мужчин отделяли от женщин и детей. В первые дни существования лагеря жертвы убеждались в том, что они должны совершить краткую остановку в лагере для того, чтобы выкупаться и пройти дезинфекцию, а затем их пошлют на восток на работу. Такие объяснения давались эсэсовцами, которые помогали при разгрузке эшелона. Кроме того, об этом говорилось в объявлениях, развешанных на стенках бараков. Затем, когда прибывало все большее количество эшелонов, немцы отбрасывали все стеснения и только старались ускорить процедуру.

Все жертвы должны были снять одежду и обувь, которые потом собирались. Затем все жертвы, в первую очередь женщины и дети, доставлялись в камеры смерти. Те, которые были слишком слабы или двигались медленно, подгонялись оружейными прикладами, хлыстом и кулаками. Зачастую в этом принимал участие сам Зауер. Некоторые поскользнувшиеся падали, остальные жертвы принуждались двигаться вперед и шли по их телам. Маленьких детей просто бросали вовнутрь. Затем набитые до отказа камеры герметически закрывались и в них пускали газ, и через несколько минут все было кончено. Затем другие мужчины — евреи—должны были выносить трупы с платформы и затем хоронить их в массовых могилах. Прибывали все новые эшелоны, и кладбище все возрастало...

ИЗ ПИСЬМЕННОГО ПОКАЗАНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ХЕТЛА, ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГРУППЕНФЮРЕРА ИНОСТРАННОЙ СЕКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ (АМТ-6, РСХА)

[*Документ ПС-2838, США-296*]

... Мне известно, что Эйхман был в то время начальником секции по еврейским вопросам гестапо и плюс к этому ему было лично поручено Гиммлером руководить арестом всех евреев в европейских странах и отправкой их в Германию. Эйхман тогда был весьма удручен тем фактом, что Румыния в те дни вышла из войны. Более того, он пришел ко мне, чтобы получить информацию относительно обстановки на фронте, которую я ежедневно получал от венгерского военного министра и от командующего войсками СС в Венгрии.

Он выразил свою убежденность в том, что Германия проиграла войну и что для него все потеряно. Он знал, что Объединенные Нации будут его рассматривать как одного из главных военных преступников, так как он

имел на своей совести миллионы загубленных еврейских жизней. Я спросил, сколько их было всего. Он сказал, что хотя это было величайшим государственным секретом, он мне ответит на этот вопрос, так как для меня, как для историка, это составит интерес и так как он был убежден, что уже не вернется из Румынии. Он незадолго до этого составил отчет для Гиммлера, который хотел знать точно, какое число евреев он убил...

Примерно 4 млн. евреев было истреблено в различных концлагерях. В то же время еще дополнительно 2 млн. евреев умерщвлено другими путями. Бо́льшая часть их была расстреляна оперативными отделами полиции безопасности в период кампании против России...

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ОТ 3 ЯНВАРЯ 1946 г.

Показания свидетеля Дитера Вислицени

Полковник Брукхарт[1]: Сколько вам лет?

Вислицени: Мне 34 года.

Полковник Брукхарт: Где вы родились?

Вислицени: Я родился в Регуловкен в Восточной Пруссии.

Полковник Брукхарт: Вы были членом германской национал-социалистской рабочей партии?

Ответ: Да, я был членом НСДАП.

Вопрос: С какого года?

Ответ: Я сперва поступил в партию в 1931 году, затем был вычеркнут из списка партии и с 1933 года окончательно вступил в НСДАП.

Вопрос: Вы были членом СС?

Ответ: Да, в 1934 году я вступил в СС.

Вопрос: Вы были сотрудником гестапо?

Ответ: В 1934 году я вступил в СД.

Вопрос: До какого чина вы дослужились?

Ответ: В 1940 году был гауптштурмфюрером СС.

Вопрос: Знаете ли вы Адольфа Эйхмана?

Ответ: Да, я знаю Эйхмана с 1934 года.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы познакомились с ним?

Ответ: Мы приблизительно в одно время, в 1934 году, вступили в СД. До 1937 года были в одном отделе.

Вопрос: Насколько хорошо вы лично знали Эйхмана?

Ответ: Мы знали друг друга отлично. Мы были с ним на «ты», и я также очень хорошо знал его семью.

Вопрос: Какое положение он занимал?

Ответ: Эйхман был начальником отдела в IV управлении, т. е. гестапо, в главном имперском управлении безопасности (РСХА).

Вопрос: IV управление или отдел? Если отделение, то какое это было отделение?

Ответ: Он руководил отделом IV-А-4-Б. Этот отдел охватывал два реферата. Первый реферат был рефератом по делам церкви, второй — по еврейскому вопросу.

---

[1] Полковник Брукхарт — сотрудник следственной части при Главном обвинителе от США на Нюрнбергском процессе.— Составители.

Вопрос: Каковы были особые задачи отдела IV-А-4-Б главного имперского управления безопасности?

Ответ: Отдел IV-А-4-Б занимался еврейским вопросом в рамках РСХА; Эйхман имел особые полномочия от группенфюрера Мюллера, начальника 4-го управления, и от начальника полиции безопасности. Он был ответствен за так называемое решение еврейского вопроса в Германии и во всех занятых Германией областях.

Вопрос: Можно ли деятельность в отношении евреев подразделить на определенные периоды?

Ответ: Да.

Вопрос: Дайте Трибуналу приблизительное разграничение этих периодов и различный род деятельности.

Ответ: Да, до 1940 года общая директива реферату была—решить еврейский вопрос в Германии и занятых ею областях с помощью планового выселения. Вторая фаза началась с этого времени: концентрация всех евреев в Польше и других занятых Германией восточных областях, и причем в форме гетто. Этот период продолжался приблизительно до начала 1942 года. Третьим периодом было так называемое окончательное решение еврейского вопроса, т. е. планомерное уничтожение еврейского народа. Этот период длился до октября 1944 года, пока Гиммлер не отдал приказ прекратить это уничтожение.

Вопрос: Когда вы впервые стали иметь дело с отделом IV-А-4-Б РСХА?

Ответ: Это произошло в 1940 году. Я случайно встретил Эйхмана.

Вопрос: Какую должность вы занимали?

Ответ: Эйхман сделал мне предложение отправиться в Братиславу и занять там пост консультанта по еврейскому вопросу при словацком правительстве.

Вопрос: В течение какого времени вы находились на этом посту?

Ответ: В Братиславе я был до начала 1943 года, затем почти один год — в Греции, потом с марта 1944 года до декабря 1944 года я был при Эйхмане в Венгрии. В январе 1945 года я покинул отдел Эйхмана.

Вопрос: Во время того, как вы официально были связаны с отделом IV-А-4-Б, не знали ли вы о существовании какого-либо приказа об уничтожении всех евреев?

Ответ: Да. Я получил такой приказ от Эйхмана летом в 1942 году.

Вопрос: Расскажите Трибуналу, при каких обстоятельствах был издан этот приказ, в чем состояла его суть?

Ответ: В начале 1942 года около 17 тыс. евреев из Словакии было привезено в Польшу в качестве рабочих. Речь шла о соглашении со Словацким правительством. В дальнейшем словацкое правительство делало запросы по поводу того, нельзя ли также отправить и членов семей этих рабочих в Польшу. Вначале Эйхман отклонил это предложение. В апреле или в начале мая 1942 года он затем сообщил мне, что целые семьи могут теперь быть посланы в Польшу. Эйхман был сам в мае 1942 года в Братиславе и беседовал с ответственными членами словацкого правительства. Он посетил министра Маха и затем премьер-министра профессора Тука.

Он тогда заверил словацкое правительство в том, что с этими евреями в польских гетто будут обращаться человечно и порядочно. Словацкое правительство особо высказало это пожелание. В результате этого заверения около 35 тыс. евреев было послано из Словакии в Польшу.

Словацкое правительство, однако, пыталось добиться того, чтобы с этими евреями в действительности обращались человечно, оно особенно старалось что-либо сделать для евреев, принявших христианское вероисповедание. Премьер-министр Тука несколько раз приглашал меня к себе и выражал пожелание, чтобы словацкая делегация могла осмотреть области, в которых по записям находились словацкие евреи. Я это желание Тука передал Эйхману. Это желание словацкое правительство выразило также в ноте. Эйхман сначала дал уклончивый ответ. Я в конце июля или в начале августа поехал к нему в Берлин и настойчиво просил его выполнить желание словацкого правительства.

Я указал ему на то, что за границей ходили слухи о том, что евреев в Польше истребляют. Я указал на то, что со стороны папы последовало заявление, адресованное словацкому правительству. Я указал на то, что такие действия, если они действительно имели место, могут повредить нашему престижу, т.е. престижу Германии. По всем этим причинам я просил его допустить осмотр. После продолжительной дискуссии Эйхман заявил мне, что он ни при каких обстоятельствах не может разрешить посещение польских гетто. На мой вопрос «почему?» он ответил, что большей части евреев уже нет в живых. Когда я спросил его, кто отдал такой приказ, он сказал мне, что это приказ Гиммлера. После этого я просил его, чтобы он показал мне этот приказ, потому что я не мог представить себе, что действительно существует такой письменный приказ.

Вопрос: Где вы находились в то время, когда произошла эта встреча с Эйхманом?

Ответ: Эта встреча состоялась в Берлине на Курфюрстенштрассе, 116, в учреждении Эйхмана.

Вопрос: Хорошо. Продолжайте отвечать на предыдущий вопрос. Расскажите об обстоятельствах издания и содержание приказа.

Ответ: Эйхман сказал мне, что он может показать мне этот письменный приказ, если это беспокоит мою совесть. Он достал из своего сейфа маленькую папку, которую он перелистал, и показал мне письмо Гиммлера начальнику полиции безопасности и СД. В этом письме было написано приблизительно следующее:

«Фюрер приказал разрешить окончательно еврейский вопрос. Разрешение этого вопроса поручается начальнику полиции безопасности и СД и инспектору по концентрационным лагерям. Это так называемое окончательное решение не распространяется пока на работоспособных евреев мужского и женского пола, которые должны использоваться для работы в концентрационных лагерях». Этот приказ был подписан самим Гиммлером. Тут не может быть ошибки, так как я точно знаю подпись Гиммлера.

Вопрос: Кому был адресован этот приказ?

Ответ: Начальнику полиции безопасности и СД, это значит в аппарат начальника полиции безопасности и СД.

Вопрос: Был ли он адресован еще кому-либо?

Ответ: Да, инспектору концентрационных лагерей. Этим двум учреждениям был адресован приказ.

Вопрос: Был ли на этом приказе какой-либо гриф секретности?

Ответ: Это был совершенно секретный приказ.

Вопрос: Когда он был, примерно, издан?

Ответ: Этот приказ был издан, примерно, в апреле 1942 года.

Вопрос: Кем он был подписан?

Ответ: Гиммлером лично.

Вопрос: И вы лично ознакомились с этим приказом в отделе Эйхмана?

Ответ: Да. Эйхман подал мне этот документ, и я сам видел этот приказ.

Вопрос: Задавали ли вы какие-нибудь вопросы относительно значения слов «окончательное решение», которые имелись в приказе?

Ответ: Эйхман пояснил мне смысл этого выражения. Он сказал, что за словами «окончательное решение» скрывается физическое уничтожение еврейской расы в восточных областях. И в более поздних дискуссиях на эту тему это выражение «окончательное решение» постоянно употреблялось.

Вопрос: Сказали ли вы что-нибудь Эйхману в отношении полномочий, которые были предоставлены ему этим приказом?

Ответ: Эйхман сказал мне, что ему лично поручили проведение этого приказа в главном имперском управлении безопасности. Для проведения этого приказа он получил все полномочия от начальника полиции безопасности, он был лично ответствен за исполнение этого приказа.

Вопрос: Сделали ли вы какие-нибудь замечания Эйхману относительно его полномочий?

Ответ: Да, для меня было очевидно, что этот приказ означал смертный приговор миллионам людей. Я сказал Эйхману: «Пусть не допустит господь бог, чтобы наши враги когда-нибудь получили возможность причинить то же самое немецкому народу». На это Эйхман сказал мне, что я не должен быть сентиментальным, что это приказ фюрера и что его нужно выполнить.

Вопрос: Не известно ли вам, продолжал ли оставаться в силе этот приказ и выполнялся ли он отделом Эйхмана?

Ответ: Да.

Вопрос: В течение какого периода времени?

Ответ: Этот приказ оставался в силе до октября 1944 года. В это время Гиммлер издал контрприказ, который запрещал уничтожение евреев.

Вопрос: Кто был начальником главного имперского управления безопасности, когда впервые был издан этот приказ?

Ответ: Гейдрих.

Вопрос: Продолжала ли выполняться программа согласно этому приказу с такой же эффективностью при Кальтенбруннере?

Ответ: Да, никаких послаблений или изменений не было.

Вопрос: Скажите, если вы знаете, сколько времени Кальтенбруннер знал Эйхмана?

Ответ: Из различных высказываний Эйхмана я заключил, что Кальтенбруннер и Эйхман знали друг друга очень давно. Они оба были из Линца, и когда Кальтенбруннер был назначен начальником полиции безопасности, Эйхман выразил свое удовлетворение. Тогда он сказал мне, что он знает очень хорошо Кальтенбруннера и что Кальтенбруннер знал его семью еще в Линце.

Вопрос: Ссылался ли когда-либо Эйхман на свои дружеские отношения или близкое знакомство с Кальтенбруннером и на то, что это может оказаться ему полезным?

Ответ: Да, он много раз повторял, что если у него будет какое-нибудь затруднение, он всегда сможет обратиться лично к Кальтенбруннеру. Но ему не приходилось часто обращаться к его помощи, так как у него были

42-2

очень хорошие отношения со своим непосредственным начальником группенфюрером Мюллером.

Вопрос: Присутствовали ли вы, когда Эйхман встречался с Кальтенбруннером?

Ответ: Да, однажды я видел, как Кальтенбруннер лично дружески приветствовал Эйхмана. Это было в феврале 1945 года в учреждении Эйхмана в Берлине. Кальтенбруннер каждый день приходил обедать на Курфюрстенштрассе, 116. Там собирались начальники управлений обедать вместе с Кальтенбруннером, и при таких обстоятельствах я лично видел, как Кальтенбруннер дружески приветствовал Эйхмана и спросил, как поживает его семья в Линце.

Вопрос: Не знаете ли вы, в какой мере Эйхман представлял Гейдриху и позднее Кальтенбруннеру доклады на утверждение по вопросам, касающимся руководства его отделом?

Ответ: Нормальный путь инстанций вел от Кальтенбруннера к Эйхману через Мюллера. Насколько мне известно, через определенные промежутки времени Эйхман подготавливал отчеты и представлял их Кальтенбруннеру. Я знаю, что летом 1944 года Эйхман был лично у Кальтенбруннера с докладом.

Вопрос: Имели ли вы когда-либо случай ознакомиться с делопроизводством в отделе Эйхмана?

Ответ: Да, часто я имел возможность просматривать бумаги бюро Эйхмана. Я знаю, что Эйхман очень предусмотрительно обращался со всеми документами, касавшимися его особых поручений. Он был во всех отношениях настоящим бюрократом. О каждом совещании со своим начальником он составлял памятную записку; он часто повторял мне, что самое главное состоит в том, чтобы все санкционировалось сверху. Он сам всегда уклонялся от всякой ответственности и всегда старался, чтобы ответственность за все его мероприятия несли его начальники, в данном случае Мюллер и Кальтенбруннер.

Вопрос: В случае обычного доклада отдела Эйхмана, направляемого через Мюллера и Кальтенбруннера Гиммлеру, видели ли вы когда-нибудь копии таких докладов в делах Эйхмана?

Ответ: Да, такие копии, конечно, имелись в делах. Обычный путь был таковым: Эйхман поручал эксперту разработать проект или сам делал это. Проект направлялся его начальнику управления, группенфюреру Мюллеру, который либо сам подписывал его, либо предоставлял это Эйхману. В большинстве случаев, когда речь шла о докладах Кальтенбруннеру или Гиммлеру, Мюллер подписывал их сам. Если доклад был подписан Мюллером без всяких изменений, то он поступал обратно в бюро Эйхмана и изготавливался с копией. Этот подлинник обратно направлялся к Мюллеру на подпись, и оттуда его пересылали дальше Кальтенбруннеру или Гиммлеру. В отдельных случаях, когда речь шла о докладах Гиммлеру, Кальтенбруннер подписывал их сам. Я лично видел такие копии, на которых были контуры подписи Кальтенбруннера.

Вопрос: Возвращаясь к вопросу относительно тех стран, в которых проводились мероприятия против евреев, не скажете ли вы, относительно каких именно стран вам лично известно о проводившихся такого рода операциях?

Ответ: Прежде всего, я лично знаю о всех мероприятиях, которые проводились в Словакии. Далее, мне известны также подробности эвакуации

42-2

евреев из Греции и, особенно, эвакуации из Венгрии. Я также знаю о некоторых мероприятиях, проведенных в Болгарии и Хорватии. О других мероприятиях в других странах я, конечно, слышал, но я не мог, однако, нарисовать себе ясной картины о ситуации в этих странах, не имея возможности лично наблюдать и не получая точных отчетов.

Вопрос: Когда вы говорили о Словакии, вы уже упоминали относительно 17 000 евреев, которые были специально отобраны и высланы из Словакии. Не расскажете ли вы Трибуналу о других мероприятиях в отношении евреев в Словакии, которые последовали вслед за этими?

Ответ: Я упоминал уже, что за первыми 17 000 высланных еврейских рабочих последовали еще 35 000 евреев, и причем целыми семьями. В августе или в начале сентября 1942 года высылку из Словакии прекратили. Причиной было то, что бóльшая часть евреев, еще проживавших в Словакии, получила от премьер-министра и различных министерств исключительные разрешения остаться в стране, а также, пожалуй, неудовлетворительный ответ, данный мною на просьбу словацкого правительства относительно посещения еврейских лагерей в Польше. Положение вещей осталось таким до сентября 1944 года. С августа 1942 года до сентября 1944 года евреев больше не высылали из Словакии. От 25 до 30 тысяч евреев еще оставалось в Словакии.

Вопрос: Что произошло с первой группой в 17 000 специально отобранных рабочих?

Ответ: Эта группа не была уничтожена. Она была полностью использована на работах в концлагерях в Освенциме и Люблине.

Вопрос: Откуда вам это известно?

Ответ: Эти подробности я знаю от коменданта Аушвитца Гесса, приехавшего в 1944 году в Венгрию и упомянувшего об этом. Он тогда сказал мне, что эти 17 000 евреев являются его лучшей рабочей силой в Освенциме.

Вопрос: Как была фамилия этого коменданта?

Ответ: Фамилия коменданта Аушвитца была Гесс.

Вопрос: Что случилось, примерно, с 35 000 членами семей этих еврейских рабочих, которые были посланы в Польшу?

Ответ: С ними обращались в соответствии с приказом, который Эйхман показал мне в августе 1942 года. Часть их осталась в живых, именно та часть, которую можно было использовать на работах. Остальные были уничтожены.

Вопрос: Откуда это вам известно?

Ответ: Я знаю это от Эйхмана и, конечно, от Гесса из разговоров в Венгрии.

Вопрос: Какой процент из этой группы составляют оставшиеся в живых?

Ответ: Гесс ознакомил меня во время разговора с Эйхманом, при котором я присутствовал, с цифрами и сказал, что часть евреев, оставшихся в живых и находящихся на работах, составляет приблизительно 25—30 процентов.

Вопрос: Возвращаясь теперь к этим 25 000 евреев, которые оставались в Словакии до сентября 1944 года, что вам известно об их судьбе?

Ответ: После того, как вспыхнуло восстание в Словакии осенью 1944 года, гауптштурмфюрер Бруннер, один из помощников Эйхмана, был послан туда. Эйхман отклонил мое предложение отправиться в Словакию,

Бруннер с помощью германской полиции и словацкой жандармерии собрал всех евреев в нескольких лагерях и отправил их в Освенцим. По высказываниям Бруннера, это относилось приблизительно к 14 000 человек. Небольшая группа людей, остававшаяся в лагере города Серед, как мне известно, весной 1945 года была переведена в Терезиенштадт.

Вопрос: Что произошло с этими 25 000 евреев после того, когда они были вывезены из Словакии?

Ответ: Я считаю, что с ними поступили согласно приказу Гиммлера об «окончательном решении», так как приказ об отмене этого мероприятия был отдан Гиммлером лишь через несколько недель.

Вопрос: Переходя теперь к мероприятиям в Греции, о которых вы лично знаете, не расскажете ли вы Трибуналу в хронологической последовательности относительно мероприятий, проводившихся в этой стране?

Ответ: В январе 1943 года Эйхман вызвал меня в Берлин и сказал, что я должен отправиться в Салоники и там установить связь с военной администрацией в Македонии и разрешить еврейский вопрос в Салониках. До этого в Салониках находился постоянный представитель Эйхмана, штурмбаннфюрер Рольф Гюнтер. Мой отъезд в Салоники был назначен на февраль 1942 года. В конце января 1942 года мне стало известно от Эйхмана, что для технического проведения всех мероприятий в Греции он назначил гауптштурмфюрера Бруннера и что Бруннер должен поехать вместе со мной в Салоники. Бруннер не подчинялся мне, он действовал самостоятельно. В феврале 1942 года мы отправились в Салоники и прежде всего установили там контакт с военной администрацией. В качестве...

Вопрос: С кем из военной администрации вы имели дело?

Ответ: Это был военный советник доктор Мертен, начальник военной администрации при главнокомандующем в Салониках.

Вопрос: Вы один раз или более упоминали 1942 год. Не имеете ли вы в виду 1943 год, говоря о событиях в Греции?

Ответ: Это ошибка. События в Греции произошли в 1943 году.

Вопрос: Какие приготовления были произведены через посредство д-ра Мертена и какие меры были приняты?

Ответ: В Салониках евреев согнали сначала в определенные кварталы. В Салониках жило около 50 тыс. евреев испанского происхождения. В начале марта, после того как всех евреев собрали вместе, пришла телеграмма от Эйхмана, адресованная Бруннеру, предписывавшая тотчас же отправить всех евреев, находившихся в Салониках и в Македонии, в Освенцим. С этим приказом я и Бруннер отправились в военную администрацию. Не было сделано никаких возражений со стороны военной администрации, и мероприятия подготавливались и проводились. Бруннер сам руководил всей операцией в Салониках. Эшелоны, необходимые для отправки евреев, были затребованы у начальника транспорта вооруженных сил. Бруннеру нужно было только указать, сколько вагонов ему понадобится и к какому времени их надо представить.

Вопрос: Оставлялись ли какие-нибудь еврейские рабочие по требованию д-ра Мертена или военной администрации?

Ответ: Да, для строительства железных дорог военная администрация потребовала 3000 евреев мужчин, которые и были ей предоставлены. После того как эти работы были закончены, евреи были обратно отданы в ведение Бруннера, и их так же, как и других, отправили в Освенцим. Эти работы проводились в рамках организации Тодта.

Вопрос: Какое количество еврейских рабочих было выделено для организации Тодт?

Ответ: 3—4 тысячи.

Вопрос: Имели ли место какие-нибудь заболевания среди евреев, предназначенных для отправки?

Ответ: Собственно в концлагерях не было особых случаев заболеваний. Однако в некоторых кварталах города, заселенных евреями, свирепствовали сыпной тиф и другие заразные болезни, особенно туберкулез легких.

Вопрос: Если вы действительно вели переписку с Эйхманом по вопросу заболеваний тифом, то какую?

Ответ: Я связался с Эйхманом по телефону после того, как поступила телеграмма с приказом об отправке евреев из Салоник, и обратил его внимание на случаи заболевания тифом. Но он не обратил внимания на это возражение и приказал тотчас же начать отправку.

Вопрос: Сколько всего евреев было собрано и отправлено из Греции?

Ответ: Более 50 тыс. евреев, я думаю, до 54 тыс. евреев было вывезено из Македонии и Салоник.

Вопрос: На чем основана эта ваша цифра?

Ответ: Я сам читал отчет, составленный Бруннером для Эйхмана после завершения операции. Бруннер покинул Салоники в конце мая 1943 года. Я сам с начала апреля до конца мая не был в Салониках, так что Бруннер сам провел эту операцию.

Вопрос: Сколько транспортов было использовано при отправке евреев из Салоник?

Ответ: Больше 20, приблизительно от 20 до 25 эшелонов.

Вопрос: Сколько человек отправлялось в каждом эшелоне?

Ответ: Не меньше 2000, в некоторых случаях до 2½ тыс. в каждом.

Вопрос: Какие вагоны использовались для отправлений этих эшелонов?

Ответ: Это были закрытые товарные вагоны. Высылавшимся давались продукты примерно на 10 дней, главным образом хлеб, маслины и другие сухие продукты, а также вода и медикаменты.

Вопрос: Вы сказали, что в отношении евреев, вывезенных в Освенцим, было применено «окончательное решение». Что вы под этим подразумеваете?

Ответ: Я имею в виду то, что сказал мне Эйхман об «окончательном решении», а именно — физическое истребление. Насколько я мог понять из разговоров с Эйхманом, уничтожение евреев происходило в газовых камерах, а тела их затем сжигались в крематориях.

Вопрос: По вопросу мероприятий в Венгрии не сообщите ли вы кратко относительно мероприятий, которые там проводились, и относительно вашего в них участия?

Ответ: После вступления немецких войск в Венгрию Эйхман отправился лично с большой командой в Венгрию. Приказом, подписанным начальником полиции безопасности, я был откомандирован в команду Эйхмана. Эйхман начал свою деятельность в Венгрии в конце марта 1944 года. Он установил также связь с членами венгерского правительства, в частности, со статс-секретарями Эндре и фон Баки. Первое мероприятие, которое было предпринято Эйхманом в контакте с этими венгерскими правительственными чиновниками, была концентрация евреев из Венгрии в определенных местах. Проведение этих мер происходило по зонам и началось с так называемой Карпатской Руси и Трансильвании.

Начало этой операции приходится на середину апреля 1944 года.

Эта операция распространялась в Закарпатской Украине на более чем 200 000 евреев. Вследствие этого в маленьких городах и сельских общинах, в которых концентрировались евреи, возникли невыносимые условия в отношении размещения и питания. Поэтому Эйхман предложил венграм взять этих евреев в Аушвитц[1] и другие концентрационные лагери. Он, однако, настоял на том, чтобы венгерское правительство или какой-либо член его ходатайствовали об этом. Это ходатайство последовало от министра фон Баки. Эвакуация была проведена венгерской жандармерией.

Эйхман сам назначил меня связным офицером при подполковнике Ференци, который был уполномоченным от министерства внутренних дел Венгрии для проведения этой операции. Вывоз евреев из Венгрии начался в мае 1944 года, причем эвакуация происходила по зонам,— начиная с Карпатской Руси, потом Трансильвания, потом Северная Венгрия, Южная Венгрия и, наконец, Западная Венгрия. Будапешт должен был быть очищен от евреев в конце июня. Но эвакуация не состоялась, так как этого не допустил регент Хорти. Эта операция охватила около 450 тыс. евреев. Вторая операция...

Вопрос: Сначала сообщите Трибуналу, что было предпринято в отношении организации оперативных групп (эйнзацгрупп) для совершения действий против евреев в Венгрии, если это действительно имело место.

Ответ: В начале марта 1944 года была организована оперативная группа полиции безопасности и СД в Маутхаузене под Линцем. Эйхман сам был во главе так называемой специальной оперативной команды, в которой он собрал всех людей, имевших какие-либо функции в его отделе. Эта специальная оперативная команда собралась также и в Маутхаузене; она была подчинена начальнику оперативных групп, тогда штандартенфюреру д-ру Гешке, но в деловом отношении Эйхман подчинялся только начальнику полиции безопасности и СД.

Вопрос: Каковы были задачи «команды особого назначения Эйхмана» в Венгрии?

Ответ: Деятельность Эйхмана в Венгрии охватывала все связанные с еврейской проблемой вопросы.

Вопрос: Под чьим непосредственным руководством была организована «команда особого назначения Эйхмана»?

Ответ: Я уже сказал, что во всех вопросах экономического порядка и в вопросах о персонале Эйхман подчинялся командиру оперативной группы штандартенфюреру д-ру Гешке, но Гешке не мог давать Эйхману никаких деловых указаний. Эйхман докладывал о всех своих действиях прямо в Берлин.

Вопрос: Кому?

Ответ: Или группенфюреру Мюллеру, или в более важных случаях начальнику полиции безопасности и СД, т. е. Кальтенбруннеру.

Вопрос: В течение периода, когда производился отбор венгерских евреев, какой контакт поддерживался, если таковой действительно имел место, между объединенным распределительным комитетом по еврейским вопросам и представителем Эйхмана?

Ответ: Распределительный комитет пытался установить связь с Эйхманом для того, чтобы попытаться изменить участь венгерских евреев. Я сам наладил эту связь с Эйхманом. Мне хотелось найти способ, с помощью

[1] Освенцим. — Составители.

которого это мероприятие не распространилось бы на полмиллиона находившихся в Венгрии евреев. Распределительный комитет делал Эйхману предложения, требуя взамен, чтобы евреи остались в Венгрии. Эти предложения были прежде всего финансового характера. Эйхман был вынужден крайне неохотно передать эти предложения Гиммлеру. Гиммлер для дальнейших переговоров выделил штандартенфюрера Бехера. Бехер с д-ром Кастнером имели затем совещание с уполномоченным комитета. Эйхман с самого начала пытался сорвать эти переговоры. Еще до достижения конкретных результатов он хотел поставить перед совершившимся фактом, т. е. отправить возможно больше евреев в Освенцим.

Вопрос: Вставал ли вопрос о каких-нибудь денежных суммах во время этих совещаний между д-ром Кастнером и Эйхманом?

Ответ: Да.

Вопрос: О каких суммах?

Ответ: Во время первого совещания Кастнер передал Эйхману около трех млн. пенго. Как велики были суммы, о которых шла речь на дальнейших совещаниях, мне не известно.

Вопрос: Кому д-р Кастнер передал эти деньги и что стало в дальнейшем с ними?

Ответ: Эти деньги были переданы Эйхману. Он передал их моему казначею, а затем они были переданы начальнику полиции безопасности и СД в Венгрии.

Вопрос: Теперь о действиях, о которых вы говорили и которые распространялись, примерно, на 450 тыс. евреев, вывезенных из Венгрии. Скажите, говорилось ли об этих фактах угона в официальных сообщениях, посылаемых в Берлин?

Ответ: Да, о каждом отходящем эшелоне посылалась телеграмма в Берлин. Эйхман время от времени посылал общие отчеты главному имперскому управлению безопасности и начальнику полиции безопасности.

Вопрос: Теперь в отношении евреев, которые оставались в Будапеште. Какие меры принимались в отношении этих евреев, если они действительно принимались?

Ответ: После того, как Салаши стал во главе правительства в Венгрии...

Вопрос: Что произошло с евреями, на которых вы уже ссылались, примерно с 450 тыс. евреев?

Ответ: Они были все без исключения доставлены в Освенцим, и там с ними поступили согласно понятию «окончательное решение».

Вопрос: Вы хотите сказать, что они были убиты?

Ответ: Да, за исключением тех 25—30 %, которые были использованы на работах. Я ссылаюсь при этом на мое упоминание о совещании, которое состоялось в этой связи между Гессом и Эйхманом в Будапеште.

Вопрос: Теперь возвращаюсь к тем евреям, которые оставались в Будапеште,— что с ними произошло?

Ответ: В октябре — ноябре 1944 года было отобрано и отправлено в Германию около 30 тыс. евреев или, может быть, несколькими тысячами больше. Их там должны были использовать в качестве рабочей силы на строительстве так называемого юго-восточного вала — укрепленных позиций вблизи Вены. Речь шла при этом, главным образом, о женщинах.

Они должны были пройти около 200 км пути из Будапешта до германской границы пешком. Они были разделены на маршевые группы и шли по специальным, заранее предписанным маршрутам. Их размещение и

снабжение во время марша было чрезвычайно плохим. Большинство из них заболело и обессилело. Я получил от Эйхмана приказ принять их на германской границе и передать их гаулейтеру Нижнего Дуная для использования на работах. Во многих случаях я отказывался от этой рабочей силы, так как люди были обессилены и больны. Эйхман заставлял меня брать и этих людей и в этом случае даже грозил мне, что он предложит Гиммлеру заключить меня в концлагерь, если я буду и дальше создавать ему политические трудности. Из-за этого случая я был потом удален из отдела Эйхмана.

Бо́льшая часть этих рабочих погибла в так называемых трудовых лагерях на Нижнем Дунае вследствие истощения и заболевания эпидемическими болезнями. Небольшой процент, около 12 000 человек, был отправлен в Вену или в ее окрестности, и около 3000 было отправлено в Берген, Бельзен, а затем они попали в Швейцарию. Это были евреи, которые в ходе переговоров с комитетом были выпущены из Германии.

Вопрос: Суммируя все, что касается действий в Греции, Венгрии и Словакии, какое количество евреев, примерно, было охвачено мероприятиями со стороны гестапо и СД в этих странах, о которых вам лично известно?

Ответ: В Словакии — около 66 000, в Греции — около 64 000, в Венгрии свыше 500 000 человек.

Вопрос: Что касается Хорватии и Болгарии, относительно которых вы несколько осведомлены, какое количество евреев было охвачено там этими мероприятиями?

Ответ: В Болгарии, насколько мне известно, около 8000 евреев, относительно Хорватии я знаю только о 3000 евреев, доставленных летом 1942 года в Освенцим из Аграма.

Вопрос: Происходили ли совещания специалистов по еврейскому вопросу из управления IV-A по вопросам, которые перечислены в этом документе, на который вы ссылались ранее?

Ответ: Да, Эйхман имел обыкновение каждый год проводить большие совещания в Берлине со своими сотрудниками. Эти совещания в основном происходили в ноябре. Сотрудники, работавшие за границей, должны были на этих совещаниях делать отчеты о своей деятельности. Одно такое совещание, насколько я знаю, не состоялось в 1944 году потому, что Эйхман в ноябре 1944 года был еще в Венгрии.

Вопрос: В отношении евреев, что вам лично известно относительно того, в отношении скольких из них было принято «окончательное решение», т. е. сколько евреев было умерщвлено?

Ответ: Точное число мне очень трудно установить. У меня лишь одна отправная точка — это разговор между Эйхманом и Гессом в Вене, во время которого он сказал, что среди евреев, доставленных из Греции в Освенцим, очень немногие оказались работоспособными; из евреев, прибывших из Чехословакии и Венгрии, 25—30 % были работоспособными. Поэтому мне очень трудно точно указать надежную цифру.

Вопрос: Во время совещаний с другими специалистами по еврейскому вопросу и Эйхманом не стало ли вам известно или не получали ли вы каких-нибудь сведений относительно общего количества евреев, умерщвленных согласно этой программе?

Ответ: Эйхман лично говорил всегда самое малое о 4 млн. евреев, иногда он называл цифру в 5 млн. По моей личной оценке, по крайней мере

4 млн. евреев были охвачены так называемым «окончательным решением». Сколько из них действительно осталось в живых, я не могу, конечно, сказать.

Вопрос: Когда вы в последний раз видели Эйхмана?

Ответ: В последний раз я видел Эйхмана в конце февраля 1945 года в Берлине. Он сказал тогда, что если война будет проиграна, то он покончит жизнь самоубийством.

Вопрос: Называл ли он тогда общее число евреев, которые были убиты?

Ответ: Да, он высказался тогда очень цинично. Он сказал, что он с улыбкой прыгнет в могилу, так как он с особым удовлетворением сознает, что на его совести около 5 млн. человек.

ИЗ ОТЧЕТА ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ «А» ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД ЗА ПЕРИОД ВРЕМЕНИ С 16 ОКТЯБРЯ 1941 г. ПО 31 ЯНВАРЯ 1942 г.

[*Документ США-180*]

... Систематическая работа по очищению Востока, согласно основным приказам, имела своей целью возможно полную ликвидацию евреев. Эта цель в основном достигнута. Исключая Белоруссию, экзекуции подвергнуто 229 052 еврея. Оставшиеся в Прибалтийских провинциях евреи мобилизуются в срочном порядке на работы и размещаются в гетто...

Эстония

Экзекуция над евреями, поскольку последние не были необходимы на работах, стала постепенно производиться силами полиции безопасности и СД. На сегодняшний день евреев в Эстонии больше нет...

Латвия

При вступлении германских войск в Латвию там находилось еще 70 000 евреев...

До октября 1941 года этими особыми командами было подвергнуто экзекуции ровно 30 000 евреев...

В последующее время были произведены дальнейшие экзекуции. Так, например, 9 ноября 1941 г. в Двинске были подвергнуты экзекуции 11 034 еврея. В начале декабря 1941 года в результате проведенной по распоряжению бывшего руководителя СС и полиции операции в Риге была произведена экзекуция над 27 800 и в середине декабря 1941 г. в Либаве над 2850 евреями. В настоящее время в гетто находятся, кроме евреев из Германии, округленно: в Риге — 2500 человек, в Двинске — 950 человек, в Либаве — 300 человек.

Эти евреи, будучи хорошими специалистами, являются в настоящее время еще необходимыми для поддержания хозяйства...

Литва

... В результате многих отдельных операций было ликвидировано в общем 136 421 человек...



Узники концлагеря Освенцим. (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

Белоруссия

Вопрос решительной и полной ликвидации евреев на территории Белоруссии после прихода немцев наталкивается на известные трудности. Как раз здесь евреи составляют чрезвычайно высокий процент специалистов, которые в этой области, вследствие отсутствия других резервов, являются необходимыми. Кроме того, оперативная группа «А» приняла эту территорию лишь с наступлением сильных морозов, которые очень затрудняли проведение массовых экзекуций.

Дальнейшая трудность заключается в том, что евреи живут разбросанно по всей территории; учитывая большие расстояния, плохое состояние дорог, недостаток автотранспорта, бензина и незначительные силы полиции безопасности и СД, проведение расстрелов возможно только при максимальном напряжении всех сил. Несмотря на это, расстреляна уже 41 тыс. евреев. В это число не вошли расстрелянные прежними оперативными командами...

Командиру полиции по Белоруссии, несмотря на тяжелое положение, даны указания — как можно быстрее ликвидировать еврейский вопрос. Но все же для этого потребуется около двух месяцев времени в зависимости от погоды.

Размещение оставшихся евреев в существующих гетто и лагерях Белоруссии подходит к концу...

ИЗ ИТОГОВОГО ОТЧЕТА КОМАНДИРА РОТЫ 12 ПОЛИЦЕЙСКОГО ПОЛКА[1] ОТ 1 НОЯБРЯ 1942 г.

[*Документ СССР-119а*]

... Оцепление было назначено на 4.30 час.[2], и оказалось, что благодаря предшествующей личной разведке руководителей и соблюдению тайны оцепление было совершено в кратчайший срок и уклонение евреев оказалось невозможным.

Прочесывание гетто следовало по приказу начальника в 6.00 час. Но благодаря темноте начало было отодвинуто на полчаса. Евреи, обратившие внимание на происходящее, стали большей частью добровольно собираться на проверку на всех улицах; с помощью двух вахмистров удалось в первый же час привести несколько тысяч к месту сбора; когда остальные евреи увидели, к чему клонит дело, то они примкнули к колонне, так что предусмотренную охранной полицией на месте сбора проверку, благодаря громадному, неожиданному скоплению народа, провести не удалось.

В первый день прочесывания рассчитывали только на 1—2 тысячи человек. Первое прочесывание закончилось в 17 час. и прошло без происшествия. В первый день было казнено около 10 тыс. человек. Ночью рота находилась в боевой готовности в солдатском клубе.

30 октября 1942 г. гетто было прочесано во второй раз, 31 октября — в третий раз и 1 ноября — в четвертый раз.

В общем к месту сбора было пригнано около 15 000 евреев. Больные евреи и оставленные в домах дети подвергались казни тут же, в гетто, во дворе. В гетто было казнено около 1 200 евреев...

[1] 12 полицейская рота в конце октября — начале ноября 1942 г. произвела истребление евреев в пинском гетто.— Составители.

[2] 29 октября 1942 г.— Составители.

Выводы

... Даже когда нет подвалов, значительное количество лиц находится в малом пространстве подполья. Такие места следует взламывать снаружи или направлять туда служебных собак (в Пинске замечательно оправдала себя при этом служебная собака «Аста»), или забросить туда ручную гранату, после чего во всех случаях евреи немедленно выходят оттуда...

Рекомендуем привлекать малолетних к указанию этих укрытий, обещая им за это жизнь. Этот метод хорошо оправдал себя...

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА 1-го УЧАСТКА ОХРАННОЙ ПОЛИЦИИ ГОРОДА ДВИНСКА

[*Документ СССР*]

... Сего года 19 февраля в еврейском лагере была задержана еврейка Мейерова Хая, которая обменяла у какого-то ремонтного рабочего из концентрационного лагеря кусок материала на два кг муки.

Еврейка Мейерова, в связи с постановлением охранной полиции, сегодня в 10 час. была расстреляна во дворе лагеря, в присутствии остальных евреев лагеря. Рабочий, обменявший муку на материал, не был найден...

ИЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ КОМЕНДАТУРЫ № 12, РАСКЛЕЕННОГО В г. КИСЛОВОДСКЕ В СЕНТЯБРЕ 1942 г.[1]

[*Документ СССР*]

Всем евреям

С целью заселения малонаселенных районов Украины все евреи, проживающие в г. Кисловодске, и те евреи, которые не имеют постоянного места жительства, обязаны в среду, 9 сентября 1942 г., в 5 час. утра по берлинскому времени (в 6 час. по московскому времени) явиться на товарную станцию г. Кисловодска. Эшелон отходит в 6 час. утра (в 7 час. по московскому времени). Каждому еврею взять багаж весом не более 20 кг, включая продовольственный минимум на два дня.

Дальнейшее питание будет обеспечено на станциях германскими властями...

Переселению подлежат и те евреи, которые приняли крещение...

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

[*Документ СССР-60*]

... Официальный статистический ежегодник Польши в 1931 году определял количество евреев в 3 115 000.

По неофициальным данным, собранным в 1939 году, в Польше было 3 300 000 евреев. После освобождения Польши в ней насчитывается менее 100 000 евреев, и 200 000 польских евреев пребывают до сих пор в СССР.

Таким образом, 3 млн. евреев погибло в Польше...

[1] Одним из методов, применявшихся фашистами для уничтожения мирного еврейского населения, был сбор евреев данной местности под предлогом переселения их в другие районы. Затем собранные таким приемом в одно место евреи расстреливались.— Составители.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ОТ 27 ФЕВРАЛЯ 1946 г.

Показание свидетеля Суцкевера Абрама Герцевича (еврейского писателя)

Председатель: Назовите вашу фамилию.
Суцкевер: Суцкевер Абрам Герцевич.
Председатель: Вы гражданин Советского Союза?
Суцкевер: Да.

(Далее свидетель дает торжественное обещание говорить только правду.)

Смирнов[1]*:* Скажите, свидетель, где вас застала немецкая оккупация?

Свидетель: В городе Вильно.

Смирнов: Вы находились в этом городе в период немецкой оккупации длительное время?

Свидетель: Я во время немецкой оккупации находился там с первого почти до последнего дня.

Смирнов: Вы являлись очевидцем преследования евреев в этом городе?

Свидетель: Да.

Смирнов: Я просил бы вас рассказать об этом Суду.

Свидетель: Когда немцы захватили город Вильно, в нем находилось приблизительно 80 тыс. евреев. Сейчас же на Виленской улице № 12 была создана так называемая «зондеркоманда» с начальниками Швейнебергом и Мартином Вейсом. Ловцы этой зондеркоманды, или, как их называли евреи, «хапуны», врывались днем и ночью в еврейские помещения, забирали оттуда мужчин, приказывали им взять с собой кусок мыла и полотенце и загоняли их в помещения, которые находились в направлении местечка Понари. Это местечко находится в восьми км от города Вильно. Оттуда почти никто не вернулся.

Когда евреи стали узнавать, что их родные не возвращаются, бо́льшая часть населения спряталась, но немцы стали искать их собаками. Многих находили, а кто не хотел итти за ними,— расстреливали на месте. Я должен сказать, что немцы заявляли, что они истребляли еврейский народ как бы законно. 8 июля был издан приказ, чтобы евреи носили на спине заплатки, потом было приказано, чтобы они эти заплатки стали носить на груди. Этот приказ был подписан комендантом города Вильно Ценфенигом. Но на второй день какой-то комендант Нейман издал особое распоряжение, что эти заплатки нельзя носить, а что нужно носить желтый сионский знак.

Смирнов: Что значит желтый сионский знак?

Свидетель: Это шестиугольная латка на груди и спине, чтобы отличить евреев среди населения города. На другой день нужно было носить синюю ташму и белый знак. Евреи не знали, какой знак нужно носить, потому что они мало жили в городе. Если евреи не носили этого знака, их сейчас же арестовывали, и больше уже никогда никто их не видел.

17 июля 1941 г. я был свидетелем большого погрома в Вильно на улице Новгородской. Руководителем этого погрома был Швейнеберг (его имя было

[1] Л. Н. Смирнов— помощник Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе.— Составители.

Мартин Вейс), Геринг и немец — начальник гестапо Цулговер. Они окружили этот район зондеркомандой. Они выгнали всех мужчин на улицу, приказали им расстегнуть брюки, а руки поднять на голову. Когда это было сделано, всех евреев направили в тюрьму. Когда евреи стали итти, брюки опускались и люди не могли итти дальше. Кто хотел рукой поддержать брюки, того тут же на улице расстреливали. Когда мы шли колонной по улице, я сам видел, как лежали расстрелянными приблизительно 100—150 человек. Ручьи крови лились вниз по улице, как будто бы сверху шел красный дождь. В первые дни августа 1941 года один немец схватил меня на улице Документская. Я в это время шел к матери. Немец сказал мне: «Идем со мной, ты будешь играть в цирке».

Когда я пошел, я увидел, что второй какой-то немец ведет еврея, старого раввина этой улицы Касселя. Третий немец уже держал молодого парня. Когда мы дошли до старой синагоги на этой улице, я увидел, что там лежат дрова в форме пирамиды. Немец вытащил револьвер и сказал, что мы должны снять одежду. Когда мы разделись и остались голыми, немец взял спичку и поджег дрова. Второй немец вынес из синагоги три свитка торы, дал их нам и сказал, чтобы мы танцевали вокруг костра и пели русские песни. За нами стояли три немца, они штыками подгоняли нас к огню и смеялись. Когда мы были почти без сознания, немцы ушли.

Должен сказать, что массовое истребление еврейского народа в Вильно началось в то же время, когда приехали в Вильно гебитскомиссар Ганс Хинкс и референт по еврейским делам Мурер. 31 августа под руководством гебитскомиссара и Мурера...

Председатель: В каком году?

Свидетель: В 1941 году.

Председатель: Продолжайте.

Свидетель: Под руководством Хинкса и Мурера немцы окружили старые еврейские кварталы в Вильно на улицах Рудницкой, Еврейской, переулке Галонском, Шабельской улице, Страшуне, где приблизительно жили от 8 до 10 тыс. евреев.

Я тогда был болен и спал. Вдруг я почувствовал удар нагайки. Когда я встал с кровати, я увидел перед собой Швейнеберга. Около него стояла большая собака. Он всех бил и кричал, чтобы выходили быстро во двор. Во дворе я увидел много женщин, стариков, детей — всех евреев, которые там жили. Швейнеберг и зондеркоманда окружили всех и сказали, что нас везут в гетто. Конечно, как все, что немцы говорят,— ложь, это тоже была ложь. Мы колоннами шли по городу, а нас вели в направлении Лутищевой тюрьмы. Все знали, что нас ведут на смерть.

Когда мы были около Лутищевой тюрьмы, возле так называемого Лутищева рынка, я видел целую шпалеру немцев с белыми палками, которые стояли для того, чтобы принимать нас. Когда мы проходили через строй немцев, нас били палками. Когда один падал, то говорили, чтобы второй еврей взял упавшего на руки и унес в открытые ворота Лутищевой тюрьмы. Около тюрьмы я убежал. Я переплыл реку Вилию и спрятался у моей матери. Моя жена, которая попала в тюрьму и потом убежала оттуда, рассказывала, что там она видела полумертвыми известного еврейского ученого Молоха Прилуцкого, председателя еврейской общины в Вильно доктора Якова Вигоцкого, также молодого историка Пинхуса Кона. Мертвыми лежали там известные артисты Хаш

и Кадиш. Немцы били заключенных, грабили и всех увозили в Понары.

6 сентября в 6 час. утра тысячи немцев под руководством гебитс-комиссара Хинкса, Мурера, Швейнеберга, Мартина Вейса и других оцепили город, ворвались в еврейские дома, приказали взять только то, что можно унести в руках, и выйти на улицу. Тогда нас увели в гетто. Когда шли по той улице, где я был (это была улица Вилкомировская), я увидел, что немцы привезли больных евреев из госпиталей. Они были еще в синих халатах. Их всех поставили, а впереди ехал немецкий фильмоператор и снимал эту картину.

Но я должен сказать, что не все евреи были загнаны в гетто. Хинкс это сделал с продуманным планом. Одну улицу он загнал в гетто, а другую в Понары. В Вильно немцы сделали два гетто. В первом гетто было 29 000 евреев, а во втором гетто —15 000. Приблизительно половина еврейского населения в Вильно не дошла до гетто, была расстреляна раньше. Я помню, что когда мы зашли в гетто...

Смирнов: Правильно ли я вас понял, что до организации гетто половина евреев в Вильно была уничтожена?

Свидетель: Да, правильно.

Когда я пришел в гетто, я увидел такую картину. Мартин Вейс вошел с еврейской девочкой. Когда мы пошли дальше, он вытащил револьвер и застрелил ее. Имя этой девочки Гителе Тарло.

Смирнов: Скажите, сколько лет было девочке?

Свидетель: Одиннадцать.

Я должен сказать, что гетто немцы сделали только потому, чтобы легче уничтожать население. Начальником гетто был референт по еврейским делам Мурер. Он давал всякие дикие распоряжения. Например, евреям нельзя было носить часы. Евреям нельзя молиться в гетто. Когда заходит немец в гетто, нужно было снять шапку, но нельзя было смотреть на него.

Смирнов: Это было официальное распоряжение?

Свидетель: Да, от Мурера.

Смирнов: Эти распоряжения были расклеены?

Свидетель: Да, в гетто.

Тот же Мурер, когда заходил в гетто, там, где работали для него, он дал распоряжение, чтобы все работники падали на землю и лаяли, как собаки. В судный день в 1941 году Швейнеберг и та же зондеркоманда ворвались во второе гетто, выхватили всех стариков, которые были в синагогах, и увезли в Понары.

Я помню один день, когда Швейнеберг пришел в это второе гетто и ловцы хватали евреев.

Смирнов: Что значит «ловцы», свидетель?

Свидетель: Это из зондеркоманды, те, которые хватали евреев, их называли ловцами.

Смирнов: Значит, это солдаты зондеркоманды, которых население называло ловцами.

Свидетель: Да, правильно. Эти ловцы вырывали евреев из подвалов и хотели их вести. Но евреи уже знали, что никто не придет обратно, и не хотели итти. Тогда Швейнеберг начал стрелять в население гетто. Около него, помню точно, стояла большая собака. И когда эта собака услышала стрельбу, она наскочила на Швейнеберга и начала грызть ему горло, как будто бы она сбесилась. Тогда Швейнеберг убил эту собаку

и сказал, чтобы евреи похоронили эту собаку и плакали над гробом. Да, действительно, мы тогда плакали, что в земле лежит не Швейнеберг, а эта собака.

В конце декабря 1941 г. было распоряжение в гетто, что женщинам-еврейкам нельзя родить.

Смирнов: Я прошу вас сообщить, свидетель, в какой форме было сделано немецко-фашистскими властями это распоряжение.

Свидетель: В госпиталь на улице № 6 пришел Мурер и сказал, что пришло распоряжение из Берлина, что еврейским женщинам нельзя родить и если они узнают, что еврейская женщина родила ребенка, то этот ребенок будет уничтожен.

В конце декабря моя жена родила в гетто ребенка, мальчика. Я тогда не был в гетто, а убежал во время одной резни или, как их называли, акции. Когда я пришел, я узнал, что в госпитале в гетто моя жена родила ребенка. Я увидел, что этот госпиталь окружен немцами и стоит черная машина. Около машины стоит Швейнеберг, и эти самые «ловцы» несут из госпиталя стариков и больных и бросают их, как дрова, в автомобиль. Между ними я увидел еврейского писателя, редактора Гродненского, как его бросали в автомобиль.

Когда вечером немцы ушли, я зашел в госпиталь и увидел заплаканную мою жену. Оказалось, что когда она родила ребенка, то еврейские врачи из этого госпиталя уже имели распоряжение, что еврейским женщинам нельзя родить. Они этого ребенка, вместе с другими, спрятали в одну комнату. Но когда зашла эта комиссия с Мурером, они услышали, что дети там плачут. Они вырвали дверь и зашли в комнату. Когда моя жена услышала, что вырвали дверь, она сразу вскочила, чтобы увидеть, что с ребенком. И тогда она увидела, что один немец держит ребенка и кладет ему что-то под нос, а потом бросил его на кровать и смеется. Когда моя жена взяла ребенка, под носом у него было черное. И когда я зашел в госпиталь, то увидел моего ребенка мертвым. Он был еще немного теплым.

На второй день я пришел к моей матери в гетто и вижу, что комната пуста. На столе—открытый молитвенник и недопитый стакан чаю. Я узнал, что ночью немцы окружили этот двор и всех взяли и направили в Понары.

В последние дни декабря 1941 года Мурер сделал подарок для гетто. В гетто приехала подвода с обувью с мертвых, расстрелянных евреев в Понарах. Старую обувь он отослал из Понар в подарок в гетто. И тогда между этой обувью я узнал туфли моей матери.

Скоро было совсем уничтожено второе гетто, и в немецких газетах в Вильно было написано, что евреи из этого района вымерли от эпидемии.

23 декабря ночью приехал Мурер и роздал населению 3000 желтых билетов, так называемых «генаусвайз». Эти 3 тыс. человек, у которых были желтые билеты, имели право прописать у себя родных, приблизительно, на 9 тыс. человек, а в гетто было тогда, приблизительно, от 18 до 20 тыс. Те, которые имели эти желтые бумажки, утром вышли на работу, а в отношении остальных, которые были в гетто и не имели этих бумажек, началась резня в самом гетто. Убивали тех, кто не хотел итти на смерть. Остальных увезли в Понары.

У меня есть документ, который я нашел после освобождения города Вильно у Хингста, об еврейских одеждах в Понарах. Если этот документ интересен, я могу его показать.

Вот что написано в этом документе. Я прочту только несколько строчек *(читает по немецки):*

«Телефон 19—36. Вильно, 3 ноября 1941 г. Г-ну гебитскомиссару Вильно. По вашему приказу, все старые еврейские платья из Понар передать управлению Вильно».

Смирнов: Свидетель, вы сказали о том, что в период начала немецкой оккупации в Вильно было 80 тыс. евреев. Сколько евреев осталось в живых после оккупации Вильно?

Свидетель: После оккупации Вильно осталось, приблизительно, 600 человек.

Смирнов: Значит, 79 400 человек были уничтожены?

Свидетель: Да.

ИЗ ПИСЬМА НАЧАЛЬНИКА ГЕСТАПО МЮЛЛЕРА НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ГИММЛЕРУ ОТ 16 ДЕКАБРЯ 1942 г. ОБ ОТПРАВКЕ ПОЛЬСКИХ ЕВРЕЕВ В КОНЦЛАГЕРИ ГЕРМАНИИ

[*Документ США-241*]

... В связи с увеличением передачи рабочей силы концлагерям, которая должна быть завершена к 30 января 1943 г., можно принять следующий порядок в отношении евреев:

1. Общее количество —45 000 евреев.

2. Начало отправки —11 января 1943 г. Конец отправки —31 января 1943 г. Немецкие железные дороги не могут предоставить специальных составов для эвакуации с 15 декабря 1942 г. по 10 января 1943 г. ввиду увеличения количества эшелонов с отпускниками из армий.

3. Состав: 45 000 евреев должны включать 30 тыс. евреев из районов Белостока, 10 тыс. из гетто Терезиенштадт; из них 5000 евреев должны быть трудоспособными, т. е. те, которые использовались на мелких работах в гетто, и 5 тыс. нетрудоспособных евреев, а также евреев свыше 60 лет...

Как и до сих пор, должны быть вывезены только те евреи, которые не имеют особых связей и высоких наград. 3000 евреев — из оккупированных голландских территорий, 2000 — из Берлина. Всего 45 000 (цифра 45 000 включает инвалидов, старых евреев и детей).

С использованием практических методов отбора среди евреев, прибывающих в Освенцим, должно иметься от 10 до 15 тыс. трудоспособных людей...

ИЗ МЕМОРАНДУМА РОЗЕНБЕРГА «УКАЗАНИЯ К РАЗРЕШЕНИЮ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА»[1]

[*Документ 212-ПС, США-272*]

... Первой основной целью немецких мер, проводимых в этом вопросе, должно быть строжайшее отделение евреев от остального населения. При проведении этой меры прежде всего нужно проводить захват еврейского населения путем введения приказа о регистрации и подобных ей мер.

[1] Указания касаются разрешения «еврейского вопроса» в оккупированных гитлеровцами восточных областях.— Составители.

Все права на свободу должны быть отняты у евреев, они должны помещаться в гетто и в то же самое время должны быть разделены согласно полу. Наличие целых еврейских общин и поселений в Белоруссии и Украине делает это особенно простым. Более того, следует избрать места, где будет удобнее применять еврейскую рабочую силу в том случае, если будет потребность в ней. Эти гетто могут быть помещены под командование еврейского самоуправления, с еврейскими чиновниками. Однако охрана этих гетто и отделение их от остальной местности должны быть поручены полиции. Также в тех случаях, когда еще нельзя устроить гетто, следует проследить, чтобы были введены суровые меры, которые бы запрещали продолжение смешения крови между евреями и остальным населением.

ТАЙНЫЕ ПУНКТЫ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ МИРНЫХ ЛЮДЕЙ, СОЗДАННЫЕ ГЕРМАНСКИМ ФАШИЗМОМ[1]

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ РОЙЗМАНА С., ГРАЖДАНИНА ПОЛЬШИ

[*Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 27 февраля 1946 г.*]

Председатель: Как ваше имя?

Свидетель: Ройзман Самуил. *(Свидетель приводится к присяге.)*

Смирнов[2]: Скажите, свидетель Ройзман, чем вы занимались до войны?

Свидетель: До войны я работал бухгалтером в экспортной фирме.

Смирнов: Когда и при каких обстоятельствах вы оказались узником Треблинки-2?

Свидетель: В августе 1942 г. меня увели из варшавского гетто.

Смирнов: Сколько времени вы пробыли в Треблинке?

Свидетель: Я был в Треблинке один год, до августа 1943 года.

Смирнов: Таким образом, вам хорошо известно, как поступали с людьми в этом лагере?

Свидетель: Да. Я хорошо знаю это.

Смирнов: Я прошу вас описать Трибуналу, что представлял собой этот лагерь.

Свидетель: Ежедневно туда приходили транспорты в зависимости от числа поездов (3—5 поездов), наполненных исключительно евреями из Чехословакии, Германии, Греции и Польши. Немедленно после прибытия все люди в течение пяти минут выводились из поездов и должны были стоять на платформе. Все те, кто покидал поезда, немедленно разделялись на группы: мужчины отдельно, женщины и дети тоже отдельно. Все долж-

---

[1] Гитлеровцы создали специальные тайные пункты для массового уничтожения обреченных на смерть людей.

Существование этих пунктов было скрыто глубокой тайной. В ряде случаев им были даны условные названия.

Люди, направляемые по расовым или политическим мотивам для уничтожения в эти пункты, до последней минуты были уверены в том, что их переселяют в другое место. Лишь иногда, очутившись в газовой камере или в «душегубке», обреченные понимали, что сделались жертвами страшного обмана.

Это были не концлагери, потому что существование людей в этих пунктах, как правило, длилось несколько десятков минут и не более двух часов. Из числа этих страшных пунктов, созданных германским фашизмом, приводятся документы по пункту Хелмно в деревне Хелмно (Польша) и о Треблинском лагере.— Составители.

[2] Л. Н. Смирнов — помощник Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе.— Составители.

ны были немедленно раздеваться донага, причем эта процедура проходила под нагайками немцев, которые этими нагайками устрашали. Рабочие, которые там прислуживали, немедленно брали всю одежду и несли ее в бараки. Таким образом, люди голыми должны были проходить через улицу до газовых камер.

Смирнов: Я прошу вас сообщить суду, как называлась немцами эта дорога до газовых камер.

Свидетель: Эта улица называлась по-немецки Химмельфартштрассе.

Смирнов: То есть «дорога на небо»?

Свидетель: Да.

Смирнов: Сколько времени жил человек, попадающий в треблинский лагерь?

Свидетель: Вся процедура — раздевание и путь в газовую камеру — продолжалась для мужчин 8—10 мин., для женщин 15 мин. Для женщин 15 мин. было потому, что до того, как они шли в газовую камеру, им стригли волосы.

Смирнов: Зачем им стригли волосы?

Свидетель: По идее «господ», эти волосы должны были служить для фабрикации матрацев для немецких женщин.

Председатель: Вы хотите сказать, что протекало только 10 мин. с того времени, когда их сгружали с грузовиков, до того времени, как их отвозили в газовые камеры?

Свидетель: Я уверен, что у мужчин это занимало не более десяти минут.

Смирнов: Включая сюда и раздевание?

Свидетель: Да.

Смирнов: Люди в Треблинку привозились поездами или грузовиками?

Свидетель: Главным образом, привозились поездами. Только евреи из окрестных местечек и деревушек привозились на грузовиках. На грузовиках было написано «Экспозиционштер», приезжали они из Вайнгрова, Соколова.

Смирнов: Какой вид впоследствии имела станция Треблинка?

Свидетель: Вначале не было никаких надписей на станции. Но после нескольких месяцев начальник лагеря Франц Курт устроил первоклассную железнодорожную станцию с надписями, а на бараках, где находилась одежда, были надписи «буфет», «касса», «телеграф», «телефон» и др. Было даже печатное расписание прихода и ухода поездов на Гродно, Сувалки, Вену, Берлин.

Смирнов: Правильно ли я вас понял, что на станции Треблинка был устроен бутафорский вокзал с объявлениями о расписании поездов, с указаниями отправления поездов с платформы якобы на станцию Сувалки и др.?

Свидетель: Когда люди выходили из поездов, у них действительно создавалось впечатление, что они находятся на хорошей станции, от которой путь идет в Сувалки, Гродно, Вену и т. д.

Смирнов: А что дальше происходило с людьми?

Свидетель: Этих людей прямо вели через улицу Химмельфартштрассе в газовые камеры.

Смирнов: Как вели себя немцы при умерщвлении людей в Треблинке?

Свидетель: Если дело идет об убийстве, то всякий из немецких надсмотрщиков имел свою специальность. Я вспоминаю только один пример. У нас был один шарфюрер Менц. Его специальностью был надзор над так называемым лазаретом. В этом лазарете были убиты все слабые женщины и маленькие дети, у которых нехватало сил, чтобы собственными силами подойти к газовой камере.

Смирнов: Может быть, свидетель, вы опишите Трибуналу, как выглядел этот лазарет?

Свидетель: Это была часть площади, огороженная деревянной изгородью. Туда уводили всех женщин, стариков и больных детей. При входе в этот лазарет висел флаг Красного Креста. Менц, чьей специальностью было умерщвление всех людей, которых привозили в этот лазарет, никому не уступал этой работы. Могли быть сотни людей, которые хотели знать и видеть, что с ними будет, но он никому не поручал этой работы, он хотел это делать только собственноручно.

Один пример того, что случалось там с детьми. Привели из вагона одну десятилетнюю девочку с двухлетней сестрой. Когда старшая десятилетняя сестра увидела, что Менц взял револьвер, чтобы убить ее двухлетнюю сестру, она бросилась к нему с плачем, спрашивая, почему он хочет убить ее сестру. Он не застрелил ее сестру, а только живьем бросил ее в огонь, а потом немедленно убил старшую сестру.

Был еще один пример. Привели одну пожилую женщину с ее дочерью, которая была в последней стадии беременности. Их привели в лазарет, положили на траву и привели нескольких немцев, чтобы они присутствовали при рождении этого ребенка в лагере. «Спектакль» продолжался два часа. Когда ребенок родился, Менц спросил бабушку, т. е. мать той женщины, которая родила, кого она предпочитает, чтобы убили раньше. Она сказала, что просит, чтобы убили ее. Но ясно, что сделали как раз наоборот. Сначала убили только что рожденное дитя, потом мать ребенка, а потом бабушку.

Смирнов: Свидетель, знакомо ли вам имя Курта Франца?

Свидетель: Это был заместитель начальника лагеря Штенгеля, самый главный убийца в лагере. Курт Франц за то, что он опубликовал в январе 1943 года, что в Треблинке был убит 1 млн. евреев, стал из оберштурмфюрера обербаннштурмфюрером, т. е. получил более высокий ранг.

Смирнов: Я прошу вас, свидетель, рассказать о том, как Франц Курт убил женщину, которая называла себя сестрой Зигмунда Фрейда, — если вы помните это?

Свидетель: Прибыл поезд из Вены. Я стоял на платформе, когда люди выходили из вагонов. Одна пожилая дама подошла к Курту Францу, вынула какой-то документ и сказала, что она является родственницей или сестрой Зигмунда Фрейда. Она попросила, чтобы ей дали легкую работу в бюро. Франц очень серьезно просмотрел ее документы, сказал, что здесь, вероятно, была какая-то ошибка, подвел ее к расписанию поездов и сказал, что через два часа будет опять поезд в Вену. Она может все свои драгоценности и документы оставить и должна пойти в баню, а после бани для нее будут приготовлены бумаги и билет в Вену. Ясно, что эта женщина в баню пошла, но оттуда уже не вернулась.

Смирнов: Скажите, свидетель, почему вы сами остались в живых в Треблинке?

Свидетель: Я стоял уже совершенно раздетый и должен был пройти через эту Химмельфартштрассе. В моем транспорте прибыло 8 тыс. евреев из Варшавы. Но в последнюю минуту перед тем, как я очутился на этой улице, меня заметил инженер Галевский, т. е. мой друг из Варшавы, которого я знал в течение нескольких лет. Он был надзирателем над рабочими среди евреев. Он сказал мне, чтобы я ушел назад с этой улицы. Так как там нужен был переводчик с древнееврейского, французского, русского и польского на немецкий язык, то он воспользовался этим, чтобы получить разрешение на то, чтобы меня оставили в живых.

Смирнов: Значит, вы были в составе рабочей команды лагеря?

Свидетель: Вначале моя работа состояла в том, что я должен был носить одежду убитых людей в вагоны.

После того, как я был в лагере два дня, привезли из г. Венгерово мою мать, сестру и двух братьев. Я принужден был смотреть, как их вели в газовую камеру.

Несколько дней спустя, когда я носил одежду в вагоны, мои товарищи нашли документы моей жены и фотографию моей жены и моего ребенка. Это все, что мне осталось от всей моей семьи,— только фотография.

Смирнов: Скажите, свидетель, сколько человек ежедневно привозилось в Треблинский лагерь?

Свидетель: От июля до декабря 1942 года были в среднем ежедневно три транспорта по 60 вагонов каждый. В 1943 году транспорты приходили реже.

Смирнов: Скажите, сколько в среднем человек в день уничтожалось в Треблинском лагере?

Свидетель: В среднем, я думаю, в Треблинке уничтожалось от 10 до 12 тыс. человек ежедневно.

Смирнов: В скольких газовых камерах происходило умерщвление?

Свидетель: Вначале были только три камеры, а потом выстроили еще 10 камер. План был таков, чтобы повысить число камер до 25.

Смирнов: Откуда вам это известно?

Свидетель: Потому, что все строительные материалы были привезены и лежали на площади. Я спросил: «Зачем, ведь уже нет евреев?». Мне отвечали: «После вас еще придут другие, и будет много работы».

Смирнов: Как еще называлась Треблинка?

Свидетель: Треблинка стала очень популярной, тогда они сделали большую вывеску с надписью «Обермайданек».

Смирнов: Я прошу разъяснить, что значит «очень популярна»?

Свидетель: Это значит, что люди, которые прибывали в этих транспортах, очень скоро узнавали, что это не фешенебельная станция, а место смерти.

Смирнов: Для чего был устроен фальшивый вокзал?

Свидетель: Исключительно с той целью, чтобы люди, которые выходили из поезда, не волновались, чтобы они спокойно раздевались и чтобы не было никаких инцидентов.

Смирнов: Значит, я вас правильно понял, что эти методы преступников преследовали определенные психологические функции: успокоить на первых порах обреченных на смерть?

Свидетель: Исключительно психологический момент...

ИЗ ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬСКОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ—СУДЬИ ОКРУЖНОГО СУДА В ЛОДЗИ ЗДИСЛАВА ЛУКАШЕВИЧА, ДАННОГО ПЕРЕД ГЛАВНОЙ КОМИССИЕЙ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПОЛЬШЕ[1]

[*Документ СССР-344*]

... Нагих мужчин, женщин и детей отправляли дорогой, ведущей к камерам, причем объявляли, что все они идут купаться. В первое время даже было приказано держать в руке один злотый, как плату за вход в купальню, чтобы возбудить у людей доверие...

Для того чтобы в камерах поместилось большее число жертв, людей загоняли с поднятыми руками, а на головы им бросали маленьких детей.

Эсэсовец Зепп Гейтрейдер был специалистом по убиванию младенцев, которых сам хватал за ножки и убивал, ударяя головкой о забор. По показанию свидетелей, умерщвление в камерах продолжалось 15 минут...

Характерно, что в лагере находились учреждения, имеющие целью обмануть жертвы относительно предназначения лагеря. Для этого, например, был построен фиктивный вокзал... там были надписи «буфет», «станционный зал», «кассы», путевые столбы, знаки, указывающие узловую станцию и путь на «Восток»[2].

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ВЛАДИСЛАВА БЕНГАЖА, ОКРУЖНОГО СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ В ЛОДЗИ[3]

... В деревне Хелмно находился необитаемый, окруженный старым парком особняк — собственность государства. Вблизи... сосновый лес с густыми, непроходимыми зарослями. В этом именно месте немцы устроили лагерь истребления. Лес был огорожен высоким деревянным забором, так что нельзя было видеть всего того, что происходило в парке и в самом особняке. Население деревни Хелмно было изгнано...

Организация истребления людей была настолько хитро обдумана и выполнена, что следующий транспорт до последней минуты был не в состоянии угадать, какова судьба людей предшествующей группы. Отправление всего транспорта (1000—2000) человек из деревни Завадки в лагерь уничтожения и истребление прибывших продолжалось до 14 час. дня.

Нагруженные евреями автомашины, прибывавшие в лагерь, останавливались перед особняком, к прибывшим обращался с речью представи-

---

[1] Лукашевич вел следствие по делу о преступлениях немцев в Треблинском лагере. — Составители.

[2] Число жертв, умерщвленных в Треблинке за период ее существования, польский следователь определяет в 781 600 человек. Однако материалы расследования, произведенного советской военной прокуратурой, свидетельствуют о том, что это количество является весьма преуменьшенным и нужно считать, что фактически в Треблинке было умерщвлено, примерно, в три раза большее количество. В Треблинку свозились жертвы из всех стран Европы. Допрошенные польским следователем свидетели показали, что они видели при сортировке одежды даже английские паспорта и дипломы Кембриджского университета. Среди вещественных доказательств по делу имеется некоторое количество металлических монет, выкопанных во время земляных работ в Треблинке, встречается мелкая монета — польская, советская, немецкая, австрийская, чешская, греческая, бельгийская, французская и американская. — Составители.

[3] Показания Бенгажа были даны перед Главной Комиссией по расследованию немецких преступлений в Польше и являются официальным приложением к докладу польского правительства.— Составители.

тель «зондеркоманды». Он убеждал их в том, что они едут работать на Восток. Обещал справедливое к ним отношение властей и достаточное питание, объявлял одновременно, что перед отъездом они будут купаться, а одежда их будет дезинфицирована. Со двора евреев провожали в теплый зал, находившийся во втором этаже особняка.Там они раздевались и только в белье спускались вниз, проходили через коридор, на стенах которого были вывески: «К врачу», «В купальню». Стрелка при надписи «В купальню» вела к проходным дверям.

Выходящим из коридора во двор евреям немцы объявляли, что в купальню поедут на крытой автомашине. На самом деле вблизи выхода из коридора большая автомашина с дверью в задней стене была так установлена, что выходящие из особняка евреи попадали прямо на лестницу, ведущую вовнутрь автомашины. Погрузка евреев в автомашину происходила очень быстро. В коридоре и у автомашины находились жандармы. Криками и ударами они заставляли евреев быстро входить в автомашину, делая невозможным проявление какого-нибудь защитного рефлекса. После того, когда все евреи находились уже внутри автомашины, двери тщательно запирались, шофер включал мотор, и с того момента начиналось отравление газом находящихся внутри.

... Наименьшее число уничтоженных жертв в Хелмно мужчин, женщин и детей, от новорожденных до глубоких стариков, надо принять равным 340 000...

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ КЛОД ВАЙАН КУТЮРЬЕ

(Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 23 января 1947 г.)

Французский обвинитель Дюбос: С разрешения Трибунала мы перейдем к той части французского обвинения, которая является допросом свидетеля, находившегося в продолжение более трех лет в концентрационных лагерях Германии.

Председатель (*обращаясь к свидетелю*): Встаньте, пожалуйста. Вы будете давать французскую присягу. Скажите ваше имя?

Свидетель: Клод Вайан Кутюрье.

Председатель: Повторяйте за мной присягу: «Я клянусь говорить без ненависти и без страха».

Свидетель: Я клянусь говорить без ненависти и без страха.

Председатель: Клянусь говорить правду, всю правду, только правду...

Свидетель: Клянусь говорить правду, всю правду, только правду...

Председатель: Поднимите правую руку и скажите: «Я клянусь в этом».

Свидетель: Я клянусь в этом.

Председатель: Вы можете сесть. Говорите медленно. Как вас зовут?

Свидетель: Вайан Кутюрье, Мари Клод Вожель.

Обвинитель: Вас зовут Мари Клод Вожель? В настоящее время вас зовут мадам Вайан Кутюрье?

Свидетель: Да.

Обвинитель: Вы вдова Вайана Кутюрье?

Свидетель: Да.

Обвинитель: Вы родились в Париже 3 ноября 1912 г.?

Свидетель: Да, я родилась в Париже 3 ноября 1912 г.

Обвинитель: Вы француженка?

Свидетель: Да.

Обвинитель: Вы француженка по происхождению?

Свидетель: Да.

Обвинитель: И ваши родители тоже французы по происхождению?

Свидетель: Да.

Обвинитель: Вы депутат Учредительного собрания?

Свидетель: Да.

Обвинитель: Вы награждены орденом Почетного легиона?

Свидетель: Да.

Обвинитель: Орден был вам вручен в «Доме инвалидов» генералом Ле Жантийомом?

Свидетель: Да.

Обвинитель: Вы были арестованы и депортированы? Вы можете дать свидетельские показания?

Свидетель: Я была арестована 9 февраля 1942 г. французской полицией Пэтэна, которая шесть недель спустя передала меня в руки германских властей.

Я была привезена 20 марта в тюрьму Сантэ, находящуюся в немецком квартале. 9 июня 1942 года я была подвергнута допросу. В конце допроса меня хотели заставить подписать заявление, которое не соответствовало тому, что я показала. Так как я отказалась подписать такое заявление, офицер, который меня допрашивал... Я отказалась подписать это заявление потому, что оно не соответствовало тому, что я говорила. Когда я отказалась подписать, офицер, который меня допрашивал, начал угрожать мне, и после того, как я сказала, что не боюсь смерти, не боюсь расстрела, он ответил: «Но в нашем распоряжении есть еще значительно худшие средства, чем расстрел, средства, с помощью которых можно убить человека». Переводчик же добавил: «Вы не знаете, что с вами произойдет. Вас отправят в германский концентрационный лагерь, оттуда же никогда не возвращаются».

Обвинитель: После этого вас отправили в тюрьму?

Свидетель: Да, я была возвращена в тюрьму Сантэ, и мое пребывание в ней держали в секрете. Но тем не менее я смогла переговариваться со своими соседями по камерам через окно и перестукиваться по канализационной трубе. Я находилась в камере по соседству с камерой философа Жоржа Политцера и физика Жака Соломона, зятя профессора Ланжевена, ученика Кюри, одного из первых исследователей вопроса о расщеплении атома.

Жорж Политцер мне сообщил путем перестукивания через канализационную трубу, что во время допроса, после того, как его подвергли пыткам, от него потребовали, чтобы он писал теоретические брошюры в защиту национал-социализма. Он отказался, и тогда ему заявили, что его включат в первую группу заложников, которые будут расстреляны.

Что касается Жака Соломона, то и его жестоко пытали. Потом он был брошен в карцер; он вышел из него лишь в день казни, чтобы попрощаться со своей женой, которая тоже была арестована и брошена в тюрьму Сантэ. Элен Соломон, дочь Ланжевена, рассказала мне в форту Ромэнвилль, куда я была переведена из тюрьмы Сантэ и где я с ней встретилась, что, когда она приблизилась к своему мужу, чтобы обнять его, он

издал стон и проговорил: «Я не могу тебя обнять потому, что не в состоянии двинуть рукой».

Каждый раз, когда заключенные возвращались с допроса, через окна были слышны их стоны, и они говорили, что не в состоянии передвигаться.

В продолжение пяти месяцев, которые я провела в тюрьме Сантэ, оттуда неоднократно увозили на расстрел заложников.

После того, как я была увезена из Сантэ, 20 августа 1942 года, меня перевели в форт Ромэнвилль, который был местом заключения для заложников. Дважды за время своего пребывания там, 21 августа и 22 сентября, я присутствовала при взятии заложников. Среди заложников, которые были увезены, находились мужья женщин, которые были направлены вместе со мной в Освенцим, там погибла бо́льшая часть из них. Эти женщины в большинстве случаев были арестованы лишь за деятельность их мужей, сами же они ничего не совершали.

Обвинитель: Когда вы были увезены в Освенцим?

Свидетель: В Освенцим меня отправили 23 января 1943 г., а прибыла я туда 27 января.

Обвинитель: Вы были отправлены туда с партией заключенных?

Свидетель: Я входила в партию из 230 француженок. Среди нас находилась Даниэль Казанова, которая погибла в Освенциме, Майя Политцер, умершая в Освенциме, и Элен Соломон. Среди нас были женщины преклонного возраста...

Обвинитель: Каково было их социальное положение?

Свидетель: Деятели науки, преподавательницы, люди самые различные по своему социальному положению.

Обвинитель: Кем была Майя Политцер?

Свидетель: Майя Политцер была врачом, она—жена Жоржа Политцера. Элен Соломон была женой физика Соломона, это дочь профессора Ланжевена.

Обвинитель: Вы знаете профессора Ланжевена?

Свидетель: Да.

Обвинитель. Кем была Даниэль Казанова?

Свидетель: Она была по специальности хирургом-дантистом. Это она возглавила движение сопротивления среди женщин, находившихся в заключении.

Обвинитель: Сколько из вас — из двухсот тридцати человек возвратилось?

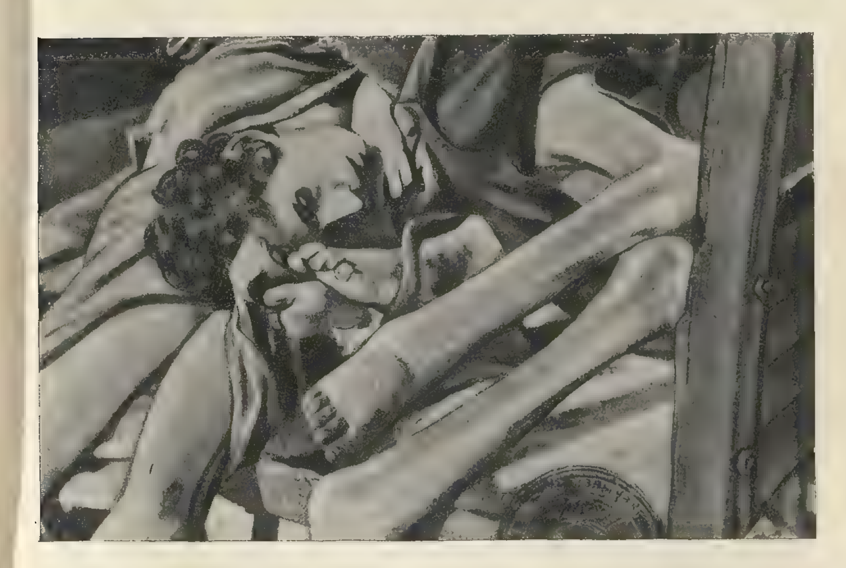
Свидетель: 49. Среди заключенных, входивших в эту партию, были пожилые женщины: я вспоминаю одну из них 67 лет, арестованную за то, что она хранила на кухне охотничье ружье в память о муже; она не сообщила о ружье, так как его у нее отобрали бы. Спустя две недели после прибытия в Освенцим она умерла.

Председатель: Когда вы сказали, что возвратилось только 49 человек, вы имели в виду, что только 49 человек прибыло в Освенцим?

Свидетель: Только 49 человек вернулось обратно во Францию.

Среди нас были калеки. Например, у одной, певицы по профессии, не было ноги. В Освенциме ее отделили от других женщин и отравили газом. Среди нас была шестнадцатилетняя девушка-лицеистка Клодин Герон, которая также умерла в Освенциме. В нашу партию входили две женщины, которых впоследствии оправдал германский военный трибунал. Их звали Мари Алонзо и Мари-Терез Флери. Они умерли в Освенциме.





Зверски замученные гитлеровскими палачами заключенные концлагеря Освенцим (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

Переезд происходил в исключительно тяжелых условиях. В каждом вагоне находилось по 60 человек. В пути нам не выдавали еды, ни питья. Солдаты-лотарингцы, которые были мобилизованы в германскую армию и охраняли нас, когда мы начинали разговаривать с ними во время остановок, говорили: «Если бы вы знали, куда вас везут, вы бы не торопились приехать туда».

Мы прибыли в Освенцим рано утром. Наши вагоны были распломбированы, и нас выгоняли наружу ударами приклада для того, чтобы направить в лагерь Биркенау, который входил в систему лагеря Освенцима. Лагерь Биркенау находился на большой равнине, в которой в январе месяце свирепствовал мороз. Мы совершили этот переход в лагерь, неся свой багаж. После того, как мы миновали ворота лагеря, мы остро почувствовали, что мало надежды выйти отсюда живыми. Мы это поняли, так как на пути нам встретилась колонна живых скелетов, колонна людей, направляющихся на работу. Мы ощутили это столь остро, что, пройдя ворота, мы запели Марсельезу, чтобы придать себе мужество.

Нас направили в большой барак, затем — в дезинфекционную камеру. Там нам и вытатуировали на левой руке порядковый номер. Затем нас перевели в большое помещение, где держали под паром, после чего окатили ледяной водой. Все это происходило в присутствии эсэсовцев — мужчин и женщин, хотя мы, женщины, были раздеты. После этого нам выдали разорванную, грязную одежду: платья из хлопчатобумажной ткани и такие же кофты. Поскольку это заняло много времени, мы успели увидеть лагерь для мужчин через окно помещения, в котором мы находились. Под вечер мы увидели, что снаружи расположился оркестр. В это время шел снег, и мы спрашивали себя, почему оркестр играет. В это время появились «командо» — партии заключенных, которые возвращались с работы. Следом за каждой рабочей партией шли люди, несшие трупы. Так как они и без того еле передвигались, их поднимали ударом сапога или приклада каждый раз, когда они опускались на землю от изнеможения.

Затем нас перевели в помещение, где мы должны были жить. Там не было кроватей. Нары были размером 2×2 метра, и мы без подстилок спали по девяти человек на каждых нарах: первую ночь мы провели без одеял. Всю ночь... В таком помещении мы оставались в течение многих месяцев. Всю ночь нельзя было спать, так как каждый раз, когда один из девяти человек на нарах начинал двигаться, он беспокоил остальных, и так было постоянно, потому что все были больны и один человек беспокоил всех других, спавших на тех же нарах.

В половине четвертого раздавался грубый окрик охраны, которая нас будила и поднимала с жалкого ложа ударами дубинок на перекличку. Ничто на свете не могло освободить от переклички, даже умиравшие должны были ползком выходить на нее. По пять человек в ряду мы должны были оставаться на перекличке до того, как светало, т. е. до 7 или 8 часов утра, а когда стоял туман, то мы оставались там до полудня. После этого команды приходили в движение и направлялись на работу.

Обвинитель: Простите, вы могли бы описать, как производилась перекличка?

Свидетель: Для переклички нас ставили по пять человек в ряд, и так мы стояли до тех пор, пока совершенно рассветало и надсмотрщицы, т. е. наша военная германская охрана, начинали нас считать. У них были дубинки, и с раннего утра направо и налево щедро наносились удары.

В числе наших подруг находилась Жермен Рено— преподавательница из Азей-ле-Ридо во Франции. На моих глазах ей во время переклички проломили череп ударом дубинки.

Работа в лагере Освенцим состояла в разборке разрушенных зданий, строительстве дорог и прежде всего в осушении болот. Осушение болот было наиболее тяжелой работой, потому что в течение всего дня приходилось работать, стоя в воде и под постоянной угрозой того, что увязнешь в болоте. Постоянно приходилось вытаскивать товарищей, которые иногда по пояс погружались в болото. Во время работы нас охраняли эсэсовцы мужчины и женщины, которые наносили удары дубинкой и натравливали на нас собак. У многих моих товарищей на ногах были следы от укусов собак. Мне пришлось увидеть, как одна женщина была разорвана собаками. Она умерла на моих глазах, в то время как эсэсовец Таубер продолжал натравливать на нее свою собаку и глумился при виде этого зрелища.

Причины смертности были весьма различны. Прежде всего она была вызвана полным отсутствием элементарных гигиенических условий. Когда мы приехали в Освенцим, на 12 тысяч заключенных был лишь один кран с водой, непригодной для питья, и эта вода не всегда бывала. Так как этот кран находился в немецкой умывальной, немцы разрешали подходить к нему лишь мимо охраны из немецких заключенных-уголовников, которые при этом нас жестоко избивали. Таким образом, было почти невозможно вымыться или выстирать свое белье. В течение более трех месяцев мы не меняли белья. Когда шел снег, мы растапливали его для того, чтобы умыться. Позже, весной, идя на работу, мы поочередно мыли руки в лужах, которые образовались по обочинам дороги от растаявшего снега. Мы умирали от жажды, потому что только два раза в день нам выдавали четверть литра похлебки.

Обвинитель: Уточните, пожалуйста, в чем состояла перекличка в начале февраля?

Свидетель. 5 февраля было то, что называли общей перекличкой.

Обвинитель: 5 февраля какого года?

Свидетель: В 1943 году. В половине четвертого весь лагерь...

Обвинитель: Утром?

Свидетель: В половине четвертого утра весь лагерь был разбужен и выведен на перекличку на равнину, тогда как обычно перекличка производилась в половине четвертого внутри лагеря. Мы оставались на этой равнине перед лагерем до пяти вечера, не получая пищи, стоя на снегу. После того, как была отдана команда, мы должны были пройти через дверь, поочередно один за другим, и каждому заключенному наносили удар в спину дубинкой для того, чтобы заставить его бежать. Те, которые не могли бежать, потому что были слишком стары или больны, были схвачены и помещены в 25-й блок, в котором ожидали отравления газом. Десять француженок из нашей партии, прибывших в лагерь, были схвачены и помещены в тот же день в 25-й блок. После того все заключенные были приведены обратно в лагерь, была сформирована колонна заключенных, в которую входила и я. Эта колонна направилась на равнину, которая напоминала поле сражения, так как ее покрывали горы трупов. Мы перенесли во двор 25-го блока как мертвых, так и умирающих, которые находились там в обстановке большой скученности.

Блок № 25, если можно так выразиться, был преддверием к смерти, он был мне хорошо известен, так как мы к тому времени были переве-

дены в блок № 26 и наши окна выходили во двор 25-го блока. Во дворе можно было видеть горы трупов, и время от времени голова или рука одного из сваленных в кучу тел приходила в движение — это была умирающая, которая стремилась выбраться из горы трупов, чтобы спастись.

Смертность в этом блоке была еще более высокой, чем в других, так как обреченным на смерть давали пить и есть лишь в тех случаях, когда оставались остатки пищи в кухонных котлах, т. е. часто в течение многих дней они оставались без капли воды.

Однажды одна из моих подруг — Анетт Эпо, красивая, молодая женщина, 32 лет, проходила мимо блока. Ей стало жаль этих женщин, которые кричали с утра до вечера на всех языках: «Пить, пить, пить, воды». Она возвратилась в наш блок, чтобы принести им немного похлебки, но в тот момент, когда она протягивала ее через решетку окна, надсмотрщица заметила это и, схватив Анетт Эпо за ворот, швырнула ее в 25-й блок.

Никогда в жизни я не забуду Анетт Эпо. Двумя днями спустя ее посадили в грузовик, чтобы отправить в газовую камеру. Она поддерживала старуху-француженку Лин Поршэ и, когда грузовик тронулся, закричала нам: «Если вы возвратитесь во Францию, не забудьте о моем маленьком мальчике». Потом они начали петь Марсельезу.

Можно было видеть как по двору 25-го блока бегали громадные крысы, которые объедали трупы и даже набрасывались на умиравших, у которых не было сил с ними справиться.

Другой причиной смертности или эпидемий было то, что нам давали есть в больших красных котелках, которые каждый раз прополаскивали только холодной водой. Так как все женщины были больны и они не могли выйти ночью к месту, которое не поддается описанию,— к канаве, где они могли отправить свои естественные потребности, — они использовали эти котелки не по назначению. На следующий день котелки собирали, выливали их содержимое в помойную яму, и днем их пускала в употребление следующая группа людей.

Другая причина смертности — положение с обувью. Кожаная обувь пришла в полную негодность примерно через неделю, так как ее носили по грязи и снегу в Польше. В связи с этим ноги отмораживали, на них образовывались раны. Из страха, что обувь украдут, приходилось спать в грязных башмаках. Почти каждую ночь, в тот момент, когда нужно было выходить на перекличку, раздавался жалобный крик: «У меня украли туфли». Тогда приходилось ждать, пока все выйдут из помещения, чтобы найти что-нибудь под нарами. Иногда это были два ботинка на одну ногу, или же башмак и сабо. Это могло позволить выйти на перекличку, но для работы это была дополнительная пытка, так как от этой обуви на ногах образовывались раны, которые быстро растравлялись из-за отсутствия ухода. Многие из моих подруг, у которых были раны на ногах, ложились в лазарет и более оттуда не возвращались.

Обвинитель: Что делали с заключенными евреями, которые выходили на перекличку без обуви?

Свидетель: Евреев, выходивших на перекличку без обуви, немедленно помещали в 25-й блок.

Обвинитель: Следовательно, их уничтожали с помощью газа?

Свидетель: Их уничтожали с помощью газа за что бы то ни было. Вообще их положение было совершенно ужасно. Нас собирали по 800 человек в блоке, и скученность была такой, что мы с трудом могли двигаться

по помещению. Их же было в блоке такого же размера 1 500 человек, т. е. значительная часть из них не могла ни спать, ни даже улечься на ночь.

Обвинитель: Не могли бы вы дать показания относительно лазарета?

Свидетель: Чтобы попасть в лазарет, нужно было сперва просить об этом. Каково бы ни было состояние...

Обвинитель: Могли бы вы уточнить, что за лазарет был в лагере?

Свидетель: «Лазаретом» был блок, в который помещали больных. В действительности, это место не может быть названо лечебным заведением потому, что оно не соответствует тому, что принято подразумевать под этим словом. Чтобы туда попасть, надо было получить разрешение начальника блока, а это было чрезвычайно трудно. Наконец, надо было выстоять в очереди перед лазаретом, какая бы погода ни была, шел ли снег или дождь. Для того, чтобы быть допущенным, приходилось выстаивать в очереди в течение многих часов даже с температурой 40°. Часто больные умирали у входа в лазарет еще до того, как они могли туда попасть. К тому же даже собираться перед лазаретом было опасно; когда там было слишком много народу, эсэсовцы хватали всех женщин, стоявших в очереди, и направляли их прямо в 25-й блок.

Обвинитель: То есть они попадали в газовую камеру?

Свидетель: Да, в газовую камеру. Вот почему зачастую многие женщины предпочитали не ходить в лазарет и умирали на работе или во время переклички. После вечерней переклички зимой ежедневно поднимали трупы упавших в канавы.

Единственное преимущество, которое получали те, кто попадал в «лазарет», заключалось в том, что пребывание в нем освобождало от выхода на перекличку, но там приходилось лежать в ужасных условиях, не менее четырех человек на одной кровати в метр шириной, людям, страдавшим различными заболеваниями, и это приводило к тому, что тот, кто попадал в лазарет из-за ран на ногах, заражался от соседа тифом или дизентерией. Подстилки были страшно грязны, и их меняли лишь тогда, когда они окончательно сгнивали. На одеялах было множество вшей, которые кишели, как муравьи.

Одна из моих подруг Маргарит Корринже рассказывала мне, что в то время, когда она была больна тифом, она не могла спать всю ночь изза вшей, которых она, отвернув одеяло, сбрасывала на бумагу и затем в стоявший около кровати ночной сосуд, и так ей приходилось делать целыми часами.

В «лазарете» не было медикаментов, больных оставляли лежать без присмотра, не создавали им гигиенических условий, не давали мыться. В продолжение многих часов живые лежали вместе с мертвыми. Когда же трупы обнаруживали, их просто вытаскивали из кроватей и сваливали перед помещением. Те, кто переносил трупы, приходили туда и перетаскивали их на небольших носилках, с которых свешивались голова и ноги трупа. С утра до вечера заключенные, перетаскивавшие трупы, курсировали между «лазаретом» и мертвецкой.

Во время сильных эпидемий зимой 1943 г. и 1944 г., когда мертвецов было слишком много, носилки заменили повозками. Во время этих эпидемий ежедневно умирало от 200 до 350 человек.

Обвинитель: Сколько людей умирало в это время?

Свидетель: Во время больших эпидемий тифа зимой 1943—1944 г. от 200 до 350 человек в день.

Обвинитель: В «лазарет» допускали всех заключенных?

Свидетель: Нет. Когда мы были привезены в лагерь, евреям не разрешалось ложиться в «лазарет», их прямо направляли в газовую камеру. В Освенциме был блок, в котором производили медицинские эксперименты...

Обвинитель: Не расскажете ли вы сначала, как производилась в блоках дезинфекция?

Свидетель: Время от времени, в связи с тем, что в помещениях было невероятно грязно, а это приводило к распространению вшей, которые вызывали частые эпидемии, блоки дезинфицировали с помощью газа. Но и дезинфекция была причиной значительного числа смертных случаев, потому что в то время, как блоки окуривали газом, заключенных отправляли в душевую, затем у них отбирали одежду, которую помещали в паровую дезинфекционную камеру. Заключенных заставляли дожидаться под открытым небом, совершенно раздетыми, пока одежду дезинфицировали, после чего ее возвращали насквозь промокшей. Даже больных, которые могли держаться на ногах, подвергали этой процедуре, и, конечно, очень многие из их числа при этом умирали. Во время дезинфекции больных, которые не могли передвигаться, мыли в тех же ваннах, что и остальных заключенных.

Обвинитель: Как вас кормили?

Свидетель: Мы получали ежедневно 200 граммов хлеба, $^{3}/_{4}$ или $^{1}/_{2}$ литра, в зависимости от случая, жидкой похлебки, несколько граммов маргарина, а вечером одну сосиску. Это было питанием на день.

Обвинитель: И оно было таким вне зависимости от того, какую работу приказывали заключенному выполнять?

Свидетель: Вне зависимости от того, какую работу было приказано выполнять заключенному. Некоторые из них работали на заводах, на которых производили снаряды и гранаты. Эти заключенные получали так называемый «цулаге» — дополнительный паек в том случае, если они выполняли норму. Как и нас, этих заключенных вызывали утром и вечером на перекличку, и, кроме того, они работали по 12 часов на заводе. После работы они возвращались в лагерь и путь от лагеря на завод и обратно проделывали пешком.

Обвинитель: Какой это был завод «Унион»?

Г-жа Вайан Кутюрье: Это был завод, на котором производили боеприпасы. Я не знаю, какой компании он принадлежал.

Обвинитель: Там был лишь один завод?

Г-жа Вайан Кутюрье: Нет, был еще большой завод в Буне, но, поскольку я там не работала, я не знаю, что там производили. Заключенные, которых брали на завод в Буне, более не возвращались в лагерь.

Обвинитель: Не могли бы вы дать показания о медицинских экспериментах, если вы были свидетелем их?

Г-жа Вайан Кутюрье: Говоря об опытах, я могу сказать, что видела в лазарете, в котором я работала, молодых евреек из Салоник, которые находились перед рентгеновским кабинетом, где их ожидала стерилизация. Кроме того, мне было известно, что в лагере для мужчин производили операции по кастрации. Я была в курсе медицинских экспериментов над женщинами, потому что моя подруга доктор Адэ Отваль де Монтбельяр, которая возвратилась во Францию, работала в течение многих месяцев в этом блоке, ухаживала за больными, хотя всегда и отказывалась участвовать в проведении экспериментов.

Женщин подвергали стерилизации, делая впрыскивания, а также путем облучения. Я видела и знала многих женщин, которые были стерилизованы. Среди подвергавшихся операции по стерилизации была высокая смертность. Четырнадцать евреек из Франции, отказавшиеся подвергнуться стерилизации, были направлены в штрафную рабочую команду «штрафарбейт», т. е. на них наложили наказание, назначив на работу.

Обвинитель: Возвратились ли на родину те, кто работал в этих командах?

Г-жа Вайан Кутюрье: Редко, в виде совершенно исключительных случаев.

Обвинитель: Какую цель преследовали эсэсовцы при совершении стерилизации?

Г-жа Вайан Кутюрье: Они не скрывали цели, которую преследовали, производя стерилизацию. Они говорили, что стремятся найти лучший метод стерилизации, чтобы заменить коренное население оккупированных стран немцами после того, как используют одно поколение местных жителей в качестве рабов, работающих на немцев.

Обвинитель: Видели ли вы в «лазарете» беременных женщин?

Г-жа Вайан Кутюрье: Да. Если еврейские женщины, попадавшие в лагерь, находились на первых месяцах беременности, им делали аборт. Когда же они находились на одном из последних месяцев, то после того, как они производили на свет ребенка, его топили в ведре с водой. Мне известно это, так как я работала в «лазарете» и знала, что этим руководила немка-акушерка, сидевшая по обвинению в уголовном преступлении — совершении абортов. Спустя некоторое время приехал новый врач, и в продолжение двух месяцев новорожденных еврейских детей перестали убивать. Но однажды из Берлина пришел приказ, в котором говорилось, что их снова следует уничтожать. Тогда матерей с детьми вызвали в лазарет, посадили на грузовики и увезли в газовую камеру.

Обвинитель: Откуда вы знаете о приказе, пришедшем из Берлина?

Г-жа Вайан Кутюрье: Потому, что я была знакома с заключенными, работавшими в секретариате СС. В частности, я знаю словацкую женщину, которую звали Херта Рот и которая в настоящее время работает в отделении ЮНРРА в Братиславе.

Обвинитель: Это она сообщила вам о приказе?

Г-жа Вайан Кутюрье: Да. И кроме того, я знала людей, которые входили в команды, работавшие в газовых камерах.

Обвинитель: Вы только что говорили о еврейских матерях. Были ли в лагере матери других национальностей?

Г-жа Вайан Кутюрье: Обычно, когда женщины нееврейской национальности производили на свет детей, их не отбирали у матерей, но в связи с тем, что условия в лагере были ужасны, новорожденные редко выживали более 4—5 недель.

В лагере был блок, в котором находились польские и русские матери. Однажды русских обвинили в том, что они производят слишком большой шум. Их вызвали на перекличку и заставили целый день стоять перед своим блоком с детьми, совершенно раздетыми, в продолжение всего дня.

Обвинитель: Какой дисциплинарный режим был установлен в лагере? Кто обеспечивал надзор и дисциплину? Каковы были меры наказания?

Г-жа Вайан Кутюрье: В целях ограничения своего персонала эсэсовцы использовали обычно заключенных для надзора в лагере. Сами же

эсэсовцы осуществляли лишь верховный надзор. Эти заключенные были взяты из числа уголовных преступников или проституток-немок, или иногда иной национальности. В большинстве случаев это были немки. С помощью коррупции и терроризирования их превратили в животные существа. Заключенные страдали от их действий не в меньшей степени, чем от действий самих эсэсовцев. Они били так же, как били эсэсовцы, подобно эсэсовцам, мужчины вели себя так же, как женщины, а женщины были столь же жестоки, как и мужчины. Между ними не было разницы.

Используя целую систему для того, чтобы максимально принизить человеческие существа, эсэсовцы терроризировали их и с помощью террора принуждали совершать поступки, которые должны были заставить их краснеть за самих себя; эта система привела к тому, что они не являлись более человеческими существами. Вот к чему стремились эсэсовцы. И требовалось невероятное мужество, чтобы противостоять этой атмосфере коррупции и террора.

Обвинитель: Кто налагал наказания?

Г-жа Вайан Кутюрье: Командиры СС — мужчины и женщины.

Обвинитель: В чем состояло наказание?

Г-жа Вайан Кутюрье: В зверских телесных наказаниях. В частности, одним из наиболее употребительных наказаний было 50 ударов палкой по пояснице, которые производились специальной машиной. Эту машину я видела. Она состояла из системы балансов, приводимых в движение эсэсовцами. Кроме этого, были бесконечные вызовы днем и ночью на перекличку или гимнастические упражнения: ложиться плашмя — вставать, ложиться плашмя — вставать и так в течение нескольких часов. Тех, кто падал, осыпали ударами и направляли в 25-й блок.

Обвинитель: Как обращались эсэсовцы с женщинами? Я имею в виду также и женщин эсэсовцев.

Г-жа Вайан Кутюрье: В лагере Освенцим был дом терпимости для эсэсовцев и также для заключенных, занимавших определенные должности. Таких заключенных называли «капо».

Кроме того, когда эсэсовцам была нужна прислуга, они приходили в сопровождении «оберауфзеерин», т. е. начальницы лагеря, и в то время, когда производилась дезинфекция, указывали на молоденькую девушку, которую начальница вызывала из рядов. Они осматривали ее, и если она была красивой и нравилась им, хвалили ее физические достоинства и с согласия «оберауфзеерин», которая говорила, что отобранная должна выражать полное послушание и делать все, что от нее потребуют, брали ее в качестве служанки.

Обвинитель: Почему они приходили в то время, когда производилась дезинфекция?

Г-жа Вайан Кутюрье: Потому, что во время дезинфекции женщины были раздеты.

Обвинитель: Эта система коррупции и морального разложения была исключением?

Г-жа Вайан Кутюрье: Нет, эта система была во всех лагерях, где я находилась. Та же система существовала и в тех лагерях, в которые меня не помещали. Об этом я узнала из разговоров с прибывшими из этих лагерей. Система была совершенно одинакова во всех лагерях. Я думала, что Освенцим был одним из лагерей с наиболее суровым режимом, но за-

тем меня направили в Равенсбрук, и там также был дом терпимости, в который также набирали женщин из числа заключенных.

Обвинитель: Из того, что вы сказали, следует, что были использованы все возможные средства для того, чтобы принизить заключенных в их собственных глазах?

Г-жа Вайан Кутюрье: Да.

Обвинитель: Вы знаете, что было с партией евреев, которая почти одновременно с вами прибыла из форта Ромэнвилль?

Г-жа Вайан Кутюрье: Когда мы выехали из форта Ромэнвилль, находившиеся там еврейки продолжали там оставаться. Затем их направили в направлении Дранси, и мы вновь встретились с ними в Освенциме спустя три недели после нашего приезда туда. Из общего их числа 1200 человек в лагерь попало 125 чел., остальных немедленно по прибытии отравили газом. Месяц спустя из этих 125 евреек в живых осталась только одна.

Прием прибывающих в лагерь производился следующим образом. Вначале, когда мы только попали в лагерь, когда прибывала партия евреев, прежде всего производился отбор стариков и старух, матерей и детей, а также больных и слабых на вид. Их погружали на грузовики. Оставляли только молодых женщин, девушек и молодых людей. Последних отправляли в лагерь для мужчин.

Обычно из прибывавших партий от 1000 до 1500 человек в лагерь попадало не более 250 человек, самое большее 250. Остальных тут же отправляли в газовую камеру.

Также производился отбор здоровых женщин 20—30 лет, которых отправляли в блок, где производились медицинские эксперименты, и женщин более старшего возраста, а также тех девушек, которых не использовали в указанных целях, все же направляли в лагерь, предварительно обрив и вытатуировав клеймо.

Весной 1944 года был организован блок для близнецов. Это было в то время, когда прибыла колоссальная партия венгерских евреев; их было приблизительно 700 000. Доктор Менгель, который производил эксперименты, отбирал во всех прибывших партиях близнецов. Он руководствовался желанием получить обоих близнецов, вне зависимости от того, какого они были возраста. Поэтому в этом блоке находились и маленькие дети и подростки. Я не знаю, что с ними делали, помимо того, что у них брали кровь и производили их измерение.

Обвинитель: Были ли вы очевидцем отбора, который производился по прибытии партии заключенных?

Г-жа Вайан Кутюрье: Да, так как в то время, когда мы работали в блоке, который был пошивочной мастерской, блоке № 44, а блок, в котором мы тогда жили, был перед тем местом, куда прибывали составы, в систему приема прибывающих партий было внесено усовершенствование: вместо того, чтобы производить отбор на платформе, состав подводили по запасному пути почти к самой газовой камере. Он останавливался в 100 метрах от газовой камеры, как раз перед нашим блоком, который, конечно, отделял два ряда колючей проволоки. Таким образом, мы видели, как распломбировывали вагоны, как солдаты выводили из них женщин, детей и мужчин. Мы присутствовали при душераздирающих сценах, видя, как разъединяли пожилые супружеские пары, как матерей понуждали оставлять своих юных дочерей, так как те попадали в лагерь, в то время как

матерей и маленьких детей направляли в газовую камеру. Все эти люди не знали, какая участь им была уготована. Они находились в состоянии растерянности, потому что их отделяли друг от друга, но они не знали, что их ведут на смерть.

Чтобы разрядить атмосферу приема, в ту пору, т. е. в июне — июле 1944 года, во время отбора после прибытия состава, оркестр из молодых, красивых заключенных, одетых в белые блузки и синие матросские юбки, играл веселые арии из оперетты «Веселая вдова», баркароллу из «Сказок Гофмана» и т. д. Прибывшим говорили, поскольку они не попадали внутрь лагеря и видели лишь небольшую, окруженную зеленью платформу, на которой играл оркестр, что это трудовой лагерь. Конечно, они не могли представить себе, что их ожидает. Тех, кто был отобран для отравления газом, т. е. стариков, детей и матерей, направляли в здание из красного кирпича.

Обвинитель: Производили ли перепись этих людей?

Г-жа Вайан Кутюрье: Нет.

Обвинитель: На них не ставили клейма?

Г-жа Вайан Кутюрье: Нет, их даже не считали.

Обвинитель: На вас было сделано клеймо?

Г-жа Вайан Кутюрье: Да. (*Свидетель показывает Суду клеймо на руке.)* Отобранных направляли в здание из красного кирпича, на котором имелась надпись «бад», т. е. «баня». Там их вначале заставляли раздеться и прежде, чем направить в так называемую душевую, им выдавали полотенца. Но в дальнейшем, когда стали прибывать большие партии из Венгрии, более не было времени для того, чтобы разыгрывать представление и мистифицировать заключенных. С них безжалостно срывали одежду. Мне известны эти подробности потому, что я была знакома с молоденькой французской еврейкой, которая жила со своей семьей во французской республике...

Маленькая Мари была единственным членом семьи в девять человек, который выжил. По прибытии в лагерь ее мать и семь братьев и сестер были отравлены газом. Когда я с ней познакомилась, ей было приказано раздевать детей перед тем, как они попадали в газовую камеру. После того, как люди раздевались, их заставляли пройти в помещение, которое внешне напоминало душевую. Через пробой в потолке в это помещение кидали капсюли с газом. Один из эсэсовцев наблюдал через глазок за тем действием, которое оказывал газ. Спустя пять—шесть минут после того, как газ сделал свое дело, этот эсэсовец подавал знак для того, чтобы открыли двери, и люди в газовых масках (это были заключенные) проникали в помещение и вытаскивали тела. Они нам рассказывали, что заключенные испытывали перед смертью сильные мучения, о чем свидетельствует то, что несколько тел было сцеплено друг с другом и стоило большого труда их разъединить.

После этого приходила команда, которая занималась тем, что вырывала золотые коронки и снимала искусственные челюсти, и уже после того, как тела были превращены в пепел, его просеивали снова в поисках золота.

В Освенциме было 8 крематорных печей. Но с 1944 года этого количества стало недостаточно. Эсэсовцы заставили заключенных вырыть колоссальные рвы, в которых устанавливали перекрестные перекрытия. Их обливали бензином и поджигали. Трупы сбрасывали в эти рвы.

Мы видели из нашего блока, как спустя примерно $^3/_4$ часа или час после прибытия партии заключенных, из печей крематория начинали вырываться большие языки пламени и на небе возникало зарево от огня, поднимавшегося над рвами.

Однажды ночью мы были разбужены страшным криком, и на следующее утро мы узнали от людей, которые работали в «зондеркомандо» (команде, работавшей при газовой камере), что накануне не было достаточно газа и еще живых детей бросали в топки крематорных печей.

Обвинитель: Не могли бы вы сообщить об отборе, который производился перед наступлением зимы?

Г-жа Вайан Кутюрье: Ежегодно, в конце осени, в «лазарете» производили большой отбор. Видимо, это протекало в соответствии с определенной системой.

Я говорю это потому, что могу делать выводы за тот период, который я находилась в Освенциме, и такие же выводы были сделаны теми, кто находился в лагере более длительный срок, чем я.

Весной во всей Европе производили облавы на мужчин и женщин, которых отправляли в Освенцим. В живых оставляли лишь тех, у которых было достаточно сил для того, чтобы работать в течение лета. Конечно, в течение этого периода люди умирали ежедневно, но наиболее сильные, которым удавалось продержаться шесть месяцев, как, например, я, настолько ослабевали, что в конце концов попадали в «лазарет». Тогда-то, осенью, и производили большой отбор, чтобы не кормить зимой лишние рты. Всех женщин, которые были наиболее истощены, отправляли в газовую камеру, как и тех, кто болел довольно продолжительный срок. Евреек травили газом почти без всякого повода. Так, например, отравили евреек, находившихся в блоке для чесоточных, хотя каждому известно, что от чесотки можно вылечить при достаточном уходе за три дня. Я вспоминаю, что из 500 больных тифом, находившихся в блоке для выздоравливающих, 450 было отправлено в газовую камеру.

В рождество 1944, нет — 1943 г., в рождество 1943 г., когда мы находились в карантине, помещавшемся перед блоком № 25, мы видели, как совершенно раздетых женщин привозили в этот блок. Затем прибывали грузовики, которые не были покрыты брезентом, и на них погружали этих совершенно раздетых женщин в таком количестве, в каком грузовики могли их вместить. Затем каждый раз, когда грузовик трогался с места, заслуживший себе известность Гесслер, осужденный впоследствии на Люнебургском процессе, бежал за грузовиком и наносил этим раздетым, идущим на смерть женщинам двойной удар своей дубинкой. Женщины знали, что их везут в газовую камеру, и пытались вырваться. Их избивали жесточайшим образом. Они пытались выпрыгнуть из грузовика, и из нашего блока мы видели, как проезжали грузовики, и слышали страшные крики этих раздетых женщин, которые ехали, зная, что они будут отравлены газом. Многие из них могли бы свободно выжить, так как у них была лишь чесотка или небольшое истощение.

Обвинитель: Г-жа Кутюрье, вы только что сообщили нам, что стоило угоняемым сойти с поезда, как их, даже не пересчитав, отправляли в газовую камеру. Что делали с их одеждой и их багажом?

Г-жа Вайан Кутюрье: Что касается евреев, то вопрос о них должен быть рассмотрен отдельно, потому что лица нееврейского происхождения сами должны были нести свой багаж в блоки, где его сортировали. Евреи

должны были по прибытии оставлять все свои вещи на перроне. До того, как их пропускали, им приказывали раздеться, и их одежда и прочие вещи, которые они с собой привозили, все это оставалось на перроне, а затем направлялось в большие бараки, где производила разборку вещей команда, которую называли «Канада». В бараках вещи сортировали и отправляли в Германию. Там были всевозможные предметы: драгоценности, меховые манто и т. д.

Так как в Освенцим евреев отправляли целыми семьями, говоря им, что это нечто вроде гетто и поэтому они должны брать с собой все, что у них имеется, они привозили с собой значительные драгоценности. Я вспоминаю, что когда прибывали евреи из Салоник, им выдавали почтовые открытки, внизу на этих открытках указывалось, что адрес отправителя— Вальдзее, хотя такого пункта не существовало. Им выдавали также печатный текст с тем, чтобы они написали своим родным: «Здесь мы хорошо устроились: у нас есть работа, с нами хорошо обращаются и хорошо кормят. Ждем вашего приезда». Я лично видела такие почтовые открытки, и писари в каждом блоке получали приказ раздавать их заключенным, чтобы те отправляли их своим семьям; мне известно, что после получения подобных открыток семьи приезжали. Мне известно, что такие случаи имели место в Греции, и я не знаю, применяли ли этот метод в других местах, но в Греции (как и в Словакии) целые семьи приходили в бюро по вербовке в Салониках, изъявляя желание присоединиться к своим родным. Я вспоминаю профессора-филолога из Салоник, который с ужасом узнал в приехавшем родного отца.

Обвинитель: Могли бы вы дать показания о лагерях для цыган?

Г-жа Вайан Кутюрье: Рядом с нашим лагерем находились на расстоянии трех метров два лагеря, отделенных колючей проволокой. В одном из этих лагерей находились цыгане, которые в 1944 году, примерно в августе месяце, были все отравлены газом. Там были цыгане из всех европейских государств, в том числе и из Германии. По другую сторону от нашего лагеря находился так называемый лагерь для семей. В него были помещены евреи из Терезиенштадта (из гетто в Терезиенштадте), которые в отличие от нас не были выбриты, не носили вытатуированного клейма. У них оставили их одежду, они не работали. Так они прожили шесть месяцев, а спустя шесть месяцев все обитатели этого лагеря были отравлены газом. В лагере было около 6—7 тысяч евреев. Через несколько дней из Терезиенштадта прибыли новые значительные партии евреев, они также были привезены целыми семьями, и шесть месяцев спустя их всех, как и первую партию, отравили газом.

Обвинитель: Г-жа Кутюрье, не могли бы вы дать ряд дополнительных показаний о том, что увидели перед самой отправкой из этого лагеря и при каких обстоятельствах вас из него увезли?

Г-жа Вайан Кутюрье: В 1943 году перед тем, как мы были увезены из Освенцима, нас поместили в карантин.

Обвинитель: Когда это было?

Г-жа Вайан Кутюрье: Мы пробыли в карантине в течение 10 месяцев: с 15 июля 1943 года по май 1944 года. Затем мы были возвращены на два месяца в лагерь, после чего нас отправили в Равенсбрук.

Обвинитель: Среди вас были только француженки из вашей партии, которые остались в живых?

Г-жа Вайан Кутюрье: Да, это были только француженки, оставшиеся в живых из нашей партии. От прибывших из Франции примерно в июле 1944 года евреек мы узнали, что Лондонское радио сообщило о нашей партии заключенных, причем были упомянуты Майя Политцер, Даниэль Казанова, Элен Соломон и я. Мы узнали, что после этого из Берлина был отдан приказ поместить француженок, входивших в эту партию заключенных, в лучшие условия, нежели остальных заключенных. Так мы попали в карантин. Это был блок, находившийся перед лагерем по другую сторону колючей проволоки. Я должна сказать, что мы — 49 человек, которые остались в живых, обязаны жизнью этому карантину, так как через четыре месяца после нашего прибытия в лагерь нас осталось лишь 52 человека. Поэтому, несомненно, мы не смогли бы перенести 18 месяцев лагерной жизни, если бы десять месяцев мы не провели в карантине. Карантин этот был создан в связи с тем, что в Освенциме свирепствовал сыпной тиф. Поэтому для того, чтобы выйти на свободу или быть переведенным в другой лагерь, или же для того, чтобы предстать перед судом, надо было предварительно пробыть в течение двух недель в карантине, так как две недели длится инкубационный период при заболевании сыпным тифом.

Также в тех случаях, когда приходили бумаги, в которых говорилось о возможном освобождении какого-либо заключенного, его отправляли в карантин, где он находился до тех пор, пока приказ о его освобождении не был подписан. Иногда это длилось в течение многих месяцев. Минимальный срок пребывания там был две недели.

В течение этого периода проводилась политика освобождения уголовников и антиобщественных германских элементов в целях направления их в качестве рабочей силы на германские заводы. Поэтому невозможно себе представить, чтобы во всей Германии могло быть не известно, что существуют концлагери, могло быть не известно, что в этих лагерях происходит, потому что трудно предположить, что все женщины, возвращавшиеся из этих лагерей, никогда о них не рассказывали. Кроме того, на заводах, на которых работали заключенные, были «форарбейтеринен», т. е. немки-мастера — гражданские лица, которые общались с заключенными и могли с ними разговаривать. «Ауфзееринен», работавшие в Освенциме, приехали на заводы Сименса в Равенсбруке, чтобы работать на той же должности. Они работали прежде в качестве работниц по вольному найму на заводах Сименса в Берлине и в Равенсбруке они встретились с мастерами-немками, которых знали по Берлину. При нас они рассказывали последним о том, что увидели в Освенциме. Поэтому нельзя предположить, что в Германии не знали о том, что происходит в концлагерях.

Когда мы оставляли Освенцим, мы не верили самим себе в происходящем, и у нас сжимались сердца при виде того, что из всех нас, т. е. из общего числа — 230, когда мы прибыли туда 18-ю месяцами ранее, осталась маленькая группа в 49 человек. Мы испытывали такое чувство, как будто мы оставляем ад, и впервые у нас зародилась надежда на то, что мы выживем и вновь увидим мир.

Обвинитель: Г-жа Кутюрье, куда вас затем отправили?

Г-жа Вайан Кутюрье: Из Освенцима нас отправили в лагерь в Равенсбруке. Там нас поместили в блок «НН», т. е. «Нахт унд небель», что означает «Ночь и туман». В этом блоке вместе с нами находились польские женщины, которых называли «кроликами», потому что их использо-

вали в качестве подопытных существ. Из партий польских женщин отбирали здоровых девушек со стройными ногами и производили над ними операции, у одних удаляли из ноги часть кости, другим делали впрыскивания, для чего именно, я не знаю. Среди подвергавшихся операциям была большая смертность.

Тех, кто отказывался итти в «лазарет», где над ними должны были произвести операцию, силой отправляли в карцер, где их оперировал приехавший из Берлина профессор. Он производил операции в военной форме, не принимая никаких антисептических предосторожностей, не надевая халата и не вымыв рук. Среди этих «кроликов» были такие, которым удалось выжить, и они испытывают страшные страдания до настоящего времени.

Обвинитель: Ставили ли на заключенных по их прибытии в лагерь клеймо?

Г-жа Вайан Кутюрье: Нет. В лагере в Равенсбруке клейма не вытатуировывали, но подвергали гинекологическому осмотру, и, так как при этом не принимали никаких предосторожностей, пользовались одними и теми же инструментами, это приводило к распространению заболеваний, причем следует учесть, что уголовные и политические заключенные находились вместе.

В блоке № 32, в котором мы находились, были также русские военнопленные, которые отказались работать добровольно на заводах по производству боеприпасов. В связи с этим они были помещены в лагерь в Равенсбруке. Поскольку они продолжали отказываться работать, их подвергали всяческим преследованиям: заставляли стоять целый день перед бараком, не давая пищи. Часть из них потом была отправлена в Барт, другая была использована при переноске ведер. В «штрафблоке» и «бункере» также были помещены заключенные, которые отказались работать на военных предприятиях.

Обвинитель: Вы имеете в виду тюрьмы лагеря?

Г-жа Вайан Кутюрье: Да, тюрьмы лагеря. Впрочем, тюрьма лагеря, я ее посетила, была гражданской тюрьмой, настоящей тюрьмой.

Обвинитель: Сколько французов было в лагере?

Г-жа Вайан Кутюрье: От 8 до 10 тысяч.

Обвинитель: Каково общее число женщин, которые там находились?

Г-жа Вайан Кутюрье. К моменту освобождения, в соответствии со списками, общее число равнялось 105 тысячам с лишним человек.

В лагере производили и казни. Утром на перекличке вызывали по номерам, после этого женщин направляли в комендатуру, и их больше не видели. Спустя несколько дней их одежду помещали в вещевой склад — «эфектенкаммер», где хранили вещи заключенных.

Обвинитель: Вся система содержания в лагере была такой же, как в Освенциме?

Г-жа Вайан Кутюрье: В Освенциме преследовалась совершенно определенная цель — уничтожение. Производительность труда заключенных не представляла интереса. Их убивали безо всякой причины. Было достаточно заставить их стоять на ногах с утра до вечера, что же касается того, носят заключенные один или десять кирпичей, этому не придавали значения. Там полностью отдавали себе отчет в том, что людей — человеческий материал — использовали как рабов, чтобы заставить их умереть. Это и было целью, тогда как в Равенсбруке вопрос о производи-

тельности труда играл большую роль. Это был распределительный лагерь. Когда в лагерь прибывали партии заключенных, их спешно направляли либо на предприятия по производству боеприпасов, либо на пороховые заводы, либо на строительство аэродромов, а в последнее время на рытье окопов.

Отправка на заводы производилась следующим образом: промышленники, или мастера, или же уполномоченные ими лица сами приходили в лагерь в сопровождении эсэсовцев, чтобы произвести отбор. Создавалось впечатление невольничьего рынка: щупали мускулы, изучали выражение лица, после чего останавливались в своем выборе на ком-либо. Затем отобранные проходили в раздетом виде перед врачом, и тот принимал решение, могут или же не могут они работать на заводе. В последнее время врачебный осмотр был только проформой, так как брали кого бы то ни было.

Работа была непосильная, особенно потому, что нехватало пищи и было мало времени для сна, т. е. приходилось напряженно работать по 12 часов и утром и вечером выходить на перекличку. В самом Равенсбруке был завод Сименса, на котором производились телефонное оборудование и радиоаппаратура для самолетов.

Кроме того, внутри самого лагеря находились мастерские по производству камуфляжа, военного обмундирования и всевозможных предметов, используемых солдатами...

Обвинитель: Сможете ли вы сообщить суду, в каком состоянии находился в момент освобождения лагерь, в котором содержались мужчины, и сколько осталось в живых?

Г-жа Вайан Кутюрье: Когда немцы покинули лагерь, они оставили в нем 2000 больных и некоторое число добровольцев, в том числе и меня, для того, чтобы ухаживать за больными. Нас оставили без воды и без света. К счастью, на другой день прибыли русские. Таким образом, мы смогли отправиться в лагерь, где помещались мужчины, и там мы увидели неописуемое зрелище. В течение пяти дней у заключенных не было воды. В лагере находилось 800 человек тяжело больных, три врача и семь медсестер, которые не успевали выносить мертвых из помещений, в которых лежали больные. Благодаря содействию Красной Армии мы смогли перевезти этих больных в чистые блоки, оказать им необходимую помощь и покормить их. К сожалению, я могу назвать лишь число французов. Когда мы прибыли в лагерь, в нем находилось 400 французов, но только 150 вернулось во Францию. Что касается остальных, то было слишком поздно, несмотря на оказанную им помощь...

Обвинитель: Присутствовали ли вы при казнях, и при каких обстоятельствах они совершались в лагере?

Г-жа Вайан Кутюрье: Я не присутствовала при казнях. Я знаю лишь, что последняя казнь имела место 22 апреля, за неделю до прихода Красной Армии. Как я уже говорила, заключенных отправляли в комендатуру, затем возвращалась только их одежда, а их карточки вынимали из картотеки.

Обвинитель: Являлось ли положение в этом лагере исключением, или вы полагаете, что такова была система?

Г-жа Вайан Кутюрье: Трудно дать точное представление о концентрационных лагерях, когда лично сам в них не побываешь, так как можно только привести примеры зверского обращения, но невозможно дать почувствовать это медленное, монотонное существование. Когда спрашивают,

что являлось самым ужасным, невозможно на это ответить, так как все было ужасным; ужасно умирать от голода, от жажды, быть больным, видеть, как умирают вокруг товарищи по заключению, и не иметь возможности что-либо сделать. Ужасно думать о своих детях, о своей стране, которых никогда больше не увидишь. Иногда наступали такие моменты, когда мы сомневались, не кошмар ли это, так эта жизнь нам казалась по своему ужасу нереальной.

В течение месяцев и годов у нас было одно желание: чтобы несколько из нас осталось в живых и мы рассказали всему миру о том, что такое нацистская каторга, так было всюду — в Освенциме и в Равенсбруке. А те, которые были в других лагерях, рассказывают то же самое — всюду систематически проявлялась беспощадная воля к тому, чтобы использовать людей в качестве рабов и, когда они больше не в состоянии работать, убивать их.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ РУДОЛЬФА ГЕСС

[*Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала 15 апреля 1946 г.*]

Д-р Кауфман (защитник подсудимого Кальтенбруннера): С разрешения Трибунала я вызываю свидетеля Рудольфа Гесс. (*Свидетель занимает свое место.*)

Председатель: Встаньте. Назовите свое имя.

Свидетель: Рудольф Франц Фердинанд Гесс.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги:

«Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю».

(*Свидетель повторяет присягу.*)

Председатель: Садитесь.

Кауфман: Свидетель, ваши показания будут иметь большое значение. Вы, вероятно, единственный человек, который может пролить свет на еще неизвестные факты и показать, кто давал приказы на уничтожение евреев, проживающих в Европе, какие эти приказы и в какой степени их выполнение было секретным.

Председатель: Д-р Кауфман, задавайте, пожалуйста, свидетелю вопросы.

Кауфман: Вы с 1940 по 1943 гг. были начальником лагеря Освенцим?

Гесс: Так точно.

Кауфман: За этот период времени сотни тысяч людей были там уничтожены? Это правда?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Правда ли, что вы сами не имеете точных записей о количестве этих жертв, так как вам запрещали делать подобные записи?

Гесс: Да, это правда.

Кауфман: Верно ли, что только один человек, фамилия которого Эйхман, вел такие записи, человек, которому были поручены организация этого дела и сбор людей?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Правильно ли, что Эйхман заявил вам, что в общем в Освенциме уничтожено более двух миллионов евреев?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Мужчин, женщин и детей?

Гесс: Да.

Кауфман: Вы участвовали в мировой войне?

Гесс: Так точно.

Кауфман: В 1922 году вы вступили в партию?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Вы были членом СС?

Гесс: С 1934 года.

Кауфман: Правильно ли, что в 1924 г. вы были осуждены к довольно продолжительному заключению за участие в убийстве?

Гесс: Так точно.

Кауфман: В конце 1934 года вы попали в концлагерь в Дахау?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Какие задачи у вас были там?

Гесс: Сначала я был руководителем блока заключенных, затем вел учет заключенных и, наконец, был хранителем их имущества.

Кауфман: Как долго вы были там?

Гесс: До 1938 года.

Кауфман: Где вы были с 1938 года? Какие должности вы занимали?

Гесс: В 1938 году я попал в лагерь Заксенхаузен, где сперва я был адъютантом начальника лагеря, а затем начальником лагеря, в котором сидели лица, находившиеся в превентивном заключении.

Кауфман: Когда вы были начальником лагеря в Освенциме?

Гесс: Я был начальником лагеря в Освенциме с мая 1940 года по 1-е февраля 1943 года.

Кауфман: Сколько заключенных было в Освенциме при самой полной наполненности лагеря?

Гесс: Максимально в Освенциме было приблизительно 170 тысяч заключенных мужчин и женщин.

Кауфман: Правильно ли, что в 1941 году вы были приглашены в Берлин к Гиммлеру? Расскажите кратко содержание вашей беседы?

Гесс: Хорошо. Летом 1941 года я был приглашен лично рейхсфюрером СС Гиммлером в Берлин. Я не могу дословно повторить, что он мне говорил, но смысл его слов был таков: Фюрер приказал окончательно разрешить еврейский вопрос. Мы, т. е. СС, должны провести этот приказ в жизнь. Если теперь, в данное время, мы не сделаем этого, то позднее еврейский народ уничтожит немецкий народ. Он сказал, что он выбрал Освенцим потому, что он расположен наиболее удобно в смысле подвоза людей по железной дороге, и потому, что на этой местности легко установить заграждения.

Кауфман: На этом совещании Гиммлер сказал вам, что вся кампания является «тайным государственным делом»?

Гесс: Да, на это он обратил мое внимание особо. Он сказал, что даже своему непосредственному начальнику Глюксу я не должен ничего говорить об этом. Настоящее совещание касается лишь нас обоих, и я должен хранить полное молчание по отношению ко всем остальным людям.

Кауфман: Какую должность занимал Глюкс, которого вы только что назвали?

Гесс: Группенфюрер Глюкс был инспектором концлагерей и подчинялся непосредственно рейхсфюреру.





Костры с жертвами, подготовленными к сжиганию в лагере Клога. (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

Кауфман: Название «тайное государственное дело» означает, что знающий что-либо о нем ни одним намеком не может о нем рассказывать, не подвергая свою жизнь опасности?

Гесс: Да. Это означает, человек, знающий что-либо о нем, не должен говорить о нем ни с кем другим и что он ответствен своей головой за то, чтобы никто не знал о нем.

Кауфман: Скажите, вы нарушили когда-нибудь это возложенное на вас обязательство, рассказав об этом кому-нибудь?

Гесс: Нет, до конца 1942 г. я никому ничего об этом не говорил.

Кауфман: Почему вы называете именно эту дату? После вы говорили что-нибудь какому-либо третьему лицу?

Гесс: В конце 1942 г. тогдашний гаулейтер Верхней Силезии своими замечаниями обратил внимание моей жены на то, что делается в моем лагере. Позже моя жена спросила меня, соответствует ли это действительности, и я ответил ей утвердительно.

Это единственное нарушение обещания, которое я дал рейхсфюреру. Больше я никому ничего не говорил.

Кауфман: Когда вы познакомились с Эйхманом?

Гесс: С Эйхманом я познакомился примерно через четыре недели после того, как я получил приказ рейхсфюрера. Он приехал в Освенцим, чтобы обсудить со мной порядок выполнения этого приказа. Как рейхсфюрер сказал мне во время нашей беседы, он поручил Эйхману обсудить его со мной. Все остальные указания я получал от него, от Эйхмана.

Кауфман: Опишите кратко, правильно ли, что лагери в Освенциме были совершенно изолированы? Какие меры были приняты для того, чтобы держать в строжайшем секрете проведение возложенной на вас задачи?

Гесс: Лагерь Освенцим как таковой находился в трех километрах от города. В округе на 20 тысяч моргенов все население должно было покинуть свое местожительство. На всю эту территорию разрешалось вступать лишь эсэсовцам, гражданские служащие имели специальные пропуска. Лагерь Биркенау, превращенный после в лагерь уничтожения, находился от Освенцима на расстоянии двух километров. Самые сооружения лагеря, использовавшиеся вначале, находились в лесу, были хорошо замаскированы и издали совершенно незаметны. Кроме того, зона была объявлена запретной, и даже члены СС, которые не имели специальных пропусков, не могли проходить на нее. Таким образом, никто, кроме уже указанных лиц, не имел возможности вступать на эту территорию.

Кауфман: Иногда прибывали железнодорожные эшелоны. Через какие промежутки времени они прибывали и сколько примерно людей находилось каждый раз в таком эшелоне?

Гесс: До 1944 года соответствующие кампании проводились в разных странах, в разное время, так что нельзя говорить о систематическом поступлении людей в лагерь. В течение примерно 4—6 недель ежедневно прибывало 2—3 эшелона с примерно двумя тысячами человек каждый. Сперва эшелоны переводились на запасный путь у Биркенау. Паровоз, доставлявший эти эшелоны, отправлялся обратно. Охрана, сопровождавшая эшелоны, должна была сейчас же покинуть эту область, а заключенные, приехавшие с эшелоном, принимались охраной лагеря. Затем два эсэсовских врача определяли их трудоспособность. Трудоспособные заключенные шли в Освенцим или в Биркенау; нетрудоспособные доставля-

лись сначала во временные помещения, о которых выше шла речь, а затем — в новоотстроенный крематорий.

Кауфман: На недавно проведенном мной допросе вы заявили, что приблизительно 60 человек были назначены для приемки этих эшелонов и что эти 60 человек были обязаны соблюдать тайну, так, как это было описано ранее. Вы подтверждаете это?

Гесс: Так точно. Эти 60 человек должны были быть всегда наготове направлять нетрудоспособных заключенных в построенные сооружения. Они, а также еще около десяти младших командиров и командиров, врачей и санитаров, несколько раз письменно и устно подтверждали свое обязательство держать в строжайшем секрете все, что происходило в лагере.

Кауфман: Мог посторонний человек, наблюдавший прибывавшие эшелоны, подумать, что люди, находящиеся в них, предназначены для уничтожения, или такая возможность была невелика уже потому, что в Освенциме было очень большое движение эшелонов, подвозились материалы и т. д.?

Гесс: Так точно. Наблюдатель, который не ставил себе специальной цели наблюдения за эшелонами, не мог составить себе общей картины, так как, прибывали не только эшелоны с новыми заключенными, которые использовались в лагере. Довольно большое количество эшелонов уезжало из лагеря с трудоспособными или предназначенными для обмена заключенными. Двери товарных вагонов были плотно закрыты, так что наблюдатель не мог видеть находившихся там людей. Кроме того, каждый день в лагерь прибывало до 100 вагонов с материалами, продуктами питания и проч., и, с другой стороны, они увозили военную продукцию, изготовленную в мастерских лагеря.

Кауфман: Правильно ли то, что по прибытии в лагерь жертвы должны были снимать с себя всю одежду и сдавать ценные вещи?

Гесс: Да.

Кауфман: И затем их сразу отправляли туда, где их ждала смерть?

Гесс: Да.

Кауфман: Скажите мне, руководствуясь вашим опытом, знали эти люди о том, что их ожидало?

Гесс: В большинстве случаев они ничего не знали, т. е. принимались меры в том направлении, чтобы не посеять в них сомнение и не вызывать подозрения, что им предстоит смерть. Так, например, на дверях в стенах были развешены объявления, которые указывали на то, что заключенным предстоит пройти процедуру дезинсекции или санитарной обработки в бане. Это объявляли заключенным на нескольких языках через посредство других заключенных, которые прибыли с прежними эшелонами и при выполнении всей акции работали в качестве подручных.

Кауфман: Смерть наступала через 3—15 минут, как вы мне об этом уже говорили. Не так ли?

Гесс: Да, так точно.

Кауфман: Затем вы мне говорили, что до наступления смерти жертвы теряли сознание?

Гесс: Да. Как мне удалось установить благодаря своим собственным наблюдениям или через врачей, в зависимости от температуры и количества людей, находящихся в камерах, срок наступления потери сознания или смерти был очень различен. Люди теряли сознание через несколько секунд или минут.

Кауфман: Вы сами, имея семью и детей, у вас когда-нибудь была жалость к этим жертвам?

Гесс: Да.

Кауфман: Но почему вы все-таки проводили это?

Гесс: При всех тех сомнениях, которые у меня возникали, единственным руководящим началом оставался обязательный приказ рейхсфюрера Гиммлера и данное им обоснование этого приказа.

Кауфман: Я спрашиваю вас: осматривал Гиммлер лагерь и убеждался ли он сам в том, как происходил процесс уничтожения?

Гесс: Да, конечно. В 1942 году Гиммлер посетил лагерь и проследил за одним процессом целиком с начала до конца.

Кауфман: То же самое можно сказать и об Эйхмане?

Гесс: Эйхман несколько раз был в Освенциме и знал все хорошо...

Кауфман: Что вам известно о так называемых медицинских опытах с живыми заключенными?

Гесс: Медицинские опыты проводились в различных лагерях. В Освенциме производились опыты по стерилизации профессором Клаубертом и доктором Шуманом и опыты над близнецами эсэсовским врачом доктором Менгеле.

Кауфман: Знаете вы доктора Рашера?

Гесс: В Дахау был врач военно-воздушных сил Рашер, который делал опыты над заключенными, приговоренными к смерти, с целью определить сопротивление человеческого организма в камерах с сжатым воздухом и при низкой температуре.

Кауфман: Вы сами знаете, насколько подобного рода опыты были известны другим людям, находящимся в лагере?

Гесс: Конечно, эти опыты, как и все остальное, проводились как «тайное государственное дело». Но нельзя было избежать того, чтобы эти опыты, которые проводились в таком большом лагере, и заключенные сами должны были их как-то наблюдать, стали известны.

Насколько эти опыты стали известны вне пределов лагеря, я не знаю.

(*Далее допрос переходит к представителю обвинения от США полковнику Эймену.*)

...*Эймен:* Я прошу, чтобы свидетелю показали документ номер 3868-ПС, который я представляю Трибуналу в качестве документального доказательства за № США—818.

(Свидетелю передается документ.)

Вы подписали это письменное показание добровольно, свидетель?

Гесс: Да.

Эймен: И это письменное показание, данное под присягой, верно во всех отношениях?

Гесс: Да.

Эймен: Господа судьи, мы имеем это письменное показание на четырех языках.

Вы уже частично осветили нам некоторые вопросы, которые содержатся в этом письменном показании. Поэтому я опущу некоторые части этого показания. Следите, пожалуйста, за текстом, когда я буду читать. Экземпляр письменного показания перед вами?

Гесс: Да.

Эймен: Я опускаю первый абзац и начинаю со второго:

«Я постоянно имел дело с администрацией концлагерей, начиная с 1934 года, и служил в Дахау до 1938 года. Затем с 1938 года до 1 мая 1940 года я был адъютантом начальника лагеря в Освенциме. Я был начальником лагеря Освенцим до 1 декабря 1943 года. Я думаю, что по крайней мере 2500 тысяч жертв было там истреблено и казнено путем отравления их в газовых камерах и сожжением, и по крайней мере еще полмиллиона человек погибло от голода и болезней. Таким образом, общая цифра погибших достигает приблизительно трех миллионов человек, т. е. 70 или 80 процентов всех лиц, посланных в Освенцим в качестве заключенных. Остальные заключенные попали в число отобранных для использования на принудительных работах в промышленных предприятиях, которые имелись при концлагерях. Среди казненных и сожженных лиц имелись русские военнопленные, которые были предварительно изъяты гестапо из лагерей для военнопленных. Эти военнопленные были доставлены в Освенцим в армейских эшелонах офицерами и солдатами регулярной германской армии. Среди остальных погибших было примерно 100 тысяч немецких евреев и множество лиц, принадлежавших в большинстве случаев к еврейской национальности из Голландии, Франции, Бельгии, Польши, Венгрии, Чехословакии, Греции и других стран. В течение лета 1944 года только в Освенциме мы казнили, примерно, 400 тысяч венгерских евреев».

Это все правильно, свидетель?

Гесс: Да.

Эймен: Теперь я опущу несколько первых строк третьего абзаца и начну с середины его....

Скажите, свидетель, правильна ли дата в конце третьего абзаца, в том месте, где говорится о том, что только в Освенциме в течение лета 1944 года было казнено 400 000 венгерских евреев. Это было в 1944 или в 1943 году?

Гесс: 1944 год. Частично число это относится и к 1943 году, но только частично. Я не могу сейчас точно указать количества, во всяком случае, конец относится к осени 1944 года.

Эймен: Хорошо.

«4) Массовое истребление путем отравления газом началось летом 1941 года и продолжалось до осени 1944 года. Я лично осуществлял наблюдение за казнями в Освенциме до 1 декабря 1943 г. Благодаря своей инспекторской должности, занимаемой мною в концлагерях в течение долгого времени, мне известно, что эти массовые казни продолжались так же, как и раньше. Все массовые казни путем удушия в газовых камерах проводились по непосредственному распоряжению, под наблюдением и на ответственность главного имперского управления безопасности. Все распоряжения о выполнении этих массовых казней я получал непосредственно от него».

Свидетель, эти показания верны и соответствуют действительности?

Гесс: Да.

Эймен: «5) 1 декабря 1942 года я был назначен начальником 1 отдела группы «Д» главного административно-хозяйственного управления. На этом посту я занимался координированием всех вопросов, возникавших между РСХА и концлагерями, находившимися в ведении главного административно-хозяйственного управления. Я оставался на этом посту до самого конца войны. Поль, бывший начальником главного администра-

тивно-хозяйственного управления, часто вел письменные и устные переговоры по вопросам, касавшимся концлагерей».

Вы уже сообщили нам об объемистом отчете, который вы привезли Кальтенбруннеру в Берлин. Поэтому я опускаю остальную часть 5-го абзаца.

«6. Окончательное разрешение еврейского вопроса означало полное уничтожение всех евреев в Европе. В июне 1941 г. мне было приказано позаботиться об оборудовании для истребления их в Освенциме. В то время в генерал-губернаторстве существовали три лагеря уничтожения: Бельзен, Треблинка и Вольцек. Эти лагери подчинялись эйнзатцкомандам полиции безопасности и СД. Я поехал в лагерь Треблинка, чтобы ознакомиться с тем, как там проводилось истребление. Начальник лагеря в Треблинке сказал мне, что он ликвидировал 80 тысяч человек в течение полугода. Он занимался, главным образом, истреблением евреев из варшавского гетто. Он применял газ моноксидин, но считал, что этот метод не очень эффективен. Поэтому, когда я устроил в Освенциме помещение для уничтожения, я применял циклон Б — кристаллизованную синильную кислоту, которую мы бросали в камеру смерти через небольшое отверстие. В зависимости от климатических условий в этой камере люди умирали в течение 3—15 минут. О наступившей смерти мы узнавали по тому, что находившиеся в камере люди переставали кричать. Перед тем, как открывать двери, чтобы убрать трупы, мы выжидали обычно с полчаса. После того, как трупы были вынесены, наши особые команды занимались тем, что снимали с жертв кольца и извлекали золотые зубы».

Все это правда и соответствует действительности, свидетель?

Гесс: Да.

Эймен: Кстати, что делали с золотом, которое вынимали изо рта трупов, вы это знаете?

Гесс: Да.

Эймен: Скажите же это Трибуналу.

Гесс: Золото расплавлялось и передавалось главному санитарному управлению СС в Берлине.

Эймен: «7) Другое усовершенствование, которое мы провели по сравнению с лагерем Треблинка, было то, что мы построили нашу газовую камеру так, что она могла вместить 2000 человек одновременно, а в Треблинке десять газовых камер вмещали по 200 человек каждая. Жертв мы выбирали таким образом: в Освенциме два дежурных врача осматривали заключенных, прибывавших эшелонами. Заключенных направляли к одному из врачей, который тут же на месте принимал решение. Пригодных к работе направляли в лагерь, остальных же немедленно посылали на фабрики истребления. Маленьких детей истребляли всех, так как они не могли работать.

Еще одно усовершенствование, которое мы ввели по сравнению с Треблинкой. В Треблинке жертвы всегда знали, что они умрут; у нас жертвы думали, что их подвергнут санобработке. Конечно, часто они догадывались о наших действительных намерениях, и иногда начинались бунты и возникали затруднения. Очень часто женщины пытались спрятать своих детей под одеждой, но, конечно, когда мы обнаруживали их, мы отправляли их в камеры уничтожения. Нам было приказано проводить все это истребление тайно, но ужасающий и тошнотворный смрад от постоянного сжигания трупов заполнял всю территорию, и все население, проживающее в ок-

рестностях, знало, что в Освенциме проводилось истребление людей».

Скажите, свидетель, все это правильно и соответствует действительности?

Гесс: Да.

Эймен: Теперь я пропущу параграфы 8-й и 9-й, где говорится о медицинских экспериментах, о которых вы уже дали показания. Перехожу к параграфу 10-му.

«10. Рудольф Мильднер был начальником гестапо в Катовицах примерно с марта 1941 года до сентября 1943 года. В качестве такового он часто посылал в Освенцим пленных для заключения или казни. Несколько раз он сам приезжал в Освенцим. Трибуналы, гестапо и штандгерихт СС, которые судили лиц, обвиняемых в различных преступлениях, как например, побег военнопленных и т. д., часто заседали в Освенциме, и Мильднер нередко присутствовал на разбирательстве дел таких лиц, которых обычно казнили в Освенциме вслед за вынесением приговора. Я показал Мильднеру весь комбинат истребления в Освенциме; он был в этом непосредственно заинтересован, так как он должен был посылать евреев со своей территории для истребления в Освенцим».

«Я понимаю английский язык, как об этом сказано выше. Вышеприведенные показания правильны; это показание было дано мной добровольно и без принуждения; я подписал его по прочтении 5 апреля 1946 г. Нюрнберг».

Теперь я спрашиваю вас, свидетель, правильно ли все то, что я зачитал вам?

Гесс: Да.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАД ЖИВЫМИ ЛЮДЬМИ

ИЗ ПИСЬМА ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ С. РАШЕРА ОТ 17 ФЕВРАЛЯ 1945 г. НА ИМЯ ГЕНРИХА ГИММЛЕРА, РЕЙХСФЮРЕРА СС

[*Документ 400-ПС*]

... Проще было бы, если бы я был переведен в части СС и смог бы поехать с племянником в Аусшвиц[1], где бы я мог более быстро на ряде опытов разрешить вопрос отогревания обмораживаний, происшедших на суше. Для таких опытов Аусшвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку там более холодно и территория больше. Потом, это будет меньше привлекать к себе внимание (испытуемые кричат, когда замерзают).

Если, уважаемый рейхсфюрер, в наших интересах ускорит важные для армии опыты в Аусшвице (Люблине или в каком-либо другом лагере на Востоке), то я вас покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода.

С приветом и благодарностью. Хайль Гитлер!

Вам всегда преданный *С. Рашер*.

ИЗ СООБЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ О ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСВЕНЦИМЕ

[*Документ СССР-8*]

... В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдение. Производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ...

В больничных отделениях лагеря Аусшвица проводились эксперименты над женщинами.

В 10-м блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию

---

[1] Освенцим. — Составители.

рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки...

В блоке № 21 (это уже второй блок, — женский блок был под № 10) производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удалялись одно или оба яичка для исследования...

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГОЛЛАНДСКОГО ПОДДАННОГО ВРАЧА ДЕ ВИНДА

[*Документ СССР-52*]

...Опытам были подвергнуты 15 девушек от 17 до 18 лет, между прочим: Шимми Белла из Салоник (Греция), Буэна Дора из Салоник (Греция). Из 15 девушек осталось в живых лишь несколько. Они находятся, к сожалению, во власти немцев, вследствие чего об этих зверских опытах у нас нет объективных данных. Несомненно следующее. Девушек ставили между двумя плитами с ультракоротковолновым полем; один электрод ставили на живот, а другой помещали на ягодицах, фокус лучей направлялся на яичники, вследствие чего яичники сгорали. Вследствие неправильной дозировки на животе и ягодицах появлялись серьезные ожоги. Одна из девушек от таких страшных поражений умерла; других девушек отправили в Биркенау в санчасть или в рабочие группы...

Через месяц они вернулись в Освенцим. В Освенциме им сделали две контрольные операции: один разрез в длину, другой поперек, причем удалили половые органы для исследования их состояния. Девушки совершенно изменились внешне вследствие выпадения гормональных проявлений и походили на старух.

ОБ УСЛОВИЯХ, ПРИ КОТОРЫХ НЕКАЯ ЦЫГАНКА ЛЮЦИЯ СТРАЗДЫНИ ИМЕЕТ ПРАВО ЖИТЬ В ЛИБАВЕ

ИЗ ОТНОШЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ЛИБАВЕ ЛЕЙТЕНАНТА ФРАНКА ОТ 10 ДЕКАБРЯ 1941 г.

[*Документ СССР-400*]

... Префекту г. Либава.

Решено, что цыганка Люция Страздыни имеет право здесь жить только в том случае, если она подвергнется стерилизации.

Объявить ей об этом и доложить о результатах. *Франк*, лейтенант участковой полиции безопасности и начальник отделения полиции безопасности.

ИЗ ОТНОШЕНИЯ ПРЕФЕКТУРЫ г. ЛИБАВА НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Пересылая обратно ваше отношение от 10 декабря 1941 г. о стерилизации цыганки Люции Страздыни, сообщаю, что упомянутая особа 9 января с. г. стерилизована в местной больнице...

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, ПРОИЗВЕДЕННОЙ В ОСВЕНЦИМСКОМ ЛАГЕРЕ

[*Документ СССР-8*]

...Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцимском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми:

1. Массовое иссечение тканей шейки матки, или даже полную ампутацию последней.

2. Испытание ряда неизвестных веществ для целей рентгенографии матки и труб. Указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что зачастую было сопряжено с мучительными болями для экспериментируемых жертв.

3. Стерилизация женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области, с последующими чревосечениями и изъятием яичников. Эти опыты производились преимущественно над молодыми женщинами.

4. Изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентины Эрвин, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер из Кенигсгютте и химик Гебель специально купили у администрации лагеря 150 женщин.

5. Стерилизация мужчин путем рентгеновского облучения.

6. Опыты над мужчинами с применением раздражающих химических веществ на коже голени для искусственного вызывания язв, флегмоны.

7. Ряд других опытов — искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т. д.

В связи с тем, что в германской армии стало развиваться членовредительство, у заключенных стали вызывать искусственно тяжкие телесные повреждения путем впрыскивания бензина, уксусно-кислого алюминия и т. д., т. е. теми же приемами, какими производились акты членовредительства желавшими дезертировать из армии...

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ БЫВШЕГО ЗАКЛЮЧЕННОГО ШТЕРНА САМУИЛА АБРАМОВИЧА, ЖИТЕЛЯ г. БУХАРЕСТА

[*Документ СССР-8*]

... В лагере Аусшвиц[1] я работал в качестве исполняющего обязанности фельдшера. По приказанию обер-фельдфебеля Кошуб я делал уколы и другие манипуляции заключенным. Хорошо знаю, что многим заключенным впрыскивался керосин под кожу в голень... Второй метод экспериментов: химическое раздражение кожи. Для этой цели применялся 80% раствор уксусно-кислого алюминия (алюминь-ацетикум). После этого снимали весь слой кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование... Кошуб прививал также искусственную желтуху и вливал кровь маляриков...

[1] Освенцим. — Составители.

... Над людьми, находившимися в здешнем лагере, производились под «научным» управлением некоего майора Шмидта всевозможные «научные» опыты. Так, например, химический трест «И. Г. Фарбен» (Гест-на Майне) закупил у гестапо 500 молодых женщин, которых для проведения опытов поместили в «блоке 10» лагеря Освенцим. В этом блоке профессор Глаубер и его ассистент доктор Гебель впрыскивали этим женщинам в матку и под кожу разные медикаменты, причиняли им боли. У женщин являлась лихорадка, они страдали разными заболеваниями...

Десять юношей заставили принять какую-то жидкость фабрики И. Г. Фарбен, объясняя, что это совершенно безвредный препарат. Этот опыт повлек за собой немедленную смерть двух молодых людей...

... Очень многие опыты кончались быстрой и мучительной смертью подопытных заключенных. После окончательного использования заключенных для экспериментов их убивали и сжигали. Этим путем немцы стремились уничтожить свидетелей своих бесчеловечных опытов...

УМЕРЩВЛЕНИЕ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ

ИЗ СООБЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗВЕРСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В г. КИЕВЕ

[*Документ СССР-249*]

...14 октября 1941 г. в психиатрическую больницу во главе с немецким гарнизонным врачом Риковским ворвался отряд эсэсовцев. Гитлеровцы загнали 300 больных в одно из зданий, в котором продержали их без пищи и воды, а затем расстреляли в овраге Кирилловской рощи. Остальные больные были истреблены 7 января, 27 марта и 17 октября 1942 г...

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ПРОФЕССОРА КАПУСТЯНСКОГО, ВРАЧЕЙ ДЗЕВАЛТОВСКОЙ, ПЕНСКОЙ, ФАРБЕР, ЕВСТАФЬЕВОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ СЕСТРЫ ТРОЕПОЛЬСКОЙ

[*Документ СССР-249*]

... Во время немецкой оккупации г. Киева Киевской психиатрической больнице пришлось пережить трагические дни, закончившиеся полным разгромом и уничтожением больницы. Произошло небывалое в истории насилие над несчастными душевнобольными, перед которым бледнеет весь ужас средневековья. В течение 1941—42 гг. было уничтожено 800 больных.

Оккупанты, явившись в Киевскую психиатрическую больницу, были поражены ее благоустроенностью и начали открытый беззастенчивый грабеж. Взяв значительное количество продуктов питания, обрекли больных на голодную смерть, но этого им оказалось недостаточно, и 14 октября 1941 г. они произвели первое массовое убийство больных. В больницу прибыл гарнизонный врач Риковский и дал приказ администрации выделить 300 человек больных для эвакуации в Винницу в трудовую колонию. Затем приехало гестапо, и несчастных полураздетых больных под проливным дождем угнали в отдаленное здание, где продержали без пищи и питья несколько дней, а затем расстреляли в овраге Кирилловской рощи. С этого ужасного момента мы были все время под угрозой новых жертв. Чувствовалось, что больные и мы — врачи — обречены на гибель. Врачи больницы по собственной инициативе, с риском для себя, начали поспешно выписывать больных. Тогда из больницы выписали около 400 больных. В дальнейшем последовало распоряжение гестапо прекратить выписку. Больные, лишенные питания, умирали массами.

То, что произошло зимой 1942 года, совершенно не поддается описанию.

7 января 1942 г. прибыло в больницу гестапо. Везде на территории больницы были расставлены часовые. Вход и выход из больницы были запрещены. Представитель гестапо потребовал отобрать хронических больных для отправки в Житомир. Произвели точный учет больных, заявив администрации, что всякое исчезновение больных будет строго наказано, а количество недостающих больных будет пополнено персоналом. Что ожидало больных, тщательно скрывалось от медперсонала. Затем в больницу прибыли особые автомашины. В эти машины начали вталкивать больных приблизительно по 60—70 человек в каждую. Зверство происходило на глазах под окнами отделений. Больных погружали в машину, умерщвляли. Трупы выбрасывались здесь же.

Зверство продолжалось двое суток, в течение которых было уничтожено 365 человек больных. Больные, бывшие в сознании, вскоре узнали истину. Наблюдались душераздирающие картины. Так, молодая девушка, больная Я., несмотря на все усилия врача, поняла, что ее ожидает смерть, вышла из палаты, обняла врача и тихо спросила: «Это конец?». Бледная, как смерть, направилась к машине и, отказавшись от помощи, вошла в нее.

Весь персонал был предупрежден, что какая-либо критика и выражение неудовольствия совершенно неуместны и будут рассматриваться, как саботаж...

ОТНОШЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД ЛАТВИИ ОТ 19 МАЯ 1942 г.

[*Документ СССР-397*]

В бюро записи актов гражданского состояния в г. Риге.
Относительно: извещения о смертных случаях.
Ссылка: нет.
Приложение: 10.

Настоящим удостоверяю, что поименованные в прилагаемом списке 368 неизлечимо больных скончались 29 января 1942 г.

Исполняющий обязанности СС штурмбаннфюрера *Кирсте.*

Удостоверяю: *Экштедт* (печать).

ОТНОШЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД ЛАТВИИ ЗА № 357/42 ОТ 23 МАЯ 1942 г.

[*Документ СССР-410*]

Секретно

Бюро записи актов гражданского состояния в г. Риге.
Относительно: извещения о смертных случаях.
Ссылка:
Приложение:

Настоящим удостоверяю, что поименованные в прилагаемом списке 243 неизлечимые душевнобольные скончались 14 апреля 1942 г.

Исполняющий обязанности СС штурмбаннфюрера *Кирсте.*

Удостоверяю: *Экштедт* (печать).

ИСТРЕБЛЕНИЕ ДЕТЕЙ

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ ШМАГЛЕВСКОЙ, ГРАЖДАНКИ ПОЛЬШИ, В ЗАСЕДАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Председатель: Пожалуйста, назовите ваше имя.
Шмаглевская: Шмаглевская.

(Далее свидетельница приводится к присяге.)

Смирнов[1]*:* Свидетельница, вы были узницей лагеря Освенцима?
Шмаглевская: Да.
Смирнов: В течение какого времени вы находились в Освенциме?
Шмаглевская: от 7 сентября 1942 г. до января 1945 г.
Смирнов: У вас есть какие-нибудь подтверждения, что вы были узницей этого лагеря?
Шмаглевская: У меня есть номер, вытатуированный на моей руке, здесь *(показывает)*.
Смирнов: Это то, что узники Освенцима называли «визитной карточкой»?
Шмаглевская: Да.
Смирнов: Вы были очевидцем отношения эсэсовцев к детям в Освенциме?
Шмаглевская: Да.
Смирнов: Я прошу вас рассказать об этом.
Свидетель: Я могу рассказать о детях, которые родились в концлагере, о детях, которые были привезены в концлагери с еврейскими транспортами и которых вели прямо в крематории, а также о детях, которые были привезены в концлагери как интернированные.

Уже в декабре 1942 года, когда я шла на работу в 10 км от Биркенау...
Смирнов: Простите, я вас перебью, вы были в отделении Биркенау?
Свидетель: Да, я была в лагере Биркенау. Это неофициальная часть Освенцима, которая называлась Освенцим № 2.
Свидетель: Тогда я заметила женщину, которая была беременна на последнем месяце беременности. Это было видно по ней. Эта женщина, вместе с другими шла 10 км к месту своей работы и там работала весь день с лопатой в руках по раскопке траншеи. Она уже была больна, и она попросила мастера-немца, штатского немца, чтобы он разрешил ей отдохнуть. Он на это все-таки не согласился, смеялся и вместе с другим эсэсовцем начал бить ее и очень сурово надзирать за ней при работе. Таково было положение всех женщин, которые были беременны. И только в последнюю

[1] Л. Н. Смирнов — помощник Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе.— Составители.

минуту им разрешалось не итти на работу. Дети, которые были рождены, если это были еврейские дети, были немедленно посылаемы на смерть.

Смирнов: Я прошу извинить меня, свидетель. Что значит немедленно посылать на смерть? Когда это было?

Свидетель: Были немедленно забираемы у своих матерей.

Смирнов: Когда прибывал эшелон?

Свидетель: Нет, я говорю о детях, которые родились в концлагере. Через несколько минут после рождения ребенка отрывали у матери. Мать больше никогда не видела ребенка. После нескольких дней мать шла опять на работу. В 1942 году не было еще отдельных блоков для детей. В начале 1943 года, когда начали татуировать заключенных, дети, которые были рождены в концлагере, были также татуированы. Номер был татуирован на ноге.

Смирнов: Почему на ноге?

Свидетель: Так как ребенок очень мал и номер, составляющий пять цифр, не поместился бы на маленькой ручейке. Дети не имели отдельных номеров, у них были те же номера, которые имели взрослые, иначе говоря, порядковые номера.

Дети помещались в отдельном блоке, и через несколько недель, а иногда через месяц они увозились из лагеря.

Смирнов: Куда?

Свидетель: Нам никогда не удавалось узнать, куда эти дети увозились. Их увозили за все время существования этого лагеря, т. е. в 1943, 1944 гг. Последний транспорт детей был вывезен в январе 1945 года. То не были исключительно польские дети, так как известно, что в Биркенау были женщины со всей Европы. И до сегодняшнего дня неизвестно, живы эти дети или нет.

Я бы хотела от имени женщин всей Европы, которые делались матерями в концлагерях, спросить сегодня немцев: где эти дети находятся?

Смирнов: Вы были очевидцем фактов, когда детей отправляли в газовые камеры?

Свидетель: Я работала очень близко от железнодорожной ветки, которая вела в крематорий. Иногда по утрам я проходила возле помещения немецкого клозета, откуда я тайно могла присматриваться к транспортам. Тогда я видела, что вместе с евреями, которые привозились в концлагери, приезжало много детей. Иногда в семье имелось несколько человек детей. Трибунал, вероятно, знает, что перед крематорием имел место отбор — селекция...

Смирнов: Селекция производилась врачами?

Свидетель: Не всегда врачами, но и эсэсовцами.

Смирнов: Но и врачами, в том числе?

Свидетель: И врачами. Во время этой селекции самые молодые и самые здоровые еврейки в очень малом количестве входили в лагерь. Те женщины, которые несли детей, вместе с этими детьми посылались в крематорий. Детей отделяли от родителей перед крематорием и вели их отдельно в газовую камеру.

В то время, когда больше всего евреев уничтожалось в газовых камерах, вышло распоряжение, что детей будут бросать в печи крематория или ямы крематория без того, чтобы их раньше задушить газом.

Смирнов: Как следует вас понимать: их бросали в огонь живыми или перед сожжением их убивали другими способами?



Дети-узники (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)



Дети-узники: Цимлих (1) 12 лет из Польши; Мангель (2) 13 лет из Венгрии. Обморожение стоп 2-й и 3-й степени. Были выставлены на мороз без обуви на 12 часов. (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

Свидетель: Детей бросали живыми. Крик этих детей был слышан во всем лагере. Трудно сказать, сколько было этих детей.

Смирнов: Почему же, все-таки, было это произведено?

Свидетель: На это очень трудно ответить. Мы не знаем, желали ли они съэкономить газ, или потому, что не было места в газовых камерах.

Я хотела бы еще сказать, что нельзя определить количество этих людей, как, например, евреев, которых везли прямо в крематорий. Они не были зарегистрированы, не были татуированы, очень часто их даже не считали. Мы, заключенные, которые хотели себе отдать отчет о количестве людей, которые погибали в газовых камерах, могли ориентироваться только по тому, что мы узнавали о количестве детских смертей по числу колясок, которые были препровождены в магазины. Иногда было сотни колясок, иногда тысячи.

Смирнов: В день?

Свидетель: Не всегда одинаково. Были дни, когда газовые камеры работали с ранних часов утра до позднего вечера.

Я бы еще хотела сказать о тех детях, которые были в немалом количестве введены в концентрационный лагерь в качестве заключенных. В начале 1943 года приехали в концлагерь вместе с родителями польские дети из Замойшевны. Одновременно начали прибывать русские дети из областей, оккупированных немцами. Потом к этим детям прибыло еще небольшое количество еврейских детей. В меньшем количестве можно было встретить в концлагере итальянских детей. Положение для детей было так же тяжело, как положение всех остальных заключенных, может быть, даже более тяжелым. Эти дети не получали никаких посылок, так как их некому было посылать. Посылки Красного Креста никогда не доходили до заключенных.

В 1944 году прибыло в концлагерь большое количество итальянских и французских детей. Все эти дети были больны экземой, лимфатическими нарывами, страдали от голода, были плохо одеты, часто были без обуви и не имели возможности мыться. Во время варшавского восстания приехали в концлагерь заключенные дети из Варшавы. Самым маленьким из этих детей был мальчик шести лет.

Дети были помещены в отдельном бараке. Когда начался систематический вывоз заключенных из Бирхенау в глубь Германии, этих детей использовали для тяжелых работ.

В то же время прибыли в концлагерь дети венгерских евреев, которые работали вместе с детьми, которых привезли после варшавского восстания. Эти дети работали на двух возах, которые они собственной силой должны были везти. Перевозили они из одного лагеря в другой уголь, железные машины, дерево от полов и другие тяжелые предметы. Они также работали при разборке бараков во время ликвидации лагеря. Эти дети остались в концлагере до самого конца. В январе 1945 года они были эвакуированы и должны были итти пешком в Германию в таких же тяжелых условиях, как и фронт, под обстрелом эсэсовцев, без пищи, покрывая около 30 километров в день.

Смирнов: В этом марше дети умирали от истощения?

Свидетель: Я не была в той группе, в которой были дети; я бежала на второй день после этого марша.

Я бы еще хотела сказать о методах деморализации человека в концлагере. Все то, что переживали заключенные, было результатом системы

унижения человека. Вагоны, в которых заключенные прибывали в концлагерь,— это были вагоны для скота, и во время, когда транспорт двинулся, эти вагоны забивались гвоздями. В каждом из этих вагонов было много людей. Конвой, состоявший из эсэсовцев, не думал о том, что люди имеют физиологические потребности.

Смирнов: Что вы можете еще сказать об отношении к детям в лагере? Вы осветили в своих показаниях все факты, известные вам по этому поводу?

Свидетель: Я хотела бы сказать, что дети подвергались системе деморализации и унижения, как и взрослые, через голод, причем голод доводился до того, что дети искали среди помоев и грязи картофельную шелуху для того, чтобы ее есть.

Смирнов: Скажите, вы подтверждаете свои показания о том, что иногда количество колясок, оставшихся в лагере после умерщвления детей, доходило до тысячи в день?

Свидетель: Да, были такие дни.

ЗАЩИТА

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕЙ ЗАЩИТНИКОВ

4 июля 1946 г. начались защитительные речи адвокатов. Первым выступил с защитительной речью адвокат Герман Яройсс (профессор международного права).

Его речь «Нарушение мира между государствами и его наказуемость» должна была подвести «теоретическую» правовую базу под попытки оспорить юрисдикцию Международного Военного Трибунала и «подкрепить» ранее сделанные попытки адвокатом Штаммером и другими оспорить правомочность Трибунала судить главных немецких военных преступников.

Яройсс определил свою задачу следующим образом:

«Я здесь рассматриваю только правовой вопрос, а не даю оценку процедуре предъявления доказательств, продолжавшуюся много месяцев. Я рассматриваю только вопрос о действующих правовых нормах, а не о правовых нормах, которые могут или должны устанавливаться, исходя из требований морали или человеческого прогресса. Передо мной стоит чисто научная задача».

Сославшись на ряд литературных источников, главным образом, англо-американского происхождения, и на практику печальной памяти Лиги наций, Яройсс делает вывод:

«Если германская империя в известном случае начала наступление вопреки еще действующему договору о ненападении, то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права».

Сообразив, однако, что факты грубого попирания элементарных норм международного права, международных договоров и соглашений со стороны гитлеровской Германии неопровержимо доказаны на процессе, «ученый» защитник агрессии Яройсс поспешил создать новую лазейку. Он заявил:

«Только империя, но не отдельное лицо, будь оно даже главой государства»,— должно нести ответственность...

«Наказание отдельных лиц в соответствии с нормами международного права за нарушение мира между отдельными государствами,— продолжал Яройсс,— возможно только в том случае, если будут уничтожены основы действующего международного права и представления, в течение веков прочно укоренившиеся в сознании европейских народов, основы и представления, согласно которым государство, суверенное государство, является непременной основой существования свободы личности».

Яройсс пытается просто запугать судей. Он заявляет:

«Осуждение отдельных лиц за нарушение мира между государствами

является с правовой точки зрения чем-то совершенно новым, тем новым, что вызовет целый переворот».

По существу все рассуждения Яройсса сводились к следующему: физических лиц судить нельзя, а можно судить только государство. Но так как государство посадить на скамью подсудимых невозможно, то вообще судить некого.

Яройсс много места уделил в своей речи значению приказов Гитлера. Он пытался «обосновать», что приказ Гитлера «был чем-то совершенно иным», чем приказ любого другого начальника или руководителя, что приказ Гитлера являлся актом «неприкосновенным в правовом отношении». В заключение Яройсс делает вывод:

«Что бы ни понимал Устав Трибунала под приказами, которые он отрицает как основание, исключающее уголовное преследование, можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под понятие приказов, предусмотренных Уставом?».

Таким образом, несмотря на декларацию Яройсса о «чисто научной задаче» его защитительной речи, она преследовала весьма практические цели: попытаться оспорить нормы Устава и отвести меч правосудия от главных немецких военных преступников (главный обвинитель от СССР в своей заключительной речи неоспоримо доказал всю беспочвенность всех «ученых» выводов Яройсса и необоснованность его утверждений).

В таком же духе выступали и другие защитники. Так, защитник подсудимого Риббентропа адвокат Хорн пустил в ход избитую версию о том, что Риббентроп являлся механическим исполнителем чужой воли. Защитник подсудимого Кальтенбруннера, адвокат Кауфман утверждал, что якобы последний лишь формально был заместителем Гиммлера, а фактически занимался исключительно службой информации. Фашистский палач, которого весь мир по праву называл «маленьким Гитлером» и «вторым Гейдрихом», характеризовался адвокатом чуть ли не противником гитлеровского режима.

Защитник Розенберга, адвокат Тома, оперируя пространными цитатами из различных справочников и ссылками на «международное право», старался оправдать установление рабского труда в оккупированных немцами странах, угон жителей этих стран, в частности, советских граждан, в Германию, разграбление гитлеровцами предметов искусства и т. д.

В своем выступлении защитник развивал пропаганду расизма, что вызвало протест главного обвинителя от СССР т. Руденко.

«Господин председатель,— заявил т. Руденко,— я бы не хотел прерывать защитника и отнимать время у Трибунала. Но то, что я услышал сейчас, переходит все границы допустимого. Когда гитлеровские заговорщики, сидящие на скамье подсудимых, пытались здесь, на суде, высказать свои фашистские суждения, эти попытки признавались неуместными и пресекались Трибуналом. Тем более нетерпимо, когда защитник использует трибуну суда для человеконенавистнической пропаганды.

Я считаю своей обязанностью заявить решительный протест против использования защитником трибуны Международного Военного Трибунала для фашистской пропаганды. Я прошу суд обсудить это заявление и принять соответствующее решение».

Председатель Трибунала прерывает попытку защитника возразить на этот протест, заявляя, что защитник не должен делать возражений по этому поводу.

Защитник подсудимого Фрика адвокат Панненбекер заявлял, будто деятельность его подзащитного носила внутригерманский характер и не касалась внешнеполитических дел. На этом «основании» защитник утверждал, что деятельность Фрика не подсудна Трибуналу. Панненбекер пытался представить Фрика невиновным в преступных действиях, связанных с концентрационными лагерями, уничтожением евреев, оккупацией территорий других стран. Как и другие защитники, Панненбекер сваливал всю вину на Гитлера и Гиммлера, с тем, чтобы выгородить своего подзащитного.

Защитник подсудимого Штрейхера, адвокат Маркс, не скрывал, что Штрейхер был издавна убежденным антисемитом и вел антисемитскую пропаганду, но адвокат вместе с тем всячески старался умалить вину подсудимого.

Защитник подсудимого Функа, адвокат Заутер, всячески пытался умалить роль, которую играл его подзащитный в подготовке агрессивных войн и в вооружении гитлеровской Германии.

Адвокат Серватиус, в своей речи в защиту подсудимого Заукеля, ссылаясь на различные толкования при переводах на русский, английский и французский языки терминов «депортация» и «принудительный труд», пускался в длинные казуистические рассуждения на эту тему и утверждал, будто существуют юридические основания, оправдывающие применявшееся гитлеровцами принудительное использование рабочей силы.

Серватиус цинично оправдывал мероприятия гитлеровцев по насильственному угону рабочих, используя для этого ту самую «аргументацию», к которой прибегала гитлеровская пропаганда.

Защитник по существу обошел вопрос о жестоких издевательствах гитлеровцев над иностранными рабочими. Их содержание за колючей проволокой он нагло оправдывал «необходимостью строгого контроля». Не менее цинично защищал адвокат Серватиус и такое, например, варварское насилие гитлеровцев над насильственно угнанными с оккупированных «восточных территорий» лицами, как введение обязательного ношения ими опознавательного знака «Восток».

Ответственность его подзащитного за уничтожение людей с помощью непосильной работы адвокат целиком сваливал на Гиммлера и Геббельса.

Резюмируя свои «доводы» в защиту Заукеля, полностью почерпнутые из арсенала гитлеровской пропаганды, адвокат просил у Трибунала ни больше, ни меньше, как оправдания Заукеля.

Защитник Иодля, адвокат Экснер, признал, что Иодль «был советником фюрера по всем оперативным вопросам, следовательно, в определенном смысле, начальником генерального штаба вооруженных сил». Однако Экснер стремился умалить роль Иодля, голословно утверждая, будто «его деятельность была чисто технической», что Иодль являлся якобы только «курьером, передававшим приказы», в частности, о борьбе с партизанами, о разрушении и сожжении деревень и городов и т. д.

Защитник старался доказать, что Иодль был якобы далек от гитлеровской партии и вообще от политики. Он утверждал, что Иодль занимался чисто военными и оперативными вопросами и не вмешивался в политические решения Гитлера. Но Экснер не свел концы с концами, заявив, что в задачу гитлеровских генералов входило «проводить военную подготовку, необходимую для разрешения тех или иных политических задач».

Рассматривая вопрос о деятельности Иодля против партизан, Экснер назвал последних «партизанскими бандами». Это выражение Экснера, почерпнутое из арсенала гитлеровской пропаганды, вызвало протест главного обвинителя от СССР т. Руденко.

«Господин председатель,— обратился советский обвинитель к председателю Трибунала,— защитник называет бандами партизанское движение, охватившее, как известно, миллионы патриотов, поднявшихся на борьбу с поработителями — немецко-фашистскими захватчиками. Я считаю, что такое выражение защитника следует расценивать как оскорбительный выпад против партизан, внесших огромный вклад в дело разгрома гитлеровских захватчиков, и я заявляю протест в связи с этим».

Трибунал согласился с протестом советского обвинителя.

Адвокат Людингхаузен, защищавший подсудимого Нейрата, самым подробным образом остановился на деятельности подсудимого в качестве «имперского протектора Богемии и Моравии», стараясь представить эту преступную деятельность в выгодном для своего подзащитного свете.

Стараясь всеми силами обелить Нейрата, защитник заявлял, что Нейрат прошел длинный путь чиновника при различных правительствах, не ставя вопроса об их политическом лице, о том, было ли каждое такое правительство консервативным, демократическим, социал-демократическим. Адвокат забывал только добавить: «или фашистским».

В заключение адвокат просил Трибунал оправдать Нейрата.

Защитник подсудимого Фриче заявлял, будто Фриче «случайно» попал на скамью подсудимых, так как он якобы не играл значительной роли в гитлеровской Германии. Защитник изображал своего подзащитного чуть ли не рядовым журналистом, который якобы не оказывал влияния на содержание и политическое направление информации.

В заключение своей речи защитник пустился в рассуждение на тему о том, что ответственность за нарушение мира могут нести лишь те лица, которые подготовляли и развивали агрессивную войну, а не те, кто оказывал ей поддержку путем какой-либо деятельности. На этом «основании» адвокат сделал вывод, что речи Фриче по радио, даже если они оправдывали агрессивную войну и способствовали ее продолжению, якобы не являются наказуемыми действиями и он должен быть оправдан.

В том же духе выступали и другие адвокаты.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ГЛАВНЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ РОБЕРТА ДЖЕКСОН

[*Произнесена 26 июля 1946 г.*]

Господин Председатель, Господа Члены Трибунала!

Редко юристу приходится сталкиваться с более сложной задачей, чем выбор аргументов для заключительной речи при таком громадном несоответствии между отведенным ему временем и объемом материала, которым он располагает. В течение 8 месяцев, а это — не долгий срок для процесса государственной важности, мы представляли доказательства, которые охватывают столь широкую и разнообразную картину событий, что едва ли нечто подобное было когда-либо охвачено рамками одного судебного процесса. Невозможно, резюмируя, нарисовать широкими мазками более чем контуры основных моментов выразительной и печальной летописи этого процесса, которая останется в истории, как свидетельство позора и извращенности XX столетия.

Принято думать, что наше время является вершиной цивилизации, вершиной, с которой мы можем покровительственно взирать на недостатки предшествовавших веков в свете того, что считается «прогрессом». В действительности положение вещей таково, что взятая в перспективе история нашего столетия не будет выглядеть с благоприятной стороны, если только вторая его половина не искупит пороки первой. Эти четыре десятка лет XX столетия будут занесены в летопись истории в числе самых кровавых в ее анналах. Мировые войны оставили столько убитых, что число их превышает численность всех армий, участвовавших в древних и средневековых войнах. Никогда в течение полустолетия не происходило такого количества кровавых убийств и в таком масштабе, не совершалось таких жестокостей и бесчеловечных поступков, не производилось такого массового угона людей в рабство, такого уничтожения национальных меньшинств.

Террор Торквемады бледнеет перед нацистской инквизицией. Эти деяния войдут в историю как неопровержимые факты, по которым будущие поколения будут судить о нашем десятилетии. Если мы не сумеем уничтожить причины и предотвратить повторение подобного варварства, можно будет с основанием сказать, что XX столетие приведет к гибели цивилизации.

Руководствуясь этими фактами, мы предприняли шаги для того, чтобы стереть эти ужасные деяния со страниц нашей эры. Подсудимые жалуются, что мы двигаемся вперед слишком быстро. Создавая Устав

этого Трибунала, мы полагали, что лишь регистрируем уже достигнутое в развитии международного права. Однако они говорят, что мы обогнали наше время, что мы предвосхитили процесс, который только должен произойти, но еще не совершился. Лондонское соглашение, независимо от того, является ли оно оригинальным или лишь регистрирует достигнутое, при всех обстоятельствах знаменует собой сдвиг в международном праве, который в общих чертах соответствует эволюции во внутреннем законодательстве, заключавшейся в том, что люди перестали карать преступление, совершенное внутри страны, «преследованием и криками» и стали руководствоваться при определении наказания доводами рассудка и результатами расследования. Сообщество народов выросло из примитивного закона «преследований и криков», из закона «лови и убивай». Оно стремится применять санкции для того, чтобы утверждать международное право, но руководствоваться в этом применении санкции законом и разумом, а не интуитивным протестом. Подсудимые отрицают закон, по которому они привлекаются к ответственности. Их отвращение к закону, который осуждает их, не является оригинальным. Уже прежде было замечено, что: «Вор, который чувствует на своей шее веревку, не может оставаться хорошего мнения о законе».

Я не стану разрабатывать правовые основы для данного процесса. Позиция, которую занимают Соединенные Штаты, была достаточно разъяснена в моей вступительной речи. Мой достойный коллега Генеральный Прокурор Великобритании даст ответ от имени всех Главных обвинителей на возражения подсудимых относительно правовой основы данного процесса. На данной стадии судебного разбирательства я остановлюсь на законе, относящемся к данным преступлениям, в соответствии с тем, как он изложен в Уставе. Подсудимые, которые вообще не имели бы права быть заслушанными, если бы Устав не предоставил им такого права, теперь требуют уничтожения правовой основы данного процесса. Этот Трибунал, конечно, не имеет полномочий отвергнуть или изменить соглашение между четырьмя державами, к которому присоединились 18 других стран. Формулировки Устава являются решающими для всех участников этого судебного разбирательства.

Однако при толковании Устава мы не должны забывать о том, какой исключительный, чрезвычайный характер имеет этот Трибунал, как Международный Военный Трибунал. Он не является частью, установленной конституцией, системы юстиции ни одной из подписавших соглашение сторон. Германия безоговорочно капитулировала, однако еще не подписан никакой мирный договор и не достигнуто соглашение по поводу такого мирного договора. Формально союзники все еще находятся в состоянии войны с Германией, хотя политическая и военная система противника прекратила свое существование. Как Военный Трибунал этот суд является продолжением военных усилий союзников. Как Международный Трибунал он не связан никакими процессуальными или иными утонченностями системы юриспруденции или конституционной системы каждой из наших стран; его решения также не внесут новых прецедентов во внутреннюю систему их гражданской юстиции. Как Международный Военный Трибунал он подымается над местным и преходящим и стремится руководствоваться не только международным правом, но и основными принципами юриспруденции, которые присущи цивилизации и давно уже нашли свое воплощение в кодексах всех народов.

Мы можем быть уверены в одном. Будущим поколениям никогда не придется с недоумением вопрошать, что же могли сказать нацисты в свое оправдание. История будет знать, что все, что они могли сказать, им было позволено сказать. Они получили возможность предстать перед судом такого рода, право на который в дни их процветания и славы они не предоставляли никому.

Но справедливость — это не слабость. Необычайная справедливость этого судебного разбирательства является атрибутом нашей силы. Обвинение сейчас, к концу процесса, оказалось внутренне неуязвимым потому, что оно покоилось столь основательно на германских документах, аутентичность которых неоспорима. Но именно долгие недели этого судебного разбирательства, в течение которых подсудимые один за другим пытались уязвить достоверность этих доказательств, продемонстрировали подлинную их силу. Несомненным фактом является то обстоятельство, что показания подсудимых устранили всякое сомнение в их виновности, которое, ввиду необычайного характера и размаха этих преступлений, могло существовать до того, как они выступили здесь. Они помогли написать себе самим обвинительный приговор.

Но справедливость этого процесса не имеет ничего общего с некоторыми из аргументов, выдвинутыми подсудимыми или их защитниками. Ни прежде, ни теперь не являлось необходимым оценивать достоинства их туманной и извилистой философии. Мы не судим их за их дурные идеи. Они вправе, если желают, порочить вклад древних иудеев в цивилизацию, частью которой некогда являлась Германия. Нас не касается также то обстоятельство, что они отвергают эллинское влияние. Интеллектуальное банкротство и моральная извращенность нацистского режима не касались бы международного права, если бы они не были использованы для того, чтобы провести «расу господ» гусиным шагом через границы государств. Мы вменяем им в вину как преступление не их идеи, а их враждебные акции. Их кредо и их учения имеют значение лишь постольку, поскольку они свидетельствуют о мотивах, целях, намерениях, осведомленности в происходящем.

Мы вменяем им в вину незаконную агрессию, но мы не судим их за те мотивы, надежды и лишения, которые могли толкнуть Германию на путь агрессивных войн в качестве инструмента политики. Закон в отличие от политики не занимается вопросами добра и зла при статус-кво, он не рассматривает также вопроса о состоятельности возражений против статус-кво. Он просто требует, чтобы статус-кво не нарушалось силой и чтобы политика не проводилась в жизнь с помощью войны.

Мы можем признать, что смешение этнических и культурных групп, стирание экономических барьеров, столкновение национальных интересов создали в 30-х годах, как оно будет создавать и впредь, серьезные проблемы для Германии, точно так же, как и для остальных народов Европы. Мы можем также признать, что мир не сумел найти политического правового средства для того, чтобы противопоставить его, как достойную и реальную замену, войне. Мы не можем сослаться ни на этику, ни на мудрость ни одной из стран, в том числе моей собственной, перед лицом этих проблем. Но мы утверждаем, что теперь, точно так же, как уже в течение некоторого времени до 1939 года, для Германии или для любой другой страны являлось незаконным и преступным осуществлять свои притязания или стремиться к экспансии, прибегая для этого к агрессивной войне.

Разрешите мне подчеркнуть один кардинальный момент. У Соединенных Штатов нет интересов, которые могли бы выиграть от того, что кто-либо из подсудимых будет осужден, в том случае, если не будет доказана его виновность, по крайней мере, по одному разделу Обвинительного заключения из инкриминируемых ему. Достижение любого результата, который будет осужден, как несправедливый, критическим и беспристрастным судом будущих поколений, не явится победой ни для одной из стран, объединившихся в ведении этого судебного разбирательства. Но в итоге перед нами сейчас имеются проверенные доказательства преступности; мы заслушали шаткие оправдания и трусливые увертки подсудимых. Временное суждение, основываясь на котором мы открывали этот процесс, не является более достаточным.

Наступило время для принятия окончательных решений, и если дело, по которому я выступаю, сейчас кажется трудным и не допускающим компромиссов, это объясняется тем, что таким его делают представленные доказательства.

Быть может, лучше всего будет, если я попытаюсь извлечь это дело из трясины деталей, которыми полон протокол, и представить перед вами лишь общие его контуры, впечатляющие самой своей простотой.

Правильно, что многие тысячи страниц свидетельских показаний и тысячи документов по данному делу охватывают целую эпоху, целый континент и касаются почти всех сторон человеческого существования. Они освещают различные стороны профессиональной деятельности — дипломатию, развитие морского флота и морскую войну, сухопутную войну, происхождение воздушной войны, политический механизм прихода нацистов к власти, финансовые вопросы и экономику, связанные с тоталитарной войной, социологию, уголовное право, психологию и патологию масс.

Я должен предоставить экспертам заниматься выбором доказательств и писать томы по их специальности, в то время как я сам широкими мазками нарисую картину нарушений права, признание которых законными угрожало бы самому существованию цивилизации. Я должен, как сказал Киплинг: «Кистью из хвоста кометы бросить краски на полотно в десять лиг длиной».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА

Основательность обвинения этих подсудимых по разделу о заговоре, доказать которую поручено Соединенным Штатам, заключается в простоте этого обвинения. Оно включает лишь три основных вопроса: первый — были ли совершены акты, которые определяются Уставом, как преступление; второе — были ли они совершены в ходе осуществления общего плана или заговора, и третье — находятся ли эти подсудимые в числе тех, кто несет за это уголовную ответственность?

Обвинение требует рассмотрения преступной политики в целом, а не собрания отдельных беспплановых или спорных преступлений. Существование основных преступлений, на которых мы строим обвинение и которые представляют собой либо конечную цель общего плана, либо средство ее осуществления, уже признано. Краеугольный камень, на котором покоится обвинение в заговоре, представляет собой пять категорий преступных деяний, характер и размах которых является важным моментом для оценки доказательств существования заговора.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

Нацистская партия захватила контроль над германским государством в 1933 году. «Захват власти» является термином, которым пользуются подсудимые и свидетели защиты, причем термином столь подходящим, что он вошел как в историю, так и в повседневную речь.

Нацистская клика в первые дни своего существования жила в постоянном страхе переворота. Геринг в 1934 году указывал, что врагам нацизма имя — легион, и заявлял: «Поэтому были созданы концентрационные лагери, в которые мы, прежде всего, заключили тысячи коммунистов и социал-демократов».

В 1935 году Геринг предвосхитил всю программу преднамеренных жестокостей и репрессий, публично заявив: «Тот, кто в будущем попытается поднять руку на представителя национал-социалистского движения или государства, должен знать, что очень скоро после этого он лишится жизни».

Для достижения этой цели были совершены новые политические преступления: была объявлена изменой родине, наказуемой смертью, организация или поддержка какой-либо другой партии, кроме нацистской партии. Было объявлено преступлением распространение ложных или преувеличенных слухов или слухов, которые вредили государству или даже партии. Были введены столь двусмысленные законы, что они могли быть использованы для наказания почти всякого, даже невинного, поступка. Так, например, были объявлены преступлением любые акты, противоречащие общественному благополучию.

Министр юстиции Гертнер разъяснил, что национал-социализм рассматривал всякое противодействие целям, которые поставила перед собой каждая община, преступным sui generis (по самой своей сути) и что такой акт мог быть наказуем даже в том случае, если он не противоречил существующим «формальным» законам.

Гестапо и СД являлись инструментами системы шпионажа, которая пронизывала всю общественную и частную жизнь. Геринг контролировал все частные телефонные переговоры. Неприкосновенность переписки была уничтожена. На каждые 50 домов были назначены партийные блоклейтеры, которые постоянно шпионили за теми, кто жил в их квартале. На основании их шпионских сведений людей бросали в места «превентивного заключения» и в концентрационные лагери без какой-либо судебной процедуры и без предъявления каких бы то ни было обвинений. Политическая полиция, действовавшая по собственному усмотрению, была освобождена от всякой законной ответственности за свои действия.

После того, как контроль над всеми государственными учреждениями перешел в руки нацистов и рейхстаг был лишен какой бы то ни было законодательной силы, последним препятствием на пути к царству террора оставалась система юстиции, но ее независимость скоро была уничтожена и она была реорганизована для того, чтобы творить продажное правосудие. Судьи смещались по политическим или расовым соображениям, за ними постоянно шпионили и на них оказывали давление с тем, чтобы заставить их вступить в нацистскую партию.

После того, как Верховный суд оправдал трех из четырех подсудимых, которых нацисты обвиняли в поджоге рейхстага, юрисдикция по делам об измене родине была передана вновь организованному «народному суду», который состоял из двух судей и пяти партийных чиновников. В германском фильме о деятельности этого суда, который мы демонстрировали в этом зале, показано, как председательствующий изливает поток оскорблений по адресу бессловесных подсудимых. Были созданы специальные суды для того, чтобы судить за политические преступления, только члены партии назначались на должности судей, и «письма к судьям» инструктировали марионеток-судей, какой «генеральной линии» им следовало придерживаться.

Результатом этого явилось устранение всех мирных способов противодействия или смены правительства. Прокравшись через дверь к власти, нацисты хлопнули этой дверью перед лицом всех других, кто мог пожелать войти в нее. Поскольку законом считалось то, что нацисты называли законом, оппозиция в любой форме искоренялась и каждому, кто пытался высказывать недовольство, затыкали рот. Германия очутилась в тисках полицейского государства, которое использовало угрозу заключения в концлагери, как средство обеспечить непротивление. Партия стала государством, государство — партией, террор днем и умерщвления ночью являют собой политику, принятую той и другим.

ПОДГОТОВКА И ВЕДЕНИЕ АГРЕССИВНЫХ ВОЙН

С момента захвата нацистами власти они начали лихорадочно, хотя и тайно, в нарушение Версальского договора, вооружаться для войны. В 1935 году у них не было воздушного флота. К 1939 году у них была 21 эскадра, состоявшая из 240 эскадрилий, насчитывавших, примерно, 2400 самолетов первой линии, а также имевших учебные и транспортные самолеты. В 1933 году они располагали армией, состоявшей из трех пехотных и трех кавалерийских дивизий. В 1939 году они сформировали и вооружили армию, состоявшую из 51 дивизии, в том числе: четыре — полностью моторизованных и четыре — танковых дивизий. В 1933 году их военно-морской флот состоял из одного крейсера и шести легких крейсеров. В 1939 году они создали военно-морской флот, состоявший из четырех линейных кораблей, одного авианосца, шести крейсеров, 22 эсминцев и 54 подводных лодок. Они также создали за этот период промышленность вооружения, такую же мощную, как военная промышленность любой другой страны.

Это оружие было введено в действие в сентябре 1939 года, когда началась целая серия необъявленных войн против народов, с которыми Германия имела договоры об арбитраже и о ненападении, и в нарушение многократных гарантий. Первого сентября 1939 г. эта перевооруженная Германия напала на Польшу. Апрель следующего года стал свидетелем вторжения и оккупации Дании и Норвегии, май увидел захват Бельгии, Голландии и Люксембурга, на следующую весну под ударом оказались Югославия и Греция, и в июне 1941 года началось вторжение в Советскую Россию. Затем Япония, которую Германия приветствовала, как своего союзника, без предупреждения нанесла удар по Пирл-Харбор в декабре 1941 года, и через четыре дня после этого Германия объявила войну Соединенным Штатам.

Нам нет необходимости заниматься рассмотрением абстрактных трудностей, возникновение которых можно себе умозрительно представить, при определении того, что в сомнительных случаях должно считать агрессией. Я покажу вам, рассматривая вопрос о заговоре, что по всем критериям, когда-либо выдвинутым компетентными организациями, по всем законам здравого смысла, эти войны являлись незаконными агрессивными войнами в нарушение договоров и гарантий.

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ ВОПРЕКИ НОРМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Нет необходимости разрабатывать этот пункт на фактическом материале. Геринг утверждает, что законы сухопутной войны устарели и что никакой народ не мог вести тотальную войну в их рамках. Он показал, что нацисты отменили бы конвенции, которые в качестве одной из сторон подписала и Германия, но генерал Иодль хотел, чтобы захваченные в плен германские солдаты продолжали пользоваться преимуществами ее соблюдения союзниками.

Однако в отношении советского народа и советских военнопленных тевтонская ярость не знала границ, несмотря на предупреждение адмирала Канариса о том, что такого рода обращение являлось нарушением международного права.

Поэтому для рассмотрения раздела о заговоре нам нет необходимости приводить вопиющие подробности умерщвления голодом, избиений, убийств, умерщвления холодом и массовых уничтожений, которые, как было признано, совершались по отношению к солдатам на Востоке. Мы также можем считать установленным и признанным, что имели место незаконные действия, как, например, расстрел британских и американских летчиков, жестокое обращение с военнопленными из западных стран, принуждение французских военнопленных принимать участие в военных усилиях Германии и другие преднамеренные нарушения Гаагской и Женевской конвенций, а также то, что все это совершалось во исполнение приказов высших властей.

ПОРАБОЩЕНИЕ И ОГРАБЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Подсудимому Заукелю, генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы, принадлежит заявление о том, что «из 5 000 000 иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, даже 200 000 не приехали туда добровольно». Подсудимому Розенбергу официально доносили, что на подчиненных ему территориях «применялись такие методы вербовки рабочей силы, которые, быть может, берут свое начало в самых черных периодах торговли рабами». Сам Заукель сообщал о том, что агенты — мужчины и женщины охотились за людьми, спаивали их и затем «обманом увозили в Германию». Этих пленников перевозили в поездах, которые не отапливались, они не получали пищи и были лишены элементарных санитарных условий. Трупы умерших выбрасывались из вагонов на станциях, а новорожденных выбрасывали из окон на ходу поезда.

Заукель приказал, чтобы «все рабочие получали лишь такое питание, кров и обращение, которые обеспечивали бы максимальную их эксплоатацию при минимальных затратах». Из этих рабочих около двух миллио-

нов было непосредственно занято в производстве вооружения и боеприпасов. Директор паровозостроительного завода Круппа в Эссене жаловался своей фирме, что русские, находящиеся на этой принудительной работе, настолько недоедают, что они слишком истощены, чтобы справиться со своей работой. Врач фирмы Круппа также подтвердил сообщения об их жалком состоянии. Советские рабочие были заключены в лагери, охраняемые гестапо. Этой охране разрешалось наказывать за неповиновение заключением в концлагери или смертью через повешение на месте.

Население оккупированных территорий эксплуатировалось и другими способами и безжалостно угнеталось. Террор был поставлен в порядок дня. Гражданские лица арестовывались без предъявления каких-либо обвинений, им не было предоставлено право иметь защитников, их казнили без суда. Уничтожались целые деревни, мужское население расстреливалось или отправлялось в концентрационные лагери, женщин направляли на принудительные работы, а детей их рассылали по различным районам. Масштабы этой бойни в одной только Польше были указаны Франком, который сообщал: «Если бы я хотел повесить одно объявление о расстреле каждых семи поляков, то в Польше нехватило бы лесов для производства бумаги для всех этих объявлений».

Нельзя ожидать, что те, которые порабощают, воздержались бы от того, чтобы грабить. Хвастливые отчеты показывают, как тщательно и научно ресурсы оккупированных стран поглощались германской военной экономикой, вызывая инфляцию, голод и нужду у населения. Кроме этого грандиозного плана оказания помощи германским военным усилиям проводилась также гнусная деятельность эйнзатцштаба Розенберга, который грабил сокровища искусства для Геринга и других членов его банды. Трудно сказать, трагично или комично зрелище, героем которого является второй по значению фюрер Германии, убеждающий свой народ отказаться от всяких удобств и приложить все силы для выполнения необходимых работ военного времени, в то время как он сам мечется с одного места на другое, руководя конфискацией предметов искусства и отправляя их целыми эшелонами. В любом случае его действия преступны.

Во все времена, до и во время этой войны, международное право точно и авторитетно определяло положение по охране прав гражданских лиц любой оккупированной страны, и торговля рабами, и грабеж оккупированных стран всегда рассматривались как беззаконие.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ИСТРЕБЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ И ХРИСТИАН

Нацистское движение навсегда оставит о себе дурную память в истории из-за преследований евреев — самого яростного и самого широкого по масштабам расового преследования в истории народов. Хотя антисемитизм не является ни изобретением, ни монополией нацистской партии, ее руководители с самого начала приняли его, раздули его и использовали его в своих целях. Они использовали его как «психологическую искру, которая воспламеняет толпу». После захвата власти он стал официальной политикой.

Преследование евреев началось целым рядом дискриминирующих законов, отстранявших евреев от государственной деятельности, профессиональной деятельности и от экономической жизни. Увеличиваясь в

своих масштабах, оно дошло до применения изоляции евреев в гетто и до высылки их. Партийными руководителями были инсценированы беспорядки с целью ограбления еврейских предприятий и поджога синагог; еврейская собственность конфисковалась, и на евреев был наложен коллективный штраф в миллиард марок. Неистовство и безответственность этой программы привели к «окончательному решению». Оно состояло в отправке всех трудоспособных евреев в концентрационные лагери на рабский труд и в отправке всех нетрудоспособных, включая детей моложе 12 лет и стариков старше 50 лет, и других лиц, объявленных нетрудоспособными врачами СС, в концлагери для умерщвления.

Адольф Эйхман, зловещий исполнитель программы уничтожения, рассчитал, что операции против евреев привели к уничтожению шести миллионов евреев. Из этого числа четыре миллиона были уничтожены в специальных учреждениях для истребления людей и два миллиона были убиты эйнзатцгруппами, мобильными частями полиции безопасности и СД, которые преследовали евреев в гетто и в их домах, массами уничтожали их в душегубках, расстреливали в противотанковых рвах и использовали для уничтожения все средства, которые только могла выдумать нацистская изобретательность. Настолько тщательной и безжалостной была эта программа, что евреи в Европе, как раса, больше не существуют. Таким образом осуществлялось дьявольское «пророчество» Адольфа Гитлера, сделанное в начале войны.

Конечно, любая такая программа должна была считаться с оппозицией христианской церкви. Нацисты это поняли с самого начала. Подсудимый Борман писал всем гаулейтерам в 1941 году, что «национал-социализм и христианские максимы несовместимы» и что народ должен быть отделен от церкви и влияние церкви должно быть полностью ликвидировано. Подсудимый Розенберг даже писал целые трактаты, выдвигая новую противоестественную нацистскую религию.

Гестапо назначило «специалистов по делам церкви» и дало им инструкции в качестве конечной цели стремиться к уничтожению конфессиональной церкви. Протокол этого судебного разбирательства полон конкретными примерами преследований священнослужителей, конфискации церковного имущества, вмешательства в выпуск религиозных изданий, запрещений религиозного воспитания и подавления религиозных организаций.

Основным средством преследования и истребления были концентрационные лагери, порожденные подсудимым Герингом и вращенные под руководством подсудимых Фрика и Кальтенбруннера.

Ужасы этих черной памяти мест были наглядно вскрыты документами и показаниями свидетелей. Трибунал завален грудой материалов, изображающих графически и воспроизводящих в письменном виде показания свидетелей об ужасах в этих лагерях. Из протокола явствует, что концентрационные лагери были первым и самым страшным орудием угнетения в арсенале национал-социалистского государства и что они использовались прежде всего как средства для преследования христианской церкви и истребления еврейской расы. Это признали перед судом некоторые подсудимые у свидетельского пульта.

Скажем словами Франка: «Пройдут тысячелетия, а эта вина Германии все еще не будет смыта».

Таковы были пять групп наиболее существенных преступлений нацистского режима. Совершение их, которое не может быть опровергнуто,

остается доказанным. Подсудимый Кейтель, который по своему положению должен знать факты, представил Трибуналу то, что кажется довольно точным резюме всего обвинения, основанного на этих фактах:

«Подсудимый заявил, что признает, что содержание общих положений Обвинительного заключения было доказано с объективной и фактической точки зрения (другими словами, не в отношении каждого отдельного подсудимого), а также в соответствии с регламентом данного Трибунала». Бессмысленно, несмотря на возможность опровержения некоторых документов или отдельных фактов, доказывать несостоятельность Обвинительного заключения в целом.

Перехожу теперь к вопросу о том, являлись ли эти группы преступных действий составными частями общего плана или заговора.

ОБЩИЙ ПЛАН ИЛИ ЗАГОВОР

Обвинение утверждает, что эти пять категорий преднамеренно совершенных преступлений не представляли собою отдельных и независимых явлений, а были совершены в соответствии с общим планом или заговором. Защита признает совершение этих категорий преступлений, но она отрицает, что они были связаны друг с другом как части единой программы.

Центральным преступлением в этой цепи преступлений, центральным связывающим звеном, которое их объединяет, является заговор в целях ведения агрессивной войны. Именно этот факт является главной причиной преступности этих действий с точки зрения международного права.

Доказали ли мы наличие плана или заговора для ведения агрессивной войны?

Отдельные признанные или неоспоримо доказанные факты помогают нам ответить на этот вопрос. Первым из них является тот факт, что агрессивные войны в действительности имели место. Во-вторых, признано, что с самого момента прихода нацистов к власти все они, как и все подсудимые, трудились, как бобры, чтобы подготовиться к «некоей» войне.

В связи с этим встает вопрос: готовились ли они к той войне, которая произошла, или к той войне, которая никогда не стала реальностью? Вполне возможно, что на ранней стадии никто из них не знал, в каком именно году и в каком месяце начнется война, какие именно разногласия ускорят ее развязывание, против кого она будет направлена в первую очередь — против Австрии, Чехословакии или Польши? Но я утверждаю, что подсудимые или знали, или должны были знать, что война, к которой они готовились, будет агрессивной войной со стороны Германии. Частично это объясняется тем, что не было никакой реальной опасности, что какая-нибудь держава или какой-нибудь союз держав нападет на Германию. Но главным образом это может быть объяснено тем, что по своей внутренней природе германские планы должны были рано или поздно натолкнуться на сопротивление и, следовательно, они могли быть осуществлены лишь путем агрессии.

Планы Адольфа Гитлера об агрессии были столь же секретными, как и «Майн Кампф», которая была издана в Германии более чем шестимиллионным тиражом. Он не только открыто призывал к ликвидации Версальского договора, но его требования выходили далеко за пределы простого исправления несправедливостей, якобы принесенных Версалем. Он

признал, что намеревался напасть на соседние государства и захватить их земли, которые, как он говорил, должны были быть завоеваны «силой победоносного меча». В этих словах для каждого немца звучали «голоса предков, предсказавшие войну».

В этом зале Геринг показал, что во время его первой встречи с Гитлером, задолго до захвата власти: «Я заметил, что Гитлер определенно придерживался мнения, что протесты бесполезны, и полагал, что Германия должна быть освобождена от Версальского договора... Мы не говорили, что нам необходима война и разгром наших противников. Это было целью, а методы должны были приспосабливаться к политической ситуации».

Когда его спросили, предполагалось ли достижение этой цели, в случае необходимости, путем войны, Геринг не отрицал такой возможности, но уклонился от прямого ответа и сказал: «мы даже не обсуждали подобных вещей в то время». Он сказал затем, что цель уничтожения Версальского договора не скрывалась и была общеизвестной и что, по его мнению, «каждый немец был за его изменение, и это несомненно являлось большим стимулом для вступления в партию». Итак, ни один из тех, кто помогал Гитлеру достичь абсолютной власти над германским народом или сотрудничал с его режимом, не может ссылаться в качестве оправдания на то, что он не знал о природе тех требований, которые Гитлер впоследствии собирался предъявить соседям Германии.

Немедленно после захвата власти нацисты приступили к осуществлению этих агрессивных намерений путем военных приготовлений. Сначала они включили немецких промышленников в секретную программу перевооружения. Через 20 дней после захвата власти Шахт принимал Гитлера, Геринга и еще 20 руководящих промышленников. Среди них был Крупп фон Болен, представлявший громадный военный концерн «Крупп», представители «И. Г. Фарбен» и других концернов тяжелой промышленности Рура. Гитлер и Геринг разъяснили свою программу промышленникам, которые так восторженно встретили ее, что решено было собрать три миллиона марок для укрепления и упрочения власти партии. Через два месяца Крупп пытался добиться согласования деятельности реорганизованного объединения германской промышленности с политическими целями нацистского правительства. Позже Крупп хвастливо говорил о том, как удалось втайне сохранить германскую военную промышленность и держать ее наготове, несмотря на требования Версальского договора о разоружении. Он также вспоминал восторженное признание промышленниками великих намерений фюрера в период перевооружения 1933—1939 гг. Примерно через два месяца после того, как Шахт организовал эту первую встречу, чтобы добиться поддержки промышленников, нацисты начали подчинять работу промышленности своим агрессивным планам.

В апреле 1933 года Гитлер приказал доктору Лею: «Взять на себя руководство профсоюзами», насчитывающими около шести миллионов членов. Руководствуясь этой партийной директивой, Лей захватил профсоюзы, их имущество и фонды. СС и СА подвергнули профсоюзных руководителей «превентивному заключению» и бросили их в концентрационные лагери. Свободные профсоюзы были заменены нацистской организацией под названием «Германский трудовой фронт», во главе с д-ром Леем. Количество ее членов постоянно увеличивалось, пока не достигло 23 миллионов человек. Отменены были коллективные договоры, рабочие

больше не имели права голоса по вопросам, касающимся условий труда. Условия трудового договора диктовались уполномоченными по труду, назначавшимися Гитлером. Военная направленность этой трудовой программы была открыто признана Робертом Леем через пять дней после начала войны, когда в своей речи он заявил, что:

«Мы, национал-социалисты, за период последних семи лет взяли под свой контроль все ресурсы и энергию, чтобы быть подготовленными к великому испытанию боя».

Нацисты также начали сразу приспосабливать правительственную систему к требованиям войны. В апреле 1935 года кабинет образовал Совет Обороны, рабочий комитет которого впоследствии часто собирался. На заседании 23 мая 1933 г. под председательством подсудимого Кейтеля его члены были проинструктированы, что:

«Ни один документ не должен быть утерян, так как иначе вражеская пропаганда воспользуется им. То, что передается устно, не может быть доказано, и мы поэтому сможем отрицать это в Женеве».

В январе 1934 года, в присутствии подсудимого Иодля, Совет разрабатывал мобилизационный план и составил проект приказа о мобилизации для, примерно, 240 000 промышленных предприятий. Собравшиеся пришли к соглашению ничего не записывать с тем, чтобы «нельзя было обнаружить военные цели совещания».

21 мая 1935 г. был издан совершенно секретный закон об обороне империи. Подсудимый Шахт был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики с задачей тайно подготовить всю экономику к войне и, в случае мобилизации, обеспечить финансирование войны. Эта тайная деятельность Шахта была дополнена в октябре 1936 года назначением подсудимого Геринга уполномоченным по четырехлетнему плану, с задачей привести всю экономику в состояние готовности к войне за четыре года.

Проведение секретной программы накопления сырья и иностранных кредитов, необходимых для широкого перевооружения, также началось немедленно после захвата власти. В сентябре 1944 года министр экономии уже жаловался что «задачанакопления осложняется отсутствием иностранной валюты и что требования секретности и маскировки также тормозят работу».

Немедленно был введен контроль над иностранной валютой. Задача финансирования была поручена кудеснику Шахту, который своим волшебством создал счета МЭФО, имевшие двоякую цель: использовать кратковременные кредиты для перевооружения и в то же время скрывать размеры этих затрат.

Существо всей нацистской государственной деятельности было резюмировано в высказываниях Геринга 27 мая 1936 г. на заседании Совета министров, на котором присутствовал также и Шахт. Он тогда заявил:

«Все мероприятия следует рассматривать с точки зрения обеспечения ведения войны».

Генеральный штаб, конечно, должен был включиться в эти военные приготовления. Большинство генералов, привлеченных возможностью перестроить свои армии, стало добровольными соучастниками. Однако бывший военный министр фон Бломберг и начальник штаба генерал фон Фрич, недружелюбно относившиеся к возрастающей агрессивности политики гитлеровского режима, были дискредитированы и смещены с долж-

ностей в январе 1938 года, в результате порочного и грязного заговора против них. После этого Гитлер принял на себя верховное командование вооруженными силами, и посты фон Бломберга и фон Фрича были заняты другими, которые стали, говоря словами Бломберга о Кейтеле, «послушным орудием в руках Гитлера для выполнения любого его решения».

В своих приготовлениях генералы не ограничивались лишь военными вопросами. Они участвовали во всех главных дипломатических и политических маневрах, как, например, во время встречи в Оберзальцберге, во время которой Гитлер, при поддержке Кейтеля и других руководящих генералов, передал свой ультиматум Шушнигу.

Еще 5 ноября 1937 г. план о нападении начал принимать определенные очертания в отношении определения времени и жертв. На заседаний, в присутствии подсудимых Редера, Геринга и фон Нейрата, Гитлер цинично сформулировал свои цели:

«Вопрос для Германии состоит в том, где можно добиться больших завоеваний наименьшей ценой». Он разобрал возможные планы вторжения в Австрию и Чехословакию, ясно указывая на то, что он не считает захват этих стран конечной целью, а лишь средством для осуществления дальнейших завоеваний. Он указал на значительные военные и политические выгоды, которые будут сопутствовать владению этими странами, и обсуждал возможность комплектования из их населения новых армий численностью около 12 дивизий. Он прямо и открыто заявил, что его целью является приобретение дополнительного жизненного пространства в Европе, и признал, что германский вопрос может быть решен только силой.

Через шесть месяцев, окрыленный бескровной австрийской победой, Гитлер в секретной директиве Кейтелю писал о своем «неуклонном решении разбить Чехословакию военными силами в ближайшем будущем». В тот же день Иодль записал в своем дневнике, что фюрер заявил о своем окончательном решении уничтожить Чехословакию в ближайшем будущем и приступил ко всеобъемлющим военным приготовлениям. К апрелю план был усовершенствован таким образом, что он предусматривал нападение на Чехословакию с «молниеносной быстротой», в результате какого-либо инцидента».

Во всех областях приготовления все больше принимали очертания приготовлений к завоевательной войне на основе предположения, что она разовьется в мировую войну. В сентябре 1938 г. адмирал Карлус официально заявлял о «проекте ведения морской войны против Англии»:

«Мы вполне согласны с основной темой этого трактата.

1. Если, согласно решению фюрера, Германия хочет занять положение мировой державы, ей нужно не только достаточное количество колониальных владений, но также и безопасные морские коммуникации и безопасный выход к океану.

2. Оба требования могут быть осуществлены лишь вопреки англо-французским интересам и путем ограничения господствующего положения этих стран, как великих держав. Считается маловероятным, чтобы это могло быть достигнуто мирным путем. Следовательно, решение возвысить Германию в ранг мировых держав толкает нас на необходимость проводить соответствующие военные приготовления.

3. Война с Англией в то же время означает войну против Британской империи, против Франции и, возможно, против России и против

большого количества заокеанских стран, другими словами, против $^1/_2$ или $^1/_3$ всего мира.

Она может быть оправдана и может рассчитывать на успех, лишь если она будет подготовлена с экономической точки зрения так же, как и с точки зрения политической и военной, будет вестись с целью завоевания для Германии выхода к океану».

Трибуналу известны те категорические заверения, которые немцы давали обеспокоенному общественному мнению после аншлюсса, после Мюнхена и после оккупации Богемии и Моравии, о том, что все требования Германии удовлетворены и что у Гитлера «нет больше территориальных требований в Европе». Протокол заседания этого суда показывает, что эти заверения были преднамеренно обманными и что те, кто занимал высокие посты в кровавом братстве нацизма, знали об этом.

Уже 15 апреля 1938 г. Гитлер указывал Муссолини и Чиано, что обладание этими территориями сделает возможным нападение на Польшу. Один из чиновников министерства Риббентропа писал 26 августа 1938 г., что: «После ликвидации чехословацкого вопроса все будут считать, что Польша будет следующей на очереди».

После вторжения в Польшу Гитлер бахвалился, что именно триумф в Австрии и Чехословакии явился «основой для действий против Польши». Геринг рационально использовал этот триумф и отдал немедленные инструкции об эксплоатации сначала Судетов, а затем и всего протектората для усиления германского военного потенциала.

В мае 1939 г. подготовка, проводившаяся нацистами, достигла такого состояния, что Гитлер признался подсудимым Герингу, Редеру, Кейтелю и другим, что он готов «напасть на Польшу при первой представившейся возможности», хотя он и признавал, что «дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без кровопролития». Грабительские мотивы, лежавшие в основе этого решения, будут поняты из следующей цитаты, которая вторит лейтмотиву «Майн Кампф»:

«Обстоятельства должны приспосабливаться к целям; это невозможно без вторжения в другие государства и без захвата их собственности. Жизненное пространство, пропорциональное могуществу государства, является основой всякой власти. Дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без расширения нашего жизненного пространства на Востоке...».

В то время, как доверчивый мир был убаюкан и окутан паутиной лживых заверений о мирных намерениях, нацисты готовились не просто, как прежде, к войне вообще, а к определенной войне. Подсудимые Геринг, Кейтель, Редер, Фрик, Функ и др. собрались в июне 1939 г. в качестве членов имперского совета обороны. Протокол этого совещания, аутентичность которого удостоверена Герингом, является ярким свидетельством того, каким образом каждый пункт нацистского плана представлял собой звено в общей цепи. Пять главных подсудимых за три месяца до того, как первое танковое соединение пересекло границу Польши, уже планировали «использование населения в военное время» и зашли так далеко, что стали определять очередность отдельных отраслей промышленности в отношении снабжения их рабочей силой, «после того, как будет мобилизовано пять миллионов рабочих». Они выработали меры с тем, чтобы избежать «неразберихи в ходе мобилизации», и объявили, что намерены «захватить и удерживать инициативу в первые и самые решающие недели войны». Далее они намеревались использовать в промышленно-

сти военнопленных, уголовных преступников и заключенных концентрационных лагерей. После этого они приняли решение о «трудовой повинности для женщин во время войны». Они к тому времени уже обратились с просьбой о доставке 1 172 000 рабочих-специалистов и утвердили использование 727 000 из них; это мероприятие было отнесено к числу совершенно необходимых. Они бахвалились тем, что повестки о явке на работу «лежат наготове в пачках в управлениях по труду». Они решили увеличить снабжение промышленности рабочей силой путем привоза в Германию «сотен тысяч рабочих» из протектората, которых они собирались расквартировать в бараках.

Именно из этого протокола весьма важного совещания, на котором присутствовали многие из главных подсудимых, явствует, каким образом план о начале военных действий сочетался с планом ведения войны путем использования в промышленности незаконных источников рабочей силы.

Гитлер, уже объявляя о своем плане нападения на Польшу, предвидел, в качестве одного из логических последствий этого плана, проведение программы рабского труда; при этом он под секретом сообщил подсудимым Герингу, Радеру, Кейтелю и ряду других, что населением Польши «можно будет располагать в качестве источника рабочей силы». Эта часть плана была приведена в исполнение Франком, который, в качестве генерал-губернатора, сообщил Герингу, что он поставит империи, по крайней мере, миллион сельскохозяйственных и промышленных рабочих, и Заукелем, под давлением которого, в результате вербовки, проводившейся на оккупированных территориях, было собрано количество рабочих, подчас равное количеству всего населения некоторых из более мелких европейских стран.

Здесь снова выявляется связь между работой на военные нужды и концентрационными лагерями, которые представляли собой источник рабочей силы, использовавшийся все шире и со все увеличивающейся жестокостью. Соглашение между Гиммлером и министром юстиции Тираком, заключенное в 1942 году, предусматривало, что: «Для приведения в исполнение вынесенных им приговоров антисоциальные элементы должны передаваться рейхсфюреру СС с тем, чтобы умерщвлять их тяжелым трудом».

По директиве СС заключенные, прикованные к постели, предназначались для работ, которые могли выполняться в кровати. По приказу гестапо было арестовано 45 000 евреев в целях «пополнения концентрационных лагерей рабочей силой». Из Венгрии было доставлено 100 000 евреев с тем, чтобы пополнить лагери рабочей силой. По инициативе подсудимого Деница, рабочая сила из концентрационных лагерей использовалась при постройке подводных лодок. Таким образом, концентрационные лагери, с одной стороны, были включены в военную промышленность и, с другой,— в систему отправления правосудия и осуществления политических целей нацистов.

Использование рабочей силы военнопленных, как это предусматривалось по плану, увеличивалось с ростом потребностей Германии. В период, когда каждый германский солдат был нужен на фронте и в тылу нехватало людей, русских военнопленных заставляли обслуживать зенитные орудия, направленные против самолетов союзников. Фельдмаршал Мильх в следующих словах показывает, как забавляли нацистов эти вопиющие нару-

шения международного права. «Очень забавно, что русским приходится обслуживать орудия».

Приказы об обращении с советскими военнопленными были настолько жестокими, что адмирал Канарис, указав на то, что «следствием их является произвол в обращении с заключенными и убийства», обратился в ОКВ с протестом против этих приказов, основываясь на том, что они представляют собой нарушение международного права. Кейтель ответил весьма недвусмысленно:

«Возражения строятся, исходя из концепции рыцарского способа ведения войны! Это гибельно для идеологии! Поэтому я одобряю и поддерживаю эти мероприятия!»

Женевская конвенция была бы открыто выброшена за борт, если бы Иодль не представил своих возражений, так как он хотел извлечь преимущества из дальнейшего соблюдения статей этого договора союзниками, в то время как Германия не чувствовала бы себя ни в коей мере ими связанной.

В процессе ведения войны с подобной же тщательностью подготавливались другие преступления, которые ставили своей целью победу германского оружия. В октябре 1938 года, почти за год до начала войны, уже намечалась политика последующих нарушений установленных правил ведения войны в самых крупных масштабах. Верховное командование издало совершенно секретный список для лживых объяснений, которые должны были в подобных случаях приводиться министром пропаганды. Еще ранее командующим вооруженными силами был отдан приказ использовать любые способы ведения войны в случае, если они могут облегчить победу. Уже в ходе войны приказы становились все более и более беспощадными. Характерный приказ Кейтеля, требовавший применения «самых жестоких мер», гласил:

«Войска обязаны применять любые меры без ограничения, направляя их даже против женщин и детей, если такие меры гарантируют нам успех».

Германские военно-морские силы были в той же степени заражены такой же теорией, как сухопутные войска. Редер каждый раз, когда это было необходимо для достижения стратегических успехов, издавал приказы о нарушении существующих правил ведения войны. Дениц требовал, чтобы экипажи его подводных лодок не спасали остававшихся в живых команд торпедированных вражеских судов с тем, чтобы наносить урон торговому флоту союзных наций, опустошая ряды его моряков.

Таким образом, военные преступления против войск союзников и преступления против человечности, совершавшиеся на оккупированных территориях, неоспоримо представляют собой часть программы ведения войны, так как, по расчетам немцев, они являлись обязательным условием осуществления надежд Германии на успех.

Подобным же образом все преступления, совершенные до начала войны, включая преследования внутри Германии, подобно камням в мозаике, складываются в тонкий узор вокруг плана ведения агрессивной войны. Нигде так ясно не видно, что вся система преступлений нацистского гнета и террора, совершенных внутри Германии, тесно переплетается с военными преступлениями, как в той странной смеси легкомыслия и мудрости, которую представляют собой показания Германа Геринга. Описывая цели нацистской программы до захвата власти, Геринг сказал: «Прежде всего вставал вопрос о том, чтобы добиться установления в Германии по-

литического строя, который дал бы Германии возможность выступить не просто с протестом против ограничений [Версальского договора], но с протестом такого рода, с которым нельзя будет не считаться».

Геринг признал, что с этой целью был составлен план свержения Веймарской республики, захвата власти и проведения нацистской программы всеми необходимыми для этого методами, вне зависимости от того, имели ли они законный характер.

Из перекрестного допроса Геринга явствует, как неизбежно следовали за этим все элементы программы преступлений. В связи с тем, что они признали необходимым создание сильного государства для того, чтобы избавиться от Версальского договора, они приняли принцип фюрерства. Захватив власть в свои руки, нацисты пришли к выводу, что необходимо эту власть защищать путем упразднения парламентарного правительства и подавления всей организованной оппозиции со стороны политических партий. Это получило свое отражение в философской концепции Геринга, гласившей, что опера важнее, чем рейхстаг.

Не допускалась даже «оппозиция со стороны отдельных лиц, за исключением тех случаев, когда затрагиваемые вопросы не имели никакого значения».

Для того чтобы гарантировать подавление оппозиции, необходимо было создать тайную политическую полицию. В целях подавления неисправимых противников необходимо было создать концентрационные лагери и учредить институт превентивного заключения. Превентивное заключение, в соответствии с показаниями Геринга, означало следующее:

«Арестовывались и направлялись в превентивное заключение люди, не совершившие какого-либо преступления, но способные в том случае, если бы они остались на свободе, совершить всевозможные действия, направленные к причинению вреда германскому государству».

Те же цели доминировали и в вопросе об истреблении евреев. Вначале главную роль играли фанатизм и политический оппортунизм, так как антисемитизм и связанная с ним теория «козла отпущения» представляли собой ту тележку, на которой нацисты ехали к власти. Именно по этой причине развратник Штрейхер и богохульник Розенберг были радушно встречены как участники партийных съездов, именно поэтому их сделали руководителями и высшими чиновниками государства и партии. Однако вскоре нацисты стали рассматривать евреев как авангард оппозиции, направленной против полицейского государства. В качестве причины, объяснявшей необходимость отстранения евреев от политической и экономической жизни Германии, приводились опасения по поводу их пацифистских настроений и их оппозиция по отношению к ярко выраженному национализму. В связи с этим евреев, как скот, перевозили в концентрационные лагери, где они насильственно использовались как рабочая сила для работы на военные нужды.

На совещании, имевшем место 12 ноября 1938 г., через два дня после неистовых еврейских погромов, спровоцированных Геббельсом и проведенных руководящим составом партии и СА, Геринг, Функ, Гейдрих, Геббельс и другие нацисты, занимавшие высокие посты, разработали программу устранения евреев из германской экономики.

Принятые к проведению мероприятия включали в себя заключение евреев в гетто, сокращение их продовольственного снабжения,

«арииазацию» их магазинов и ограничения для них свободы передвижения. Здесь вкрался еще один довод, заключавшийся в том, что полная конфискация их собственности содействовала финансированию германского вооружения. Хотя план Шахта получить иностранную валюту в качестве выкупа за еврейское население Германии не был принят, тем не менее евреев ограбили до такой степени, что Геринг получил возможность сообщить имперскому совету обороны о том, что критическое состояние имперской казны, вызванное перевооружением, было облегчено «благодаря миллиардному штрафу, наложенному на еврейство, и благодаря доходам, полученным Германией в результате ариизации еврейских предприятий».

Общий взгляд, брошенный на скамью подсудимых, позволяет заключить, что, несмотря на междуусобные распри, каждый подсудимый в своей области действовал согласованно с другими, все они активно помогали осуществлению общего плана. Это противоречит практике, согласно которой люди с такой различной подготовкой и способностями, повидимому, только по случайному совпадению содействуют друг другу в достижении своих целей.

Важная и разносторонняя деятельность *Геринга* носила полумилитаристский и полубандитский характер. Он тянулся своими грязными руками за каждым куском пирога. Он использовал своих молодцов из СА для того, чтобы привести банду к власти. Для того чтобы закрепить эту власть, он задумал сжечь рейхстаг, основал гестапо и создал концентрационные лагери. Он также стоял за истребление оппозиции и за инсценировку скандальных инцидентов для того, чтобы избавиться от упрямых генералов. Он создал военно-воздушные силы и бросил их на своих беззащитных соседей. Он был одним из самых активных участников изгнания евреев из страны. Путем мобилизации всех экономических ресурсов Германии он сделал возможным ведение войны, в планировании которой он принял большое участие. Он являлся вторым после Гитлера лицом, координировавшим деятельность всех подсудимых

Роль, которую играли остальные подсудимые, хотя она и была менее представительной и менее наглядной, чем роль рейхсмаршала, тем не менее являлась дополняющим и необходимым вкладом в общие усилия; без любого из подсудимых успех общего дела был бы поставлен под угрозу срыва. Виновность этих людей в совершении целого ряда отдельных действий была здесь доказана. Нет никакого смысла рассматривать сейчас все те преступления, с которыми предъявленные доказательства связывают имена подсудимых; кроме того, я не располагаю для этого достаточным временем. Тем не менее, рассматривая заговор как единое целое и как механизм в действии, мне хотелось бы бегло остановиться на наиболее значительных услугах, которые каждый из этих людей оказал общему делу.

Фанатик Гесс, перед тем как его обуяла страсть к странствованиям, был инженером, управлявшим механизмом партии, передававшим руководящему составу партии пропагандистские установки, осуществлявшим надзор над всеми сторонами деятельности партии и сохранявшим ее наготове, как преданное и послушное орудие власти.

Когда за границей начинали осознавать положение вещей и тем самым становился под угрозу успех нацистских захватнических планов, на сцену выступал двуличный *Риббентроп* — торговец ложью, который должен был лить масло на взволнованную подозрениями воду, выступая с проповедями об ограниченных и мирных намерениях.

Кейтель, безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии — вооруженные силы и направлял их при выполнении поставленных перед ними преступных задач.

Кальтенбруннер, великий инквизитор, принял от Гейдриха его кровавый плащ с тем, чтобы задушить оппозицию и добиться покорности террором; он утвердил власть национал-социализма на трупах безвинных жертв.

Розенберг, духовный отец и высокий проповедник теории «расы господ», явился создателем доктрины ненависти, которая послужила первым импульсом к уничтожению еврейства и вызвала применение его атеистических теорий на практике на восточных оккупированных территориях.

Фанатик *Франк* утвердил нацистский контроль путем установления новой власти, основанной на беззаконии, тем самым превращая волю партии в единственный критерий законности; он экспортировал свою систему беззакония в Польшу, которой он правил с тиранией Цезаря, и сохранил в живых лишь жалкие остатки ее населения.

Фрик, безжалостный организатор, помогал партии при захвате власти, руководил полицейскими учреждениями с тем, чтобы сохранить для нее власть, и приковал экономику Богемии и Моравии к германской военной машине.

Штрейхер, ядовитый пошляк, составлял и распространял непристойные расовые пасквили, которые возбуждали народ одобрить все усиливавшиеся по своей безжалостности операции по «расовому очищению» и содействовать их проведению.

В качестве министра экономики *Функ* ускорял темпы вооружения, а в качестве президента имперского банка он помещал на хранение в банк золотые коронки с зубов жертв концентрационных лагерей. Это, по всей вероятности, самый жуткий источник дохода в истории банков.

Шахт, скрываясь под личиной накрахмаленной респектабельности, ранее служил удобной ширмой (приманка, на которую ловились сомневающиеся элементы); впоследствии его махинации дали возможность Гитлеру финансировать колоссальную программу перевооружения, сохраняя при этом полную секретность.

Дениц, принявший от Гитлера в качестве наследства поражение, способствовал успеху нацистских агрессий, инструктируя свою свору убийц с подводных лодок вести морскую войну с беззаконной свирепостью джунглей.

Редер, политический адмирал, украдкой построил военно-морской флот Германии, вопреки Версальскому договору, и затем предоставил его для использования в серии агрессий, в планировании которых он принимал большое участие.

Фон Ширах, отравивший целое поколение, посвятил германскую молодежь в суть нацистской доктрины, подготовил ее в легионах для службы в СС и вооруженных силах и передал ее нацистской партии как фанатичную, послушную исполнительницу ее воли.

Заукель, самый крупный и самый жестокий работорговец со времен египетских фараонов, добывал остро необходимую рабочую силу путем угона народов других стран в страну рабства, причем в таких масштабах, которые были не известны даже в древние дни тирании в царстве на Ниле.

Иодль, предатель традиций своей профессии, руководил вооруженными силами, нарушая их собственный кодекс военной чести для того, чтобы осуществлять варварские цели нацистской политики.

Фон Папен, благочестивый агент атеистического режима, держал стремя, когда Гитлер вскакивал в седло, помог аннексировать Австрию и посвятил свою дипломатическую изворотливость делу достижения нацистских целей за границей.

Зейсс-Инкварт, возглавлявший пятую колонну в Австрии, возглавил правительство своей собственной страны лишь для того, чтобы преподнести ее Гитлеру в качестве подарка, и затем, двинувшись на север, принес террор и угнетение в Нидерланды и разграбил их экономику ради германского неумолимого бога Кришна.

Фон Нейрат, дипломат старой школы, который метал бисер своего опыта перед нацистами, руководил нацистской дипломатией в ранние годы, успокаивал опасения будущих жертв и, как имперский протектор Богемии и Моравии, укрепил позицию Германии для будущего нападения на Польшу.

Шпеер, в качестве министра вооружения и военной промышленности, начал сотрудничать в планировании и проведении в жизнь программы принудительной доставки военнопленных и иностранных рабочих для германской военной промышленности, добившись того, что выпуск продукции этой промышленности повышался в то время, как рабочие таяли, вымирая от голода.

Фриче, начальник радиопропаганды, подтасовывая факты, добивался от германского общественного мнения яростной поддержки режима и, таким образом, парализовал у населения способность к самостоятельному суждению, так что оно, ни о чем не спрашивая, подчинялось приказам своего хозяина.

Борман, который не принял нашего приглашения на это собрание, управлял регулятором огромных и мощных моторов партии, направляя ее во всех областях безжалостного проведения нацистской политики, начиная от бичевания христианской церкви и кончая линчеванием захваченных союзных летчиков.

В своей деятельности все эти подсудимые, несмотря на их различное происхождение и способности, присоединились к усилиям других заговорщиков, которые сейчас не находятся на скамье подсудимых, но которые тем не менее играли важную роль в выполнении других задач общего плана. Они представляли собой хорошо слаженный, четко работавший механизм, движимый стремлением к общей цели перекроить карту Европы силой оружия.

Некоторые из этих подсудимых были ревностными членами нацистского движения с первых дней его существования.

Другие, менее фанатичные, вошли в общее дело позднее, после того, как успехи сделали привлекательным участие в нем, так как оно сулило награды.

Эта группа новообращенных более позднего периода возместила критическую нехватку первоначальных искренних последователей, поскольку, как это указывал в своих выводах доктор Зимерс:

«Среди национал-социалистов не было специалистов для выполнения особых задач. Большинство из сотрудников национал-социализма ранее не занималось профессиями, требовавшими технического образования».

Роковая слабость нацистской банды в первый период ее существования заключалась в том, что у членов ее отсутствовали технические знания.

Они не могли создать из своих собственных рядов правительство, способное провести в жизнь все планы, необходимые для реализации целей нацистского движения.

Именно отсюда и проистекают преступления и предательство людей, подобных Шахту, фон Нейрату, Шпееру и фон Папену, Редеру и Деницу, Кейтелю и Иодлю.

Сомнительно, могли ли преуспеть нацисты в проведении своего плана господства без участия имевшей специальное образование интеллигенции, которой они с такой охотой предоставляли руководить осуществлением этого плана.

Эти люди действовали, хорошо зная о широко объявленных целях и методах нацистов, и продолжали свою службу даже тогда, когда на практике увидели, куда вел путь, по которому они шли.

Их превосходство над обычной нацистской посредственностью не оправдывает их. В этом—их обвинительный приговор. Из тысяч страниц материалов этого процесса с определенностью явствует, что главное преступление из всей группы нацистских преступлений — нападение на мир во всем мире — было преднамеренно запланировано.

Эти агрессивные войны не начались из-за того, что население стихийно схватилось за оружие в порыве негодования.

За неделю до вторжения в Польшу Гитлер сказал своим военным командующим:

«Я дам пропагандистский повод для начала войны. Неважно, будет ли он правдоподобным. Победителя потом не спросят — говорил ли он правду. В начале и при ведении войны значение имеет не право, но победа».

Инцидент пропагандистского характера был должным образом сфабрикован при помощи использования заключенных концентрационных лагерей, переодетых в польскую военную форму для того, чтобы создать видимость польского нападения на германскую пограничную радиостанцию.

План оккупации Бельгии, Голландии и Люксембурга впервые появился в августе 1938 года в связи с планом нападения на Чехословакию.

Намерение напасть оформилось в программу в мае 1939 года, когда Гитлер заявил своим командующим, что:

«Голландские и бельгийские авиационные базы должны быть оккупированы с помощью вооруженных сил. Заявления о нейтралитете следует игнорировать».

Таким образом, войны, которые должны были последовать, планировались прежде, чем начиналась первая война. Это были наиболее тщательно спланированные войны в истории.

Вплоть до того времени, когда все преступные акты агрессии в их ужасающей последовательности и развитии уже были давно завершены, не было сделано ни одного шага, который бы не соответствовал искусно составленному плану или последующим графикам и расписаниям.

Военные преступления и преступления против человечности также не являлись бесплановыми, отдельными или стихийными актами.

Даже если оставить в стороне наши неоспоримые доказательства существования заговора, достаточно спросить: разве возможно было

выделить шесть миллионов человек из нескольких народов, на основании их расовой принадлежности и происхождения, умертвить, а тела их уничтожить, если эта операция не являлась частью общей схемы, разработанной правительством? Разве можно было поработить пять миллионов рабочих, насильственно их завербовать и вывезти в Германию, распределить их на те работы, где они могли быть наиболее полезны, организовать систему их снабжения, если медленная смерть от голода вообще может быть названа снабжением, и осуществить их охрану — если все это не являлось частью общего плана?

Разве могли быть созданы сотни концентрационных лагерей по всей Германии, рассчитанные на сотни тысяч жертв и требовавшие материалов и рабочей силы для своего строительства, персонала и руководства для своего обслуживания и включения их в качестве составной части в экономику страны; разве могли быть затрачены все эти усилия при германской автократии, если они не были частью плана?

Разве тевтонская страсть к организации стала знаменитой из-за своей терпимости и беcплановой деятельности?

Каждая отдельная часть плана была тесно связана со всеми остальными. Программа рабского труда была согласована с нуждами промышленности и сельского хозяйства, а они, в свою очередь, приспосабливались к потребностям военной машины. Сложный пропагандистский механизм приводился в движение для осуществления программы господства над народом и побуждения его к войне, в которой должны были сражаться его сыновья. Промышленность вооружения черпала рабочую силу из концентрационных лагерей. Концентрационные лагери черпали ее из гестапо. Гестапо опиралось на шпионскую систему нацистской партии. Нацистский железный закон исключал все, что не соответствовало нацистской программе. Все значительные события, происходившие в этом регламентированном обществе, были лишь проявлениями заранее запланированной и открыто объявленной программы захвата для нацистского государства места под солнцем ценой ввержения во мрак всех остальных.

Подсудимые отвечают на это небывалое обвинение по-разному: одни, признавая ограниченную ответственность; другие, перекладывая вину на других; а некоторые утверждают, что хотя колоссальные преступления действительно совершались, преступников все же нет.

Ограниченное время не разрешает мне рассмотреть в отдельности построение защиты каждого подсудимого. Однако есть много моментов, общих для отдельных дел, и они заслуживают некоторого рассмотрения.

Защитники многих подсудимых пытаются опровергнуть обвинение в заговоре или наличии общего плана на том основании, что характер нацистского плана не соответствует понятию заговора, применимому в германском праве,— заговора о разбое на большой дороге или о краже со взломом. Их представление о заговоре ассоциируется со встречей украдкой глухой ночью в уединенном, скрытом месте, где подсудимые обдумывают каждую деталь отдельного преступления.

Устав исключает возможность применения в качестве критерия такой ограниченной и узкой концепции заговора, взятой из внутреннего права, употребляя дополнительный и не специальный термин «общий план». Если мы совершенно опустим термин «заговор», то Устав гласит, что руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана, направленного к

совершению любого из названных преступлений, «несут ответственность за все действия, совершенные любым лицом с целью осуществления такого плана».

Концепция общего плана, изложенная в Уставе, представляет собой в действительности принципиальное понимание термина заговора в международном праве. Общий план или заговор для захвата государственной машины, для совершения преступлений против мира во всем мире, для того, чтобы стереть с лица земли целую расу, поработить миллионы, покорить и ограбить целые народы, не может рассматриваться в тех же рамках, что и планирование менее значительных преступлений, хотя и в данном случае применимы те же самые основные принципы.

Обыкновенные бандиты могут планировать — кто из них возьмет револьвер и кто стилет, кто подойдет к жертве спереди, кто сзади, и где именно они ее подстерегут. Но при планировании войны револьвер становится вооруженными силами — «вермахт», а стилет — военно-воздушным флотом.

Выбор места для удара ограничивается не темной аллеей, а пространствами всего мира. В эту операцию входят в качестве элементов умелое обращение с общественным мнением, государственные законы, полицейская служба, промышленность и финансы. Там, где в обыкновенном заговоре использовались угрозы и обещания, здесь была пущена в ход внешняя политика нации. Также степень секретности, которая указывает на преступный умысел заговора, зависит от ее цели. Тайные приготовления государства, направленные против народов других стран мира, даже если они и скрыты от других стран, могут быть совершенно открыты и широко известны его народу.

Но не тайна является существенной составной частью такого замысла. Некоторые части общего плана могут объявляться с крыш домов, как это было с антисемитизмом, а другие могут держаться в секрете, как это было в течение долгого времени в отношении программы вооружения. Исключительно соображения стратегического характера определяют, какая именно часть подготовительных мероприятий должна быть обнародована, как, например, это было с заявлением, которое сделал Геринг в 1935 году о создании военно-воздушного флота, и какая их часть должна сохраниться втайне, как, скажем, это было в связи с использованием нацистами лопат для обучения «трудовых отрядов» обращению с оружием.

Этот заговор большого размаха аморфен по форме и оппортунистичен по средствам его выполнения. Однако ни то, ни другое не может помешать закону проникнуть в его существо.

Подсудимые, однако, утверждают, что не могло существовать заговора, предусматривавшего ведение агрессивных войн, во-первых, потому, что никто из нацистов не желал войны; во-вторых, потому, что целью вооружения было лишь обеспечение усиления Германии с тем, чтобы и ее голос был слышен в семье народов, и, в-третьих, потому, что войны, по существу, не являлись агрессивными войнами, но были лишь оборонительными войнами против «большевистской угрозы».

Когда мы анализируем доводы, приведенные в доказательство того, что нацисты не хотели войны, мы видим, что в сущности своей они сводятся к следующему:

«С точки зрения объективной, факты выглядят довольно скверно, но если вы рассмотрите мое душевное состояние, то убедитесь, что я лично

субъективно ненавидел войну. Мне были известны ужасы войны, я хотел мира».

Я не так уже уверен в этом. И еще менее склонен согласиться с определением, данным Герингом генеральному штабу, который он назвал нацистской организацией.

Однако нашему делу не повредит, если мы примем в качестве абстрактного предположения, что никому из этих подсудимых не нравилась война. Но они хотели получить то, что, как они знали, они не могли получить без войны. Они хотели получить земли и богатства своих соседей. Их философия, как кажется, сводилась к тому, что, если эти соседи не уступят добровольно, они тем самым станут агрессорами и на них нужно будет возложить ответственность за развязывание войны.

Однако остается фактом то обстоятельство, что война никогда не казалась нацистам ужасной до тех пор, пока она не вошла к ним в дом, до тех пор, пока не был раскрыт обманный характер их заверений германскому народу о том, что германские города, подобные тому разрушенному городу, в котором произошла наша встреча, останутся неуязвимыми.

Начиная с этого времени, война стала ужасной и для них.

Но опять-таки подсудимые пытаются доказать: «Конечно, мы производили пушки, но не для того, чтобы стрелять,— они должны были только придать нам вес при переговорах».

В лучшем случае этот аргумент сводится к утверждению, что военные силы были предназначены для шантажа, но не для военных действий.

Угроза военного вторжения, с помощью которой силой был навязан аншлюсс Австрии, угрозы, предшествовавшие Мюнхену, угроза Геринга подвергнуть бомбардировке прекрасный город Прагу, если президент Чехословакии не согласится на создание протектората, являются примерами того, что имели подсудимые в виду, когда они говорили об использовании вооружения как аргумента при ведении переговоров. Но из самой природы германских требований ясно, что должен был наступить день, когда какая-нибудь страна откажется купить себе мир, откажется внести за себя выкуп, «потому что конец этой игры — угнетение и позор, и народ, который играет в нее, — погиб».

Намеревались ли в таком случае эти подсудимые отказаться от германских требований или Германия собиралась настаивать на них и проводить пропаганду таким образом, чтобы возложить вину за ведение войны на тот народ, который оказался столь безрассудным, что стал сопротивляться? События ответили на этот вопрос, а документы, подобные меморандуму адмирала Карльса, ранее много цитировавшегося, не оставляют никакого сомнения в том, что события совершались именно так, как это предполагалось.

Но некоторые из подсудимых заявляют, что войны не были агрессивными и целью их было защитить Германию от новой возможной опасности — «угрозы коммунизма», которая являлась своего рода навязчивой идеей многих нацистов.

С самого начала этот довод о самозащите терпит крах, поскольку в этом случае полностью игнорируется роковое сочетание фактов, установленных в материалах суда. Во-первых, быстрые и колоссальные по размаху германские приготовления к войне; во-вторых, неоднократные, открыто объявленные намерения руководителей Германии совершить нападение, которые я цитировал ранее, и, в-третьих, тот факт, что имела ме-

сто целая серия таких войн, когда германские силы первыми наносили удары без предупреждения и пересекали границы стран других народов. Даже если бы могло быть доказано, а это невозможно, что война с Россией на самом деле носила оборонительный характер, совершенно очевидно, что дело обстоит иначе в отношении всех тех войн, которые предшествовали ей.

Кроме того, можно также указать на то, что даже те, которые хотели бы убедить вас в том, что коммунизм угрожал Германии, соперничают друг с другом в попытках доказать, что они были против пагубной русской авантюры. Можно ли поверить, что они выступали бы против такой войны, если бы она была на самом деле оборонительной.

Легкомысленное отношение к фактам, характерное для этой теории самозащиты, защитники пытаются возместить, как это часто делают адвокаты, ссылками на теорию права. Д-р Яройсс в своей «ученой» речи от имени защиты указывает, что ни одно условие договора, ни одно положение права не лишает Германию, как суверенную нацию, прав на самооборону. Он далее утверждает, ссылаясь на авторитет классического международного права, что каждое государство должно само решить вопрос о том (я цитирую), «является ли война, которую оно ведет, в данном случае оборонительной».

Нет необходимости рассматривать основательность абстрактного принципа, не относящегося к фактам настоящего дела. Я не сомневаюсь, что, если какая-нибудь нация пришла бы к решению, что она должна прибегнуть к войне в целях самозащиты, исходя из условий, дающих достаточное основание для того, чтобы честно принять такое решение, любой Трибунал придал бы этому большое и, возможно, решающее значение, даже если бы последующие события показали, что такое решение было заблуждением.

Но факты на данном процессе не допускают никакой скидки на честное решение, потому что нацисты даже не пытались сделать вид, что они пришли к такому решению; еще в меньшей степени оно являлось честным.

Ни в одном из документов, которые раскрывают планирование и детализацию планов этих нападений, не было и не может быть процитировано ни одного предложения, которое указывало бы на действительное опасение по поводу нападения извне. Вполне возможно, что у государственных деятелей других наций нехватило мужества немедленно и полностью разоружиться. Возможно, они подозревали о тайном перевооружении Германии. Но если они и медлили с отказом от вооружения, они во всяком случае не побоялись пренебрегать развитием промышленности вооружения.

Германия отлично знала, что ее бывшие враги довели свое вооружение до упадка, столь маловероятной казалась им возможность другой войны. Германия противостояла Европе, которая не только не хотела нападать, но которая была слишком слаба и пацифистски настроена даже для того, чтобы соответствующим образом защищаться, и должна была заплатить чуть ли не своей честью, а может быть, и более того, чтобы купить себе мир. Те протоколы о секретных нацистских совещаниях, которые мы вам представили, не называют потенциального агрессора. В них чувствуется дух агрессии, а не оборонительной войны. Они всегда замышляли территориальную экспансию, а не сохранение территориальной целостности.

Военный министр фон Бломберг в своей директиве от 1937 года, в которой устанавливались общие принципы для подготовки вооруженных сил к войне, опроверг эти жалкие притязания на самозащиту.

Он заявлял в то время следующее: «Общая политическая обстановка оправдывает предположение относительно того, что Германии не грозит нападение ни с какой стороны. Основанием этого предположения является то, что почти все страны, и особенно западные державы, не испытывают желания вести войну, и, кроме того, в целом ряде государств, и в России особенно, ведется недостаточная подготовка к войне». Тем не менее он предлагает: «постоянно готовиться к войне с тем, чтобы: а) быть в состоянии в любое время нанести контрудар и б) суметь использовать в военных целях благоприятную политическую ситуацию, если таковая представится».

Если эти подсудимые могут сейчас цинично приводить в свое оправдание довод о самозащите, хотя ни один из ответственных лидеров в тот период искренне не заявил и не считал, что самозащита является необходимой, то тем самым доводятся до полного абсурда, с правовой точки зрения, все договоры о ненападении. Они становятся лишь дополнительным средством обмана в руках агрессора и ловушкой для миролюбивых стран. Даже если договоры о нападении предусматривают возможность для каждого народа на основе доверия (бона фиде) решить вопрос о необходимости самозащиты против непосредственной угрозы нападения, они тем не менее ни в коей мере не могут служить прикрытием для тех, которые никогда не приходили к решению такого рода.

В своей вступительной речи я осмелился предсказать, что не будет серьезных опровержений того, что преступления, которые вменяются в вину подсудимым, были совершены действительно и что речь будет итти об ответственности отдельных подсудимых. Подсудимые действительно показали, что мое пророчество сбылось. Вообще говоря, они не отрицают того, что все это имело место, но утверждают, что все это имело место «само по себе», а не являлось результатом общего плана их заговора.

Одним из основных доводов отрицания подсудимыми наличия заговора является довод относительно того, что при диктатуре заговор невозможен. Далее подсудимые аргументируют свое заявление тем, что все они должны были повиноваться приказам Гитлера, которые имели силу закона в германском государстве, и, следовательно, повиновение нельзя считать основой для предъявления обвинения в совершении преступления. В том же духе приводятся объяснения, что хотя массовые убийства и совершались, убийц не было.

Этот довод преследует цель обойти статью 8 Устава, согласно которой приказ правительства или начальника не освобождает подсудимого от ответственности, но может только приниматься во внимание как смягчающее вину обстоятельство.

Эта статья Устава является справедливой и отвечает действительному положению вещей, как это заявил подсудимый Шпеер, определяя, что он подразумевает под общей ответственностью руководителей германского государства:

«... В отношении вопросов, имеющих решающее значение, должна существовать общая ответственность. Общая ответственность должна существовать постольку, поскольку данное лицо является одним из руководителей, ибо кто еще может принять на себя ответственность за развитие событий, как не непосредственные сотрудники, которые работают вместе, рядом с главой государства?»

Он далее заявил Трибуналу:

«... невозможно после катастрофы уклоняться от общей ответственности. Если бы война была выиграна, то руководители также приняли бы на себя полную ответственность».

Утверждение относительно того, что неограниченная власть фюрера исключала возможность существования заговора, как и многое другое в абстрактных аргументах защиты, явно опровергается теми фактами, которые имеются в судебных протоколах. Фюрерский принцип абсолютизма, как указал Геринг, был сам по себе частью общего плана.

Подсудимые могли стать рабами диктатора, но именно он был их диктатором. И Геринг заявил в своих показаниях: с самого начала цель нацистского движения заключалась в том, чтобы сделать его таковым.

Каждый нацист приносил следующую присягу:

«Я обещаю, что я буду вечно верен Адольфу Гитлеру. Я обещаю безоговорочно повиноваться ему и фюрерам, назначенным им».

Более того, они заставили всех тех, кто находился в их власти, также принести такую присягу. Эта присяга была незаконной, согласно германскому праву, ибо стать членом организации, в которой дается присяга о повиновении неизвестному начальнику или о безоговорочном повиновении известному начальнику, согласно закону, считалось преступным.

Эти люди уничтожили свободное правительство в Германии, а сейчас просят освободить их от ответственности, потому что они стали рабами. Они находятся в положении мальчика из сказки, который убил своего отца и мать, а затем просил о снисхождении, потому что остался сиротой. Но эти люди не заметили того, что действия Адольфа Гитлера — это их действия. Именно эти люди из миллионов других, и именно они, руководя миллионами других, создали Адольфа Гитлера и облекли эту психопатическую личность властью принимать не только решения по многочисленным общим вопросам, но также и разрешать важнейший вопрос о войне и мире. Они допьяна напоили его властью и заставили людей заниматься перед ним низкопоклонством.

Они разжигали его ненависть и вселяли в него чувство страха. Вложив в протянутые руки Гитлера заряженное ружье, они именно ему предоставили нажать курок, и когда он это сделал, все они это в то время одобрили.

Его вина признается одними подсудимыми неохотно, другими — с чувством мести. Но его вина — это вина всех вместе и каждого из них в отдельности, кто находится на скамье подсудимых. Защита убеждает нас, что эти подсудимые не могли создать общий план или быть соучастниками одного и того же заговора, потому что между ними происходила борьба и они принадлежали к различным фракциям и кликам. Нет необходимости в том, чтобы люди были согласны абсолютно по всем вопросам для того, чтобы они сумели сговориться между собой в такой степени, что их сговор можно рассматривать как преступный заговор.

Без сомнения, были заговоры и внутри заговора, так же как интриги, соперничество и борьба за власть. Шахт и Геринг разошлись во мнениях по вопросу о том, кто из них должен осуществлять контроль над хозяйством страны, но у них не было разногласий в отношении того, что все хозяйство должно быть регламентировано для проведения подготовки к войне.

Геринг заявляет, что он действовал помимо общего плана, аргументи-

руя это тем, что через Далеруса он вел некоторые переговоры с влиятельными людьми Англии как раз перед польской войной. Однако совершенно ясно, что это было сделано не для того, чтобы предотвратить агрессию против Польши, а имело своей целью обеспечение успеха и безопасное проведение этой агрессии, добившись нейтралитета Англии. Розенберг и Геринг, быть может, были не во всем согласны по вопросу о том, как распределять награбленные произведения искусства, но в отношении того, как следует производить этот грабеж, у них никаких разногласий не было.

Иодль и Геббельс, быть может, расходились во мнениях по вопросу о том, следует ли денонсировать Женевскую конвенцию, но у них никогда не было разногласий по поводу нарушения ее. Подобным же образом обстояло дело на всем протяжении подлой истории их заговора. Мы не встретили ни единого случая, когда бы один из подсудимых не поднялся и не заявил против остальных: «Это неправильно, я не буду делать этого». Как бы они ни расходились во мнениях, спорным вопросом всегда являлся лишь вопрос о методе или о компетенции, но эти разногласия никогда не выходили за рамки общего плана.

Некоторые подсудимые также утверждают, что во всяком случае не существовало заговора для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, потому что члены кабинета никогда не встречались с военными руководителями для того, чтобы планировать такого рода действия. Эти преступления являлись только неизбежным и случайным результатом осуществления плана агрессии для расширения жизненного пространства (лебенсраум). На совещании командующих Гитлер заявил:

«В Польше главная задача заключается в том, чтобы уничтожить противника, а не достичь определенной географической линии».

Франк подхватил этот мотив и предложил, что после того, как из них будет выжата вся рабочая энергия, «...можно будет превратить в котлету поляков, украинцев и всех тех, кто находится поблизости, неважно к чему это приведет».

Рейхскомиссар Кох на Украине вторил ему в тон:

«Я выгоню из этой страны всех, вплоть до последнего человека. Я пришел сюда не для того, чтобы изливать благодать».

Такова была изнанка «жизненного пространства». Могли ли люди с таким практическим складом ума, как у них, рассчитывать на то, что им удастся даром получить соседние земли от их владельцев, без совершения преступлений против человечности?

И, наконец, последним доводом каждого из подсудимых является утверждение, что даже если заговор и существовал, то он лично в нем не был замешан. Поэтому очень важно при рассмотрении их попыток избежать ответственности знать прежде всего, что именно подразумевается под обвинением в участии в заговоре и за что оно предусматривает наказание. При рассмотрении вопроса об участии в заговоре мы не наказываем одного человека за преступление, совершенное другим человеком.

Мы стараемся наказать каждого за его собственное преступление, за его участие в осуществлении общего преступного плана, в котором также принимали участие и другие. Степень преступности плана, и поэтому и виновности каждого, кто принимал участие в его проведении, несомненно, представляет собой общую сумму преступлений, совершенных всеми участ-

никами при осуществлении этого плана. Но сущность обвинения заключается в участии в разработке или осуществлении этого плана. Таков закон, который каждое общество считает необходимым для того, чтобы покарать таких людей, как эти подсудимые, которые сами никогда не марали руки в крови, но разрабатывали планы, приведшие в результате к кровопролитию. Сейчас по всей Германии в каждой оккупационной зоне все мелкие исполнители, которые по приказу проводили в жизнь эту преступную политику, предаются суду и подвергаются наказанию.

Было бы величайшей и непростительной пародией на справедливость дать этим людям, которые планировали эту политику и направляли этих мелких исполнителей, избегнуть кары. Эти люди, находящиеся на скамье подсудимых, перед лицом фактов, имеющихся в судебных протоколах, не могут отговориться незнанием этой преступной программы или отдаленным и неопределенным к ней отношением.

Именно они являются творцами этой программы. Посты, которые они занимали, показывают, что мы избрали подсудимых, ответственность которых совершенно очевидна. Это — самые высокопоставленные из оставшихся в живых представителей власти, каждый из которых играл главную роль в своей области и в нацистском государстве в целом. В настоящее время нет в живых никого, кто бы, по крайней мере, вплоть до последнего момента войны, стоял выше Геринга по занимаемому положению и располагал большей властью и влиянием.

Никто в армии не стоял выше Кейтеля и Йодля, никто во флоте не занимал более высокого поста, чем Редер и Дениц.

Кто может нести бóльшую ответственность за двуличную дипломатию, чем министры иностранных дел фон Нейрат и Риббентроп и их подручный Папен? Кто должен нести ответственность за деспотическое управление оккупированными странами, как не гаулейтеры, протекторы, губернаторы и комиссары, такие, как Франк, Зейсс-Инкварт, Фрик, фон Ширах, фон Нейрат и Розенберг? Где искать тех, кто мобилизовал все хозяйство для тотальной войны, если мы забудем о Шахте, Шпеере и Функе? Кто был хозяином этого огромного рабовладельческого предприятия, как не Заукель? Чья рука, как не рука Кальтенбруннера, направляла деятельность концлагерей? Кто подхлестывал ненависть и страх в народе и искусно направлял партийные организации к подстрекательству этих преступлений, если не Гесс, фон Ширах, Фриче, Борман и недостойный упоминания Юлиус Штрейхер?

Список подсудимых состоит из лиц, которые играли главные, связанные между собой роли в этой трагедии. Фотографии и фильмы вновь и вновь показывают их вместе в дни важных событий. Документы свидетельствуют, что они были согласны по вопросу о политике и методах и об их агрессивной деятельности, направленной на расширение территории Германии силой оружия. Каждый из этих подсудимых внес вклад в дело нацистского плана, каждый из них играл в нем главную роль. Лишите нацистский режим того, что было сделано Шахтом, Заукелем, фон Папеном или Герингом, и этот режим перестанет быть самим собой. Взгляните на этих падших людей и представьте себе их такими, как они изображены на фотографиях и в документах в дни их величия и славы. Имеется ли среди них хотя бы один, чья деятельность значительно не продвинула бы этот заговор вперед по кровавому пути к достижению кровавой цели? Можем ли мы допустить, что огромные усилия этих людей были направлены

на достижение тех целей, о существовании которых они никогда не подозревали?

Защищая себя, все подсудимые единодушно пытаются избежать ответственности и вины, вытекающей из их деятельности на занимаемых ими постах. Мы слышим, как один и тот же припев повторяется вновь и вновь: у этих людей не было власти, они ничего не знали, не пользовались никаким влиянием.

Функ подводит итог этому самоунижению подсудимых в своей жалобной ламентации: «Я всегда, так сказать, подходил к двери, но мне никогда не разрешалось в нее войти».

В своих показаниях каждый подсудимый по некоторым вопросам оказывается в тупике. Никто ничего не знал о том, что происходило. Время от времени мы слышим голоса, раздающиеся со скамьи подсудимых: «Я слышу об этом впервые, только здесь».

Эти люди не видели зла, ничего не говорили, и ничего не было сказано в их присутствии. Это заявление могло бы звучать вполне правдоподобно, если бы оно было сделано одним подсудимым. Но когда мы складываем все их показания вместе, то о Третьей империи, которая должна была существовать в течение тысяч лет, создается очень смешное впечатление.

Если мы объединим повествования всех подсудимых первой скамьи, то получится нелепая картина правительства Гитлера. Оно состояло из: *человека № 2*, который ничего не знал об эксцессах созданного им гестапо и никогда не подозревал о программе истребления евреев, хотя он лично подписал более десятка декретов, которые касались вопроса преследования этой расы; *человека № 3*, который был просто невинным посредником, передающим, подобно почтальону или посыльному, приказы Гитлера, которых он сам даже не читал; *министра иностранных дел*, который очень мало знал о внешнеполитических проблемах и ничего не знал о внешней политике; *фельдмаршала*, который издавал приказы вооруженным силам, но не имел ни малейшего представления о результатах, к которым приведут эти приказы на практике; *начальник службы безопасности*, который считал, что полицейские функции возглавляемого им гестапо и СД являлись по своему характеру чем-то вроде регулирования уличного движения; *партийного философа*, который интересовался исследованиями в области истории и не имел ни малейшего представления о насилии, которое порождала его философия в XX веке; *генерал-губернатора Польши*, который царствовал, но не управлял; *гаулейтера Франконии*, обязанность которого заключалась в том, чтобы фабриковать грязные документы относительно евреев, но который не имел никакого представления о том, будет ли их кто-нибудь читать; *министра внутренних дел*, который не знал даже, что происходит внутри его собственного ведомства, и еще меньше знал о том, что творится в его собственном министерстве, и абсолютно ничего не знал о том, что происходит внутри Германии; *президента рейхсбанка*, который совершенно не знал о том, что поступало и что изымалось из сейфов его банка; *уполномоченного по вопросам военной экономики*, который втайне перестраивал всю экономику для производства вооружения, но не имел при этом никакого представления о том, что в какой-либо степени имеет отношение к войне.

Это может показаться фантастическим преувеличением, но именно к такому выводу вы должны были бы прийти для того, чтобы оправдать этих подсудимых.

Они действительно слишком много протестуют. Они отрицают, что они знают то, что являлось общеизвестным. Они отрицают, что они знали о планах и программах, которые были настолько же общеизвестными, как и «Майн Кампф» и программа партии. Они даже отрицают, что им известно содержание документов, которые они получили и в соответствии с которыми они действовали.

Почти все подсудимые высказывали две или более противоречащие одна другой точки зрения. Давайте проиллюстрируем несовместимость их точек зрения на записи показаний одного из подсудимых, одного, который, если бы мы настаивали, охотно бы согласился с тем, что он самый умный, честный и невинный человек из всей скамьи подсудимых. Это — Шахт. Таково впечатление от его показаний.

Но не следует забывать, что все это я выдвигаю не только против него одного, поскольку большое количество внутренних противоречий свойственно показаниям нескольких подсудимых: Шахт открыто не присоединялся к нацистскому движению до тех пор, пока оно победило, так же как открыто не покидал этого движения до тех пор, пока оно не потерпело краха. Он признает, что никогда публично не выступал против этого движения, но утверждает, что лично он никогда не относился к нему лойяльно.

Когда мы его спрашиваем, почему он не остановил режим на его преступном пути, режим, при котором он был министром, он заявляет, что он был лишен всякого влияния. Когда мы его спрашиваем, почему он продолжал оставаться членом этого преступного режима, он заявляет нам, что, оставаясь на службе этого режима, он надеялся сделать его программу более умеренной. Подобно брамину среди неверных, он не мог себе позволить общаться с нацистами, но он также никогда не мог позволить себе порвать с ними политические связи. Из всех агрессивных действий нацистов, которыми, как он теперь утверждает, он был потрясен, нет ни одного, которому бы он не оказывал поддержку перед лицом всего мира авторитетом своего имени, своим престижем.

Вооружив Гитлера и дав ему тем самым возможность шантажировать континент, сейчас он обвиняет Англию и Францию в том, что они поддались его шантажу. Шахт всегда боролся за свое положение в рамках существовавшего режима, который сейчас он пытается презирать.

Иногда он не соглашался со своими нацистскими сообщниками относительно средств для достижения своих целей, но он никогда не расходился с ними во мнениях по вопросу о самой цели. Он действительно порвал с ними, когда наступили сумерки этого режима, но это было сделано по тактическим, а не по принципиальным соображениям. С этого времени он никогда не переставал призывать других рисковать своим положением и жизнью для того, чтобы оказывать содействие в осуществлении его планов, но никогда, ни в одном случае он не подвергал риску свою собственную жизнь.

Теперь он хвастает, что он собственноручно застрелил бы Гитлера, если бы для этого представилась возможность, но германская кинохроника показывает, что даже после падения Франции, когда он встретился с живым Гитлером, он выступил вперед для того, чтобы пожать руку человеку, к которому, как он говорит, он питает огромное отвращение, и ловил каждое слово человека, которого, как он теперь говорит, считал недостойным доверия.

Шахт говорит, что он неуклонно «саботировал» гитлеровское правительство. Однако самая безжалостная секретная разведка в мире никогда не обнаружила даже следов его вредоносных действий по отношению к режиму даже через много времени после того, как он узнал, что война проиграна и что нацизм обречен на гибель. Шахт всю жизнь лавировал и обеспечивал себе такое положение, чтобы можно было заявить, что он не принадлежит ни к какому лагерю.

Его защитительные доводы при анализе оказываются столь же показными, сколь убедительными они кажутся на первый взгляд. Шахт является представителем самого опасного и отвратительного типа оппортунизма. Он представляет собой человека, занимающего влиятельное положение, который готов присоединиться к любому движению, зная, что оно является порочным лишь потому, что оно, по его мнению, побеждает.

Эти подсудимые не могут отрицать того, что они являлись людьми, занимавшими очень высокое положение; они не могут также отрицать, что преступления, о которых я говорил, действительно были совершены; они знают, что их собственные опровержения будут неправдоподобными, если только они не смогут переложить вину на кого-нибудь другого.

Подсудимые были единодушны, когда под давлением они старались свалить вину на других лиц — то на одного, то на другого. Но имена, которые они неоднократно называли, были — Гитлер, Гиммлер, Гейдрих, Геббельс и Борман. Все они мертвы или исчезли. Как бы настойчиво мы ни пытались добиться признаний от подсудимых, когда они находились у свидетельского пульта, они, называя виновных, никогда не указывали на тех, кто находится в живых.

Соблазнительно размышлять о чудесной замечательной изобретательности судьбы, которая умерщвляла всех виновных и оставляла в живых всех невинных.

Главным злодеем, на которого возлагается вся вина,— некоторые подсудимые соревнуются друг с другом в подыскании наиболее подходящих эпитетов,— является Гитлер. Он является человеком, на которого почти каждый из подсудимых поднимает указующий перст. Я не оспариваю этого единодушного мнения так же, как не отрицаю того, что на всех этих мертвых и исчезнувших лиц в равной степени падает вина. В преступлениях, которые требуют такого наказания, что степень виновности утрачивает даже свое значение, они, может быть, играли самую ужасную роль. Но их вина не может оправдать подсудимых. Гитлер не унес всю вину с собой в могилу. Вся вина не окутана саваном Гиммлера. Именно этих мертвых находящиеся здесь лица избрали в качестве своих партнеров в этом обширном сообщничестве заговорщиков, и за преступления, которые они совершали вместе, они должны отвечать все до одного. Можно с полным основанием сказать, что последнее преступление Гитлера было преступлением против земли, которой он правил.

Он был безумным мессией, который беспричинно начал войну и беспричинно ее продолжал. Поскольку он не мог властвовать, для него была безразлична судьба Германии. Как нам заявил Фриче у свидетельского пульта, Гитлер пытался использовать поражение Германии для самоуничтожения германского народа. Он продолжал войну, зная, что он не может победить, и продолжение войны означало лишь катастрофу. Шпеер в этом зале изложил это следующим образом: «Жертвы, которые понесли обе стороны после января 1945 года, были бессмысленны.

Мертвые, погибшие в этот период, будут обвинять человека, несущего ответственность за продолжение этой войны — Адольфа Гитлера — так же, как и руины городов, разрушенных в период этой последней фазы, городов, которые утратили огромные культурные ценности и огромное количество жилых домов. Германский народ до самого конца оставался верным Адольфу Гитлеру. Он сознательно предал этот народ. Он пытался столкнуть его в бездну...».

Гитлер приказал каждому сражаться до конца и затем отступил, покончив жизнь самоубийством. Он ушел из мира таким, каким он жил — обманщиком. Он оставил сообщение о том, что он погиб в бою, в качестве официальной версии. Это был человек, которого эти подсудимые возвеличили до положения фюрера. Именно они вступили в заговор для того, чтобы передать ему абсолютную власть над всей Германией. И в конце концов он и система, которую они создали для него, привели их всех к катастрофе.

Шпеер заявил следующее при перекрестном допросе (я цитирую):

«...Однако огромная опасность, содержавшаяся в этой тоталитарной системе, стала совершенно явной лишь в тот момент, когда мы приближались к концу. Только тогда стал ясен смысл принципа, что любой приказ должен выполняться беспрекословно. Все, что содержалось в приказах, которые выполнялись без обсуждения, в конце концов оказывалось ошибочным.

Эта система... Разрешите мне это изложить следующим образом: к концу существования этой системы стало совершенно ясным, какая громадная опасность таилась в системе такого рода, даже если оставить в стороне гитлеровский принцип фюрерства. Сочетание Гитлера и этой системы, таким образом, принесло ужасающую катастрофу в этот мир».

Я позволю себе на минуту превратиться в адвоката дьявола. Я допускаю, что Гитлер был главным злодеем. Но возлагать всю вину на него одного будет немужественно и несправедливо со стороны подсудимых. Нам известно, что даже глава государства также ограничен своими умственными способностями и количеством часов в сутки, как и все остальные. Он должен доверять другим быть его глазами и ушами, чтобы следить за всем, что происходит в великой империи. Он должен иметь ноги, которые выполняли бы его поручения; руки, которые выполняли бы его планы.

На кого полагался Гитлер в выполнении всего этого, как не на тех, кто находится здесь на скамье подсудимых? Кто внушил ему, что он имеет непобедимую военно-воздушную армаду, как не Геринг? Кто скрывал от Гитлера все неблагоприятные сообщения? Разве не Геринг запретил фельдмаршалу Мильху предупредить Гитлера о том, что, по его мнению, Германии не по силам война с Россией? Разве не Геринг, согласно заявлению Шпеера, сместил генерала Галланта с поста командующего военно-воздушными силами за то, что тот говорил о недостаточной активности военно-воздушных сил? Кто, как не Риббентроп, Нейрат и фон Папен, пытались убедить Гитлера, который сам совершенно никуда не выезжал, в колебаниях и робости демократических народов? Кто, как не Кейтель, Иодль, Редер и Дениц, питали его иллюзиями о непобедимости Германии? Кто, как не Штрейхер и Розенберг, сильнее разжигали в нем ненависть к евреям? Кого бы назвал Гитлер в качестве человека, который ввел его в заблуждение относительно условий в концентрационных лагерях, как не Кальтенбруннера, который также пытался обмануть и нас?

Эти люди имели доступ к Гитлеру и часто могли контролировать поступавшую к нему информацию, на основе которой он должен был строить свою политику и издавать приказы. Они являлись преторианской гвардией, и хотя они подчинялись приказам цезаря, цезарь всегда был в их руках.

Если бы эти мертвые могли бы встать и у свидетельского пульта ответить на то, что было сказано против них, быть может, тогда перед нами была бы менее искаженная картина того, какую роль играли эти подсудимые. Представьте, какое бы волнение произошло на скамье подсудимых, если бы они увидели Адольфа Гитлера, направлявшегося к свидетельскому пульту, или Гиммлера с кипой досье, или Геббельса, или Бормана с сообщениями его партийных шпионов, или убитого Канариса?

Защита, оправдывающая кровавые деяния, утверждает, что мир может требовать возмездия лишь от мертвых,— аргумент, достойный преступлений, которые она стремится оправдать.

Мы представим Трибуналу неопровержимое обвинение, опирающееся на обвинительные документы, которых даже без объяснений вполне достаточно для того, чтобы предъявить требование о признании каждого из подсудимых виновным по первому разделу Обвинительного заключения. При вынесении окончательного решения встает единственный вопрос: могут ли показания самих подсудимых уравновесить на чашах весов документы и другие доказательства их виновности. Какова в таком случае ценность их показаний?

Дело в том, что обыкновение нацистов говорить как можно меньше правды лишь вырывает почву из-под ног их собственной защиты.

Ложь всегда была самым испытанным оружием в нацистском арсенале. Гитлер в «Майн Кампф» проповедовал ложь как политику. Фон Риббентроп признавал использование «дипломатической лжи». Кейтель предлагал держать в строгом секрете тот факт, что Германия перевооружалась, с тем, чтобы наличие его можно было отрицать в Женеве. Редер лгал относительно создания нового военно-морского флота в Германии в нарушение условий Версальского договора.

Геринг просил Риббентропа сообщить «законную ложь» британскому министерству иностранных дел относительно аншлюсса и таким образом направлял его по тому же пути, по которому шел сам. Геринг дал свое честное слово Чехословакии и затем нарушил его. Даже Шпеер предлагал вводить в заблуждение французов для того, чтобы выявить лиц со специальной подготовкой из числа французских военнопленных. Но ложь не являлась единственным способом обмана.

Все они говорят лживым языком нацистов с тем, чтобы ввести в заблуждение доверчивых. В нацистском лексиконе «окончательное разрешение» еврейской проблемы означает — уничтожение; «особое обращение» с военнопленными означает — убийство; «превентивное заключение» означает — заключение в концентрационные лагери; «обязательная трудовая повинность» означает — рабский труд, а приказ «занять решительную позицию» или «проводить решительные меры» означает — действовать с необузданной жестокостью.

Прежде чем согласиться с тем объяснением слов, которое дают они, мы всегда должны искать скрытый смысл этих слов. Геринг заверил нас под присягой, что имперский совет обороны никогда не собирался «как таковой». Когда мы представили стенографический отчет совещания, на

котором он председательствовал и в основном говорил, он напомнил нам о значении слов «как таковой» и объяснил, что это не было совещание совета «как такового» (я подчеркиваю значение слов «как такового»), поскольку на совещании присутствовали другие лица. Геринг отрицает, что он «угрожал» Чехословакии; он лишь сказал президенту Гаха, что ему «было бы чрезвычайно неприятно подвергать бомбардировке прекрасный город Прагу».

Помимо явного лицемерия и лживых заявлений имеются также другие извращения в фантастических объяснениях и абсурдных утверждениях. Штрейхер торжественно заявил, что единственным его стремлением в отношении евреев было переселить их на остров Мадагаскар.

Причиной для разрушения синагог, мягко заявил он, являлась их уродливая архитектура. Розенберг, по заявлению его защитника, всегда стремился к «рыцарскому разрешению» еврейского вопроса. Когда после аншлюсса появилась необходимость в устранении Шушнига, Риббентроп пытался убедить нас в том, что австрийский канцлер отдыхает на «вилле».

В ходе перекрестного допроса удалось установить, что этой «виллой» был концентрационный лагерь Бухенвальд. В протоколе имеется масса других примеров лицемерия и изворотливости. Даже Шахт показал, что он также принял нацистскую точку зрения о том, что всякая удачная выдумка — правда. Когда ему во время перекрестного допроса был предъявлен длинный список нарушенных клятв и лживых заявлений, он в свое оправдание заявил следующее:

«Я считаю, что можно добиться значительно больших успехов в руководстве людьми, не говоря им правды, чем говоря им правду».

Такова была философия национал-социалистов. Если в течение ряда лет они обманывали мир и маскировали свою ложь искусством внушать доверие, может ли кто-нибудь удивляться тому, что сейчас, находясь на скамье подсудимых, они продолжают вести себя так, как они привыкли вести себя в течение всей своей жизни? Вопрос о достоверности является одним из основных вопросов данного процесса. Только те, кого ничему не научили горькие уроки последнего десятилетия, могут сомневаться в том, что те люди, которые всегда играли на слепой доверчивости своих великодушных противников, остановятся перед тем, чтобы сделать то же самое и сейчас.

Именно в свете этих событий подсудимые сейчас просят Трибунал признать, что они не виновны в планировании, осуществлении и составлении ими заговора для совершения длинного списка преступлений и злодеяний.

Они стоят перед этим судом подобно тому, как стоял запятнанный кровью Глостер над телом убитого им короля. Он умолял вдову так же, как они умоляют вас: «Скажи, что не я убил». И королева ответила: «Тогда скажи ты, что они не были убиты. Но ведь они убиты, тобой убиты, гнусный раб!».

Признать этих людей невиновными значит с тем же основанием сказать, что не было войны, не было убийств, не совершалось преступлений.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ХАРТЛИ ШОУКРОССА[1]

[*Произнесена 26—27 июля 1946 г.*]

Господа судьи! Как и мой коллега господин Джексон, с которым я не смею надеяться сравниться в сжатости, убедительности и красноречии, от имени британского обвинения я хотел бы представить Трибуналу некоторые замечания (боюсь, что они окажутся несколько длинными) по поводу тех молчаливых и необычайных в своей убедительности доказательств, которые, по нашему мнению, доказывают виновность этих подсудимых.

Хотя в настоящем процессе представители обвинения работали в самом тесном содружестве и согласии и хотя по некоторым вопросам я буду выступать от имени всех обвинителей, мы считали, что на этой конечной стадии процесса, быть может, даже за счет неизбежного повторения тех вопросов, каждому из нас следует подготовить свою заключительную речь самостоятельно, чтобы Трибунал и страны, которые мы представляем, знали, на каком основании мы требуем осуждения этих людей. И если окажется, что некоторые из нас будут указывать на одни и те же доказательства и мы придем к одним и тем же выводам, как это, несомненно, случится, самое это совпадение, быть может, явится лишним подтверждением того, что, как мы утверждаем, каждый из этих подсудимых виновен в нарушении норм права.

Не подлежит сомнению, что эти подсудимые принимали участие и несут моральную ответственность за преступления, столь ужасающие, что при самой мысли о них воображение отказывается их постичь.

Хорошо запомним слова подсудимого Франка, которые вы снова слышали сегодня утром: «Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии не будет смыта».

Тотальные и тоталитарные войны, вопреки торжественным решениям и в нарушение договора; большие города — от Ковентри до Сталинграда,— стертые в прах; опустошенные деревни и неизбежные последствия такой войны — голод и болезни, гуляющие по всему миру; миллионы бездомных, искалеченных, обездоленных. И в могилах своих вопиют не о мщении, а о том, чтобы это больше никогда не повторилось, десять миллионов тех, кто мог бы сейчас жить в мире и спокойствии, десять миллионов солдат, моряков, летчиков и мирных людей, павших в боях, которых не должно было быть.

---

[1] Печатается с небольшими сокращениями. — Составители.

Но это не единственное и не самое большое преступление. Когда в каждой из наших стран, быть может, в порыве страстей или по другим причинам, которые заставляют терять самообладание, совершается убийство,— оно становится сенсацией, вызывает наше сочувствие, и мы не успокаиваемся до тех пор, пока преступника не постигает кара и не восторжествует право закона. Должны ли сделать мы меньше когда совершено убийство не одного, а, по самым скромным подсчетам, 12 миллионов мужчин, женщин и детей не в бою, не в порыве страстей, а в результате холодного, расчетливого и преднамеренного стремления уничтожить народы и расы, сломать традиции, учреждения и прекратить самое существование свободных и древних государств. Двенадцать миллионов убийств! Уничтожено две трети еврейского населения Европы, более шести миллионов, по данным самих убийц. Убийства совершались подобно серийному производству в какой-нибудь из отраслей промышленности, в газовых камерах и печах Освенцима, Дахау, Треблинки, Бухенвальда, Маутхаузена, Майданека и Ораниенбурга.

Должен ли мир пройти мимо возрождения рабства в Европе, мимо порабощения 7 миллионов мужчин, женщин и детей, которых увезли из-под родного крова, с которыми обращались, как с животными, которых морили голодом, избивали и умерщвляли.

Весьма возможно, что вина Германии не будет смыта, потому что немецкий народ в большой степени разделяет ее, но именно эти люди вместе с горсткой других навлекли эту вину на Германию и растлили германский народ.

«Моя вина в том, — признался подсудимый Ширах, — что я воспитывал германскую молодежь для человека, который совершал миллионы убийств».

За такие преступления можно было бы с полным основанием покарать этих людей без суда и следствия, и, если бы эта мера, в применении которой они участвовали по отношению к миллионам невинных людей, была применена к ним самим, они вряд ли могли бы жаловаться. Но этот Трибунал должен определить их вину не только с точки зрения моральной или этической, но и на основании закона.

Та же самая естественная справедливость, которая требует не оставить эти преступления безнаказанными, требует также и того, чтобы никто не был наказан до тех пор, пока путем терпеливого и тщательного расследования фактов не будет доказано, что он разделяет вину за то, что было совершено.

И вот в течение этих долгих месяцев Трибунал расследовал факты и теперь должен применить закон для того, чтобы, с одной стороны, совершить правосудие в отношении этих людей и восстановить справедливость ради их бесчисленных жертв и, с другой, — оповестить мир о том, что в конце концов право силы будет уничтожено и справедливость будет руководить отношениями между государствами, потому что решения этого суда выйдут далеко за рамки наказания двадцати с лишним виновных.

Здесь поставлены на карту вопросы гораздо более важные, чем их судьба, хотя от их судьбы в известной мере зависит решение этих вопросов.

Для истории не будет иметь никакого значения, длился ли этот процесс два месяца или десять. Но зато будет иметь очень большое значе-

ние то обстоятельство, что в результате справедливого и терпеливого разбирательства была установлена истина о деяниях, столь ужасных, что след их никогда не изгладится, что в конце концов восторжествуют справедливость и закон.

На протяжении года доказательства, во много раз превосходящие по объему те, которые когда-либо прежде в истории были представлены какому-нибудь трибуналу, собирались, рассматривались и были затем представлены вам.

Почти все доказательства представляют собой захваченные протоколы и документы того правительства, к которому принадлежали эти люди, и почти все они непосредственно указывают на то, что каждый из этих подсудимых знал и участвовал в той или иной группе преступлений, совершенных нацистским государством.

Эти доказательства не опровергнуты, и они навсегда сохранят свою силу, чтобы противостоять тем, кто, быть может, попытается впоследствии найти оправдание или смягчающие обстоятельства тому, что было совершено.

И все же теперь, когда вам уже представлена вся эта масса доказательств, я попрошу вас на некоторое время отвлечься от деталей для того, чтобы обратиться к ним в целом и рассмотреть эту сумму убедительных доказательств как некое единство.

Лишь случайно, благодаря захвату этих документов, мы получили возможность установить наличие преступлений на основании того, что говорили сами преступники, но дело против этих подсудимых может строиться на более широкой основе и должно рассматриваться в свете исторических событий.

Когда рассматриваешь характер и огромный масштаб совершенных преступлений, с несомненностью выступает ответственность тех, кто занимал высшие государственные посты и пользовался большим влиянием в нацистском государстве.

Долгие годы в мире, где самая война была объявлена преступлением, германское государство организовалось для ведения войны. Долгие годы евреи подвергались бойкоту, лишались элементарных прав на собственность, свободу и самую жизнь. Долгие годы честные граждане жили под страхом доносов и ареста одной из тех организаций, которые мы обвиняем как преступные и с помощью которых эти люди правили Германией. Долгие годы миллионы иностранных рабов трудились на фабриках и в деревнях по всей Германии и как скот транспортировались по всем дорогам, по всем железнодорожным линиям Германии.

Эти люди вместе с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом и несколькими другими сообщниками являлись одновременно руководителями германского народа и его движущей силой. Именно тогда, когда они занимали самые высокие государственные посты и пользовались огромным влиянием, были запланированы и совершены все эти преступления. Если не они несут ответственность, тогда кто же несет ее? Если их креатуры, подобные Достлеру, Экку, Кремеру и сотням других, которые лишь выполняли их приказы, уже заплатили самой высокой ценой, разве они, эти люди, должны понести меньшую ответственность? Как можно говорить, что государственные учреждения, которыми они руководили, не принимали в этом участия? Начальник имперской канцелярии Ламерс, их собственный свидетель, сказал в 1938 году:

«Несмотря на полную концентрацию власти в лице фюрера, не имеет места излишняя и не вызванная необходимостью централизация административных функций в руках фюрера в области управления государством.

Полномочия подчиненных руководителей исключают вмешательство в те приказы, которые они издают. Фюрер придерживается этого принципа в государственном руководстве таким образом, что, например, положение имперских министров практически гораздо более независимо сегодня, чем оно было прежде, хотя теперь имперские министры и подчинены неограниченной власти фюрера и его приказам. Готовность нести ответственность, умение принимать решения, наступательная энергия и подлинная авторитетность — вот каких качеств, прежде всего, требует фюрер от подчиненных ему руководителей. Поэтому он предоставляет им величайшую свободу для исполнения их задач с тем, чтобы они могли полностью добиться их осуществления».

Пусть даже они, уже заклейменные именем убийц, пытаются теперь, как хотят, преуменьшать власть и влияние, которыми они пользовались, достаточно только вспомнить то бахвальство, с которым они шагали по арене Европы, для того чтобы увидеть, какую роль они играли. Тогда они не говорили германскому народу и остальному миру, что они — лишь невежественные и бессильные марионетки в руках фюрера.

Подсудимый Шпеер говорил тогда: «Даже в тоталитарном государстве должна существовать тотальная ответственность... Невозможно после катастрофы избежать этой тотальной ответственности. Если бы война была выиграна, руководители также взяли бы на себя полную ответственность за это». Что же — следует предполагать, что если бы война была выиграна, то эти люди отошли бы в сторону и заняли позицию сравнительно непричастных обывателей?

Такая возможность не была исключена для них до того, как началась война, если бы они пожелали отмежеваться от того, что происходило. Они избрали иной путь. С самого начала, с того времени, когда сопротивление могло бы уничтожить все это дело в зародыше, они пропагандировали легенду о Гитлере, они помогали консолидировать нацистскую власть, создавать идеологию и направлять ее деятельность до тех пор, пока, подобно громадному осьминогу, она не распустила свои щупальцы по всей Европе и не протянула их через весь мир. Разве эти люди не знали о целях, к которым стремился фюрер уже в течение этого периода прихода к власти? Пауль Шмидт, переводчик Гитлера, свидетель, располагающий большим знанием фактов, показал:

«Общие цели нацистского руководства были ясны с самого начала — господство над европейским континентом, которое должно было быть достигнуто, прежде всего, включением всех говоривших по-немецки групп населения в состав империи и, во-вторых, территориальная экспансия под лозунгом: «жизненное пространство».

Этот лозунг «жизненное пространство»,— эта целиком фальшивая идея о том, что самое существование германского народа зависело от территориальной экспансии под нацистским флагом,— с самого начала являлся открыто признанной частью нацистской доктрины; таким образом, всякий мыслящий человек должен был знать, что она не может не привести к войне.

Это было оправданием, которое Гитлер предложил своим сообщникам по заговору на тех секретных совещаниях 5 ноября 1937 г., 23 мая и 23 ноября 1939 г., на которых была решена судьба столь многих стран.

Не являясь столь конкретной, эта идея, тем не менее, не была менее фальшивой, чем требование о пересмотре Версальского договора. Так называемая несправедливость Версальского договора, которой так хитроумно пользовались для того, чтобы собрать народ под нацистское знамя, сумела объединить вокруг нацистов многих немцев, которые в другом случае не поддерживали бы некоторых из остальных пунктов нацистской программы.

Об эффективности этой пропаганды можно судить хотя бы по многочисленным попыткам, которые сделала здесь защита, развивать аргументацию по поводу этой предполагаемой несправедливости договора. Независимо от того, был ли он справедлив или нет, это был договор, и ни одно правительство, которое хотело жить в мире, не должно было сетовать на его положения. Даже если бы эти жалобы были справедливы, довольно скоро для них не осталось никаких оснований. Положения Версальского договора могли быть, и в некотором смысле действительно были, пересмотрены путем мирных переговоров. В 1935 году, за четыре года до того, как мир был брошен в пучину войны, эти люди открыто отвергли договор, и в 1939 году они были не только свободны почти от всех его ограничений, на которые они сетовали, но, более того, они захватили территории, которые никогда в течение всей европейской истории не принадлежали Германии. Версальский договор послужил уловкой для привлечения людей к выполнению порочных, агрессивных целей. Но даже эта уловка была менее дьявольской, чем антисемитские вопли и требования чистоты расы, с помощью которых эти люди стремились, с одной стороны, собрать и консолидировать различные группы извращенного общественного мнения внутри страны, с другой стороны, посеять раздоры и разногласия среди народов других стран. Раушнинг приводит заявление Гитлера (я цитирую):

«Антисемитизм является удобным революционным средством. Антисемитская пропаганда во всех странах является почти необходимым условием для проведения нашей политической кампании. Вы увидите, как мало времени нам потребуется для того, чтобы перевернуть представления и критерии всего мира только и просто с помощью нападок на еврейство. Вне всякого сомнения, это — самое сильное оружие в моем пропагандистском арсенале».

В качестве примера результатов этой злонамеренной пропаганды я напомню вам слова Бах-Зелевского, который, когда его спросили, как Олендорф мог признать, что находившиеся под его командой люди убили 90 000 человек, ответил:

«Я придерживаюсь мнения, что когда в течение долгих лет, в течение десятилетия проповедуется доктрина о том, что славяне являются низшей расой, а евреи вообще не являются людьми, такой исход неизбежен».

Таким образом, с самых первых дней были ясны цели нацистского движения: экспансия, господство над Европой, уничтожение евреев, необузданная агрессия, безжалостное пренебрежение правами всех других народов, кроме их собственного.

Таково было начало. Я не буду задерживать вашего внимания на том, чтобы рассматривать шаг за шагом приход нацистов к власти. Я не

буду рассматривать, каким образом, как писал автор истории СА, они обнаружили, что «господство над улицами — ключ к власти в государстве». Я не буду рассматривать, каким образом с помощью организованного террора, который здесь описывал свидетель Зеверинг, штурмовые отряды коричневорубашечников запугивали народ в то время, как нацистская пропаганда, возглавляемая «Дер Штюрмер», обливала грязью всех противников нацизма и возбуждала народ против евреев.

Я не буду рассматривать этот период, как бы ни были серьезны уроки, которые демократические народы должны извлечь из него, потому что может оказаться нелегким точно сказать, когда именно каждый из этих подсудимых должен был осознать, если фактически он не знал об этом и не участвовал в этом с самого начала, что истерические излияния Гитлера в «Майн Кампф» являлись реальным выражением его намерений и первоосновой нацистского плана.

Некоторые из них, такие, как Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Штрейхер, Фрик, Франк, Шахт, Ширах и Фриче, без сомнения, поняли это очень рано. В отношении одного-двух других, как, например, Деница и Шпеера, это могло случиться сравнительно поздно. Немногие могли оставаться в неведении после 1933 года. Все должны были быть активными участниками в 1937 году. Когда вспоминаешь впечатление, создавшееся за границей в течение этого периода, не остается никакого сомнения в том, что эти люди, почти все бывшие руководители Германии и начиная с 1933 года близкие сотрудники Гитлера, имевшие доступ на его секретные совещания, бывшие полностью в курсе его планов и происходивших событий, не только примирялись с тем, что происходило, но являлись активными и добровольными участниками происходившего...

...Тоталитарное правительство не терпит никакой оппозиции. Цель оправдывает любые средства, а непосредственной целью было, не считаясь ни с чем, достичь полного контроля над германским государством и ожесточить и подготовить его народ к войне. Что мешало этому в январе 1933 г.? Во-первых, члены других политических партий; во-вторых, демократическая система выборов и общественных собраний; организация рабочих в профессиональные союзы; в-третьих, моральные устои германского народа и церковь, которые воспитали его.

Поэтому нацисты совершенно сознательно начали уничтожать эту оппозицию: первую группу — заключая в тюрьмы и подвергая террору своих противников; вторую — объявив незаконными все элементы терпимости и либерализма, поставив вне закона профессиональные союзы и оппозиционные партии; превратив демократические собрания в фарс и взяв под свой контроль проведение выборов; третью — систематическим третированием и преследованием религии, заменой христианской этики поклонением фюреру, превращенному в кумир, культом крови и введением сурового контроля над образованием и молодежью. Молодежь систематически готовили к войне и учили ненавидеть и преследовать евреев. Для осуществления планов агрессии был нужен народ, тренированный в жестокости и обученный тому, что вторжение в страны других народов является одновременно и необходимым и героичным.

Насколько зловредна и эффективна была эта внутренняя политика, можно судить по тому, что после шести лет пребывания у власти нацисты сумели, не встретив затруднений, вовлечь этот развращенный народ в величайшее в истории преступное предприятие.

Быть может, имеет смысл выбрать из материалов дела несколько примеров, иллюстрирующих, как развивалась эта политика в течение шести лет, и рассмотреть их здесь...

...Начнем, таким образом, с уничтожения политических противников. В течение шести недель после того, как нацисты пришли к власти, в январе 1933 года германские газеты, основываясь на данных из официальных источников, сообщали, что в тюрьмы было заключено 18 000 коммунистов, в то время как в числе 10 000 заключенных в тюрьмах Пруссии было много социалистов и представителей интеллигенции. Судьба многих из этих людей была описана Зеверингом, по подсчету которого по крайней мере 1 500 социал-демократов и такое же количество коммунистов было убито в концентрационных лагерях, незадолго до этого созданных Герингом, как начальником Гестапо.

Эти лагери, контролировавшиеся партийными организациями, были умышленно организованы таким образом, чтобы устрашить всю страну. Говоря словами свидетеля Зеверинга, концентрационные лагери были в глазах народа «олицетворением всего ужасного».

Геринг заявил: «Мы считали необходимым не допускать существования никакой оппозиции». Он также признал, что арестовывались и подвергались превентивному заключению люди, не совершившие никакого преступления. Геринг добавил, что «если каждый будет знать, что, если он будет действовать против государства, он кончит концентрационным лагерем... это нам только выгодно».

Вначале лагери управлялись как СА, так и СС, и, по словам Геринга, были созданы «в качестве орудия, которое во все времена являлось внутренним политическим орудием власти».

Гизевиус, который в то время только что вступил в гестапо, как вы помните, дал следующее описание событий:

«Я пробыл вряд ли больше, чем два дня, в этом новом полицейском учреждении, когда я уже обнаружил невероятные порядки, существующие там.

Это была не та полиция, которая принимала меры против совершения преступлений, против убийств, против арестов, против краж со взломом. Это была полицейская организация, именно охранявшая совершителей подобных преступлений.

Арестовывались не те, кто был виновен, в таких преступлениях, а те, кто обращался в полицию с просьбой о помощи. Это была не полиция, которая выступала на защиту, но полиция, чьей задачей, казалось, было по существу скрывать преступления и поощрять их. Эти команды СА и СС, изображавшие полицию, поощрялись так называемой государственной тайной полицией, и им оказывалась всевозможная помощь...

Были созданы особые концентрационные лагери гестапо, и их названия навсегда останутся позорным пятном в истории. Ораниенбург и тайная тюрьма гестапо на Папенштрассе, Колумбияхаус или, как ее цинично называли, «Колумбиядиле» («Погребок Колумбия»). Я спросил одного из моих коллег, который также был профессиональным чиновником: «Скажите мне, пожалуйста, где я — в полицейском учреждении или в воровском притоне?». Я получил следующий ответ: «Вы находитесь в притоне ночных воров-взломщиков, и можете ожидать, что увидите здесь еще многое».

Далее Гизевиус описывает приказ Геринга об убийстве национал-социалиста Штрассера и то, как он дал «карт бланш» политической полиции, подписав бланки, гарантировавшие амнистию полицейскому, и оставив незаполненным место для имени человека, за убийство которого гарантировалась эта амнистия.

Если потребуется подтверждение показаний этих свидетелей защиты, то их можно найти в серии докладов прокурора Мюнхена министру юстиции в мае и июне 1933 года, находящихся в материалах суда, в которых зафиксирован бесконечный ряд убийств, совершенных чиновниками СС в концентрационном лагере Дахау.

В 1935 году имперский министр юстиции в письменном виде изложил Фрику свой протест против многочисленных случаев жестокого обращения в концентрационных лагерях, включая «избиение, как меру дисциплинарного взыскания...». «Жестокое обращение, главным образом, с политическими заключенными, для того, чтобы заставить их говорить»... и «жестокое обращение с заключенными исключительно для развлечения или по садистическим мотивам».

Далее он жалуется, что «избиение находящихся в заключении коммунистов рассматривается как обязательная полицейская мера, необходимая для более эффективного подавления коммунистической деятельности».

После приведения примеров пыток он заключает:

«Эти несколько примеров показывают степень жестокости, которая оскорбляет чувство каждого немца».

Чувства Фрика, очевидно, были не столь нежными. Уже на следующий год он получил подобный же протест от одного из своих собственных подчиненных, и вскоре после этого он издал декрет о подчинении всех полицейских сил Гиммлеру, т. е. тому самому человеку, который, как он знал, являлся ответственным за эти зверства.

Эти жестокости, как мы полагаем, хорошо известные министрам, не исчерпывались тайной концентрационных лагерей.

Пожалуй, имеет смысл привести один случай из тысячи ему подобных, происшедших с людьми, пострадавшими от этой политики.

Трибунал помнит отчет Зольманна, социал-демократа и члена рейхстага с 1919 по 1933 гг. Он говорил об инциденте, имевшем место 9 марта 1933 г., когда, говоря его собственными словами:

«Члены СС и СА пришли в мой дом в Кельне, поломали мебель и уничтожили мои личные записи. В то время меня взяли в коричневый дом в Кельне, где в течение нескольких часов меня мучили, избивали и пинали ногами.

Затем меня перевели в обычную государственную тюрьму в Кельне, где два врача оказали мне медицинскую помощь, а на следующий день меня освободили. 11 марта 1933 г. я покинул Германию».

Вторая задача — подавление всех демократических институтов — была сравнительно простой. Были проведены законы, необходимые для того, чтобы поставить профессиональные союзы вне закона; деятельность рейхстага немедленно превратилась в фарс, оппозиционные партии были распущены, а члены их брошены в концентрационные лагери. Свидетель Зеверинг говорил об обращении с членами рейхстага. В 1932 году по приказу фон Папена он, занимавший тогда пост министра внутренних дел Пруссии, был насильственно удален с этого поста. Через короткое вре-

мя после 30 января 1933 г. коммунистическая и социал-демократическая партии были декретом объявлены незаконными и были запрещены все общественные выступления, кроме нацистских. Эта мера была преднамеренно запланирована.

Фрик сказал уже в 1927 году, что «национал-социалисты всегда стремились к тому дню, когда они смогут положить бесславный, но полностью заслуженный конец этой дьявольской бутафории — парламенту — и открыть дорогу для расовой диктатуры».

Сейчас, когда демократическая форма правительства добивается своего восстановления во всем мире, не следует забывать об отношении нацистов к выборам.

Свободные выборы, конечно, не могли быть допущены.

Геринг, пытаясь добыть в промышленности денег для партии, сказал Шахту в феврале 1933 года (я цитирую):

«Промышленности будет, несомненно, легче принести те жертвы, о которых ее просят, если вы учтете, что выборы 5 марта будут последними на следующие 10, а возможно и на следующие 100 лет».

Учитывая эти обстоятельства, неудивительно, что после этого, как это явствует из таких доказательств, как отчет СД о проведении плебисцита в Каппеле, происходившие время от времени народные выборы, которые всегда объявлялись как триумф нацистов, проводились нечестными методами.

Я обращаюсь к третьей группе оппозиции — к церкви.

В меморандуме Бормана, направленном в декабре 1941 года всем гаулейтерам и разосланном СС, резюмируется сущность отношения нацистов к христианству:

«Национал-социалистские и христианские идеи несовместимы... Если, поэтому, в будущем наша молодежь ничего не будет знать о христианстве, чьи доктрины во многом уступают нашим, христианство исчезнет само собой.

Все влияния, которые могут ослабить или нанести ущерб народному руководству, которое осуществляется фюрером при помощи НСДАП, должны быть устранены: народ должен быть все более и более отделен от церкви и ее рупора — пасторов».

Печальна летопись о преследовании церквей.

Из обильного материала, который был представлен Трибуналу, я позволю себе процитировать отрывок из жалобы, адресованной к Фрику в начале 1936 года.

Я цитирую:

«За последнее время половина докладов полиции касается вопросов, связанных с церковью. У нас имеются бесчисленные петиции от кардиналов, епископов и других сановников церкви. Большая часть этих жалоб касается вопросов, входящих в область юрисдикции имперского министерства внутренних дел, хотя последнее не издало соответствующих правил по этому вопросу.

И затем после ссылки на хаос, создавшийся в результате разделения власти между различными полицейскими организациями, в отчете говорится о результатах борьбы с религией, в последнее время случаи грубых вмешательств в церковные службы очень быстро увеличиваются в числе, часто вызывая необходимость вмешательства дежурного полицейского наряда.

После того, как мы отказались от резиновой дубинки, положение, в которое мы ставим наших оперативных работников, которые во время крупных беспорядков на собраниях могут быть вынуждены прибегать к холодному оружию, является нетерпимым».

Дневник министра юстиции за 1935 год изобилует многочисленными примерами такого рода поведения, которое поощрялось гитлеровской молодежью, руководимой подсудимым Ширахом и подсудимым Розенбергом.

Гитлеровская молодежь, число членов которой увеличивалось с примерно 108 000 в 1932 году до почти 8 000 000 в 1939 году, была организована на военной основе. Тесное сотрудничество между Кейтелем и Ширахом в военном воспитании этой молодежи было уже описано.

Суду уже были представлены материалы об имевшейся особой договоренности между Ширахом и Гиммлером, в соответствии с которой гитлеровская молодежь стала организацией, поставляющей членов для организаций СС. Вы не забыли слова заместителя Шираха:

«С течением лет мы хотим добиться того, чтобы немецкий мальчик так же уверенно обращался с оружием, как с пером».

Какая ужасная доктрина!

Запугивания, убийства и преследование политических противников, роспуск всех организаций, дающих возможность возникновению оппозиции, критическим высказываниям или даже свободному выражению своих мыслей, систематическое извращенное воспитание молодежи и подготовка ее к войне — все это, однако, создает не полную картину, если исключить преследование евреев.

«Пусть никто не будет введен в заблуждение метафизическими объяснениями этих ужаснейших преступлений. То, что Гитлер сам в этом самом городе назвал фанатической борьбой против евреев, является неотъемлемой частью политики создания «херренфолька» — «расы господ», которая должна стоять во главе Европы и всего мира. Таким образом, истребление евреев широко популяризировалось в течение всего периода существования нацистского режима. Оно являлось своего рода учебной мишенью для молодежи и давало ей возможность пройти практическую школу зверств».

С приходом гитлеровцев к власти преследование евреев стало еще более неистовым. Тогда было задумано окончательное разрешение этого вопроса путем массовых убийств.

В книге «Майн Кампф» — в библии нацизма — Гитлер высказал сожаление о том, что в течение последней войны для уничтожения евреев не применялся отравляющий газ.

Уже в 1925 году Штрейхер заявил: «Давайте положим сегодня начало уничтожения евреев». Возможно, что он даже раньше Гитлера, Гиммлера и других мысленно видел уничтожение евреев, но нацисты сначала не были готовы полностью пренебречь мировым общественным мнением и ограничили себя преследованием евреев и созданием для них в Германии невыносимых условий существования. Под несмолкавший аккомпанемент «Штюрмера» и официальной нацистской прессы проводились и поощрялись кампании преследования евреев.

Розенберг, фон Ширах, Геринг, Гесс, Функ, Борман и Фрик подали руку Штрейхеру и Геббельсу.

Приход нацистов к власти ознаменовался бойкотом в апреле 1933 года, который был только пробой по сравнению с тем, что за этим последо-

вало. Он сопровождался демонстрациями и битьем оконных стекол — акцией «зеркало», как ее называли здесь в суде.

Описание типичных инцидентов дается в письменных показаниях свидетеля Гейста, который говорит о событиях в Берлине 6 марта 1933 года. Я цитирую: «Массовые нападения на коммунистов, евреев и на людей, подозреваемых в том, что они являлись теми или другими; толпы членов СА, которые слонялись по улицам, избивали, грабили и даже убивали».

В 1935 году последовали позорные Нюрнбергские законы. В 1938 году в результате так называемых стихийных демонстраций, которые были организованы по всей Германии, сжигались синагоги и было брошено в концентрационные лагери 20 000 евреев. Это сопровождалось штрафами, ариизацией имущества и приказом о ношении желтой звезды.

Цинизм этих людей и безжалостный характер их политики по отношению к евреям проявился на совещании у Геринга 12 ноября, когда присутствовавшие соперничали друг с другом в предложениях методов уничтожения и преследования их беспомощных жертв. Ни Гитлер, ни Гиммлер, которых сегодня они стараются обвинять, не присутствовали на этом совещании. Кто, прочтя протокол этого совещания, может еще сомневаться в том, какой конец был уготован евреям в Европе?

На этом совещании Гейдрих сообщил о событиях 11 ноября, по всей империи была сожжена 101 синагога, 76 были разрушены, разбито 7800 магазинов. Приблизительная стоимость стекол, которые нужно было вставить вместо разбитых, составляла 6 000 000 рейхсмарок, и ущерб, причиненный только одному магазину в Берлине, составлял 1 700 000 рейхсмарок. Гейдрих также сообщил о 800 случаях ограбления, об убийстве 35 евреев и оценил общий ущерб, причиненный собственности, мебели и товарам, в несколько сот миллионов рейхсмарок. Вы припомните приказ Гейдриха о погроме, включая аресты евреев и помещение их в концентрационные лагери.

Указав, что следует ожидать демонстрации в связи с убийством чиновника германской миссии в Париже, которое имело место в ту ночь, он дал инструкции полиции по поводу предполагаемого сожжения синагог, разрушения контор и жилых домов евреев, а также о том, что полиция не должна чинить препятствий демонстрантам: «Полиция должна лишь обеспечить соблюдение инструкций». И, наконец (я цитирую): «...во всех областях должно быть арестовано столько евреев, в особенности богатых, сколько может быть размещено в имеющихся в наличии тюрьмах. В настоящее время должны быть арестованы только здоровые и не слишком старые мужчины. По аресте их следует связаться немедленно с соответствующими концентрационными лагерями для того, чтобы как можно скорее направить их в эти лагери».

Теперь нам известно из материалов суда, касающихся захвата Нейратом и Розенбергом домов, принадлежавших евреям. Поэтому был отдан приказ ориентироваться на самых богатых.

Эти события не происходили тайно и не скрывались. Министры писали о них друг другу и обсуждали их. Задолго до 1939 года они были общеизвестны не только в Германии, но и во всем мире. Каждый из этих подсудимых должен был много раз слышать рассказы, подобные истории Зольмана.

Почти каждый из них пытался получить хорошую репутацию тем, что он помог одному или двум евреям. Вы вспомните показания о существо-

вании специального отдела в министерстве Геринга, созданного для того, чтобы рассматривать протесты, и показания его свидетеля Кернера, который с гордостью заявил, что Геринг всегда вмешивался в эти дела, защищая отдельных лиц. Быть может, им давало некоторое удовлетворение или облегчало их совесть время от времени демонстрировать свое влияние, освобождая какого-нибудь несчастного, который искал их защиты от ужасов того режима, который они постоянно поддерживали. Но эти лица участвовали в правительстве, которое руководило, не принимая во внимание ни соображений человеческой порядочности, ни установленного закона. Нет ни одного среди них, который, будучи членом правительства, в течение этого периода не обагрил бы руки кровью своих соотечественников.

Геринг и Фрик создали концентрационные лагери. Показания свидетеля Зеверинга и оглашенные документы свидетельствуют об убийствах, которые там совершались в то время, когда эти два человека несли за это непосредственную ответственность.

Даже Геринг не смог оправдать все убийства, совершенные 30 июня 1934 года. Он вместе с Гессом и Фриком несет ответственность за Нюрнбергские законы. Протокол совещания от 12 ноября 1938 года и инициалы Геринга на приказе Гейдриха от 9 ноября не требуют комментариев.

Как послу в Англии, Риббентропу должны были быть хорошо известны факты, хотя бы из английских газет, в то время как его заместитель Верманн признал, что имели место зверства, о которых было доложено на совещании от 12 ноября 1938 года.

Прежний владелец его имения г-н фон Ремиц был сослан в концентрационный лагерь, и он в беседе с г-ном Донно 8 декабря 1938 года выразил свое мнение относительно евреев следующим образом (я цитирую):

«Поэтому германское правительство решило приравнять их (евреев) к уголовным элементам населения. Собственность, которую они приобрели незаконно, будет отобрана у них. Мы вынудим их жить в районах, обычно заселяемых преступными элементами».

Гесс, который в 1933 году создал управление расовой политики, также несет ответственность за Нюрнбергские законы. На совещании 12 ноября был дан полный отчет о проведении подобных же мер против евреев в Австрии, и вполне очевидно, что подсудимый Кальтенбруннер, как верный член партии, оказал полную поддержку в проведении необходимых мер.

Доказательства относительно того, что Зейсс-Инкварт сыграл в этом деле свою роль, уже представлены Трибуналу.

Розенберг писал «Миф XX века» и принимал активное участие в борьбе с церковью и в проведении антисемитской политики правительства, и даже Редер в день героев в 1939 году говорил (я цитирую): «о ясном и вдохновляющем призыве бороться с большевизмом и международным еврейством, чью деятельность, разрушающую расы, мы достаточно испытали на нашем собственном народе».

Фрик, как министр внутренних дел, несет ответственность за непревзойденные ужасы в концентрационных лагерях и за гестапо, в то время как Франк, будучи министром юстиции в Баварии, повидимому, получал отчеты об убийствах в Дахау. Он был главным юристом партии, членом центрального комитета, который проводил бойкот евреев в марте 1933 года

и в марте 1934 года выступил по радио с заявлением, оправдывающим расовое законодательство и уничтожение враждебных политических организаций. Он также присутствовал на совещании у Геринга.

Трибуналу не придется напоминать о роли, которую играл Штрейхер. В марте 1938 г. газета «Штюрмер» начала последовательно пропагандировать идеи истребления евреев; первая из той серии статей, которые должны были печататься в течение последующих 7 лет, статья, подписанная Штрейхером, заканчивалась следующими словами (я цитирую): «Перед нами чудесные времена — Великая Германия без евреев!».

Функ, как вице-президент имперской палаты культуры, начиная с 1933 года принимал участие в истреблении евреев; он присутствовал на совещании у Геринга в 1938 году, на котором, как следует помнить, Геринг заявил, что лучше всего было бы убить 200 евреев, после чего Гейдрих упомянул о том, что в действительности было убито всего 35 евреев.

Шахт лично признает, что уже во второй половине 1934 года и первой половине 1935 года он убедился в том, что он был неправ, предполагая, что Гитлер придаст более умеренный характер «революционным» силам нацизма. Он признал также, что пришел к выводу, что Гитлер ничего не предпринимал для того, чтобы прекратить эксцессы отдельных членов партии или партийных групп, проведя «политику террора». Тем не менее он остался на своей должности и принял золотой значок партии в январе 1937 года, когда фон Эльц отказался от него.

Ширах подтвердил свою роль в том, что молодое поколение Германии росло ярыми антисемитами. Он не может уклониться от ответственности за то, что обучал молодежь запугивать евреев, преследовать церковь, готовиться к войне. Это растление детей, быть может, является самым гнусным из преступлений нацистов.

Заукель, который вступил в партию в 1921 году, занял пост гаулейтера Тюрингии. Он не мог не знать о преследовании церкви, профсоюзов, других политических партий и евреев в этой весьма важной области Империи, и есть все основания предполагать, что он оказывал полную поддержку этой политике и тем самым завоевал себе положение в нацистском кругу.

Папен и Нейрат были в состоянии, конечно, лучшем, чем кто-либо другой из подсудимых, оценить эту политику, поскольку именно их политические коллеги подвергались преследованию; так, например, несколько человек из собственного штата Папена были убиты, а сам он арестован и едва остался в живых.

Отношение Нейрата к евреям явствует из его речи, произнесенной в сентябре 1933 года (я цитирую): «Пустые разговоры на тему о чисто внутренних делах страны, как, например, о еврейском вопросе, очень скоро прекратятся, когда каждый поймет, что необходимое наведение порядка в общественной жизни должно временно повлечь в отдельных случаях личные лишения и нужду, но что тем не менее это поможет установлению непоколебимой власти правосудия и закона в Германии»...

...Никто из них не мог не знать того, что было известно всему миру, но в то же время никто из них не заявлял, что он резко протестовал против этого режима зверства и террора. Все эти люди продолжали оставаться на своих постах в правительстве и занимать ответственнейшие должности.

Каждый из них на своем посту служил злому делу, конечная цель которого была так хорошо им известна, насаждал доктрины зла, которые являлись важным условием для достижения этой цели...

...Моралисты могут спорить относительно того, что является самым большим преступлением с точки зрения морали, но это, вероятно, следовало бы сказать с самого начала. Некоторые заявляют, что не существует такого преступления, как преступление против мира, и те плоские философы, которые на данном суде или сидя в мягких креслах где-нибудь в другом месте подвергают сомнению правомочность данного судебного разбирательства, много говорили именно в этом разрезе. О том, насколько основательна эта аргументация, я скажу сейчас несколько слов. Однако необходимо ясно себе представить, что эти подсудимые обвиняются также в обыкновенных убийствах.

Это обвинение само по себе заслуживает высшей меры наказания, и включение этого обвинения в совершении преступлений против мира в Обвинительное заключение не может увеличить наказание, которое и без того может быть вынесено этим людям.

Что же, тогда включение этого вопроса в Обвинительное заключение является лишь моментом чьей-то личной воли?

Мы считаем, что это не так и главным образом потому, что здесь на карту поставлено нечто гораздо большее, чем судьба этих людей. Не преступление ли, заключающееся в развязывании войны, является одновременно целью и источником других преступлений — преступлений против человечности, военных преступлений и обыкновенных убийств.

Это происходит тогда, когда люди обращаются к тотальной войне как к орудию политики, преследующей агрессивные цели. Кроме того, если мы рассмотрим это преступление, преступление против мира, отдельно, то увидим, что оно явилось причиной смерти в бою 10 миллионов человек и привело на край гибели всю духовную и материальную культуру нашей цивилизации. Хотя и ничем нельзя усилить ту меру наказания, которая может быть определена для этих лиц, все же основная задача этого процесса заключается в том, чтобы навсегда установить, что международное право имеет силу, которая вытекает из самой его сущности, объявить войну преступлением и покарать тех, кто подстрекает к ней свои государства. Я еще вернусь к вопросу о праве, но прежде разрешите мне сослаться на факты...

...Обзор, представленный защитниками, обходит молчанием два факта, имеющих первостепенное значение в этом деле, а именно, что уже со времени появления «Майн Кампф» все цели политики нацистов сводились к территориальной экспансии, агрессии, господству и что демократическим державам приходилось иметь дело с Германией, которая вне зависимости от отдельных неискренних заверений в мирных намерениях ставила перед собой именно эти основные цели. Если вообще могла итти речь о мире, то он был возможен лишь за счет Германии. И зная, что эта цена не должна и не может быть уплачена добровольно, немцы решились обеспечить мир силой.

Одновременно с психологической подготовкой германского народа к войне проводились необходимые меры для перевооружения. На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер в следующих выражениях резюмировал события этого периода: «Я должен был перестроить все, начиная с народных масс и кончая вооруженными силами. Прежде всего, внутренняя

перестройка — искоренение очагов разложения и пораженческих идей, воспитание в духе героизма. Проводя внутреннюю реорганизацию, я начал одновременно осуществление второй задачи — освобождение Германии от ее международных обязательств. Выход из Лиги наций и уход с конференции по разоружению...

После этого приказ о перевооружении... В 1935 году введение обязательной воинской повинности. После этого ремилитаризация Рейнской зоны».

Заговорщики намеревались прежде всего избавиться от политических уз, которые мешали проведению перевооружения. В октябре 1935 года Германия вышла из Лиги наций, а в марте 1935 года отказалась от тех пунктов Версальского договора, которые касались вооружения, и сообщила миру о создании военно-воздушных сил, большой регулярной армии и установлении обязательной воинской повинности. Был создан имперский совет обороны, и уже 26 апреля 1933 г. состоялось второе заседание его рабочего комитета с участием представителей из каждого отдела.

Трудно поверить, не правда ли, что, читая протоколы этих совещаний, как они это должны были делать, Нейрат, Фрик, Шахт, Геринг, Редер, Кейтель и Иодль (причем последние двое обычно присутствовали на совещаниях) могли предполагать, что режим не намеревается вести войну. В экономической сфере Шахт, будучи уже президентом имперского банка и министром экономики, был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики в мае 1935 года. Это назначение должно было держаться в полном секрете. Свои заслуги в этом отношении он прекрасно сформулировал сам: «Возможно, что ни один банк в мирное время не проводил такой смелой кредитной политики, как это делал имперский банк с момента захвата власти национал-социалистами. Однако с помощью этой кредитной политики Германия создала непревзойденное вооружение, и это вооружение, в свою очередь, сделало возможным добиться достигнутых нами результатов».

Речь Шахта от 29 сентября 1938 г. не кажется пустым бахвальством, когда рассматриваешь ее в связи с отчетом его заместителя — документом, представленным в качестве доказательства. Этот отчет свидетельствует о том, что под руководством Шахта 180 000 промышленных предприятий было осмотрено с целью установления их пригодности для военных целей. Были разработаны экономические планы о производстве основных 200 видов материалов. Система военных заказов была пересмотрена, был разрешен вопрос о распределении угля, горючего для моторов и энергии, 248 000 000 рейхсмарок было затрачено на одно лишь строительство складских помещений, были разработаны планы эвакуации квалифицированных рабочих и военных материалов из зон военных действий, 80 000 000 продовольственных карточек военного времени были напечатаны и разосланы на места; кроме того, была подготовлена особая картотека на 20 000 000 квалифицированных рабочих с указанием их профессии.

Самая детальная и тщательная подготовка, о которой говорится в этом отчете, проводилась не без ведома всех членов правительства; нельзя найти более наглядного доказательства наличия общей цели, а также доказательства и того, что об этой цели, связывавшей все ведомства в государстве, было известно, чем протокол второго заседания имперского совета обороны, состоявшегося 25 июня 1939 г. под председательством подсудимого Геринга — уполномоченного по проведению четырехлетнего плана.

Подсудимые Фрик, Функ, Кейтель и Редер присутствовали на этом заседании, а Гесс и Риббентроп послали на него своих представителей.

Методическая детальность планов, которые разрабатывались, и проведение подготовки рабочей силы с расчетом на использование рабочих из концентрационных лагерей и несчастных рабов из протектората являются красноречивым свидетельством масштабов той борьбы, которую, как этим лицам уже было известно, Германия собралась начать.

Вопросами проведения перевооружения занимались главным образом подсудимые Геринг, Шахт, Редер, Кейтель и Иодль, но другие также принимали в этом участие, каждый в своей области. Розенберг, Ширах и Штрейхер — в области образования, Дениц — в подготовке подводного флота, Нейрат и Риббентроп — в области внешней политики, Функ и Фриче занимались вопросом реорганизации пропаганды и системы получения последних известий до тех пор, пока первый из них не заменил Шахта и не стал сначала министром экономики, а в сентябре 1938 года генеральным уполномоченным по вопросам экономики. Как уполномоченный, Функ нес ответственность за обеспечение экономических условий для производства промышленности вооружения в соответствии с требованиями верховного командования. Фрик, как чрезвычайный имперский уполномоченный по администрации империи, вместе с Функом и Кейтелем вошел в состав «коллегии трех», занимавшейся планированием подготовки и декретов на случай войны. Нет необходимости для оценки деятельности, связанной с перевооружением, приводить какие-либо другие цитаты, кроме слов самого Гитлера из меморандума, который, как заявил Иодль, был написан самим Гитлером в течение двух ночей и который был им послан подсудимым Редеру, Герингу и Кейтелю. В этом меморандуме от 9 октября 1939 г. Гитлер полностью опровергает показания этих подсудимых, заявлявших, что Германия никогда не была в достаточной степени подготовлена к войне (я цитирую):

«Обучение нашего народа использовать свою мощь в военных целях проводилось таким образом, что, по крайней мере, в течение короткого времени никак невозможно добиться значительных улучшений».

И далее:

«Военное снаряжение германского народа, по крайней мере, в отношении огромного количества германских дивизий, в настоящее время больше по количеству и лучше по качеству, чем в 1914 г., а само оружие, с точки зрения его устройства в настоящее время,— гораздо более современное, чем оружие любой другой страны мира.

Германское оружие только что доказало свои высокие боевые качества в победоносной кампании. Что касается мощи вооружения других стран, то она еще не была продемонстрирована. В настоящее время по некоторым видам вооружения Германии принадлежит совершенно неоспоримое превосходство».

И далее, говоря о боеприпасах, которыми располагает Германия после окончания польской кампании, он пишет:

«Нет доказательств, которые бы могли подтвердить, что в мире имеется страна, обладающая в целом лучшими боеприпасами, чем германская империя. Военно-воздушный флот в настоящее время в численном отношении является самым сильным в мире. Противовоздушная артиллерия не имеет себе равной в мире».

Это было практическим результатом шестилетнего интенсивного вооружения, которое проводилось за счет и с ведома всего германского народа.

Тем временем молодежь Германии воспитывалась и муштровалась для войны в полувоенных формированиях и затем, по достижении призывного возраста, была призвана для прохождения интенсивной тренировки. Это проводилось по всей Германии наряду с огромной работой в области экономической подготовки. Можно ли поверить тому, что никто из этих лиц не догадывался, точнее говоря, не знал о целях этих громадных усилий.

Если действительно кто-нибудь из них и сомневался, то успешные действия, в которых, если говорить словами одного из свидетелей по делу Нейрата, «нацисты пожинали лавры без войны путем успешно проводимой практики обмана и внезапности», должны были открыть им глаза. Первым шагом явился захват Рейнской зоны, и этот метод стал затем образцом для проведения последующих агрессивных действий. 21 мая 1935 г. Гитлер дал торжественные заверения в том, что условия Версальского и Локарнского договоров неуклонно соблюдаются. Еще тремя неделями раньше, в день заключения Франко-советского пакта, который позже был использован в качестве формального оправдания для реоккупации Рейнской области, а также послужил оправдательным аргументом на данном процессе, была издана первая директива начальникам различных родов войск. Подсудимый Иодль, быть может, обратив внимание на важность этой даты, пытался убедить Трибунал в том, что его первое признание относительно того, что «операция Шулунг» касалась оккупации Рейнской области, было неправильным и что этот термин относится к каким-то военным экскурсиям в Тироль. Однако еще 26 июня он сам обратился к рабочему комитету имперского совета обороны с речью относительно планов новой оккупации и сообщил, что оружие, снаряжение, знаки различия и серая полевая военная форма уже находятся в складах на этой зоне, где хранятся под большим секретом. Может ли кто-нибудь, кто будет читать эти слова, сомневаться в том, что эта операция продолжалась в течение по крайней мере семи недель.

Любой из представителей неисчислимых департаментов, который присутствовал на этом совещании 26 июня 1936 г. и слушал замечания Иодля, или тот, кто впоследствии читал протоколы совещания, знал, чего следует ожидать. 2 марта были отданы последние приказы; они были переданы военно-морскому флоту на четыре дня позже.

Подсудимые Кейтель, Иодль, Редер, Фрик, Шахт и Геринг все вместе принимали участие во всех необходимых оперативных мероприятиях, и если его подводные лодки действовали в соответствии с инструкциями от 6 марта, то к их числу следует также отнести и подсудимого Деница.

С самого начала вы можете заметить, что был разработан общий план каждой стадии, причем таким образом, как он мог быть разработан лишь в том случае, если каждый из этих людей сыграл в его составлении свою, соответствующую роль.

Первый период — период видимого спокойствия, во время которого заключались договоры, давались заверения, произносились торжественные заявления о дружбе, в то время как под прикрытием этого «Ауслэнд-организацион», руководимая Гессом и Розенбергом, начала свою подрывную и разрушительную деятельность. Жертва вводилась в заблуждение открытыми обещаниями и ослаблялась тайными методами воздействия. Затем принималось решение о нападении и убыстрялся темп военной подготовки.

Если жертва начинала проявлять признаки недоверия, количество заверений в дружественных намерениях удваивалось.

Тем временем наносились последние штрихи на творение, созданное в результате деятельности пятой колонны. Затем, когда все уже было подготовлено, подбирался, как говорил Гитлер, так называемый «пропагандистский повод для начала войны», фабриковались пограничные инциденты; угрозы и оскорбления сменяли красивые слова и делалось все для того, чтобы запугать жертву и привести ее в состояние покорности. Наконец, наносился неожиданный удар без всякого предупреждения. План изменялся в деталях от случая к случаю, но по существу он оставался неизменным; вновь и вновь повторялся этот же метод предательства, запугивания и убийств.

Следующей жертвой агрессии явилась Австрия. Прежде всего нацисты в 1934 г. подстроили убийство Дольфуса. После того, как были представлены доказательства по делу подсудимого Нейрата, остается мало сомнений в том, что план его убийства был задуман в Берлине и разработан Габихтом и Гитлером за какие-нибудь шесть недель до этого. Провал этого путча сделал необходимым приспособление по времени и обстоятельствам, и в соответствии с этим в мае 1935 года Гитлер дал заверения Австрии в мирных намерениях.

В то же время подсудимый Папен был послан в Австрию для того, чтобы подорвать основы австрийского правительства. После оккупации Рейнской области следующей на очередь была поставлена Австрия, но Гитлер все еще не был готов; именно этим объясняется заключение торжественного соглашения в июле 1936 года. К осени 1937 года в сообщениях Папена говорилось о наличии определенного прогресса, и поэтому на так называемом «Совещании Госбаха» был оглашен этот план. Однако необходима была некоторая отсрочка для удаления непокорных военачальников из армии; в феврале 1938 года Папен вместе с Зейсс-Инквартом закончил разработку плана, тогда как Гитлер, Риббентроп и Кейтель запугивали Шушнига, заманив его в Берхтесгаден.

Вскоре после этого наступила конечная фаза, Геринг сыграл свою роль в Берлине. Подсудимые Геринг, Гесс, Кейтель, Иодль, Редер, Фрик, Шахт, Папен и Нейрат все были осведомлены об этом заговоре в отношении Австрии, причем Нейрат и Папен знали об этом плане с самого начала.

За исключением Геринга, каждый из подсудимых пытался оправдаться тем, что он якобы не знал об этом, — это утверждение может показаться лишь смешным в свете имеющихся документов.

Никто из них не заявлял, что протестовал против этого, и все они продолжали оставаться на своих постах.

План в отношении Чехословакии уже был готов к тому времени: он обсуждался на так называемом «Совещании Госбаха» в ноябре 1937 года, через три недели после Мюнхенского соглашения был отдан приказ о подготовке к вторжению, и 15 марта 1939 г., после того, как президент Гаха был соответствующим образом запуган Гитлером, Риббентропом, Герингом и Кейтелем, Прага была оккупирована и Нейрат и Фрик установили там протекторат.

Вы помните поразительное признание Геринга в том, что хотя он действительно угрожал подвергнуть Прагу бомбардировке, он, однако, никогда фактически не намерен был этого делать. Риббентроп, повидимому,

также считал, что в дипломатии допустима любая ложь. Теперь была подготовлена арена для операций против Польши. Согласно объяснению Иодля (я цитирую):

«Разрешение чешского конфликта присоединением Чехословакии округлило территорию великой Германии таким образом, что это сделало возможным рассматривать польскую проблему в свете более или менее благоприятных стратегических предпосылок». Теперь наступил тот подходящий момент, когда, говоря словами Гитлера:

«Германия должна разделаться с двумя своими ненавистными врагами—Англией и Францией».

И вслед за этим начала проводиться политика, изложенная Риббентропом в январе 1938 года (я цитирую):

«Создание в строгом секрете, но с подлинным упорством, коалиции против Англии».

Однако в отношении Польши германское министерство иностранных дел уже за месяц до Мюнхенского соглашения дало следующее указание Риббентропу: «Неизбежно, что отказ Германии от завоевательных планов на юго-востоке и обращение ее к востоку и северо-востоку должно заставить поляков насторожиться.

Дело в том, что после разрешения чешского вопроса все будут считать, что следующей на очереди будет Польша. Но чем позднее это предположение войдет в международную политику, как определяющий фактор, тем лучше. Однако в этом отношении важно в настоящее время проводить германскую политику под хорошо известными и оправдавшими себя лозунгами права на автономию и расовое единство. Все другое может быть интерпретировано как откровенный империализм с нашей стороны и породит сопротивление нашему плану со стороны Антанты, которое начнется гораздо раньше и в более энергичной форме, чем то, которому могут противостоять наши силы».

Поэтому теперь были вновь повторены обычные заверения, и Гитлер и Риббентроп вновь и вновь выступали с самыми чистосердечными заявлениями.

Тем временем предпринимались обычные меры, и вслед за совещанием от 23 мая 1939 г., которое Редер охарактеризовал как академическую лекцию на тему о войне, была проведена окончательная военная, экономическая и политическая подготовка для войны против Польши, — и в назначенное время война началась.

«Победителя позднее не спросят о том, говорил ли он правду. В развязывании и ведении войны имеет значение не правда, а победа».

Это были слова Гитлера, но эти люди всякий раз и на каждой стадии повторяли и употребляли эти слова. Эта доктрина являлась краеугольным камнем нацистской политики. Шаг за шагом заговорщики достигли решающей стадии и бросили Германию в борьбу за установление господства в Европе и принесли всему миру неописуемые страдания. Ни один из этих подсудимых не выступал против режима. Никто из них, за исключением Шахта, к значительной роли которого в создании нацистского чудовища я возвращусь позднее, не ушел в отставку, а даже он продолжал разрешать нацистскому правительству использовать свое имя.

После того, как была оккупирована Норвегия, ход войны вскоре показал, что военные цели Германии и интересы ее стратегии будут достигаться путем дальнейшей агрессии.

Я не намерен сейчас занимать время для того, чтобы вновь касаться различных этапов их действий. Как заявил Гитлер на совещании в ноябре 1939 года:

«Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет сомневаться в том, что, когда мы победим, мы не будем говорить о нарушении нейтралитета, как это было в 1914 году».

Норвегия и Дания были оккупированы. Ни тогда, ни сейчас ничего не было представлено для оправдания оккупации Дании, но со стороны подсудимых были сделаны самые энергичные попытки в ходе этого процесса для того, чтобы доказать, что вторжение в Норвегию было предпринято лишь потому, что немцы были уверены, что союзники имели то же самое намерение. Даже если бы это было правдой, это не могло бы послужить ответом. Но германские документы совершенно опровергают предположения о том, что именно по этой причине немцы нарушили силой нейтралитет Норвегии. Гитлер, Геринг и Редер еще в ноябре 1934 года договорились о том, что (я цитирую):

«Никакая война не могла бы проводиться, если бы военно-морской флот не смог обеспечить безопасность импорта руды из Скандинавии».

Поэтому как только приблизился период битвы в Европе, 31 мая 1939 г., с Данией был заключен пакт о ненападении, последовавший за обычными заверениями, которые были уже даны Норвегии и Дании за месяц до этого.

С началом войны Норвегии были даны дальнейшие гарантии, за которыми 6 октября последовали еще новые заверения. Через четыре дня после этих заверений Гитлер обсуждал с Редером скандинавскую проблему и свои политические намерения в отношении северных государств, которые отражены в дневнике адмирала Асмана следующим образом:

«Северо-германское сообщество с ограниченным суверенитетом и в полной зависимости от Германии». 9 октября, через три дня после его последних заверений, в своем меморандуме для информации Редера, Геринга и Кейтеля, Гитлер писал об огромной опасности блокирования союзниками выхода для подводных лодок между Норвегией и Шотландией и о вытекающей отсюда важности «создания баз для подводных лодок помимо тех, которые имеются в Германии».

Характерно, что уже на следующий день Дениц представил отчет о сравнительных преимуществах различных баз Норвегии, после того, как он обсудил этот вопрос за шесть дней до этого с Редером. Стратегические преимущества были очевидны для всех этих лиц, и неискренние заявления защиты о том, что вторжение в Норвегию было предпринято лишь потому, что ожидалось вторжение со стороны союзников, полностью разоблачается после рассмотрения заявлений, содержащихся в меморандуме Гитлера, в абзаце, предшествующем тому, который я только что цитировал (я снова цитирую):

«Если только не появятся совершенно непредвиденные факторы, в будущем следует продолжать заверения в уважении их нейтралитета. Продолжение торговли между Германией и этими странами кажется возможным даже в условиях затяжной войны».

В то время Гитлер еще не предвидел угрозы со стороны союзников.

Розенберг и заместитель Геринга Кернер еще в июне установили связь с Квислингом и Хагелином, и из последующего отчета Розенберга явствует, что Гитлера все время держали в курсе событий. В декабре настало время составлять планы, и соответственно на совещании между

Гитлером и Редером было принято решение проводить подготовку к вторжению. Вскоре после этого Кейтелем и Иодлем были изданы необходимые директивы, и через определенное время, поскольку это вызывалось необходимостью, в проведение подготовки включились Геринг, Дениц и Редер.

9 октября, как я уже упоминал, Гитлер был вполне уверен в том, что северным государствам не грозит никакая опасность со стороны союзников. Все упоминавшиеся здесь отчеты разведывательной службы даже в самой отдаленной степени не подтверждают того, что предполагаемое вторжение основывалось — это звучит смехотворно — на необходимости самозащиты.

Верно, что в феврале 1940 года Редер указал ему на то, что в случае оккупации Норвегии Англией возникает угроза поставкам руды из Швеции в Германию; однако 26 марта он сообщил, что в связи с прекращением русско-финского конфликта нельзя более считать серьезной угрозой высадку союзников. Тем не менее он предложил, чтобы вторжение, по поводу которого были уже изданы все директивы, было проведено в следующее новолуние, 7 апреля. Интересно отметить, что в личном военном дневнике Редера, подписанном им самим и начальником его оперативного отдела, содержится подобное же мнение, причем запись сделана за четыре дня до этого.

Если бы понадобились дальнейшие доказательства того, что при проведении вышеуказанных мероприятий совершенно не принималась во внимание возможность вмешательства со стороны Запада, их можно было бы обнаружить в телеграммах германского посла в Осло и германского посла в Стокгольме, а также германского военного атташе в Стокгольме, в которых германскому правительству сообщалось, что скандинавские правительства, нисколько не беспокоясь о вторжении со стороны британцев, опасаются, что именно немцы собираются произвести нападение.

Возможно, замечание, сделанное Иодлем в его записи в дневнике от марта о том, что «Гитлер все еще ищет предлог», неуклюжие попытки Редера объяснить, что это замечание относится к содержанию дипломатической ноты, которая должна была быть послана, и уверения Риббентропа относительно того, что ему сообщили об этом вторжении всего лишь за день или за два перед тем, как оно произошло, более чем что-либо иное позволяют сделать вывод о лживости этого защитительного аргумента. Еще раз все эти люди, каждый в своей сфере деятельности, сыграли заранее назначенные им роли, главным образом, разумеется, Розенберг, который прокладывал путь, Геринг, Редер, Кейтель, Иодль и Риббентроп, которые проводили в жизнь необходимые оперативные мероприятия. Никто из них даже не протестовал. Даже Фриче приводит в качестве единственного аргумента в свою защиту, что ему очень долго ничего не сообщали до самого момента, когда он, как обычно, должен был произнести речь по радио. Он даже не говорит о том, что протестовал. Вновь, в нарушение всех договоров и гарантий, было предпринято безжалостное вторжение на территорию двух стран лишь потому, что со стратегической точки зрения было желательно получить норвежские базы и обеспечить за Германией скандинавскую руду. Так продолжалось и в дальнейшем. Югославия, судьба которой была определена еще до начала войны, Греция и затем Советская Россия. Из меморандума Гитлера, изданного спустя

шесть недель[1], явствует, что подпись Риббентропа ничего не стоила. Гитлер замечает (я цитирую):

«Все стороны в течение последних лет показали, насколько ничтожно значение договоров о дружбе»...

...Тогда[2] и были изданы первые директивы по поводу нападения в другом направлении — против Советской России. Совершенно достоверно,— и это следует отметить как интересное явление,— что в данном случае целый ряд подсудимых выступил с возражениями. При наступлении на маленькую Норвегию возражений не возникало: там не произошла никакая опасность. При захвате мужественных Нидерландов и Бельгии имело место счастливое единодушие. Теперь, однако, речь шла о враге, который мог зажечь страх в сердце забияки. Возражения подсудимых основывались, конечно, исключительно на соображениях военного характера, хотя Редер и говорит, что в своих возражениях он руководствовался сознанием той моральной несправедливости, которую повлекло бы за собой нарушение Германо-советского договора. Решать должны вы. Эти угрызения совести со стороны подсудимого, которые могли бы найти себе прекрасное применение при целом ряде других случаев, нашли свое выражение лишь в инциденте, когда один из подчиненных ему офицеров захотел жениться на женщине сомнительной репутации.

Дело в том, что к тому времени уже многие из этих людей начинали предвидеть недоброе. Сопротивление, оказываемое Великобританией, заставило их призадуматься. Не вступит ли Гитлер в борьбу с еще одним противником, которого он не в силах победить? Однако после того, как решение уже было принято, все они взялись за выполнение своих обязанностей и играли предназначенные им роли с обычным пренебрежением к законам морали, простой порядочности.

Ни в едином случае началу военных действий не предшествовало официальное объявление войны... Сколько тысяч безвинных и беззащитных мужчин, женщин и детей, спавших в своих постелях в счастливой уверенности в том, что их страна находится и будет находиться в состоянии мира, были внезапно перенесены в иной мир смертью, которая без всякого предупреждения упала на них с неба. В какой мере отличается вина этих людей от вины простого убийцы, который бесшумно подкрадывается к своим жертвам, чтобы убить их и забрать себе их пожитки?

Как явствует из документа, в каждом отдельном случае мероприятия проводились в соответствии с общим планом. Нападение должно было быть проведено «блитцартигшнель» — без предупреждения, с быстротой молнии: Австрия, Чехословакия, Польша. Редер повторял директивы Кейтеля по поводу «нанесения тяжелых ударов без предупреждения». Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Россия. Как заявил Гитлер в присутствии многих этих людей:

«Соображения по поводу того, справедливо это или нет и соответствует ли это имеющимся соглашениям, не имеют к этому никакого отношения».

Убийство солдат во время войны оправдывается как международными, так и местными законами лишь в тех случаях, если сама война носит законный характер. Если же война является незаконной не только как

---

[1] После Германо-советского договора от 23 августа 1939 г. — Составители.
[2] В конце 1940 г. — Составители.

война, начатая без каких-либо предупреждений или объявлений, совершенно ясно, что убийства во время такой войны не могут быть ничем оправданы и что подобные убийства ничем не отличаются от убийств, совершаемых стоящими вне закона разбойничьими бандами.

Все эти люди знали об этих планах на той или иной стадии их развития. Каждый из них молчаливо соглашался с тактикой их проведения, прекрасно зная о том, что они должны были означать для человеческих жизней. Как теперь может кто-либо из них заявлять о том, что он не являлся соучастником жесточайших убийств, получивших столь широкое распространение?

Сейчас, однако, я занимаюсь не вопросом об убийствах, уже одного совершения которых вполне достаточно для осуждения этих людей, а преступлениями против мира. С вашего разрешения я хотел бы коротко рассмотреть этот вопрос с правовой точки зрения в связи с тем, что правительство его величества придает большую важность точному определению этого понятия и, насколько я понимаю, все главные обвинители придают этому вопросу также большое значение.

Выдающаяся речь от имени защиты совершенно недвусмысленна: ее целью было доказать, что несмотря на то, что пакт Бриана-Келлога и другие международные декларации рассматривали агрессивную войну как незаконный акт, они не объявляли ее преступной. В качестве подтверждения заявляли, что эти соглашения и не могли признать агрессивную войну преступной, так как это противоречило бы суверенным правам государств, и что во всяком случае вся система запрещений войны рухнула перед началом второй мировой войны и перестала быть законом; далее, здесь утверждали, что все эти соглашения не принимались всерьез многочисленными юристами и журналистами, мнения которых здесь цитировались, и вообще не предназначались для того, чтобы их рассматривали серьезно, так как они даже не предусматривали разрешения проблемы мирного изменения статус-кво.

Что касается самого Парижского пакта, защита утверждает, что вообще не может быть и речи о преступном или даже незаконном нарушении Парижского пакта, так как по этому пакту всем государствам, включая Германию, самим разрешалось устанавливать, имеют ли они право начать войну в целях самозащиты. И, наконец, утверждалось, что государство вообще не может нести уголовной ответственности, а на случай, если это положение не будет принято, утверждалось, что преступление было совершено германским государством в целом, а не отдельными его членами, потому что в германском государстве, которое повело эту войну против всего мира, не существовало воли отдельных лиц, а была лишь одна верховная, не подвергающаяся контролю окончательная воля — воля его диктатора — фюрера.

Господин председатель, возможно, для меня было бы достаточно указать, что вся эта цепь аргументов не относится к существу дела и не может быть заслушана данным Трибуналом, так как содержание их противоречит Уставу. Устав безоговорочно устанавливает, что планирование,— я подчеркиваю слово «планирование»,— подготовка и развязывание агрессивной войны или ведение войны агрессивной или нарушающей международные договоры, соглашения и гарантии, являются преступлением, подсудным настоящему Трибуналу. Поэтому очевидно, что един-

ственная возможность для подсудимого избежать ответственности заключается в том, чтобы убедить настоящий Трибунал, что эти войны не были агрессивными войнами и не велись в нарушение договоров. Этого им сделать не удалось, и, поскольку это так, возникает вопрос, какова же цель тех аргументов, которые были здесь выставлены от имени этих подсудимых? Ставят ли они своей целью оспорить правомочность Трибунала рассматривать эти вопросы? Или, быть может, что более вероятно, эти аргументы представляют собой политическое воззвание, обращенное к какой-то находящейся вовне аудитории, на которую легче произвести впечатление жалобами на то, что подсудимых судят здесь на основании применения обратной силы закона?

Что бы ни являлось целью приведения этих доводов, весьма важно, чтобы они не были оставлены без опровержения. Я стремлюсь не занимать напрасно время Трибунала, повторяя то, что я уже сказал в своей вступительной речи по поводу изменений, возникших в понимании термина «война» в международном праве, происшедших в результате заключения целого ряда договоров и в особенности общего договора об отказе от войны. Я уже указывал, что этот договор, подписанный бо́льшим числом стран, чем любой другой международный договор, создал новые положения международного права, торжественности и ясности которых могут позавидовать другие договоры. Я также утверждал, что коренные изменения, которые они повлекли за собой, — и это чрезвычайно важно, хотя, в сущности, еще в период средневековья умели проводить грань между справедливыми и несправедливыми войнами, — нашли свое отражение в весьма весомых декларациях правительств и государственных деятелей. Я утверждаю, что эти положения международного права объявили незаконным обращение к войне в нарушение договоров, они также предусматривали, что при нарушении закона, которое влечет за собой гибель миллионов и прямое посягательство на самые основы цивилизации, перестает существовать различие между беззаконием и преступлением. Я не хочу также занимать время Трибунала, подробно отвечая на всю эту, если мне будет позволено ее так назвать, странную цепь правовых аргументов, выдвинутых защитой, как, например, на утверждение о том, что договор не имеет силы, которую ему придали подписавшие это страны на том основании, что во многих кругах этот договор принимался с недоверием и цинизмом.

Для обычного правового мышления еще более странным представляется тот довод, что во всяком случае этот договор, так же как и другие договоры и гарантии, заключенные впоследствии, потерял свою законную силу в 1939 г. в связи с тем, что к этому времени распалась вся система коллективной безопасности. В качестве примера распада этой системы приводился тот факт, что в 1939 году Соединенные Штаты объявили себя нейтральным государством, как будто бы Соединенные Штаты находились под каким-то обязательством законного характера действовать иначе. Но какое значение имеет сейчас тот факт, что система, которая должна была укрепить эти договоры и предотвратить и покарать преступное обращение к войне, потерпела крах? Разве агрессивные действия Японии и Италии, двух других стран, вовлеченных в заговор оси, за которыми последовала агрессия Германии против Австрии и Чехословакии, лишили эти соглашения их законной и обязательной силы просто потому, что эти преступления увенчались временным успехом? С каких пор цивилизованным

миром был принят тот принцип, что в случае, если преступник временно избежал наказания, не только закон теряет свою обязательную силу, но и само преступление получает законное основание?

Следует, между прочим, отметить, что как в случае японской, так и в случае итальянской агрессии совет и ассамблея Лиги наций рассматривали эти действия как нарушение Устава Лиги наций и всеобщего договора об отказе от войны и что в обоих случаях были изданы декреты о применении санкций. Возможно, что полицейские не действовали так эффективно, как этого хотелось бы. Но это уже вина полицейских, а не закона.

Однако, не удовлетворяясь тем поразительным утверждением, что агрессоры отменили закон против агрессии путем совершения самой агрессии ввиду нежелания миролюбивых государств браться за оружие для борьбы с направленными против них шантажем и попытками запугать, подсудимые подняли вопрос о самозащите. Они, правда, не решались утверждать, что эти войны являлись оборонительными войнами. Так далеко не зашел даже Геббельс в своих самых диких измышлениях, но, поскольку Парижский пакт не только сохранил право государств на самозащиту, но также и суверенное право каждого государства определять, можно ли при данных обстоятельствах оправдать самозащиту, как повод к войне, то по их мнению он вообще не содержит в себе никаких обязательств правового характера. Мы категорически утверждаем, что это совершенно ложный аргумент. Действительно, в декларациях, изданных до и во время подписания и ратификации Парижского пакта, самозащита не только была признана неотъемлемым и неоспоримым правом стран, подписавших этот договор, но все эти страны сохранили за собой исключительное право решать, оправдывают ли данные обстоятельства применение этого права.

Таким образом, встает вопрос о том, уничтожило ли это право на самозащиту целевую установку и правовое значение этого договора? Если Германия имела право начать войну в целях самозащиты и если она совершенно свободно могла решать, при каких обстоятельствах она может применять это право, можно ли считать, что она нарушила торжественные обязательства этого договора? На этот вопрос защита пыталась ответить отрицательно. Но подобный ответ равняется утверждению о том, что торжественный договор, подписанный более чем шестидесятью нациями, представляет собой лишенный всякого значения клочок бумаги. Результатом такого утверждения явилось бы то, что всякое запрещение или ограничение права на ведение войны ничего собой не представляет, если особо оговаривается право на самозащиту. Я настоятельно прошу Трибунал отвести этой пародии на правовую аргументацию то место, которое ей пристало.

Ни Парижский пакт, ни любой другой договор не намеревался и не мог отнять право на самозащиту. Этот договор также не лишал страны, подписавшиеся под ним, права определять, в первую очередь, грозит ли опасностью отсрочка и вызываются ли непосредственной необходимостью немедленные операции по самозащите. Вот что означает оговорка, гласящая, что каждое государство само решает, необходимо ли выступление в порядке самозащиты. Но это не значит, что действующее таким образом государство является единственным судьей правильности и законности своих поступков. Оно действует на свой риск. Так же как отдельное лицо

отвечает за использование своих прав на самозащиту по общему праву, так и государство несет ответственность, если оно злоупотребляет своей свободой действия, если оно превращает «самозащиту» в орудие завоеваний и беззакония, если оно превращает естественное право самозащиты в орудие хищнического увеличения территории и удовлетворения своих посягательств. Окончательное решение в отношении законности действия, которое объясняют необходимостью самозащиты, не принадлежит заинтересованному государству. По этой причине право на самозащиту, независимо от того, оговорено ли оно особо или подразумевается, не уменьшает правомочности договора создавать правовые обязательства воздерживаться от войны.

Согласно Уставу Лиги наций Япония первая имела право решать, оправдывалось ли применение силы в целях самозащиты событиями в Маньчжурии. Однако беспристрастной организации было поручено установить, и она действительно установила, что фактически не существовало оснований для выступления в порядке самозащиты.

В качестве еще более современного примера упомянем статью 51 Устава Объединенных Наций, которая гласит, что ничто в Уставе не умаляет неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самозащиту в случае вооруженного нападения. Однако Устав оставляет за Советом Безопасности категорическое право окончательного действия и решения. Следует надеяться на то, что приговор, который вынесет этот Трибунал, пресечет с соответствующей решительностью всякое желание в будущем ссылаться на то, что если договор оговаривает за подписавшими его сторонами право действовать в порядке самозащиты, он тем самым теряет силу налагать на подписавшие его стороны какие-либо действенные правовые обязательства не вести войну.

Теперь я перейду к аргументу о том, что понятие об уголовной ответственности несовместимо с понятием о национальном суверенитете. Профессор Яройсс, адвокат, выступавший от имени защиты по общеправовым вопросам, согласен с тем, что государство может совершить нарушение международного права, но он утверждает, что наложение на него уголовной ответственности и наказание его явится отрицанием суверенитета государства.

Странно видеть, что подсудимые, которые в качестве членов германского правительства опустошали большинство европейских государств и грубо попирали их суверенные права, которые с кичливым и чванливым цинизмом подчиняли суверенитет завоеванных государств новому понятию «гроссрауморднунге», странно видеть, что эти подсудимые взывают к мистической силе святости суверенитета государства. Не менее удивительно, быть может, что они обращаются к ортодоксальному международному праву для того, чтобы защитить побежденное германское государство и его правителей от справедливой кары со стороны победоносных держав. Но в международном праве не существует положения, к которому они смогли бы прибегнуть в этом отношении.

В некотором смысле настоящий процесс не ставит своей целью наказание германского государства. Он занимается наказанием отдельных лиц. Однако выглядело бы довольно странно, если бы отдельные лица несли уголовную ответственность за действия государства, которые сами не являлись бы по существу преступлениями. Совершенно беспочвенной является точка зрения, что положения международного права исключают

уголовную ответственность государств и что, так как, будучи суверенными, государства не могут быть подвергнуты принуждениям, все их действия являются законными. Пусть пуристы права утверждают, что все, что не предписано сверху суверенным органом, уполномоченным вынуждать к повиновению, не является законом. Такое понятие, которого придерживаются юристы-аналитики, никогда не применялось к международному праву. Если бы оно применялось, не могло бы существовать несомненных обязательств государств в отношении договоров и нарушений права.

Возможно, правильно, что до войны в международных отношениях не существовало верховного органа, который одновременно предписывал бы нормы международного права и требовал их соблюдения. Но, по крайней мере, в международных отношениях существование закона никогда не зависело от наличия соотносящейся с ним санкции, существующей помимо самого закона. Международное право всегда основывалось на принципе общего согласия, и, поскольку существует комплекс правил, которые по общему согласию или договору являются обязательными для членов всемирного сообщества, данные правила становятся законом для этого общества, несмотря на то, что согласие не было достигнуто путем принуждения и, быть может, не применялись санкции для того, чтобы обеспечить повиновение. Дело в том, что абсолютный суверенитет в старом смысле этого слова, к счастью, перестал существовать. Это — понятие, совершенно не соответствующее обязательствам, налагаемым любым международным договором.

В процессе работы Постоянной палаты Международного Суда ссылка на суверенные права государств стала избитым аргументом для доказательства того, что, так как государства суверенны, принятым ими договорным обязательствам следует давать, по крайней мере, ограниченное толкование. Постоянная Палата последовательно боролась с этой точкой зрения. В самом первом своем решении, решении против Германии по Вимбледенскому делу, она отклонила аргумент о суверенности как основание для ограниченного толкования договорных обязательств. Постоянная Палата отказалась рассматривать договор, согласно которому государство обязуется следовать определенной линии поведения, как отказ от своего суверенитета. Постоянная Палата напомнила Германии о том, что самое право принять на себя международные обязательства является атрибутом суверенитета государства. Право заключать договоры и право на свободу действия находятся, как мне кажется, в вечном противоречии.

Но точно так же, как отдельное лицо обеспечивает себе свободу тем, что придерживается законов, суверенные государства подобным же образом сохраняют свои суверенные права. Уже давно отказались от точки зрения, что, поскольку государство суверенно, оно не может быть подвергнуто принуждению.

Устав Лиги наций в статье 16 предусматривал санкции в отношении суверенных государств, санкции, являющиеся не чем иным, как принуждением, очевидно принуждением, носящим характер наказания. Устав Объединенных Наций последовал этому примеру в еще более решительной форме. Правильно, что из-за отсутствия инстанции, компетентной осуществлять принудительную юрисдикцию, уголовное преследование государств является беспрецедентным в истории права. Однако это в такой же степени относится к гражданской ответственности, которая, несомненно, существует,

потому что ни один международный Трибунал не сможет принудительно осуществлять свою юрисдикцию, если он не будет исходить в своем решении из этих договоров. Первый человек, которого судили за убийство, мог жаловаться на то, что ни один суд не разбирал такого дела ранее.

Процессуальные нормы, специфические меры наказания, соответствующие суды могут быть всегда определены последующей декларацией. Единственное нововведение настоящего Устава заключается в том, что он создал, с большим опозданием, организационный аппарат для проведения в жизнь уже существующего закона. Совершенно беспочвенными являются жалобы на то, что Устав декретирует применение обратной силы закона как в пункте, объявляющем агрессивные войны преступными, так и в декларации о том, что государство не может быть освобождено от уголовной ответственности.

Затем выдвигается следующий довод: даже если государство должно нести ответственность, то именно государство, а не отдельные лица могут быть привлечены к ответственности с точки зрения международного права. Этот довод повторяется в самых разнообразных формах. Говорят, например, что только государства, а не отдельные лица являются субъектом международного права. Однако такого положения в международном праве не существует.

Достаточно лишь упомянуть судебное преследование за пиратские действия, нарушение блокады или за шпионаж, чтобы натолкнуться на многочисленные примеры привлечения отдельных лиц к ответственности согласно нормам международного права.

Всегда признавалось, что совершение военных преступлений делает отдельных лиц субъектами международного права. В Англии и в США наши суды неизменно действовали, придерживаясь принципа, что общепринятые положения международного права являются обязательными для подданных и граждан страны. В основном такое же положение существует в большинстве других стран. В самой Германии статьей 4 Веймарской конституции было установлено, что общепринятые положения международного права должны рассматриваться как составная часть германского федерального права. И, действительно, что это может означать, кроме того, что положения международного права являются обязательными для отдельных лиц? Разве мы должны отклониться от этого принципа только потому, что мы в данном случае имеем дело с тягчайшим из преступлений — с преступлениями против мира народов и преступлениями против человечности?

Закон — это нечто живое, развивающееся. Ни в какой другой области не является столь необходимым утверждать, что права и обязанности государств являются правами и обязанностями людей. Нелепо предполагать, что те, кто помогает, поощряет и содействует совершению преступления; те, кто выступает в качестве советника при совершении преступлений, сами ответственности не подлежат. В этом отношении преступления против международного права не отличаются от преступлений против местного права. Затем этот довод преподносится в другой форме: если данное действие совершено государством, то лица, которые являются орудием государства в его совершении, не несут личной ответственности и, как утверждают, имеют право прятаться за суверенитет государства.

Конечно, не приводится утверждение, что этот довод в какой-либо степени применим к военным преступлениям, а поскольку мы утверждаем, что каждый из данных лиц виновен в совершении бесчисленных военных преступлений, этот довод можно было бы просто отклонить как академический. Но, быть может, поступить так означало бы умалить ценность, которую этот судебный процесс представляет для дальнейшего развития международного права.

Правда, имеется ряд решений, в которых различные трибуналы утверждали, что одно государство не властно над другим суверенным государством или над его главой или представителем. Эти решения основывались на принципах взаимного признания прав и обычаев между нациями и на мирных и нормальных международных отношениях, они в действительности не зависят ни от какой «святости» суверенитета иностранного государства, за исключением тех случаев, когда само признание суверенитета способствует нормализации международных отношений. Они не оставляют места для утверждения, что лица, входящие в состав государственных органов, т. е. те, кто стоит за действиями государства, имеют право укрываться за метафизическим единством, которое они создают и контролируют, — в тех случаях, когда по их указаниям это государство разрушает то самое взаимное признание прав и обычаев, на котором покоится международное право.

Предположим, что какое-нибудь государство пошлет на территорию другого государства группу лиц с указаниями убивать и красть. Будут ли эти лица пользоваться правом неприкосновенности потому, что, выполняя свое преступное задание, они действовали в качестве органа другого государства? Предположим, что отдельные лица, пославшие эту группу с грабительскими целями, попадутся в руки государства, которое подверглось нападению, — могут ли они ссылаться на право неприкосновенности? Я утверждаю, что несомненно не могут. Однако приведенный пример в точности соответствует данному случаю. В действительности эта попытка оставить преступление без наказания потому, что причина, побудившая к его совершению, носит скорее политический, нежели личный характер, не подкрепляется никаким правовым принципом, а основывается лишь на произвольных политических доктринах, относящихся скорее к области политики держав, чем к области права.

Наконец, указывается, что эти «несчастные» люди являлись лишенным власти орудием в руках Гитлера, которым приказывали то, что, по их словам, они делали против своей воли. Тот факт, что приказ был получен сверху, в качестве защитительного аргумента исключается Уставом, однако статьей 8 предусматривается, что в известных случаях он может рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство, если Трибунал сочтет, что этого потребует справедливость.

Но Устав лишь регистрирует существующие положения права. В международном праве нет такого положения, которое предусматривало бы неприкосновенность лиц, выполняющих приказы, которые независимо от того, законны они или нет в стране, где они созданы, — являются явно противоречащими самому закону природы, из которого выросло международное право. Если международное право вообще следует применять, оно должно стоять выше местного права в том отношении, что оно должно определять законность или незаконность какого-либо действия, применяя критерии международного, а не местного права. Согласно любому крите-

рию — критерию международного права, международной совести, согласно элементарному понятию человечности, эти приказы,— если действительно эти люди действовали во исполнение приказов, — были незаконными. Следует ли из этого, что этих людей надо оправдать?

Диктатура, за которой эти люди пытаются укрыться, была создана ими самими. Желая добиться для себя власти и положения, они создали систему, при которой они получали такие приказания. Продолжение существования этой системы зависело от продолжения оказываемой ими поддержки. Даже если и правда то, что сказал Иодль, а именно, что этих людей могли сместить, быть может, даже заключить в тюрьму, если бы они не повиновались полученным ими приказам, — разве такой исход, во всяком случае, не был бы лучшим, чем если бы они отдавали себя в распоряжение начальников для совершения вышеупомянутых действий? Но это не соответствует действительности. Эти люди были членами тайных советов, они сами планировали, сами осуществляли запланированное, и они были единственными, кто мог советовать Гитлеру, удержать, остановить Гитлера, вместо того чтобы поощрять его в его дьявольских мероприятиях. Принцип коллективной ответственности членов правительства не является искусственной теорией конституционного закона. Он является основой защиты прав человека и общества народов; международное право правомочно защищать свое собственное существование, применяя этот закон.

Разрешите мне перейти к разделам 3 и 4 Обвинительного заключения. В этих разделах идет речь о военных преступлениях и о тех преступлениях, которые мы называли, — и они действительно ими являются,— преступлениями против человечности.

Что касается этих военных преступлений, то я хотел бы прежде всего высказать некоторые соображения правового характера. Нет необходимости давать пространные пояснения по поводу закона, касающегося военных преступлений, так как закон достаточно ясен и не вызывает никаких сомнений. Эти преступления по своим масштабам ужаснее всего, что было известно до сих пор, но тем не менее их легко квалифицировать согласно уже существующим нормам международного права.

Совершенно очевидно так же, что они подсудны как национальному, так и международному Трибуналам. В данном случае полностью отсутствует применение обратной силы закона или применение законов постфактум. В положении Устава о том, что те, кто нес основную ответственность за совершение этих ужасных деяний, должен нести индивидуальную ответственность, нет ничего нового. Правильно, что юристам и государственным деятелям, которые в прошлом в Гааге и в других местах составляли кодекс законов и устанавливали обычаи, с помощью которых мир пытался смягчить жестокости войны и охранить от ее крайностей не участвовавшее в военных действиях мирное население, даже не могли себе представить подобных массовых убийств.

Но убийство никогда не перестает быть убийством только потому, что жертвами его являются не один человек, а десятки миллионов. Преступления не перестают быть преступлениями потому, что они совершаются по политическим мотивам. Эти преступления многочисленны и многообразны. Нет смысла приводить здесь их подробный перечень. Они весьма различны по количеству жертв: умерщвление пятидесяти военнопленных, бежавших из Шталага Луфт III; уничтожение сотен «командос» и летчиков;

тысячи умерщвленных заложников из числа гражданского населения; десятки тысяч моряков и пассажиров, погибших во время проведения кампании пиратских атак; сотни тысяч военнопленных и гражданских лиц, умерших из-за лишений и жестокостей, которым их подвергали, если их вообще не убивали, многие миллионы убитых и жертв медленной смерти от голода, шесть миллионов из которых были уничтожены лишь потому, что они принадлежали к еврейской расе или исповедовали еврейскую религию.

Одно лишь число жертв не может служить настоящим критерием преступности действия. Величие смерти, сочувствие к невиновному, ужас и отвращение перед лицом подлости, совершенной по отношению к человеку, созданному по образу и подобию божьему, — все это не может явиться объектом математического подсчета. Тем не менее в известной степени цифры имеют отношение к делу, потому что мы не рассматриваем здесь случайные проявления жестокости, которые имеют место в ходе всякой войны.

Возможно, что война раскрывает лучшие черты в человеке; в ней несомненно проявляются худшие его черты. Это не игра в крикет. В любой войне, и несомненно в ходе и этой войны, причем безусловно с обеих сторон, было совершено множество жестокостей и зверств. Эти жестокости должны были казаться ужасными тем, по отношению к которым они были совершены. Я не хочу ни извинять, ни преуменьшать их. Однако они были явлением случайным, неорганическим и представляли собой отдельные действия отдельных людей. Мы рассматриваем здесь нечто совсем иное. Мы рассматриваем здесь систематические массовые действия, совершенные в результате преднамеренных расчетов, произведенных в высших кругах.

Таким образом, главным военным преступлением как по размаху, так и по масштабу, в котором мы обвиняем этих людей, является нарушение наиболее твердо установленных и наименее противоречивых правил ведения войны, а именно правил о том, что мирное население не должно являться непосредственным объектом военных действий. Какое издевательство пытались немцы совершить над четвертой Гаагской конвенцией о законах и обычаях ведения войны, над конвенцией, которая лишь формулировала то, что являлось уже прежде основным законом. «Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как религиозные убеждения и отправления религиозных культов, должны быть уважаемы».

Убийства миллионов мирных жителей, совершаемые по приказу германского правительства, члены которого сидят здесь на скамье подсудимых, производимые на территориях, оккупированных военными частями, командиры которых сидят здесь на скамье подсудимых, независимо от того, были ли они совершены в ходе осуществления политики расового уничтожения, в результате или в связи с угоном на рабский труд, вследствие желания покончить с идейными и политическими руководителями стран, которые были оккупированы, или являлись частью общей политики террора, проводившегося путем массовых репрессалий против мирных жителей и заложников,— эти убийства миллионов мирных жителей являются военными преступлениями. В такой же мере эти преступления можно считать преступлениями против человечности.

Воображение и ум, потрясенные ужасом этих действий, не в силах вложить эти величайшие в истории преступления в сухую формулу «военное преступление», употребляемую в учебниках. Тем не менее важно пом-

нить, что именно таковы эти преступления. В основном, независимо от того, где они совершались и к какой расе или национальности принадлежали жертвы, — это были преступления против гражданского населения, совершенные вопреки законам войны вообще и законам военной оккупации, в частности. Истина состоит в том, что массовые, преднамеренные систематические убийства стали неотъемлемой частью хорошо укрепившейся и по видимости нетревожимой опасениями системы военной оккупации. Никто не пытался оспаривать, что это является военным преступлением. Однако были сделаны попытки оспаривать незаконность трех других групп действий, которые также инкриминируются этим людям: угона на рабский труд в Германию, преступлений на море в связи с подводной войной и расстрела бойцов «командос». Разрешите мне кратко остановиться на этих вопросах.

Угон гражданского населения на рабский труд безусловно является преступлением как с точки зрения международных обычаев, так и с точки зрения общепринятых норм международного права, сформулированных в Гаагской конвенции. Статья 46 четвертой Гаагской конвенции предусматривает, что оккупирующая держава должна «уважать честь и права семейные» и «жизнь людей». Статья 52 той же конвенции устанавливает, что «нельзя требовать от муниципалитетов и населения никаких услуг, кроме тех, которые необходимы для нужд оккупационной армии», и что «они должны находиться в соответствии с ресурсами страны и должны носить такой характер, чтобы не накладывать на население обязанности принимать участие в военных действиях против их родной страны».

Эти простые и четкие формулировки мы должны противопоставить потрясающим масштабам мероприятий, которые направлял подсудимый Заукель и в которых принимали участие другие подсудимые. Мы должны их противопоставить той безжалостности, с которой мирных жителей отрывали от их семей, привычной обстановки и работы, условиям, в которых их перевозили, обращению, которому их подвергали по прибытии, условиям, в которых они работали и умирали тысячами и десятками тысяч, характеру работы, которую их принуждали выполнять в качестве непосредственных участников процесса производства вооружения, боеприпасов и других орудий войны против их собственной страны и против народа, к которому они принадлежали.

Кажется, высказывалось предположение, что запрещения, сформулированные в международных законах, в известной степени устарели перед лицом современного развития тоталитарных войн, которые предусматривают широчайшее использование и эксплоатацию материальных ресурсов оккупированной территории и ее рабочей силы. Признаюсь, что я лично не понимаю, каким образом размах деятельности, которую собирается вести воюющая сторона, размер усилий, которые она должна совершить для того, чтобы избежать поражения, может расширить ее права по отношению к мирному населению или позволить ей отмести законы ведения войны. Мы не можем постфактум отменять установления международного права для оправдания его нарушителей.

Не существует также и тени правового обоснования, которое могло бы в какой-либо степени изменить положение вещей, явившись оправданием их преступлений, совершенных на море, — преступлений, которые стоили жизни 20 тысячам одних лишь британских моряков. Мы не должны строить обвинение лишь на нарушении общепринятых правил ведения

войны в том виде, как они сформулированы в Лондонских протоколах от 1930 и 1936 гг., подписанных Германией и запрещающих потопления без предупреждения или даже с предупреждением, если не были приняты необходимые меры для спасения пассажиров и команды.

Мы не должны увлекаться здесь интересным спором о том, изменяет ли практика вооружения торговых судов положение вещей. Не следует также терять времени на рассмотрение вызывающего удивление заявления о том, что потопление нейтральных судов получило законную силу в результате издания письменного приказа, запрещающего этим судам вход не в определенную военную зону, над которой Германия осуществляла непосредственный контроль, но появление их на всей колоссальной территории всех семи морей.

Нет необходимости в таком рассмотрении потому, что хотя бы одно положение не вызывает споров по поводу его правовой основы. Если вы считаете доказанным, что следовало предпринимать шаги для того, чтобы не дать спастись пассажирам и команде с тонущих судов, что было указание применять оружие, исключавшее всякую возможность спасения, если вы считаете все это доказанным, то для вас не явится никакого сомнения в том, что все,что совершалось, противоречило закону. Не может явиться оправданием то обстоятельство, что спасение мирных людей влекло за собой больший риск для нападающих. Убийца не может быть прощен вследствие того, что он заявляет, что ему было необходимо убить жертву для того, чтобы впоследствии она не могла опознать его.

То же относится к приказам об уничтожении бойцов «командос». Новые методы ведения войны, новые формы нападения сами по себе не отменяют уже установленных норм права.

Святость жизни одетого в форму солдата, который сдается в плен, выполнив свой долг, и не совершая никаких военных преступлений до того, как он был захвачен в плен, является и, — я прошу вас провозгласить это, — останется незыблемым принципом международного права. Те, кто независимо от мотивов, которые ими руководят, попирают этот принцип, вопреки закону, человечности и нормам рыцарского поведения, должны заплатить за это, хотя бы тогда, когда, наконец, торжествует закон.

Я не буду более останавливаться на этом вопросе или детализировать другие типы военных преступлений, которые содержатся в Обвинительном заключении, потому что все эти действия, различные по способу и методу их совершения, несомненно являлись преступлениями против установленного закона. Трибунал должен будет лишь подтвердить закон и решить вопрос о том, в какой мере эти подсудимые замешаны в его нарушении...

...По самому своему размаху военные преступления являлись преступлениями против человечности. Преступления против человечности были в еще большей степени военными. Однако преступления против человечности, рассмотрение которых входит в юрисдикцию данного Трибунала, ограничиваются следующим — они должны являться преступлениями, совершение которых известным образом было связано с планированием или осуществлением преступлений против мира или военных преступлений в точном смысле этого слова, которые вменяются в вину подсудимым. Такова квалификация, которую дает статья 6 Устава.

Однако соображения, применимые в данном случае, отличаются от тех, которые касаются других типов нарушений — преступлений против мира или обычных военных преступлений. Вы должны считать доказанным не только то, что совершенные действия являлись преступлениями против человечности, но также и то обстоятельство, что совершение их не являлось чисто внутренним делом, а что прямо или косвенно оно было связано с преступлениями против других стран и народов, и что они, в частности, были предприняты для того, чтобы помочь нацистской партии в проведении ее политики достижения господства с помощью агрессии или в устранении политических противников — престарелых, евреев, существование которых могло помешать проведению политики тотальной войны.

Предположим, что в тот период расовая политика, направленная против евреев, являлась лишь оборотной стороной доктрины расы господ. В «Майн Кампф» Гитлер заявил, что одним из решающих факторов в поражении Германии в 1918 году было то, что немцы не сумели осознать значение... расовой проблемы и еврейской угрозы». Борьба против евреев являлась одновременно секретным оружием — надежным оружием пятой колонны, направленным на раскол и ослабление демократических держав и методов объединения германского народа для ведения войны. В своей речи 4 октября 1943 г. Гиммлер ясно указал, что все мероприятия, направленные против евреев, были тесно связаны с военной политикой. Он заявил:

«Потому, что мы знаем, как трудно было бы нам сейчас, если бы... сегодня евреи населяли каждый город, тайно саботируя, проводя агитацию и сея беспокойство».

Таким образом, преступления против евреев в той мере, в какой они являются преступлениями против человечности, а не военными преступлениями, представляют собой преступления, которые мы вменяем в вину, так как они тесно связаны с преступлениями против мира.

Такая квалификация является, несомненно, очень важной, и это обстоятельство не всегда оценивается теми, кто поставил под вопрос возможность применения данной юрисдикции. Оставляя место для изменений этой квалификации, мы, однако, полагали правильным рассматривать действия, которые уголовное право всех стран, естественно, определило бы как преступные,— убийство, уничтожение, порабощение, преследование по политическим, расовым или экономическим соображениям. Все эти действия, совершенные по отношению к населению воюющей страны или, как это было в данном случае, совершенные по отношению к немцам на оккупированной территории, явятся обычными военными преступлениями, судебное преследование которых не представит ничего нового.

Будучи совершены в отношении других, они явились бы преступлениями..., если бы германское право, отступающее от всех установлений цивилизованного судопроизводства, не разрешало бы совершение их государству или лицам, действующим от имени государства... Народы, подписавшие Устав данного Трибунала, сочли необходимым и правильным в интересах цивилизации заявить, что такие действия, даже если они были совершены в соответствии с законами германского государства, созданного и управлявшегося этими людьми и их вожаками, являлись в том случае,

если они совершались с намерением задеть интересы международного сообщества, т. е. в связи с другими вменяемыми в вину преступлениями, не только действиями внутреннего характера, но преступлениями против международного права.

Я не преуменьшаю значения, которое будет иметь для будущего политическая и правовая доктрина, связанная с этим. В обычных случаях международное право предоставляет государству решать вопрос о том, как оно будет обращаться со своими собственными подданными; этот вопрос является предметом внутренней юрисдикции, и хотя социальный и экономический совет ООН стремится сформулировать хартию прав человека, Устав Лиги наций и Устав ООН признают это общее положение.

Однако международное право в прошлом стремилось установить предел суверенности государства и установить такое положение вещей, при котором человек, являющийся основным субъектом всякого закона, не лишается права защищать человечество в том случае, если государство попирает его права таким образом, который возмущает совесть человечества. Гроций, создатель основ международного права, в известном смысле имел в виду этот принцип еще в то время, когда различие между справедливой и несправедливой войной было установлено более ясно, чем в XIX столетии; он называл справедливой войну, предпринятую для защиты подданных иностранного государства от несправедливостей, совершаемых его правителями. Он утверждал в отношении жестокостей, совершаемых тиранами против своих подданных, что вмешательство в таком случае является оправданным, поскольку «права социальных связей в таком случае не уничтожаются». Та же мысль была высказана Джоном Уэстлейком, самым выдающимся из британских теоретиков международного права. Он писал:

«Бесполезно в таких случаях настаивать на том, что долг соседних народов состоит в том, чтобы спокойно наблюдать за происходящим. Законы созданы для людей, а не являются плодом воображения, а поэтому эти законы не должны создавать или терпеть таких ситуаций, которые являются нетерпимыми».

Исходя из той же точки зрения, действовали европейские державы, когда в прошлом они выступали на защиту христиан в Турции, подвергавшихся жесточайшим преследованиям. Право гуманного вмешательства путем войны не является новеллой в международном праве. В таком случае может ли юридическое вмешательство быть незаконным? Устав Трибунала предусматривает благотворный принцип, гораздо более ограниченный, чем некоторые того бы желали, и содержит предупреждение для будущих диктаторов и тиранов, маскирующихся под законное государство, предупреждение о том, что если для того, чтобы содействовать своим преступлениям против сообщества народов, они будут пренебрегать святостью прав человека в своей собственной стране, они поставят самих себя под угрозу, поскольку тем самым оскорбят международное право народов.

Что касается критики относительно применения обратной силы закона, о которой говорится, что она объявляет преступным то, о чем совершавший действия не знал, что оно является таковым во время совершения им преступных действий, то как она может быть применена здесь?

Вы не оставите без внимания, даже если эти подсудимые постоянно пренебрегали ими, бесчисленные предупреждения, делавшиеся иностранными государствами и иностранными государственными деятелями по

поводу линии, которой придерживалась Германия до войны. Несомненно, эти люди рассчитывали на победу и мало думали о том, что сами они будут призваны к ответу. Но можно ли позволить хоть одному из них говорить здесь, что если он вообще знал об этих вещах, он не знал, что они были преступлениями, вопиющими к небу об отмщении?

Разрешите мне сначала обратиться к тому, что они делали с военнопленными, так как только это одно, самое явное из всех преступлений, требует их осуждения и навсегда кладет пятно на честь германского оружия.

8 сентября 1941 г. за подписью генерала Рейнеке, начальника управления по делам военнопленных при верховном командовании, были изданы окончательные правила по обращению с советскими военнопленными во всех лагерях для военнопленных.

Они являлись результатом соглашения с СС и гласили следующее:

«Большевистский солдат поэтому потерял право претендовать на обращение с ним, как с честным противником, в соответствии с женевской конвенцией. Следует действовать безжалостно и энергично при малейшем намеке на неповиновение, особенно в тех случаях, когда речь идет о большевистских фанатиках. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно сломлены силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)...

При выполнении этого приказа каждый, кто не употребит своего оружия или употребит его с недостаточной энергией, подлежит наказанию... В военнопленных, пытающихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Не производить предупредительного выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным...

Внутри пространства, огороженного колючей проволокой лагерная полиция может быть вооружена палками, кнутами или другим оружием такого рода для того, чтобы иметь возможность эффективно выполнить свой долг».

Далее в этих правилах содержится указание об изоляции гражданских лиц и политически неблагонадежных военнопленных, взятых в плен в течение восточной кампании.

После того, как указывается, что важной задачей вооруженных сил является отделываться от всех тех элементов среди военнопленных, которых можно рассматривать как носителей и возбудителей большевизма, подчеркивается, что для этого необходимы особые меры, свободные от бюрократических административных влияний; соответственно как метод для достижения «намеченной цели» предлагается передавать таких лиц полиции безопасности и СД.

То, что Кейтель, который непосредственно отвечает за этот приказ, прекрасно знал, что именно под ним подразумевалось, ясно из меморандума адмирала Канариса от 15 сентября 1941 г., являющегося протестом против него, в котором точно излагается правовая сторона этого вопроса:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными.

С XVIII столетия эти принципы постепенно устанавливались на той основе, что пребывание в плену не является ни местью, ни наказанием,

но лишь только превентивным заключением, единственной целью которого является исключение возможности дальнейшего участия солдат в войне. Этот принцип развивался в соответствии с разделявшейся всеми армиями точки зрения о том, что убивать беспомощных людей или наносить им увечья, противоречит военной традиции...

Приложенные к сему декреты об обращении с советскими военнопленными базируются на скорее отличной точке зрения».

Далее Канарис указывает на скандальный характер приказов о применении оружия охраной и о вооружении лагерной полиции дубинками и кнутами.

На этом меморандуме Кейтель написал (я уже напоминал об этом утром): «Возражения возникли из военной идеи о рыцарском ведении войны. Это — подрыв идеологических основ. Поэтому я одобряю и поддерживаю меры. К.».

После изучения этого документа вряд ли может остаться сомнение в том, что Кейтель знал, что передача пленных полиции безопасности и СД должна была овначать их ликвидацию.

Канарис пишет о проверке нежелательных лиц (я цитирую): «Решение их судьбы определяется эйнзатцгруппами полиции безопасности и СД», о которых Кейтель в особенности выделяя полицию безопасности, говорит как об «очень действенных»; в то время как в связи с дальнейшей критикой Канариса о том, что «принципы, на которых они строят свои решения, неизвестны военным властям», Кейтель замечает: «ни в какой мере».

Параллельная инструкция для полиции безопасности и СД содержит соглашение с верховным командованием; после приказа о тесном сотрудничестве между сотрудниками полиции и комендантами лагерей и списка лиц, подлежащих передаче, эта инструкция гласит:

«Казни не должны проводиться в лагере. Если лагери в генерал-губернаторстве расположены в непосредственной близости от границы, заключенных нужно перевести, если это возможно, на советско-русскую территорию для специального обращения с ними».

Нет необходимости напоминать вам о количестве показаний, которые были даны в связи с численностью советских и польских заключенных, содержавшихся в концентрационных лагерях. О том, чтобы судить, каково было обращение с ними, достаточно вспомнить лишь отчет коменданта концентрационного лагеря Гросс-Розен, который докладывал 23 октября 1941 г. о расстреле 20 русских заключенных между 5 и 6 часами дня, и циркуляр Мюллера из той же книги документов, в котором говорится:

«Коменданты концентрационных лагерей жалуются на то, что от 5 до 10% советско-русских людей, приговоренных к смертной казни, прибывают в лагери мертвыми или полумертвыми. Поэтому создается впечатление, что постоянные лагери Шталаги этим путем избавляются от таких пленных.

В особенности было замечено, что при переходе пешком, например, по дороге от станции железной дороги до лагеря, значительное число военнопленных падает мертвыми от истощения или полумертвыми от голода и их должна подбирать идущая сзади грузовая машина.

Нельзя предотвратить того, чтобы немецкое население не замечало этих случаев».

Обратил ли кто-нибудь из подсудимых внимание на эти события, которые не могли быть скрыты от немецкого народа? Я продолжаю:

«Хотя подобные перевозки до концлагерей, как правило, осуществляются германской армией, население все-таки запишет такое положение дел на счет СС.

Для того чтобы в будущем по возможности избежать подобных явлений, я приказываю, чтобы с сегодняшнего дня всех советских пленных, в отношении которых существует подозрение в заболевании и с очевидностью обреченных на смерть (например, от сыпного тифа) и поэтому неспособных больше к напряжению, связанному с краткими пешими переходами, в будущем в основном исключать из списков перевозимых в концентрационные лагери для смертной казни.

Прошу немедленно дать соответствующие указания командирам эйнзатцкоманд».

2 марта 1944 г. начальник полиции безопасности и СД направил своим местным отделам следующий приказ ОКВ относительно обращения с пленными, захваченными при попытке к бегству. За исключением англичан и американцев, которых следовало возвращать в лагери, все остальные подлежали отправке в Маутхаузен, где с ними расправлялись, согласно так называемой инструкции «Кугель» («Пуля»), которая, как Трибунал помнит, предусматривала немедленный расстрел. В случае наведения справок родственниками, другими заключенными, странами-гарантами и международным Красным Крестом, следует поступить таким образом, чтобы судьба этих людей, солдат, единственное преступление которых заключалось в том, что они выполняли свой долг, осталась навсегда неизвестной.

Вскоре после издания приказа об операции «Кугель» 80 английских офицеров королевских воздушных сил совершили попытку к бегству из Шталага «Луфт» Ю-3 для военнопленных летчиков, находящегося в Сагане. Подсудимые, непосредственно связанные с этим вопросом, не отрицали, что расстрел 80 офицеров из этого числа являлся умышленным убийством и был осуществлен согласно решению, принятому высшими инстанциями. Несомненно, что Геринг, Кейтель и, возможно, Риббентроп принимали участие в принятии этого решения и что Иодль, Кальтенбруннер и Риббентроп, если даже он и не принимал непосредственного участия, были прекрасно осведомлены об этом в то время. Факт участия Геринга в принятии этого решения с несомненностью вытекает из следующих трех обстоятельств:

1. Приказ был отдан Гитлером.
2. Вестгоф — начальник управления по делам военнопленных в ОКВ заявляет, что, как сообщил ему Кейтель, Геринг порицает его за то, что он не присутствовал на заседании, на котором принималось это решение.
3. В министерстве Геринга, которое было ответственно за обращение с военнопленными летчиками королевского воздушного флота, Вальде слышал о приказе 28 марта на заседании начальников штаба и сказал об этом генералу Крош. Крош сообщил об этом Форштеру, который немедленно отправился к Мильху, начальнику штаба Геринга, и вновь возвратился к Крошу с тем, чтобы уведомить его о том, что Мильху уже передано это сообщение и чтобы сделал необходимые замечания. Вы сами решите, может ли существовать большее вероломство, чем отказ Геринга и Мильха признаться в том, что они принимали участие в принятии решения.

Кейтель признает, что Гитлер приказал «передать их СД» и что «он боялся», что их могут расстрелять. Он заявил своим офицерам Гравеницу и Вестгофу (я цитирую): «Мы должны дать урок. Они будут расстреляны, а, возможно, некоторые — уже расстреляны». Когда Гравениц запротестовал, он добавил: «Мне наплевать». На основании этих показаний его собственных офицеров, без сомнения, вопрос о его соучастии вполне ясен.

Иодль заявил, что в то время, когда Гиммлер докладывал о побеге, он разговаривал по телефону в соседней комнате. Вдруг он услышал громкий разговор и, подойдя к занавеси, с тем, чтобы узнать, в чем дело, понял, что речь шла о побеге военнопленных из Сагана. Неправдоподобно, чтобы при данных обстоятельствах, даже если он сам и не принимал участия в решении, он не узнал бы о нем от Кейтеля тут же после совещания. И зная об этом, он продолжал выполнять свою часть работы в заговоре.

Что касается виновности Кальтенбруннера, то на заседании, на котором Вальду было сообщено об этом решении, присутствовали также Мюллер и Небе — подчиненные Кальтенбруннера. И, наконец, решающим доказательством являются показания Шелленберга относительно беседы между Небе, Мюллером и Кальтенбруннером, состоявшейся в то время по поводу запроса, присланного Международным Красным Крестом, относительно 50 английских и американских военнопленных. Он слышал, как Кальтенбруннер давал указания своим подчиненным относительно того, какой ответ следует дать на этот неудобный запрос, и никто не может сомневаться в отношении его полной осведомленности в этом вопросе. В настоящее время общепризнано, что ответ, направленный Риббентропом странам-гарантам и Международному Красному Кресту, представляет собой сплошную ложь.

Следует ли верить тому, что он также не участвовал в принятии этого решения? То, что любой из этих подсудимых был бы готов принять подобное решение сам лично или согласиться с ним в случае, если оно будет принято Гитлером, — вполне ясно, как мы полагаем из приказов о линчевании и расстрелах летчиков, которых немцы называли террористами. Эти документы свидетельствуют о том, что ни Кейтель, ни Иодль не испытывали никаких колебаний в данном вопросе, в то время как Геринг и Риббентроп были согласны с проектом приказа.

Вспомните те совещания, которые предшествовали этой переписке,— прежде всего совещание между Герингом, Риббентропом и Гиммлером, на котором было решено изменить (я цитирую): «первоначальное предложение, сделанное имперским министром иностранных дел, который предлагал считать любые террористические акты в отношении германского гражданского населения действиями, оправдывающими такого рода меры».

В заключение было сказано:

«Суд Линча должен стать общим правилом».

На последующем совещании между Варлимонтом и Кальтенбруннером было решено, что (я цитирую): «Те летчики, которым удалось избежать суда Линча, должны в соответствии с порядком, который будет установлен, передаваться с тем, чтобы быть подвергнутыми «особому обращению».

И, наконец, Кейтель сделал следующую пометку на деле: «Я против судебной процедуры. Она не оправдывает себя».

Подобные же доказательства мы находим при рассмотрении точки зрения, принятой в феврале 1945 года, когда Гитлер хотел отказаться от соблюдения Женевской конвенции.

Дениц тогда посоветовал, что (я цитирую) «лучше было бы провести те меры, которые будут сочтены необходимыми, без предупреждения и любой ценой сохранить свою репутацию перед внешним миром». С этим решением согласились представители Иодля и Риббентропа.

Их защитительный довод, заключающийся в том, что эта мера была лишь чисто тактической и что они фактически не намеревались совершать какие-либо конкретные действия, опровергается меморандумом Йодля по всему этому вопросу (я цитирую):

«Насколько неправильным было то, что мы в 1914 г. сами торжественно объявили войну всем тем странам, которые в течение долгого времени хотели вести войну против нас и из-за этого в глазах всего внешнего мира полностью возложили на свои собственные плечи всю вину за войну, и насколько неправильным было признать, что необходимый проход войск через Бельгию в 1914 году был нашей собственной ошибкой, настолько же неправильно было бы сейчас открыто отказаться от принятых нами обязательств международного характера и, таким образом, снова выглядеть виновной стороной в глазах внешнего мира».

После этого примечательного заявления он добавил, что ничто не могло помешать ему потопить английское госпитальное судно в порядке репрессалий, а потом выразить свое сожаление и назвать это потопление ошибкой...

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ФРАНЦИИ ШАМПЕТЬЕ ДЕ РИБ[1]

[*Произнесена 29 июля 1946 г.*]

В продолжение девяти месяцев на этой трибуне мы вызывали в памяти события истории за пятнадцать лет...

Германские архивы, которые нацисты не успели уничтожить перед поражением, раскрыли нам их тайны.

Нами были заслушаны многочисленные свидетели, чьи воспоминания остались бы неизвестными истории, если бы не этот процесс.

Все факты изложены с предельной объективностью, которая никогда не допускала ни увлечения, ни чувствительности. Трибунал исключил из обсуждения все, что казалось ему недостаточно убедительным, все, что смогло бы показаться продиктованным чувством мщения.

Вот почему, господа Судьи, настоящий процесс имеет значение прежде всего в силу своей исторической правдивости.

Благодаря этому процессу историк будущего, так же как и летописец сегодняшнего дня, узнает правду о политических, дипломатических и военных событиях наиболее трагического периода нашей истории, он узнает о преступлениях нацизма, а также о колебаниях, слабостях и упущениях миролюбивых демократий.

Он узнает, что то, что было создано за 20 веков цивилизации, которую считали вечной, едва не рушилось в связи с возвращением варварства древних времен, обретшего новую форму, варварства, которое было еще более свирепым, потому что оно опиралось на серьезные научные познания.

Он узнает, что достижения в области техники, новейшие методы пропаганды и дьявольские приемы, которые использовала полиция, горделиво попиравшая наиболее элементарные человеческие права, что все это позволило кучке преступников в течение нескольких лет преобразить коллективное сознание целого народа и превратить народ Гете и Бетховена в народ Гиммлера и Геббельса, если говорить лишь о тех, кто мертв.

Он узнает, что преступления этих людей заключались прежде всего в том, что они замыслили гигантский план достижения мирового господства, и в том, что они стремились осуществить этот план всеми средствами.

Всеми средствами, т. е. разумеется — путем нарушения данного слова, и путем развязывания худшей из агрессивных войн, но прежде всего с помощью методического, научно-разработанного уничтожения миллионов человеческих существ, а именно — ряда национальных и религиозных групп, чье существование мешало гегемонии германской расы.

[1] Печатается с сокращениями. — Составители.

Столь чудовищное преступление никогда не было известно истории до того, как появился гитлеризм, и поэтому для определения этого преступления потребовалось создание неологизма «геноцид», а для того, чтобы поверить в то, что такое преступление возможно, пришлось собирать документы и свидетельские показания.

К стыду тех времен, в которые мы живем, это преступление оказалось возможным. Плодотворное сотрудничество обвинителей от четырех стран позволило это доказать, и Франция полагает, что она оказала поддержку общему делу в рамках тех разделов обвинительного заключения, которые ей были предоставлены.

После того, как подсудимые и защитники пространно говорили перед Трибуналом о необходимости обеспечения безопасности ни в чем неповинного гражданского населения, как об очевидном принципе, мы установили, что подсудимые умышленно нарушили этот принцип в обращении с гражданским населением, полностью пренебрегая человеческой жизнью. Есть ли необходимость в том, чтобы напомнить чудовищную фразу подсудимого Кейтеля: «Человеческая жизнь на оккупированных территориях стоит меньше, чем ничто».

Возродив традицию, символизирующую практику наиболее примитивных войн, подсудимые вновь стали использовать систему взятия заложников. Они ставили свою подпись под общими приказами о захвате и казни тысяч несчастных мучеников. Только во Франции было расстреляно 29 000 заложников.

Мы знаем, что участники движения сопротивления, чьим патриотизмом подсудимые сегодня восхищаются, были зверски замучены, подвергались пыткам, их помещали в заключение для того, чтобы медленно уничтожать. Нам известно, что под предлогом карательных действий, выполняя приказы, или же, наконец, в результате жестокости отдельных лиц, которая прикрывала участие в этих деяниях командования, были казнены совершенно произвольно отобранные лица из числа гражданского населения, были сожжены целые деревни: Орадур-сюр Глан и Майе во Франции, Пюттен — в Голландии.

У всех нас живо воспоминание о зверских приказах, которые были отданы фельдмаршалом Кессельрингом для того, чтобы подавить с помощью террора действия партизан. Мы видели офицера, который приказал казнить в качестве репрессии 50, 100 или же всех местных жителей — мужчин в ответ на отдельные акты, направленные против германской армии. Выполнение этого приказа санкционировалось инструкциями командующего театром боевых действий, который в свою очередь руководствовался инструкциями более общего порядка подсудимого Кейтеля.

Этот пример показывает, сколь тесным было сотрудничество национал-социалистических должностных лиц, сколь тесным было сотрудничество внутри государства, и вместе с тем этот пример подтверждает, если в этом есть еще необходимость, что ответственны все руководители режима.

Нам известно, что тысячи людей оторвали от очага и заставили ковать оружие против их собственных стран.

Зверское обращение с воюющими военнослужащими нас тем более потрясло, так как Германия — все равно, имеется ли в виду Германия с обычной властью, или же Германия нацистская, или же Германия, которая излагает жалкие аргументы в свою защиту на скамье подсудимых, —

Германия всегда заявляла о всеобщих законах воинской чести и о необходимости уважать всех сражающихся. И, несмотря на это, мы видим, что сам Кейтель торопил Геринга принять преступные предложения относительно обращения с попавшими в их руки летчиками.

Такие документы, как показания Грюннера, не позволяют оспаривать того, что преступные приказы о казни и линчевании летчиков были составлены в соответствии с принятой формой и переданы в органы, которым было поручено их выполнять.

Не возникает никакого сомнения ни в отношении принципов, которыми руководствовались при составлении приказа о «командос», ни в отношении того, как этот приказ проводился в жизнь на различных военных театрах. Обвинение представило по этому вопросу цепь бесспорнейших доказательств.

Мы были еще более потрясены, когда у нас создалась уверенность в том, что зверские приказы о казнях или о заключении под стражу были отданы для уничтожения людей, которые уже находились в беспомощном состоянии, будучи в лагерях для военнопленных.

В нашей памяти сохранилась мрачная история лагеря Саган, о которой не раз говорили в ходе судебного разбирательства; сами подсудимые ограничились попыткой ускользнуть от ответственности, не отрицая в то же время, что это является зверством и что эти события действительно имели место. Нами было показано, как совершившие побег непокорные офицеры и унтер-офицеры, чьи предшествующие действия и поведение свидетельствуют об их стойкости, были казнены.

Наконец, нацистская Германия разоблачила свой план экспансии и мирового господства, организовав систематическое уничтожение населения оккупированных ею территорий.

Это деяние, доказательства которого были нами представлены, первоначально заключалось в политическом, экономическом и моральном уничтожении народов оккупированных стран. Средствами служили грубый и последовательный захват суверенитета или осуществление неустанного вмешательства германских властей в самые различные сферы, безжалостное проведение в жизнь программы ограбления народного хозяйства в целях уничтожения и полного истощения оккупированных стран, в целях полнейшего подчинения их оккупантам и в заключение нацификация государств и их граждан, связанная также с уничтожением культурных и моральных ценностей.

Но это методическое уничтожение производилось и в конкретной форме — в форме массовых убийств людей.

Разве необходимо напоминать о том, чем явились эти колоссальные истребления групп людей, которые были сочтены неспособными ассимилироваться в национал-социалистском мире, разве необходимо напоминать о гигантском кладбище концлагерей, в котором погибло 15 миллионов человек, разве необходимо напоминать о последствиях чудовищных деяний «эйнзатцгрупп», которые были описаны с неоспоримой точностью Олендорфом.

Мы считаем также подтвержденным доказательство того, что эти злостные попытки уничтожения были, как это явствует из их рассмотрения, одним из наиболее ярких выражений политики, которую проводили подсудимые. Я хочу указать на преднамеренное неудовлетворительное снабжение продовольствием лиц негерманского происхождения, которые

подпадали под какую-либо категорию при нацистских властях, на то, что в качестве репрессии заставляли голодать целые народы, на то, что граждан оккупированных территорий подвергали жестокому рационированию, которое входило в систему ограбления этих территорий. Трибунал помнит речь Геринга перед гаулейтерами (этот документ был предъявлен под номером СССР-170), в которой он сказал:

«Мне совершенно безразлично, если вы сообщите, что ваши люди падают от истощения. Пусть это будет так для того, чтобы ни один немец не умер от голода».

И далее, относительно Голландии:

«Наша задача заключается не в том, чтобы кормить народ, который в душе нас ненавидит. Тем лучше, если этот народ в такой степени ослабел, что не может поднять руки там, где мы не используем его на работе...».

Результатом этого явились голод, предельное физическое истощение и снижение жизненного уровня, причем все это, как и медленное умерщвление голодом военнопленных, входило в общий план уничтожения населения для освобождения германского жизненного пространства.

С этим же стремлением связано содержание в плену или, как это имело место в отношении лиц, угнанных на работы, заключение, которое почти равнялось плену, молодых, здоровых людей, чье пребывание на родине было необходимо для будущего их стран.

Все это было подтверждено результатами последних переписей.

Из этих результатов мы установили, что во всех оккупированных Германией странах численность населения уменьшилась с 5 до 25 процентов, в то время как Германия является единственной страной в Европе, численность населения которой возрастала.

Все эти преступления были нами доказаны. После предъявления документов, после того, как были заслушаны свидетели, после демонстрации кинофильмов, при просмотре которых даже сами подсудимые содрогнулись от ужаса, никто в мире не сможет утверждать, что лагери уничтожения, расстрелянные военнопленные, умерщвленные мирные жители, горы трупов, толпы людей, изуродованных душой и телом, газовые камеры и кремационные печи, — что все эти преступления существовали лишь в воображении антинемецки настроенных пропагандистов, этого не сможет утверждать никто.

А разве нашелся хотя бы один подсудимый, который оспаривал бы справедливость сообщенных нами фактов? У них нет силы их отрицать. Они лишь пытались освободиться от ответственности, переложив ее на плечи тех из числа своих сообщников, которые сами совершили над собой суд.

«Нам не было ничего известно об этих ужасах», говорят они, или же: «мы делали все, чтобы этому воспрепятствовать, но всемогущий Гитлер отдавал приказы и не допускал, чтобы ему не подчинялись, он не допускал даже ухода в отставку».

Жалкая защита! Кого они могут заставить поверить в то, что лишь им одним не было ничего известно о том, о чем знал весь мир, в то, что их служба подслушивания никогда не сообщала им об официальных предупреждениях, которые делали по радио руководители Объединенных Наций преступникам войны.

Они не могли не подчиняться приказам Гитлера, они не могли подать в отставку? Прекрасно! Но ведь Гитлер мог располагать ими самими, но не их волей: не подчиняясь ему, они, быть может, рисковали бы жизнью,

но тогда, по крайней мере, они сохранили бы честь. Трусость никогда не являлась ни оправданием, ни даже смягчающим обстоятельством.

Истина заключается в том, что все они прекрасно знали доктрину национал-социализма, так как участвовали в ее разработке, им было прекрасно известно, к каким чудовищным преступлениям приведет сторонников этой доктрины и тех, кто проводил ее в жизнь, стремление к мировому господству, и они взяли на себя ответственность за это, так как получили материальные и моральные выгоды, которыми воспользовались.

Но они твердо верили в то, что останутся безнаказанными, так как были уверены в победе, были уверены, что перед лицом торжествующей силы не возникнет вопрос о правосудии. Они убеждали себя, что так же, как это было после войны 1914 года, никакое международное правосудие никогда не сможет свершиться.

Они считали, что всегда будет сохраняться пессимистское суждение Паскаля о человеческой справедливости в сфере международных отношений: «Справедливость является предметом споров. Силу легко узнать, она неоспорима. Вот почему не смогли сделать так, чтобы справедливое было сильным, а сделали сильное справедливым».

Они ошиблись. После Паскаля медленно, но верно появились понятия Мораль и Справедливость, эти понятия обрели плоть в международных обычаях цивилизованных наций и для спасения мира от варварства. Победа Объединенных Наций утвердила сегодня союз силы и справедливости, об этом упоминает Устав, на сновании которого учрежден настоящий Трибунал, и это будет подтверждено вашим приговором.

Трибунал, несомненно, помнит, что в заключительной части изложения материалов французское обвинение уточнило ответственность всех подсудимых, «виновных в том, что, будучи главными гитлеровскими руководителями германского народа, они запланировали, одобрили, приказали совершать или же только допустили, сохранив молчание, систематические убийства и другие бесчеловечные деяния, систематические насилия над военнопленными и лицами гражданского населения, производили систематические, ничем не мотивируемые уничтожения, являвшиеся преднамеренными средствами для того, чтобы достигнуть европейского и мирового господства, к которому они стремились с помощью террора и путем уничтожения целых народов для расширения жизненного пространства германского народа».

Нам остается лишь показать, что судебное разбирательство, которое развернулось перед вами, лишь подтвердило и усилило обвинение и определение состава преступления, которые мы уже в начале процесса сформулировали в отношении главных военных преступников, представших во исполнение Устава перед этим Трибуналом для того, чтобы были удовлетворены требования справедливости и Объединенных Наций.

Я напомню факты, изложенные французской делегацией. Они свидетельствуют о том, каков был вклад, сделанный нами в настоящий процесс. Но мы вовсе не намерены выделять нашу часть из общего целого, которое составляют выступления обвинителей всех четырех делегаций и результаты судебного разбирательства. Основываясь на этом, мы продолжим нашу обвинительную речь и рассмотрим вопрос об индивидуальной ответственности подсудимых.

Последовательно рассмотренные все действия, за которые они ответственны, сводятся к убийствам, квалифицированным кражам и прочим

тяжким деяниям в отношении интересов отдельных лиц и имущества, т. е. к деяниям, которые караются во все времена во всех цивилизованных странах.

Подсудимые не являлись физическими исполнителями этих преступлений, они ограничились тем, что отдавали приказы об их совершении. Следовательно, они являются соучастниками, согласно французскому праву. За исключением некоторых различий в форме, в большинстве стран виновники тяжких преступлений и те, кто стал их соучастниками, караются смертной казнью и другими суровыми наказаниями, приговариваются к каторжным работам и тюремному заключению.

Таков и англо-саксонский порядок. Также и во Франции об этом свидетельствует применение статьи 221 и следующих статей французского уголовного кодекса. В Германии, согласно статье 21 германского уголовного кодекса, карается убийство, согласно ст. 221 — умерщвление, ст.ст. с 223 по 226 — пытки, ст. 229 — отравление и умерщвление с помощью газа, ст. 234 — обращение в рабство, порабощение, призыв на военную службу для несения ее за границей, ст.ст. 242 и 243 — кражи и грабежи, ст. 130 — подстрекательство населения к совершению насилий. Наказание соучастников и виновников предусматривается ст.ст. 47 и 49.

Аналогичные положения существуют и в советском законодательстве, а также во всех законодательствах больших цивилизованных государств.

Руководители империи, сообщники фюрера ответственны за преступления, совершенные в период их правления и их ответственность перед лицом мирового сознания является более тяжкой, чем ответственность простых исполнителей.

Двое подсудимых — Франк и фон Ширах — признали, что их ответственность более велика, чем ответственность простых исполнителей. Франк показал: «Я никогда не создавал лагерей для уничтожения евреев. Я также не способствовал тому, чтобы такие лагери существовали, но если Адольф Гитлер возложил на плечи своего народа такую страшную ответственность, то эта ответственность ложится также и на меня, так как мы на протяжении долгих лет вели борьбу с евреями, мы выступали против них с самыми различными заявлениями».

И эти последние слова Франка выносят приговор как ему, так и всем тем, кто в Германии либо за ее пределами проводил кампанию преследования евреев.

Примем к сведению также ответ Франка на вопрос его защитника касательно обвинений, выдвинутых против Франка в Обвинительном заключении. Этот ответ распространяется на всех подсудимых и более всего на тех, кто был ближе к Гитлеру, чем сам Франк: «Что касается этих обвинений, то я скажу лишь следующее, — показал Франк, — я прошу Трибунал в результате судебного разбирательства решить о степени моей виновности, но я лично хотел бы сказать, что после всего, что я увидел на протяжении этих пяти месяцев процесса, благодаря чему я смог получить общее представление обо всех совершенных ужасах, у меня создалось чувство моей глубокой виновности...».

В свою очередь фон Ширах показал:

«Вот в чем моя вина, за которую я отвечаю перед богом и перед германским народом. Я воспитывал нашу молодежь для человека, которого на протяжении долгих и долгих лет я считал вождем нашей страны. Я воспитал для него молодежь, которая видела его таким, каким видел его я.

Моя вина заключается в том, что я воспитал эту молодежь для человека, который был убийцей, который погубил миллионы людей... Каждый немец, который после Освенцима еще придерживается расовой политики, является виновным...

Вот что я считаю своим долгом сегодня заявить».

В ходе настоящего процесса такие крики, продиктованные совестью, раздавались редко; значительно чаще, подражая вздорному тщеславию Геринга, подсудимые пытались оправдаться, ссылаясь на политический неомаккиавелизм, который якобы освобождает руководителей государства от всякой личной ответственности. Отметим только, что ничего подобного не записано нигде, ни в каком законе ни одной цивилизованной страны, а, наоборот, акты произвола или посягательства на свободу личности, гражданские права и конституцию караются тем более строго, если они совершены государственным чиновником, высшим государственным служащим, и самому суровому наказанию должны быть подвергнуты сами министры.

Но ограничимся сказанным. Наше намерение заключается в том, чтобы напомнить, что основные деяния, инкриминируемые подсудимым, деяния, о которых говорилось здесь, могут рассматриваться, взятые порознь, как нарушение уголовных законов внутреннего позитивного права всех цивилизованных стран или, кроме того, международного уголовного права. Таким образом, наказание за совершение каждого из этих действий не является необоснованным, напротив, если принять во внимание изложенное выше, то можно считать провозглашенными наиболее суровые наказания.

Однако необходимо пойти еще далее, так как, несмотря на то, что анализ ответственности подсудимых в свете внутренних законов не устраняет ни одного из преступных деяний, он является лишь первой, приблизительной стадией, которая позволит нам преследовать подсудимых только как соучастников, а не как главных виновников. Мы не замедлим доказать, что они были действительно главными виновниками.

Мы надеемся достичь этого, развив три следующих положения:

1. Действия подсудимых являются элементами преступного политического плана.

2. Взаимодействие различных управлений, во главе которых стояли эти люди, предполагает тесное сотрудничество между ними в целях осуществления их преступной политики.

3. Они должны быть осуждены в связи с тем, что они проводили эту преступную политику.

ДЕЙСТВИЯ ПОДСУДИМЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ЭЛЕМЕНТАМИ ПРЕСТУПНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНА

Подсудимые занимались самой различной деятельностью. Политики, дипломаты, военные и морские специалисты, экономисты, финансисты, юристы, публицисты или пропагандисты — они представляют почти все формы свободной деятельности. Однако без затруднений можно определить связь, объединяющую их. Все они поставили на службу гитлеровского государства все, что у них есть самого лучшего или самого худшего. В определенной мере они представляли собой мозг этого государства. Взятые порознь, они не являлись мозгом всего государства. Тем не менее

ни у кого не вызывает сомнений, что каждый из них являлся важной частью этого мозга. Они замыслили политику государства. Они хотели, чтобы мысль их претворялась в действие, и все, почти что в равной степени, этому способствовали. Это справедливо как в отношении Гесса, Геринга, профессиональных политиканов, которые признали, что они никогда не имели другой профессии, нежели агитатор или государственный деятель, так и в отношении Риббентропа, Нейрата, Папена — дипломатов при этом режиме; Кейтеля, Иодля, Деница или Редера — военных; Розенберга, Штрейхера, Франка, Фрика — мыслителей (впрочем, можно ли их так называть!) — выразителей идеологии режима; Шахта, Функа — финансистов, без которых режим обанкротился бы и рухнул под ударами инфляции до того, как было начато перевооружение; публицистов и пропагандистов — Фриче и того же Штрейхера, преданно служивших делу распространения общей идеи; технических специалистов — Шпеера и Заукеля, без которых мысль никогда бы не была так претворена в действие, как это произошло; полицейских — например, Кальтенбруннера, который с помощью террора подчинял умы; либо просто гаулейтеров — Зейсс-Инкварта, Шираха или снова Заукеля — администраторов, должностных лиц и в то же время политиканов, которые облекли в конкретные формы общую политику, намеченную всей совокупностью государственного и партийного аппарата.

Я знаю, что тень отсутствующих витает над этим залом, и сегодняшние подсудимые напоминают нам об этом беспрестанно... «Гитлер хотел, Гиммлер хотел, Борман хотел», говорят они. — «Я лишь повиновался». А защитники наперебой раздувают это! Гитлер — чудодейственный тиран, навязывающий свою волю с неотразимой сверхъестественной силой. Это слишком примитивно. Это слишком общее утверждение.

Нет человека, категорически отвергающего возражения, внушения, влияния, и Гитлер, как и всякий другой, не был таким человеком. Это неопровержимо явствует из всего судебного разбирательства, которое позволяет нам догадываться о борьбе различных влияний, разыгравшихся в окружении этого «великого человека». Плелись коварные и скрытые интриги, распространялась клевета — и порой во время судебного разбирательства это заставляло нас думать о небольших дворах эпохи итальянского возрождения. Здесь было все, вплоть до убийства. Разве не так, что Геринг до того, как он сам впал в немилость, избавился от Рема и Эрнста, вступивших в заговор не против своего хозяина, а против него, как сообщил нам об этом свидетель Гизевиус. Такое воображение, такое упорство, когда речь идет о зле, а также такая эффективность — все это показывает нам, что Гитлер уже не был так нечувствителен по отношению к действиям и интригам в своем окружении. Почему бы такие интриги не использовать для доброго дела!

Относительно того, насколько Гитлер поддавался влияниям, мы слышали прямое свидетельское показание — это показание Шахта, указавшего, помимо этих людей, и на германскую толпу, в которой все разжигали нездоровые страсти и стремились уничтожить всякое собственное суждение.

Разве Шахт не так сказал во время судебного заседания о Гитлере: «Я полагаю, что сначала у него были не более чем дурные наклонности; без сомнения он думал, что он желает добра, но мало-помалу он пал жертвой поклонения, которое он внушал толпе, ибо тот, кто начинает

с развращения толпы, кончает тем, что сам бывает развращен ею. Подобные отношения между вождем и тем, кто ему подчиняется, приводят к тому, что он ошибочно подчиняется инстинктам толпы, чего должны стараться избегать все политические вожди».

Итак, в чем же заключалась основная идея, которая всех их преследовала?

Бесспорно, она заключалась в завоевании жизненного пространства всеми способами, даже наиболее преступными.

В тот период, когда Германия оставалась еще разоруженной и следовало соблюдать осторожность, Шахт, находясь в окружении Гитлера, требовал колоний, — мы помним это из свидетельских показаний Гиршфельда, — но Шахт скрывал, он частично маскировал эту основную идею государственного агитатора, к числу сторонников которого он принадлежит, и нам было бы труднее вскрыть эту основную идею, если бы к нам не пришла на помощь вызывающая смущение откровенность «великого человека», поведавшего миру еще 10 годами ранее все свои боевые планы.

Я оглашаю выдержку из «Майн Кампф»:

«Мы, национал-социалисты, должны неуклонно придерживаться наших внешнеполитических целей: обеспечить германскому народу ту территорию, которая для него предназначается. И это действие, которое вызовет пролитие крови, единственное, которое может быть оправдано перед богом и грядущими германскими поколениями; перед богом потому, что мы пришли на эту землю, чтобы зарабатывать здесь свой насущный хлеб ценой вечной борьбы, пришли как существа, которым ничего не было дано без боя и которые будут обязаны своим господствующим положением на земле лишь своему уму и отваге, благодаря которым они смогут завоевать и сохранить такое положение...

...Государство, которое в эпоху деградации рас ревностно следит за сохранением лучших элементов своей расы, должно в один прекрасный день стать господином на земле...

...Более сильная раса изгонит слабые, так как окончательный стремительный натиск вперед к жизни разорвет смехотворный путь пресловутого индивидуалистически настроенного человечества и освободит место для человечества, действующего согласно закону природы, который уничтожает слабых, чтобы предоставить их место сильным...».

...Гитлер разъяснил свою мысль в узком кругу лиц, и не все нацисты положительно восприняли его высказывания. Осведомленные о намерениях своего господина они, тем не менее, остались рядом с ним, и уже это их обрекло. Разве не так обстоят дела с Редером?

«Речь идет не о завоевании народов, а о завоевании территорий, которые могут быть культивированы...», — сказал Гитлер на совещании с фон Бломбергом, фон Фричем и Редером 5 ноября 1937 г.

«Экспансию можно осуществить, лишь сокрушая жизни и идя на риск...».

После того, как фон Фриче и фон Бломберг оказались в опале, Кейтель и Иодль, избранные благодаря их рабскому служению целям настоящего режима, получили в руки солидную военную машину. Перевооружение продолжалось. Накануне конфликта Гитлер напомнил свою идею:

«Обстоятельства должны приспосабливаться к целям, которые необходимо достигнуть. Это невозможно без вторжения в иностранные государства или без захвата чужого имущества.

Жизненное пространство, соответствующее величине государства, является основой всякой мощи. На время можно отказаться от рассмотрения этой проблемы, но она должна быть разрешена в конечном итоге тем или иным путем. Выбор таков: прогресс или упадок. Через 15 или 20 лет мы будем вынуждены найти решение. Ни один государственный деятель Германии не сможет долее избежать этого вопроса.

В настоящий момент мы пребываем в состоянии патриотического рвения, которое разделяется двумя другими государствами — Италией и Японией.

Период, который остался позади, был хорошо использован. Были предприняты все конкретные меры, находящиеся в соответствии с поставленными нами целями.

После шести лет положение на сегодня таково: политическое и национальное объединение немцев достигнуто, если не считать некоторых политических деятелей. Последующих успехов достичь нельзя без пролития крови. Данциг отнюдь не является предметом спора. Это вопрос расширения нашего жизненного пространства на Востоке и обеспечения продовольственного снабжения...

Население негерманских территорий не будет нести воинской повинности, оно будет являться источником рабочей силы. Польская проблема неразрывно связана с конфликтом на Западе». (Это — выдержка из протокола совещания, состоявшегося 23 мая 1939 г. в имперской канцелярии, на котором присутствовали Гитлер, Геринг, Редер и др., документ Л—79, США-27.)

И началась война, которая несколько месяцев спустя позволила всей Германии считать, что сила ее неотразима и она может приступить к завоеванию мира. Все, что включала в себя самого жестокого и чудовищного фраза Гитлера:

«Мы должны неуклонно придерживаться наших внешнеполитических целей: обеспечить германскому народу ту территорию, которая для него предназначается. И это действие, которое вызовет пролитие крови, является единственным, которое может быть оправдано перед богом и грядущими поколениями немцев»,— было развито Гитлером в его заявлении по вопросу о восточных территориях на совещании 16 июля 1941 г. (Л-221). «Мы утверждаем, что мы были принуждены проводить оккупацию, управлять и т. д. Никто не станет это рассматривать как окончательное наше установление. Это не помешает нам принимать необходимые меры: расстрелы, переселение и т. д.».

И далее: «Партизанская война даст нам одно преимущество: она позволит нам искоренить всех тех, кто оказывает нам сопротивление»...

Эта же идея была подхвачена и цинично провозглашена другими рупорами государства, ее донесло к нам на данный процесс.

В одной из своих речей Гиммлер заявил (документ ПС-1919):

«То положительное, что могут предложить нам нации благородной крови, мы, в случае необходимости, воспримем, взяв воспитание их детей, и будем воспитывать их среди нас».

В той же речи: «Процветают ли нации или издыхают от голода — интересует меня лишь постольку, поскольку мы можем использовать их как рабов в интересах нашей цивилизации.

Пусть 10 000 русских женщин падут от истощения, делая противотанковый ров, это меня интересует лишь постольку, поскольку этот ров должен быть закончен для Германии».

Из той же речи: «Если кто-нибудь придет и скажет мне: «я не могу сделать противотанковый ров с помощью женщин и детей, это бесчеловечно, это их погубит»,— то я отвечу ему: «Вы убийца людей вашей крови, так как, если этот ров не будет закончен, то германские солдаты погибнут, а они — сыновья германских матерей».

Из той же речи по вопросу об истреблении евреев: «Мы истребили микроб. Мы не хотим дольше терпеть такой заразы и умирать от нее. Мы выполнили этот долг из любви к нашему народу. Наш дух, наш характер не пострадали от этого».

Завоевание жизненного пространства, т. е. территорий, население которых было ликвидировано всеми возможными средствами, в том числе — путем его уничтожения — вот в чем заключалась основная идея партии, режима, государства, а, следовательно, и этих людей, стоявших во главе важнейших государственных и партийных органов.

Вот та основная идея, в служении которой они объединились, во имя которой они прилагали свои усилия. Все средства были хороши для ее осуществления: нарушение договоров, вторжение и порабощение в мирное время слабых и миролюбивых соседей, ведение агрессивных тотальных войн со всеми теми ужасами, которые за ними скрываются. Во всем этом они принимали духовное и физическое участие; Геринг и Риббентроп в этом цинично признались, а генералы и адмиралы всеми силами содействовали этому.

Шпеер использовал, вплоть до полного истощения и гибели, рабочую силу, которую набирали для него Заукель и Кальтенбруннер, гаулейтеры и генералы. Кальтенбруннер использовал газовые камеры, для которых Фрик, Ширах, Зейсс-Инкварт, Франк, Иодль, Кейтель и другие поставляли жертвы. Но создание этих газовых камер стало возможным из-за разработки соответствующей политической теории, за которую ответственны все: Геринг, Гесс, Розенберг, Штрейхер, Фрик, Франк Фриче, даже сам Шахт. Разве он не сказал:

«Я хочу, чтобы Германия стала великой, и для этого я готов заключить союз с самим чортом».

Он заключил этот союз и с чортом и с адом... Ответствен даже Папен, который видел, как умерщвляли его секретарей, друзей, он продолжал тем не менее принимать официальные назначения в Вену и Анкару, потому что, как он полагал, служа Гитлеру, он его умиротворял.

Не все находятся здесь, среди отсутствующих виновных имеются мертвые и живые, например, промышленники, использовавшие рабочую силу порабощенных стран после того, как они привели Гитлера и его режим к власти, предоставив деньги, без которых ничто не могло бы свершиться; эти промышленники привели их к власти из националистического фанатизма, а также и потому, что они надеялись, что нацизм будет стоять на страже их интересов.

Одно опиралось на другое, все было неразрывно связано, так как политика тоталитаризма, тотальная война, подготовка и проведение плана уничтожения народов для завоевания жизненного пространства — все это требовало согласованной тесной связи между всеми органами власти.

Теперь мы приступаем ко второму положению, которое мы должны раскрыть.

КООРДИНАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ РАЗЛИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ВО ГЛАВЕ КОТОРЫХ СТОЯЛИ ЭТИ ЛЮДИ, ОПРЕДЕЛЯЕТ ТЕСНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ НИМИ

Защита пытается установить существование непроницаемых перегородок между различными составными частями германского государства. Если в это поверить, то, значит, согласиться с тем, что существовали лишь параллельные и лишь вертикальные нити между различными государственными и партийными органами, между управлениями министерств и между национал-социалистскими организациями. Связь якобы осуществлялась лишь самим главой государства, стоявшим на верху иерархической лестницы. Согласно заявлению защиты господствующим принципом в структуре германского государства якобы являлась связь, осуществлявшаяся одним лицом, а не согласованность и сотрудничество.

Это неверно. Это противоречит принципам нацистского государства, противоречит нуждам государства, в котором все силы были направлены к достижению одной цели, а также противоречит той германской действительности, которую выявило судебное разбирательство...

... Примеров этому множество, и эти примеры можно найти во всех государственных учреждениях...

... Во всех террористических мероприятиях, направленных против интеллигенции, были замешаны Риббентроп и Кальтенбруннер; СД и Вильгельмштрассе[1] также были замешаны в организации нападения на радиостанцию в Глейвице, что должно было послужить предлогом для нападения на Польшу. Из отчетов германской военной администрации о разграблении произведений искусства во Франции явствует, что виновниками являются как специальный штаб Розенберга, так и германское посольство в Париже (документ РФ-1505). Вильгельмштрассе и армия действовали совместно с полицией в мероприятиях против заложников, в карательных действиях и в угоне населения. Можно было бы умножить эти примеры. Мы не намереваемся исчерпывающе осветить этот вопрос, а лишь хотим наглядно подтвердить наше мнение по нему.

Рассмотрим теперь деятельность организации Розенберга. Розенберг, в соответствии с возложенными на него функциями, координировал деятельность различных ответвлений германского государства. Его внешнеполитическое управление было включено в министерство иностранных дел. Помимо этого, он был идеологом режима, министром по делам восточных оккупированных территорий и начальником специального штаба, который ведал произведениями искусства. В сотрудничестве с ним действовали СД и тайная полиция (документы Л-188 и 946-ПС).

Следует отметить, что в вопросе о принудительном использовании рабочей силы внутри государства существовали такая же связь и такая же согласованность. Их осуществляли все министры и высшие должностные лица, как, например, гаулейтеры, либо потому, что они замыслили или подготовили это мероприятие, или лишь потому, что они оказали поддержку в проведении этого мероприятия, либо, наконец, потому, что им это было выгодно.

---

[1] Местопребывание германского министерства иностранных дел.—Составители.

Мы помним межминистерские совещания в Берлине по этому вопросу и совещание Заукеля, Кальтенбруннера, Шпеера, Функа и представителей ОКВ, которые описываются в документе ПС-3819; мы помним о совещании в Париже под председательством Заукеля, в котором участвовали представители армии, полиции и посольства (документ РФ-1517)...

... Во время войны под руководством Функа осуществлялось тесное сотрудничество между экономическими и административными управлениями армии и министерства экономики (документ РФ-3-бис). Для развития планов экономической германизации министерство экономики привлекло полицию (документ РФ-803 и 804). Министерство финансов субсидировало организацию СС для проведения научных экспериментов над заключенными, принудительно используя их для этих опытов (Л-002-ПС). Задолго до войны под руководством Шахта аналогичные связи, сначала скрытые, а затем гласные и гораздо более тесные, чем в какой-либо другой стране мира, объединяли политику, финансы и экономику с армией. В своей речи 29 ноября 1938 г. Шахт так высказался о проделанной им работе:

«Возможно, что ни один из эмиссионных банков в мирное время не проводил такой смелой политики в вопросах кредита, как рейхсбанк со времени пришествия национал-социалистов к власти... Однако с помощью этой политики Германия создала лучшее в мире вооружение, и это позволило нашей политике добиться желаемых результатов...».

В области права также не существовало большей независимости. Министерство юстиции совместно с полицией принимало участие в наиболее преступных деяниях. В документе ПС-654 приводится обсуждение, состоявшееся между Тираком, Гиммлером и другими, во время которого было решено, что антисоциальные элементы и заключенные концлагерей, цыгане, русские, украинцы, поляки, приговоренные к заключению на срок более трех лет, будут в дальнейшем передаваться Гиммлеру для их истребления путем использования на работах и что в будущем лиц, принадлежащих к этим же категориям, больше не будут предавать обычным судам, а будут немедленно направлять в органы Гиммлера.

Наконец, во время войны террористическая деятельность армии и государственной и тайной полиции переплеталась. Иногда полиция подчинялась армии, действуя более или менее самостоятельно в соответствии с приказами РСХА. Таково было положение в Бельгии. Во Франции, несмотря на то, что полиция была независима от армии, между ними существовало тесное сотрудничество. Вместе с ЗИПО и СД армия принимала участие в преследовании евреев, в управлении лагерем для интернированных в Компьене, в отборе заложников (РФ-1212 и 1212-бис) и в их казни (РФ-1244). Как мы это рассмотрели, армия и полиция совместно участвовали в террористических мероприятиях, направленных против мирного населения. Органы военно-морского флота и полиция также объединялись для уничтожения «командос», а полиция умерщвляла некоторые категории военнопленных, несмотря на то, что все военнопленные находились в ведении ОКВ (документ ПС-1165).

Можно было бы умножить число примеров тесного сотрудничества партийных органов и государственных учреждений, согласованности их действий, доходившей иногда до симбиоза. Все эти органы стремились тем или иным путем реализовать ведущую политическую идею — завоевать жизненное пространство любыми средствами.

Из этого безусловно явствует, что существовало сотрудничество между подсудимыми. Помимо точных фактов, свидетельствующих о сотрудничестве, которые были нами приведены, то, что нам известно об общем функционировании тотального государства, связанного с судьбами партии, об его непреклонной суровости в отношении оппозиции, для которых были уготованы концлагери и газовые камеры, — все это позволяет нам утверждать, что подсудимые в качестве министров, сановников или высших чиновников, облеченных властью государством или партией, образовали одно целое вместе с другими, которых здесь нет, и которые или мертвы или предназначены для последующего судебного преследования. Этим единым целым являлось правительство рейха, этим единым целым являлось партийное государство или государственная партия; возможно, это было единым существом, но существом сознательным и преступным, которое для того, чтобы безгранично расширить пределы империи, заставляло истреблять миллионы людей.

Действия подсудимых не ограничиваются лишь теми деяниями, которые мы только что подробно разбирали в свете внутреннего уголовного законодательства наших стран и стран подсудимых. Делом их рук также являются все действия германского государства, которому они отдали жизнь, совесть, мысли, волю, за что они теперь должны в полной мере и до конца нести ответственность ввиду того, что они не смогли сами избежать совершения этих преступлений.

Мы подходим к третьему положению:

ПОДСУДИМЫЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОСУЖДЕНЫ В СВЯЗИ С ТОЙ ПРЕСТУПНОЙ ПОЛИТИКОЙ, ИНИЦИАТОРАМИ И ОРУДИЕМ КОТОРОЙ ОНИ ЯВЛЯЛИСЬ

Разве не заявил доктор Зайдль, защищающий Франка, следующее (стр. 55 его речи):

«Является признанным принципом, а этот последний явствует из положений уголовного права всех цивилизованных наций, принцип, согласно которому однородные и естественные действия должны оцениваться в целом, и что следует дать оценку всем обстоятельствам, которые могут быть рассмотрены для того, чтобы создать основу для вынесения приговора».

Все преступления подсудимых связаны с их политической жизнью. Эти преступления являются, как мы знаем, составными частями преступной политики государства. Рассматривать подсудимых как уголовных преступников, забыть о том, что они действовали от имени германского государства и в интересах этого государства, применить по отношению к ним те же нормы, как к хулиганам и убийцам, означало бы уменьшить масштабы настоящего процесса, неправильно определить характер их преступлений.

Преступления, которые обычно рассматриваются в судах наших стран, являются нарушениями общественного порядка. Эти преступления являются деяниями отдельных лиц. Их масштабы носят ограниченный характер. Их последствия — также. Эти преступления к тому же затрагивают лишь небольшое число жертв, и в архивах наших стран нельзя обнаружить примеры методических убийств, совершенных террористическими органи-

зациями, жертвами которых явилось бы более ста человек. Таковы самые значительные преступные заговоры, которые создавались в наших странах. Это произошло также потому, что организация, расстановка и полномочия общественных сил и правовых институтов наших стран могут обуздать преступников еще до того, как они в полной мере осуществят свои преступные намерения.

Эти подсудимые захватили германское государство и превратили его в разбойничье государство, подчинив своим преступным намерениям всю исполнительную мощь государства. Они действовали в качестве начальников или руководителей политического, дипломатического, юридического, военного, экономического и финансового штабов. Деятельность этих штабов обычно согласуется в любой стране ввиду того, что они преследуют общую цель, намеченную общей политической идеей. Но мы знаем, что в национал-социалистской Германии эта согласованность была усиленной из-за взаимного проникновения партийных и административных органов. Преступления отдельных лиц превратились в общие преступления, став преступлениями государства. К тому же они явились результатом политических устремлений каждого: «Завоевать жизненное пространство любой ценой».

Государственные преступления, совершенные кем-либо из тех, кто контролировал одно из главных учреждений, могли быть совершены только потому, что этому содействовали все руководители всех прочих основных учреждений и оказывали этому поддержку. Если бы некоторые учреждения уклонились от этого, это вызвало бы крушение государства, уничтожение его преступной мощи и в итоге положило бы предел газовым камерам или сделало технически невозможным их создание. Но ни одно из учреждений не хотело уклониться, так как газовые камеры и уничтожение в целях приобретения жизненного пространства являлись выражением высшей идеи режима, а этим режимом были они сами.

Разве доказательством этого единства в преступлении нам не служат заявления самих подсудимых, их постоянные усилия и постоянные попытки их защитников доказать, что их учреждения были автономны, для того, чтобы свалить ответственность армии на полицию, министерства иностранных дел на главу правительства, управления по использованию рабочей силы на управление по четырехлетнему плану, ответственность гаулейтеров на генералов,—одним словом, для того, чтобы заставить нас поверить в то, что в Германии все происходило под отдельными «колпаками», в то время, как взаимная зависимость государственных и партийных органов и сложная система многочисленных органов связи и контроля, существующих между государством и партией, свидетельствуют об обратном.

...Таким образом, господа Судьи, с помощью фактов и помимо какого-либо юридического толкования заговора и сообщничества, которое, возможно, может явиться предметом обсуждения в зависимости от различного юридического мышления, мы представляем вам доказательство солидарности и общей виновности всех подсудимых в совершенном преступлении.

Для доказательства того, что они действительно совершили преступления, достаточно того, что они, являясь руководителями и высшими должностными лицами партии или одного из главных государственных органов, а также того, что, действуя в интересах государства, они для того,

чтобы содействовать расширению германского жизненного пространства любыми средствами, замыслили, выразили желание, приказали или же только способствовали, сохраняя молчание, чтобы договоры, обеспечивающие независимость других стран, были нарушены, чтобы были подготовлены и развязаны агрессивные войны, чтобы систематически совершались массовые убийства и прочие зверства, чтобы систематически производились ничем не мотивируемые опустошения и грабежи.

Это преступление является преступлением германской империи, и все подсудимые содействовали его совершению. Мы покажем это в отношении каждого подсудимого на материалах судебного разбирательства.

В отношении каждого подсудимого высказанные три основных положения сводятся к следующему:

1. Каждый подсудимый занимал в государственном и партийном аппарате видное положение, которое предоставляло ему власть над целыми учреждениями или несколькими учреждениями.

2. В том случае, если подсудимый и не замышлял «завоевания жизненного пространства любыми средствами», тем не менее он был согласен с этой установкой режима.

3. Он своей собственной деятельностью принял личное участие в политическом развитии этой установки.

В отношении Геринга и Гесса, без сомнения, Трибунал освободит меня от пространного изложения этих положений. Они являлись назначенными преемниками фюрера. Они примкнули к движению с самого начала. Гесс взял на себя ответственность за расовые законы. И тот и другой содействовали проведению в жизнь политической идеи режима, которую они олицетворяли в глазах масс. Своими речами, своими докладами они распространяли эту идею во всех кругах населения.

Геринг активно содействовал экономической подготовке и ведению агрессивных войн.

Он является создателем гестапо и концентрационных лагерей, в которых погибли миллионы предполагаемых противников режима и в которых был осуществлен почти весь геноцид.

Значительная часть его преступной деятельности связана с проведением четырехлетнего плана, который, согласно представленным доказательствам, был направлен на подготовку к войне. Так же, как и другие, он ответствен за угон рабочих, за жестокости по отношению к ним, за их назначение на работу в производство, которое было направлено против их собственных стран. Помимо этого, он участвовал в назначении военнопленных и политических заключенных на работы, непосредственно связанные с военными усилиями империи. Он организовал уничтожение и разграбление народного хозяйства оккупированных стран.

Он также организовал с помощью особого штаба Розенберга разграбление в крупных масштабах произведений искусства, часто для того, чтобы пополнить свои собственные коллекции.

Декретом фюрера от 30 мая 1932 г. Гесс получил полномочия разрешать все вопросы партийного руководства. Он принимал участие в подготовке всех законов и декретов и даже в предварительной разработке приказов фюрера. Он участвовал в назначении правительственных чиновников и руководителей по использованию рабочей силы. Он обеспечивал контроль партии над внутренней жизнью Германии. Он оказывал непосред-

ственное влияние на армию и на внешнюю политику. Участие, которое он принимал в развитии антисемитизма, распространяет на него ответственность за преступные последствия этого движения.

Риббентроп был одной из важнейших пружин в механизме партии и государства. Он был назначен на Вильгельмштрассе Гитлером, который относился с недоверием к дипломатам «старой школы» и прилагал все усилия, чтобы создать благоприятную дипломатическую обстановку для агрессивных войн, что являлось важным средством для завоевания жизненного пространства. Мы помним документ, предъявленный нашими британскими коллегами, из которого явствует, что Риббентроп заверял Чиано в августе 1939 г., что Германия будет воевать, даже если ей уступят Данциг и коридор. Как это было указано, он был замешан вместе со своими органами в террористических действиях и в уничтожении населения оккупированных стран.

В отношении ответственности Кейтеля мое выступление будет также кратким. Условия, при которых он занял по указанию Гитлера посты, которые ранее занимали фон Фрич и фон Бломберг во главе верховного командования армии, его вступление в состав правительственных советов и его политическая активность на этих постах, выражавшаяся в том, что он вместе с фюрером был в Газесберге, позднее участвовал с ним в переговорах с Петэном и Хорти, а также в подписании приказов, из которых инструкция к приказу «Мрак и туман» не является наименее известной,— все это показывает, что речь не идет о рядовом военном, но о генерале — политическом деятеле.

Приговором ему служит та роль, которую он играл в арестах и убийствах патриотов. Он, вне всякого сомнения, участвовал в уничтожении некоторых категорий военнопленных, как, например, в передаче их для специального обращения полиции. Более того, мы не забыли о связи его управления с полицией и с вооруженными силами партии. У всех нас живы в памяти последствия сотрудничества его учреждений с гестапо.

Кальтенбруннер вступил в партию и в СС в Австрии в 1932 году. Он был государственным секретарем по вопросам безопасности и в австрийской полиции, а затем начальником полиции Вены и начальником РСХА с 30 января 1943 г. вплоть до капитуляции. В течение этого последнего периода он был ответственным за деятельность гестапо, полиции, СД и концентрационных лагерей.

Он был одним из важнейших элементов в преступном аппарате, в проведении политики уничтожения и геноцида. Его ответственность за массовые убийства доказана. Он издавал приказы о заключении в концлагери и о казнях.

Как он заявлял, «меры, связанные с помещением в превентивное заключение, оправдываются войной».

Он пытался заставить поверить, что он был против тех мер, которые применялись. В это невозможно поверить, нам хорошо известно, что он осуществлял верховную власть над лагерями.

Нам известно, сколь важное место занимал Розенберг в Третьей империи. Одно из учреждений носило его имя. Помимо этого он был министром по делам восточных оккупированных территорий и пропагандистом. В своей книге «Кровь и честь» он использовал и развил положение, согласно которому пресловутой германской расе должно принадлежать

жизненное пространство. Исходя из ни на чем не основанных утверждений о том, что «распространение нордизма создаст основу для развития человечества» и что «повсюду существует упадок в том случае, когда эта нордическая культура вместо того, чтобы обречь на постоянное рабство азиатов и семитов, соединяется с этими нечистыми элементами»,—он заключает, что континент должен быть подчинен идее германской расы и самой германской расе.

Темой его речи, произнесенной в Нюрнберге в 1933 году, было то, что Германия должна любыми средствами достигнуть расовой чистоты. Он предусмотрел истребление евреев, и мы знаем, что это не было лишь простым ораторским приемом. Кроме того, в докладе фюреру от 11 августа 1943 г. (документ 042-ПС) он писал:

«Меры, направленные на то, чтобы не способствовать росту населения на Украине, и для того, чтобы не применять статью 218 германского уголовного кодекса, начали рассматриваться в прошлом году, и их рассмотрение было возобновлено в связи с поездкой директора министерства здравоохранения...

На Украине меры по предупреждению эпидемий были предприняты не в интересах других народов, но исключительно для охраны германских оккупационных сил и для сохранения рабочей силы, используемой в интересах германской военной экономики».

Наконец, Розенберг был замешан в агрессии против Норвегии и с помощью своего особого штаба производил систематическое разграбление художественных ценностей Европы.

Франк одним из первых вступил в партию. Он являлся ее консультантом по правовым вопросам и участвовал в составлении ее программы. Он также был советником фюрера. Он был министром юстиции в Баварии, затем имперским министром, которому было поручено согласование юридических вопросов в Германии, и, наконец, он был генерал-губернатором Польши. Он был одним из важнейших элементов государственного механизма. Именно он пытался облечь в юридическую форму государственную и партийную программу преследования и уничтожения людей. В 1936 году он защищал в «Журнале германского права» создание концентрационных лагерей и объявил, что вторым основным законом гитлеровской Германии является расовое законодательство. Его личная деятельность в Польше способствовала уничтожению большого числа поляков. Он этим кичился на протяжении всего своего дневника.

Фрик был членом партии с 1925 года. Он стал рейхслейтером, затем генеральным уполномоченным по имперской администрации с 30 января 1933 г. по 20 августа 1943 г. Он возглавлял учреждение по присоединению Австрии к Германии, по включению в состав империи Судетской области, Мемеля, Данцига, территории на Востоке, Эйпена, Мальмеди и Моренэ. Кроме того, он был директором Центрального управления протектората Богемии и Моравии, генерал-губернаторства Нижней Штирии, Верхней Каринтии, Норвегии, Эльзаса, Лотарингии и всех остальных оккупированных территорий. Более года он был протектором Богемии и Моравии. С момента захвата власти он был имперским министром внутренних дел, он был членом совета обороны. Будучи избран в рейхстаг, он в 1924 году предложил издать антисемитские законы. Сохраняя полнейшее повиновение, он неоднократно был рупором политической мысли режима...

... Это он, Фрик, назначил Гиммлера. Фрик ответственен за антисемитское законодательство. Наконец, он заставил подвергнуть стерилизации людей, принадлежащих к цветным расам. Помимо этого, он приказал уничтожать всех душевнобольных, признанных неизлечимыми.

Штрейхер вступил в партию почти сразу же после ее основания. Он отдался целиком необузданной пропаганде против евреев как в своих выступлениях, так и в статьях и призывал немецкий народ преследовать и истреблять евреев. Он был гаулейтером. Он не отказывается от того, что было сделано.

Он показал:

«Если ознакомиться с тем, сколь глубокой была личность фюрера, так, как это узнал я, и, если учесть (что я узнал потом из его завещания), что он умышленно отдал приказ об истреблении евреев,— в таком случае я заявляю — он имел право на это».

Функ вступил в партию в 1931 году. Он был награжден золотым значком партии. Он возглавлял печать в империи, был статс-секретарем по пропаганде и, наконец, в 1937 году — заместитель Шахта в министерстве экономики. В 1941 году он был назначен главным уполномоченным по экономике и президентом рейхсбанка.

В 1932 году он был посредником между Гитлером и рядом руководителей германской промышленности. Он участвовал в совещании промышленников 20 февраля 1933 г., созванном Герингом для получения политической и финансовой помощи у промышленников для проведения нацистской программы.

Функ показал 4 мая 1946 г.:

«Как статс-секретарь по пропаганде, я официально несу ответственность. Я, естественно, покровительствовал пропаганде, как это делал каждый, занимавший ответственное положение в Германии, так как пропаганда заполняла и проникала во все тайники духовной жизни народа...».

Он требовал, чтобы евреи были сняты с ответственных должностей.

Он издавал декреты для того, чтобы провести эту мысль в жизнь. Он получил от эсэсовцев склады золотых зубов и драгоценностей, принадлежавших жертвам массовых истреблений. Наконец, он создал военную экономику и подписал секретный закон от 4 сентября 1938 г.

Дениц был главнокомандующим военно-морского флота. Он был преемником Гитлера вместе с Зейсс-Инквартом, ставшим министром иностранных дел. Он получил золотой партийный значок. Бесспорно то, что он выражал согласие с преступной политикой режима...

...Он рекомендовал использовать на работах заключенных лагерей уничтожения для того, чтобы, как он говорил, производительность труда превысила 100 процентов. Как он сам заявил, он провозгласил тотальную подводную войну и приказал своим морякам «быть жестокими», не принимать в дальнейшем мер по спасению утопающих. Наконец, он одобрял и поощрял убийства коммунистов.

Редер был главнокомандующим военно-морского флота до Деница. Он участвовал в совещаниях у Гитлера, во время которых тот развивал свои планы. На протоколах этих совещаний им были сделаны пометки. Он поставил флот на службу нацистского режима. Он осуществлял тайное

перевооружение и принимал участие в подготовке агрессии против Польши и Норвегии. Известно, что он пренебрегал положениями международного права. Это явствует из его докладной записки от 15 сентября 1939 г. (УК-65).

Ширах был членом партии с 18 лет. Он вступил в партию в 1925 году: был руководителем гитлеровской молодежи с 1931 года по 1940 год, гаулейтером Вены вплоть до капитуляции, был одной из важнейших фигур режима. Это он, Ширах, сформировал немецкую молодежь в соответствии с идеологией партии и взял на себя ответственность за последствия единственной тогда формы воспитания. Он разрешил Гиммлеру вербовать эсэсовцев из рядов гитлеровской молодежи.

Начиная с 1943 года, согласно его собственному признанию, ему было известно об обращении с евреями, но он уже с давних пор придерживался весьма определенной позиции в отношении этого вопроса и вел активную антисемитскую пропаганду.

Заукель вступил в партию в 1925 году; был гаулейтером Тюрингии, уполномоченным по использованию рабочей силы; ему было присвоено почетное звание обергруппенфюрера СС, и он занимал видное положение в партийно-государственном аппарате.

Будучи ярым пропагандистом, он произнес более 500 речей, посвященных развитию национал-социалистской идеологии. Он одобрял политику истребления. Он заявил:

«Что касается истребления антиобщественных элементов, то Геббельс считает, что мысль о том, что их следует истреблять использованием на работах, является лучшей из всех возможных по этому вопросу» (документ 682-ПС).

Он также заявил:

«... Фюрер сказал, что мы должны пересмотреть свои школьные понятия относительно переселения народов... и желание фюрера заключается в том, чтобы через 100 лет, начиная с сегодняшнего дня, 250 миллионов людей, говорящих на немецком языке, были размещены в Европе» (документ 025-ПС).

Он принимал активное личное участие в подготовке истребления. Он сказал по этому вопросу 18 мая 1940 г.:

«Добиться хороших результатов в производстве можно только путем экономичного использования рабочей силы».

Не считая миллионов граждан других стран, он принудил около двух миллионов французов принимать участие в работах на военные нужды. Для их вербовки он прибегал к силе и вмешательству полиции, СС и армии.

«Я доверил,— как он заявил,— исполнительную власть в отношении рабочей силы нескольким толковым людям под руководством верховного начальника СС и полиции. Я вооружил и обучил их, и я должен просить министерство вооружения снабдить их необходимым обмундированием...».

Альфред Иодль был начальником оперативного штаба ОКВ. Он так же, как и Кейтель, пользовался полным доверием фюрера. Он принимал участие в последовательной разработке агрессивных планов. Его вдохновляло на служение Гитлеру то обстоятельство, что при Гитлере состояли такие консерваторы, как Нейрат, Папен и Шахт. Он передал 22 марта 1943 г. приказ относительно угона евреев из Дании и помещения их в заключение

в Германии, он также обеспечил исполнение приказа Гитлера относительно уничтожения «командос» (приказ от 18 октября 1942 г.).

Он принимал участие в обсуждении мер против летчиков со сбитых самолетов. Он подписывал директиву верховного главнокомандования армии относительно «борьбы с бандами», директиву, содержащую предписания, противоречащие законам человечности.

Папен подготовил приход Гитлера к власти. В связи с составом его кабинета 30 мая 1932 г., деятельность последнего не соответствовала обычной деятельности парламентских институтов. Второго июня он издал приказ о роспуске рейхстага и одновременно предоставил полную свободу гитлеровскому террору. Он заявил о своей встрече с Гитлером в июне 1932 года:

«Я согласился с требованиями Гитлера относительно предоставления права ношения формы членам СС и СА».

Тем не менее, он не строил иллюзий относительно последствий для своей партии в связи с гитлеровским движением, которому он сам дал толчок, но он предпочитал Гитлера демократии. После выборов 30 июля он принял меры для того, чтобы заставить Гинденбурга признать Гитлера, и в течение ноября месяца ему это удалось.

В отношении расовой проблемы Папен занял весьма благосклонную и весьма определенную позицию.

...У нас всех живы в памяти выдержки из его речи в Глейвице в 1934 году.

...Папен служил партийно-государственному аппарату вплоть до капитуляции, и его деятельность не прерывалась ни в связи с убийствами, ни с арестами его сотрудников, в чем были виновны государство и партия.

Зейсс-Инкварт стал членом национал-социалистской партии 13 марта 1938 г. Он занимал различные посты как в самой партии, так и в правительстве и, наконец, стал заместителем губернатора Польши, а затем имперским комиссаром Голландии. Он заявил (я цитирую документ 2219-ПС):

«... я непоколебимо и неразрывно связан с тем, во что я верю: в великую Германию и фюрера».

В своей речи от 23 января 1939 г. он заявил:

«... задача поколения, т. е. движущая сила народа, рассматривается нами как создание и сохранение жизненного пространства, культуры и экономики этого народа».

Он также заявил:

«... все наше поколение должно поставить перед собой задачу, чтобы вся территория по реке Висле, а не только захваченные на Востоке территории, должна быть заселена немцами... Нынешняя Словакия, нынешняя Венгрия и нынешняя Румыния должны быть реорганизованы.

Ситуация мне кажется подходящей... Я думаю, что вся эта территория должна находиться под единым германским руководством». (Выдержка из письма Зейсс-Инкварта Борману от 20 июля 1940 г., документ ПС-3645.)

Зейсс-Инкварт работал для того, чтобы претворить в жизнь основную политическую идею партии: завоевать пространство любой ценой. Он при-

лагал все силы для аннексии Австрии, выходцем из которой он был (он признался в том, что в течение 20 лет работал для осуществления идеи аншлюсса). Доказано, что им было заключено соглашение с Конрадом Генлейном относительно присоединения территории Судетской области к Германии. Наконец, что касается Нидерландов, то он политически и экономически связал эту страну с империей, отдавая приказы. Кроме того, он также несет индивидуальную ответственность за систематический грабеж в Голландии, за высылку части населения и за те мероприятия, которые привели к голоду.

Шпеер вступил в партию в 1933 году. Он стал личным архитектором Гитлера и в качестве такового стал пользоваться его полным доверием. Он возглавлял организацию Тодта с февраля 1942 года. Был начальником отдела вооружения в управлении по четырехлетнему плану с марта 1942 года и с сентября 1943 года был министром вооружения. Он был одним из важнейших деятелей государства и партии. Шпеер эксплуатировал в организации Тодта больше миллиона человек и только в одном Руре более 50 000 французов, угнанных в 1943 году. Он ответствен за зверское обращение с иностранными рабочими на германских заводах, в частности на заводах Круппа. Он использовал более 400 000 военнопленных на военных заводах, нарушая существующие конвенции. Его уполномоченным вменялось в обязанность при посредстве ОКВ посещать концентрационные лагери и отбирать там квалифицированных рабочих. По его собственному признанию он использовал более 32 000 человек из числа заключенных концентрационных лагерей.

Он посетил лагерь Маутхаузен и разделяет ответственность за угон евреев в специальные трудовые лагери, где их уничтожали, а также за угон 100 000 венгерских евреев на авиационные заводы.

Нейрат, министр иностранных дел с 1932 года, остался на этой должности и после захвата нацистами власти в 1933 году. Он оставался на этом посту до 1939 года. И он и его учреждения были введены в состав партийно-государственного аппарата по мере того, как этот аппарат создавался.

Так как он был членом правительства с самого начала его образования, ему была известна политическая идеология движения. Если он пытается утверждать, что был потрясен в 1937 году, когда узнал, что Гитлер собирается предпринимать агрессивные меры, то он, тем не менее, не покинул своего поста и ничего не предпринял для того, чтобы разубедить Гитлера. Напротив, именно он благосклонно отнесся к мысли о занятии левого берега Рейна, вдохновил на этот шаг, явившийся первым этапом агрессивных войн в целях захвата жизненного пространства, Гитлера. Он оставался имперским министром вплоть до самого конца.

Так как сам Нейрат был консерватором, его участие в правительстве вдохновляло консервативную Германию на сотрудничество с Гитлером. Будучи важнейшим элементом партийно-государственного аппарата, фон Нейрат был тесно с ним связан в преступлениях, заключавшихся в уничтожении людей, о чем ему было известно.

31 августа 1940 г. он направил доктору Ламмерсу два меморандума: один из них был составлен им самим, а другой — статс-секретарем Франком. Оба эти меморандума предусматривали полную германизацию Богемии и Моравии, а также истребление чешской интеллигенции.

Один из этих меморандумов, ответственность за которые Нейрат признает потому, что он их пересылал (это документ 3859-ПС), содержит следующие строки:

«Все, что относится к вопросу устройства Богемии и Моравии, должно быть направлено к одной цели, которая ставится в отношении этой территории, цели, определяющейся политическими и национал-политическими соображениями.

С точки зрения политической существует только одна цель: полное включение в великую Германию. С точки зрения национал-политической — заселение этой территории немцами. Беглый взгляд с точки зрения политической и национал-политической на современное положение, каким оно является по наблюдениям и по опыту со времени аннексии, указывает путь, который надо избрать для достижения этой ясной и вполне определенной цели.

Положение таково, что надо будет принять определенное решение в отношении судьбы чешского народа и достигнуть цели, заключающейся в полном присоединении этой страны и возможно быстром и полном заселении ее немцами».

Ф р и ч е работал в партии до захвата власти, но вступил в нее только в 1933 году и вскоре стал известным пропагандистом. Во время войны он был руководителем управления по радиовещанию. Выражая основную идею режима, он подстрекал к убийству евреев.

Кроме того, своими неоднократными выступлениями он стремился внедрить в умы немецкого народа мысль о том, что евреи и демократия подвергают опасности самую жизнь этого народа и поэтому народ должен полностью полагаться на дальновидных людей, которые им руководят.

Ш а х т занимает особое положение.

Я более подробно остановлюсь на его деле. Он хочет представить себя жертвой режима и делает вид, что удивлен тому, что находится на одной скамье с Кальтенбруннером, который был его тюремщиком. Шахт заявил, что он не симпатизировал программе партии. Однако бывший министр Зеверинг показал на судебном заседании 21 мая 1946 г., что в 1931 году он узнал из сообщения полиции Берлина, что Шахт вел переговоры с руководителями партии. Он также добавил, что отношения между Шахтом и представителями плутократии и милитаризма казались ему чрезвычайно компрометирующими и что он никогда бы не вступил в один кабинет с Шахтом.

Нам известно, что с 1930 года Шахт вступил в деловые отношения с Гитлером и предоставил ему свои кредиты в Германии и за границей. Национал-социалисты использовали их в широких масштабах. В октябре 1931 года на совещании национального фронта в Гарцбурге Шахт занял место рядом с Гитлером, Гугенбергом и Зельдтом. Он предпринимал попытки ввести Гитлера в правительство Брюннинга. В результате совещания крупнейших промышленников у Геринга, на котором выступал Гитлер, он организовал финансирование выборов в марте 1933 года, имевших решающее значение (документ США-874). С момента захвата власти Шахт играл видную роль в аппарате партии и правительства. Он стал председателем рейхсбанка и министром экономики.

19 января 1939 г. он оставил свой пост в рейхсбанке и стал имперским министром. Он оставался на этой должности до 21 января 1943 г.

Ловкий, изворотливый, он умел прикрывать свои мысли личиной иронии или наглости, он никогда не был вполне откровенен.

Тем не менее, также установлено, что он настойчиво требовал расширения германского жизненного пространства. Когда он пытался ввести в заблуждение, говоря о требовании колоний, и его собеседники обращали внимание на то, что никакие колониальные приобретения при существующем положении вещей не могут помочь Германии в разрешении ее внутренних проблем, он не обращал на это внимания.

Он умел применять угрозы в отношении демократических государств, прибегал даже к запугиванию с помощью шантажа. Во время одной из своих поездок в Америку после одного из успехов партии он заявил: «Я предупредил вас в самой определенной форме, сказав: если вы, иностранцы, не измените своей политики в отношении Германии, то скоро будет гораздо больше членов и сочувствующих партии Гитлера».

Какую роль он играл в развитии преступной политики?

Со времени его вступления в рейхсбанк начала осуществляться программа финансирования крупных сооружений. Строительство новых железных дорог, автострад — все эти работы преследовали стратегические цели.

Помимо этого, значительная часть кредитов была секретно использована исключительно на военные нужды.

Начиная с 1935 года темпы перевооружения возросли, чему весьма способствовали новые финансовые мероприятия, которые были им задуманы.

Классический и неподкупный экономист, он становится мошенником, чтобы осуществить основную установку партии. С помощью векселей МЕФО было финансировано перевооружение. Выпущенные акции не были ничем обеспечены, было организовано другое, аналогичное общество, которое не оплачивало векселей первого общества.

Получая первый вексель, векселедатель присоединял к нему долгосрочные векселя, срок оплаты которых был назначен на период между январем и мартом 1942 года. То, что именно эта дата была намечена, имеет глубокий смысл. Шахт избрал 1942 год, как срок завершения своего мошеннического мероприятия. Он надеялся, что до этого война поможет ему разрешить финансовую проблему. Подлинные векселя были включены в счета рейхсбанка. Векселя не облагались налогом для того, чтобы контроль над количеством векселей не мог быть осуществлен с помощью изменений в выручке от налогов. Тайна окружала эти операции. Все кредиты, которые можно было получить в марках, были вложены рейхсбанком в эти акции вооружения, начиная с 1935 года. К концу 1938 года имелось на 6 миллиардов векселей МЕФО в активе рейхсбанка, из них векселя на 3 миллиарда не были покрыты. В итоге Шахту должно было быть ясно, что имелось лишь три возможных решения:

1. Консолидация долга с помощью иностранных займов, но в этих займах нацистской Германии, которая перевооружилась, отказывали.

2. Инфляция, подобная инфляции 1923 года, и это означало бы гибель режима.

3. Война.

Не следует забывать, что Гитлер в своем письме к Шахту от 19 января 1939 г. писал: «Ваше имя для нас всегда и прежде всего будет связано с

первым этапом национального перевооружения». С 1 апреля 1935 г. по 31 декабря 1938 г. расходы Германии на вооружение, о которых нам известно, возросли до трехсот сорока пяти миллиардов четырехсот пятнадцати миллионов франков. В то же самое время Франция израсходовала лишь тридцать пять миллиардов девятьсот шестьдесят четыре миллиона франков. Это — результаты деятельности Шахта.

Такой размах ясно показывает цель, которую преследовал Шахт. То же соотношение существовало в 1940 году на полях сражения во Франции, где одной французской бронетанковой дивизии противостояло 10 германских.

Уход Шахта из рейхсбанка, а также из министерства экономики не может быть истолкован в его пользу. Между Герингом и им возникли трения по вопросу о проведении четырехлетнего плана. Шахт не хотел находиться в подчинении у Геринга. Он вышел в отставку из министерства экономики 26 ноября 1937 г., но продолжал оставаться президентом рейхсбанка и министром без портфеля. 7 января 1939 г. он вручил Гитлеру меморандум, в котором сообщал, что имеющееся в обращении количество векселей МЕФО по его вине создает угрозу денежным знакам. Оставаться в рейхсбанке ему было невозможно по техническим причинам, следовательно, его уход был вызван не политическими соображениями, а соображениями технического порядка, связанными с организацией экономики. К тому же он продолжал оставаться министром без портфеля. Он ушел в отставку с этой должности лишь в январе 1943 года, во время разгрома немцев под Сталинградом, в то время, когда партийно-государственный аппарат начал трещать по швам. Несомненно то, что в это время он уже не мог быть полезен. Но так же очевидно и то, что он мог стать снова полезен позднее в качестве посредника для заключения компромиссного мира.

Какое значение имеет все это, когда речь идет о человеке, который сумел сгруппировать вокруг себя все пангерманские финансовые и промышленные силы, чтобы подвести их к Гитлеру и дать ему возможность захватить место, о человеке, который своим присутствием внушал доверие к нацистской Германии, о человеке, который сумел своим финансовым искусством обеспечить Германии самую мощную в то время военную машину, человеке, который позволил партийно-государственной машине устремиться на завоевание жизненного пространства. Этот человек был одним из лиц, которые несли главную ответственность за преступную деятельность партийно-государственного аппарата.

Его финансовые способности были способностями нацистского государства, его участие в преступлении этого государства не может быть истолковано двояким образом. Он полностью виновен и несет ответственность в полной мере.

Что касается последнего приближенного Гитлера — Бормана, то нам известно, что он взял на себя истребление евреев.

Говорить больше было бы бесполезно.

На этом я заканчиваю изложение вопроса об индивидуальной ответственности каждого подсудимого, но не потому, что эта тема исчерпана, а потому, что время, которое Трибунал отводит каждому представителю обвинения для обвинительной речи позволяет нам говорить лишь о плане работы, которая заслуживала бы того, чтобы быть систематически изложенной. Примеры, иллюстрирующие наши тезисы, могут быть умножены. Все факты,

которые в продолжение девяти месяцев были сообщены представителями четырех делегаций, свободно могут быть включены в наш план, и уже это одно показывает, что наше суждение убедительно и что оно полностью соответствует действительному положению вещей.

Итак, мы считаем, что доказательства подтверждаются и что все подсудимые принимали участие в совершении преступлений германского государства.

Мы считаем, что все эти лица были действительно связаны стремлением к одной политической цели, что все они тем или иным образом содействовали совершению наиболее тяжкого преступления — геноцида, содействовали истреблению рас или народов, гибель которых дала бы им возможность завладеть так называемым жизненным пространством, которое они считали необходимым для пресловутой германской расы...

Нами были заслушаны возражения защиты. С наибольшей силой они были изложены д-ром Зайдлем (стр. 25 его защитительной речи по делу Франка).

«Действующие законы исходят из основного положения, которое гласит о том, что субъектом преступления в международном праве является лишь суверенное государство, а не отдельные лица...».

В заключение он отрицает ваше право осудить этих людей.

Начнем с того, что ни один из подсудимых не был тем «отдельным лицом», о котором говорит д-р Зайдль.

Мы полагаем, что мы доказали наличие между ними сотрудничества и единодушия, подкрепленных действиями партии, которые существовали помимо связи между министрами и руководителями управления, имеющейся во всех демократических странах.

Заметим также, что совести претило бы сохранение безнаказанными людей, которые поставили на службу этому единому целому — «государству» свой ум и свою волю, чтобы использовать мощь и материальные возможности государства для того, чтобы, как это имеет место в данном случае, умерщвлять миллионы человеческих существ, проводя в жизнь задолго до этого преднамеренно задуманную преступную политику. Суверенность государства, которой прикрывались эти люди, была лишь маской. Снимите эту маску — за ней скрывается ответственность человека. Г-ну Зайдлю это так же известно, как и нам. Но он утверждает — «таково действующее международное право».

Какое уважение он проявляет к этому действующему праву, но сколь удивительно звучат в его устах следующие далее слова, когда он, спустя немного времени, рассматривает Гаагские конвенции 1907 года, которые, как мы заметим, не были денонсированы ни одним из подписавших их государств, даже Германией, и учтиво подчеркивает, что положения этих конвенций, основанные на практике войн XIX века, не имеют силы в XX веке. Современные войны якобы решительно вышли за рамки, предусмотренные Гаагскими конвенциями.

Так, он заявляет:

«Положения Гаагской конвенции, касающиеся ведения сухопутной войны, даже в самом широком их толковании, даже при внесении в них поправок или при их сохранении, неприемлемы для того, чтобы с их помощью сформулировать индивидуальную уголовную ответственность».

Итак, для д-ра Зайдля международное право не терпит никаких отступлений, когда он стремится извлечь из этого выгоду, и это же международное право отступает, когда оно осуждает его подзащитного.

Подобная диалектика, в интересах которой используются ложные умозаключения, создает видимость правдоподобия. Г-н Зайдль ловок в софистике, но он не сумеет убедить никого...

... Речи защитников создают впечатление, что большинство из них возлагает все надежды на ограниченно юридический или псевдоюридический подход.

Многочисленные вопросы явились предметом дебатов. Существуют ли справедливые и несправедливые войны, войны оборонительные и войны агрессивные, существует ли мировое юридическое сознание, существует ли недвусмысленный критерий агрессии? Вот что волнует защиту, а не интерес к тому, как следует покарать тех, кто принимал участие в функционировании этого механизма уничтожения.

Когда защитники говорят о «действующем праве», то это они делают для того, чтобы отрицать право настоящего Трибунала на вынесение приговора, и доктор Яройсс отрицает какой бы то ни было авторитет права «в том виде, в каком оно должно было бы пониматься» в свете морали и прогресса (стр. 3). Все они забывают, что действующее право, то единственное право, на которое они ссылаются, не является правом, созданным в прошлом, действующее право является также тем правом, которое провозглашают судьи в конкретном случае на процессе. Все они забывают, что юридическая наука движется вперед. И в тех случаях, когда не существует писаных законов, то можно самое большее говорить о предшествующих традициях и исследовать, продолжают ли они обладать силой и можно ли на них ссылаться.

Но не будем далее останавливаться на защитниках. Мы сами хотим избежать дискуссий.

Единственное деяние из числа тех, которые рассматривались на этом процессе, стоит над всеми прочими деяниями — это методическое и систематическое истребление людей, занимавших жизненное пространство, на которое зарилась Германия.

Конечно, совершались и другие преступления, но они являлись лишь средством, о них старались говорить как о имеющих второстепенное значение, как о побочных преступлениях, в такой мере основное преступление превосходило их по своему зверскому характеру.

Было бы целесообразно вникнуть в характер этого зверства, серьезно установить, какую опасность оно могло представлять для человечества, для того чтобы подыскать соответственно с этим и наказание.

Преступление, совершенное этими людьми, не является простым. Нами это было уже показано. Обычный преступник знает свою жертву, он ее видит. Он сам наносит ей удар, знает, какое действие этот удар оказывает. Далее, если он является только соучастником, он достаточно тесно связан в моральном и психологическом отношении с главным виновником, чтобы разделять с ним в какой-то определенной мере его опасения и следить за реакцией, когда удар нанесен и жертва падает.

Геноцид, убийства или какое-либо другое преступление, совершенное государственным аппаратом, становится анонимным. Никто не несет главной ответственности. Все ее разделяют: и тот, кто своим присутствием под-

держивает аппарат, и тот, кто совершает преступление, и тот, кто выражает желание, чтобы оно было совершено, точно так же, как и тот, кто издал приказ о его совершении. Что касается того лица, которое приводит в исполнение приказ, то он сам себе повторяет: «Приказ есть приказ» и выполняет свои обязанности палача.

Тот, кто принимает это решение, делает это без содрогания, он может быть и не представляет себе точно, конкретно все последствия, к которым приводят изданные им приказы. Только так следует толковать то оцепенение, которое овладело некоторыми подсудимыми в течение нескольких минут, когда демонстрировали фильм о концлагерях. Что касается тех, кто своим общим участием в деле партии и государства допускали совершение преступления, то у них было такое чувство, как будто они присутствуют, играют пассивную роль в действии, не имеющем к ним никакого отношения. При этом они считали, что им нечего бояться какого бы то ни было наказания.

Согласно германскому плану, государство и партия сильны и полны решимости просуществовать тысячу лет. Они уничтожили правосудие.

Взятое в международном аспекте действующее право обеспечивает неприкосновенность личности, по крайней мере так полагают. Кроме того, не существует никакой постоянной международной юрисдикции, которая обратилась бы против разбойничьих государств. Что касается возможности военного поражения, то об этом никто не думал, так как они считали, что были приняты достаточные меры предосторожности. Примечательно к тому же то, что кульминационная точка в массовых убийствах — приказ, который явился причиной использования газовых камер, относится к тому времени, когда государство и весь режим были уверены в победе или еще не принимали всерьез предвестников поражения...

...Обстановка благоприятствовала тому, чтобы не возникло реакции. Факты показали, что ни один из этих людей не испытывал потребности что-нибудь изменить в этих условиях.

Большинство подсудимых хорошо понимало, что оно участвовало в трагедии. Я полагаю, что они прилагали больше усилий для того, чтобы очистить свою совесть, чем для того, чтобы обмануть судей, перекладывая свою вину на кого-нибудь из своих соседей по скамье подсудимых.

Только немногие имели мужество сознаться, как это сделали Ширах и Франк, что, являясь частью государственного аппарата, они не могут освободиться от ответственности, рискуя свалить всю вину на немецкий народ, который не сумел сбросить своих хозяев. Другие подсудимые все отвергали. При предъявлении доказательств по их делу они старались всячески умалить свою ответственность, надеясь, что им это удастся, но, как сказал Зеверинг, после выступления бургомистра Ораниенбурга и бургомистра Бухенвальда, как подтвердил и Франк, повсюду в Германии перешептывались, что люди умирали в лагерях. Это теперь уже известно всему миру. Надеются ли они еще, что им удастся заставить поверить нас в то, что лишь им одним ничего не было известно.

Те из них, которые менее виновны, если можно вообще установить какую-нибудь иерархию среди главных преступников, не смели оказывать сопротивления, но их преступная трусость привела к таким ужасным последствиям, что не может быть и речи о каком-нибудь смягчении их наказания.

Характер преступности, повидимому, стал усугубляться во всех

государствах, несмотря на то, что совершенствовались методы наказания. В международной сфере имеет место аналогичное явление. Оно имеет лишь больший размах, так как до сих пор не существовало никаких средств для наложения наказания. Промышленная революция и развитие естественных наук умножили потенциальне силы государства.

Пусть государство концентрирует в своих руках естественные богатства и их эксплуатацию, пусть оно захватывает кредиты, производя этим путем всякие валютные манипуляции, увеличивает налоги, увеличивает принудительные и добровольные займы. Пусть оно еще больше свяжет народы со своей судьбой развитием вспомогательных общественных учреждений, пусть руководит умами при помощи пропаганды по радио. Все преступные средства находятся в его распоряжении, для него приемлемы, и оно может располагать ими по своему усмотрению до тех пор, пока вы, господа Судьи, не введете в международное право положения о наказаниях. Необходимо отныне сделать возможным пресечение преступной деятельности любого разбойничьего государства...

Мы знаем, к чему смогли привести нацистские доктрины. Свидетель Розер сообщил о высказываниях молодого германского солдата, который, описав резню в одном из гетто, заключил свое повествование: «Друг мой, это ужасно, но... приказ есть приказ».

Трибунал обнаружит в конце документа Ф-655, который находится в книге документов, представленных французской делегацией, страшное замечание Крамера. Крамер до того, как он стал начальником лагеря в Берген-Бельзене, возглавлял лагерь в Нацвайлере (Эльзас), и там он лично отравил с помощью газа 80 человек. У нас есть доказательства этого. На вопрос: «Что бы вы сделали, если бы не все умерли?», он ответил: «Я постарался бы вновь отравить их, добавив в камеру еще одну порцию газа. Я не испытывал никакого волнения, совершая эти действия, так как я получил приказ казнить 80 заключенных тем способом, о котором я вам сообщил. Впрочем, меня воспитали таким». Какое страшное обвинение против всей системы! Этот человек, прежде чем стать по приказу убийцей, был счетоводом в Аугсбурге... И теперь невинная кровь вопиет о мщении.

Вам известно преступление!

Вам известно, по какой причине и с помощью каких средств оно было совершено! Это чудовищное преступление, не имеющее прецедента,— преступление «национал-социалистского» государства. Но все подсудимые в качестве руководителей национал-социалистской партии и высших руководителей государства несут главную ответственность за то, что они замыслили или совершили это преступление. Их участие в преступлении государства, партии является их личной виной, которая не может быть прикрыта какой-бы то ни было личной неприкосновенностью. Они должны понести кару.

Вам известны также, господа Судьи, те опасности, которым их преступление подвергло мир, вам известны те страдания и бедствия, которые они обрушили на людей.

Следует ли покарать безжалостно и сурово?

Да будет справедлив приговор, — этого достаточно!

Конечно, степень виновности в некоторой мере различна. Но разве из этого вытекает, что и наказание должно быть различным? Ведь даже тот, кто, как мы считаем, виновен менее всех остальных, заслуживает смерти!

Сразу же после того, как закончится настоящий международный процесс, после того, как главные военные преступники будут наказаны, мы возвратимся в свои страны, и, возможно, там мы подвергнем судебному преследованию тех, кто лишь выполнял приказы национал-социалистского государства, тех, кто выступал лишь в роли палачей.

Но как смогли бы мы потребовать смертной казни для какого-нибудь нового Крамера, какого-нибудь нового Гесса, для начальников лагерей, на чьей совести жизнь миллионов человеческих существ, которые были казнены по приказу, если сегодня у нас возникнут колебания в отношении того, следует ли прибегнуть к высшему наказанию тех, кто являлся движущим рычагом преступного государства, государства, издававшего эти приказы.

Кроме того, судьба этих людей находится целиком и полностью во власти вашей совести.

Их судьба не находится более в наших руках, наша задача закончена. Теперь вы, удаляясь на совещание, должны в молчаливом раздумье внять призывам крови невинных, взывающих к правосудию.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Р. А. РУДЕНКО

[*Произнесена 29—30 июля 1946 г.*]

Господин Председатель!

Господа Судьи!

Мы подводим итоги судебного следствия в отношении главных немецких военных преступников. В течение девяти месяцев самому тщательному, детальному исследованию были подвергнуты все обстоятельства дела, все доказательства, представленные Суду обвинением и защитой. Ни одно деяние, вменявшееся в вину подсудимым, не осталось без проверки, ни одно обстоятельство, имевшее значение, не было упущено при рассмотрении данного дела. Впервые в истории преступники против человечества несут ответственность за свои преступления перед Международным Уголовным Судом, впервые народы судят тех, кто обильно залил кровью обширнейшие пространства земли, кто уничтожил миллионы невинных людей, разрушал культурные ценности, ввел в систему убийства, истязания, истребление стариков, женщин и детей, кто заявлял дикую претензию на господство над миром и вверг мир в пучину невиданных бедствий. Да, такой судебный процесс впервые проводится в истории правосудия. Судит Суд, созданный миролюбивыми и свободолюбивыми странами, выражающими волю и защищающими интересы всего прогрессивного человечества, которое не хочет повторения бедствий, которое не допустит, чтобы шайка преступников безнаказанно готовила порабощение народов и истребление людей, а потом осуществляла свой изуверский план.

Человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества, как не состоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей целью порабощение и истребление народов и эту преступную цель много лет подряд осуществлял преступными средствами. Настоящий процесс проводится таким образом, что подсудимым, обвиняемым в тягчайших преступлениях, были предоставлены все возможности защиты, все необходимые законные гарантии. В своей стране, стоя у руля правления, подсудимые уничтожили все законные формы правосудия, отбросили все усвоенные культурным человечеством принципы судопроизводства. Но их самих судит Международный Суд с соблюдением всех правовых гарантий, с обеспечением подсудимым всех законных возможностей для защиты.

Мы подводим сейчас итоги судебного следствия, делаем выводы из рассмотренных на Суде доказательств, взвешиваем все данные, на кото-

рых основано обвинение. Мы спрашиваем: подтвердилось ли на Суде предъявленное подсудимым обвинение, доказана ли их вина? На этот вопрос можно дать только один ответ: судебное следствие полностью подтвердило обвинение. Мы вменяем подсудимым в вину только то, что на Суде доказано с полной несомненностью и достоверностью, а доказаны все чудовищные преступления, которые в течение многих лет подготовляла банда оголтелых преступников, захвативших в Германии государственную власть, и в течение многих лет их осуществляла, не считаясь ни с принципами права, ни с элементарными нормами человеческой морали.

Эти преступления доказаны, их опровергнуть не могли ни показания подсудимых, ни доводы защиты, их опровергнуть и нельзя потому, что нельзя опровергнуть истину, а именно истина является прочным результатом настоящего процесса, надежным итогом наших длительных и упорных усилий. Обвинение доказано во всех его элементах. Доказано, что существовал общий план, или заговор, в котором принимали участие подсудимые для подготовки агрессивных войн, нарушающих нормы международного права, для порабощения и истребления народов. Наличие такого плана или заговора является несомненным, как несомненной является руководящая роль в нем подсудимых по этому делу. В этой части обвинение подтверждено всеми данными судебного следствия, бесспорными документами, показаниями свидетелей и самих подсудимых. Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке и развязыванию агрессивных войн.

Вся их так называемая «идеологическая работа» заключалась в культивировании зверских инстинктов, во внедрении в сознание немецкого народа нелепой идеи расового превосходства и практических задач уничтожения и порабощения людей «неполноценных рас», представлявших якобы лишь удобрение для произрастания «расы господ». Их «идеологическая работа» заключалась в призывах к убийствам, грабежам, разрушению культуры, истреблению людей.

Подсудимые готовились к этим преступлениям давно, а затем их осуществляли, нападая на другие страны, захватывая чужие территории, истребляя людей.

Когда же возник этот план, или заговор?

Конечно, установить точную дату, день и час, когда подсудимые договорились совершить свои преступления, вряд ли возможно.

Мы не можем и не будем основывать свои выводы и утверждения на догадках и предположениях. Но с полной несомненностью следует считать установленным, что с того момента, когда фашисты захватили в Германии государственную власть, они приступили к реализации своих преступных планов, они использовали власть для подготовки агрессивной войны.

Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке Германии к войне.

Факт вооружений и перестройки экономики для целей войны совершенно бесспорен, он установлен документально, его признают подсудимые.

Спрашивается, в какой же войне подсудимые стали готовиться сразу после захвата власти? Неужели к оборонительной войне?

Ведь никто не собирался на Германию нападать, ни у кого не было такой цели, по-моему, и не могло ее быть.

Если Германия готовилась не к оборонительной войне, то, поскольку факт подготовки к войне установлен, ясно, что она готовилась к войне агрессивной. Такова логика фактов, и таковы факты. Германия начала и развязала ту самую войну, которую она подготовляла, и в 1937—1939 гг. произошло то, что подготовлялось в 1933 году.

Отсюда вывод: план или заговор существовал, по крайней мере, с 1933 года, т. е. с того момента, когда фашисты захватили государственную власть и использовали ее для своих преступных целей.

Это факты, а слова подсудимых, произнесенные ими тогда, когда они не предполагали, что будут подсудимыми, только подтверждают эти факты.

Достаточно указать на выступления Шахта, Круппа и других о том, как готовилось фашистское правительство к войне и как этой цели подчинили все области политической и экономической жизни.

Я считаю доказанным обвинение подсудимых в том, что в 1933 году, когда гитлеровцы захватили власть в Германии, они разработали план, или заговор, включающий совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности.

Судебным следствием полностью доказано совершение преступлений подсудимыми против мира, заключающихся в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, в нарушении международных договоров, соглашений и обязательств.

Здесь сами факты говорят за себя: это — те войны, которые повлекли невиданные жертвы и опустошения и агрессивный характер которых установлен с несомненностью.

Вина подсудимых в совершении преступлений против мира полностью доказана.

Доказано полностью обвинение в совершении военных преступлений, заключающихся в ведении войн методами, противоречащими законам и обычаям войны.

Ни подсудимые, ни их защитники ничего не могли возразить против самих фактов совершения таких преступлений.

Все, что они могли сказать по этому поводу, это то, что подсудимые сами непосредственно не совершали этих зверств — уничтожение людей в «душегубках» и концентрационных лагерях; своими руками не истребляли евреев и даже не знали отдельных подобных фактов, а что факты эти были, — против этого не спорят и подсудимые. Подсудимые признают эти факты.

Бесплодный способ защиты!

Конечно, подсудимым, занимавшим высшие руководящие посты в гитлеровской Германии, не было никакой нужды самим своими руками расстреливать, вешать, душить, замораживать живых людей в виде эксперимента. Это делали по их указаниям их подчиненные, палачи, выполнявшие, так сказать, черную работу, а подсудимым нужно было только давать приказания, исполнявшиеся беспрекословно.

Поэтому безнадежна попытка подсудимых разорвать свою связь с этими палачами, отгородиться от них.

Эта связь несомненна и бесспорна. И если комендант Освенцима Рудольф Гесс вырывал золотые зубы у мертвецов, то имперский министр Вальтер Функ открывал для хранения этих золотых зубов специальные сейфы в подвалах имперского банка.

Если подчиненные Кальтенбруннера умерщвляли людей в душегубках, то строились эти газвагены на заводах Зауэра, Даймлера и Бенца, подчиненных подсудимому Шпееру.

Если военнопленных уничтожали профессиональные палачи из соединения «Тотен Копф» («Мертвая голова») и лагерная охрана, то приказы об уничтожении подписывались фельдмаршалом германской армии Кейтелем; именно подсудимые намечали сроки уничтожения, отдавали приказы о создании специальной техники умерщвления, идеологически обосновывали «право высших рас» на уничтожение, истребление «неполноценных народов».

Это они спокойно и безжалостно наблюдали за замученными жертвами и, как Ганс Франк, произносили парадные речи «о еще новом шаге», пройденном германским фашизмом по пути очищения «жизненного пространства» от «низших рас».

За каждое убийство, за каждую каплю невинной крови, пролитой гитлеровскими палачами, несут ответственность подсудимые, ибо между ними и непосредственными исполнителями преступлений, убийств, истязаний — разница только в ранге и масштабе деятельности: те непосредственные палачи, а они главные палачи, начальники палачей, палачи высшей марки. Они во много раз опаснее, чем те, которых они воспитывали в духе человеконенавистничества и изуверства и от которых, спасая себя, теперь отрекаются.

Полностью доказана вина подсудимых в совершении военных преступлений, в том, что они организовали систему уничтожения военнопленных, мирного населения, женщин, стариков и детей; в том, что по их вине всюду, где ступала нога немецкого солдата, оставались горы убитых и замученных людей, развалины и пожарища, опустошенные города и села, оскверненная и залитая кровью земля.

Доказаны полностью преступления против человечности, совершенные подсудимыми.

Мы не можем пройти мимо тех преступлений, которые подсудимые совершили в самой Германии за время своего господства в ней: массовое уничтожение всех тех, кто в какой-то мере выражал недовольство нацистским режимом; рабский труд и истребление людей в концентрационных лагерях; массовое истребление евреев, а затем тот же рабский труд и то же уничтожение людей в оккупированных странах — все это доказано, и обвинение не поколеблено. Какие же средства защиты были использованы подсудимыми и их защитниками, какие доказательства и аргументы они могли противопоставить обвинению?

Средства защиты подсудимых можно разделить на две основные группы. Это, во-первых, ряд свидетелей, вызванных защитниками. Эти свидетели должны были своими показаниями смягчить вину подсудимых, умалить их действительную роль в совершении злодеяний, обелив их во что бы то ни стало. Эти свидетели в подавляющем большинстве случаев являлись обвиняемыми по другим делам.

О какой объективности и достоверности показаний таких свидетелей защиты можно говорить, если невиновность подсудимого Функа должен был подтвердить его заместитель и соучастник, член СС с 1931 года, Хойлер, имеющий чин группенфюрера СС; если в пользу Зейсс-Инкварта был призван свидетельствовать преступник Рейнер — член фашистской партии с 1930 года, гаулейтер Зальцбурга, а затем Каринтии.

Эти, так называемые «свидетели», такие, как, например, Бюлер — правая рука подсудимого Франка и соучастник его во всех преступлениях, или Боле — один из основных руководителей шпионско-диверсионной деятельности гитлеровцев заграницей и заведующий заграничным отделом фашистской партии,— приходили сюда для того, чтобы, совершив клятвопреступление, попытаться выгородить своих бывших хозяев и сохранить свою собственную жизнь.

И все же большинство «свидетелей защиты» во время их допроса неизбежно превращалось в свидетелей обвинения. Их самих изобличали «немые свидетели» — документы, причем преимущественно немецкие, и они сами принуждены были изобличать тех, кого они хотели оправдывать.

Другая группа средств защиты — это доводы и соображения юридического порядка.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССА

Обвинение в данном процессе, опирающееся на огромный и бесспорный фактический материал, прочно стоит на позициях права и законности. Поэтому уже в первых вступительных речах обвинителей было уделено много внимания уголовно-правовому обоснованию ответственности подсудимых.

Защита в своих выступлениях перед Трибуналом вновь поставила ряд правовых вопросов:

а) о значении принципа «нуллум кримен сине леге»,

б) о значении приказа,

в) об ответственности государства и отдельных лиц,

г) о понятии заговора и др.

В связи с этим считаю необходимым вновь вернуться к некоторым правовым вопросам в ответ на попытки защиты запутать простые и ясные положения и превратить юридическую аргументацию в дымовую завесу, призванную скрыть от суда кровавую быль фашистских преступлений.

ПРИНЦИП «НУЛЛУМ КРИМЕН СИНЕ ЛЕГЕ»

Защита пыталась отвергнуть обвинение, доказывая, что в момент совершения подсудимыми инкриминируемых им деяний последние не были предусмотрены действовавшими законами, а потому подсудимые не могут нести за них уголовную ответственность.

Я мог бы просто отвести все ссылки на принцип «нуллум кримен сине леге», так как Устав Международного Военного Трибунала, являющийся непреложным законом, подлежащим обязательному исполнению, устанавливает, что этот Трибунал «имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси, индивидуально или в качестве членов организаций», совершили любое из преступлений, перечисленных в статье 6 Устава.

Следовательно, юридически для вынесения приговора и применения наказания не требуется, чтобы совершенные подсудимыми преступления были предусмотрены уголовными законами в момент их совершения. Однако не подлежит сомнению, что действия подсудимых являлись преступными с точки зрения законов, действовавших в момент, когда эти преступления имели место.

Нормы уголовного права, содержащиеся в Уставе Международного Трибунала, представляют собой выражение принципов, содержащихся в ряде международных договоров, перечисленных в моей вступительной речи 8 февраля 1946 г., и в уголовном законодательстве всех цивилизованных государств. Законодательство всех цивилизованных народов предусматривает уголовную ответственность за убийства, истязания, насилия, грабежи и т. д.

То обстоятельство, что эти преступления были организованы подсудимыми в превосходящих человеческое воображение размерах и в неслыханных по своей садистской жестокости формах, конечно, не исключает, а лишь многократно усиливает ответственность преступников. Если бы подсудимые совершили преступления на территории и в отношении граждан какой-либо одной страны, то они, согласно декларации глав правительств СССР, Великобритании и США, опубликованной 2 ноября 1943 г., в полном соответствии с общепринятыми началами уголовного и уголовно-процессуального права, были бы судимы в этой стране и по ее законам.

Эта декларация гласила, что «германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни, или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные преступления, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы».

Однако подсудимые являются военными преступниками, «преступления которых не связаны с определенным географическим местом» (статья 1 Соглашения четырех держав от 8 августа 1945 г.), и потому их преступления подсудны Международному Военному Трибуналу, действующему на основании Устава.

Защитник подсудимого Гесса позволил себе утверждать: «Не может быть никакого сомнения в том, что преступления против мира, как изложено в статье 6, абзац 2 Устава, не существует».

Нет нужды здесь делать ссылки на международные договоры (я их называл в своей вступительной речи 8 февраля, в которой агрессивная война была признана международным преступлением).

Они обвиняются в действиях, которые цивилизованное человечество и ранее признавало преступлениями.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА

Некоторые подсудимые в своих показаниях Трибуналу пытались представить себя убогими карликами, слепыми и покорными исполнителями чужой воли — воли Гитлера.

В поисках правовой базы для этой позиции защитник Яройсс много говорил о значении приказов Гитлера. По мнению защитника Яройсса, приказ Гитлера «был чем-то совершенно иным», чем приказ любого другого руководителя, что приказ Гитлера являлся актом «неприкосновенным в правовом отношении». Поэтому защитник Яройсс утверждает: «что бы ни понимал Устав Трибунала под приказами, которые он отрицает как основание, исключающее уголовное преследование, можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под понятие приказа, предусмотренное Уставом?».

Право толкования закона — неоспоримое право каждого судебного работника, в том числе, конечно, и защитников. Представляется, однако, совершенно непостижимым, какими логическими или иными методами руководствовался защитник, утверждая, что положение Устава, специально разработанного для Суда над главными военными преступниками фашистской Германии, именно условий деятельности этих преступников не имело в виду.

О каких же приказах, кем изданных, в какой стране говорит Устав Трибунала?

Бесспорно, разумеется противоположное: авторы Устава были в полной мере ориентированы в специфической обстановке гитлеровской Германии, были в полной мере ориентированы (по материалам Харьковского и иных процессов) в попытках подсудимых прятаться за приказы Гитлера, и именно потому они специально оговорили, что исполнение явно преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ И ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ

В известной мере, надо полагать, сами авторы этой попытки скрыть большую группу министров, гаулейтеров и военных начальников за спину Гитлера усомнились в убедительности подобного защитительного маневра, ибо на помощь этому маневру выдвигается новая линия обороны.

«Если германская империя начала наступление вопреки еще действовавшему договору о ненападении,— говорил защитник Яройсс,— то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права..., только империя, но не отдельное лицо».

Нельзя, прежде всего, не отметить, что приведенная точка зрения не блещет новизной: до выступления официальной защиты на настоящем процессе некоторые неофициальные защитники военных преступников охотно пропагандировали версию, что не физические лица, а германское государство и германский народ должны нести ответственность за преступную агрессию и военные преступления.

Нарушение субъектом международного права — государством норм международного права влечет те или иные последствия международного характера, во всяком случае, не уголовную ответственность государства.

Те или иные действия государства в сфере международных отношений совершаются физическими лицами, должностными лицами и агентами государства.

При выполнении этих действий эти лица могут совершать самые разнообразные нарушения как гражданско-правового, так и уголовно-правового характера.

За последние, т. е. содержащие состав преступления, они несут в подлежащих случаях уголовную ответственность по законам и перед судом как своего, так и чужого государства, в зависимости от обстоятельств.

В данном случае не только гитлеровское государство нарушило нормы международного права, последствием чего являются меры, принятые в отношении государств, но и отдельные физические лица, совершая эти акты нарушений, персонально совершили уголовные преступления, за которые они в соответствии с Уставом Трибунала подлежат уголовной ответственности перед Международным Военным Трибуналом.

О ПОНЯТИИ ЗАГОВОРА

Защита единодушно, хотя и в разных формах и вариантах, пытается оспаривать обвинение подсудимых в преступном заговоре. Вытаскивая из различных источников односторонние и тенденциозно подобранные определения заговора, защитники стремятся доказать, что Геринг, Гесс, Риббентроп и др. не могут рассматриваться в качестве участников заговора.

Я хотел бы привести несколько аргументов в доказательство несостоятельности положения защиты.

Заговор предполагает наличие преступного сообщества, созданного и действующего для достижения общих преступных целей. Такое сообщество бесспорно имелось. Разумеется, в настоящем случае, поскольку заговорщиками было захвачено управление государством, нити и рычаги, связывающие членов заговорщического преступного сообщества, весьма сложны.

В любом преступном сообществе, а в особенности в разветвленном и многочисленном, отдельные участники выполняют такие преступные акты, которые охватываются общим планом заговора, но конкретно могут оставаться неизвестными ряду членов сообщества. Тем не менее, поскольку эти преступления вытекают из единого преступного плана, общего для всего сообщества, за них несут ответственность и те участники, которые лично не совершали этих отдельных преступных деяний и конкретно о них не были осведомлены.

В настоящем деле наличие заговора не исключается тем обстоятельством, что, например, Ширах мог не знать об отдельных мероприятиях работорговца Заукеля или погромщика Штрейхера.

Наличие заговора не исключается и разногласиями по частным вопросам, существовавшими между отдельными участниками заговора (интриги Геринга против Бормана и т. п.).

Такие столкновения могут иметь место в любой шайке разбойников и воров, но от этого шайка или банда не перестает быть таковой.

Почти в каждом сообществе существует определенная иерархия среди его участников. Весьма часто атаманы преступной шайки присваивают себе неограниченную власть над другими членами шайки, вплоть до права жизни и смерти.

Однако ни одному юристу в мире, кажется, не приходило в голову отрицать наличие преступного сообщества на том лишь основании, что участники его не были равны, а один имел власть над другими.

По меньшей мере странно отрицать наличие заговора в настоящем случае на основании того бесспорного факта, что в руках главаря — Гитлера была сосредоточена огромная личная власть. Равным образом, наличие заговора не исключает, а предполагает определенное распределение ролей между участниками преступной группы в достижении общей преступной цели (один координирует всю преступную деятельность, второй ведает вопросами идеологической подготовки, третий готовит армию, четвертый организует работу военной промышленности, пятый ведет дипломатическую подготовку и т. д.). Поэтому фашистский заговор не перестает быть заговором, но и является заговором особо опасным, ибо в руках заговорщиков находятся государственный аппарат и огромные людские и материальные ресурсы.

В руках международных преступников, в руках Геринга, Кейтеля и других подсудимых огромные армии людей становятся орудием тягчайших преступлений.

Вот почему те специфические черты, которые отличают заговорщиков фашистской Германии от любой иной банды, не меняя правовой природы заговора, лишь придают ему особо опасный характер.

На этом я заканчиваю краткий анализ юридических аргументов защиты, на которых подробно останавливались мои уважаемые коллеги.

Как вы видели, господа Судьи, аргументы защиты оказались несостоятельными и неспособными поколебать обвинение.

Перехожу к рассмотрению вопроса о виновности отдельных подсудимых.

Геринг

Подсудимый Геринг являлся в гитлеровской Германии вторым после «фюрера» лицом, его первым преемником. Он взял себе огромные полномочия и захватил самые ответственные должности. Он—председатель совета министров по обороне Германской империи, диктатор по руководству германской экономикой, генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану и главнокомандующий военно-воздушными силами. Главное — эту обширную область он использовал и все силы посвятил организации и осуществлению тех преступлений, которые указаны в Обвинительном заключении.

Как мы уже знаем, сущность этого заговора состояла в том, чтобы покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии, не останавливаясь ни перед какими средствами, как бы они ни были преступны и бесчеловечны.

Чтобы достичь этой цели, надо было расчистить путь, надо было, как говорил Гитлер еще в феврале 1933 года на совещании с виднейшими германскими промышленниками, уничтожить парламентскую систему.

Этим и занялся Геринг. Он энергично принялся за уничтожение политических противников фашизма, для чего производил массовые аресты членов неугодных нацизму политических партий. Он организовал концентрационные лагери, куда без суда направлял людей, не согласных с фашистами. Он создал гестапо, в котором с самого начала его создания установился кровавый террористический режим. Он требовал от всех должностных лиц лагерей и гестапо не останавливаться ни перед чем — дикие расправы над людьми, изувечение их и убийства под его руководством стали основным методом работы.

Ему, Герингу, принадлежат слова: «Каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, есть моя пуля; если кто-то называет это убийством, значит это я убил». (Из книги Геринга «Восстановление нации», написанной им в 1934 году.)

Так он расчистил дорогу фашизму, так он прокладывал путь к тому, чтобы фашистский заговор мог беспрепятственно развиваться и реализоваться.

Геринг был неистощимым в искоренении всего и всех, что мешало укреплению этого заговора. И Гитлер всячески расхваливал его за это. Так, он заявил в рейхстаге 13 июля 1934 г., что Геринг: «...своим железным кулаком сокрушил атаку на национал-социалистское государство прежде, чем она могла развиться».

Вся эта террористическая деятельность Геринга была рассчитана на то, чтобы расчистить путь для осуществления основной цели фашистского заговора — покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии.

Судебное следствие подтвердило виновность Геринга в планировании и подготовке всех агрессивных войн гитлеровской Германии.

Суду были представлены многочисленные документы, говорящие об активной роли Геринга в развертывании агрессивных войн. Напомню заявление Геринга в 1935 году на собрании офицеров военно-воздушных сил. Там он заявил, что «...он намеревается создать военно-воздушные силы, которые будут брошены на врага как удар возмездия. Еще до начала поражения враг должен чувствовать, что он пропал». И это намерение, как мы знаем, он осуществлял, подготовляясь к войне изо дня в день.

На совещании руководителей германской авиационной промышленности 8 июля 1938 г. Геринг дает понять, что война близка и что если Германия выиграет эту войну, она будет величайшей державой в мире, господствующей на мировом рынке, и она станет богатой страной. «Надо рисковать, чтобы добиться этой цели», — это лозунг, который бросил тогда Геринг.

14 октября 1938 г., незадолго до предъявления требований Польше, Геринг заявляет, что он «приступил к проведению в жизнь гигантской программы, в сравнении с которой меркнет все, что было до сих пор».

«В кратчайшее время военно-воздушные силы должны быть увеличены в пять раз; военно-морской флот должен более быстрыми темпами вооружаться; армия должна получать более мощное вооружение..., особенно тяжелую артиллерию и тяжелые танки. Наравне с этим должно быть увеличено производство военных материалов и горючего».

С полной несомненностью установлено активное участие Геринга в подготовке агрессии против СССР.

В отчете о совещании от 29 апреля 1941 г. по вопросу о структуре экономического штаба «Ольденбург», в отчете о совещании у генерала Томаса от 28 февраля 1941 г., а также в показаниях самого Геринга в судебном заседании 21 марта 1946 г. Трибунал найдет доказательство того, что Геринг уже с ноября 1940 года активно участвовал в разработке плана нападения на СССР.

Это Геринг совместно с Розенбергом, Кейтелем и Борманом на совещании у Гитлера от 16 июня 1941 г. конкретизировали планы расчленения Советского Союза, порабощения народов и разграбления богатств СССР. Это при его участии тогда планировалось «сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам». Это он выдвинул палача Коха в качестве рейхскомиссара Украины, как «личность с очень большой инициативой и с хорошей подготовкой».

Так что с несомненностью можно считать доказанным, что Геринг виновен в планировании и подготовке агрессивных войн гитлеровской Германией, и за это он должен нести ответственность.

Мои коллеги уже останавливали внимание Суда на преступном отношении к военнопленным.

Я позволю себе только напомнить Трибуналу показание свидетеля Мориса Лама в вечернем заседании 25 января 1946 г. о казнях советских, английских, французских и других офицеров в лагере Маутхаузен, о лагерях уничтожения Освенцим и Майданек, о предъявленных Суду нотах

Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Молотова от 25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г., о чудовищных издевательствах германских военных властей в отношении советских военнопленных, за которые большая доля ответственности ложится на Геринга. Я напомню также о показаниях свидетеля Гальдера 31 октября 1945 г., в которых свидетель сообщил о совещании у Гитлера по вопросу о неприменении положений Гаагской конвенции при обращении с русскими военнопленными и о директиве из ставки Гитлера от 12 мая 1941 г. об обращении с захваченными в плен русскими командирами и политработниками.

Все эти с неоспоримостью установленные на Суде факты злодеяний не нуждаются в дополнительном освещении, так как защита не привела в своих речах каких-либо опровергающих эти доказательства доводов.

В «Двенадцати заповедях поведения немцев на Востоке» от 1 июня 1941 г. (шестая заповедь) сказано:

«Вы должны уяснить себе, что вы на целое столетие являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции в новой Европе. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых требует от вас государство».

С именем Геринга связано начало организованного подавления и истребления еврейского населения.

Именно он подписал человеконенавистнические нюрнбергские законы, декреты о лишении евреев собственности, о наложении штрафа на евреев в один миллиард и другое, эта деятельность вполне соответствует всему каннибальскому миросозерцанию Геринга.

На суде он отрицал, что являлся сторонником расовой теории, между тем в 1935 году Геринг произнес в рейхстаге речь в защиту нюрнбергских расовых провокаторов. Тогда он громогласно заявил: «Бог создал расы, он не хотел равенства, и поэтому мы энергично отвергаем всякую попытку извратить концепцию чистоты расы...».

Многочисленные документы, предъявленные обвинением Трибуналу, изобличают преступные действия Геринга в отношении других наций.

Директива Геринга от 19 октября 1939 г. ясно показывает отношение подсудимого к польскому народу, к польскому государству.

В директиве об экономической политике на Востоке от 23 мая 1941 г., изданной перед нападением на СССР, Геринг следующим образом пишет об отношении к русским:

«Германия не заинтересована в поддержании производительности на этой территории. Она снабжает продуктами питания только расположенные там войска... Население в этих районах, в особенности городское население, обречено на голод. Необходимо будет вывозить это население в Сибирь».

Как уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг отвечает за разграбление и расхищение государственной собственности и личной собственности граждан, произведенные фашистами на оккупированной части территории СССР, в Чехословакии, Польше, Югославии и других странах. Именно Геринг возглавил деятельность фашистских заговорщиков по экономическому ограблению оккупированной территории СССР.

Еще до вероломного нападения на СССР 29 апреля 1941 г. состоялось совещание по разработке экономических мероприятий по варианту Барбаросса. В результате этого совещания был создан экономический штаб

особого назначения «Ольденбург», подчиненный Герингу. Было предусмотрено создание в крупнейших городах СССР специальных хозяйственных инспекций и команд, перед которыми были поставлены обширные задачи в области использования и разграбления советской промышленности и сельского хозяйства.

В папке окружного сельскохозяйственного фюрера содержались инструкции для сельскохозяйственных фюреров, которым предоставлялась полная свобода в выборе методов для достижения своих преступных целей. Выдвигалось требование о беспощадном обращении с советскими людьми, в первую очередь, с русскими, украинцами, белоруссами.

Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Киеве, в Сталинской области и других местах, говорит о том, что эти преступные планы подсудимого Геринга и его сподвижников были в значительной степени реализованы.

Для обеспечения немецкой военной промышленности и сельского хозяйства рабочей силой и вместе с тем в целях физического уничтожения и экономического ослабления порабощенных народов подсудимый Геринг и его соучастники по нацистскому заговору использовали рабский труд иностранных рабочих.

Использование принудительного труда было запланировано фашистами еще до начала войны. Достаточно напомнить о совещании у Гитлера, на котором принимал участие и подсудимый Геринг от 23 мая 1939 г.

На совещании 7 ноября 1941 г. и в приказе от 10 января 1942 г. Геринг требовал от всех подведомственных ему органов обеспечения любыми методами германской промышленности рабочей силой за счет населения оккупированных советских территорий.

6 августа 1942 г. Геринг провел совещание с рейхскомиссарами оккупированных областей и представителями военного командования.

Обращаясь к участникам совещания, Геринг говорил:

«Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное...

Вы должны быть как лягавые собаки там, где имеется еще кое-что.

Я намереваюсь грабить, и именно эффективно».

Эти намерения были реализованы. Грабил Геринг, грабили рейхсминистры и рейхскомиссары оккупированных областей, грабили представители военного командования, начиная от генерала и кончая рядовым солдатом.

Так действовал подсудимый Геринг.

Нет ни одного мероприятия фашистской партии, ни одного шага гитлеровского правительства, в котором не участвовал бы Геринг.

Он активно участвовал во всех преступлениях фашистской банды, и за все свои действия он должен понести должное наказание.

Гесс

Подсудимый Рудольф Гесс уже с момента зарождения фашистской империи занимал ведущее положение среди нацистских заговорщиков.

Это Гесс был руководителем фашистской организации Мюнхенского университета, это он участвовал в Мюнхенском путче, это он совместно с Гитлером работал над библией фашизма — книгой «Майн Кампф», выполняя обязанности личного секретаря Гитлера, это он в 1932 г. яв-

лялся председателем центральной политической комиссии фашистской партии, а после захвата власти в качестве «заместителя фюрера» проводил в жизнь звериную политику фашистских головорезов.

Именно Гессу декретом Гитлера от 21 апреля 1933 г. было предоставлено «полное право принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам, касающимся руководства партией».

Вслед за тем Гесс продолжал прибирать к своим рукам все новые и новые посты в гитлеровском государстве. С 1 декабря 1933 г. он имперский министр без портфеля для обеспечения близкого сотрудничества партии и штурмовых отрядов с гражданскими властями; 4 февраля 1938 г. он назначается членом тайного совета; 30 августа 1939 г. — членом совета министров по обороне империи, а 1 сентября 1939 г. Гитлер объявляет Гесса своим преемником после Геринга. Гесс получает также звание обергруппенфюрера СС и СА.

Декретом от 27 июля 1934 г. Гитлер обязал руководителей всех ведомств и министерств Германии представлять Гессу все законопроекты на предварительное утверждение.

Гесс занимался подбором и расстановкой руководящих фашистских кадров. Об этом свидетельствуют указ Гитлера от 24 сентября 1935 г. и другие документы, представленные Трибуналу обвинением.

Особо следует отметить активную роль Гесса в планировании и проведении агрессивных войн. Все агрессивные акции гитлеровской Германии намечались и подготовлялись при самом непосредственном участии Гесса и подчиненного ему партийного аппарата фашистов.

Еще 12 октября 1936 г., выступая в Баварии, Гесс призывал немцев «употреблять немного меньше жира, немного меньше свинины, немного меньше яиц... Мы знаем,— говорил Гесс,— что иностранная валюта, которую мы этим самым сберегаем, идет на вооружение. И на сегодня действителен лозунг: «Пушки вместо масла».

Об этом же говорил Гесс и накануне своего отлета в Англию — 1 мая 1941 г., выступая на заводе Мессершмидта с призывом к продолжению агрессивной войны.

Вместе с Гитлером, Герингом и другими руководящими деятелями фашистского заговора Гесс подписывал указы о присоединении к Германии захваченных территорий.

В человеконенавистнических нюрнбергских законах, за издание которых несет ответственность и подсудимый, имеется специальный пункт, уполномачивающий Фрика и Гесса издавать необходимые декреты для проведения в жизнь этих законов. Гесс подписал закон «об охране крови и чести», указ от 14 сентября 1935 г. о лишении евреев права голоса и права работы в общественных учреждениях, а также указ от 20 мая 1938 г. о распространении нюрнбергских законов на Австрию.

На данном процессе уже достаточно освещен вопрос о роли Гесса в организации сети шпионажа и террористических групп за границей, в создании СД (службы безопасности) и комплектовании частей СС.

Само положение Гесса в фашистской партии и гитлеровском правительстве говорит об активном руководящем участии подсудимого в подготовке и осуществлении общего преступного плана фашистских заговорщиков, а, следовательно, об огромной доле его вины и ответственности по преступлениям против мира, и по военным преступлениям, и по преступлениям против человечности.

Господа судьи, чтобы еще более правильно оценить значение преступной деятельности подсудимого Гесса, как одного из видных руководителей нацистской партии и гитлеровского правительства, я напомню статью в газете «Национал Цейтунг» от 24 апреля 1941 г., посвященную Гессу:

«Много времени тому назад — это было еще до начала войны — Рудольфа Гесса называли «совестью партии». Если мы спросим, почему заместителю фюрера было дано это почетное звание, то на этот вопрос нетрудно ответить: нет ни одного события в нашей общественной жизни, которое не было бы связано с именем заместителя фюрера. Он настолько многосторонен и своеобразен в своей работе и в сфере своей деятельности, что это нельзя сказать несколькими словами..., многие мероприятия, проведенные правительством, особенно в сфере военной экономики и в партии, проводились полностью по инициативе заместителя фюрера».

Гесс отказался давать объяснения Трибуналу. Его защитник Зейдль с ложным пафосом заявил, что Гесс считает настоящий Трибунал некомпетентным для суда над германскими военными преступниками... и тотчас без паузы приступил к предъявлению доказательств в защиту Гесса.

Гесс даже пытался объявить себя сумасшедшим, чтобы избежать заслуженного наказания. Но когда Гесс убедился, что такой маневр ему не поможет, он вынужден был заявить в суде, что он симулировал потерю памяти, что это была тактическая уловка с его стороны, и должен был признать, что несет полную ответственность за все то, что он сделал и подписал вместе с другими.

Итак, на суде полностью разоблачена неуклюжая попытка Гесса уйти от ответственности, и Гесс должен в полной мере понести наказание за участие в общем плане, или заговоре, для совершения преступлений против мира, в военных преступлениях, тягчайших преступлениях против мира и человечности, которые совершены им совместно с другими подсудимыми.

Борман

Имя подсудимого Мартина Бормана неразрывно связано с созданием гитлеровского режима. Он был одним из тех, кто совершал самые дикие преступления, направленные на уничтожение сотен тысяч невинных людей.

Совместно с подсудимым Розенбергом Борман с жестокой последовательностью проводил пропаганду расовой теории и преследование евреев.

Им были изданы многочисленные директивы, направленные на дискриминацию евреев в гитлеровской Германии, сыгравшие впоследствии роковую роль и повлекшие истребление миллионов евреев. Этой своей деятельностью он заслужил у Гитлера большое доверие, ему было «предоставлено право представлять партию в сфере государственной жизни...» (Постановления и распоряжения партийной канцелярии, т. II, стр. 228), и он ее представлял.

Так, в качестве начальника партийной канцелярии он принимал непосредственное участие в уничтожении евреев, цыган, русских, украинцев, поляков и чехословаков.

НСДАП под его руководством превращается в полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимоотношении с германской тайной полицией и СС.

Борман не только знал о всех агрессивных планах гитлеровского правительства, но принимал активное участие в их осуществлении.

Он привлек весь партийный аппарат НСДАП на реализацию агрессивных планов гитлеровского правительства, а партийных гаулейтеров он назначал уполномоченными по обороне империи в тех областях, в которых они действовали.

Партийный аппарат НСДАП и лично Борман принимали активное участие в мероприятиях немецких военных и гражданских властей по бесчеловечному использованию военнопленных.

Об этом свидетельствуют многочисленные директивы и указания, изданные Борманом.

Материалами обвинения и судебного следствия сейчас установлено, к какой массовой гибели привело зверское обращение с военнопленными.

Партийный аппарат и лично подсудимый Борман принимали непосредственное участие в мероприятиях гитлеровского правительства, связанных с угоном в рабство населения оккупированных территорий.

С одобрения Бормана производилась тайная доставка в Германию украинских девушек, предназначенных для насильственного онемечивания.

Приказом Гитлера от 18 октября 1944 г. на Бормана и Гиммлера было возложено руководство фольксштурмом, состоявшим из всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, способных носить оружие.

Накануне краха гитлеровской Германии Борман возглавлял созданную для диверсионной и подрывной деятельности в тылу союзных войск подпольную организацию «Вервольф».

Борман непосредственно участвовал в разграблении культурных, исторических и других ценностей на оккупированных территориях.

Он внес в 1943 году предложение о необходимости усиления экономического разграбления оккупированных территорий.

Таковы преступления подсудимого Бормана, ближайшего сподвижника Гитлера, разделяющего всю полноту ответственности за бесчисленные преступления гитлеровского правительства и фашистской партии.

Риббентроп

Один из главных вдохновителей и руководителей внешней политики гитлеровской Германии — Иоахим фон Риббентроп был и одним из самых активных участников преступного заговора.

Официально вступив в нацистскую партию в 1932 году, подсудимый, однако, еще до прихода фашистов к власти активно содействовал ее захвату и стал в скором времени официальным советником партии в качестве «сотрудника фюрера по вопросам внешней политики».

Продвижение Риббентропа по служебной линии находится в неразрывной связи с развитием деятельности фашистских заговорщиков, направленной против интересов мира.

В своих показаниях Риббентроп заявил: «Он (Гитлер) знал, что я являлся его верным сотрудником». Именно поэтому Гитлер 4 апреля 1938 г., как убежденного, преданного фашиста, назначил Риббентропа официальным руководителем внешней политики, которая являлась одним из важнейших рычагов осуществления всего фашистского заговора.

Однако Риббентроп не ограничивал своей деятельности сферой внешней политики. Как член гитлеровского правительства, как член имперского совета по обороне империи, как член тайного совета он участвовал в разрешении всего комплекса вопросов, связанных с подготовкой агрессивных войн. Вот почему он, Риббентроп, будучи министром иностранных дел, принимал участие в решении и проведении в жизнь далеко отстоящих от внешней политики вопросов,— как использование рабочей силы во время войны, организация концлагерей и т. п. В этой связи следует отметить, что Риббентропом было заключено специальное пространное соглашение с Гиммлером об организации совместной разведывательной работы.

Имперским министром иностранных дел Риббентроп стал как раз в начале осуществления планов агрессии, рассчитанных на покорение Германией Европы. Это совпадение не случайно. Не без основания Риббентроп считался самым подходящим человеком для осуществления этого преступного заговора. Его предпочли даже такому специалисту международных провокаций, как Розенберг, на что последний, не без некоторого основания, подал официальную жалобу. И Гитлер не ошибся в Риббентропе. Доверие его он полностью оправдал.

Уже 12 февраля 1938 г., через неделю после своего назначения, Риббентроп совместно с Гитлером и подсудимым Папеном, возглавлявшим в течение долгого времени до этого подрывную работу нацистских агентов в Австрии, принял участие в совещании в Оберзальцбурге, где он от австрийского канцлера Шушнига и его министра иностранных дел Шмидта, под давлением угроз, ультимативно требовал согласия на отказ от независимости Австрии и добился этого.

В качестве министра Риббентроп присутствовал на совещании 28 мая 1938 г., на котором было принято решение о введении в действие плана «Грюн» — плана агрессии против Чехословакии.

В соответствии с тактикой фашистов ослаблять изнутри будущую жертву Риббентроп постоянно поддерживал тесную связь и оказывал материальную помощь сначала партии судетских немцев, а потом и словацким националистам с тем, чтобы вызвать внутренний раскол и братоубийственную войну в Чехословакии.

Захватив Чехословакию, фашистские заговорщики, и в числе их подсудимый Риббентроп, перешли к подготовке и осуществлению следующего акта агрессии, заранее намеченного ими в плане преступлений против мира,— к нападению на Польшу.

Будучи вынужден в связи с только что закончившимся захватом Австрии и Чехословакии временно скрывать дальнейшие намерения Германии, Риббентроп сам и через своих дипломатов старался усыпить бдительность европейских государств, лицемерно заявляя, что никаких других территориальных требований Германия не имеет.

26 января 1939 г. в Варшаве министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп заявил, что «укрепление дружественных отношений между Германией и Польшей на основании существующих соглашений составляет важнейший элемент внешней политики Германии».

Прошло немного времени, и Польша испытала ценность этих заверений Риббентропа.

Я не останавливаюсь здесь на той вероломной роли, которую сыграл подсудимый Риббентроп в германской агрессии против Дании, Нор-

вегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, так как об этом достаточно убедительно говорили мои коллеги.

Подсудимый Риббентроп принял непосредственное активное участие в проведении агрессии против Югославии и Греции.

Прибегая к излюбленному своему методу обманных гарантий для сокрытия готовящейся агрессии, подсудимый Риббентроп 20 апреля 1938 г. дал заверение Югославии, что после аншлюсса германские границы с Югославией рассматриваются как «окончательные и нерушимые».

В то же время, при деятельном участии подсудимого Риббентропа, велась всесторонняя подготовка к агрессии. 12 и 13 августа 1939 г. на совещании Гитлера и Риббентропа с Чиано в Оберзальцбурге было достигнуто соглашение о «ликвидации нейтралов одного за другим».

При непосредственном и прямом участии подсудимого Риббентропа фашистские заговорщики планировали, подготавливали и осуществляли также и вероломное нападение на Союз Советских Социалистических Республик 22 июня 1941 года.

Подсудимый Риббентроп сам признал здесь, в зале Суда, что в конце августа — начале сентября 1940 года, т. е. когда уже проводилась разработка «плана Барбаросса» (как это с очевидностью следует из показаний генерала Варлимонта, генерала Мюллера и фельдмаршала Паулюса), подсудимый Кейтель беседовал с ним по вопросу о нападении на СССР.

Деятельность подсудимого и министерства, которым он руководил, играла первостепенную роль в организации войны против СССР с участием Финляндии, Венгрии, Румынии и Болгарии.

Уже после начала агрессии Германии против Советского Союза подсудимый Риббентроп продолжал прилагать усилия к тому, чтобы привлечь на сторону Германии новых сообщников. Так, в телеграмме к германскому послу в Токио от 10 июля 1941 г. он писал: «Я прошу вас всеми находящимися в вашем распоряжении средствами повлиять на Мацуока, чтобы Япония как можно скорее вступила в войну с Россией. Чем быстрее это произойдет — тем лучше. Конечной целью должно оставаться и в дальнейшем то, что Япония и мы перед наступлением зимы протянем друг другу руку на Сибирской железной дороге...».

Как установлено на Суде, Риббентроп, совместно с другими подсудимыми, подготавливал ту политику уничтожения и разграбления, которую гитлеровцы наметили, а затем и проводили на временно оккупированных территориях Советского Союза. Подсудимый Розенберг, который разрабатывал планы эксплоатации оккупированных территорий Восточной Европы, проводил совещание по этому вопросу с ОКВ, министерством экономии, министерством внутренних дел, министерством иностранных дел. В своем «Отчете о подготовительной работе по восточноевропейскому вопросу» он писал: «В результате переговоров с МИД, последнее назначило в качестве своего представителя к Розенбергу генерального консула господина Бротигам».

Таким образом бесспорно, что Риббентропу не только было известно о подготовке военного нападения на СССР, но и что он вместе с другими заговорщиками заранее намечал планы колонизации территорий Советского Союза, порабощение и истребление советских граждан.

Подсудимый был вынужден признать, что ему были известны ноты Народного Комиссара Иностранных Дел В. М. Молотова о злодеяниях гитлеровцев на временно оккупированных территориях Советского Союза.

Ему, как и другим заговорщикам, были известны и другие декларации глав союзных правительств о той ответственности, которая ложится на нацистское правительство за совершение гитлеровцами чудовищных злодеяний в оккупированных странах.

Риббентроп, как это подтвердил свидетель защиты по его делу — бывший статс-секретарь министерства иностранных дел Штейнграхт, был одним из организаторов и намечался в качестве почетного члена Международного антиеврейского конгресса, который немцы предполагали созвать в июле 1944 года в Кракове.

Сам Риббентроп признал на Суде, что он вел переговоры с правительствами европейских стран относительно массового изгнания евреев.

Согласно протоколу беседы Риббентропа с Хорти, «министр иностранных дел заявил Хорти, что евреи должны быть либо уничтожены, либо направлены в концентрационный лагерь. Другого решения не может быть».

Этот факт в достаточной мере подтверждает, что Риббентропу было известно о существовании концентрационных лагерей, хотя он упорно пытался доказать здесь обратное.

Риббентроп оказывал поддержку другим фашистским руководителям и, прежде всего, подсудимому Заукелю в угоне на германскую каторгу жителей оккупированных стран.

Кроме того, подсудимый Риббентроп, во исполнение общего плана заговорщиков, включавшего уничтожение национальной культуры народов оккупированных стран, активнейшим образом участвовал в разграблении культурных ценностей, являющихся общенародным достоянием.

Для выполнения этой задачи по указанию Риббентропа был создан «батальон особого назначения» при министерстве иностранных дел, который в течение всей войны, следуя за передовыми частями, реквизировал и вывозил в Германию, согласно указаниям Риббентропа, всевозможные культурные ценности с оккупированных территорий на Востоке.

Таким образом, подсудимый Риббентроп участвовал в захвате фашистами власти, играл руководящую роль в планировании, подготовке и развязывании агрессивных грабительских войн, вместе с другими заговорщиками принимал участие, согласно фашистским планам, в руководстве совершения тягчайших преступлений против народов, территория которых была временно оккупирована гитлеровскими захватчиками.

Военная группа

Несколько подсудимых в этом процессе главных преступников войны как бы образуют группу собственно военных. Если оставить в стороне Геринга, как фигуру совершенно специфическую — и политика, и хозяйственника, и военного в одном лице,— то мне надо будет назвать Кейтеля, Иодля, Деница и Редера. В процессе судебного следствия в отношении этих лиц также были не только полностью подтверждены все данные обвинительного акта, но оснований к обвинению стало еще больше.

Документальные доказательства, показания свидетелей, в том числе частично и тех, которые вызывались по ходатайству защиты, не могли не лечь тяжким грузом на чашу весов обвинения.

Защитники этих подсудимых пытались убедить в том, что их подзащитные волей судьбы, против своего желания, стали участниками зловещей трагедии.

Сами подсудимые — Кейтель, Иодль, Дениц и Редер — здесь, на Суде, пытались выступить в роли благородных простаков. Надо отдать справедливость, что в меру своих сил защита помогла им в этом деле. Мы слышали много о чести солдата, о воинской дисциплине, о верности долгу и присяге, о вынужденном в связи с этим выполнении ими гитлеровских приказов, даже тех, которые вызывали в их душах сомнение и прямой протест. Такое освещение их позиции совершенно искажает реальное положение вещей.

Я считал бы нужным перед тем, как говорить о виновности Кейтеля, Иодля, Деница и Редера, поставить и разрешить четыре вопроса.

Первый: знали ли эти подсудимые, что гитлеровская Германия в нарушение международных обязательств готовит целую серию агрессивных, захватнических, грабительских войн?

Второй: принимали ли они сами активное участие в планировании, подготовке, развязывании и проведении этих войн?

Третий: виновны ли они в циничном попрании законов и обычаев войны?

Четвертый: отвечают ли они за зверски растерзанных и уничтоженных мирных жителей, за потопленные пассажирские и госпитальные пароходы, за города и деревни, уничтоженные военной машиной гитлеровского рейха?

Я думаю, что после столь тщательного судебного расследования, каждый, кто не хочет сознательно заблуждаться, ответит утвердительно на все эти четыре вопроса.

Представленные суду документальные доказательства с полной очевидностью подтвердили виновность военной группы преступников в тягчайших преступлениях, их активное участие в планировании и осуществлении общего преступного заговора.

То обстоятельство, что совершали эти преступления люди в военных мундирах, не только не снижает, а, как мне представляется, существенно усиливает их ответственность.

Как можно им в оправдание ссылаться на «долг солдата», «честь офицера», на «обязанность выполнить приказ»?! Да разве можно с «долгом солдата» и «честью офицера» совместить расстрелы без суда и клеймение военнопленных, массовое уничтожение женщин, стариков и детей?

Единственное правильное, реальное объяснение тому удивительному факту, что эти генералы и адмиралы занимались грязными, по существу уголовными преступлениями, состоит в том, что они были генералами и адмиралами гитлеровской формации. Это люди особого качества. Это фашисты в военных мундирах, душой и телом преданные фашистскому режиму.

Именно этим нужно объяснить, что Гитлер приблизил их к себе и столь длительно сотрудничал с ними. Этим только можно объяснить, что они сотрудничали с Гитлером в совершении беспримерных в истории, гнуснейших преступлений. Они друг другу вполне подходили и друг друга вполне понимали.

Кейтель

Переходя к группе военных, я, естественно, хотел бы начать с подсудимого Вильгельма Кейтеля.

Ведущее положение в гитлеровской военной машине Кейтель занял с первых лет ее организации. Адвокат Кейтеля признает, что

«декрет (от 4 февраля 1938 г.) преподнес Кейтелю чудесное должностное наименование — начальника верховного командования вооруженных сил».

И несколько далее: «...Фактическое значение работы Кейтеля было громадным... Это была чудовищная, неблагодарная работа, мизерным вознаграждением за которую было блестящее положение в непосредственной близости от главы государства».

В свете всех последующих событий надо считать, что начальным этапом будущих агрессивных войн было все то, что связывалось с секретными вооружениями Германии после Версальского мира.

Трудно преуменьшить значение всего проделанного тогда еще полковником Кейтелем в комитете экспертов, который последовательно и настойчиво изыскивал и находил пути для обхода или прямого нарушения договора.

В частности, это именно полковник Кейтель, и никто иной, давал указания о том, что в Женеве можно говорить все, что угодно, лишь бы не оставлять письменных следов.

Это циничное заявление полностью соответствует той роли, которую играл Кейтель в последующей подготовке и проведении агрессивных войн.

Во время переговоров Гитлера с Шушнигом живым напоминанием о готовности Германии применить оружие была фигура Кейтеля.

Кейтель давал директивы двинуть войска в Чехию, когда президент Гаха был вероломно вызван в Берлин «для продолжения переговоров».

Это ОКВ, а не какая-либо иная организация, была готова через отдел Абвер спровоцировать пограничный инцидент с Чехословакией, чтобы оправдать вторжение германских полчищ, готовых ринуться в Чехию.

Своим совершенно секретным меморандумом Кейтель требует от Гесса и Гиммлера заранее сообщать ОКВ о всех мерах, проводимых партийными организациями или полицией, которые не предусмотрены «планом Грюн».

Сплошной ложью были фактические декларации об отсутствии какихлибо дальнейших претензий Германии в Европе после захвата Чехословакии. Это было звеном в цепи агрессивных войн.

Я хочу подчеркнуть ведущую роль ОКВ в подготовке и осуществлении агрессии. Директива относительно ведения войны и вторжения в Польшу известна нам как директива Кейтеля и Гитлера от 10 мая 1939 г. Она была направлена командованию ВВС, военно-морского флота и сухопутных сил. Как можно после этого говорить о том, что ОКВ не было руководящей головкой всех видов вооруженных сил фашистского рейха.

Если еще раз взглянуть на документы, относящиеся к германской агрессии против Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Югославии и Греции, мы еще раз будем встречаться с именем Кейтеля. Он выступает то в качестве участника ответственнейших событий, то как автор секретных приказов, адресованных Редеру, Герингу и генеральному штабу. Собственноручные инициалы Кейтеля и Йодля мы находим и на секретной директиве, подписанной Гитлером, о проведении «операции Марита».

Много говорилось здесь о «плане Барбаросса» и его авторах. Сейчас нам важно подчеркнуть, что документ этот рожден в недрах ОКВ по

непосредственной инициативе этой организации, что запланированные методы вероломного нападения на СССР являются его работой.

Каждому ясна роль визы военного специалиста на документе. Некоторые подсудимые пытались лживо объяснить нападение на СССР как войну превентивную. Заявления эти в такой мере несостоятельны и противоречат установленным в Суде неопровержимым доказательствам (немецким же документам), что я не вижу необходимости отнимать время у Трибунала.

Защитник Кейтеля заявил, что защита этого подсудимого строится под тем углом зрения, что Кейтель «борется не за свою голову, а за свое лицо».

Я хочу помочь Суду увидеть подлинное лицо Кейтеля. Для этого мне нужно напомнить вам о нескольких кейтелевских директивах, которые по праву займут одно из первых мест среди позорных документов о бесчеловечности германской военщины, ее низости и безгранично подлом попрании понятий о правилах и обычаях ведения войны.

Начиная с документов о расстреле политических работников, Кейтель, этот солдат, как он любит себя называть, игнорируя присягу, беззастенчиво врал на предварительном следствии американскому обвинению, говоря, что этот приказ носил характер ответной репрессии, во-первых, и что политических работников отделяли от остальных военнопленных по просьбе самих военнопленных. На Суде он был изобличен. Предъявлением документов РФ-351, 884-ПС было доказано, что директива была дана до начала военных действий. Нами был также предъявлен документ под номером СССР-62 (текст письма немецких военнопленных). Из этого документа видно, как еще до нападения на СССР полевые войска инструктировались по поводу обязательного истребления советских женщин-военнослужащих и политического состава.

А что можно сказать о фразе, страшной по своему беспредельному цинизму: «Человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

А директива о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» от 13 мая 1941 г.? А приказ от 16 сентября 1941 г. о казни от 80 до 100 коммунистов за каждого убитого немца? Что мог сказать здесь Кейтель о документе, известном под названием «Нахт унд небель»?

Это кровавые документы. Никто не может подсчитать, сколько тысяч военнопленных солдат и офицеров Красной Армии было убито и замучено в лагерях фашистской Германии. Вы помните, как на вечернем заседании 21 января 1946 г. свидетель Ламп рассказал, что из расстрела 50 советских офицеров в лагере Маутхаузен устроили развлечение для Гиммлера. Вы помните показания свидетеля Блаха, как весной 1944 года было истерзано пытками, а затем убито 94 советских офицера, отказавшихся давать сведения военного характера.

Я хочу упомянуть о показаниях эсэсовца Пауля Вальдмана об истреблении русских военнопленных. Вы помните, о каком конвейере издевательств и мучений для каждого советского человека, попавшего в немецкий плен, показывал свидетель Кивелша.

Могу ли я умолчать о директиве Кейтеля клеймить советских военнопленных?

Нельзя забыть директиву Кейтеля от 16 декабря 1942 г. Она называется «Борьба с бандами». Под «бандами» подсудимый Кейтель понимал всякое

движение сопротивления и требовал от войск применения жесточайших мер без ограничения, в том числе против женщин и детей.

Под номером СССР-162 советским обвинением было предъявлено показание Ле-Курта. Ле-Курт заявил, что расстреливал и сжигал советских граждан, поджигал их дома. Только он один лично расстрелял 1200 человек, за что ему досрочно было присвоено звание обер-ефрейтора и он был награжден восточной медалью. Он действовал в соответствии с указаниями Кейтеля. Директива Кейтеля о военной подсудности в районе «Барбаросса» делала подобных людей безнаказанными. На Кейтеле кровь убитых Ле-Куртом и им подобными.

Выполняя директиву Кейтеля о том, что жизнь в восточных странах абсолютно ничего не стоит, совершали солдаты и офицеры гитлеровской Германии свои злодеяния.

Обвичением предъявлен документ СССР-51 о том, как 28 августа 1941 г. немецкие войска перед своими боевыми порядками, идя в атаку, гнали женщин, детей и стариков. А в деревне Колпино, заставив крестьян строить для немцев мосты и блиндажи, фашисты потом всех расстреляли.

В Югославии массовые расстрелы заложников стали повседневной практикой военного командования и военной администрации.

В секретном докладе от 15 февраля 1940 г. на имя Геринга ОКВ оправдывает заложничество.

Я хочу закончить документом СССР-356 (ЕС-338).

Вы помните, господа Судьи, этот документ.

В нем адмирал Канарис сообщал Кейтелю о произволе в лагерях военнопленных, голоде, массовых расстрелах советских военнопленных. Даже матерый фашистский разведчик Канарис, боясь ответственности, не мог пройти мимо вопиющих фактов произвола и нарушения всех общепринятых законов и обычаев войны.

Вы помните также резолюцию Кейтеля на этом докладе:

«Я одобряю и покрываю эти мероприятия».

Я спросил подсудимого Кейтеля во время перекрестного допроса 7 апреля с. г.:

«Вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь перед Трибуналом именовавший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийства тысяч безоружных солдат, попавших к вам в плен. Это правильно?».

Кейтель вынужден был признать этот факт.

Уже одна такая резолюция полностью раскрывает действительное, подлинное лицо фельдмаршала Кейтеля. Никакие изощренные доводы защиты не смогут снять с Кейтеля ответственность за кровь и бесчисленные человеческие жизни, оборванные рукой фашистской военщины во исполнение приказов и директив, подписанных рукой подсудимого Кейтеля.

Иодль

Подсудимый Альфред Иодль несет равную ответственность с подсудимым Кейтелем в качестве его заместителя и ближайшего военного советника Гитлера.

Все то, что касается подготовки и осуществления агрессивных планов гитлеровской Германии, неразрывно связано с именем Иодля, так же как и с именем Кейтеля.

Нет необходимости в том, чтобы снова перечислять все те агрессивные акции гитлеровской Германии, которые теперь достаточно хорошо известны и каждая из которых была задумана и осуществлена при непосредственном участии подсудимого Иодля.

Я хочу, как представитель Союза Советских Социалистических Республик, подчеркнуть еще раз, что преступный план вероломного нападения на Советский Союз, названный гитлеровцами именем горе-завоевателя Фридриха Барбаросса, наряду с подписями Гитлера и Кейтеля имеет подпись подсудимого Иодля. Но это не только подпись.

Еще летом 1940 года в Рейхенхалле Иодль провел первое совещание офицеров своего штаба, на котором обсуждался вопрос о возможности нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Не кто иной, как подсудимый Иодль, еще до нападения на СССР, издал известные «Указания о применении пропаганды в районе Барбаросса». В этих «Указаниях» прямо указывалось, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза».

Таким образом, подсудимый Иодль заранее знал о действительных целях нападения Германии на СССР, о грабительском, захватническом характере войны, предусматривающей расчленение Советского Союза.

Это он, Иодль, участвовал в подготовке и организации провокационного инцидента на границе Чехословакии с целью оправдания агрессивной акции гитлеровской Германии против этой миролюбивой страны.

Это он, Иодль, подписал приказ от 28 сентября 1938 г. относительно порядка использования так называемого корпуса Генлейна на случай реализации плана «Грюн».

Издевательски звучат слова подсудимого Иодля о «солдатской чести», когда читаешь его приказ об уничтожении Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза.

Не кто иной, как тот же Иодль, на совещании у Гитлера 1 декабря 1941 г. с неповторимым цинизмом утверждал, что советских патриотов немецкие войска могут безнаказанно «вешать, вешать головой вниз, четвертовать».

Ближайший военный советник Гитлера, непосредственный участник подготовки и осуществления всех кровавых агрессивных планов гитлеровской Германии — подсудимый Иодль по праву занимает место в ряду главных немецких военных преступников.

Дениц и Редер

Мой английский коллега столь убедительно и обстоятельно доказал виновность подсудимых Карла Деница и Эриха Редера, что я не вижу необходимости особо останавливаться на этих гроссадмиралах гитлеровской Германии, запятнавших позором тягчайших преступлений свои адмиральские мундиры.

Дениц при допросе его Советским обвинением сказал, что ему не ясны причины, в силу которых именно его Гитлер избрал своим преемником. Я не думаю, чтобы Дениц был совершенно искренен, говоря это. Следует только обратиться к стенограмме судебного заседания от 8 мая и в последующие дни, чтобы и без признания Деница понять, почему он оказался преемником Гитлера в тот момент, когда корабль гитлеровского «рейха» шел ко дну. Не в том дело, что нужен был адмирал в подобную минуту, а в том, что только нацистский гроссадмирал Дениц, по мнению сошедшего

со сцены Гитлера, мог что-то сделать для спасения гибнущего корабля.

При Гитлере Дениц был командующим подводными силами Германской империи. Мы помним, какую роль в этой войне играл германский подводный флот. В этой связи стоит подчеркнуть, что сам Дениц гордился авторством так называемой «тактики волчьей стаи». Советские люди не забыли, как подводные лодки Деница топили госпитальные суда и пароходы, на которых эвакуировались мирные жители, женщины и дети, в Балтийском и Черном морях.

Последний глава гитлеровского государства одним из первых должен ответить за все те преступления, которые послужили поводом к преданию суду Международного Военного Трибунала главных военных преступников.

С именем Редера связана кощунственная директива об уничтожении Ленинграда.

На процессе Редер пытался разыграть роль «честного военного». Но уже одно то, что именно он вместе с Гитлером и Кейтелем замышлял «стереть с лица земли» Ленинград и уничтожить более чем трехмиллионное население великого города, имя которого неразрывно связано с развитием человеческой культуры и истории, делает Редера одним из главных военных преступников.

Редер участвовал в разработке всех важнейших планов агрессии германского фашизма. Этот участник преступного фашистского заговора должен поэтому понести наказание наравне с другими его соучастниками.

Кальтенбруннер

Подсудимый Эрнст Кальтенбруннер был тем, кого Гиммлер счел наиболее достойным назначить на место казненного чешскими патриотами палача Гейдриха.

30 января 1943 г. он был назначен начальником главного управления полиции безопасности и СД. Многочисленными документальными данными, в частности, приказами за подписью Кальтенбруннера о массовом направлении людей в концлагери, показаниями своих подчиненных, в том числе показаниями бывшего начальника главного разведывательного управления (Амт VI) Вальтера Шелленберга и начальника внутренней разведки (Амт III и СД) Отто Олендорфа, Кальтенбруннер полностью изобличен в совершении тягчайших преступлений.

На судебном заседании 12 апреля 1946 г., при допросе Кальтенбруннера, были оглашены показания Иоганна Кандутора, бывшего заключенного Маутхаузена. В своих показаниях Кандутор рассказывает о том, как проводил время Кальтенбруннер при посещениях лагеря.

«Кальтенбруннер со смехом вошел в газовую камеру; затем людей привели из барака на казнь, и потом были продемонстрированы все три вида казни — повешение, расстрел в затылок и отравление газом».

Я не стану останавливаться на имеющихся многочисленных доказательствах, они достаточно освещены перед Судом. Но на одном обвинении из числа предъявленных Кальтенбруннеру я все же считаю нужным остановиться.

Вместе с другими учреждениями РСХА Кальтенбруннер принял после Гейдриха пять «эйнзатцгрупп». Граждане Советского Союза хорошо помнят

эти злодейские организации германского фашизма, возглавленные Кальтенбруннером.

«Эйнзатцгруппа А» дошла до подступов к Ленинграду. Это она организовала «форт смерти № 9» под Каунасом, тайный пункт массового умерщвления людей в Панарах, осуществляла расстрелы в Саласпилском и Бикернекском лесу под Ригой, ставила ряды виселиц в парках одного из пригородов Ленинграда — Пушкине.

«Эйнзатцгруппа В» остановилась под Смоленском. Это она сжигала заживо крестьян Белоруссии, расстреливала людей при страшной акции в Пинске, топила тысячи белорусских женщин и детей в Мозырьских болотах, травила «душегубками» в Минске, ликвидировала гетто в районе Верхних Садков в Смоленске.

«Эйнзатцгруппа С» дислоцировалась в Киеве. Эта группа осуществляла беспримерную по жестокости массовую акцию немцев в Бабьем Яру под Киевом, где за один день было уничтожено сто тысяч советских людей.

«Эйнзатцгруппе D» были отданы на растерзание южные области из числа временно оккупированных областей Советского Союза. Эта группа впервые испытывала на советских людях «душегубки» в Ставропольском крае и Краснодаре.

Решая судьбу Кальтенбруннера, нельзя позабыть этих людей, отравленных в «душегубках» под Ставрополем, зарытых живыми в могилы под Киевом и под Ригой, заживо сожженных в пылавших деревнях Белоруссии.

Эти невинные жертвы — на его грязной совести.

Преемник палача и сам палач Кальтенбруннер осуществлял наиболее отвратительную функцию в общем преступном плане гитлеровской клики.

Розенберг

Перехожу к доказательству вины и ответственности подсудимого Розенберга.

Как бы ни пытался Розенберг умалить свою роль и значение, как бы он ни подтасовывал исторические факты и события, ему не уйти от того, что он был официальным идеологом нацистской партии, что он еще четверть века тому назад заложил «теоретические» основы фашистского гитлеровского государства и на протяжении этого периода морально растлил миллионы немцев, «идейно» подготовив те неслыханные в истории чудовищные преступления гитлеровцев, которые составляют предмет разбирательства на данном процессе.

Когда на процессе Розенбергу был поставлен вопрос: «Вы были ближайшим сподвижником фюрера?», он даже не ответил, а закричал: «Нет, это неправда, я никогда не был». Но как бы ни отрекался Розенберг от своего «фюрера», ему не смыть каинову печать «одного из старейших и самых верных боевых товарищей Гитлера». На протяжении 25 лет Розенберг, вначале совместно, а затем под руководством Гитлера, разрабатывал и содействовал осуществлению сумасбродных планов мирового господства, избрал для оправдания этих преступных планов человеконенавистническую расовую теорию.

Может ли иметь значение для решения вопроса об ответственности и виновности Розенберга то, что он использовал в своих целях отбросы науки

и позаимствовал кое-что у Карла Люэгера и Пуля Лагарда, графа Гобино и Лапужа, Освальда Шпенглера и Артура Меллера?!

Важно то, что Розенберг, собрав все эти «научные» отходы, довел все расовые воззрения до предела расового изуверства и в этом духе воспитывал членов нацистской партии, немецкую молодежь. И когда представителями «высшей расы» разрабатывались и совершались акты агрессии, когда немецкие оккупанты порабощали и уничтожали нации и народы, когда создавались комбинаты смерти в Майданеке и Освенциме, Треблинке и Хелмно, во всем этом не малая доля ответственности Розенберга.

В этом сказался результат фашистской расовой идеологии, сущность которой состоит в том, что «арийская» — «северо-германская» — раса есть «раса господ», а все остальные расы и нации — «низшая порода».

Защитник Розенберга говорит: «Трибунал должен рассматривать преступления, а не мировоззрения». Этот аргумент в отношении Розенберга явно неубедителен. Ибо Розенберг не только исповедовал, но сознательно распространял и внедрял в сознание немецкого народа фашистскую расовую теорию, которая стала прямой угрозой существованию демократических государств Европы. Носителя бацилл надо изолировать, а того, кто сознательно распространяет бациллы, надо судить.

Преступная деятельность Розенберга не ограничивается идеологической подготовкой агрессии и проповедями человеконенавистничества. Она очень многогранна.

На процессе уже была достаточно освещена деятельность внешнеполитического отдела НСДАП, ведавшего сетью полулегальной нацистской агентуры за границей, которой много лет руководил подсудимый Розенберг. Влияние этой организации на внешнеполитические мероприятия гитлеровской Германии и на развязывание агрессивных войн — очень велико.

В одном из представленных защитником Нейрата и принятых Судом документов прямо говорится:

«...одно время в Берлине даже существовало три вида министерств иностранных дел: министерство Розенберга, министерство Риббентропа и официальное министерство на Вильгельмштрассе».

Наконец, о своем реальном влиянии на внешнюю политику гитлеровской Германии и своих «заслугах» в этой области указывал сам Розенберг в письме к Гитлеру от 6 февраля 1938 г., когда он просил назначить его членом тайного совета министров.

Я не вижу необходимости анализировать всю преступную деятельность Розенберга и намерен только кратко остановиться на его деятельности в качестве сначала «уполномоченного фюрера», а затем имперского министра восточных оккупированных территорий. На этом поприще Розенберг наиболее активно проявил себя как участник преступного заговора.

Розенберг заявляет, что он был против войны с СССР, что о подготовке военного нападения на Советский Союз он узнал от Гитлера тогда, когда уже все приказы по военной линии были отданы, что он никогда не имел реального влияния на внешнюю политику гитлеровской Германии. Я утверждаю, господа Судьи, что все эти заявления Розенберга ничего общего не имеют с действительностью.

Общеизвестно, что внешняя политика национал-социалистов, изложенная в новогоднем номере 1921 года газеты «Фелькишер Беобахтер», начинается с плана германского крестового похода против Советской Рос-

сии и автор этой политики — Альфред Розенберг. Это он вместе с Гитлером, будучи инспирирован Людендорфом и Рехбергом, проповедовал внешнюю политику, направленную на создание антисемитской, антибольшевистской и антибританской континентальной Европы.

Выступления Розенберга с планами «обмена» польского коридора на Украину, его «дипломатические» поездки в некоторые страны после прихода фашистов к власти, его неуклюжие попытки осуществить внешнеполитическую программу нацистов были широко освещены в печати.

Из представленных документов видно, какую лихорадочную деятельность развил Розенберг в апреле 1941 года — в период, непосредственно предшествовавший нападению Германии на СССР, когда он был назначен «уполномоченным фюрера по центральному контролю над вопросами, связанными с восточно-европейскими областями».

За две недели до своего назначения Розенберг 7 апреля 1941 г. направил Гитлеру свои предложения о разделе Советского Союза на рейхскомиссариаты и назначении фашистских правителей в оккупируемые области. В предложениях Розенберга фигурируют Белоруссия и Украина, Минск и Киев, Ростов и Тбилиси, Ленинград и Москва. И в качестве рейхскомиссара Москвы Розенберг рекомендовал небезызвестного Эриха Коха.

Мы слышали о беседах Розенберга с Браухичем и Редером, его совещании с Функом, генералом Томасом, статс-секретарем Бакке и другими по вопросам экономической эксплуатации восточных областей, о его переговорах с Риббентропом, начальником штаба СА, руководителем германской контрразведки адмиралом Канарис. Уже за полтора месяца до нападения на СССР он разработал инструкцию для всех рейхскомиссаров оккупируемых восточных областей, в которой он уже предусмотрел «рейхскомиссариат Россия», «рейхскомиссариат Кавказ», а Белорусскую республику включил в «рейхскомиссариат Остланд».

Розенберг пытается заверить, что он не разделял захватнических, грабительских целей войны против СССР, а в качестве министра восточных оккупированных территорий чуть ли не облагодетельствовал население этих областей. Это говорится после того, как в инструкции рейхскомиссару Прибалтики и Белоруссии указывалось, что его целью является:

«... создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой Германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов».

Это говорится после того, как в другой директиве Розенберга о задачах германского управления в оккупированных восточных областях предписывается:

«Первой задачей... является проведение интересов империи. Положения Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны не имеют действия, так как СССР надо считать уничтоженным... Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными».

Розенберг поторопился объявить СССР уничтоженным, он проболтался, выдал свои тайные замыслы. Но этот документ является неопровержимым доказательством, отметающим все попытки подсудимого переложить от-

ветственность за чудовищные преступления, творившиеся немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории СССР, на отдельных чиновников и полицейских, на Коха и Гиммлера.

Это Розенберг разрешил попирать решения Гаагской конвенции и применять все мероприятия, которые окажутся «удобными». Когда Кох для своего удобства уничтожил население целого района Цуман, то он действовал в духе этой директивы Розенберга.

Розенберг здесь говорил о своих разногласиях с Кохом, о том, что он придерживался гуманной политики и даже ввозил сельскохозяйственные машины.

Если Розенберг и возражал иногда против действий Коха, то только потому, что боялся преждевременной огласки, боялся, что беспримерное издевательство Коха над украинским народом вызовет усиление движения сопротивления. Не гуманностью, а боязнью руководствовался при этом Розенберг. Подлинная политика Розенберга изложена во многих документах, ставших теперь известными мировой общественности и имеющихся в делах Трибунала.

В «официальной заметке для фюрера» от 16 марта 1942 г. Розенберг писал о целях германской политики на оккупированных территориях СССР и, прежде всего, на Украине. Это «...использование полезных ископаемых, в определенных областях создание немецкой колонии, никакого искусственного интеллектуального развития населения, а сохранение его как рабочей силы».

В докладе о преобразовании Кавказа Розенберг писал:

«Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу и снабдить сырьем континент. Задача Кавказа, прежде всего, является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

Я хочу, наконец, напомнить, что не кто иной, как Розенберг, выступая на заседании германского трудового фронта по вопросу о политике на оккупированных территориях СССР, говорил:

«Видимо, если подчинить себе эти народы, то произвол и тирания будут чрезвычайно подходящей формой управления».

Защита утверждает, что Розенберг и его «эйнзатцштаб» занимались не разграблением культурных ценностей, а их сохранением. Это также не имеет ничего общего с правдой. Как установлено оглашенными на Суде многочисленными документами, уже в апреле 1941 года, т. е. за два с лишним месяца до нападения на СССР, Розенберг готовил специальные команды, создавал штабы, разрабатывал планы вывоза культурных ценностей из Советского Союза.

16 октября 1941 г. в письме Гитлеру Розенберг указывает:

«Теперь я дал указание аналогичному оперативному штабу моего аппарата провести выполненную на западе работу также в оккупированных восточных областях.

... Имея образовавшуюся таким образом общую картину, можно было удовлетворить все справедливые желания и требования великой германской империи. На этой основе я бы взял на себя также гарантирование того, чтобы все произведения искусства, которые могут быть использованы

для ваших личных планов, в отношении музея в Линце и других музеев, действительно были использованы в этих целях».

Розенберг 17 октября 1944 г. писал Ламмерсу, что для транспортировки «учтенного» его организациями добра понадобилось 1 418 000 железнодорожных вагонов, а 427 000 тонн, кроме того, было перевезено водным путем. В этом же письме Розенберг писал, что из захваченных товаров отправлено в Германию 9 000 вагонов сельскохозяйственных и прочих машин. И после этого он смеет говорить о каких-то машинах, якобы ввезенных на Украину.

И последнее: о смехотворной теории так называемого «благородного антисемитизма» Розенберга. Нелепо полемизировать с защитником Розенберга, утверждавшим, что существует «благородный антисемитизм», ни тем более с самим Розенбергом.

В своем заявлении перед Трибуналом я обратил внимание на фашистскую пропаганду, содержащуюся в защитительной речи. Сейчас я хочу напомнить Суду содержание двух документов Розенберга.

В директиве от 29 апреля 1941 г. он писал:

«Общее разрешение еврейской проблемы должно сейчас проводиться методом временного разрешения ее. Рабский труд для евреев, создание гетто и т. д. должно быть разрешением этой проблемы».

Еще более цинично, еще более откровенно Розенберг, будучи министром восточных оккупированных областей, высказывался в ноябре 1942 года на заседании германского рабочего фронта.

«Мы не должны,— говорил Розенберг,— довольствоваться тем, что евреи будут выселены в другое государство и, может быть, там или здесь будет находиться большое еврейское гетто, нет, наша цель должна оставаться прежней. Еврейский вопрос будет разрешен в Европе и Германии только в том случае, если на европейском континенте не останется больше евреев».

И все эти операции «Котбус», истребление евреев в городах прибалтийских республик, на Украине и в Белоруссии — все производились на основе установок Розенберга и с его согласия.

В 1937 году Розенберг получил германскую национальную премию. В связи с этим фашистская печать о нем написала:

«Альфред Розенберг блестяще помог своими книгами заложить научные и духовные основы, усилить и укрепить философию национал-социализма.

Только будущее сумеет полностью оценить глубину влияния этого человека на философские основы национал-социалистского государства».

И это будущее — стало настоящим. И я уверен, что Трибунал надлежаще оценит и не только влияние Розенберга «на философские основы национал-социалистского государства», но и его активную роль во всех преступлениях против мира и человечности, совершенных гитлеровцами.

Франк

Юрист по образованию, подсудимый Ганс Франк был тем, кто любил говорить о рецепции «старонемецкого» права для немцев, о «принципах справедливости» для «избранных» и о «праве избранных» на уничтожение народов и государств.

В 1939 году именно этому человеку, длительное время растлевавшему немецкую юридическую мысль, Гитлер вверил судьбу порабощенной Польши.

Франк прибыл в Польшу для того, чтобы практически осуществить на территории страны с многовековой историей и самобытной высокой культурой программу порабощения и уничтожения народа, который гитлеровцы считали навсегда покоренным.

Я хотел бы напомнить Суду некоторые высказывания Франка, относящиеся к первым месяцам его пребывания в Польше, взятые из его так называемого «дневника». Вряд ли стоит полемизировать с защитником о доказательственной силе этого документа.

Сам Франк заявил следователю, что «это документ исторического значения», и на вопрос, «являются ли истинными все утверждения, содержащиеся в дневнике», ответил: «это полностью соответствует тому, что мне известно».

19 января 1940 г. Франк с циничной откровенностью заявил на совещании руководителей отделов:

«15 сентября 1939 г. я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область, как территорию войны и как трофейную страну сделать ее грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры».

31 октября 1939 г. в присутствии Геббельса, на совещании руководящих сотрудников генерал-губернаторства, он заявил: «Следует совершенно четко выделить различие между германским народом — народом господ — и поляками».

Он вспомнил тогда же и о польской культуре, о которой, как говорил здесь защитник Зейдель, Франк проявлял много забот. Он заявил: «... полякам можно предоставить только такие возможности образования, которые доказывали бы безнадежность судьбы их народа. Речь может итти поэтому о плохих фильмах или о таких, которые демонстрируют величие и мощь немцев».

Одним из первых распоряжений Франка был приказ о расстреле заложников. Затем подобные приказы стали исчисляться сотнями и тысячами, пока не закончились, наконец, изданием «постановления» от 2 октября 1943 г.

10 ноября 1939 г. Франку донесли о том, что близится день польской независимости и на некоторых домах были вывешены плакаты, напоминавшие полякам о дне их национального праздника. Тогда в «дневнике» Франка появилась запись: «Господин генерал-губернатор распорядился о том, чтобы из каждого дома, на котором остается висеть такой плакат, расстреливали одного жителя мужского пола. Поляк должен чувствовать, что мы для него не намерены строить правовое государство».

Приведенный нами короткий отрывок из речи Франка на совещании руководителей отделов «генерал-губернаторства» характеризует этого гитлеровского «юриста» значительно лучше, чем обширные выдержки из его парадных речей, которые мы вынуждены были выслушивать здесь.

Преступная деятельность Франка в Польше настолько многообразна, что нет никакой возможности в краткой речи восстановить перед Судом все многочисленные доказательства виновности Франка, предъявленные в этом зале и, очевидно, свежие еще в памяти Судей.

Но в преступной деятельности Франка в Польше нужно выделить главное, и этим главным является преступная деятельность Франка как убийцы миллионов людей.

Конечно, он грабил, он был уполномоченным Геринга по четырехлетнему плану и грабил, так сказать, «по должности».

Он послал более двух миллионов поляков на каторгу в Германию. Только на предположении о том, что, кроме адвоката, никто не изучал дневников Франка, могут покоиться попытки защиты представить Франка «врагом насильственных методов вербовки». Ибо Франк никуда не может уйти от таких документов, как протокол заседания руководителей отделов от 12 апреля 1940 г., от записей совещаний с гаулейтером Заукелем 18 августа 1942 г., от стенограммы совещания с Бюлером, Крюгером и др. 21 апреля 1940 г.

Но он посылал людей на каторгу для того, чтобы выжать из них все возможное в интересах «рейха» перед тем, как обречь их на смерть. Режим, установленный Гансом Франком в Польше на всех стадиях временного немецкого господства в этой стране, был бесчеловечным режимом умерщвления миллионов людей различными, но одинаково преступными методами.

Неслучайно (как убедился в том Суд из недавно прозвучавших в этом зале показаний бывшего заместителя бургомистра Смоленска — проф. Базилевского) на режим, установленный Франком в Польше, как на пример для своих действий ссылались те немецко-фашистские убийцы, которые уничтожили 11 тысяч пленных польских офицеров в Катынском лесу.

Я считаю особенно важным подчеркнуть здесь, как представлялась Франку политика в отношении польского населения после войны:

«Я настоятельно обращаю внимание на то,—говорил Франк,—что в случае заключения мира в этом обращении ничего не изменится. Этот мир будет означать, что мы тогда как мировая держава будем еще интенсивнее, чем до сих пор, проводить в жизнь нашу общую политическую линию. Он будет означать, что мы должны будем проводить колонизацию в еще более грандиозном масштабе, но ничего в принципе не изменит».

Это говорилось в 1940 году, когда Франк замышлял первое массовое убийство польской интеллигенции, так называемую операцию «АБ».

В 1944 году на совещании сельскохозяйственных фюреров в Закопане Франк сказал:

«Если бы мы выиграли войну, то тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг генерал-губернаторства, можно превратить в рубленое мясо. Лишь бы удержать их во время войны в подчинении. Пусть будет, что будет».

Уже не от Франка зависело то, что в 1944 году он, мечтая о том, как обратить поляков и украинцев в рубленое мясо, должен был добавить неопределенную формулу «если бы мы выиграли войну». В это время он не мог уже быть столь определенным в своих выражениях, как 2 августа 1943 г., когда на приеме ораторов НСДАП в королевском зале Краковского дворца Франк заявил о судьбе уничтоженных польских евреев:

«Здесь мы начали с трех с половиной миллионов евреев, сейчас от них осталось лишь несколько рабочих рук. Все другие, скажем мы когда-нибудь,— эмигрировали».

Как сам Франк, так и его защитник пытались утверждать, что подсудимый ничего не знал о происходившем в концентрационных лагерях генерал-

губернаторства. Однако в том самом «секретном рапорте» Франка на имя Гитлера, который пыталась использовать в интересах Франка защита, можно найти подтверждение того, что Франк был отлично информирован о происходившем в концлагерях. Там говорится: «Бо́льшая часть польской интеллигенции не поддается влиянию известий из Катыни и противопоставляет немцам подобные же злодеяния в Освенциме». Затем Франк приводит в высшей степени характерную фразу, описывая реакцию польских рабочих на провокационные сообщения немцев о Катыни. «Ведь имеются же концентрационные лагери в Освенциме и Майданеке, где массовые убийства поляков производились по конвейеру». И далее: «Сегодня, к сожалению, польская общественность и не только интеллигенция сравнивает Катынь с массовой смертностью в германских концентрационных лагерях и с расстрелами мужчин, женщин и даже детей и стариков при проведении коммулятивных наказаний в районах».

После «секретного рапорта» на имя Гитлера не было никакого «нового курса» Франка. Наоборот, Франк издал то свое постановление от 2 октября 1943 г., которое сам подсудимый при допросе его защитником назвал «ужасным». После введения в действие этого «постановления» жертвами его стали многие тысячи невиновных людей. Число казнимых все увеличивалось, пока в Варшаве не достигло 200 человек, единовременно расстреливаемых за одну казнь. То же самое происходило на улицах всех польских городов, где так называемые «полицейские суды» осуществляли казни, как сказано в тексте самого постановления, немедленно за приговором. Обреченные на смерть привозились на место казни одетые в одежду из бумаги, с губами, заклеенными пластырем, или ртом, наполненным алебастром, обескровленные в тюрьмах. На правительственном заседании в Кракове 16 декабря 1943 г., где Франк с удовлетворением констатировал, что казни имели «благоприятные последствия», одновременно обсуждался другой вопрос. В протоколе этого совещания сказано:

«Нужно обсудить, не является ли возможной организация особых мест для казни, так как установлено, что польское население стекается к доступным местам казни, набирает в сосуды пропитанную кровью землю и несет ее в церкви».

Защита пыталась здесь говорить о бесконечных разногласиях Франка с полицией, который был якобы не согласен с ее действиями. Посмотрим — что это за разногласия?

Первая же «зондер-акция», произведенная в Польше, а именно: операция «АВ» — физическое уничтожение нескольких тысяч польских интеллигентов — была произведена не по инициативе полиции, а по инициативе самого Франка. Согласно декрету Гитлера от 2 мая 1942 г., руководитель полиции был подчинен генерал-губернатору. Когда между Франком и начальником полиции Крюгером действительно начались некоторые разногласия, то с поста начальника полиции должен был уйти Крюгер, а Франк остался генерал-губернатором Польши. Что касается сменившего Крюгера обергруппенфюрера Коппе, то кто, как не Франк, 16 декабря 1943 г. выразил ему благодарность за расстрел заложников, признательность за его плодотворную работу и с удовлетворением отметил, что «во главе полиции в генерал-губернаторстве стоит крупнейший специалист». Непонятно, о каких разногласиях Франка с полицией говорил адвокат Зейдль.

Защита пыталась даже изобразить Франка «своеобразным мирным антисемитом», который хотя и отрицательно относился к еврейскому на-

роду, но не только не организовал сам убийств евреев, но даже и не подстрекал к ним.

Непостижимо, как в таком случае могут быть истолкованы защитником следующие слова Франка:

«Евреи — это раса, которая должна быть уничтожена. Где бы мы ни поймали хотя бы одного, с ним будет покончено».

Или заявлено на правительственном заседании от 24 августа 1942 г., когда он говорил:

«То, что мы приговариваем к голодной смерти 1,2 миллиона евреев, само собой понятно. Разумеется, что если эти евреи не умрут с голоду, то это, вероятно, вызовет, как следствие, ускорение, активизацию мероприятий, направленных против евреев».

Преступная деятельность палача польского народа Франка привела к гибели миллионов людей.

«Вы видите, как работают государственные органы, вы видите, что они ни перед чем не останавливаются и ставят людей дюжинами к стенке», — так сам Франк характеризовал насажденный им в Польше режим кровавого террора на совещании штандартенфюреров 18 марта 1942 г.

«Я не постеснялся заявить, что за одного убитого немца будет расстреляно до ста поляков»,— эти слова были произнесены Франком 15 января 1944 г. на заседании политических руководителей НСДАП.

«Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: «Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил 150 000 поляков», то он бы сказал: «Прекрасно, если это было необходимо»,— заявил 18 марта 1944 г., произнося речь в Рейхсгофе, тот самый Франк, который ныне пытается уверить Суд в том, что имел какие-то «принципиальные разногласия» с Гитлером и Гиммлером.

Те заявления, которые сделал Франк в первые месяцы своего пребывания в Польше, были настоящей программой убийств, осуществляемых подсудимым планомерно, методично и беспощадно.

Франк, конечно, хорошо понимал, что в случае, если война не принесет победы, ему придется нести ответственность за преступления, совершенные в Польше, и за участие в фашистском заговоре.

Еще в 1943 году на заседании с сообщниками Франк говорил об этом. И надо отдать должное, он как юрист гораздо более правильно представлял и формулировал понятие преступного заговора, чем некоторые адвокаты на этом процессе, которые, опираясь на устарелые понятия, пытаются оспаривать обоснованность обвинения в заговоре.

На этом правительственном заседании совместно с полицией 25 января 1943 г. тогдашний генерал-губернатор заявил «гиенам Гиммлера»:

«... Я хотел бы подчеркнуть одно: мы не должны жеманничать, когда слышим о 17 000 расстрелянных. Эти расстрелянные тоже являются жертвами войны. Давайте вспомним сейчас, что все мы, собравшиеся здесь, фигурируем в списке преступников господина Рузвельта. Я имею честь быть номером первым. Мы стали, так сказать, сообщниками в масштабах мировой истории. Именно поэтому мы должны держаться вместе и разделять общие идеи, и было бы просто смешно, если бы мы стали выносить сор из избы, касающийся споров о методах».

Этот призыв к убийствам очень далек от «бесконечных споров с полицией», о которых говорил здесь защитник Франка.

Подсудимый ошибся в одном — он неверно определил свое место на скамье подсудимых. Но он не ошибся в основном — как преступник «в масштабах мировой истории» он сел на скамью подсудимых.

Фрик

С именем подсудимого Вильгельма Фрика неразрывно связана история развития нацистского движения в Германии и многочисленные преступления гитлеровцев.

В качестве министра внутренних дел гитлеровского правительства Фрик участвовал в издании многочисленных законов, указов и других актов, направленных на уничтожение в Германии демократии, преследование церкви, дискриминацию евреев и т. д.

В этой роли подсудимый Фрик активно способствовал созданию в Германии гитлеровского тотального государства.

В течение ряда лет в подчинении подсудимого Фрика находилась получившая мрачную известность германская государственная тайная полиция (гестапо).

Не кем иным, как подсудимым Фриком, в 1940 году был издан приказ об уничтожении душевнобольных и престарелых.

В качестве министра внутренних дел гитлеровской Германии Фрик, как показал об этом в Суде и свидетель Гизевиус, был полностью осведомлен о широко развитой в третьей империи системе концентрационных лагерей и о существовавшем в них изуверском режиме.

Значительная роль принадлежит подсудимому Фрику в подготовке и осуществлении агрессивных планов гитлеровского правительства. Он являлся членом совета министров по обороне империи и генеральным уполномоченным по вопросам администрации.

Все документы, которыми гитлеровские заговорщики узаконивали присоединение к Германии захваченных территорий,в числе других гитлеровских главарей были подписаны также подсудимым Фриком.

Лично подсудимый Фрик в качестве протектора Богемии и Моравии несет ответственность за все преступления, совершенные гитлеровцами на этой территории.

Возглавляемое подсудимым Фриком министерство внутренних дел после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз принимало самое активное участие в создании администрации на захваченных территориях СССР. Из числа служащих министерства внутренних дел в основном комплектовался аппарат немецких оккупационных властей на Востоке.

Нет необходимости повторять, какую роль в истреблении, угоне в рабство и других бесчеловечных действиях в отношении мирного населения оккупированных территорий сыграл этот аппарат, созданный при самом активном участии подсудимого Фрика.

За все эти преступления Фрик как активный участник фашистского заговора несет прямую и полную ответственность.

Штрейхер

Несмотря на то, что в годы войны подсудимый Юлиус Штрейхер формально не занимал должностей, непосредственно связанных с осуществлением убийств и массовых казней,— трудно переоценить преступления, совершенные этим человеком.

Наряду с Гиммлером, Кальтенбруннером, Полем, теми, кто замышлял, конструировал и приводил в действие газовые камеры, «душегубки», наряду с теми, кто непосредственно осуществлял массовые акции, Штрейхер должен нести ответственность за наиболее жестокие преступления германского фашизма.

Разжигание национальной и расовой розни, воспитание извращенной жестокости и призыв к убийствам — были не только долголетней партийной обязанностью, но и доходной специальностью этого человека.

И неслучайно так высоко расценил заслуги «Дер Штюрмер» и его главного редактора Гиммлер в своем, известном уже Суду, приветствии Штрейхеру, датированном апрелем 1937 года.

Штрейхера можно считать подлинным «духовным отцом» тех, кто разрывал надвое детей в Треблинке. Без «Штюрмера» и его редактора германский фашизм не смог бы так быстро воспитать те массовые кадры убийц, которые непосредственно осуществили преступные планы Гитлера и его клики, уничтожив более шести миллионов евреев Европы.

В течение долгого ряда лет Штрейхер духовно растлевал детей и молодежь Германии. Суду были представлены гнусные «детские издания» «Штюрмера». И поэтому вместе с Бальдуром фон Ширах Штрейхер должен нести ответственность за то, что морально изуродованная им «гитлерюгенд» использовала в качестве мишеней еврейских детей, взятых из львовского гетто. Неслучайно фон Ширах так высоко ценил «исторические заслуги» Штрейхера.

Изуверские «нюрнбергские законы» были для этого «юдофоба № 1», как он сам называл себя, и организатора первых еврейских погромов лишь «началом борьбы». Как помнит Суд, после издания этих законов Штрейхер, призывая к физическому уничтожению евреев Европы, писал: «... только тогда, когда мировое еврейство будет уничтожено, эта проблема будет разрешена».

Я не стану возвращаться также к тем лживым и позорным «ритуальным номерам» «Штюрмера», которые должны были натравить эсэсовцев на убийство миллионов беззащитных людей и оправдать любые зверства в отношении евреев. Эти доказательства виновности Штрейхера, предъявленные Суду в числе других, общеизвестны и бесспорны.

В 1939 году он, предвкушая Майданек и Треблинку, писал о том, что «возможно, только могилы евреев заявят о том, что они существовали в Европе».

В 1943 году, когда газовые камеры Треблинки и Освенцима уже принимали миллионы жертв, в «Штюрмере» были опубликованы статьи, подстрекающие к ликвидации «гетто», статьи, полные лжи и злорадства, и, наконец, «Штюрмер» с садистским удовлетворением констатировал: «Евреи в Европе исчезли».

Штрейхер лгал всю свою жизнь. Он пытался лгать и здесь во время Суда. Я не знаю — рассчитывал ли он обмануть кого-нибудь этой ложью или лгал по привычке и от страха.

Но кажется мне, что самому подсудимому должно быть ясно, — его последняя ложь уже никого не обманет и не принесет ему спасения.

Шахт

Подсудимый Гельмар Шахт играл выдающуюся роль в подготовке и осуществлении преступных планов фашистского заговора, выполняя большую и сложную работу.

Защитительная позиция Шахта чрезвычайно проста.

Если ему поверить, он пришел к гитлеризму исключительно из патриотических побуждений, он был против агрессивных войн, но за вооружение Германии с целью сохранения мира. Он был за возврат Германии колоний с целью установления экономического равновесия в Европе.

Убедившись в том, что политика гитлеровского правительства преследует чрезмерное вооружение и таким образом угрожает развязыванию второй мировой войны, Шахт перешел в оппозицию к Гитлеру, саботировал мероприятия гитлеровского правительства и в результате как участник заговора против Гитлера был репрессирован.

Свои восторженные письма, адресованные Гитлеру и полные выражений преданности, подсудимый Шахт пытается сейчас представить как метод маскировки его подлинных оппозиционных настроений к гитлеровскому режиму.

На самом деле Шахт уже в 1930 году сблизился с нацистским движением. Шахт тяготел к национал-социалистам, а Гитлер и Геринг добивались поддержки Шахта, который имел обширные связи в промышленных и финансовых кругах Германии и, как никто иной, мог оказать и в действительности оказал неоценимые услуги гитлеризму.

Уже 29 августа 1932 г. в своем письме на имя Гитлера Шахт заверил его в своей преданности.

Эти заверения не остались словами. Не кто иной, как именно подсудимый Шахт, сыграл решающую роль в приходе Гитлера к власти. Именно он, Шахт, был организатором обращения промышленных кругов Германии с требованием назначения Гитлера рейхсканцлером.

Именно он, Шахт, еще в 1932 году заявил тогдашнему рейхсканцлеру Германии фон Папену — отдайте свой пост Гитлеру. Именно он, Шахт, в 1933 году, накануне выборов в рейхстаг, организовал совещание промышленников, на котором был создан выборный фонд для нацистской партии в несколько миллионов марок.

Роль и значение Шахта в создании гитлеровской Германии характеризует ближайший сподвижник Гитлера Геббельс. В своем дневнике он записал 21 ноября 1932 г:

«В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью отражает нашу точку зрения. Он один из немногих, кто полностью согласен с позицией фюрера».

Сам подсудимый Шахт в своем выступлении на весенней ярмарке в Лейпциге 4 марта 1935 г. так определил свою роль в гитлеровском государстве:

«Я могу уверить, что все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера и что я ничего не буду делать и говорить, что не получит одобрения фюрера. Таким образом, хранителем экономического разума являюсь не я, а фюрер...».

Заслуги подсудимого Шахта были, как этого и ожидал сам Шахт, достойно оценены Гитлером. После прихода к власти в 1933 году Гитлер сразу же назначил Шахта председателем рейхсбанка, а затем — министром эко-

номики и, наконец, генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики.

Материалами обвинения и судебным следствием доказана исключительная роль подсудимого Шахта в подготовке вооружения Германии и тем самым в развязывании агрессивных войн.

Бывший военный министр Бломберг в своих показаниях сообщил, что в 1937 году планы развития вооруженных сил были близки к выполнению и что Шахт был информирован об этих планах и необходимом финансировании.

Шахт являлся одним из наиболее последовательных сторонников преступных планов гитлеровцев. В беседе с послом США Фуллером 23 сентября 1936 г. Шахт заявил ему, что «... колонии необходимы Германии. Если возможно, мы приобретем их путем переговоров, если нет — мы захватим их...».

Выступая в Вене в марте 1938 года, Шахт заявил:

«Слава богу, это не могло помешать великому германскому народу продолжать свой путь потому, что Адольф Гитлер объединил германскую волю и германскую мысль. Он подкрепил это вновь усиленными вооруженными силами, и, в конце концов, он придал внешнюю форму внутреннему единству между Германией и Австрией».

Подсудимый Шахт был наделен чрезвычайными полномочиями в области военной экономики.

В течение ряда лет Шахт одновременно являлся председателем рейхсбанка, министром экономики и генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики.

Уже в силу одного этого своего положения подсудимый Шахт сыграл огромную и решающую роль в создании и возрождении военной экономики и вооруженных сил гитлеровской Германии.

Эта роль подсудимого Шахта достаточно освещена в неоднократных хвалебных письмах Гитлера к Шахту.

Не кто иной, как подсудимый Шахт, являлся создателем авантюристического метода «МЕФО», при помощи которого в германскую экономику на цели вооружения было вложено сверх бюджетных ассигнований 12 миллиардов марок.

Как уже указывалось выше, подсудимый Шахт пытался в разные периоды его деятельности подчеркнуть свои все будто бы обострявшиеся разногласия с гитлеровским режимом. На самом деле Шахт проводил двойную игру, предохраняя себя от ответственности за преступную политику зарвавшегося гитлеровского правительства заигрыванием с людьми, действительно стремившимися к свержению гитлеровского режима, и в то же время сохраняя на всякий случай свою лойяльность к этому режиму.

Только в 1943 году, когда для такого прожженного политикана, как Шахт, стал очевиден крах гитлеровской Германии, он установил связь с оппозиционными гитлеровскому режиму кругами, но, оставаясь верен себе и страхуя себя и в этом случае, ничего реального для свержения гитлеровского режима лично не сделал и именно поэтому был сохранен Гитлером.

Таков облик подсудимого Шахта, такова его роль в общем заговоре и военных преступлениях — роль творца военной экономики гитлеровской Германии и поджигателя развязанной преступным гитлеровским правительством второй мировой войны.

Функ

Вальтер Функ стал нацистом задолго до своего официального вступления в 1931 году в члены НСДАП и оставался нацистом до конца. Свои экономические знания, свой опыт журналиста, свои обширные связи с руководителями германской промышленности, торговли и финансов он поставил на службу гитлеровским заговорщикам.

В опубликованной в газете «Дас Рейх» от 13 августа 1940 г. статье под названием «Вальтер Функ — пионер национал-социалистского мышления» указывалось:

«Вальтер Функ остался себе верен потому, что он был, есть и будет национал-социалистским борцом, посвящающим все свои труды победе идеалов фюрера».

Каковы были идеалы Гитлера — достаточно хорошо известно. Этим «идеалам» Функ посвятил полтора десятка лет своей жизни.

Функ утверждал, что он ничего общего не имел с СС, но не кто иной, как Функ, превратил кладовые рейхсбанка в место хранения ценностей, награбленных эсэсовцами в восточных и других оккупированных областях.

Лично Функ после переговоров с Гиммлером распорядился принять в рейхсбанк золотые зубы, коронки, оправы от очков и другие ценные вещи замученных жертв многочисленных концлагерей.

Заместителем Функа был группенфюрер СС Хойлер. Под руководством Функа работал Олендорф — убийца 90 тысяч человек.

Функ, продолжая мероприятия Шахта, поставил на службу агрессивным планам гитлеровцев всю экономику Германии, а впоследствии и экономику территорий, оккупированных Германией.

Еще в мае 1939 года Функ и его заместитель Ландфрид разработали планы военного финансирования и использования для войны всех экономических ресурсов Германии и захваченной немцами Чехословакии.

23 июня 1939 г. Функ участвует в заседании имперского совета обороны, на котором были приняты детальные планы перевода всего народного хозяйства на военные рельсы.

Уже тогда Функ не только был осведомлен о готовящемся нападении Германии на Польшу, не только способствовал осуществлению этих агрессивных планов, но и экономически подготавливал новые войны, захват новых областей. Это и были «большие политические цели фюрера», о которых спустя несколько месяцев Функ писал в своей статье «Хозяйственная и финансовая мобилизация».

Я напомню еще об этом документе. 25 августа 1939 г. Функ писал Гитлеру: «Переданная мне г-ном фельдмаршалом Герингом весть о том, что мой фюрер вчера вечером в основном одобрил подготовленные мною мероприятия по финансированию войны, по образованию цен, тарификации заработной платы и по проведению подписки на принудительные пожертвования, меня глубоко осчастливила».

Задолго до вероломного нападения Германии на СССР Функ принял участие в разработке планов по разграблению богатств Советского Союза.

Функ прикомандировал к министерству Розенберга и хозяйственному штабу ОСТ, этому грабительскому центру, своих сотрудников. Люди Функа принимали также участие в разграблении Чехословакии, Югославии и других оккупированных стран.

Функ являлся президентом компании «Континенталь Ойль», организованной для эксплоатации немцами нефтяных богатств восточных оккупированных территорий, в особенности грозненской и бакинской нефти.

Функ полностью разделял грабительские цели войны гитлеровской Германии против СССР. Выступая 17 декабря 1941 г. в Праге, он говорил, что Восток является будущей колониальной областью Германии. Функ принимал участие в совещании у Геринга от 6 августа 1942 г., на котором намечались наиболее эффективные меры экономического разграбления оккупированных территорий СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Норвегии и других стран.

На этом совещании, а также на заседаниях управления «Центрального планирования» Функ принимал участие в разработке планов угона в рабство миллионов людей оккупированных областей.

Таковы основные этапы активной преступной деятельности гитлеровского заговорщика подсудимого Функа — личного советника Гитлера по экономическим вопросам еще в 1931 году, имперского министра и генерального уполномоченного по вопросам экономики, президента рейхсбанка и члена имперского совета обороны — в период подготовки и осуществления общего преступного плана (заговора).

Виновность Функа — активного участника фашистского заговора — в совершении преступлений против мира, в участии в военных преступлениях, преступлениях против человечности полностью доказана, и он должен понести ответственность за совершенные им злодеяния.

Ширах

С 1931 года и до конца войны подсудимый Бальдур фон Ширах возглавлял руководство нацистской молодежью.

После издания 1 декабря 1936 г. закона о гитлеровской молодежи фон Ширах в качестве имперского руководителя молодежи был подчинен непосредственно Гитлеру.

В своих показаниях на суде подсудимый Ширах, пытаясь избежать ответственности за воспитание немецкой молодежи в духе национал-социалистских идей, неоднократно ссылался на то, что «Гитлерюгенд» являлась самостоятельной, независимой от нацистской партии и гитлеровского правительства молодежной организацией.

В целях своей защиты подсудимый Ширах счел возможным и уместным сослаться на великого Гете, слова которого «сама юность воспитывает молодежь» с неприкрытым цинизмом были использованы Ширахом.

Гете был, конечно, прав, когда говорил, что «сама юность воспитывает молодежь». Но он имел в виду здоровую, полноценную, жизнедеятельную юность, а не юность, растленную мракобесием гитлеризма, ярко выраженным в словах Гитлера, сказанных им Раушнингу:

«Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя».

И подсудимый Ширах, методически внедряя идеи гитлеризма в сознание немецкой молодежи, воспитывал немецкую молодежь в духе требова-

ний Гитлера, по образцу и подобию матерых вожаков гитлеровской банды.

На перекрестном допросе подсудимый Ширах в конце концов все же вынужден был признать, что немецкая молодежь воспитывалась в духе национал-социалистских идей, что к ее воспитанию были привлечены члены СА, офицеры немецких вооруженных сил и СС, что в гитлеровской Германии проводилась усиленная военная подготовка молодежи.

В этих целях между имперским руководством «Гитлерюгенд» и ОКВ, в лице подсудимого Кейтеля и рейхсфюрера СС Гиммлера, были заключены специальные соглашения, предусматривавшие воспитание молодежи в духе воинственного милитаризма и соответствующую вербовку и подготовку молодежи для германских вооруженных сил и соединений СС.

Роль и участие подсудимого фон Шираха в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности лучше всего характеризуется поведением во время войны немецкой молодежи, воспитанной в «Гитлерюгенд».

Советским обвинением было представлено Трибуналу под № СССР-6, в порядке статьи 21 Устава, сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев на территории Львовской области.

В этом сообщении приводилось заявление французской подданной Иды Вассо об изуверской расправе членов «Гитлерюгенд» над малолетними детьми, из которых они делали мишень для стрельбы.

В своих письменных показаниях от 16 мая 1946 г., а также в ответах на опросный лист защитника подсудимого Шираха Ида Вассо полностью подтвердила свое заявление.

Убедительные показания о действиях членов «Гитлерюгенд» в составе немецких вооруженных сил были даны военнопленным немецким солдатом Гертом Кнителем, который сам с 1938 года являлся членом «Гитлерюгенд» и в возрасте 18 лет, в 1942 году, был призван в немецкую армию.

Описывая свое участие в многочисленных злодеяниях, Герт Книтель сообщил:

«В местечке Липайск наша рота в июне 1943 года подожгла дом с находившимися там людьми... Всех пытавшихся выпрыгнуть из дома мы расстреливали, только одну старуху не расстреляли, так как на наших глазах она сошла с ума...».

За все эти преступления несет полную ответственность вместе с Гертом Кнителем и десятками тысяч им подобных и подсудимый фон Ширах.

Сам Ширах, конечно, не стрелял, не занимался поджогами, но это он вложил оружие в руки морально развращенной им и подготовленной к осуществлению любых зверств немецкой молодежи.

Но не только этими преступлениями исчерпывалась преступная деятельность «Гитлерюгенд» и подсудимого Шираха во время войны.

«Гитлерюгенд» активно участвовала в подготовке агрессивных войн путем создания пятых колонн в Польше и Югославии, о чем свидетельствуют представленные Трибуналу официальные доклады польского и югославского правительств.

Организация «Гитлерюгенд» принимала активное участие в мероприятиях министерства оккупированных восточных территорий, о чем свидетельствует представленный Трибуналу под № 1039-ПС отчет подсудимого Розенберга, а также активно участвовала в угоне в рабство из окку-

пированных территорий детей в возрасте от 10 до 14 лет, о чем свидетельствует представленный Трибуналу документ под номером 031-ПС.

Будучи имперским наместником и гаулейтером Вены, Ширах принимал личное руководящее участие в выселении из Вены 60 тысяч евреев, которые затем были истреблены в концентрационных лагерях на территории Польши.

Предъявленные обвинением документы — еженедельные отчеты, поступавшие к Шираху, устанавливают, что он был осведомлен о многочисленных злодеяниях, чинимых немецкими войсками и оккупационными властями на Востоке, и, в частности, о трагической судьбе насильственно вывезенных из Вены десятков тысяч евреев.

Подсудимый Ширах в 1940 году требовал в своей телеграмме на имя Бормана в ответ на убийство палача Богемии и Моравии Гейдриха уничтожить воздушной бомбардировкой один из культурных городов Великобритании.

Одна эта телеграмма достаточно ярко и убедительно рисует моральный облик фон Шираха.

Преданный до конца гитлеровской клике, осведомленный о всех ее преступных делах, в которых сам принимал самое активное участие, подсудимый фон Ширах являлся одной из наиболее зловещих фигур третьей империи.

Заукель

Я уже указывал в своей вступительной речи, что в длинной цепи подлых преступлений немецко-фашистских захватчиков особое место занимал насильственный угон в Германию на рабский труд мирных граждан — мужчин, женщин и детей.

Подсудимому Фрицу Заукелю принадлежит решающая роль в этом мрачном преступлении.

В судебном заседании во время перекрестного допроса подсудимый Заукель был вынужден признать, что в промышленности и, частично, сельском хозяйстве Германии во время войны было использовано около 10 миллионов подневольных рабочих, как вывезенных из оккупированных территорий, так и из числа военнопленных.

Признавая вывоз в Германию из оккупированных территорий миллионов рабочих и использование их, прежде всего, в интересах военной экономики гитлеровской Германии, Заукель отрицал преступный характер этих действий, утверждая, что вербовка рабочих производилась будто бы добровольно.

Это не просто ложь, но и клевета на миллионы честных патриотов Советского Союза, Чехословакии, Югославии, Польши, Франции, Голландии, преданных своей Родине, насильственно угнанных на рабский труд в гитлеровскую Германию.

Попытки подсудимого Заукеля представить свою роль в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы как лица, только координирующего и инспектирующего деятельность других государственных органов по использованию рабочей силы, являются несостоятельными. В качестве генерального уполномоченного по использованию ра-

бочей силы Заукель был наделен Гитлером чрезвычайными и всеобъемлющими правами и был подчинен в своей деятельности непосредственно и лично Герингу.

И Заукель широко использовал эти полномочия для ввоза в Германию рабочей силы из оккупированных территорий.

Нет нужды ссылаться на многочисленные документальные доказательства, представленные Трибуналу и с бесспорностью устанавливающие преступный характер методов массового угона в рабство населения оккупированных территорий и организаторскую роль в этих преступлениях подсудимого Заукеля.

Насколько далеко зашли эти преступления, свидетельствует проведенная немецкими военными и гражданскими властями операция, зашифрованная под названием «Сено», которая предусматривала насильственный угон в рабство детей в возрасте от 10 до 14 лет и угон украинских девушек, предназначенных Гитлером для онемечивания.

Подсудимый Заукель пытается уверить Трибунал в том, что он будто бы строго выполнял требования Женевской и Гаагской конвенций об использовании труда военнопленных. Однако его же собственные директивы полностью разоблачают его ложь.

Подсудимый Заукель заранее планировал принудительное использование советских военнопленных в военной промышленности Германии и не проводил никакой разницы между ними и гражданской рабочей силой.

О нечеловеческих условиях, в которых находились угнанные в рабство иностранные рабочие и военнопленные, свидетельствуют многочисленные документальные доказательства.

Сам подсудимый Заукель был вынужден признать, что иностранные рабочие содержались в лагерях за колючей проволокой и были обязаны носить специальные опознавательные знаки.

Вызванный в судебное заседание по ходатайству защитника Заукеля свидетель доктор Вильгельм Егер нарисовал страшную картину тех условий, в которых находились подневольные рабочие на предприятиях фирмы Круппа.

Смехотворными после всего этого звучат показания другого свидетеля Фрица Висхофера, который, желая выгородить Заукеля, явно переусердствовал, сообщив Трибуналу, что он будто бы видел разгуливающих и веселящихся в венском Пратере иностранных рабочих.

Подсудимый Заукель проявлял большую активность в совершении всех этих преступлений. В апреле 1943 года в целях форсирования вывоза рабочей силы он лично посетил города Ровно, Киев, Днепропетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу, а в июне месяце того же года — Прагу, Краков, снова Киев, Запорожье и Мелитополь.

Именно в результате своей поездки на Украину в 1943 году Заукель объявил благодарность за успешную мобилизацию рабочей силы рейхскомиссару Украины Коху, известному своими драконовскими, бесчеловечными мерами, которые он широко применял в отношении украинского населения.

И неслучайно поэтому преступная деятельность Заукеля находила высокую оценку в гитлеровской Германии.

6 августа 1942 г. на совещании рейхскомиссаров оккупированных областей подсудимый Геринг заявил:

«...Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля. В этом он не нуждается. Но то, что он сделал в этот короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих и доставить их на наши предприятия, это является единственным в своем роде достижением. Я должен сказать всем, господа, если каждый в своей области приложил бы только десятую часть той энергии, которую приложил гаулейтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнимы задачи, которые возложены на вас...».

В статье, опубликованной в «Рейхсарбейтсблатт» за 1944 год и посвященной 50-летию Заукеля, говорилось: «Верный своей политической задаче, он с непоколебимой последовательностью и упорством, с фанатической верой идет по своему ответственному пути. Как один из наиболее верных сторонников Гитлера он черпает свои созидательные и духовные силы в доверии фюрера».

Давая оценку преступной деятельности Заукеля, высокие Судьи, несомненно, учтут слезы, пролитые миллионами томившихся в немецком рабстве людей, тысячи замученных в нечеловеческих условиях рабочих лагерей — учтут и воздадут ему должное.

Зейсс-Инкварт

Подсудимый Артур Зейсс-Инкварт был назначен Гитлером в начале сентября 1939 года начальником гражданской администрации Южной Польши, а с 12 октября того же года — заместителем генерал-губернатора Польши. На этом посту он находился по май 1940 года.

На протяжении семи месяцев Зейс-Инкварт лично, а также под руководством Франка и совместно с ним насаждал в Польше террористический режим, принимал активное участие в разработке и осуществлении планов уничтожения многих тысяч людей, экономического ограбления и порабощения народов польского государства.

17 ноября 1939 г. Зейсс-Инкварт выступил с речью перед начальниками управлений и отделов варшавского губернаторства, в которой, между прочим, указал, что при осуществлении германской администрации в генерал-губернаторстве «руководящий принцип должен быть — интересы германской империи. Путем строгого и несгибаемого управления эта область должна быть использована германской экономикой, а для того, чтобы не проявлять излишнего милосердия, следует помнить о том, как польская раса узурпировала германскую территорию».

Через два дня Зейсс-Инкварт по этому же вопросу инструктировал люблинского губернатора — бригаденфюрера СС Шмидта:

«Ресурсы и жители этой страны должны служить Германии, и процветать они могут только в этих пределах. Нельзя разрешить развитие независимого политического мышления. Может быть, Висла будет иметь еще большое значение для судеб Германии, чем Рейн».

Из отчета о служебной поездке Зейсс-Инкварта устанавливается: что губернатор Варшавы Фишер осведомил подсудимого о том, что все ценности варшавских банков в золоте, драгоценных металлах и векселях были переведены в рейхсбанк, причем польское население было обязано оставлять свои вклады в банках; что немецкая администрация применяет при-

нудительный труд; что люблинский губернатор Шмидт заявил в присутствии Зейсс-Инкварта: «Эта территория с ее ярко выраженным болотистым характером могла бы служить областью для евреев, где можно было бы создать условия для расстрела каждого десятого».

Я обращаю внимание Трибунала на то, что именно в Люблине, на Майданеке гитлеровские палачи создали огромный комбинат смерти, в котором они истребили около полутора миллионов человек.

Известно также, что Зейсс-Инкварт в качестве заместителя Франка выполнял от его имени «чрезвычайные задания».

Зейсс-Инкварт 8 декабря 1939 г. принял участие в конференции, на которой шла речь: о назначении Франка доверенным уполномоченным по 4-летнему плану и задачах генерал-губернатора «по получению для империи самого лучшего и полезного из хозяйства генерал-губернаторства»; о том, что из вновь присоединенных областей с 1 декабря прибыло много поездов с поляками и евреями и эти перевозки, как указал обергруппенфюрер СС Крюгер, будут продолжаться до середины декабря; об издании дополнительного распоряжения, согласно которому трудовая повинность распространяется на возраст от 14 до 18 лет.

21 апреля 1940 г. подсудимый принимал участие в совещании, на котором были разработаны мероприятия по принудительному вызову польских рабочих в Германию.

16 мая 1940 г. подсудимый принимал участие в разработке операции «АВ», которая являлась не чем иным, как планом заранее обдуманного массового истребления польской интеллигенции.

В связи с назначением Зейсс-Инкварта имперским комиссаром Нидерландов, Франк и его достойный заместитель обменялись прощальными речами:

«Я весьма рад,— говорил Франк,— заверить вас, что память о вашей работе в генерал-губернаторстве сохранится навсегда при создании будущей мировой империи германской нации...».

«Здесь,— ответил Зейсс-Инкварт,— я изучил многое... и в первую очередь, в области инициативы и твердого руководства в том виде, в каком я их увидел в моем друге д-ре Франке...

...Все мои мысли связаны с востоком. На востоке мы имеем национал-социалистскую миссию, на западе мы имеем функцию».

Какова была на западе функция Зейсс-Инкварта, как и прочих имперских министров и комиссаров во всех оккупированных немцами территориях, известно — это функции палача и грабителя.

Мои коллеги подробно говорили о преступной роли Зейсс-Инкварта в захвате Австрии и осуществлении других агрессивных планов гитлеровских заговорщиков, наглядно показали, как Зейсс-Инкварт применил в Нидерландах кровавый опыт, приобретенный им в сотрудничестве с Франком в Польше. И это дает мне все основания полностью поддерживать в отношении Зейсс-Инкварта обвинение, как оно сформулировано Обвинительным актом.

Фон Папен

Подсудимый Франц фон Папен еще в 1932 году, будучи рейхсканцлером германской республики, активно способствовал развитию в стране фашистского движения.

Папен отменил декрет своего предшественника Брюнинга о запрещении деятельности штурмовых отрядов СА. Им же было свергнуто социал-демократическое правительство Брауна-Зеверинга в Пруссии. Эти мероприятия в весьма значительной степени усилили положение фашистов и способствовали приходу их к власти.

Так Папен расчистил путь Гитлеру. Обеспечив власть фашистам, сам Папен занял в кабинете Гитлера пост вице-канцлера. На этом посту фон Папен участвовал в принятии и проведении ряда законодательных актов, направленных на укрепление немецкого фашизма.

И в дальнейшем в течение многих лет, вплоть до разгрома гитлеровской Германии, фон Папен остался верен своим фашистским друзьям, принимая посильное участие в осуществлении преступного заговора.

Подсудимый фон Папен пытается сейчас объяснить свою роль в развитии фашистского движения и в захвате власти Гитлером той политической ситуацией в стране, которая будто бы сделала приход Гитлера к власти неизбежным.

Действительные мотивы, которыми руководствовался фон Папен, состоят в том, что он сам был убежденный, преданный Гитлеру фашист.

Выступая во время выборной кампании в рейхстаг в Эссене 2 ноября 1933 г., Папен заявил:

«С тех пор, как судьба призвала меня стать пионером национального пробуждения и возрождения нашей родины, я пытался поддерживать всеми своими усилиями работу национал-социалистского движения и его руководителя. Так же, как, став канцлером, я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же, как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы передать власть в руки нашего канцлера и фюрера, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко мне доверие,— милостивый бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий дал ей такого руководителя с надежной интуицией государственного деятеля, который поведет ее через все несчастья и слабости, через все кризисы и опасности к счастливому будущему».

Международный Военный Трибунал даст должную оценку преступной деятельности подсудимого фон Папена, который сыграл решающую роль в захвате Гитлером власти, широко использовал провокационные методы в своей дипломатической деятельности, всеми силами способствуя созданию темных сил фашизма, которые ввергли мир в кровопролитные войны и причинили неисчислимые бедствия.

Шпеер

Архитектор Альберт Шпеер еще до захвата власти нацистами был личным другом архитектурного чертежника Гитлера и остался им до конца. Их сблизила и сроднила не только общность профессиональных интересов, но и политических. Шпеер начал свою карьеру в 1932 году с реконструкции «коричневого дома» — штаба НСДАП — в Берлине, а через 10 лет он возглавлял все военное строительство и военное производство фашистской Германии. Начав со строительства здания импер-

ского «партейтага», Шпеер закончил строительством «Атлантического вала».

Шпеер занимал выдающееся место в государственном и военном механизме гитлеровской Германии и принимал самое непосредственное активное участие в планировании и осуществлении преступного заговора.

В чем заключается «линия обороны» Шпеера на Суде? Шпеер представляет дело таким образом, что пост министра ему был навязан Гитлером: он был близким другом Гитлера, но о планах Гитлера ничего не знал, он в течение 14 лет состоял членом нацистской партии, но от политики был далек и даже не читал «Майн Кампф». Правда, будучи изобличен, Шпеер признался, что он солгал во время допроса на предварительном следствии. Шпеер лгал, когда отрицал свою принадлежность к СА, а затем и к СС. В распоряжении Суда имеется подлинное дело члена СС Альберта Шпеера, который состоял в личном штате рейхсфюрера СС Гиммлера.

Шпеер занимал довольно высокий ранг и в нацистской партии. Он был в партийной канцелярии делегатом по всем техническим вопросам, возглавлял главное управление техники НСДАП, руководил союзом германских техников национал-социалистов, был уполномоченным штаба Гесса, руководителем одной из крупных организаций германского трудового фронта.

Можно ли после этого серьезно принимать во внимание заявление Шпеера, что он был аполитичным специалистом? В действительности ближайший сотрудник Гитлера, Гесса, Лея и Геринга — Шпеер руководил германской техникой не только в качестве имперского министра, но и как нацистский политический руководитель.

Став преемником Тодта, Шпеер, как он сам выразился в речи перед гаулейтерами, беззаветно отдался разрешению военных задач. Путем безжалостной эксплоатации населения оккупированных областей и военнопленных союзных государств, за счет здоровья и жизни сотен тысяч людей Шпеер увеличивал выпуск вооружения и боеприпасов для германских армий. Путем разграбления сырьевых и иных ресурсов оккупированных территорий Шпеер всячески усиливал военный потенциал гитлеровской Германии. Его полномочия росли с каждым месяцем войны. Указами Гитлера от 2 сентября 1943 г. Шпеер стал уполномоченным и ответственным за снабжение сырьем, за руководство и производство военной промышленности. Ему даже было поручено регулирование товарооборота, а указ Гитлера от 24 августа 1944 г. фактически делал Шпеера диктатором над всеми германскими инстанциями как внутри самой Германии, так и на оккупированных территориях, деятельность которых в какой бы то ни было мере имела отношение к усилению военной мощи Германии.

И когда фашистские летчики бомбардировали мирные города и села, убивая женщин, стариков и детей, когда немецкие артиллеристы обстреливали из тяжелых орудий Ленинград, когда гитлеровские пираты топили госпитальные суда, когда «фау» разрушали города Англии,— это был результат деятельности Шпеера. Это под его руководством было широко развернуто производство газов и других средств химической войны. Сам

подсудимый при допросе его господином Джексоном на Суде признал, что три фабрики готовили продукцию для газовой войны и до ноября 1944 года они работали на полном ходу.

Шпеер не только знал о применяемых Заукелем методах при угоне в рабство населения оккупированных областей, но и сам принимал участие вместе с Заукелем на совещаниях у Гитлера и в управлении «центрального планирования», где принимались решения об угоне в Германию миллионов людей из оккупированных территорий.

Шпеер имел тесный контакт с Гиммлером: он получал от Гиммлера заключенных для работы на военных заводах; на многих заводах, подведомственных Шпееру, были организованы филиалы концентрационных лагерей. За услуги Гиммлера Шпеер, в свою очередь, предоставлял СС опытных специалистов и дополнительное военное снаряжение.

Шпеер очень много говорил здесь о том, что он резко критиковал близкое окружение Гитлера и что у него якобы были очень серьезные разногласия с Гитлером, что в своих письмах к Гитлеру он указывал на бесцельность дальнейшего ведения войны. Когда представитель Советского обвинения спросил Шпеера, кого именно из близкого окружения он критиковал и в связи с чем была эта критика, подсудимый ответил: «я вам этого не скажу».

Совершенно очевидно, что Шпеер не только не хотел, но и не мог этого сказать по той простой причине, что он никого из близкого окружения Гитлера не критиковал, да и не мог критиковать, так как сам был убежденным нацистом и входил в это близкое окружение. Что касается так называемых «серьезных разногласий», то, как признал Шпеер, они начались после того, как ему стало ясно, что Германия проиграла войну. Письма Шпеера к Гитлеру датированы мартом 1945 года. Тогда-то Шпеер мог без особого риска обрисовать безнадежное положение Германии. Оно уже было ясно для всех и не составляло предмет разногласий. И не случайно, что после этих писем Шпеер продолжал оставаться фаворитом Гитлера. Именно Шпеера Гитлер назначил 30 марта 1945 г. руководить мероприятиями по тотальному разрушению индустриальных объектов, обязав все партийные, государственные и военные учреждения оказывать ему всемерную помощь.

Таков истинный облик и истинная роль подсудимого Шпеера в преступлениях гитлеровской клики.

Нейрат

Константину фон Нейрату принадлежит выдающаяся роль в укреплении власти нацистских заговорщиков, в подготовке и осуществлении их агрессивных планов.

На протяжении многих лет, каждый раз, когда нужно было замести следы, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные акты, на подмогу гитлеровцам появлялся со своим многолетним опытом в области внешней политики Нейрат — нацистский дипломат в чине генерала СС.

Я напомню официальную оценку деятельности Нейрата, которая была опубликована 2 февраля 1943 г. во всех газетах фашистской Германии.

«Самыми яркими политическими событиями, после прихода к власти, в которых барон фон Нейрат как имперский министр иностранных дел играл решающую роль и с которыми вечно будет связано его имя, являются уход с конференции по разоружению в Женеве 14 октября 1933 г., возвращение Саарской области и денонсирование Локарнского договора...».

В качестве имперского протектора Богемии и Моравии Нейрат представлял для гитлеровских заговорщиков те «твердые и надежные руки», о которых писал в своем меморандуме генерал Фредерици и которые должны были превратить Чехословацкую республику в «неотъемлемую часть Германии». Для достижения этой цели Нейрат насаждал пресловутый «новый порядок», сущность которого теперь всем известна.

Нейрат пытался здесь уверить, что все зверства творились полицией и гестапо по прямому приказу Гиммлера, а он о них вовсе и не знал. Можно понять Нейрата, когда он это утверждает, но согласиться с ним никак нельзя.

Допрошенный 7 марта 1946 г. Карл Франк показал, что Нейрат регулярно заслушивал доклады командующего полицией безопасности и лично Франка о «важнейших событиях в протекторате, имевших отношение к полиции безопасности», что Нейрат имел возможность и давал директивы государственной полиции безопасности, а в отношении СД (службы безопасности) его права были еще шире и не зависели ни при каких обстоятельствах от согласия главного управления имперской безопасности.

Я напомню также §§ 11, 13 и 14 приказа совета министров имперской обороны от 1 сентября 1939 г., устанавливающие, что рейхсфюрер СС и начальник германской полиции проводят административные мероприятия в Богемии и Моравии с ведома имперского протектора и что органы германской полиции безопасности в протекторате обязаны осведомлять имперского протектора, а также ему подчиненные учреждения и держать их в курсе важных событий.

Если к этому еще добавить, что подсудимый Нейрат назначил 5 мая 1939 г. своим политическим референтом СД-фюрера и уполномоченного полиции безопасности, если вспомнить оглашенные на Суде показания бывшего при Нейрате президента Чехии Рихарда Винерта, в которых говорится, что гестапо производило аресты по распоряжению имперского протектора,— разве могут быть сомнения в том, что Нейрат санкционировал массовые аресты, казни без суда и другие бесчеловечные акты, совершенные гестапо и полицией в Чехословакии?

Я перехожу к событиям 17 ноября 1939 г., когда девять студентов были без суда расстреляны, свыше тысячи студентов было брошено в концентрационные лагери и все чешские высшие учебные заведения были закрыты на три года.

Нейрат говорил, что он узнал об этих террористических мероприятиях постфактум. Но мы предъявили Суду сообщение о расстреле и аресте студентов, на котором значится подпись Нейрата. Нейрат пытается найти другую лазейку; он заявляет, что Франк подписал сообщение его,

Нейрата, именем, а для убедительности Нейрат еще добавил, что позднее он от одного чиновника узнал, что Франк часто злоупотреблял его именем на документах. Правдоподобны ли эти заявления Нейрата? Достаточно бегло проанализировать факты, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно.

Нейрат говорит, что Франк злоупотреблял его именем. Что же предпринял он? Может, он потребовал отставки Франка или наказания его за подлог? Нет. Может, он официально сообщил кому-либо об этом подлоге? Тоже нет. Напротив, он продолжал сотрудничать с Франком, как и прежде.

Нейрат говорит, что он узнал о злоупотреблениях Франка от «одного чиновника». Кто же этот чиновник? Как его фамилия? Почему не было ходатайства о вызове его в Суд или хотя бы получены его письменные показания? Все дело в том, что никто Нейрату не говорил о злоупотреблениях Франка с подписью Нейрата на документах и не мог говорить, так как самих злоупотреблений не было. Зато в распоряжении Суда имеются доказательства, подтверждающие, что сообщение от 17 ноября 1939 г. подписано Нейратом и террористические мероприятия, о которых в этом сообщении говорится, были санкционированы Нейратом. Я имею в виду два показания Карла Франка — непосредственного участника этих кровавых событий.

Карл Франк на допросе 26 ноября 1945 г. показал: «Этот документ был датирован 17 ноября 1939 г. и подписан фон Нейратом, который не протестовал ни против расстрела девяти студентов, ни против числа студентов, которые должны были быть отправлены в концентрационные лагери».

Я цитирую второе показание Карла Франка по этому вопросу от 7 марта 1946 г.: «Имперский протектор фон Нейрат своей подписью, которую он поставил под официальным сообщением, доводившим до сведения о расстреле студентов, утвердил эту акцию. Я точно проинформировал Нейрата о ходе расследования, и он подписал сообщение. Если бы он не был согласен и потребовал бы изменения, например, смягчения, на что он имел право, то я должен был бы присоединиться к его мнению».

В августе 1939 года Нейрат издал так называемое «предупреждение» в связи с «чрезвычайным положением», в котором он объявил Богемию и Моравию «составной частью великой Германской империи» и установил, что «ответственность за все акты саботажа несут не только отдельные лица, но и все чешское население», т. е. установил принцип коллективной ответственности, ввел систему заложничества. Если расценить события 17 ноября 1939 г. в свете этого распоряжения Нейрата, мы найдем еще одно неопровержимое доказательство против Нейрата.

Начиная с 1 сентября 1939 г. в Чехии и Моравии было арестовано как заложники около 8000 чехов, большинство из которых было отправлено в концентрационные лагери, многие были казнены или умерли от голода и пыток. Вы, господа судьи, слышали по этому поводу показания Бинерта, Крейчий и Гавелка.

Разве эти террористические действия против чешской интеллигенции не совершались на основе указанного выше так называемого «предупреждения» Нейрата?

Мне нет необходимости излагать все то, что произошло в Лидице, а затем в селении Лежаки,— это широко известно. Разве там немецкие оккупанты не действовали, исходя из «предупреждения» Нейрата и установленного им принципа: «ответственность несут не только отдельные лица, но и все чешское население».

Это Нейрат в августе 1939 года положил начало массовому террору против народов Чехословакии, это на нем лежит кровь многих тысяч женщин и мужчин, стариков и детей, убитых и замученных. И я не вижу разницы между бароном фон Нейратом и другими главарями преступного нацистского режима.

Фриче

Роль подсудимого Ганса Фриче в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности, несомненно,более значительна, чем это может показаться на первый взгляд.

Преступная деятельность Фриче, ближайшего помощника Геббельса, проводившаяся систематически, изо дня в день, являлась важнейшим звеном в общем преступном плане (заговоре) и самым активным образом способствовала созданию тех условий, при которых зародились и культивировались многочисленные преступления гитлеровцев.

Все попытки подсудимого Фриче и его защиты умалить его значение и роль в этих преступлениях явно провалились.

Какая совершенно особая роль отводилась лживой пропаганде в гитлеровской Германии, свидетельствуют высказывания Гитлера в «Майн Кампф».

Он писал: «Вопрос о возрождении германского могущества гласит не «как мы сфабрикуем оружие?», а «как мы произведем дух, который сделает народ способным носить оружие». Если этот дух овладеет народом, воля найдет тысячу путей, из которых каждый приведет к оружию» (цитирую из «Майн Кампф», 64-е издание, 1933, стр. 365—366).

Неслучайно также, что на съезде нацистской партии в Нюрнберге в 1936 году были провозглашены лозунги:

«Пропаганда помогла нам притти к власти»,

«Пропаганда поможет нам удержать власть»,

«Пропаганда поможет нам завоевать весь мир».

Подсудимый Фриче по своему положению, несомненно, был одним из наиболее видных пропагандистов и одним из наиболее информированных людей в гитлеровской Германии, пользовавшийся особым доверием Геббельса.

Как известно, Фриче с 1938 года по 1942 год являлся руководителем важнейшего в министерстве пропаганды отдела немецкой прессы, а с 1942 года до разгрома гитлеровской Германии руководил немецким радиовещанием.

Выросший на журналистском поприще в реакционной прессе Гугенберга и являясь членом фашистской партии с 1933 года, Фриче в качестве правительственного радиокомментатора своей личной пропагандой сыграл большую роль в распространении в Германии фашизма, в политическом и моральном растлении немецкого народа.

Об этом подробно сообщил в своих письменных показаниях свидетель бывший генерал-фельдмаршал германской армии Фердинанд Шернер и бывший вице-адмирал германского флота Ганс Фосс.

Представленные трибуналу под № 3064-ПС и СССР-496 тексты перехваченных британской радиовещательной компанией выступлений по радио подсудимого Фриче полностью подтверждают эти выводы обвинения.

В своей деятельности германская пропаганда и лично подсудимый Фриче широко использовали методы провокации, ложь и клевету, причем особенно широко применяли эти методы с целью оправдания агрессивных акций гитлеровской Германии.

Гитлер в «Майн Кампф» писал:

«При помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить, как рай» (стр. 302).

Фриче оказался самым подходящим человеком для такой грязной роли.

В своем заявлении Трибуналу от 7 января 1946 г. Фриче подробно описал широко применявшиеся немецкой пропагандой и лично им самим провокационные методы в связи с агрессивными акциями против Австрии, Судетской области, Богемии и Моравии, Польши и Югославии.

9 апреля и 2 мая 1940 г. Фриче выступил по радио с лживыми объяснениями причин оккупации Германией Норвегии. Он заявил, что «никто не был ранен, ни один дом не был разрушен, жизнь и труд текли обычным путем».

Между тем в представленном норвежским правительством официальном докладе указывалось: «Германское нападение на Норвегию 9 апреля 1940 года ввергло Норвегию в войну впервые за 126 лет. В течение двух месяцев война велась по всей стране, принося разрушения... Более 40 тысяч домов было повреждено или разрушено, и около тысячи человек из числа гражданского населения убито».

Наглая клевета была распространена немецкой пропагандой и лично Фриче в связи с потоплением английского пассажирского парохода «Атения».

Особенную активность немецкая пропаганда проявила в связи с вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз.

Подсудимый Фриче пытался утверждать, что о нападении на СССР он будто бы впервые узнал, будучи вызван в 5 часов утра 22 июня 1941 года на пресс-конференцию к министру иностранных дел Риббентропу, и что об агрессивных целях этого нападения ему стало известно в результате его личных наблюдений лишь в 1942 году.

Подобные утверждения опровергаются таким документальным доказательством, каким является отчет подсудимого Розенберга. Этим документом устанавливается, что Фриче еще задолго до нападения на СССР знал о соответствующих приготовлениях и в качестве представителя министерства пропаганды участвовал в разработке министерством восточных оккупированных территорий пропагандистских мероприятий на Востоке.

Отвечая во время перекрестного допроса на вопросы советского обвинения, Фриче заявил, что если бы ему были известны преступные приказы гитлеровского правительства, о которых он узнал только здесь, на суде, он не пошел бы с Гитлером. И в этом случае — перед лицом Международного Военного Трибунала Фриче сказал неправду. Он вынужден был признать, что преступные гитлеровские приказы об истреблении евреев и расстреле советских комиссаров были ему известны еще в 1942 году, однако и после этого он продолжал оставаться на своем посту и заниматься лживой пропагандой.

В своих выступлениях по радио 16 июня и 1 июля 1944 г. Фриче широко пропагандировал применение Германией новых видов оружия, всячески стремясь побудить армию и народ на дальнейшее бессмысленное сопротивление.

Уже накануне краха гитлеровской Германии, а именно 7 апреля 1945 г., Фриче выступил по радио с призывом к немецкому народу о продолжении сопротивления союзным войскам и вступлении для этой цели в организацию «Вервольф».

Так до самого конца подсудимый Фриче оставался верен преступному гитлеровскому режиму.

Он всего себя отдал осуществлению фашистского заговора и всех преступлений, намеченных и проводившихся для осуществления этого заговора.

Он — активный участник всех гитлеровских преступлений и должен понести за них тягчайшую ответственность.

Господа судьи!

Перед вами прошли все подсудимые — люди, лишенные чести и совести, ввергшие мир в бездну несчастий и страданий, причинившие огромные бедствия собственному народу.

Политические авантюристы, не останавливавшиеся ни перед какими злодеяниями для достижения своих преступных целей, низкие демагоги, прикрывавшие свои разбойничьи планы лживыми идеями, палачи, убившие миллионы невинных,— они объединились в клику заговорщиков, захватили власть и превратили аппарат германского государства в орудие своих преступлений.

Ныне наступил час расплаты.

В течение девяти месяцев мы наблюдали бывших правителей фашистской Германии. Перед лицом Суда, на скамье подсудимых, они притихли и присмирели. Некоторые из них даже осуждали Гитлера. Но они корят сейчас Гитлера не за провокацию войны, не за убийство народов и ограбление государств, единственно чего не могут они ему простить — это поражения. Вместе с Гитлером они были готовы истребить миллионы людей, поработить все передовое человечество для достижения преступных целей мирового господства.

Но иначе судила история: победа не пришла по следам злодеяний. Победили свободолюбивые народы, победила правда, и мы горды тем, что Суд Международного Военного Трибунала — это Суд победившего правого дела миролюбивых народов.

Защитники подсудимых говорили о гуманности. Мы знаем, что цивилизация и гуманность, демократия и гуманность, мир и гуманность — не-

раздельны. Но борцы за цивилизацию, демократию и мир,— мы решительно отвергаем бесчеловечный гуманизм, внимательный к палачам и безразличный к их жертвам. Защитник Кальтенбруннера тоже говорил здесь о человеколюбии. В сочетании с именем и делами Кальтенбруннера слова о любви к человеку звучат кощунственно.

Господин председатель! Господа!

Моей речью заканчиваются выступления обвинителей.

Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений— я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь.

Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством.

РЕЧИ ОБВИНИТЕЛЕЙ ПО ДЕЛУ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ДЭВИДА МАКСУЭЛЛА ФАЙФА

[*Произнесена 28—29 августа 1946 г.*]

Господа судьи, в 1938 году Гитлер заявил в рейхстаге (я цитирую его слова):

«Национал-социализм дал германскому народу руководство в лице партии, которое не только мобилизует нацию, но и организует ее. Национал-социализм завладел Германией целиком и полностью... Нет ни одного учреждения в государстве, которое бы не было национал-социалистским».

Мы теперь знаем, какого рода руководство дал национал-социализм германскому народу. Мы знаем, каким образом и для каких целей национал-социалистская партия мобилизовывала и организовывала германский народ — для господства над миром ценой войн и убийств. Обладание Германией, целиком и полностью достигнутое национал-социализмом, означало обладание народом духовно и физически, осуществляемое организациями национал-социалистской партии и правительства.

С какой целью нацисты стремились завладеть народом? Их целью было создать подконтрольное фанатичное полицейское государство, готовое к военной агрессии. Если бы можно было себе представить некий «эрзац» Маккиавели, который бы формулировал то, что для этого было нужно, он бы счел, вероятно, необходимым:

1) Быстрый метод издания законов и декретов. Для этого необходим податливый и уступчивый кабинет, обладающий полнотой законодательной власти,— рейхсрегирунг.

2) Быстрое подавление всяких признаков оппозиции или свободы мысли. Для этого нужна служба шпионажа и полиции, умеющая наносить удар без промедления,— СД и гестапо.

3) Полный контроль над общественным мнением. Он обеспечивается путем давления фанатического корпуса политических руководителей на пропитанную пропагандой общественность страны.

4) Преторианская гвардия, которая избавит вас не только от «непокорных священников», но и от всех тех, кто придерживается собственных религиозных убеждений. И вот появляется СС.

5) Проникающая всюду рука исполнительной власти, которая захватит население и заставит его тренироваться физически и готовиться морально к войне, которая будет толкать население в нужном направлении, когда появится необходимость в массовом насилии, которая будет твердо направлять его в духе идеологии террора внутри страны и за границей. Что мо-

жет лучше подойти для этой цели, чем СА, которые только что «выиграли уличные бои».

6) Орудие для использования наличных вооруженных сил в ваших целях; орудие для того, чтобы сделать их готовыми совершать любое действие, даже если оно противоречит военным традициям и понятию чести солдата; орудие для того, чтобы заставить их беспрекословно соглашаться с порабощением других народов, содействовать созданию и объединять цель организаций для подавления и уничтожения национальной жизни и человеческого достоинства. Эту задачу должны выполнить генеральный штаб и верховное командование.

Быстрота управления, система доносов, отсутствие свободы мысли и слова, подавление внутри страны и применение подготовленных и обученных сил за рубежом — таковы постоянные, тесно связанные между собой методы, без которых не может процветать тирания. Эти методы представляют собой лишь иные названия для организаций, которые мы обвиняем как преступные и с помощью которых подсудимые и их сотрудники могли руководить и владеть нацией и организовать ее.

Когда господин судья Джексон выступал перед Трибуналом 28 февраля, он подчеркнул, что нашей целью не является обвинить в преступлениях весь германский народ. Я снова повторяю, что мы не стремимся обвинить народ Германии. Наша цель—защитить его и дать ему возможность реабилитировать себя и завоевать уважение и дружбу всего мира. Но как может быть это сделано, если мы оставим в его среде безнаказанными и неосужденными эти элементы нацизма, которые в основном ответственны за тиранию и преступления и которые, как может поверить Трибунал, не могут быть обращены на путь свободы и справедливости?

Мы стремимся защитить не только германский народ. Вся Европа нуждается в защите. Посмотрите, в каком положении находится в настоящее время Европа. Среди немцев, преданных Гитлеру, было много тысяч мужчин и женщин, которые собственными руками совершали убийства, убийства, быть может, не одного человека, а многих людей. Сотни тысяч, нет, миллионы других стали последователями веры ненависти и жестокости, которую исповедовал их фюрер. Среди них были те, которые получили специальную подготовку и стали профессиональными руководителями в области военной и политической, люди, которые все еще также фанатично и безжалостно стремятся к власти, как в течение последних 25 лет своей жизни. Вы помните эти слова? Я цитирую:

«Борьба? Почему вы все время говорите о борьбе? Вы захватили государство и, если что-нибудь не нравится вам, издайте закон и управляйте иначе. Почему вы все время должны говорить о борьбе? Ведь в ваших руках вся власть. Против чего вы боретесь? Во внешней политике? У вас есть вермахт. Он будет бороться, если это потребуется. Во внутренней политике? Есть закон и полиция, которые могут изменить все, что вам не нравится».

Таковы были заповеди хохайтстрегеров — носителей национал-социалистской власти. Такие вещи нельзя забыть в один день. Разве можно позволить этим людям действовать свободно среди германского народа и среди народов Европы? Уже сейчас трудности, выпавшие на долю этого несчастного континента, подавляют нас. Кроме тех, кто подходит под категорию, относящуюся к организациям, большое количество фанатических приверженцев нацизма при всех обстоятельствах все еще находится

на свободе. Перед нами целое поколение немцев, которые не знают иных путей, кроме тех, которые были указаны им их нацистскими руководителями, — молодые мужчины и женщины, первыми учителями которых были нацисты и которые получили воспитание в нацистских школах, которые находили отдых в военной тренировке СА и занимались в его рядах спортом. Должны ли мы позволить руководителям нацистской Германии в качестве членов этих организаций свободно бросать семена своего влияния в эту плодородную почву?

Закон — живой организм. Он не является догмой, которую нельзя изменить. Его целью является служение человечеству, и он должен расти и развиваться для того, чтобы удовлетворить растущие и меняющиеся потребности общества. Потребности Европы в настоящее время не имеют прецедента в истории. Никогда прежде перед обществом стран Европы не стояли такие проблемы, никогда оно не подвергалось опасности пребывания в его среде миллионов безжалостных фанатиков, выученных и вымуштрованных в духе убийств и расовой ненависти, в духе войны. Такое положение вещей, независимо от того, имелись ли подобные прецеденты в прошлом, оправдывает и даже требует применения необычных норм права. И, действительно, как помнит Трибунал из речи господина судьи Джексона, имеется большое количество прецедентов в области процедуры, которую мы просим вас создать. Если вы считаете доказанным, что эти организации в целом являются преступными, что большинство членов этих организаций, будучи осведомлены об их целях, добровольно поддерживали их преступную политику и участвовали в преступной деятельности руководителей нацистской партии, тогда вашим долгом является в соответствии с Уставом объявить их преступными. Вы можете быть уверены в том, что долг, исполнения которого от вас требует Устав, лишь соответствует вашему долгу перед Германией и перед Европой, перед миром.

Принцип, на основании которого мы требуем их осуждения, совершенно ясен. Это — практическое применение здравой теории наказания, которой нас учили с юности, в частности, среди других, великий германский философ Кант. Если люди используют общество лишь для достижения своих собственных целей, это общество имеет все основания изгнать их из своей среды. Огромные масштабы этой проблемы не дают права оставлять ее неразрешенной. Если не будет выполнен этот долг перед законом, террор и расовые преследования смогут воцариться снова на континенте, и в третий раз за период жизни нашего поколения может начаться мировая война.

Трибунал и Обвинение имели возможность ознакомиться, разрешите мне так сказать, с весьма продуманной и высокоученой речью д-ра Клефиша. Однако я позволю себе сделать критическое замечание, что эта речь весьма далека от существенной функции Трибунала на данной стадии процесса, которая заключается в установлении фактов. Первые 30 страниц представляют собой фактически нападки на ст.ст. 9 и 10 Устава, причем делается вывод, что Трибунал должен сделать слово «может», упомянутое в ст. 9, основой для априорного суждения о том, что никакая организация не может быть преступной, каковой вывод, по нашему мнению, является сведением к абсурду статей 9 и 10 и нарушением их как с точки зрения буквальной, так и смысловой.

В последующих частях своей речи доктор Клефиш выдвигает некоторые положения, на которые следует обратить внимание.

Он ставит вопрос о том, в каких масштабах и в каком количестве, каким образом и кем должны быть совершены преступления для того, чтобы быть инкриминируемыми организации? На это мы скажем, что ответ на этот вопрос практически не вызывает затруднений. Никто не может с категоричностью утверждать, сколько именно зерен нужно, чтобы образовалась куча, но в равной степени никто не можете отрицать того, что, видя кучу, можно понять, что это куча. Также очень легко решать на основании здравых рассуждений, какие преступления совершались в рамках общих целей организации. Обвинение не только принимает, но и разделяет предположение, что в деле каждой организации можно сказать, что известные преступления являются типичными и повторяющимися, причем Обвинение обращает внимание на количество таких типичных и повторяющихся преступлений, которые встречаются в доказательствах.

Подобным же образом не встречается затруднений в объяснении слов «в связи с отдельными подсудимыми». Заявлять, что совершение отдельными подсудимыми преступлений не в качестве членов организаций не подходит под статью 9 Устава,— значит рассматривать это дело в несуществующем, безвоздушном пространстве. Вся трудность обвинения в этом деле заключается в том, что отдельные лица и организации столь тесно связаны между собой, что общая цель внешнего и внутреннего господства наличествует во всех случаях.

Подобным же образом мы категорически оспариваем утверждение, что большое количество членов не знало о преступных целях организаций. Давайте раз и навсегда отметем искусственное предположение о том, что большие группы лиц, примыкавших к нацистской партии, носили наглазники. Это — насмешка над фактами и оскорбление, наносимое умственным способностям этих людей.

Мы согласны с доктором Клефишем, что неучастие в преступлениях, предусмотренных статьей 6 Устава, и нежелание поддерживать политику и деятельность организации являются предпосылками невиновности. Все наше обвинение строится на том, что, говоря словами доктора Клефиша, «члены организации постоянно подчинялись целям организации и нацистам и работали ради этих целей».

Доктор Клефиш и все остальные защитники обращали очень много внимания на те серьезные последствия, которые скажутся на лицах, которых коснется декларация о виновности, причем не только на тех лицах, против которых может быть впоследствии возбуждено судебное преследование, но и на всех остальных. Заявляют, что пятно, наложенное на членов организаций, объявленных преступными, останется несмываемым. Миллионы членов организаций, объявленных преступными, останутся заклейменными до конца дней своих. На них будут указывать пальцами и говорить: «Посмотри, вот идет преступник из СА». Но если они действительно виновны, если они поддерживали систему, которая привела к тому, что мир был брошен в пучину войны, и помогали этой системе, если они возрождали ужасы рабства, преследований и массовых убийств, разве они не должны быть заклеймены? Здесь не будет несправедливости, это — меньше, много меньше того, что они заслуживают. Единственная надежда, которая остается Германии и всему миру, это — то, что ее народ осознает свою ответственность за то, что случилось, и раскается в совершенном. Доктор Серватиус просил вас простить ортсгруппенлейтеров потому, что они принадлежали к низшим слоям среднего класса и не имели политического

опыта. Могло ли так случиться в действительности, что только высшие классы германского народа умели распознать, что агрессивная война за мировое господство, порабощение, убийства и преследования являются преступлениями?

Однако в этом может быть больше правды, чем осмеливаются думать. Вы видели и слышали многих свидетелей, которые — некоторые по их собственному признанию — сами были серьезно замешаны в отвратительных преступлениях. Сумели ли вы заметить в них ощущение своей виновности, чувство стыда или раскаяния? Всегда виноват тот, кто давал приказы, никогда — тот, кто осуществлял эти приказы. Всегда какое-нибудь государственное учреждение несет ответственность, а поддержка этого государственного учреждения и сотрудничество с ним, разумеется, не могут быть осуждены. Если эти люди думают так и сегодня, то заклеймение этих виновных, как преступников, вызвано тем более острой необходимостью и является тем более оправданным.

Рассмотрение доводов защиты

Я имею намерение рассмотреть доказательственный материал, связанный с теми тремя организациями, за дело которых британская делегация взяла на себя основную ответственность и которые, по общему убеждению всех четырех держав, ведущих это судебное преследование, являются преступными. Но прежде чем остановиться на этом доказательственном материале, я надеюсь, что Трибунал разрешит мне сделать два общих замечания по поводу защитительных доводов, которые были выдвинуты в связи со всеми этими организациями.

В связи с выступлением д-ра Бёма я хотел бы сказать, что никто не сможет потом заявить, что организациям не была предоставлена полная возможность осуществлять свою защиту. Была разработана сложнейшая процедура для того, чтобы получить и представить вам их доказательства. Комитет уполномоченных Трибунала заслушал 102 свидетелей, свидетелей, выбранных защитниками из многих тысяч членов организаций. Перед вами находятся стенограммы их показаний. Из числа этих свидетелей защитники отобрали 20, которые дали показания в суде и которых вы сами видели и слышали. В дополнение к этим устным показаниям вам также были представлены резюме не менее, чем 136 213 письменных показаний по делу организации СС, 155 000 по делу политических руководителей, 2000 по делу гестапо, 10 000 по делу СА и 7000 по делу СД. Всего 310 213 письменных показаний. Вашим уполномоченным был также представлен полный текст еще 1809 письменных показаний или их резюме, большинство из которых содержится в стенограммах заседаний Комитета.

Уже на первый взгляд ясно, что показания, данные почти всеми свидетелями вашим уполномоченным, являются ложными. Вы сами видели и выслушали некоторых из этих свидетелей, которые были выбраны защитниками, очевидно, потому, что защита считала их самыми надежными и такими, которые могут произвести на вас впечатление. Их показания не лучше других.

Вы помните Зиверса, вызывавшегося по делу СС, который отрицал свою осведомленность и свое участие в опытах над живыми людьми и которому была предъявлена папка уличающей его переписки.

Свидетель Морген описывал театр варьете, кинотеатр, книжные полки и другие развлечения в Бухенвальде. Он назвал Дахау оздоровительным лагерем. Бриль, служивший в качестве оберштурмбаннфюрера (подполковника) в дивизии СС «Лейбштандарте» с июня до августа 1941 года на восточном фронте, ничего не знал об эйнзатцгруппах, убийстве евреев на восточных территориях, относительно обращения с жителями Польши и России, захваченными и увезенными на рабский труд. Разве условия в июне так изменились по сравнению с теми, которые существовали за два месяца до этого, когда Гиммлер заявил всем офицерам этой дивизии:

«Очень часто бойцы войск СС раздумывают над этими депортациями жителей. Подобные мысли пришли мне в голову сегодня, когда я наблюдал за той тяжелой работой, которую проводила полиция безопасности при поддержке ваших людей, оказывавших ей значительную помощь. Точно то же самое происходило в Польше при 40 градусах ниже нуля, когда нам приходилось вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, где нам приходилось быть достаточно твердыми — вы должны услышать это и немедленно забыть об этом — расстреливать тысячи руководящих представителей польского населения».

Генерал Хаусер, бывший одно время командиром дивизии СС «Рейх» и затем последовательно командиром корпуса, армии и группы армий, ничего не знал о зверствах СС. Он никогда не слышал о кровавой резне в Лидице.

Гаулейтер Гофман, который давал показания на заседаниях Комитета для того, чтобы объяснить свой приказ от 25 февраля 1945 г., поощрявший линчевание союзных летчиков, заявил, что приказ «выскользнул» с его командного пункта после того, как он отказался подписать проект приказа, предложенный ему его штабным офицером.

Хупфауер из Германского трудового фронта, руководивший работой этой организации в Эссене в течение последнего периода войны и лично отвечавший за передачу приказов Гиммлера в целях обеспечения «дисциплины и производительности труда иностранных рабочих», отрицал, что ему было что-либо известно в отношении зверского обращения с угнанными в рабство рабочими.

Ратке, вызванный в качестве свидетеля СА в назначенный вами Комитет уполномоченных, описал, как «весною 1933 года члены СА во всех населенных пунктах Германии устремились в церкви».

Шнейцер, еще один политический руководитель, вызванный на заседание Комитета, 55 лет, отрицал, что он даже слышал о бойкоте в апреле 1933 года.

Вест, поработитель Дании, давал перед вами показания по делу гестапо. Ознакомившись с документами, которые были представлены ему в ходе перекрестного допроса, можете ли вы поверить хотя бы одному слову из того, что он сказал? Примеры такого рода показаний могут быть приведены из стенографической записи показаний почти каждого свидетеля, который был вызван защитой этих организаций.

Рассмотрите эти показания под другим углом зрения. Нам известно, что так называемые «демонстрации» против евреев были организованы и проведены по всей империи в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. и что в ходе их 35 евреев было убито, 20 тысяч захвачено и брошено в тюрьмы лишь за то, что они были евреями; нам известно, что 177 синагог было уничтожено огнем или разрушено, что было разрушено 7500 еврейских магазинов и

что стоимость одного лишь оконного стекла, разбитого во время демонстрации, равнялась примерно 6 млн. рейхсмарок.

Даже Высший Партийный Суд сообщал:

«Население, все до последнего человека понимает, что политические мероприятия такого рода, как события 9 ноября, организовывались и направлялись партией независимо от того, признается это нами или нет. Когда все синагоги оказываются подожженными в течение одной ночи, это, несомненно, должно быть организовано партией».

«Независимо от того, признается это нами[1] или нет»!..

Можете ли вы найти из числа 102 свидетелей, которые были вызваны защитой по делу организаций партии, хотя бы одного, готового признать это или что-либо подобное? Можете ли вы найти хоть одно слово признания в тех письменных показаниях, которые были представлены вам более чем 312 000 членов этих организаций партии? Если не политические руководители, если не СА и не СС, если не гестапо и СД, кто же тогда организовывал и направлял эти демонстрации?

Мы знаем, что рабский труд использовался по всей Германии и что угнанные в рабство рабочие подвергались жестокому обращению. Мы знаем, что в 1943 году даже возникла необходимость — необходимость, вызванная лишь желанием увеличить производительность труда, а не соображениями гуманности — изменить «доселе распространенные условия обращения с восточными рабочими», и партийной канцелярии и главному имперскому управлению безопасности пришлось издать директиву всем политическим руководителям, до ортсгруппенлейтеров включительно, и, очевидно, всем отделениям СД и гестапо о том, что «следует прекратить насилия, несправедливости, обманы, жестокое обращение и т. д. Избиение, как форма наказания, запрещается».

Но разве вы можете найти в показаниях 102 свидетелей и тех лиц, которые дали письменные показания под присягой, хотя бы одно, в котором говорилось бы, что автор его когда-либо видел факты жестокого обращения с иностранными рабочими или слышал о них, кроме одного или двух исключительных случаев?

Все их показания одинаковы. Их спрашивают, известно ли им о преследовании и уничтожении евреев, об ужасах деятельности гестапо, о зверствах в концентрационных лагерях, о жестоком обращении с угнанными в рабство рабочими, о намерении вести агрессивную войну и о подготовке к ней, об убийствах мужественных солдат, моряков и летчиков. И они отвечают вечным «нет».

Разрешите напомнить вам слова великого ирландца:

«Ложь подобна вечно цветущему растению».

Разрешите мне обратиться к рассмотрению тех трех организаций, дело которых было мне поручено,— корпуса политических руководителей, СА и СС.

В отношении корпуса политических руководителей защитниками и свидетелями защиты были выдвинуты некоторые общие положения, которые целесообразно упомянуть, прежде чем остановиться на показаниях.

1. Заявляют, что целлен- и блоклейтеры не должны быть включены в корпус политических руководителей, что они никогда не рассматривались как таковые, не пользовались властью и не должны были выполнять поли-

[1] Т. е. фашистами.— Составители.

тических задач, что они подчинялись офицерам из штата ортсгруппенлейтера, которых Обвинение согласилось исключить из числа виновных; что они были совершенно незначительными людьми и практически были немногим больше, чем курьеры ортсгруппенлейтера.

Мы считаем, что имеются подавляющие своей убедительностью доказательства того, что это не так. При рассмотрении доказательств вы убеждаетесь, что они были замешаны в самых разнообразных видах преступной деятельности. Я попрошу вас в особенности иметь в виду, что общепринятым порядком среди политических руководителей было не передавать никаких распоряжений в письменном виде инстанциям, стоявшим ниже, чем ортсгруппенлейтер. Справочник по организации НСДАП предписывал (я цитирую):

«В основном блоклейтер должен разрешать деловые вопросы устно, получать распоряжения устно и передавать их подобным же образом. Следует прибегать к переписке лишь в случае крайней необходимости и когда это практически удобно».

Свидетель Мейер Вендеборн подтвердил, что таково было положение вещей на практике.

«Предполагалось, что между блоклейтерами и целленлейтерами, с одной стороны, и ортсгруппенлейтерами и их штатом, с другой, не должно существовать передачи письменных инструкций с тем, чтобы эти люди, занимавшие более низкие посты или имевшие более низкие ранги, не должны были слишком много работать».

Имея это в виду, вам покажется поистине примечательным, что нам удалось найти так много письменных документов, которыми вы располагаете, относительно той важной роли, которую играли целлен- и блоклейтеры.

Возражали, что они не являлись хохайтстрегерами, как это утверждает Обвинение, и в подтверждение этого заявления защита представила различные документы. Независимо от того — так это или нет, — это не имеет никакого значения. Вы помните, что в справочнике по организации НСДАП они включены в состав хохайтстрегеров. Там говорится:

«Среди политических руководителей особое положение занимают носители власти» (хохайтстрегеры).

Отвечают, что справочник по организации НСДАП не дает точных сведений. То же самое говорится о книге «Член СА», которая является также весьма невыгодным изданием для членов СА. Имеется ли какое-нибудь официальное издание, выпущенное официальными партийными издателями, которое содержит точные сведения?

Однако остается фактом, что независимо от того, под каким названием они были известны, под именем целлен- или блоклейтеров, эти люди являлись становым хребтом всей партийной системы. Гаулейтер Кауфман признал:

«Блоклейтеры и целленлейтеры являлись оперативными органами ортсгруппенлейтеров».

Целленлейтера Шнейдера спросили:

«Согласны ли вы со мной о том, что без целленлейтеров и блоклейтеров ортсгруппенлейтеры никогда не смогли бы выполнить своих задач?»

Он ответил:

«Да, это правильно».

Они были гораздо более значительными людьми, чем просто посыльными, которыми их теперь пытаются представить. Хирт заявил, что только люди, которые были «абсолютно благонадежны с политической точки зрения», назначались в штат гау, крейса или на посты ортсцеллен-и блоклейтеров. Он заявил также, что люди, которые занимали посты целлен- и блоклейтеров, всегда поддерживали политику нацистской партии. Из доказательств явствует, какого рода задачи им были доверены, задачи, которые включали ответственность за содействие в составлении «политической характеристики» жителей их районов.

2. Было выдвинуто утверждение о том, что политических руководителей, особенно в военное время, принуждали против их воли принимать назначения.

Но вся система базировалась на добровольной службе, оплачиваемой или не оплачиваемой, и это подтверждается их собственным свидетелем Мейером Вандеборном.

Разрешите мне процитировать протокол его перекрестного допроса на заседании комитета:

«Вопрос: Могу ли я считать, что все политические руководители добровольно занимали свои посты?

Ответ: Да.

Вопрос: И это также относится к целленлейтерам и блоклейтерам, не так ли?

Ответ: Целленлейтеры и блоклейтеры назначались ортсгруппенлейтером после консультации последнего со штабом. Однако, если какой-либо кандидат считал, что он не был достаточно подготовлен, или что он не способен выполнять эту работу, или что у него нет времени на это,— мы подыскивали другую кандидатуру.

Вопрос: А со стороны целленлейтеров или блоклейтеров принятие или непринятие назначения было совершенно добровольным актом?

Ответ: Да».

Согласно показаниям свидетеля Хирта, к какому-либо нажиму на некоторых лиц прибегали только в самых исключительных случаях.

Поскольку от лиц, занимавших эти посты, требовалось, чтобы они были «совершенно благонадежными в политическом отношении», было бы весьма странно обнаружить среди них большое количество противников партии, которых против их воли принуждали занять такой пост.

3. Также утверждается, что в противоположность тому положению, которое имело место до войны, эти назначения не утверждались, клятва давалась ими через неопределенные промежутки времени и им не выдавалась никакая военная форма и что они не могут считаться, говоря словами Обвинительного заключения,— «согласно обычной нацистской терминологии, политическими руководителями любого положения или ранга».

Я утверждаю, что подобный аргумент не состоятелен.

Они выполняли те же самые задачи, они считались такими же чиновниками и пользовались такими же полномочиями и влиянием, как и те, кого они заменили.

4. Утверждается, что не существовало никакого «корпуса» или организации политических руководителей, однако доказательства показывают, что политические руководители всех рангов составляли единый корпус. Они все в справочнике по организации НСДАП объединены под общим названием «корпуса», их объединила общая цель (я цитирую):

«... воспитание всего германского народа в духе национал-социализма».

Они носили единообразную военную форму. Они имели единообразное удостоверение личности — единообразное для всех них, но отличное от прочего населения.

Ежегодно они давали единообразную клятву своему фюреру:

«Я даю обет вечной верности Адольфу Гитлеру.

Я даю обет безусловного повиновения ему и назначенным им фюрерам».

И, как о каждом из них говорится в справочнике по организации НСДАП, «политический руководитель нераздельно и неразрывно связан с идеологией и организацией НСДАП».

5. Имеется еще один вопрос, который требует разъяснения.

Защита выдвинула аргумент о том, что большое число амтслейтеров при штабах различных хохайтстрегеров не должно быть включено в число лиц, подпадающих под декларацию о преступности, которая может быть вами произнесена в отношении корпуса политических руководителей.

Подобно тому, как о блоклейтерах было сказано, что они являлись невинными, безвредными курьерами,— об амтслейтерах было сказано, что они были невинными, безвредными экспертами, консультантами при соответствующих гау-, крейс- или ортсгруппенлейтерах.

Они могли являться экспертами, консультантами, но они являлись и кое-чем гораздо бо́льшим, и они, несомненно, не были ни невинными, ни безвредными.

Они являлись официально назначенными политическими руководителями, лицами, «совершенно благонадежными в политическом отношении» и оказывавшими поддержку нацистской партии.

Все они так же, как сами хохайтстрегеры, ежегодно давали клятву верности, которая обязывала их к повиновению фюреру. Все они, хотя, естественно, они получали инструкции — каждый по своей области деятельности в министерстве, в котором они сотрудничали,—тем не менее подчинялись приказам своих хохайтстрегеров в политических вопросах и по всем вопросам партийной дисциплины. Вы можете считать доказанным, что эти люди оказывали такое же губительное и опасное влияние, как любой другой политический руководитель, потому что из числа этих руководителей они были теми лицами, которые находились в самом тесном контакте со всеми слоями общества, с людьми всех профессий и родов деятельности. Мы не располагаем документами, которые бы указывали на непосредственное участие всех этих так называемых аполитичных политических руководителей в организации, однако документы, уже представленные вам, указывают на участие многих из них. Я не стану их сейчас перечислять. Я обращу ваше внимание на эти документы в ходе обсуждения представленных доказательств. Обвинение считает, что на основании доказательств и на основании данных относительно общих условий, существовавших в Германии, а также имея в виду влияние, которое оказывали политические руководители, вы имеете право, более того, вы обязаны притти к выводу, что если цели и деятельность этой организации являлись преступными, то значит, каждый из тех, кто работал в аппарате гау, крейса и в ортсгруппах, должен быть включен в число виновных. Не следует думать, что из-за того, что мы намеренно исключили из этого числа

аппарат ортсгруппенлейтера, мы сделали это не потому, что считаем этих людей невиновными. Это решение было принято скорее по практическим, нежели по каким-либо иным соображениям, и весьма возможно, что это решение является неправильным.

Защита выдвинула утверждение, что в различных партийных организациях, как, например, в Германском трудовом фронте, национал-социалистском союзе ветеранов, в организации по обеспечению благосостояния рабочих, в студенческих и женских организациях также были офицеры, известные под названием «политические руководители». Указывают, что их число равно примерно 1—1½ млн. Разрешите мне разъяснить еще раз, что, если такие политические руководители в действительности существовали, Обвинение не требует объявления их преступными. Мы включаем в число преступных руководителей только рейхслейтеров, гаулейтеров, крейслейтеров, ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров, а также амтслейтеров, или руководителей отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга,— тех политических руководителей, которые, будучи организованы по территориальному принципу, несли ответственность за осуществление политического контроля над населением и осуществление и проведение в жизнь нацистской политики. Все остальные нами исключаются.

Вам была представлена схема, указывающая на число лиц, которые, таким образом, охватываются этой декларацией. Согласно справочнику по организации НСДАП за 1943 г., их число равняется 600 тысячам. Защита утверждает, что эта цифра не учитывает смены чиновников и что общее число тех, которые в какой-либо период времени занимали эти посты, гораздо больше. По этому поводу я хотел бы сделать два замечания. Во-первых, цифра, приведенная в справочнике, показывает максимальные штаты, которые были разрешены каждому гау и крейсу. Практически даже не все эти посты были замещены—скажем, в городских районах не было сельскохозяйственных отделов, в гау, где не имелось университета, не существовало политического отдела по работе среди университетских преподавателей. Во-вторых, цифра 600 тыс. на 1943 год включает политических руководителей 9 иностранных гау — 6 австрийских, 2 польских и одного судетского, ни одно из которых не существовало до 1938 года; таким образом, в течение первых пяти лет нацистского правления общее число политических руководителей должно было быть значительно меньше, чем 600 тыс. Выдержка из брошюры «Дер хохайтстрегер», представленная защитой, показывает, какое увеличение числа хохайтстрегеров имело место лишь за период между 1935 и 1939 гг.: число их увеличилось с 291 671 до 581 650. Имея в виду эти соображения, мы утверждаем, что даже с учетом смен персонала общее число людей, которые в какой-либо период занимали эти посты в корпусе политических руководителей, которых мы включаем в число тех, кого мы требуем объявить преступными, не может превосходить названную нами цифру в 600 тыс. Разрешите мне также добавить, что при рассмотрении этой цифры следует еще учитывать не только случаи естественной смерти, но и гибель в результате бомбардировок на фронте. Именно эти люди являлись сердцем национал-социализма, именно они вели 48 млн. немецких избирателей по тем путям и к тому концу, который мы наблюдаем.

Давайте рассмотрим доказательства, представленные против них, по основным категориям. Мы увидим, что они не только сами непосредствен-

но участвовали в совершении преступлений, но также мы увидим, как активно и умело они помогали другим организациям и сотрудничали с ними в осуществлении их общих преступных целей.

В отношении осуществления контроля над государством Борман в своем обращении к гаулейтерам в июне 1941 г. заявил: «Впервые в истории Германии фюрер держит в своих руках полностью и сознательно руководство германским народом».

Из данных о деятельности политических руководителей во время выборов в 1936 и в 1938 гг. мы видим один из тех способов, при помощи которых руководящий состав помогал передать руководство народом Германии в руки фюрера, причем мы видим, что в этом участвовали все слои и категории политических руководителей.

Мы располагаем полным досье из крейса Эрфурт (Тюрингия), содержащим материалы в связи с плебисцитом 1937 г. Штутцпунктлейтеры должны были заранее сообщать о всех тех лицах в своем районе, по поводу которых они с уверенностью могут предположить, что те будут голосовать против. СД издало приказы, адресованные штутцпунклейтерам и всем руководителям отделений службы безопасности. Руководители отделений на местах обязывались в небольшой степени содействовать штутцпунктлейтерам. Защита заявляла, что штутцпунктлейтеры, о которых говорилось в досье, являлись штутцпунктлейтерами СД и не входили в состав корпуса политических руководителей. Если мы даже примем это объяснение, оно ничего не изменит, поскольку было уже достаточно ясно установлено, что все это дело должно было проводиться «в теснейшем сотрудничестве с ортсгруппенлейтерами партии».

Едва ли политические руководители могли испытывать хоть какие-нибудь сомнения относительно того, что ожидало людей, о которых они сообщали, если приказ содержал следующий многозначительный параграф:

«Мы еще раз подчеркиваем, какая громадная ответственность ложится на штутцпунктлейтеров, в особенности в связи с этим докладом. Они должны ясно понять возможные последствия, которые ожидают лиц, упомянутых в их докладах».

Трибунал помнит те отчеты, которые представляло СД после плебисцита, отчеты, показывающие, каким образом с помощью снятого молока и пишущих машинок с бесцветными лентами проверялись избирательные бюллетени лиц, в отношении которых имелись подозрения. Вы помните также, какие методы использовались для того, чтобы заставить голосовать тех, чья поддержка партии казалась сомнительной. Я цитирую: «Жена еврея Билшовского, которая была приведена непосредственно перед концом голосования, проголосовала «нет», что легко может быть установлено».

«Рабочему Отто Виганду пришлось четырежды напоминать, что он должен проголосовать в день выборов, и в конце концов он проголосовал только в результате нажима».

«Муж... проголосовал. Несомненно, он сделал это исключительно из боязни нового ареста».

И снова мы читаем это в документе, который, быть может, является одним из самых ужасных документов, представленных на этом суде.

«Свидетель Иеговы Роберт Зиринг и его жена проголосовали лишь после того, как полиция в Грифштадте напомнила им об их долге проголо-

совать и после того, как они услышали угрозу, что их ребенок будет у них отобран, если они не примут участия в голосовании».

Никто не может пытаться представить дело таким образом, что такого рода случаи имели место только в Эрфурте. В гау Кобленц крейсгешафтсфюрер Кохема заверял СД: «Там, где было дано указание о специальном наблюдении и контроле, в некоторых ортсгруппах голосовали «против» и подали недействительные бюллетени главным образом женщины».

В Роттенбурге партия организовала демонстрацию против епископа, который отказался голосовать, демонстрацию, которую господин Судья Джексон так живо описал в своей вступительной речи.

Но не только во время плебисцита 1938 года проявляли активность политические руководители. Следует помнить, что в Бремене крейслейтеры, ортсгруппенлейтеры и штутцпунктлейтеры должны были письменно сообщать о гражданских служащих, которые не принимали участия в голосовании во время выборов 29 марта 1936 года.

Доктор Серватиус отметает все эти доказательства утверждением, которое не опирается даже на строчку доказательств. Он заявляет:

«Отсюда явствует, что руководящий аппарат партии ни в коей мере не связан с этими операциями. Это попросту индивидуальные меры, принятые другими организациями, из них нельзя сделать вывода об общей практике или об общей осведомленности».

Я не вижу необходимости в дальнейших комментариях.

Осуществление контроля и надзора над германским народом являлось в такой же степени задачей политических руководителей, как и СД и гестапо. Из всех политических руководителей блоклейтеры являлись наиболее необходимыми людьми для этой цели. Они вели картотеку на каждого домовладельца, картотеку, служившую источником для составления «политических характеристик», которые должны были составлять блоклейтер, целленлейтер и ортсгруппенлейтер в сотрудничестве друг с другом. Защита неоднократно как перед Комитетом уполномоченных, так и перед Трибуналом всячески отвергала и отрицала утверждение о том, что блоклейтеры использовались для шпионской деятельности. Но кем другим они были, если их картотека должна была заполняться на основании той информации, которую они (я цитирую): «имели достаточную возможность получить путем бесед с немцами». От них также настоятельно требовали обеспечить секретность этих сообщений.

Имеются и другие доказательства, которые показывают, какую низкую роль играли блоклейтеры. В справочнике по организации партии блоклейтеру указывается, что: «Его долгом является обнаруживать людей, сеющих вредные слухи, и доставлять их в ортсгруппу с тем, чтобы они могли быть переданы соответствующим государственным властям».

Мы снова узнаем об их шпионской деятельности, когда просматриваем доказательства об участии политических руководителей в преследовании церкви. В сотрудничестве с гестапо и СД политические руководители, начиная с самых высокопоставленных вплоть до занимавших самые незначительные посты, принимали активное участие в уничтожении влияния церкви...

... Разрешите мне ограничиться рассмотрением более низких рангов — ортсгруппенлейтеров, блоклейтеров, целленлейтеров.

Вы помните досье с отчетами ортсгруппенлейтера Дармштадта по церковным делам от февраля 1939 года. Блоклейтер член партии Киль инфор-

мирует о том, что собрания конфессионального фронта снова имеют место. Вы также помните о мерах, которые предпринимались крейслейтерами в связи с этими докладами. СД и гестапо информировались об этих собраниях конфессионального фронта, о которых сообщали блоклейтеры, и другое сообщение в связи с пастором Штрахом: «Этому джентльмену нужно сделать серьезный выговор». Они также были информированы о несчастном пасторе Штрахе, о священнике, который «был достаточно хорошо известен и созрел для отправки в концлагерь или для особого суда».

Можете ли вы сомневаться в том, что в Тюрингии именно блоклейтеры и целленлейтеры должны были представить требуемые доклады о том, как население реагировало на результаты плебисцита 1938 г., «особенно в маленьких городах и деревнях».

Кого другого, как не блоклейтеров и целленлейтеров, могли использовать для того, чтобы обнаружить, что говорили католические и протестантские священники об аншлюссе во время церковной службы? Кто другой, как не они, могли бы доложить о том, звонили или нет церковные колокола вечером в Вене после произнесения речи об аншлюссе?

И, наконец, вы располагаете на эту тему доказательствами по поводу демонстраций, организованных для того, чтобы сорвать церковную службу в церкви в Фрейзинге в 1935 г. Эти демонстрации были организованы руководством крейса женской организации нацистской партии.

Только захватив полный контроль над государством и народом, нацистское правительство получило возможность осуществить свои преступные цели. Политические руководители являлись очень существенным элементом в приобретении этого контроля. Они поддерживали и осуществляли приказы правительства, которое, как они знали, с самого начала следовало незаконной политике, бывшей преступной по своим методам. Все они знали относительно общепризнанной цели преследования евреев. Все знали о существовании гестапо, концентрационных лагерей и нацистской практике арестов и тюремного заключения без суда и следствия. Однако они продолжали активно поддерживать это правительство и помогать ему еще сильнее сжимать в своих тисках германский народ. Вся речь д-ра Серватиуса в той части, где она касается положения политических руководителей после 1933 г., показывает, в каких тисках держал Германию железный костяк партии — политическая «Железная дева», сжимающая людей в своих объятиях до тех пор, пока они не умирают.

Что касается евреев в тот период, когда их преследование являлось открыто признанной политикой и практикой нацистской партии, один тот факт, что люди добровольно служили своей партии, занимая оперативные посты, является сам по себе достаточным доказательством их участия в преступной деятельности. Однако мы располагаем и конкретными доказательствами непосредственного участия в преследованиях евреев со стороны политических руководителей, и снова речь идет о политических руководителях всех рангов. Имеются доказательства того, что менее чем через год после прихода нацистского правительства к власти, корпус политических руководителей подстрекал народ Германии к преследованию евреев. С трудом можно себе представить, что в цивилизованном государстве в 1933 г. могли быть изданы директивы политическим руководителям, озаглавленные «Преследование евреев». Тем не менее это имело место. Крейслейтеры в гау Кобленц должны были составить список еврейских фирм и предприятий своего района. Снова и снова подчеркивалась необходи-

мость точности. В различных крейсах, ортсгруппах и штутцпунктах должны были быть организованы комитеты, имевшие своей задачей «направление общин и наблюдение за ними» в процесе преследования евреев. Они должны были продолжать политику, которая была начата партией бойкотом в апреле того же года:

«Крейслейтеры должны подчеркивать на всех собраниях членов партии, а также во всех общественных местах, что евреи во всех странах снова строят свои подлые козни, которые приносят громадный вред Германии. Массы должны ясно понять, что ни один немец не должен покупать у евреев».

В свете этих доказательств, в свете собственного признания доктора Серватиуса в том, что политические руководители не возражали против нюрнбергских декретов и что они приветствовали меры, направленные к ограничению влияния евреев, в свете той роли, которую они играли в демонстрациях 1938 года, разве можно сомневаться в том, что в течение всех этих лет они активно участвовали в преследованиях еврейского народа и постоянно клеветали на него. Было бы действительно очень странно, если бы дело обстояло иначе, в то время как приказ Гейдриха, изданный в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, гласил:

«Начальники отделений государственной полиции или их заместители должны связаться по телефону с политическими руководителями (гаулейтерами или крейслейтерами), в юрисдикцию которых входят их районы, с тем, чтобы организовать объединенные заседания вместе с соответствующим инспектором или начальником отделения полиции порядка для обсуждения вопроса об организации демонстраций. На этих совещаниях политические руководители должны быть информированы о том, что германская полиция получила от рейхсфюрера СС следующие инструкции, в соответствии с которыми политические руководители должны проводить свои мероприятия».

Любопытно, что возникла необходимость в таких инструкциях, если гаулейтеры были так резко настроены и так возражали против этих мер, как утверждают гаулейтеры Кауфман, Штрейхер, Заукель и Валь.

Что бы ни говорили свидетели, которых вы слышали, об отношении политических руководителей к этим демонстрациям, нам известно, что 36 евреев были убиты. Из этих 36 убитых четверо были убиты или ортсгруппенлейтерами или блоклейтерами. Именно суд, составленный из гаулейтеров и других политических руководителей, счел правильным оправдать или приговорить лишь к очень незначительным наказаниям лиц, совершивших убийства в ходе этих демонстраций,— членов партии, СС, СА и корпуса политических руководителей. И вот по каким причинам:

«В случаях убийства евреев без специальных на то указаний или вопреки указаниям не было обнаружено неблагородных мотивов. В глубине души люди были уверены, что они тем самым оказывали услугу фюреру и партии».

Если свидетели защиты, которых вы тут слышали, не понимали, кто был организатором этих демонстраций, то это было совершенно ясно членам высшего партийного суда.

Во Франции списки евреев для «коллективной экспатриации», что, конечно, означало угон на Восток, составлялись по согласованию с хохайтстрегерами. Однако осведомленность об этих депортациях и об обращении с евреями на оккупированных территориях не была присуща лишь политическим руководителям во Франции. Августовский выпуск инфор-

мационного бюллетеня «Ди Лаге» за 1944 год содержал точные подробности того, что происходило в Венгрии. Я цитирую:

«Совершенно несомненно, что германские учреждения в Венгрии после 19 марта делали все возможное для того, чтобы как можно быстрее и полнее уничтожить еврейские элементы. Принимая во внимание близость русского фронта, они начали с очищения северо-западной территории, где еврейские элементы были более многочисленны. Затем были собраны евреи из остальных венгерских провинций и вывезены в Германию или на подконтрольные Германии территории. 100 000 евреев осталось в руках венгров для использования в трудовых батальонах. В назначенный день, 9 июля, в венгерских провинциях не осталось ни одного еврея. Здесь, возможно, в течение очень краткого периода времени были применены исключительно последовательные и жестокие меры».

Нам неизвестно, кто получил копии этого документа, но мы определенно знаем, что Дениц принимал в этом участие и что гаулейтер Кауфман «возможно получил его». Более того, из заметки на копии, которая находится в нашем распоряжении, видно, что эта копия дошла до организации НСДАП в деревне Кохен, вблизи Аахена. Дениц должен был знать ее содержание так же, как и любой другой нацистский чиновник, занимавший высокий пост. Неужели Кауфман и все его коллеги гаулейтеры ничего не знали об этой ужасной политике, проводившейся их нацистским правительством?! Они утверждают, что это так, но они лгут. Посмотрите на документ № 49 из книги документов, которая была представлена в защиту корпуса политических руководителей. Это секретный информационный бюллетень нацистской партии, выпущенный партийной канцелярией 9 октября 1942 года. В нем рассматриваются подготовительные мероприятия для окончательного разрешения еврейского вопроса в Европе и говорится о слухах по поводу условий, в которых находятся евреи на Востоке. На полях этого документа имеется пометка: «Только для Г и К», что может означать для гау и крейса. Но из него с несомненностью вытекает, что осведомленность об этих вопросах шла гораздо дальше крейса. Послушайте, о чем говорится в этом документе:

«В то время как разрабатывается окончательное разрешение еврейского вопроса, среди населения различных частей имперской территории за последнее время идут разговоры об «очень суровых мерах» против евреев, в особенности против тех, которые находятся на восточных территориях. Расследования показывают, что подобные высказывания, — большей частью искажающие или преувеличивающие действительность,— исходят от лиц, находящихся в отпуску и прибывших из различных соединений, расквартированных на Востоке, где они могли лично видеть проведение подобных мер».

После того, что вы здесь слышали, вам может показаться, что невозможно было преувеличивать «очень суровые меры», о которых говорили находившиеся в отпуску солдаты, прибывшие с Востока. Они говорили об этом, начиная, очевидно, с сентября 1941 года, в каждой деревне и в каждом доме по всей Германии. Но даже если они были преувеличены, тем не менее нельзя отрицать того, что они существовали.

В сноске[1] я привожу статью, в которой разбираются пять основных пунктов:

[1] В настоящем сборнике сноска опущена. — Составители.

а) Мероприятия, проводившиеся до настоящего времени, а именно — исключение евреев из различных областей жизни германского народа, а также окончательное изгнание их с территории империи, более не могут осуществляться путем эмиграции.

б) Следующее поколение уже не будет считать этот вопрос столь актуальным. Поэтому эта проблема должна быть разрешена именно нашим поколением.

в) Полная изоляция и ликвидация евреев, связанных с еврейской экономикой, остается необходимым элементом в борьбе германского народа за существование.

г) Сначала с террритории империи, а затем и из других европейских стран, которых касается окончательное разрешение этой проблемы, евреи по строго установленному плану будут переправляться на восток в большие лагери, где они будут либо использоваться на работах на месте, либо будут переправляться еще дальше на восток.

д) Эти очень трудные вопросы могут быть решены только лишь путем применения чрезвычайно суровых мер».

Если они, несмотря ни на что, отрицают свою осведомленность в судьбе, которая фактически ожидала этих евреев, ни один из подсудимых, ни один из свидетелей, дававших показания перед вами или перед назначенными вами уполномоченными, ни один из членов этих организаций не может отрицать того факта, что ему было известно об угоне евреев. Как они полагали, что значила эта фраза: «Полнейшая их ликвидация не является более возможной путем эмиграции»?

При самом мягком толковании фактов подобное обращение с евреями в оккупированных территориях представляет собой военное преступление. Руководящий состав нацистской партии мобилизовал свои силы для того, чтобы убедить общественное мнение в отношении того, чтобы не только прощать, но и поддерживать и поощрять это военное преступление. Даже в том случае, если бы деятельность руководящего состава нацистской партии этим и ограничивалась, она тем самым была заклеймена бы как преступная. Но деятельность руководящего состава нацистской партии этим не ограничивалась.

Корпус политических руководителей несет такую же ответственность, как и другие организации, за совершение преступлений против местного населения на оккупированной территории. Фрик 16 декабря 1941 г., давая Рейнеру указания по поводу назначения его гаулейтером Каринтии, наказал ему самым строжайшим образом провести германизацию славян на территории, включенной в состав империи, и искоренение славянского языка.

Мы решительно протестуем против утверждения доктора Серватиуса, что было допустимо германизировать лиц, ранее принадлежащих к германской национальности. Достаточно лишь высказать идею о праве германизировать каждого славянина, который ранее жил в старой империи, для того, чтобы обнаружить ее абсурдность.

Гаулейтеры самостоятельно не могли выполнять такие приказы. Их подчиненные должны были сыграть свою роль. Вы припомните инструкции от 30 апреля 1942 г., изданные крейслейтером в Петау всем ортсгруппенлейтерам об уничтожении всех славянских надписей на всех церковных и сельских усадьбах.

Мы знаем, что среди вопросов, обсуждавшихся на совещаниях аппара-

та гаулейтеров в Марбурге, были вопросы о перевозе в Сербию двух тысяч, о помещении в концентрационные лагери сотен людей и о расстреле заложников. В июне 1942 г., когда темой обсуждения была эвакуация тюрьмы Циллии, собравшимся заявили, что заключенные должны быть переведены из этой тюрьмы или расстреляны для того, чтобы освободить необходимое пространство для операции большого масштаба. 13 июля половина из 800 арестованных должна была быть обезврежена посредством перевода их в концентрационные лагери или расстрела. О таком же случае, на этот раз связанном с убийством священника, упоминается в мартовском протоколе.

Политические руководители в Польше также принимали участие в жестоком обращении с местным населением. В письме, посланном имперским управлением безопасности в ноябре 1942 г. всем начальникам отделов СД, сообщалось о несправедливом соглашении между Гитлером и Тираком, согласно которому поляки, восточные народы, евреи и цыгане лишались права на слушание их дел в суде. Этот приказ основывался на бесстыдном утверждении, что эти народы являются представителями низшей расы на территории Германии.

Особенно интересно в этом соглашении, что во всех случаях необходимо было безусловно информировать об этом гаулейтера. Зачем нужно было информировать его об этом, если не за тем, что могла возникнуть потребность в его помощи и содействии?

Я перехожу к рассмотрению доказательств, относящихся к рабскому труду, которые, быть может, яснее всех других имеющихся у нас доказательств по поводу отдельных преступлений, показывают, как серьезно все группы корпуса политических руководителей были замешаны в использовании рабского труда. Все свидетели, вызванные защитой, отрицают тот факт, что им было известно о плохом обращении с иностранными рабочими или что они лично плохо обращались с ними. Но чего стоят эти показания в свете представленных суду доказательств. Обращение, которому подвергались польские сельскохозяйственные рабочие, заботу о которых должны были осуществлять в особенности бауернфюреры, состоявшие в штабе гау-, крейс- и ортсгруппенлейтеров, явствует из инструкций, изданных для крейсбауерншафтен в Карлсруэ в марте 1941 года. Эти инструкции были изданы в результате переговоров между государственной ассоциацией крестьян в Бадене и высшим руководителем СС и полиции в Штуттгарте и были встречены с «большим удовлетворением». Польский рабочий не имел более никакого права жаловаться. Ему запрещалось пользоваться транспортом, посещать увеселительные места и церковные службы. Ему запрещалось менять место работы, его рабочий день не был нормирован. Я цитирую:

«Каждый наниматель имеет право применять телесные наказания в отношении рабочих польской национальности... В каждом подобном случае наниматель может не давать никакого отчета в своих действиях официальным организациям. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны, если возможно, быть расселены вне селения не в домах, а в конюшнях и т. д. При этом угрызения совести не должны влиять на проведение подобных действий».

Возможно ли в действительности, чтобы подобные инструкции издавались только в Карлсруэ и нигде более? Возможно ли, чтобы в то время, как с поляками в Бадене обращались, как с животными, в соседнем гау их принимали в число членов семьи? Об этом говорил в своих показаниях свиде-

тель Мор, вызванный на заседание комитета в качестве представителя бауернфюреров. Я цитирую: «...Фактически во всех случаях, как я полагаю, за очень небольшим исключением, иностранного рабочего принимали, как родного в семью крестьянина. Он питался вместе со всеми членами семьи и бывал повсюду вместе с этой крестьянской семьей».

В промышленных районах ответственность за заботу об иностранных рабочих несли политические руководители германского трудового фронта. Заукель в марте 1942 г. издал следующий декрет: «Обеспечение питанием промышленных рабочих, находящихся в поездках в пределах империи, является обязанностью управления германского трудового фронта. Иностранные рабочие, работающие в Германии, подлежат ведению германского трудового фронта в том случае, если они не работают в сельском хозяйстве. Все лагери иностранных рабочих, используемых не в сельском хозяйстве, независимо от того, кто снабжает и содержит эти лагери, подлежат ведению германского трудового фронта. В германских областях гаулейтеры получают право инспектировать и контролировать выполнение этих приказов».

Нет необходимости напоминать вам об ужасных условиях, в которых влачили жалкое существование рабочие Эссена. И вновь я задаю тот же самый вопрос: возможно ли, чтобы гаулейтеры, крейслейтеры, ортсгруппенлейтеры, целлен- и блоклейтеры и политические руководители германского трудового фронта в Эссене не знали об этих условиях, когда бараки, в которых рабочие жили, и карцеры, в которых они находились в заключении и подвергались пыткам, расположены, как показывают фотографии, рядом с литейными и с цехами заводов Круппа, причем железнодорожная заводская ветка проходит в нескольких футах от их дверей, а заводские подъемные краны поднимаются чуть ли не над их крышами.

Заявляют, что даже если действительно подобные условия и существовали в Эссене, то они были исключением и объяснялись только хаосом, вызванным бомбардировками авиации союзников. Но это не так. Еще до того, как начались бомбардировки Эссена, директор паровозостроительных заводов Круппа жаловался на то, что «люди приходили утром на работу без хлеба и инструментов. Во время перерывов военнопленные прокрадывались к немецким рабочим и просили кусок хлеба, жалуясь на голод».

Не может быть также и того, чтобы эти условия существовали и подобное обращение с рабочими практиковалось только в Эссене.

В марте 1943 г. Геббельс решил, что необходимо созвать совещание по вопросу об увеличении выпуска продукции. Протокол этого совещания гласит:

«Практиковавшееся до сих пор обращение с рабочими, присланными с Востока, привело не только к уменьшению производительности, но и оказало особенно неблагоприятное влияние на политическую ориентацию населения завоеванных восточных территорий, и в результате наши войска испытывали, как это всем известно, большие затруднения.

Обращение с иностранными рабочими, которое до сих пор заметно отличалось от обращения с подданными западных и восточных стран, должно быть по возможности одинаковым и особенно следует поднять жизненный уровень рабочих, присланных с Востока».

Из этих протоколов мы можем заключить, каково было отношение партийной канцелярии к этому вопросу — той партийной канцелярии, от

которой получали указания политические руководители нацистской партии. Ее представитель (я цитирую) «указал на те разногласия, которые уже возникают и которые могут сказаться на германском народе в случае, если иностранцам будет дана большая свобода».

Однако необходимость в увеличении военной продукции была самой важной проблемой, и, несмотря на опасения, высказанные его представителем на совещании, имевшем место в марте, 5 мая 1943 г. Борман от имени партийной канцелярии направил меморандум всем рейхслейтерам, гаулейтерам, фербандесфюрерам, крейслейтерам и ортсгруппенлейтерам. Вышеперечисленные лица инструктировались в духе того, чтобы более гуманно обращаться с иностранными рабочими, хотя в то же время «лица германской расы настаивали, что патриотическим долгом является соблюдение различия между ними и гражданами других национальностей. Несправедливость, оскорбления, обман, жестокое обращение и т. п. не должны более иметь места. Избиения, как форма наказания, запрещаются».

Разве этот документ не показывает, что все до одного свидетели защиты говорили здесь совершеннейшую ложь? Разве он не говорит, может быть, более ясно, чем любой другой документ, о той беспощадной жестокости, к которой политические руководители национал-социалистской партии подстрекали германский народ? Разве не выходит за пределы нашего понимания, что в наш век просвещения в большой цивилизованной стране назревает необходимость в том, чтобы правительство издавало для своих политических руководителей приказы о прекращении жестокого обращения с мужчинами и женщинами, которых они угнали в рабство? Разве не кажется непостижимым, что правительству пришлось запретить своим политическим руководителям и своим нанимателям избивать работающих на них мужчин и женщин.

И, наконец, в качестве последней иллюстрации по данному аспекту этого вопроса вы припомните инструкции, изданные гауштабсамтслейтером и адресованные из Страсбурга в гау Баден-Эльзас. Иностранных рабочих — женщин, которых немцы принуждали к половой связи, следовало затем временно помещать в превентивное заключение, впоследствии они переводились на работу в другое место.

«В других случаях иностранных рабочих — женщин следует отправлять в концентрационные лагери для женщин».

Детей этих женщин в том случае, если они удовлетворяли расовым требованиям и были здоровы в наследственном отношении, полагалось у них отбирать немедленно после рождения, «после чего их помещали в дома для иностранных детей, передавая в ведение национал-социалистской организации по социальному обеспечению».

Установки этого приказа лишь добавляют новые детали к тем показаниям, которые у нас имеются относительно той хладнокровной жестокости, которую партия предписывала применять в отношении к иностранным рабочим. Однако это весьма важный документ, так как из него явствует, сколько различных отделов корпуса политических руководителей было вовлечено в проведение переброски рабов с одного места на другое. Крейслейтеры и крейсобманы [1] германского трудового фронта должны

[1] Крейсобман — представитель трудового фронта в штате крейслейтера. — Составители.

были сообщать о случаях беременности. Фактически, как и следовало ожидать, необходимые справки наводили ортсгруппенлейтеры. Помимо германского трудового фронта и НСВ (организация по социальному обеспечению), приказ был разослан циркулярно руководителям гау по вопросам пропаганды, руководителям гау по вопросам прессы, гауамтслейтерам по вопросам расовой политики, народного здравоохранения, по крестьянским вопросам, по вопросам народного благосостояния, по расовым вопросам, политическому руководителю национал-социалистской женской организации в гау, а также соответствующим штабным офицерам в штате крейслейтера.

Я цитирую: «Насколько я могу установить в настоящее время,— докладывает крейслейтер из Билингена,— был примерно 21 случай беременности, из них, как сообщается, четыре были прерваны абортом и в двух случаях женщины в результате абортов скончались. Из остальных 17 родившихся детей 5 родились мертвыми. НСВ не оказало никакой помощи ни в одном из указанных случаев».

Вы снова видите пример того, как корпус политических руководителей работал рука об руку с полицией безопасности и СД и с имперским комиссаром по консолидации германской расы — еще одним из заведений, которыми заправлял Гиммлер.

По этому вопросу достаточно хотя бы сказать о признании доктором Серватиусом того факта, что политические руководители знали о том, что большинство рабочих работало в принудительном порядке. Признано также, что политические руководители должны были наблюдать за условиями труда. В остальном факты говорят сами за себя.

Генеральный прокурор уже говорил вам о тех огромных масштабах, в которых производилось убийство слабых и престарелых людей. Это «действие» — «акция» — было начато летом 1940 г., но еще задолго до этого, в соответствии с расовой политикой нацистского правительства, были предприняты меры для укрепления германской расы. Мы располагаем документом (мы его датируем январем 1937 г.), который дает ясное представление о том, какую роль в этом должны были сыграть политические руководители. Это письмо гаулейтера Южной Вестфалии, в котором излагается декрет Гесса от 14 января 1937 г. Я привожу цитату:

«Вопрос о том, является ли человек слабоумным, не может быть решен лишь путем испытания его умственных способностей, но требует тщательного и всестороннего изучения личности данного человека. При этом изучении следует принимать во внимание не только знания и умственные способности больного, но также его этические, моральные и политические воззрения.

Ряд врачей, находящихся на гражданской службе, до настоящего времени придавал мало значения всестороннему изучению человека. До настоящего времени они почти никогда не требовали информации относительно политических убеждений предполагаемого пациента и не пользовались такой информацией.

Теперь, когда согласно декрету имперского и прусского министра внутренних дел с партией будут консультироваться при разборе дел о наследственных заболеваниях членов партии, задачей всех гаулейтеров является обеспечить, чтобы закон о наследственном заболевании применялся в том смысле, в каком он был составлен. Гаулейтер должен расследовать, не имеет ли лицо, которое должно быть подвергнуто стерилизации,

выдающихся заслуг перед национал-социалистским движением. Если гаулейтер приходит к такому убеждению и считает, что он должен использовать свое влияние для того, чтобы предотвратить стерилизацию, он должен об этом сообщить в свой отдел».

Нетрудно себе представить, к каким злоупотреблениям мог привести подобный декрет, злоупотреблениям, которые могли явиться удобным орудием для нацистской партии. Это письмо гаулейтера было разослано всем руководителям областных отделов, областным инспекторам и крейслейтерам его области (гау).

Если исходить из того факта, что департамент народного здравоохранения занимался подготовкой дел, которые поступали на рассмотрение гаулейтера, то ясно, что руководители отделов департамента здравоохранения также непосредственно замешаны в этом деле.

Вы помните доказательства, иллюстрирующие, в какой степени так называемые «умерщвления из милосердия» стали общеизвестным фактом через несколько месяцев после того, как они начались. В июле 1940 г. епископ Ворм обратился с письмом к Фрику. В августе он писал министру юстиции. В сентябре, ничего не добившись, он снова обратился к Фрику и к министру юстиции.

Я собрал здесь доказательства, связанные с преданием легкой смерти. Как помнит Трибунал, по этому поводу говорил генеральный прокурор; кроме того, мой любезный друг Гриффит Джонс в своем выступлении также обращал на это внимание Трибунала. Для сокращения времени, если позволите, я изложу содержание следующих страниц в форме резюме. Конец страниц 32-й и 33-й показывает, что церковь возражала против этих мер и что партия эти меры по преданию легкой смерти поддерживала. В конце страницы 33-й и на страницах 33-а и 34-й я рассматриваю вопрос, является ли предание легкой смерти военным преступлением, и представляю доказательство того, что эта мера преднамеренно использовалась для того, чтобы организовать население для войны и ограничить число бесполезных едоков в стране в военное время.

Затем, если мне будет позволено резюмировать содержание следующей страницы, 35-й, на 6-й строчке я хочу указать, какое отношение имели эти меры к низшим слоям политических руководителей, о которых мы здесь говорим. После того, как я рассмотрел различные отчеты и возражения против убийства 270 000 человек под предлогом предания их легкой смерти, я продолжаю с 6-й строчки: «Крейслейтеры всей Франконии сообщали то же самое. Крейслейтер из Лауф писал гауштабсамтслейтеру:

«Доктор также сообщил мне, что хорошо известно о том, что комиссия состояла из врача СС и нескольких подчиненных ему врачей, что пациентов даже не осматривали и что свое заключение врачи составляли лишь на основании уже написанной истории болезни».

Госпожа Мари Кер, таким образом, лишилась двух своих сестер и в своем письме просила узнать у имперского министра внутренних дел, на основании какого декрета были убиты ее сестры. Министерство подсудимого Фрика передало этот вопрос гауштабсамтлейтеру Нюрнберга. Я цитирую:

«Я прошу, чтобы вы расследовали вопрос о том, является ли Кер политически благонадежным лицом и не имеет ли она связей в церковных кругах. В случае, если это так, с моей стороны не будет никаких возражений, если вы дадите в устной форме Кер сведения, о которых она просит».

Гауштабсамтслейтер передал это письмо крейслейтеру. Крейслейтер передал его ортсгруппенлейтеру, который доложил, что «Кер можно дать информацию. Это — тихая и осторожная женщина».

В феврале 1941 г. ортсгруппенлейтер Абсбурга доложил, что в его деревне после того, как местный санаторий очистили от пациентов, произошли «самые дикие сцены, которые только можно себе представить». Можно считать его отношение типичным для огромной массы политических руководителей. Я цитирую:

«Эти инциденты, которые имели место во время проведения этого мероприятия, являющегося, в конце концов, необходимым, должны быть тем более осуждены, потому что даже члены партии сами не удержались и присоединились к ламентациям других плачущих очевидцев. Говорили даже, что эти бедные жертвы, как их называет духовенство и верующие Абсбурга, незадолго до отъезда были доставлены в католическую церковь для исповеди и причастия. Кажется совершенно нелепым желать во время устной исповеди отпустить грехи людей, у части которых совершенно отсутствуют всякие умственные способности».

Во время этого процесса стало явным, что другие политические руководители разделяли взгляды этого ортсгруппенлейтера относительно абсурдности какой бы то ни было устной исповеди. Мне не нужно напоминать вам о других отчетах, если не для того, чтобы заметить, что кроме гауштабсамтслейтеров, крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров, гауорганизационлейтеры также замешаны были в этом деле. Корпус политических руководителей по уши увяз в этой кровавой истории.

На корпус политических руководителей падает доля ответственности за плохое обращение с военнопленными. В сентябре 1941 года Борман распространял среди гаулейтеров и крейслейтеров инструкции ОКВ, касающиеся обращения с советскими военнопленными.

Судя по входящему штампу на данном документе, ясно, что чиновником в штабе гау, который главным образом занимался этими делами, был лейтер, ведавший обучением в гау. Вы помните, какие указания содержались в этих директивах. Они исходили из того факта, что «большевизм — смертельный враг нацистской Германии... поэтому большевистский солдат потерял все права на то, чтобы с ним обращались как с благородным противником в соответствии с Женевской конвенцией.

... Чувство гордости и превосходства у немецкого солдата, которому приказано охранять советских военнопленных, должно всегда проявляться даже при народе. Приказ о применении жестоких и энергичных мер должен быть отдан при малейшем проявлении неподчинения, в особенности со стороны большевистских фанатиков...

...В отношении советских военнопленных уже стало необходимым, исходя из соображений дисциплины, быть суровыми при применении оружия».

Вы припоминаете специальные эйнзатцгруппы, которые были созданы СД для проверки советских военнопленных в лагере для военнопленных, с целью выявления и ликвидации их руководителей и интеллигенции. Эти приказы, которые передавались гаулейтерам и крейслейтерам, объясняют цель и методы работы этих частей особого назначения, в них говорится: «Вооруженные силы должны избавиться от всех тех элементов среди военнопленных, которые следует рассматривать как движущую силу большевизма. Особые условия восточной кампании требуют применения специальных

мер, которые можно проводить под собственную ответственность, независимо от бюрократических и административных влияний.

Ни один гаулейтер или крейслейтер не может заявить этому суду, что он не знал о том, что русские военнопленные умерщвлялись.

Политические руководители получали эти инструкции не только для сведения. В своем письме всем рейхслейтерам, гаулейтерам, фербендефюрерам и крейслейтерам в сентябре 1940 года Борман подчеркнул: «Сотрудничество с партией в деле обращения с военнопленными неизбежно. Поэтому офицеры, направленные на службу в аппарат, ведающий военнопленными, были проинструктированы тесно сотрудничать с ответственными партийными руководителями (хохайтстрегерами).

Начальникам лагерей для военнопленных следует немедленно направить офицеров связи к крейслейтерам, тем самым ответственные партийные руководители будут иметь возможность облегчить существующие трудности на местах, оказать влияние на поведение частей охраны и лучше приспособить условия заключения военнопленных к политическим и экономическим требованиям».

На политическое руководство пала задача ориентировать охрану и владельцев заводов «еще и еще раз в политическом и идеологическом отношении», и это должно было быть сделано в сотрудничестве с ДАФ (германским трудовым фронтом).

Нет необходимости в повторении доказательств, касающихся обращения с русскими и другими военнопленными, работавшими у Круппа. Политические руководители относились так же бессердечно к своим военнопленным рабам, когда те умирали, как и при их жизни. Гаулейтеры и крейслейтеры получили от Бормана инструкции Фрика о порядке захоронения умерших советских военнопленных. Толевая бумага должна была служить гробом, никакие похоронные церемонии или украшение могил не допускались, расходы должны были быть сведены до минимума и «перевозка и похороны должны происходить так, чтобы не привлекать внимания. Если нужно ликвидировать несколько трупов, они должны быть погребены в общей могиле».

Что значили для нацистского правительства и его политических руководителей похоронные обряды тех людей, кого они непосильным трудом загнали в могилу? Они значили столько же или так же мало, как и все другие общепризнанные нормы элементарной порядочности или чести.

Еще в марте 1940 г. Гесс разослал политическим руководителям директивы, касающиеся мер, которые должны были быть приняты в случае посадки вражеских самолетов или высадки парашютистов. Вы помните этот приказ:

«Таким же образом вражеские парашютисты должны быть немедленно арестованы или обезврежены».

Учитывая последующие приказы, которые были менее двусмысленными, и те чрезвычайные предосторожности, которые были приняты для обеспечения секретности этого приказа, можете ли вы еще сомневаться в том, что должно было быть выражено этой несколько двусмысленной фразой. Вы помните, что этот приказ должен был распространяться лишь в устной форме среди крейслейтеров, ортсгруппенлейтеров, целлен- и блоклейтеров. Распространение этого приказа путем цитирования в официальных приказах, на плакатах, в печати или по радио запрещалось, причем в числе других предосторожностей было объявление его секретным документом

государственной важности. Я также напоминаю вам, что были информированы не только все ответственные политические руководители, но этот приказ был послан в директорат имперской организации, в имперский директорат пропаганды и в правление имперской студенческой организации. Каждая из этих организаций имела своего представителя в штате амтслейтера, гау-, крейс- и ортсгруппенлейтера. Кроме того, этот приказ был передан также группенфюреру ее Гейдриху.

В августе 1943 г. Гиммлер проинструктировал полицию, что в ее обязанности не входит вмешательство в стычки между немцами и летчиками-террористами. Гаулейтеры должны были быть информированы об этом в устной форме.

В мае 1944 г. Геббельс писал в газете «Фелькишер Беобахтер», что нетерпимо, чтобы германская полиция использовалась для защиты убийц. На следующий день Борман указал всем гаулейтерам, фербандсфюрерам, крейслейтерам и ортсгруппенлейтерам на то, что были отдельные случаи, когда экипажи самолетов, выбросившиеся на парашютах с самолета или совершившие вынужденную посадку, были на месте убиты судом линча негодующими жителями. «Против германских граждан, участвовавших в этих инцидентах, были приняты меры полицейского характера или возбуждено судебное преследование».

Для понимания этого письма нам вряд ли требовалось захватывать приказ одного гаулейтера, где видно, что он воспользовался правом, которое ему предоставил Борман. В феврале 1945 г. гаулейтер Южной Вестфалии прямо приказал всем своим крейслейтерам поощрять линчевание союзных летчиков.

Он писал: «Летчики сбитых боевых бомбардировщиков в принципе не должны быть защищены от проявления народного негодования. Я ожидаю, что все полицейские инстанции откажутся брать под свою защиту этих бандитов».

Вы уже познакомились с показаниями гаулейтера Гофмана, данными вашему упомолномоченному по этому вопросу, и уделите столько внимания этому вопросу, сколько, по вашему мнению, он заслуживает.

Заканчивая этот обзор доказательств по делу корпуса политических руководителей, разрешите мне напомнить вам о показаниях двух свидетелей защиты, вызванных по делу организаций: некоего Эберштейна, которого вы сами слушали по делу СС, и Валя — гаулейтера, который дал показания вашим уполномоченным.

Вам известны показания, которые все политические руководители дали в отношении концентрационных лагерей, а именно, что они ничего общего с ними не имели и не знали ничего о том, что происходит там. Но что говорил вам свидетель Эберштейн? Я цитирую выдержку из его показаний:

«В начале марта 1945 года в Мюнхене гаулейтер и рейхскомиссар обороны Гизлер вызвал меня и потребовал, чтобы я повлиял на коменданта лагеря Дахау с тем, чтобы расстрелять всех заключенных, а их было 25 000, в то время, когда американские войска приблизятся к лагерю. Я с негодованием отклонил это требование и указал, что я не могу приказывать коменданту, после чего Гизлер заявил мне, что он, в качестве рейскомиссара обороны, примет меры к тому, чтобы наши собственные самолеты разбомбили этот лагерь. Я ему сказал, что мне кажется, что ни один командир германских военно-воздушных сил не согласится на это. Тогда Гизлер за-

явил, что он примет меры к тому, чтобы что-нибудь было подсыпано в суп заключенных. Другими словами, он угрожал их отравить.

По собственной инициативе я запросил по телеграфу инспектора по концлагерям и просил решения Гиммлера о том, как поступить с заключенными в случае приближения американских войск. Вскоре после этого пришло известие, что лагерь должен быть сдан противнику. Я показал это сообщение Гизлеру, и он был очень возмущен тем, что я разрушил его планы».

И, наконец, свидетель Валь, гаулейтер Швабии дал следующие показания:

«Вопрос: Свидетель, я вас спрашивал относительно беседы, которую вы имели со своей женой по вопросу о том, уйти ли вам в отставку с поста гаулейтера. Правильно ли, что следует истолковать ваш разговор таким образом: вам было стыдно за те действия, которые совершали другие гаулейтеры, и вокруг вы видели вещи, которых вы не одобряли и от которых вы хотели отмежеваться?

Ответ: Да.

Вопрос: Это верно, не так ли?

Ответ: Да, это верно».

И в ответ на другой вопрос он заявил:

«Я хочу подчеркнуть, что оправдать все гау не является ни моим желанием, ни моей задачей. Среди гаулейтеров были маньяки и кровожадные дураки, так же, как и везде».

Я перехожу к СА. Прежде чем рассматривать показания против этой организации, я хочу сказать пару слов в отношении добровольного членства. Защита СА утверждала, что членство не было добровольным в этой организации. Заявляют, что на немецкое население было оказано большое давление с тем, чтобы принудить его вступить в ту или иную организацию нацистской партии и что в отношении некоторых отделов СА не только оказывалось такое давление, но что членство в них являлось обязательным в соответствии со специальным декретом на основании показаний, на которые я хочу обратить ваше внимание. Вы можете прийти к выводу, что даже если было налицо давление, которое в некоторых случаях несомненно оказывалось на отдельных лиц для того, чтобы вынудить их вступить в партию и, в некоторых случаях — в отдельные ее организации, результаты отказа сделать это значительно преувеличены защитой. Мы утверждаем, что если вы примете, как несомненные показания некоторых свидетелей в отношении отдельных случаев принудительного членства, то доказательства, которыми вы располагаете в отношении всей организации в целом, совершенно ясны: членство было от начала до конца добровольным. Никогда не было такого положения, когда принуждение являлось законом, как таковым, физическим принуждением или результатом законодательного акта...

Разрешите мне кратко рассмотреть показания по этому вопросу. Общий устав службы СА, изданный в 1933 году, устанавливал следующее. Я цитирую:

«Тот, кто не может или не хочет подчиниться, не подходит для СА и должен выйти из ее рядов».

В справочнике за 1940 год говорится:

«Служба в СА была и остается добровольной... При наборе в СА не должны быть обещаны какие-либо льготы или же оказано какое-либо давление. Член СА должен иметь возможность выйти из рядов организации».

Свидетель Ютнер согласился с тем, что эта выдержка правильно передает положение вещей. Ему был задан вопрос:

«Добровольность членства всегда являлась основным принципом СА?».

На что он ответил:

«Это был принцип, которого всегда придерживалось руководство».

Ему был снова задан вопрос:

«Если же кто-либо не соглашался с взглядами СА, считалось ли, что он должен выйти из состава организации?».

Он ответил:

«Очень многие вышли из состава СА по всевозможным причинам».

Никак нельзя себе представить, что показания, данные в отношении кавалерийского корпуса, указывают на существование какого-либо принуждения физического или путем законодательного акта. Совершенно правильно то, что первоначальные кавалерийские организации были произвольно слиты с СА, но, как показал сам свидетель Валь, вызванный по ходатайству этой части СА (я цитирую): «Членство в СА было добровольным в 1933 году и с того дня положение вещей в этом отношении не изменялось. Член организации мог выходить из состава кавалерийского корпуса, но он должен был оставить свою спортивную деятельность, поскольку спортивные средства больше не предоставлялись в его распоряжение».

«Ассоциация всадников», как он заявил,— «подчинилась этому процессу объединения, потому что это давало возможность ее членам продолжать свою спортивную деятельность».

Можно вполне прийти к выводу, что именно в 1933—1934 гг. тот факт, что деятельность СА была преступной, был особенно очевиден для германского народа. Как же может потеря возможности заниматься «спортивной деятельностью» явиться моментом принуждения и служить оправданием для вступления в ряды членов организации?

Неужели риск потери лошади и конюшни может считаться законным оправданием для участия в убийстве?

Следует также помнить, что как в случае с кавалерийским корпусом, так и в отношении «Стального шлема», хотя обе эти организации могли быть слиты с СА декретом, вам не представляются никакие доказательства, которые содержали хотя бы одно слово, которое можно истолковать как момент принуждения отдельных лиц к вступлению в члены СА.

«Стальной шлем» находился почти в таком же положении, как и кавалерийский корпус, хотя показания, которые давал Ютнер перед комитетом, говорят об этом еще яснее. Разрешите мне процитировать некоторые выдержки из протокола его показаний:

«Вопрос: Не существовало ничего, не так ли, что могло бы помешать любому члену «Стального шлема» выйти из состава СА, когда эти две организации были слиты в 1933 году?

Ответ: Поскольку это касалось моего района, ни один член «Стального шлема», который не желал вступить в СА, к этому не принуждался.

Вопрос: Это касается всей Германии, не так ли?

Ответ: Сообщалось, что были случаи, в которых члены «Стального шлема» соглашались переходить в СА, только когда это было приказано.

Вопрос: Но ведь не было таких случаев, когда кто-либо принуждался вступать в СА или оставаться членом этой организации?

Ответ: Нет, сэр».

Показания, касающиеся судьбы, которая ожидала гражданских чиновников, если они отказывались вступать не только в СА, но—я подчеркиваю— в любую партийную организацию, звучат почти патетически. Однако из показаний свидетеля Боле перед уполномоченным явствует, насколько преувеличено было это заявление, что в управлениях, в которых он работал, только 18% гражданских чиновников стали членами либо партии, либо одной из ее организаций, причем речь шла об имперском министерстве финансов имперской канцелярии — о самом сердце нацистского правительства.

Свидетель фон Бальденфельд являет собой еще один выдающийся пример того, как немец, который имел силу воли стоять за то, что он считал справедливым, мог поступать таким образом, не навлекая на себя особенно тяжелых последствий. Являясь сам гражданским чиновником и ведущим членом «Стального шлема», в 1933 г. он ушел в отставку, когда эта организация была слита с СА, и отказался вступить в СА, в партию и во все другие партийные организации. Однако он продолжал занимать свой пост до конца войны.

Защитники представили показания о том, что студенты университета обязывались декретом вступать в члены АС. Это утверждение было подкреплено приказом университетского отдела СА в Мюнхене, датированным 16 апреля 1934 г., который находится в книге документов защиты СА.

В связи с этим документом я хочу сделать два замечания: во-первых, под «службой СА» не имеется в виду членство в СА, а прохождение подготовки под наблюдением СА. Во-вторых, предложение в § 3-м «все вновь зачисленные студенты, таким образом, обязаны вступить в СА» не соответствует политике руководства СА и не характеризует обычную практику, принятую в университетах.

Мы уже представляли вам другой подобный приказ, изданный университетским отделом СА в Кельне, за два дня до этого. Если сравнить этот приказ с мюнхенским приказом, то становится совершенно очевидным, что это утверждение имеет под собой достаточное основание.

Параграф 1-й обоих приказов идентичен. Все студенты подлежат «сведению в полки через университетский отдел СА, с тем чтобы пройти единообразную физическую и моральную подготовку в духе национал-социалистской революции» (конец цитаты). В § 2-м особо отмечается, что не играет никакой роли, являются ли студенты членами СА или нет. Параграф 3-й обоих приказов, хотя и идентичен по форме, значительно разнится по смыслу. В обоих случаях говорится, что приказ основывается на декрете высшего руководства от 27 марта 1934 года. Мы не видели этого декрета, но в § 3-м приказа, изданного в Кельне, разъясняется, что членство в СА не должно быть принудительным, как это можно предположить на основании мюнхенского приказа. Совершенно очевидно также, что служба в СА, которой касаются оба приказа, представляет собой нечто совершенно отличное и независима от членства в этой организации. Как может принудительная «служба в СА» означать принудительное членство, когда особо отмечается, что за исключением 11 дней, с 25 апреля по 5 мая, налагается запрет на зачисление новых членов? Следующие слова в обоих приказах отмечают значительное различие между ними. В Мюнхене студенты «таким образом обязываются вступать в СА», в то время как в Кельне они «таким образом имеют возможность вступить в СА» (конец цитаты). Если же служба в СА, которая должна быть принудительной для всех немецких

студентов, означала членство в СА, то не может быть и речи о «предоставлении им возможности» вступления. Можно предположить, что в Мюнхене, сердце национал-социализма, декрет верховного руководства СА от 27 марта был умышленно неправильно истолкован для того, чтобы удовлетворить желание особенно фанатичного штурмфюрера. Однако из документов видно, что все, что происходило в Мюнхене, не является характерным для всех других университетов в Германии.

Ютнер подтверждает доводы обвинения. Он заявляет: «Я уже говорил, что в некоторых случаях оказывалось давление другими организациями, помимо СА, например, как это было в отношении студентов финансовых школ».

Но в ответ на этот вопрос: «Ведь не существовало особых обстоятельств, которые бы вынуждали студентов вступать в СА, если они были не согласны с целями?» — он ответил: «Я разделяю это мнение».

Разрешите мне добавить. Трибунал увидит, что показания Ютнера, процитированные мной, подтверждаются также его письменными показаниями. Он объясняет положение вещей следующим образом: «В тех случаях, когда другие организации включались в состав СА, большинство членов этих организаций гордились службой в СА». Если требуются другие доказательства того, что СА была добровольной организацией как де-юре, так и де-факто, их можно найти в тех мерах, которые были предприняты самим руководством СА для того, чтобы сократить число членов этой организации после большого наплыва новых членов в результате включения в нее «Стального шлема» и «кавалерийского» корпуса, а также в силу того, что большое число кандидатов устремилось во все партийные организации после захвата нацистами власти.

С 4,5 миллиона в 1934 году число членов СА упало до 1,5 миллиона к началу войны в 1939 году. Ютнер объяснил причину этого сокращения; частично оно вызывается тем, что Киффгайзербунд — еще одна организация ветеранов войны — был исключен из состава СА; но это сокращение являлось, кроме того, результатом введения экзаменов для членов СА, так как провал при сдаче этих экзаменов приводил к исключению, а также объяснялось тем, что (я цитирую) «те, которые в связи с выполнением своих прямых обязанностей не могли приносить нам пользы и тем самым чистосердечно продолжать служить нам в СА, также были уволены». Подобная чистка и сокращение числа членов с 4,5 до 1,5 миллиона за период в 5 лет плохо вяжется с утверждением, что вся германская молодежь, все германские государственные служащие и вообще все население принуждались вступать в число членов этой организации. Мы полагаем, что этот факт является исчерпывающим доказательством в отношении добровольного характера этой организации.

Как можно утверждать, что все государственные служащие, общее число которых равнялось трем миллионам, как заявил свидетель Боле, миллион членов «Стального шлема», 100 000 студентов, 100 000 членов кавалерийского корпуса, кроме того, и другие лица были принудительно призваны в СА, когда общее число членов этой организации в 1939 году составляло лишь 1 500 000 человек?

Весьма возможно, что на незначительное меньшинство, которое отказывалось повиноваться, действительно было оказано давление и что последствия отказа могли быть весьма серьезными. Но этот вопрос должен быть решен на основании установленных и общепринятых принципов

права. Даже если бы дело обстояло иначе, разве мы могли бы сочувствовать этим людям? Разве они сочувствовали тысячам своих соотечественников, которые подвергались леденящим кровь ужасам концентрационных лагерей? Разве они сочувствовали тысячам евреев, которых беспрестанно преследовали и подвергали клевете в течение долгих лет?

Исключения:

Как вы помните, когда были затронуты некоторые вопросы в связи с организациями, в связи с которыми велась перед вами дискуссия в феврале, я заявил от имени Обвинения, что мы не требуем декларации о преступности в отношении некоторых частей СА. Мы исключали тогда: во-первых, всех носителей партийного значка СА, которые в строгом смысле этого слова не являлись членами СА; во-вторых, членов военизированных отрядов СА, которые ни в какой иной форме не принадлежали к СА. Вы можете с основанием считать, заслушав показания в отношении преступлений, совершенных военизированными отрядами в Польше и на восточных территориях, что эта часть СА не должна быть исключена из числа виновных. Однако мы полагаем, что многие члены военизированных частей, которые были причастны к совершению зверств, были также членами самой организации СС, и поэтому мы имеем честь заявить, что наше первоначальное утверждение может оставаться в силе.

В-третьих, членов резерва, которые ни в какой период не служили ни в одной из остальных частей этой организации, и, в-четвертых, национал-социалистскую лигу инвалидов-ветеранов.

Уже не раз говорилось, что Обвинение желает добиться декларации о преступности только в отношении тех, кто несет главную ответственность за совершение преступления. Учитывая это обстоятельство, а также в свете показаний, которые представлялись вам с февраля месяца, мы имеем честь почтительно рекомендовать некоторые дополнительные исключения из общего числа членов этой организации.

Первое: общая численность СА в 1934 году была указана Ютнером как равная 4,5 миллиона. Сюда входят полтора миллиона членов Киффгайзербунда. Вскоре после слияния этой организации с СА в 1933 году эти две организации были снова разделены. Мы имеем честь рекомендовать исключение всех тех членов Киффгайзербунда, которые не оставались в рядах СА после этого разделения.

Второе. Мы считаем, что мы имеем основание просить об исключении некоторых групп «Стального шлема».

Для того, чтобы вы могли представить себе, на чем основывается эта рекомендация, быть может следует кратко напомнить вам структуру и историю этой организации. Она состояла из:

1) Шарнхорста, который являлся молодежной организацией юношей до 14 лет, с численностью, примерно, 500 000 человек.

2) Верштальхельма, который включал Юнгштальхельм (мужская молодежь в возрасте от 14 до 24 лет) и спортивные организации «Стального шлема» (мужчины от 24 до 35 лет). Общая численность Верштальхельма составляла 500 000 человек.

3) Кернштальхельма, который состоял из мужчин в возрасте от 36 до 45 лет, численность этой группы равнялась 450 000 человек.

Общая численность «Стального шлема» равнялась, таким образом, примерно, 1,5 миллиона мужчин и юношей.

В 1933 году «Стальной шлем» перешел под руководство нацистской партии. Шарнхорст была переведена в «Гитлерюгенд»; Верштальхельм был слит с самой СА и Кернштальхельм — с резервом СА. Так как мы уже исключили резерв СА, нам остается лишь рассмотреть вопрос о той части «Стального шлема», которая была включена непосредственно в СА — 500 000 членов Верштальхельма.

Вы располагаете доказательствами — показаниями свидетелей и документами, находящимися в книге документов защиты, которые показывают, что многие из этих 500 000 членов «Стального шлема» были против их перевода в СА, а также против политики и целей СА и нацистской партии. Многие, включая свидетеля фон Вальденфельс, отказались вступить в СА. Можно предположить, что еще много других членов, хотя и они были против политики СА, были готовы вступить в СА в силу того, что им была дана гарантия, что они будут пользоваться правом придерживаться своих убеждений, сохранять свой характер и своих руководителей таким же образом, как и кавалерийский корпус, и что их никогда не заставят фактически вступить в члены самой СА. С другой стороны, нет ни малейшего сомнения в том, что многие сознательно и с полной готовностью вступили в СА и участвовали в полной мере в ее преступной деятельности. Ютнер сам является примером такого поведения, и он заявил, что он далеко не единственный. Я вам напомню его показания:

«Многие члены СА, которые раньше были членами «Стального шлема», приходили ко мне в течение нескольких первых месяцев, и они, как и я, сожалели о том, что их старая добрая организация более не существовала. Но вместе со мной они приветствовали то обстоятельство, что им было разрешено теперь стать членами такой большой организации, как СА».

Говоря о своем собственном районе, он заявил:

«По сути дела после 1935 года основным костяком СА являлась моя старая организация «Стальной шлем», поэтому большинство членов «Стального шлема» осталось в рядах СА».

Исключение из декларации о виновности всей организации «Стального шлема» привело бы к исключению таких людей, как Ютнер, и многих других членов «Стального шлема», которые составляли костяк СА.

Мы считаем, что можно сделать справедливое и практически возможное разграничение между этими двумя группами. В июле и августе 1935 г. заверения, которые давались членам СА в том, что они сохранят свое независимое положение, несмотря на свое членство в СА, были нарушены. Организация «Стального шлема» была окончательно распущена. Принятая в ней форма, ее собрания и вся ее предыдущая деятельность были запрещены. С этого времени члены «Стального шлема», которые остались в СА, ничем не отличались от остальной части этой организации. Они присоединились к СА в 1933 году, зная, как заявил один из их собственных свидетелей, о преступном характере политики и деятельности СА. Теперь, в 1935 году, они не могли уже иметь никаких иллюзий относительно того, что если они останутся членами СА, то от них будут ожидать поддержки этой политики и участия в этой деятельности. Никто из числа тех, кто остался членами после этого дня, не имеет права исключить себя из числа лиц, несущих главную ответственность за преступления, совершенные СА и нацистским правительством, одним из оплотов которого являлась СА. Таким образом, мы имеем честь рекомендовать на ваше рассмотрение следующий вопрос: могут ли быть также исключены все те члены «Стального

шлема», которые ушли или были исключены из СА до 31 декабря 1935 года. Мы считаем, что те, кто остался, могут справедливо рассматриваться как принадлежащие к преступной организации СА.

Вы представляете себе, какие последствия будут иметь эти исключения для целого ряда членов СА, связанных с этим процессом. Одно лишь исключение 1 500 000 членов Киффгайзербунда и 500 000 членов Кернштальхельма уже сокращают цифру общей численности, приведенную Ютнером, до 2,5 миллиона, причем здесь не предусматриваются другие исключения, которые были ранее предложены Обвинением.

Наконец, я хочу сказать несколько слов в отношении кавалерийского корпуса. Я уже заявил, что нет никакого законного основания предполагать, что членство в этой организации было принудительным. Обвинение, однако, признает, что постольку, поскольку кавалерийский корпус сохранял свою отдельную организацию клубов верховой езды, свой собственный характер и имел своих руководителей, вы, возможно, сочтете, что он занимал специфическое положение, когда вы будете обсуждать вопрос о преступной ответственности СА. Трибунал, несомненно, если он пожелает, сумеет по своему усмотрению учесть это специфическое положение кавалерийского корпуса. Суд будет иметь в виду, что число членов этой организации равнялось 200 000.

Я, как мне кажется, должен сказать несколько слов еще по одному вопросу, который был затронут защитой. Утверждалось, что еженедельная газета «СА Манн» («Член СА»), из которой Обвинение взяло некоторое небольшое число своих доказательств против этой организации, не является достоверным источником и не отражает правильно политику и деятельность СА. Вы слышали показания за и против этого предположения. Я хочу лишь напомнить вам, что эта газета издавалась официальным нацистским издательством — компанией Эхер, которая также издавала «Майн Кампф», справочники по организации НСДАП, приказы и декреты нацистского правительства и все другие официальные нацистские издания. Подзаголовок этой газеты гласил ...

Председатель: Сэр Дэвид, перед тем, как вы оставите вопрос о цифрах, скажите нам,— эта цифра два с половиной миллиона, которую вы назвали, предусматривает смену чиновников на отдельных постах?

Сэр Дэвид Максуэлл Файф: Нет, что касается смены чиновников, мы считаем, что эта цифра уравновесится большой смертностью за годы войны. Вам следует принять в расчет лишь пятилетний период со времени начала войны. За этот период с 4,5 миллиона число членов сократилось до 1,5 миллиона. После этого, как мы полагаем, число чиновников, сменявших один другого на постах, уравновешивалось числом выбывших в связи со смертностью во время войны.

Милорд, вы, конечно, имеете в виду, что мы пытаемся здесь взять первоначальную цифру Ютнера в четыре с половиной миллиона. Мы предполагаем, что однажды эта цифра сократилась до двух с половиной миллионов. Если вы согласитесь с нашим предложением в отношении одних лишь Кернштальхельм и Киффгайзербунд, мы получим сокращение еще в два с половиной миллиона. Вы также должны принять в расчет предложенное нами исключение тех членов Штальхельма, которые вышли из состава этой организации до 1935 года. Далее, вопрос о кавалерийском корпусе. Мы, конечно, оставляем его на реше-

ние Трибунала. Но после того, как вы примете решение по нему, после того как вы получите цифру, которая равна примерно 2,5 миллиона, вы убедитесь в том, что эта цифра сократилась за пятилетний период и равнялась полутора миллионам, согласно тем показаниям, которые дал вам Ютнер.

Я рассматривал вопрос о газете «СА Манн». Разрешите мне продолжать.

Подзаголовок этой газеты гласил:

«Официальный орган высшего руководства СА». Ее редактор в письме Розенбергу прямо называл эту газету «Боевой листок и официальный орган верховного руководства партии», с тиражом в 750 000 экземпляров. (ПС-4009-ВВ-614.)

Сам Лютце рекомендует ее в своей ежегодной программе подготовки на 1939 год как одно из официальных пособий для подготовки и проведения в жизнь обучения.

Я утверждаю, что в свете этих доказательств показания свидетелей защиты по этому вопросу не должны быть приняты во внимание.

Прошу вас обратить внимание на всю литературу, которую вы видели в связи с этой организацией. Она вся одинакова — вся посвящена войне, беззаконному насилию, расовой ненависти. Ни одним словом не касается она обычных проблем благопристойной жизни, интересов, деятельности и образа жизни нормальных, порядочных, цивилизованных мирных граждан, тех, которые заполняют большую часть газет и литературы порядочных, уважающих закон мирных стран. Сравните литературу СА с той, которая издается любой другой организацией или обществом любой другой страны Европы. СА — организация, которая гордилась тем, что на нее была возложена ответственность за воспитание и подготовку германских мужчин, говорила только о милитаризме, о самовлюбленности, об устранении и ненависти. Зачем было все это нужно, если их цели были таковы, как они об этом говорят?

Цели и политика:

Я перехожу к очень краткому рассмотрению доказательств, на которых мы основываем наше заявление о том, что эта организация является преступной. Цели СА являлись целями самой нацистской партии. Подготовка в рядах СА описывается в справочнике по организации НСДАП следующим образом. Я цитирую:

«Подготовка и обучение проводятся в соответствии с доктринами и целями фюрера, которые изложены в «Майн Кампф» и в программе партии, как руководство во всех проявлениях нашей жизни, нашей национал-социалистской идеологии».

Начальник СА Лютце в своем заявлении дипломатическому корпусу и иностранной прессе в 1936 году сказал:

«Когда я заявляю с самого начала, что обязанности, взятые на себя СА, являются такими же, как и обязанности партии и наоборот, я имею в виду лишь то, что СА считает программу партии своей собственной программой. СА не может быть независимой от национал-социалистского движения и может существовать лишь как составная его часть. В структуре партии СА представляет собой отряд ее защитников, ее боевую ударную группу, к которой, выражаясь языком политики, принадлежат наиболее активные члены движения. Задачи СА являются задачами партии и наоборот. Таким образом, они носят внутриполитический характер».

Преступная деятельность:

В интересах экономии времени я не буду подробно останавливаться на доказательствах того, как эта организация выполняла свою роль «защитного отряда» и «боевой ударной группы» партии. Все это можно уже считать вопросом истории. Выражаясь словами Обвинительного заключения, СА «была создана нацистскими заговорщиками до захвата власти и превращена ими в громадную частную армию: она использовалась в целях создания беспорядков, для терроризирования и уничтожения противников». Говорят о том, что насилия и преступления ее членов, если таковые вообще имели место, носили чисто оборонительный характер: к подобной деятельности они были вынуждены прибегать для того, чтобы защищать своих членов и партийных руководителей от насилий со стороны коммунистов и других политических партий. Вы сами должны решить, какова ценность этих доказательств. Решая этот вопрос, вы будете иметь в виду, что все документальные доказательства, представленные по этому вопросу в книге документов защиты, исходят из нацистских источников и составлены нацистами. Вы можете считать фактом, что описание СА как организации, имевшей оборонительные цели, совершенно не соответствует показаниям, которые дали вам свидетели Зеверинг и Гизевиус, и письменным показаниям, данным американским консулом Гейстом.

Часть показаний, которые я не имею намерения здесь зачитывать Трибуналу, я приведу в качестве сноски. Я напомню о том, что говорил Зеверинг относительно агрессивности СА, и я прошу Трибунал обратиться к последним словам цитаты в начале 52-й страницы. «Это не были просто обычные небольшие стычки между политическими противниками в период предвыборных столкновений. Это был организованный террор».

Я добавляю: Трибунал примет во внимание цитированные мной выдержки из показаний Ютнера. Имеется также подтверждение его показаний: ... Это не были просто обычные небольшие стычки между политическими противниками в период предвыборных столкновений. Это был организованный террор.

Свидетель Штальхельма Груз подтвердил показания Зеверинга. «Я считаю,— заявил он,— что в целом Зеверинг описал положение вещей правильно».

Я считаю, что доказательства о преступной деятельности СА в течение 1933—1934 годов, то-есть начиная с прихода нацистского правительства к власти до чистки Рема, являются столь же хорошо обоснованными и могут быть рассмотрены столь же кратко. Здесь, как и ранее, продолжалось применение насилия, пренебрежение законами, правами и привилегиями всех, кроме их самих. Достаточно напомнить вам лишь то, что заявил Гизевиус; и снова, милорд, я напоминаю вам, что Гизевиус говорил относительно использования СА в качестве вспомогательной полиции, относительно частных тюрем, арестов и т. д. Разрешите мне снова процитировать последнюю фразу:

«Стычки не могли больше применяться в борьбе за власть. Тем не менее борьба подолжалась; изменилось лишь то, что эти удары теперь уже наносились с полным сознанием своей власти».

Гизевиус далее более подробно описал незаконные аресты политических противников, которые производились членами СА, тюрьмы, которые они учредили, и обращение, которому они подвергали свои жертвы:

«Именно потому, что к зверствам относились терпимо в течение пер-

вых месяцев, впоследствии стали возможны садистические убийства в концентрационных лагерях».

Заслушав показания Шеффера, первого коменданта Ораниенбурга, на перекрестном допросе, можете ли вы испытывать хоть малейшее сомнение в том, что членами СА в этом концентрационном лагере совершались зверства? Вы располагаете показаниями свидетеля Неля о том, что СА организовала концентрационный лагерь в Вуппертале по инициативе местного командира СА, что в Хонштейне и Бредове охранники из СА пытали и убивали заключенных. Вы помните также письмо, написанное в июне 1935 года министерством юстиции самому Гитлеру: «В лагере практиковались весьма грубые нарушения правил обращения с заключенными, по крайней мере начиная с лета 1934 года. Заключенных не только избивали до бессознательного состояния плетью и другими предметами, как это имело место в лагерях предварительного заключения в Бредове близ Штеттина, но их также истязали и другими способами».

Эти факты не требуют никаких комментариев, за исключением того, что следует подчеркнуть, что садизм и незаконные аресты подобного рода практиковались и проводились в жизнь членами СА по всей империи. Я цитирую:

«В течение шести недель с момента прихода нацистов к власти в январе 1933 года германские газеты помещали сообщения, исходившие из официальных источников о том, что 18 тысяч коммунистов были заключены в тюрьмы и что в то же время из 10 тысяч заключенных, находившихся в тюрьмах Пруссии, бо́льшую часть составляли социалисты и интеллигенция».

...В Нюрнберге некий Пфаумер подвергался избиению по ступням ног до тех пор, пока он не скончался. В Мюнхене бывший редактор газеты «Нижнебаварский крестьянин» доктор Алоиз Шлогель был подвергнут насилию, а дом его был разрушен. Это всего лишь несколько примеров из большого числа подобных случаев, которые имеет в виду премьер-министр Баварии, заявляя (я цитирую):

«Невозможно сосчитать общее количество подобных инцидентов, имевших место по всей Германии».

Это не было политической революцией, это не было самозащитой против коммунистической оппозиции. Эти люди находились на службе у правительства и были всегда уверены, что все правительственные органы — пресса, закон и полиция — имеют инструкции способствовать и помогать им. Они не подвергались никакому риску. Жертвы их произвола не могли обратиться ни в один суд, они не имели никакой защиты. Это был просто садизм, преступные зверства, которые поощрялись партией и руководством СА. У вас имеются показания Гейста, американского консула:

«Я лично могу подтвердить, что полиция была проинструктирована о том, чтобы не вмешиваться... Эти офицеры заявили мне, что они и все другие чины полиции получили точные и определенные инструкции не вмешиваться в дела СА, СС и гитлеровской молодежи».

Подсудимый Геринг, выступая 3 марта 1933 года, сказал о той роли, которую должна была выполнять СА с этого момента и в будущем. Он заявил, что коммунисты будут подавлены коричневорубашечниками. Полиция не будет использоваться так, как это делается при буржуазной демо-

кратии. Я цитирую: «Я не собираюсь осуществлять правосудие. Моей задачей является только разрушение и уничтожение и ничего более. Борьбу не на жизнь, а на смерть, в которой моя рука возьмет вас за горло, я поведу с помощью тех, которые находятся там внизу,— с помощью коричневорубашечников».

Теперь разрешите мне рассмотреть более подробно деятельность СА в течение лет, последовавших за 1934 годом. Здесь утверждалось, что после путча Рема уменьшилось как число членов СА, так и ее значение и что преступная деятельность ее членов прекратилась. Неоспоримо, что число ее членов действительно уменьшилось. Я уже указывал на доказательства, объясняющие, по какой именно причине это произошло. То, что ее значение уменьшилось — тоже правильно — в том смысле, что официально в фаворе все в большей и большей степени находились СС по причинам, которые хорошо известны. Тем не менее СА в глазах ее собственных руководителей, ее членов и руководства нацистской партии осталась в политическом и военном отношении силой, имевшей жизненно важное и серьезное значение.

К июню 1934 года политические противники нацистской партии были подавлены или заключены в тюрьмы. Поэтому неудивительно, что мы теперь имеем меньше доказательств, касающихся тех фактов «господства над улицами», которые заполняют историю Германии в течение предыдущих лет. Но цели этой организации остались неизменными: фанатическая поддержка политики нацистского правительства; подавление той оппозиции, которая еще осталась, в особенности церкви и евреев. И в дополнение ко всему — интенсивная подготовка к агрессивной войне.

СА и СС уже использовались в мероприятиях по роспуску профсоюзов. Еврейский вопрос и вопросы церкви оставались вечными проблемами. Я уже говорил о проводимой нацистской партией политике устранения всякого влияния церкви. Я хочу вам напомнить о той роли, которую играла СА в этой борьбе в течение ряда лет, после 1934 года. Вы помните инцидент в церкви в Фрейзинге в феврале 1935 года, когда крейслейтерша проинструктировала всех женщин-нацисток сопровождать штурмовиков СА на службу в Фрейзингскую церковь. Именно штурмовики СА устроили так, что в то время, как кардинал совершал богослужение, зазвонил церковный колокол. Именно штурмовики СА впоследствии вывели Ганса Гейдля ночью в поле и били его беспощадно за то, что он воздержался от вмешательства в ход богослужения. Вы помните эту историю, и я привожу в сноске [1] заявление самого Ганса Гейдля по поводу происшедшего.

Произвел ли на вас впечатление защитительный довод, что это был только отдельный случай? Если вы рассмотрите доказательства относительно массовых и повсеместных актов насилия, которые были связаны с именем СА в представлении всей Германии и всего мира в годы нацистской борьбы, то сможете ли вы сомневаться в том, что подобные случаи имели место во всей Германии в 1935 году и в последующий период, когда к тому представлялась какая-либо возможность...

Если насильственные методы изменились в течение этих лет, почему же официальный орган ее верховного руководства вспоминал историю ее ранних боев? Заголовки наглядно раскрывают их содержание:

«Мы подчинили красный террор»,

«Ночные уличные бои на чешской границе»,

---

[1] Сноска не приводится. — Составители.

«СА громит красный террор»;

«Кровавое воскресенье в Берлине».

Характерно также описание событий «9 ноября 1932 года в Нюрнберге», когда во время беспорядков кто-то закричал: «Ударим по еврейскому гнезду. Долой евреев».

Роль, которую СА играла во все усиливающемся преследовании евреев, рассеивает всякие возможные сомнения в отношении того, что характер деятельности этой организации оставался преступным в период после 1934 года. По поводу бойкота, объявленного в апреле 1933 года, Геббельс писал в своей автобиографии:

«1 апреля 1933 года. Все еврейские магазины закрыты. У входа в магазины стоят часовые СА».

Это лишь один пример того, как по всей Германии СА давала нацистскому правительству практическую возможность проводить в жизнь его политику. Инструкции, изданные подсудимым Штрейхером и его комитетом, гласили:

«Члены СА и СС получили инструкцию путем установления пикетов препятствовать населению входит в еврейские предприятия после того, как был объявлен бойкот».

У вас имеются показания Курта Шмидта, министра экономики, который до января 1935 года являлся членом имперского кабинета:

«Я должен сказать, что СА приобретала все более и более пагубное влияние на вопросы экономики и еврейские вопросы».

У вас имеются показания их собственного свидетеля барона фон Вальденфельс, которого спросили: «Принимала ли СА активное участие в преследовании евреев после 1934 года?». Свидетель ответил:

«Насколько это было мне известно из того, что мне рассказывали,— да. Я своими глазами видел, как грабили магазины в Мюнхене, но я не знаю, производилось ли это в соответствии с полученным приказом или являлось результатом личной инициативы отдельных лиц».

Свидетель пытался умалить значение СА после 1934 года, но его показания не оставляют никаких сомнений:

«Вопрос: Играя ту меньшую роль, на которую вы указываете, продолжала ли СА проводить политику преследования евреев и осуществлять ее на практике, как она делала это раньше?

Ответ: В этом нет никакого сомнения».

Геббельс, обращаясь к СА в октябре 1935 года, напомнил членам организации, что они являлись «сильнейшей опорой движения» и что нацистское правительство являлось «антиеврейским правительством».

Если после 1934 года активное преследование евреев не продолжало оставаться частью деятельности СА, почему же в таком случае Лютце, начальнику штаба СА, в его обращении к дипломатическому корпусу и представителям иностранной прессы в январе 1936 года, пришлось опровергать то прозвище, которое иностранная пресса так часто клеймила СА, называя ее «носительницей варварской расовой борьбы, вопреки цивилизации?» Почему же в таком случае почти ежемесячно в «СА Манн» в период между 1935 и 1939 годами появлялись статьи, составленные в выражениях, столь излюбленных газетой «Дер Штюрмер»? Их заголовков достаточно для того, чтобы прийти к заключению об их характере. Я обращаю ваше внимание лишь на четыре статьи из них: «Убийства, совершаемые евреями», «Могильщики мировой культуры», «Еврейская мировая

революция будет подавлена СА», «Друзья мирового еврейства — Рузвельт и Айц».

Если члены СА фактически не принимали постоянного и активного участия в преследовании евреев после 1934 года, как же можно объяснить ту роль, которую они играли в демонстрациях, имевших место в ноябре 1938 года? Вы помните, какие инструкции были получены ранним утром 10 ноября 50-й бригадой СА в Дармштадте: «По приказу группенфюрера все еврейские синагоги, находящиеся в зоне расположения 50-й бригады, должны быть немедленно взорваны или подожжены... Эти мероприятия должны быть произведены в гражданской одежде»...

События, происшедшие в районе Маннгейма, не могли являться, как пытается вас уверить защита, исключением из политики, проводимой руководством СА, и из общей практики поведения членов СА в остальной части Германии. Всего в ту ночь было разрушено 267 синагог. Мы с полным правом можем задать вопрос: почему только 50-я, 51-я и 151-я бригады должны были получить инструкции разрушать все синагоги? Почему же в таком случае сам Ютнер издал всем соединениям СА приказ, исходивший от Гесса и гласивший, что все отделы партии и ее филиалы, под охраной которых находилось ценное имущество, должны были передавать его в ближайшее отделение гестапо?

Мы просим вас заявить, что эти доказательства уже сами по себе являются решающими. Тем не менее, в дополнение к вышеприведенным доказательствам, вы располагаете отчетом о процессе в высшем партийном суде по поводу убийства евреев, имевшем место во время проведения этих демонстраций. Пятнадцать членов СА совершили убийства. Эти убийства имели место по всей Германии, в Восточной Пруссии, в Дессау, в Ганновере, в Бремене, в Саксонии и в Мюнхене. Что же, все они тоже представляют собой только отдельные случаи?

Биограф Геринга писал относительно СА в 1937 году (повторяю — в 1937 году): «Едва ли отмечена происшедшая сейчас реорганизация полиции безопасности народом. Ее ряды укрепляются СА самым надежным орудием нашего движения». Вряд ли по делу какой-либо организации были представлены более убийственные доказательства.

Я перехожу к подготовке к войне и к деятельности во время войны.

Немедленно после прихода нацистской партии к власти СА превратилась в зародыш армии, при помощи которой нацисты начали осуществлять свою подготовку к агрессивной войне. Гейст — американский консул — говорит вам по этому поводу следующее:

«В особенности в 1933 и 1934 годах целые орды штурмовиков СА у всех на глазах занимались военной тренировкой; СА превращалась в военную организацию. Я нередко наблюдал за тем, как штурмовики, расположившись в поле или в лесу, проходили военное техническое обучение. Все это являлось частью общего плана подготовки живой силы Германии к войне».

«Уже в 1920 году, создав СА, фюрер установил для этой организации весьма обширные задачи... СА должна была стать носителем военных идей свободного народа. В том же смысле фюрер выразился в своей книге «Майн Кампф»:

«Дайте германской нации шесть миллионов безукоризненно натренированных в спорте тел, вдохновленных фанатической любовью к своему отечеству, энергия которых доведена до высшей точки напряжения, и нацио-

нал-социалистское государство, если в этом появится необходимость, создаст из них армию меньше, чем в два года».

Люди никогда не забудут миссии фюрера — требовать от каждого немца военной подготовки и воссоздать среди германского народа военный дух.

Какой же смысл свидетелям защиты по делу СА теперь приходить и заявлять этому Трибуналу, что «СА не имела военного характера... и не желала его иметь...».

«Программа обучения членов СА всегда сохраняла свой невоенный характер».

Имеется очень большое количество доказательств относительно военного характера и целей СА, относительно интенсивного обучения членов этой организации и ее подготовки к войне.

Доктор Эрнст Байер, писавший в 1938 году по приказу верховного штаба СА, тем не менее снова коснулся целей СА:

«СА было поручено добиться роста и сохранения военной мощи и развития воинственного духа, что должно было явиться выражением ее агрессивных позиций».

Еще в мае 1933 года фон Рейхенау предложил, чтобы верховное командование СА было представлено в имперском совете обороны.

Здесь я сделаю добавление; имелась карандашная пометка, которая показывает, что это было проведено в жизнь — к СА был прикомандирован офицер регулярной армии, который должен был оказывать содействие в «военном» обучении членов организации.

В целях маскировки этот офицер должен был носить военную форму СА.

Из директив по вопросам обучения и других документов, некоторые из которых были изданы самим Лютце, нам становится ясным, какую форму приняла эта тренировка, начиная с 1933 года и кончая 1939 годом; она заключалась в стрельбе, бросании гранат, определении расстояния, чтении карт и маршировке. Нам также известно, что уже в июле 1933 года в СА были сформированы специализированные соединения, как, например, роты связи и моторизованные роты, а также отдельные воздушные эскадрильи. Командование СА в особенности подчеркивало необходимость соблюдения секретности в отношении каких-либо публичных заявлений, «которые могли бы дать другим странам основание истолковать действия Германии, как нарушение условий Версальского договора». Был запрещен выпуск картин, «дающих другим странам возможность доказать, что действительно создавались технические войсковые соединения». Едва ли есть необходимость вновь цитировать высказывания доктора Эрнста Байера для того, чтобы представить себе цель создания этих технических соединений. Все же я цитирую его:

«Из этих технических соединений СА возникли хорошо обученные команды, которые по своей подготовленности и полученным ими знаниям занимают не последнее место и имеют исключительную ценность на службе обороны страны».

То же он писал и по поводу кавалерийских корпусов:

«В настоящее время СА имеет возможность ежегодно передавать в вооруженные силы многие тысячи молодых, хорошо подготовленных кавалеристов».

Можно ли сомневаться в том, что каждому члену СА было известно, к

чему вели все эти мероприятия, если сам начальник штаба публично говорил о том, что принцип обучения членов СА являлся «всегда жизнедеятельным культивированием в моральном и физическом отношении и милитаризации всего германского народа»?

В марте 1934 года был установлен постоянный контакт между СА и имперским министерством обороны в отношении всех задач «А». Ютнер разъяснил, что представляли собой эти задачи «А»; они заключались в «мероприятиях по обучению и в ведении пограничной охраны». Означала ли пограничная охрана в действительности подготовку военного захвата Рейнской области, Австрии и Чехословакии?

Фактически в том же месяце 1934 года СА создала в Рейнской области вооруженное подразделение, которому была придана рота тяжелых пулеметов.

В начале 1934 года СА также подготовляла следующие планы (я цитирую):

«7—8 февраля ввести в Австрию австрийские войсковые соединения, расквартированные в Баварии. После этого объявить военную диктатуру».

Перед вами имеется отчет о той роли, которую сыграла СА в неудавшемся путче Дольфуса. Когда подошло время проведения аншлюсса, соединения СА были в числе первых, вошедших в Австрию.

В Чехословакии СА являлась основной силой, поддерживавшей «свободный судетский корпус». В октябре 1938 года, через несколько недель после мюнхенского кризиса, офицер связи ОКВ при свободном корпусе сообщил:

«Снабжение было организовано СА, оружием снабжала австрийская СА. Материально свободный корпус обеспечивало руководство СА, проявляя при этом величайшее чувство товарищества и отсутствие себялюбия. Экипировка и питание остались в ведении НСДАП и СА». Милорд, я напоминаю Трибуналу о том, что в приложении к этому документу имеется список пленных и трофеев, захваченных свободным корпусом, а также нанесенные ими потери, и все это — в период мирного времени. Эта поддержка, оказанная свободному корпусу, входила в понятие «пограничной охраны», как это признал сам Ютнер.

Преступления, совершенные СА, не прекратились с началом военных действий. Я еще раз цитирую показания свидетеля Ютнера:

«С самого начала войны с Польшей группа СА в Судетах занималась транспортировкой военнопленных в лагерь. Возможно, что и другие группы СА на Востоке использовались для таких же целей. Позже руководство СА и СА, как организация, ничего общего не имели с этим вопросом».

При рассмотрении доказательств, которые вы слышали о тех ужасающих условиях, в которых этих пленных с Востока перевозили в лагери, можете ли вы считать доказанным, что эта задача охраны транспорта была столь невинной, как может показаться с первого взгляда? Ютнер также оставил нам отчет от июня 1941 года, в котором описана деятельность СА во время войны. В зонах, через которые проходили коммуникационные линии, ее члены оказывали содействие политическому руководству в его задаче воспитания и ориентации. 21 группа членов СА была использована для охраны пленных. Организация групп СА в Данциге, Познани, Силезии и Прибалтике описывается в следующих выражениях:

«В тех областях так же, как и в бою, СА была ударным отрядом партии. Практически в этих областях деятельность СА также была направлена

на укрепление обороны. Поэтому возникла необходимость преодолеть комплекс неполноценности расовых немцев, который еще существует в результате польского угнетения, и привести их внешний вид и манеру держать себя в соответствие с требованиями СА».

Как зловеще звучат эти невинные слова в свете доказательств о том, что происходило в этих восточных и прибалтийских провинциях. Управление гетто в Вильно находилось в руках СА, и заключенные охранялись охранниками СА. Некоторые из евреев должны были жить в глубоких колодцах, причем они были скованы цепями, а члены СА надевали им цепи на обе ноги и вокруг талии: «эти цепи весили по два килограмма каждая, и поэтому мы могли делать в них только очень маленькие шаги. Мы находились в этих ямах постоянно в течение шести месяцев. Охранники СА сказали нам, что если кто-нибудь снимет цепи, он будет повешен».

Работа их состояла в том, что они раскапывали общие могилы:

«Мы выкопали всего 68 тысяч трупов..., среди них я нашел тело своего родного брата.

В Вильнюсе охранники СА также заставляли евреев щипцами снимать золотые коронки с зубов их мертвых братьев, промывать их в бензине и упаковывать в восьмикилограммовые ящики, которые ведавший этим офицер СА забирал лично.

Гетто в Шауляй, к югу от Риги, находилось в ведении СА. Там находилось от 700 до 800 членов СА, которых можно было распознать по коричневой форме и нарукавным повязкам со свастикой. В августе 1941 года члены СА окружили все гетто. Некоторые из них вошли в дома, отбирали детей и стариков, сажали их в грузовики и увозили. Я это видел сам. Это проводилось исключительно членами СА. Я видел, как они хватали детей за волосы и бросали их в грузовики. Я не видел того, что с ними случилось позже, но один литовец впоследствии рассказывал мне, что их увезли километров за двадцать и расстреляли. Он говорил, что он видел, как члены СА заставляли их раздеваться и затем расстреливали их из автоматов».

СА охраняла гетто в Каунасе, где было расстреляно 10 500 евреев во время ужасной «акции» 28 октября 1941 года. Она также охраняла трудовые лагери в Сакраве, Мехтале, Маркштадте, Клеттендорфе, Ланбилаве, Фаульбрюке, Рейхенбазе и Анаберге в Верхней Силезии, где поляки, французы, бельгийцы, голландцы и греки трудились, как рабы, и умирали от жестокого обращения и недоедания, и где «методы СА ни в коей мере не отставали от методов СС».

Нельзя сомневаться в правдивости показаний тех евреев, которые пережили эти кошмарные годы в гетто и трудовых лагерях на Востоке. Не только снова и снова подтверждается факт существования тех условий, которые они описывают, другими источниками и собственными немецкими документами, но даже сходятся описания того или другого из членов СА, которых они упоминают. Лейб Кибарт назвал вам фамилию районного уполномоченного, в чьем дворе евреи из Шауляйского гетто ежедневно подвергались ругани и побоям со стороны охранников из СА. Он вам говорил, что его фамилия была Гевеке и что он был членом СА. Мы видим подпись Гевеке на одном из его собственных писем от 8 сентября 1941 года, в котором он жалуется, что СС вмешивается в его распоряжения «по упорядоченной конфискации еврейской собственности». Письмо, содержащееся в этом документе, имеет штамп — «Комиссар Шауляйской области». СА использовались не только в качестве охранников. Из членов СА комплектовались

эйнзатцкоманды, кроме того, подразделения СА принимали участие в кровавой деятельности по уничтожению партизан. Районный начальник полиции безопасности и СД в Кракове в письме подсудимому Франку сообщает о деятельности специальной эйнзатцкоманды СА, которая была создана для вербовки рабочих из числа гражданского населения.

Генеральный уполномоченный по Белоруссии сообщал в июне 1943 года, что: «По приказу обергруппенфюрера СС фон дем Баха, ведающего отрядами по борьбе с партизанами, подразделения военных отрядов СА также принимали участие в операции. Этими отрядами командовал штандартерфюрер СА Кунце».

Эта «акция», на которую ссылается генеральный уполномоченный, была ужасной «операцией Котбус», о которой вы помните и о которой генеральный уполномоченный сообщал, что: «Ее политическое воздействие на мирное население было попросту ужасным в связи с многочисленными расстрелами женщин и детей».

В генерал-губернаторстве СА были организованы в 1941 г. В декабре 1943 года Франк заявил: «Когда $2^1/_2$ года назад я дал указание организовать СА, я руководствовался мыслью, которая сегодная наполняет меня больше, чем когда-либо прежде. Я стремился создать в генерал-губернаторстве резерв для действий в чрезвычайных обстоятельствах, причем резерв абсолютно надежный и непоколебимый во всех случаях, резерв национал-социалистов. Совершенно очевидно, что этот специальный резерв подлинных национал-социалистских борцов могут составить только члены СА. Здесь, как член СА вместе с моими товарищами из СА, я могу в рамках СА действительно создать то, что является фольком[1], таким образом, как я не могу этого сделать при существующей политической обстановке на моей территории. На этой территории[2] я должен принимать во внимание множество обстоятельств и беспрестанно держать в руках кнут, как укротитель в клетке со львами, для того, чтобы быть на чеку в отношении действий бандитов. Это положение вещей никогда не приходится принимать во внимание гаулейтерам в пределах империи... СА впервые применялись здесь на новой территории для использования новых методов и решения новых задач, которые, однако, были разрешены именно потому, что члены СА, принимавшие участие в их разрешении, были такими же, какими они являлись в период борьбы внутри империи».

В то же самое время внутри империи СА взяли на себя (я цитирую) «функции, которые раньше были поручены только СС, Сипо и армии, как, например, охрану лагерей военнопленных и наблюдение за насильно пригнанными рабочими как в самой Германии, так и на оккупированных территориях. Такого рода сотрудничество СА было запланировано и подготовлено руководящими инстанциями в Берлине уже в середине 1943 года».

В Штирии лагерь Фрауэнберг использовался как трудовой лагерь для хронических алкоголиков, правонарушителей и прогульщиков, причем 300 заключенных работали в соседних каменоломнях и на строительстве дорог. Охрана состояла из членов СА. Можем ли мы представить себе те условия, в которых жили — или умирали — эти прогульщики и правонарушители?

Насилия, убийства и власть над улицами в годы борьбы. Незаконные аресты, частные концлагери, невероятный садизм в годы триумфа — с 1933

[1] Т. е. германским народом. — Составители.
[2] Т. е. в оккупированной Польше. — Составители.

по 1934 гг., безжалостное подавление и зверское преследование евреев и христиан и всякой оппозиции и военное обучение в агрессивных целях в годы, начиная с 1934 г. до начала войны. И после этого новые концентрационные лагери, снова садизм, снова подавление и преследование на этот раз завоеванных ими народов, которых они называли расово-неполноценными. И снова насилия и убийства, но не как прежде, в далекие дни 1933 года по отношению к отдельным людям. Теперь это были насилия и убийства целых народов. Одна и та же система в течение всех этих лет. Можете ли вы своим решением снова развязать этим людям руки для того, чтобы они терроризировали народы Германии и Европы?

Я не считаю, что есть необходимость подробно останавливаться на доказательствах против СС. Вы уже достаточно хорошо знаете о характере этой организации и о деятельности ее членов. Буквы «СС» появлялись в связи с почти каждым преступлением большим или малым, о которых вам говорили здесь ежедневно в течение почти 10 месяцев. Обо всем этом можно сказать суммарно, хотя и недостаточно полно словами руководителя СС Гиммлера: «Я знаю, что в Германии есть люди, которых начинает тошнить, когда они видят эти черные рубашки. Мы понимаем причину этого и не ждем, что нас будут любить многие».

Я хотел бы поэтому остановиться только на двух вопросах, которые здесь возникли и которым мы придаем особенное значение.

История развития СС может быть сформулирована в нескольких словах: Созданные первоначально в качестве избранной личной охраны для защиты самого Гитлера, вместе с СА они образовали частную нацистскую армию и явились основой того, что должно было стать необходимым орудием заговора для ведения агрессивной войны. Ценность этой организации, как совершенно надежного «инструмента фюрера», была продемонстрирована в июле 1934 года, когда она выполняла палаческие функции во время путча Рема. Я цитирую слова Гиммлера, которые он сказал позднее: «Это поразило всех». И, тем не менее, все были уверены, что они сделают это снова, если будут получены такие приказы и если в этом опять возникнет необходимость.

Готовность СС «сделать это снова» была продемонстрирована на миллионах примеров в последующие годы.

До января 1933 года СС состояли из одной только части. Не существовало особых ответвлений СС и, кроме задач общих с СА и специальных функций по несению личной охраны Гитлера, у них не было никаких специальных целей. Однако после того, как нацистская партия пришла к власти и в особенности после 1934 года число ее членов увеличилось и организации СС расширились и стали более сложными. Были созданы новые части, например, отряды СС «Мертвая голова», задачей которых были и оставались охранные функции в концентрационных лагерях.

Несколько избранных частей были вооружены и фактически стали личной армией Гитлера под названием «СС ферфюгунструппе» (военные отряды СС). В то же самое время некоторые функции стали специальностью других групп, которые, хотя они и не имели отдельного организационного статуса, тем не менее были обозначены как отдельные подразделения, как, например, СД, которые являлись разведкой СС и которые впоследствии стали работать в столь тесном сотрудничестве с гестапо. Хотя общепринято различать отдельные ответвления СС и их формирования по названиям, в области управления и подчинения они являлись частями единой органи-

зации СС; все они находились под общим командованием имперского фюрера СС и все управлялись и контролировались различными главными управлениями верховного командования СС.

В начале войны большинство альгемейне СС (общих частей СС), т. е. большое число членов СС, которые остались невооруженными, было мобилизовано в вооруженные силы. Новые солдаты были призваны в ферфюгунструппе, которые расширились до такой степени, что образовали боевые дивизии СС, и именно эти боевые дивизии, примерно в 1940 году, стали известны под названием ваффен СС (войск СС).

Трибунал видел из отчета статистического института СС, как расширилась эта организация к 30 июня 1944 года. К этому времени общее число ее членов составляло 794 941 человек. Альгемейне СС (общие части СС), бывшие зародышем этой организации, потеряли свое значение в ходе войны, потому что более чем половина из 200 000 их членов была призвана в армию для отбывания трудовой повинности или в другие специальные нацистские организации. Остальные 594 443 служили в войсках СС. Трибунал видел, что 368 654 человека из числа военнослужащих войск СС служили в действующих частях; примерно 160 000 находились в частях запаса, в резервных частях и в учебных подразделениях. 26 544 служили в других частях и учреждениях, непосредственно подчиненных оперативному штабу верховного командования СС; 39 415 служили в главных управлениях СС.

Особенно важно установить, как были распределены эти 39 415 человек из состава войск СС (Трибунал сумеет ознакомиться с подсчетом, который я приложил). Свидетели рассказали нам, что ваффен СС не имели ничего общего с концентрационными лагерями, тем не менее, по крайней мере, 24 000 из них служили в главном административно-хозяйственном управлении, которое несло ответственность за управление концентрационными лагерями и комплектование их кадрами и организовывало эту работу. В эти 24 000 не входят отряды СС «Мертвая голова», из числа которых набирались охранники. Войска СС также снабжали кадрами различные организации нацистов, занимавшихся биологическим истреблением и действовавших в системе СС или от имени СС — главное управление по расовым вопросам и переселению, управление имперского комиссара по консолидации германской нации, главное управление по делам лиц германской расы, личный штаб Гиммлера, в том числе и пользующееся позорной известностью общество по изучению наследственности, возглавлявшееся Зиверсом («Аненербе»).

Заявляют, что войска СС по существу являлись чисто военной организацией, не отличавшейся по характеру от любой части регулярной армии. Доказательства устанавливают, что это не так. Правильно, что ваффен СС являлись боевым оружием СС, но, хотя его боевые формирования находились под командованием армейских инстанций, когда дело касалось оперативных задач, они всегда оставались неотъемлемой частью СС. И, действительно, приказ Гитлера, намечавший функции СС на случай мобилизации, предусматривал, что, будучи переданы под командование армии, они (я цитирую) «остаются в политическом отношении частью НСДАП». Комплектование, обучение, производство в чины, управление и снабжение войск СС в течение всей войны оставалось задачей верховного командования СС. Эти части пополнялись через главное управление СС. Они организовывались, управлялись и снабжались через оперативное управление СС, кото-

рое представляло собой их главный штаб. Военнослужащие войск СС подлежали юрисдикции главного правового управления СС. Подобно всем другим формированиям СС, войска СС входили в юрисдикцию Гиммлера, как имперского фюрера СС. И теоретически, и практически эти войска являлись столь же неотъемлемой частью всей организации СС, как любая другая их ветвь. Вы помните показания, которые дал фон Рундштедт.

Я цитирую: «Военные отряды СС были подчинены только Гиммлеру. Ни в вопросах дисциплинарных, ни в вопросах правового характера я не имел над ними власти. Я не мог давать им отпусков или награждать их. Я отвечал лишь за тактическое применение этих дивизий в той же степени, в какой я мог использовать итальянские, венгерские или словацкие дивизии».

Таковы, в общих чертах, СС, это облеченное большими задачами «государство в государстве», как назвал его генерал Детцель. Защита теперь пытается расчленить это всеобъемлющее единство СС на различные, совершенно отдельные компоненты, объединенные якобы только личностью Гиммлера. Ответственность за преступления, совершавшиеся миллионами, пытаются возложить лишь на него и на 3—4 его подчиненных. Однако это утверждение противоречит как истине, так и здравому смыслу. Мы рассматриваем на этом процессе не дело об убийстве 10 людей в одном месте и 20 в другом. Это обвинительное заключение инкриминирует не только убийство миллионов, но и дьявольский план биологического уничтожения, запланированное истребление целых народов, наций и рас. СС являлись орудием, которое было выбрано для осуществления этого плана, превосходившего в своей жестокости самого Ирода. Этот план мог быть осуществлен лишь путем использования всех СС в целом, причем таким образом, чтобы все ветви СС работали в согласии и в сотрудничестве одна с другой. Показания, данные перед этим судом, показали, что преступления нацистских заговорщиков не могли быть осуществлены экспромтом путем отдельных, не связанных между собой преступных актов. Они были тщательно запланированы, подготовлены и проведены в жизнь с помощью СС и других преступных организаций. Члены СС были в особенности хорошо пригодны для осуществления этого плана преступлений. Хорошо подготовленные физически и тщательно отобранные, они были политически воспитаны в духе нацизма и были готовы слепо подчиняться приказам Гитлера, Гиммлера и остальных нацистских руководителей. «Приказы должны быть священны», сказал Гиммлер. Членство в СС не только было добровольным в течение первых 16 лет их существования, начиная с 1925 года; более того, вступление в члены было возможно лишь в результате самого тщательного отбора, который являлся попыткой создать то, что СС называли «лучшими представителями мужского начала германской расы», «сверхлюдьми», «группой немцев нордической расы». Члены СС должны были быть фанатическими нацистами «арийского» происхождения.

Защитой особенно подчеркивается тот факт, что в ходе войны добровольный призыв был заменен принудительной мобилизацией. Свидетель Брилль дал показания, что «к концу войны в войсках СС было больше мобилизованных, чем добровольцев».

Для удобства Трибунала, быть может, следует очень кратко рассмотреть показания этого свидетеля. Хотя и не ставится под сомнение тот факт, что на известном этапе войны значительное число военнослужащих войск СС было принудительно мобилизовано в войска СС, дата начала та-

кой мобилизации и размеры, которые она приняла в том изложении, которое дал этим фактам свидетель Брилль в своих показаниях, должны быть оспорены как недостоверные. Он заявил вам, что первые 36 000 человек были призваны в период между осенью 1939 г. и весной 1940 г. Заявлять, что 36 000 человек были в принудительном порядке мобилизованы в СС — значит вводить в явное заблуждение. Во время перекрестного допроса на заседании Комитета уполномоченных относительно этого утверждения он признал, что эти 36 000 человек уже были тогда членами общих частей СС, в которые они вступили добровольно. Они не были призваны, они были просто переведены из одной части СС в другую. Приведенные им цифры последующих мобилизаций таковы: в течение 1942 года — 30 тысяч, в течение 1943 г. — 100 000 и в течение 1944 г. — 210 000, итого в целом 340 000. Даже с помощью этих цифр он далек от того, чтобы подтвердить свое заявление о том, что к концу войны было больше мобилизованных, чем добровольцев. Он привел цифру в 910 000, как охватывающую общую численность войск СС, причем эта цифра включала в себя численность в 1940 году и все последующие пополнения как за счет добровольцев, так и в результате мобилизации. 340 000 составляет только немного более чем $^1/_3$ этого общего числа.

В отношении дня начала мобилизации в СС имеются весьма значительные доказательства, опровергающие показания этого свидетеля. В феврале 1940 года Гесс давал инструкции организациям партии содействовать призыву добровольцев в СС. В декретах, которые он издал, не было никаких указаний по поводу принудительной вербовки. В апреле 1942 г. брошюрка, выпущенная в связи с призывом, подчеркивала добровольный характер принадлежности к войскам СС в следующих выражениях. Я цитирую: «Юноша национал-социалистской империи знает, что он сам должен проявить инициативу для того, чтобы завершить свою военную подготовку в войсках СС. Тот факт, что столь многие из числа молодых немцев вступили добровольцами в войска СС, является живым свидетельством доверия, которое питает сегодняшнее молодое поколение к войскам СС, свидетельством их веры в дух этих войск и, прежде всего, в их руководство».

«Друг солдата» — карманная памятка, изданная для германских вооруженных сил в 1943 году, в том году, в течение которого, как хочет вас заставить поверить Брилль, 100 000 человек было мобилизовано без предоставления им права выбора, описывала членов СС как жизнерадостных молодых людей, которые «добровольно решили вступить в ряды войск СС». Там было сказано. Я цитирую:

«Все ознакомились с ясным и понятным уставом войск СС. Основные его моменты таковы: 1. Служба в вооруженных силах СС засчитывается как военная служба. Принимаются только добровольцы».

В апреле того же года Гиммлер давал инструкции Кальтенбруннеру в связи с принятием должностных лиц ЗИПО в ряды СС:

«И хочу еще раз разъяснить свою точку зрения» — сказал он — «Я хочу, чтобы кандидаты принимались лишь, если они удовлетворяют следующим условиям:

«Если кандидат вступает в СС добровольно и по свободному выбору».

В справочнике по организации НСДАП за 1943 год приводится разъяснение, что войска СС, принимая в свои ряды добровольцев, в ходе войны дают возможность этим добровольцам сражаться на поле боя за утверждение национал-социалистских идей. Я считаю себя вправе также отметить

следующий момент в связи с показаниями Брилля. Вы помните, что я уже ссылался на заявление, которое этот свидетель сделал в отношении деятельности СС «Лейбштандарте» (полк личной охраны), которое, как я имею честь заметить, должно рассматриваться как ложное показание. Учитывая подозрительный характер его показаний и наличие доказательств, которые опровергают их, я хочу отметить, что, каковы бы ни были масштабы принудительного набора в СС, они были значительно меньше, а сама мобилизация стала проводиться значительно позже, чем заявляет об этом свидетель.

Но каково бы ни было в действительности положение вещей, мы считаем, что тот факт, что некоторое число членов было мобилизовано в принудительном порядке, не должен и не может являться защитительным доводом для этой организации. Преступления, совершенные СС во время войны, настолько многочисленны и повсеместны, настолько широко распространены и носят систематический характер, что неизбежно напрашивается вывод, что преобладающее большинство ее членов, независимо от того, вступили ли они в СС добровольно или нет, с готовностью следовали традициям СС и сами стали добровольными участниками их преступной деятельности. Разрешите мне рассмотреть в общих чертах доказательства, которые приводят к этому заключению.

Вы уже знаете, какое образование и подготовку получали члены СС — подготовку и для расовой борьбы, — которую Гиммлер приказывал им вести «беспощадно». Расовые теории, госполитика, евгеника — такова была программа их обучения. «Майн Кампф» была их библией. Основы их философии были изложены Гиммлером:

«В порядке вещей, что наиболее значительное поколение должно вырасти из этого избранного слоя германцев. В течение 20—30 лет мы должны быть в состоянии снабдить всю Европу этим классом руководителей. Если СС вместе с фермерами будут затем управлять колониями на Востоке в широком масштабе без всяких ограничений, игнорируя всякие традиции, но с подъемом и в революционном духе, то за 20 лет мы отодвинем нашу национальную границу на 500 км на восток».

Распространение идей подобного характера могло лишь приучить личный состав СС к представлению о мире, как о месте, в котором разрушение, рабство и уничтожение по отношению к «низшим» народам является благородным долгом. Угрызения совести не могли мучить и не мучили этих людей. Трибунал помнит отчет Бах-Зелевского, которого спросили, являлось ли убийство 90 тысяч евреев одной небольшой эйнзатцгруппой (которая, кстати сказать, состояла в основном из убийц, перешедших в нее из войск СС) совместимым с нацистской философией, он сказал: «Я придерживаюсь того мнения, что если в течение многих лет, десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей, а евреи вообще не люди, то такой исход неизбежен».

Не только генералы СС, подобные Бах-Зелевскому и Олендорфу, были отравлены этим ядом. Мы утверждаем, что этот яд отравил и должен был отправить рядовых членов СС, которые непосредственно совершали убийства. Уничтожение евреев рассматривалось ими как (я цитирую) «славная страница нашей истории».

Хладнокровное массовое убийство рассматривалось как почетное дело. Нужны ли нам дальнейшие доказательства для того, чтобы показать, какой тип человека развился в результате подобного грязного вос-

питания? Задолго до того, как они вступили в СС, они были пропитаны духом расовой ненависти и поклонения фюреру. Подготовка в СС была лишь всего-навсего повторным курсом для усовершенствования. Когда они вступили в СС, то в какое бы их подразделение они не пошли, они везде видели практическое осуществление того, что они изучали раньше. Везде, в каждом управлении, в каждой части убийство стало профессией. И где бы ни предполагалось совершение убийства, именно члены СС призывались для этого.

«Аненербе» являлось отделом СС. Список его сотрудников насчитывал свыше 100 профессоров и других научных работников, бывших членами СС, которые рассчитывали, что сотни других членов СС, совершая убийства, обеспечат их человеческими телами для их экспериментов и образцами для их коллекций — телами комиссаров, которых было приказано захватывать живыми и затем отрубать им голову, причем обращая особое внимание на то (я цитирую), чтобы «не повредить голову». Профессор Хирт писал: «Путем приобретения черепов еврейских большевистских комиссаров, которые представляют собой прототип отталкивающего, но характерного недочеловека, мы имеем возможность получить научный экспонат».

Управление по консолидации германской нации являлось управлением СС — управлением, которое несло ответственность за страшные преступления по биологическому истреблению рода и за все то, что они за собой влекли.

РСХА и главное административно-хозяйственное управление, управлявшие концентрационными лагерями и контролировавшие их деятельность, также были укомплектованы членами СС. Преступления, которые совершались СС в концентрационных лагерях, не нуждаются в дальнейших комментариях за исключением того, что следует подчеркнуть, что расследования, проводившиеся правовым отделом СС, по поводу показаний, которые давал свидетель Морген, не касались массовых убийств, а являлись лишь расследованиями отдельных случаев коррупции в среде должностных лиц СС. Этот свидетель также относится к числу тех, которых я считаю не достойными доверия. Как можно принять всерьез историю о расследованиях, производившихся судьей СС в связи с убийствами, совершенными Гессом в Освенциме, расследованиях, которые были якобы прерваны приближением союзников? Зачем нужны были дальнейшие расследования, когда Морген сам знал все подробности убийств, совершавшихся в Освенциме в период 1943—1944 гг.? Неужели вы сомневаетесь в том, что, если бы союзники проиграли войну, Гесс до сих пор продолжал бы совершать массовые убийства в этом концентрационном лагере, а судьи СС до сегодняшнего дня вели бы следствия по делам об отдельных случаях коррупции и преступных действий?

Эйнзатцкоманды состояли в основном из СС. В них в миниатюре отражено сотрудничество различных компонентов системы Гиммлера и частей СС. Вот каков, например, состав оперативной группы «А»:

Войска СС — 34,4%, СД — 3,5%, уголовная полиция — 4,1%, гестапо — 9,0%, вспомогательная полиция — 8,8%, другие виды полиции — 13,4%.

СС руководили деятельностью по истреблению евреев. Варшавское гетто является всего лишь одним примером. Высылка, убийства, ограбление поляков и других народов, занимавших территорию, считавшуюся необходимой для переселения немцев, проводились СС. Вы помните отчет

Глобочника об «акции», в ходе которой тысячи поляков были выгнаны из своих домов, а административно-хозяйственное управление СС присвоило 178 миллионов рейхсмарок. Это, по словам самого Глобочника,— я цитирую,— «проводилось силами СС... Только порядочность и честность и общий надзор, осуществлявшийся бойцами СС, использовавшимися для этой цели, могли обеспечить полную передачу изъятого».

Удивительно, что он не добавил: «Деньги не пахнут».

Войска СС стали передовым отрядом в нацистских агрессивных войнах, в особенности при вторжении в Советский Союз, и олицетворяли собой режим тирании и кровавых убийств, присущий нацистскому господству.

«Мы никогда не допустим, чтобы то отличное оружие, каким является страшная репутация, которая предшествовала нам в боях за Харьков, перестало существовать; наоборот, мы будем постоянно придавать ей новый смысл»— сказал Гиммлер офицерам трех дивизий СС в Харькове в 1943 году.

Войска СС успешно и постоянно «придавали новый смысл» своей ужасной репутации. Трибуналу были представлены многочисленные примеры совершения военных преступлений и преступлений против человечности частями войск СС. Они еще свежи в памяти Трибунала, и я не буду их вновь перечислять. Я бы хотел лишь напомнить Трибуналу, что некоторые самые жуткие злодеяния были совершены в 1943 и 1944 годах, когда часть войск СС состояла из мобилизованных.

Как можно утверждать, что члены СС, а в особенности военнослужащие войск СС, были простыми солдатами, только солдатами, которые не знали об этих преступлениях и не участвовали в их совершении? Как можно утверждать, что не их цели были преступными? Где бы мы ни встретились с преступлениями, совершенными нацистами, мы везде видим, что в них замешаны члены СС. Об этих членах СС всегда говорили, что они представляли собой нечто иное и особенное, что они были членами СД или какой-либо другой организации, или членами СС, которые были мобилизованы для службы в специальных частях, как, например, в эйнзатцкомандах, или членами СС, которые в действительности совсем не были эсэсовцами, а лишь врачами или полицейскими. Может ли это соответствовать действительности? Предположим, что мы оставим без внимания доказательства о концентрационных лагерях, об эйнзатцкомандах, о повсеместных зверских преступлениях против населения захваченных территорий, о массовом истреблении евреев в половине стран Европы, о бесчисленных случаях отдельных преступлений и проявлений садизма и о всех других нарушениях законов ведения войны. Предположим, что мы оставим без внимания доказательства о всех этих преступлениях, хотя каждое из них совершалось различными членами СС в различных городах и деревнях, вдоль и поперек всей великой империи. Предположим, что мы оставим их без внимания, хотя они и не являлись внезапной вспышкой преступлений, а совершались изо дня в день в течение долгих лет. Предположим, что мы оставим без внимания тот факт, что почти ни в одном из преступлений, о которых мы слышали, не был замешан никто иной, кроме эсэсовцев. Оставим все это без внимания, если вы этого желаете.

И без того преступность СС, от самых незначительных членов этой организации до самых высоких инстанций, устанавливается на основании имеющихся протоколов тех трех речей Гиммлера, которые он произнес перед офицерами частей СС.

В апреле 1941 года он выступил с речью перед всеми офицерами дивизии СС «Лейбштандарта». В октябре 1943 года он обратился с речью к своим генералам в Познани. В том же месяце командный состав всех полков трех дивизий СС слушал его речь в Харькове. Цитаты из этих речей уже несколько раз приводились в суде, и вы знакомы с настроениями, выраженными в них, и с их содержанием. Постарайтесь представить себе генерала из ваших собственных стран, который бы говорил всем офицерам одной из дивизий об угоне в рабство «тысяч, десятков тысяч, сотен тысяч» людей, о расстреле «тысяч ведущих представителей польского населения». Постарайтесь себе представить британского, американского, советского и французского командующего армией, говорящего своим генералам:

«Что случится с русскими и чехами, ни в малейшей степени меня не интересует... Если 10 000 русских баб упадут от изнеможения во время рытья противотанковых рвов, это заинтересует меня лишь в той мере, в какой будет в связи с этим закончен противотанковый ров, необходимый для Германии».

Или:

«Я также хочу с вами говорить совершенно откровенно об одном очень серьезном деле... Я имею в виду очищение от евреев, истребление еврейской расы. Это — одна из тех тем, о которых очень легко говорить. «Еврейская раса истребляется», — говорит какой-нибудь член партии. Это совершенно ясно. Это — пункт нашей программы — истребление евреев, и мы это делаем, мы их истребляем. И вот они приходят — 80 миллионов достойных немцев, и у каждого есть свой «порядочный еврей». Конечно, все другие паразиты, но этот еврей — первосортный еврей. Ни один из тех, которые так говорят, не наблюдал этого и ни один этого не переживал. Большинство из вас должно знать, как выглядят 100 трупов, лежащих рядом, или 500 или 1000. Выдерживать все это до конца и в то же время, — за исключением отдельных фактов проявления человеческой слабости, оставаться порядочными людьми, вот, что закаляло нас».

Можете ли вы представить его выступающим перед командирами частей одной из его дивизий с заявлением:

«Антисемитизм — это точно то же, что санитарная обработка. Избавление от вшей — не вопрос идеологии, это — вопрос чистоплотности. Точно так же для нас антисемитизм не является вопросом идеологии, это — вопрос чистоплотности».

Если вы представите себе это, что вы сможете сказать об офицерах и солдатах, которыми они командовали? Разве возможно, чтобы офицеры и солдаты дивизий войск СС, к которым можно было обратиться с подобной речью, были порядочными и честными солдатами, высокой нравственности и безупречного поведения? Ясно, что люди с такими качествами, независимо от того, Германия ли их родила или любая другая страна мира, не потерпели бы таких слов. О подобных речах в ходе процесса говорилось очень много, но они не потеряли своего значения для нас. Они показывают, что каждый солдат этих эсэсовских частей был прототипом своего эсэсовского фюрера. Если бы это было не так, подсудимый Геринг никогда не заявил бы в конце своего рассказа Муссолини об ужасах немецких методов борьбы с партизанами (я цитирую):

«Члены партии выполняют эту задачу с гораздо большей жестокостью и более эффективно... СС — гвардия старых бойцов партии, которая непосредственно и лично связана с фюрером и которая пред-

ставляет собой особый привилегированный отряд, подтверждает это правило».

Если бы это было не так, Гесс никогда не смог бы написать: «Части войск СС... больше других вооруженных частей подходят для выполнения этих специальных задач, стоящих перед нами на оккупированных восточных территориях, благодаря их усиленной подготовке в духе национал-социализма, в вопросах расы и национальности».

Мы знаем, какую роль отводил Гитлер для войск СС в будущем! — роль государственной полиции для подчинения побежденных народов в оккупированных странах германским властям, государственной полиции, которая никогда не будет брататься с пролетариатом и «низшими существами». Вся армия знала, что такая роль была отведена для СС, потому что этот факт получил «широчайшую гласность» благодаря приказам ОКВ. Мы достаточно знаем о нацистской государственной полиции, о ее воспитании и обучении в годы войны, с тем, чтобы она соответствовала стоявшим перед ней задачам, для того, чтобы ясно представить себе те методы, которые она стала бы применять. Именно эти люди, предназначенные и обученные для того, чтобы терроризировать Европу, составляют организацию СС, которую мы просим вас осудить как преступную.

Таковы основные соображения, связанные с этими тремя организациями — руководящим составом нацистской партии, СА и СС, на которые я бы хотел обратить ваше внимание. Именно эти организации являлись тем орудием, при помощи которого осуществлялись преступления, задуманные этими подсудимыми. Эти три организации не были изолированными или резко отграниченными одна от другой, как пытались их обрисовать защитники. Именно их члены, вместе взятые, составляли — и до сих пор составляют — сердцевину, опасную сердцевину национал-социализма. Будучи различными частями одной национал-социалистской верхушки, они имели общие цели и задачи, они работали и сотрудничали друг с другом и применяли одинаковые методы, которые были явно преступными. Так было с самого начала и так продолжалось до конца. Эти положения более чем ясно подтверждаются доказательством того, как национал-социалистская партия и правительство оскверняли понятие права и порядка и извращали практику судопроизводства для того, чтобы защитить себя и своих последователей при проведении преступных мероприятий.

Едва лишь нацистское правительство пришло к власти, как нацистские министры, нацистская полиция и нацистский суд стали прощать насилия и убийства, совершенные СА, СС и гестапо. И по каким соображениям? По соображениям, которые должны были показать всей Германии и показывают сегодня всему миру всю гнилость основы национал-социализма:

«Так как эти поступки не были вызваны низменными побуждениями, но, напротив, служили средством достижения великой патриотической цели и помогали развитию национал-социалистского государства, прекращение уголовного дела не кажется несовместимым с обычными нормами применения уголовного права».

Таково было мнение государственного обвинителя в суде провинции в Нюрнберге в отношении членов СА, которые избили коммуниста до смерти, били его до тех пор, пока ступни его ног настолько опухли (я цитирую): «из-за скопившейся там крови, что после того, как кровь была выпущена путем прореза, образовались кожные мешки величиной почти с кулак».

В Мюнхене имперский министр внутренних дел выставлял аналогичные причины для прекращения судебного дела против охранников-эсэсовцев в Дахау, которые били одного заключенного по голове до тех пор, пока он не умер.

«В качестве причины указывается, что ведение следствия причинило бы большой ущерб престижу национал-социалистского государства, так как этот процесс был бы направлен против членов СА и СС и, таким образом, затронул бы организации СА и СС, являющиеся основными поборниками национал-социалистского государства».

Нацистские судьи прекращали судебные дела против членов СА по согласованию с верховным руководством этой организации (я снова цитирую): «Действия и намерения членов СА были направлены на благо национал-социалистского движения. Таким образом, политические причины и чистота намерений не подлежат сомнению».

Когда судьи, еще не привыкшие к этим новым понятиям о праве, осудили охранников членов СА, которые (я цитирую) «не только пытались вырвать признания у заключенных, но действовали просто из похотливого удовольствия пытать»,— этих судей немедленно исключили из партии. Обвинителя, который сам оказался членом СА, предупредили, что он должен уйти в отставку, а гаулейтер сообщил верховному суду, что вынесенный приговор должен быть заменен помилованием.

Может ли быть какое-либо сомнение в том, что кандидаты в члены этих организаций знали, что членство дает им привилегию убивать?

Кроме того, такое понимание закона распространялось не только на государственные и партийные суды. Военные не могли устоять перед подобным искушением. В 1939 году судья военного трибунала признал наличие смягчающих обстоятельств в деле одного члена СС, «так как он был вовлечен в участие в расстреле одним капралом, протянувшим ему винтовку. К тому же он находился в возбужденном состоянии, вызванном многочисленными зверствами, совершенными поляками в отношении лиц германской расы. Будучи членом СС, он особенно чувствительно реагировал на присутствие евреев и на враждебное отношение евреев к немцам; он поэтому действовал совершенно необдуманно в юношеском порыве».

Эти солдаты войск СС были приговорены к тюремному заключению за «непредумышленное убийство», причем командующий армией отказался утвердить этот приговор. Речь шла о «непредумышленном убийстве» такого рода, который известен только национал-социалистам, которые, как мы видели в этом суде, необычайно чутко реагируют на слово «убийство». Вот что они называли «непредумышленным убийством»:

«После того, как примерно 50 евреев, которые чинили днем мост, закончили вечером свою работу, эти два солдата ввели их всех в синагогу и всех их расстреляли без всякой причины».

Разрешите мне закончить напоминанием о мнении верховного суда, являвшегося верховным хранителем национал-социалистской чести и дисциплины, чьей высокой власти и юрисдикции подчинялись члены все этих организаций. В оправдание убийств, совершенных во время демонстраций в 1938 году хохайтстрегерами и членами СА и СС, расследование которых было поручено государственной тайной полиции, партийным органам, гаулейтерам и политическому руководству, было заявлено следующее (я цитирую): «в тех случаях, когда евреев убивали без приказов или вопреки приказам, побуждений низкого характера обнаружено не было».

Целью этого процесса, имевшего место в партийном суде, являлось (я снова цитирую) «защитить тех товарищей по партии, которые, движимые лучшими национал-социалистскими побуждениями и инициативой, зашли слишком далеко».

Эти несколько строк раскрывают секрет всех убийств и страданий, ужасов и трагедий, которые эти подсудимые и члены этих организаций принесли миру. Вы видите, как глубоко они растлили человеческую совесть. «Побуждений низкого характера не было»... Убийство женщин и детей — это «лучшие национал-социалистские побуждения и инициатива». Таковы были убеждения национал-социалистов, которые фанатически приняли члены этих организаций, убеждения, которые — разве можно в этом сомневаться — они все еще хранят в душе и которые, если явится к этому возможность, возродятся вновь. Что касается верховного командования и генерального штаба,— я не собираюсь долго останавливаться на материале, который столь хорошо будет рассмотрен моими коллегами. Однако я хочу заявить как можно более ясно и энергично, что британская делегация безоговорочно присоединится к их требованию об осуждении этой группы, именуемой генеральным штабом и верховным командованием. Лица, входящие в эту группу, принимали деятельное участие в тех войнах, о несправедливом и агрессивном характере которых им было известно. Они принимали весьма существенное участие в тех действиях, которые со стороны тех, кто непосредственно их совершал, несомненно являются военными преступлениями и преступлениями против человечности. Тем не менее они заявляют о своей невиновности.

Наше обвинение против них покоится как на фактическом материале этого дела, так и на уроках истории.

Они выполняли приказы, которые, по признанию многих из них, глубоко возмущали остатки их совести. Они знали, что они делали дурное дело, но сейчас они говорят: «Бефель ист бефель» (приказ есть приказ).

Порядочным людям трудно осуждать других за отсутствием нравственной силы, так как они слишком хорошо знают свои собственные недостатки в этом отношении. Однако наступает момент в тех случаях, когда речь идет о явных убийствах, связанных с проявлениями варварства, когда вступает в свои права высший долг. Даже доктор Латернзер согласился с этим. Его реплика свидетелю Шрайберу о том, что последний должен был бы протестовать против предложений штаба армии о ведении бактериологической войны, прозвучала довольно странно в устах одного из тех людей, которые выдвигали как основной защитительный довод то обстоятельство, что протестовать было невозможно и бесполезно. Какая чепуха! Какая возмутительная чепуха! И вас заставляли слушать ее из уст этих обвиняемых и их генералов, в то время, как их собственный защитник для того, чтобы опорочить свидетеля, задает ему тот же самый вопрос, который Обвинение задавало им с первого дня настоящего процесса. Ради справедливости в отношении военных традиций следует сделать так, чтобы солдаты более не прятались за буквой приказа от решения вопросов морального порядка, а решали их правильно или неправильно, именно как вопросы морали. Великие полководцы — не автоматы, чтобы действовать по шаблону. Для того, чтобы подтвердить это примерами, мне нет необходимости возвращаться к истории наших собственных военных деятелей: к философским взглядам Монтроуза, глубокомысленным трактатам маршала Нея, к рассказу о 1861 годе и о горячем сердце Роберта И. Ли.

В этой связи приходят на ум имена двух выдающихся военных деятелей Германии — фон Клаузевица, который оставил прусскую армию, чтобы перейти на службу в русскую армию, и Иорка фон Бартенбурга, который принял решение о нейтралитете. Оба они ставили нужды Европы и человечества выше приказов. Насколько яснее и проще были обязанности военных, когда подготовка, издание и проведение в жизнь декрета «Мрак и туман», приказа о командос, приказа о комиссарах, приказа Гитлера об убийстве 50 офицеров воздушного флота означали осквернение всего дорогого сердцу каждого солдата; насколько проще были их обязанности, когда—как могли собственными глазами видеть те из них, которые служили на Восточном фронте,— их привлекали к сотрудничеству в заранее разработанной системе массового уничтожения и беспримерной жестокости.

Эти люди лучше всех других знали, что их руководитель был хладнокровным убийцей, однако в течение многих лет они продолжали встречаться у него на совещании и, сидя у его ног, выслушивали его указания. Они удовлетворяли его жажду власти и порабощения, используя до предела свое профессиональное искусство. В то время как беззащитные народы Востока — мужчины, женщины и дети Польши, Советского Союза — умышленно умерщвлялись и угонялись в рабство в целях создания жизненного пространства для немцев, — эти люди говорили о военной необходимости, а когда их собственные города подвергались бомбардировке и немцы погибали от бомб, они называли это убийством. Только в июле 1944 года, когда звезда Гитлера стала закатываться, 3 фельдмаршала и 5 генерал-полковников признали, что он убивает также и свой народ, и начали действовать. Когда эта звезда всходила в дни победы, они приветствовали ее криками «хайль» и не обращали внимания на кроваво-красные облака, из которых она поднималась.

Таковы факты и такова их оценка. Быть может, мне будет разрешено сказать несколько слов о структуре Устава. Употребление слова «группа» или «организация» несомненно предполагает, что то единство, о котором идет речь, может быть либо формально организовано нацистами, либо выбрано обвинением как группа, существовавшая в действительности. Эта группа была объединена инструкциями, которые она получала на столь многочисленных совещаниях, и добровольно связана передачей этих преступных приказов. По этой причине мы требуем ее осуждения.

В отношении имперского правительства я также желаю лишь дать ясно понять, что британское обвинение вновь, не колеблясь, требует его осуждения. Кроме того, я хотел бы остановиться лишь на двух вопросах.

Был затронут вопрос в связи с положением этих известных нацистов, вступивших в правительство в 1933 году. Если кто-либо из членов этого правительства не знал, какое он принимает на себя обязательство 30 января 1933 года, он отлично это понял в марте, когда начались преследования евреев. Члены кабинета узнали еще больше в апреле, когда весь народ был организован на проведение бойкота против евреев и когда немецкая печать указывала, что по официальным данным число арестованных составляет 20 000 человек. В июне 1934 года они знали, что убийства стали орудием политики. В 1935 и 1936 гг. они знали, что внешнеполитический курс сознательно ориентируется на возможный риск начала войны. Другой вопрос, который я хотел бы осветить, — это попытки защиты изобразить полную неосведомленность министров в происходившем. Я считаю, что

правительство не действует таким образом. Будь оно тоталитарным или демократическим, правительство всегда имеет дело с человеческими существами. Жизнь людей не протекает в герметически закупоренных сосудах; их чрезвычайно разнообразные интересы тесно переплетены между собой. Самый полновластный министр должен считаться с тем,— и с этим склонен был согласиться доктор Кубушек в своей речи,— что его действия отражаются на поступках его коллег. Другими словами, он должен знать о том, что происходит.

Именно потому лица, входящие в эту группу, знали о том, что происходит, содействовали этому, занимали важнейшие должности и получали от государства крупнейшие награды за свое содействие и поддержку,— мы и требуем сегодня осуждения этой организации.

Я пытался показать, каким образом СД и гестапо являются частью нацистского государства. Как и следовало ожидать, доказательства, которые я приводил, многообразно иллюстрируют это.

Кроме того, что я еще раз подчеркиваю, что я полностью присоединяюсь к требованию моих коллег об осуждении этих организаций, я не намереваюсь более рассматривать вопросы, связанные с ними.

Я полностью осознаю, что одной из величайших трудностей и немалой опасностью в этом процессе является то обстоятельство, что те из нас, которые день за днем, в течение девяти месяцев, были заняты этой работой, пресыщены ужасами и не способны их более воспринимать. Шекспир пытался описать это состояние следующими памятными строками:

> «Кровь и разрушение станут настолько привычными, а ужасающие зрелища настолько обыденными, что матери будут лишь улыбаться, когда они увидят, что дети их четвертованы войной; и чувство жалости будет притуплено привычкой творить зло».

Только тогда, когда мы сможем со стороны посмотреть на то, что ежедневно происходило перед нашими глазами в течение 40 недель,— только тогда мы поймем, что «яростные внутренние раздоры и жестокая гражданская война», результаты которых были предсказаны Марком Антонием, лишь игра в бирюльки в сравнении с фактами, которые нам приходилось рассматривать.

Не только количество ужасов,— хотя с помощью этих организаций было умерщвлено 22 000 000 человек,— но именно характер совершенных ими зверств породил газовые камеры Освенцима или массовые расстрелы еврейских детей на всем континенте, который претендует на то, чтобы называться цивилизованным.

Нет ни одной из числа этих организаций, которая не была бы непосредственно связана с убийствами в самой зверской форме, которые стали профессией. Кто может сомневаться в том, что имперский кабинет знал о «предании легкой смерти», которое практиковалось для того, чтобы сохранить физические ресурсы Германии для войны. Нет сомнения в том, что Верховное командование и генеральный штаб передавали приказы, о которых вы так много слышали и которые, в конце концов, сводились к простому убийству. Руководящий состав нацистской партии принимал участие в убийстве евреев и в физическом уничтожении трудом угнанных в рабство рабочих. Мне достаточно лишь сказать слово «СС» — и без слов на ум приходят преступления. СС и гестапо осуществляли эти преступления, помогали в их совершении и находили для них поводы. СС подготавливали своих новобранцев в Прибалтийских государствах к тому, чтобы они отве-

чали требованиям СА, и это обучение дало свои плоды в гетто Каунаса и в ямах Вильнюса.

Бывший президент Вудро Вильсон сказал однажды:

«Необходимо, чтобы государства, которые вступают в союз против Германии, знали заранее, с кем они имеют дело».

Для того, чтобы очистить Европу от нацистского зла, необходимо, чтобы вы и весь мир знали о том, что представляют собой эти организации.

Нашей печальной обязанностью является помочь вам это распознать. Сделав это, мы иногда сомневаемся в том, перестанем ли мы когда-нибудь ощущать запах смерти, но мы полны решимости сделать все, чтобы изгнать этот запах из Германии так же, как и тот злой дух, который его породил. Быть может, нам, юристам, которые считают себя всего лишь опорой общественных законов, предосудительно размышлять и даже мечтать о том, что бы мы хотели видеть на месте всего этого? Но я хочу поделиться с вами кредо юриста: есть категории несомненно универсальные. Таковы: терпимость, порядочность и доброта. И именно потому, что мы считаем, что следует расчистить почву прежде, чем эти добродетели смогут расцвести в условиях мира, мы просим вас осудить эти организации, олицетворяющие зло.

Когда этим добродетелям будет дана возможность расцвести на той почве, которую вы расчистите, будет сделан гигантский шаг вперед. Это будет шагом на пути к общему признанию того, что зрелища и звуки, смех, которому научились у друзей, нежность и сердца, пребывающие в спокойствии, не являются прерогативами какой-либо одной страны. Они являются несомненным достоянием всего человечества.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБВИНЕНИЯ ОТ США ДОДДА

[*Произнесена 29 августа 1946 г.*][1]

Господин председатель! С 20 ноября 1945 г. Международный Военный Трибунал почти непрерывно заседал в открытых заседаниях. Стенографический отчет заседаний, происходивших в эти долгие месяцы, составляет уже более 15 тыс. страниц. Было представлено свыше 300 тыс. письменных показаний, предъявлено около 3 тыс. документов, и заслушаны показания около 200 свидетелей.

Это большое количество доказательств как устных, так и письменных, почти исключительно немецкого происхождения, с несомненностью установило факт совершения преступлений, выражавшихся в преступном заговоре, ведении агрессивной войны, массовых убийствах, угоне на рабский труд, преследовании по расовым и религиозным мотивам и в зверском обращении с миллионами невинных людей. Четыре державы, предъявившие обвинение, считают, что индивидуальную ответственность за эти ужасные преступления несут 22 подсудимых, названных в Обвинительном заключении.

Однако четыре державы, поддерживающие обвинение, установив, что 22 подсудимых не могли сами совершить эти невероятные преступления, назвали также в Обвинительном заключении нацистские организации, которые являлись тем главным посредником, с помощью которого и через которого были осуществлены эти преступления. Эти организации,— часть которых была создана нацистами, а другие развращены ими, — были теми группами, на которые подсудимые опирались и с помощью которых они для осуществления своих преступных целей оперировали покорным немецким народом и побежденными ими народами Европы.

Названные организации распадаются на две группы. К первой группе относятся те из них, которые были специально созданы нацистами и не имели подобных себе вне нацистского режима, а также не имели по существу никаких законных целей. Эта группа включает корпус политических руководителей, СА и СС. Во вторую группу входят те организации, которые в той или иной форме существовали в донацистский период, но которые были развращены нацистами. Эта группа включает имперский кабинет, ОКВ, Генеральный Штаб и гестапо.

Что касается второй группы, мы не утверждаем, что эти организации сами по себе являлись в своей основе преступными, скорее мы говорим, что они стали преступными при нацистском господстве. Несмотря на

[1] По сокращенной стенограмме.

особую природу гестапо, как секретной полицейской системы, ее легче всего удалось использовать в преступных целях, и она стала одним из наиболее эффективных орудий нацистов для совершения преступлений.

Было бы ошибкой рассматривать эти организации, упомянутые в Обвинительном заключении, как изолированные, самостоятельно функционировавшие группы лиц, каждая из которых имела особые, свойственные только ей цели и задачи. Все они являлись частью, и существенной частью, полицейского государства, задуманного Гитлером и достигшего в руках его клики наиболее совершенной формы абсолютной тирании современности. Это полицейское государство принесло Германии террор и страх и посеяло ужас и смерть во всем мире. Корпус руководителей нацистской партии был его телом, имперский кабинет — его головой, его мощными руками были гестапо и СА, и когда оно зашагало по Европе, его ногами явились вооруженные силы и СС. Именно Гитлер и его когорта породили это полицейское государство, и оно привело Германию к позору, а народы Европы — к гибели.

Было бы также ошибкой рассматривать структуру этой полицейской системы как нечто случайное или рассматривать ее рост и развитие как обычное политическое явление, потому что заговорщики создавали и разрабатывали ее с самого первого дня. Нацистские «ветераны» замышляли деспотию. Они создали СА сначала как частный отряд людей сильной руки для защиты клубов от политических противников и в качестве кнута для евреев. Они создали СС как грозную гвардию для фюрера и для себя. Когда они захватили власть, они уничтожили полицию как орган защиты и сделали полицейское преследование функцией гестапо. Они уничтожили всякое подобие свободного правительства и сами объявили себя имперским кабинетом с чрезвычайными полномочиями. Они предали лучшие традиции военной этики и заменили солдат-воинов «послушными орудиями». Они уничтожили все другие политические партии и затянули германский народ в политический мундир в виде корпуса политических руководителей.

Лишите нацистских заговорщиков этих организаций, и они никогда не смогли бы достигнуть своих преступных целей. Лишите их СА, и они потеряли бы господство над улицами; отнимите у них СС, и у них не было бы системы концентрационных лагерей; возьмите у них гестапо, и они лишились бы средства совершать незаконные аресты и ничем не ограниченной возможности держать в заключении; отнимите у них имперский кабинет, и они лишились бы покорного законодательного органа; отнимите у них военных, и они не смогли бы секретно планировать свои агрессии или вести войны...

Доказательства с очевидностью устанавливают, что пять организаций, о которых идет речь[1], являются группами или организациями в том смысле, как мы толкуем эти слова в Уставе, т. е. каждая из них является собранием лиц, находящихся между собой в определенной связи, наличие которой можно установить в общей цели. Совершенно ясно, что политические руководители являлись собранием лиц, связь между которыми возможно установить наличием общей цели и действием как группы. Достаточное количество доказательств относительно структуры и функций руководящего состава нацистской партии может быть обнаружено в нацистских изданиях: «Справочник по организации НСДАП»,

[1] Обвинение в отношении шестой организации — ОКВ и генеральный штаб — поддерживал другой американский обвинитель — генерал Тэйлор. — Составители.

«Дер хохайтстрегер», в официальном издании руководящего состава, в схеме структуры руководящего состава и в схеме структуры самой партии. Эта группа, насчитывавшая примерно 600 тысяч человек, носила специальную форму, имела специальные членские билеты и пользовалась бесчисленными специальными привилегиями. Термин «политические руководители» не изобретен нами для того, чтобы придать видимость единства некоторому числу не связанных между собой отдельных лиц, выполнявших аналогичные, но не согласованные между собой функции в партии. Сам справочник по организации НСДАП характеризует всех этих партийных работников, как некое единство, называя их «политическое руководство». В книге раскрыта иерархическая система организации этих партийных работников и порядок, согласно которому директивы автоматически передавались по инстанциям до самых низов организации и проводились в жизнь всеми членами этой группы. Далее книга показывает, что при выполнении организацией различных функций принцип фюрерства был доведен до совершенства. Все партийные работники были связаны одинаковой клятвой безоговорочного повиновения фюреру и всем назначенным им руководителям. Каждая инстанция проводила регулярные и частые совещания, а высшие и низшие инстанции периодически собирались вместе для обсуждения различных вопросов, связанных с направлением их деятельности.

Руководящий состав представлял собой безукоризненной формы пирамиду, в которой каждый камень в каждом слое был необходим для того, чтобы держалось все сооружение. У политического руководства была единственная и общая цель: сохранять и поддерживать организационно и идеологически нацистскую партию.

В Обвинительном заключении указывается, что «рейхсрегирунг» (имперское правительство) состоит из трех категорий лиц: 1) члены обычного кабинета после 30 января 1933 г.; 2) члены совета министров по обороне империи и 3) члены тайного совета министров. Эти три категории составляют вместе группу в 48 членов, которую мы обвиняем под названием «рейхсрегирунг». Каждая из этих групп, взятая в отдельности, представляет собой определенное единство людей, стремящихся к достижению общей цели. Обычный кабинет любого правительства является самым ярким примером группы. В этом смысле обычный кабинет нацистской Германии не отличался от аналогичных органов других правительств. В начале существования нацистского режима кабинет собирался часто и впоследствии, когда совещания стали не обычным явлением, кабинет продолжал выполнять свои функции в качестве группы, принимая декреты и законы путем рассылки всем членам кабинета проектов предполагаемых законов. Образец применения такого порядка находится перед Трибуналом в виде меморандума, направленного подсудимым Фриком начальнику имперской канцелярии. Той же спаянностью и объединенными действиями характеризуется и совет министров по обороне империи, созданный в 1939 году. Как и в обычном кабинете, члены этого совета консультировались между собой на совещаниях, которые фактически имели место, как это доказано протоколами этих совещаний, состоявшихся в сентябре, октябре и ноябре 1939 года. Так же, как и обычный кабинет, этот совет функционировал путем использования «циркулярной процедуры», характерным примером которой является письмо доктора Ламерса, датированное 17 сентября 1939 г. и адресованное членам совета министров по обороне империи.

Тайный совет министров, являвшийся консультативным органом по вопросам внешней политики и состоявший из восьми членов, определенно был единой группой, как это явствует из декрета, согласно которому он был учрежден. Объединение этих трех категорий под единым названием «рейхсрегирунг» не является попыткой создать искусственную зависимость между тремя отдельными и независимыми единицами. В действительности эти три органа вместе в той же мере, в какой каждая из них в отдельности являлась группой, образовали единую группу, так как совет министров по обороне империи и тайный совет министров являлись фактически комитетами, выросшими из обычного кабинета. Декреты, согласно которым эти оба комитета были созданы, показывают, что все их члены были лицами, входившими в обычный кабинет. Обычный кабинет и его комитеты были объединены не только общностью их состава, но также и общими действиями, функциями и задачами. Члены обычного кабинета, не входившие в состав этих комитетов, однако, присутствовали на совещаниях совета министров по обороне империи, как это явствует из протокола этих совещаний, и в результате рассылки получали проекты декретов, подготовляемых советом министров. Эта группа — кабинет и комитеты, образованные из некоторых членов кабинета, имела единую, общую цель: управлять Германией таким образом, чтобы проводить в жизнь планы нацистских заговорщиков.

Организация СА, созданная в 1920 году, является одним из простейших примеров типа группы или объединения, предусмотренных положениями Устава. Эта организация была определена немецким законом, как составная часть партии, имеющая свое собственное юридическое лицо, и была охарактеризована справочником по организации НСДАП, как определенное объединение. Факт членства в ней может быть легко установлен, и число ее членов составляло от 1,5 до 2 млн. человек, связанных общими правилами поведения, носивших одинаковую, совершенно определенную форму, имевших общие цели и задачи и занимавшихся одинаковой деятельностью. Общие цели организации СА, к достижению которых стремились все ее члены, были сформулированы в «Справочнике по организации НСДАП» следующим образом: «Осуществлять железную волю национал-социалистского движения». Согласно тому же партийному справочнику, члены организации должны были выходить из ее рядов, если они более не были согласны со взглядами организации СА или не были в состоянии полностью выполнять обязательства, наложенные на них членством в СА.

Так же, как и СА, организация СС являлась, без сомнения, объединенной организацией. Она была создана специальным немецким законом в качестве составной части партии и имела свое собственное юридическое лицо. Она охарактеризована в «Справочнике по организации НСДАП» как «монолитная, твердо спаянная боевая сила..., идейно связанная общей клятвой».

Факт членства в ней мог быть с определенностью установлен, причем число ее членов к концу войны возросло примерно до 600 000 человек. Это были люди, отвечавшие единым требованиям расовой идеологии. Несмотря на свои многочисленные функции и виды деятельности, на свои многочисленные отделы, управления и отделения, это была цельная и единая организация и, как провозгласил Гиммлер перед группенфюрерами СС 4 октября 1948 г., это было «единое целое, единый орган, единая организация». У нее, конечно, была своя собственная форма, и она пользовалась

особыми привилегиями, так как она стремилась к осуществлению общих целей нацистских заговорщиков, начиная от запугивания соседних государств варварскими действиями политического, расового и религиозного характера и кончая ведением агрессивных войн и ужасающими отвратительными преступлениями против человечности.

С самых первых дней своего существования нацисты всегда рассматривали часть полицейских сил, называемую «гестапо» или государственную тайную полицию, как отдельную группу, совершенно определенное объединение, выполняющее общие функции. Целью декрета Геринга от 26 апреля 1933 г., согласно которому в Пруссии было основано гестапо, являлось именно создание в этой провинции единого органа тайной политической полиции, изолированного от остальных полицейских сил Пруссии, в качестве независимой единицы, имеющей свои собственные задачи, на которую он мог бы полностью положиться. Те же причины послужили основанием для создания аналогичных групп тайной политической полиции с определенным составом в других германских провинциях. Меры, предпринятые для того, чтобы все эти группы образовали единую сильную тайную политическую полицию для всей территории Германии, подробно перечислены в декретах и законах, которые приводились в Суде. Когда в 1939 году было создано РСХА—главное имперское управление безопасности, — гестапо не была распущена, а была превращена в особый отдел этого центрального управления, как это явствует из схемы РСХА, представленной в качестве документального доказательства, и из показаний свидетелей Олендорфа и Шелленберга. Они без труда подсчитали, что число сотрудников гестапо равнялось от 30 до 40 тысяч человек.

В ходе настоящего процесса гестапо и СД рассматривались вместе в связи с тем, что преступные действия, инкриминируемые каждой из этих организаций, совершались в большей или меньшей степени ими обоими. В Обвинительном заключении гестапо обвиняется как отдельная и независимая группа или организация. В специальной ссылке Обвинительное заключение включает СД в организацию СС в качестве части этой последней, так как СД возникла как часть организации СС и всегда сохраняла характер партийной организации, в отличие от гестапо, являвшейся государственной организацией. Конечно, у СД имелась своя собственная организационная структура, свой независимый штаб, свои посты по всей Германии и на оккупированных территориях и агенты во всех зарубежных странах. Она состояла из 3—4 тысяч профессиональных сотрудников, которым помогали тысячи добровольных осведомителей, известных под названием «Фау-мен», и шпионы из других стран. Однако мы не включаем в число обвиняемых добровольных осведомителей, не являвшихся членами СС.

Подобным же образом мы не включаем в число обвиняемых тех работников контрразведки, которые были переведены в СД к концу войны, за исключением тех случаев, когда такие сотрудники контрразведки были одновременно членами СС.

Если возникает вопрос о том, где же можно было встретить вездесущих членов СД, ответ на него не вызовет никаких затруднений, несмотря на то, что некоторые показания и заявления, сделанные в Суде, были путаными. До 1933 года члена СД можно было всегда найти в главном управлении СД, при рейхсфюрере СС или в различных областных отделах СД, разбросанных по всей империи. В течение этого периода СД во всех схемах

и планах строения СС и во всех правительственных распоряжениях и декретах постоянно называлась отделом СС.

В течение этого периода СД являлась отделом политической контрразведки СС, партии и правительства и поставляла секретную политическую информацию в исполнительные органы партии и государства, но главным образом через гестапо. После 1939 года члены СД появляются в III и IV управлениях РСХА, в различных районных отделах СД внутри Германии и на оккупированных территориях, а также в эйнзатцгруппах полиции безопасности и СД в районах, расположенных непосредственно за линией фронта.

В процессе рассмотрения дела по организациям возникли также некоторые неясности в отношении определения деятельности РСХА, ВФХА, отдела, руководимого Эйхманом, и эйнзатцгрупп. РСХА представлял собой управление СС, и в основном все его сотрудники являлись членами СС. РСХА возглавлялось обергруппенфюрером СС Кальтенбруннером. В дополнение к СД, которая всегда являлась подразделением СС, это управление включало также гестапо и имперскую уголовную полицию, которые являлись государственными учреждениями. Именно по этой причине РСХА и рассматривалось как одно из управлений имперского министерства внутренних дел. ВФХА представлял собой еще один из характерных отделов СС. ВФХА возглавлялся обергруппенфюрером СС Полем, который ведал управлением концентрационных лагерей и эксплуатацией труда заключенных.

Отдела Эйхмана как такового не существовало. Эйхман являлся просто начальником управления гестапо, которому были поручены вопросы, касающиеся церкви и евреев. Именно на этот отдел гестапо была возложена главная ответственность за сбор евреев со всей Европы и передачу их в концлагери. Так называемый отдел Эйхмана внутри гестапо был не в большей степени независим от гестапо, чем любой другой отдел, подчинявшийся Мюллеру. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД — мы считаем, что очень важно все время иметь в виду полное наименование этих групп — являлись отделами полиции безопасности и СД, действовавшими в ближних тылах армии за линией фронта.

После того, как полицейский контроль был в достаточной мере установлен на вновь занятых территориях, подвижные эйнзатцгруппы были упразднены и превратились в областные управления, возглавляемые командирами полиции безопасности и СД на оккупированных территориях. Эйнзатцгруппы являлись частью управления полиции безопасности и СД—РСХА и в качестве таковых являлись частью СС, причем принадлежность эйнзатцгрупп к этой организации являлась неполной лишь в той мере, что некоторые сотрудники РСХА, приданные этим группам, не являлись членами СС.

В 1939 году главные управления СД и гестапо были включены в состав РСХА, однако СД в течение всего этого периода сохранила свой независимый статус.

Обвинение, несомненно, сумело доказать, что эти организации представляют собой «группы» не только в соответствии с критериями, которые выдвинуло для себя само Обвинение, но и согласно нормам здравого смысла и практического опыта.

Принадлежность к руководящему составу была, без сомнения, добровольной, никого не вынуждали вступать в НСДАП, а еще в меньшей

степени — занимать руководящий пост в нацистской партии. Мы не сомневаемся в том, что многие присоединились к руководящему составу по причинам делового, социального или какого-либо иного личного характера. Эти причины объясняют стремление легко нажить политический капитал, но они не представляют собой принуждения в законодательном порядке.

Никто не был мобилизован в имперское правительство, более того, некоторые из его членов подали в отставку, когда их взгляды пришли в столкновение с его целями и задачами. Шлегельбергер подал в отставку из-за посягательств на независимость судей; Шмидт ушел, так как он был убежден, что Гитлер шел по пути к войне; Эльц фон Рюбенах ушел в отставку из-за политики Гитлера,направленной против христианской церкви.

Большинство нацистов очень стремилось получить место в правительственных сферах, влекущее за собой титулы и мишурный блеск. Соперничество в борьбе за получение правительственных постов было весьма простым, и поэтому все попытки, направленные к тому, чтобы отвести декларацию о преступности в отношении этой группы на том основании, что ее члены были вовлечены в нее насильно, являются просто смехотворными.

Вступление в СА было настолько не связано с какими-либо элементами принуждения, что справочник по организации НСДАП, изданный в 1943 г.,все еще призывал членов СА выходить из рядов организации в тех случаях, когда они чувствовали, что не согласны с ее целями и идеологией и не могут выполнить все возложенные на них обязанности. Члены нацистской партии не принуждались вступать в СА. Контроль и дисциплина, которым подвергались члены СА внутри организации, не имеют ничего общего с добровольным характером самого членства. Добровольное подчинение члена СА командованию СА совсем не то же самое, что принудительное и недобровольное вступление в ряды организации.

Кандидаты в СС были не только добровольцами, но, кроме того, они должны были удовлетворять очень строгим требованиям, что иллюстрируется справочником для солдат СС, а также настойчивыми требованиями Гиммлера соблюдать принцип добровольности при подаче заявлений для вступления в члены организации, которые излагаются в его письме к Кальтенбруннеру в 1943 году. Организация СС называла себя отрядом избранных, широко оповещала о том, что она отказывалась принимать в свои ряды тех кандидатов, которые не отвечали расовым, биологическим и идеологическим требованиям, и разъясняла всем, что для вступления в члены этой организации требовались необыкновенные качества. Именно такой характер по существу носило заявление Гиммлера, когда он бахвалился перед армией: «Если мне удастся избрать из среды немецкого народа для организации как можно больше лиц, полноценных в расовом отношении, обучить их военной дисциплине и привить им понятия о ценности крови и все вытекающее отсюда мировоззрение, тогда явится фактическая возможность создать такую избранную организацию, которая сумеет успешно постоять за себя во всех случаях крайней необходимости».

От «избранных» требовалось, чтобы они доказали свое нордическое происхождение. Если подающий заявление был офицером, он должен был представить сведения с 1750 года, а рядового кандидата — с 1800 года. Кроме того, для кандидатов были установлены необычные требования в отношении роста и нордической внешности. Очень тщательно проверялось такое политическое и идеологическое лицо каждого кандидата в «из-

бранные». Весьма примечательно, что мы располагаем доказательствами о том, что еще в 1943 году эти расовые и идеологические требования оставались в действии даже для вступления в войска СС. Здесь утверждалось, что, так как некоторые военнослужащие войск СС были призваны туда по мобилизации в период последней, безнадежной стадии войны, то вся организация в целом не основывалась на добровольном принципе членства. Те, которые были действительно принудительно мобилизованы в войска СС, смогут выдвинуть соответствующие защитительные доводы при последующем разборе их дела, но мы подчеркиваем тот факт, что принуждение, к которому прибегли в последнем безумном усилии отсрочить разгром в последние дни войны, не меняет существа того факта, что членство в этой организации в целом было добровольным. Какое бы давление ни оказывалось для того, чтобы увеличить число членов этой организации, она возникла как добровольная организация и оставалась, главным образом, добровольной организацией, пополнявшейся на основе строгого отбора.

В качестве части организации СС организация СД состояла из эсэсовцев, обладавших особыми качествами. Действия членов этой организации лучше всего иллюстрируют характер этих особых качеств, потому что протокол судебных заседаний по этому делу полон ужасающих рассказов об этих действиях. Член СД являлся просто эсэсовцем с дополнительными обязанностями. Если членство в СС было в основном добровольным, как мы это утверждаем, из этого с определенностью следует, что членство в СД было также добровольным.

Гестапо всегда являлось государственной организацией, частью правительства, во всех отношениях аналогичной другим частям правительства. При рассмотрении вопроса о добровольном характере членства в этой организации все другие соображения являются по сравнению с этим определением гестапо второстепенными, как правительственного органа. Если членство в гестапо было принудительным, то сотрудничество в полиции охраны порядка, в отделе безопасности и в финансовом отделе также должно было быть принудительным. Правильно, что когда вслед за захватом власти было создано гестапо, многие сотрудники ранее существовавшей полицейской системы в различных федеральных землях были переведены в гестапо. Но они не были вынуждены вступать в гестапо законодательным порядком. Как заявил свидетель Лоссе, дававший письменные показания под присягой по делу гестапо (я цитирую): «Если бы они отказались это сделать, их могли бы уволить без пенсии и, таким образом, их пугала возможность безработицы».

Свидетель Шелленберг показал, что новые члены гестапо набирались на добровольных началах. Любой из них мог подать в отставку и искать работу в других правительственных учреждениях или должность, не связанную с государственной службой. Для того, чтобы стать сотрудником тайной государственной полиции, следовало подать заявление так же, как и в любое другое государственное учреждение. Давая показания на заседании комитета уполномоченных, свидетель Гофман заявил, что он подавал заявление, чтобы поступить на работу в три государственные учреждения, из которых одно было гестапо. В гестапо его заявление было принято, и таким образом он стал сотрудником этой организации. Ничто не могло препятствовать сотруднику гестапо подать в отставку со своей должности в случае, если он становился не согласным с целями, действиями и методами организации. Свидетель Тесмер показал на заседании ко-

митета, что, если какой-либо офицер отказался бы выполнить преступный приказ, его, вероятно, сняли бы с должности. Даже после начала войны, когда все сотрудники правительственных учреждений были в большей или меньшей степени закреплены на своих должностях, сотрудники гестапо имели возможность подавать в отставку. Сам свидетель Тесмер ушел из гестапо в период войны, а свидетель Штрауб показал, что сотрудник гестапо мог уйти в отставку, рискуя при этом быть направленным на фронт на действительную военную службу. Без сомнения, в юридическом смысле слова это не являлось принуждением. Потери, которые грозили сотрудникам политической полиции в случае выхода в отставку, как, например, потеря выслуги лет и прав на пенсию, могли являться решающим фактором для тех, кто оставался в гестапо; однако эти соображения ни при каких обстоятельствах нельзя истолковывать как принуждение законодательным порядком, оправдывающее тех, которые продолжали оставаться сотрудниками организации, преступный характер которой пользовался такой печальной известностью. Повидимому, было несколько случаев, когда сотрудники военной тайной полиции были впоследствии переведены из армии в гестапо. В таких случаях эти отдельные лица, ссылаясь на военные приказы, могут выдвинуть их наличие как защитительный довод в отношении преступлений, совершенных гестапо в тот период, когда они принадлежали к этой организации. Но эти отдельные примеры, которые можно принять во внимание для оправдания на последующих судебных процессах, не могут никоим образом изменить основного характера гестапо как одного из государственных учреждений, для поступления в которое не оказывалось большего принуждения и для ухода из которого не существовало более значительных препятствий юридического характера, чем в отношении любого другого государственного учреждения.

С момента создания нацистской партии в 1920 году до окончания войны в 1945 году эти организации использовались заговорщиками для выполнения их планов, и каждая из них совершила одно или более преступлений, описанных в статье 6 Устава, и участвовала в общей конспирации. Руководящий состав нацистской партии был первой из организаций, появившихся на сцене. Следующим шагом было создание в 1920 г. полувоенной организации СА, целью которой было захватить для нацистской партии насильственным путем руководящее положение на политической арене. Из этой группы была создана в 1925 году, состоявшая из избранных, фанатичная организация СС. Она должна была занять место СА в тот период, когда последняя была распущена, а затем совместно с ней подготовить почву для «революции». При захвате власти в 1933 году следующая организация — правительственный кабинет — заняла свое место в заговоре. Держа правительство в своих руках, заговорщики поспешили подавить всякую потенциальную оппозицию, и с этой целью они создали гестапо и СД.

Обеспечив внутреннюю безопасность, они затем приобрели возможность для осуществления своих планов экспансии, с помощью последнего своего орудия — военной группы. Каждая из этих организаций была необходима для успешного осуществления целей заговора: политическое руководство — для того, чтобы управлять и руководить партией, при помощи которой была захвачена политическая власть; СА и СС — для того, чтобы противодействовать политическим противникам путем насилия и — после 1933 года — для того, чтобы закрепить нацистский контроль над

Германией путем незаконных действий; кабинет — для того, чтобы создавать и осуществлять законы, необходимые для того, чтобы обеспечить дальнейшее существование режима; гестапо и СД — для того, чтобы выявлять и подавлять внутреннюю оппозицию, и раболепная военная группа — для того, чтобы подготовить и осуществить расширение территорий с помощью агрессивной войны.

Каждая из этих организаций продолжала играть жизненно-важную роль на всем протяжении заговора. Программа нацистского режима выросла из нацистской партии. Как Гитлер заявил в 1938 году: «Не государство дает нам приказы, а мы даем приказы государству». И позже, в 1938 году Гитлер заявил: «Национал-социализм обладает всей Германией целиком и полностью с того дня, как пять лет тому назад я покинул дом на Вильгельмплац рейхсканцлером...».

Именно корпус политических руководителей вырабатывал политический курс этой партии. Именно корпус руководителей объединял партию. Именно корпус руководителей с помощью своей иерархии фюреров вплоть до блоклейтеров следил за группами, состоявшими из 40 семей, и крепко держал в своих руках все население. Каждое из преступлений, инкриминируемых в Обвинительном заключении, является преступлением, совершенным правительственной системой, которая контролировалась партией, а именно корпус руководителей управлял партией и осуществлял ее деятельность.

В то время, как нацистская партия через посредство корпуса политических руководителей отдавала приказы государству, правительственный кабинет — законодательное, исполнительное и административное ядро государства — превращал эти приказы в законы. Точно таким же образом, как корпус руководителей осуществлял деятельность партии, кабинет осуществлял деятельность государства. Каждое из преступлений, которые были нами доказаны, являются преступлением нацистского государства, а правительственный кабинет являлся высшей инстанцией политического контроля и управления внутринацистского государства.

Но политики и законов недостаточно. Они должны быть введены в действие и осуществлены. Четыре другие организации являлись исполнительными органами партии и государства. Тогда, когда дело касалось осуществления законов, слежки, тюремного заключения и уничтожения противников или потенциальных противников, вступали в игру СД, гестапо и СС и весь механизм концентрационных лагерей. Тесная связь между СД и гестапо и важная роль первой из них в подборе нацистских чиновников на местах вскрывается письменными показаниями свидетеля защиты Карла Вейса, который заявил, что все чиновники политической полиции проверялись СД, прежде чем их принимали в гестапо. СД нарушала тайну выборов в Германии, докладывая о том, как голосовали избиратели в ходе тайного голосования.

Когда соображения политики потребовали войны, полувоенные организации СА и СС явились основой мощной германской армии, а высшие военные руководители разрабатывали планы для нее. Когда речь шла об уничтожении населения покоренных районов, о его депортации на рабский труд и о конфискации его имущества, ОКВ и СС должны были планировать совместные действия в сотрудничестве с гестапо для того, чтобы претворить эти мероприятия в жизнь.

Таким образом, партия планировала, кабинет издавал законы, а СС, СА, гестапо и военные руководители выполняли их. Каким образом все это совершалось, можно видеть, рассмотрев ряд важнейших преступлений, инкриминируемых в Обвинительном заключении, показав, как эти пять организаций участвовали в совершении каждого такого преступления.

Основные положения программы агрессии можно найти в 25 пунктах программы нацистской партии, обнародованной Гитлером в 1920 году и объявленной неизменной. Она включала требования об объединении всех немцев в великую Германию, об отказе от выполнения Версальского и Сен-Жерменского договоров, требования территорий и колоний и создания национальной армии. Как показывает устав партии, эта платформа являлась основной заповедью и догмой для каждого политического руководителя. Все члены корпуса политических руководителей обязывались следовать этим заповедям и распространять эту доктрину.

Уже в апреле 1933 года правительственный кабинет своим решением создал имперский совет обороны — орган, состоявший из членов кабинета, функцией которого была подготовка страны к войне. В октябре 1933 года кабинет объявил о выходе Германии из Лиги наций и об уходе ее с конференции по разоружению. Через полтора года в марте 1935 года он восстановил вооруженные силы и объявил о введении обязательной воинской повинности. Дальнейшие меры кабинета по планированию войны были осуществлены путем издания в мае 1935 года секретного неопубликованного закона об обороне империи, предусматривавшего назначение генерального уполномоченного по вопросам военной экономии с широчайшими полномочиями, и вынесением решения о том, что этот уполномоченный должен начать свою деятельность немедленно, еще в мирное время.

В феврале 1938 года накануне захвата Австрии была создана вторая составная часть правительственного кабинета — тайный совет министров, созданный для того, чтобы консультировать Гитлера в области внешней политики. Именно подсудимый фон Нейрат, председатель этого совета, предпринял дипломатические шаги для того, чтобы обосновать и оправдать агрессивные действия. После того, как был осуществлен захват, именно этот кабинет обеспечил воссоединение Австрии с империей.

Через шесть месяцев после этого был издан еще один секретный и неопубликованный закон, которым кабинет учредил «коллегию трех уполномоченных», функциями которых являлась каждый раз разработка детальных планов и мероприятий для неожиданной войны, которая должна была начинаться без объявления. В ноябре 1938 года кабинетом был издан закон, который предусматривал включение Судетской области в Германию.

Трибунал помнит заседание имперского совета обороны, состоявшегося в июне 1939 года, на котором были закончены приготовления к предстоявшей войне и были утверждены подробные планы, как, например, план использования военнопленных и заключенных концентрационных лагерей в военном производстве, план принудительной работы для женщин в военное время и план угона сотен тысяч рабочих из протектората и размещения их в лачугах.

В августе 1939 года, накануне нападения на Польшу, был создан совет министров по обороне империи — третья составная часть рейхскабинета,— он был сформирован из числа членов кабинета в качестве рабочей группы для осуществления законодательных и исполнительных функций в военное время. С того времени именно эта составная часть рейхскабинета, даже

в большей степени, чем сам кабинет, издавала бо̀льшую часть законов, связанных с ведением войны, однако при участии и с ведома всех членов обычного кабинета.

В то время, как кабинет таким образом проводил приготовления к агрессии с точки зрения правовой и административной, другие организации активно занимались соответствующими приготовлениями с той же целью. Для того, чтобы подготовить народ к войне, необходимо было воспитать его психологически в духе милитаризма и агрессии и создать могучую армию. СА отдала себя целиком выполнению этой цели.

В 1933 году она проводила усиленную пропагандистскую кампанию за возвращение колоний, за «жизненное пространство», требуя также нарушений Версальского договора и ложно приписывая соседям Германии агрессивные цели и замыслы, и распространяла другие, теперь общеизвестные партийные утки. Почти в тот же период она начала проведение программы обучения германской молодежи в соответствии с требованиями современной войны, сначала делая это в секретном порядке, а впоследствии в открытую, когда она почувствовала себя достаточно подготовленной и была уверена в безопасности от постороннего вмешательства.

Но СА не ограничивалась одними лишь подготовительными мерами. Когда начались первые агрессивные действия против Австрии, части СА промаршировали через улицы Вены и захватили основные правительственные здания. Во время захвата Судетской области СА составляла часть свободного корпуса Гейнлейна и обеспечивала его снабжением и вооружением.

Деятельность СС была сходной с деятельностью СА, и даже была более широкой. Как и СА, она использовалась как полувоенная организация в годы, предшествовавшие 1933; как и СА, она принимала участие в агрессии против Австрии и в заговоре о подрыве мощи Чехословакии, через посредство свободного корпуса Гейнлейна. Ее деятельность отличается от деятельности СА в этих случаях лишь в том, что она играла более важную роль. Ее профессиональные боевые силы соединялись с армией в марше в Судетскую область и в Богемию и Моравию, а также во время вторжения в Польшу. Одно из ее главных управлений — управление по вопросам переселения немцев, проживающих заграницей,— являлось руководящим центром для деятельности пятых колонн.

СД под руководством рейхсфюрера СС раскинула шпионскую сеть по всему миру, и агенты ее шпионили в Соединенных Штатах еще до того, как Германия объявила войну Америке. Самое большое подразделение СС, войска СС, были созданы и обучены лишь с единственной целью ведения войны и участвовали в качестве армии СС в операциях на всех стадиях войны, на Востоке и на Западе. Ее постыдная летопись зверств, совершенных в ходе войны, уже достаточно полна и не нуждается в дополнении ее новыми фактами. Гестапо и СД были также замешаны в совершении преступлений против мира.

Даже тот инцидент, который служил предлогом для нападения на Польшу и, таким образом, началом всей войны, был инсценирован гестапо и СД. Я имею в виду инсценировку нападения поляков на радиостанцию в Глейвице; заключенные концентрационных лагерей были одеты в польскую форму, убиты и оставлены как доказательство налета поляков с тем, чтобы дать Гитлеру возможность оправдать нападение на Польшу. Конечно, нет сомнения в том, что клика профессиональных военных плани-

ровала все агрессии, начиная от милитаризации Рейнской области в 1936 году и кончая нападением на Советскую Россию в 1941 году, и принимала в них участие.

Ведение этих агрессивных войн было возможно для Германии лишь при условии использования миллионов порабощенных рабочих, и проведение программы использования рабского труда было возможно только с помощью этих организаций. Заукель являлся главным рабовладельцем, но ему необходимо было иметь миллион плетей в руках членов партии для того, чтобы проводить в жизнь свои безжалостные требования. СС, гестапо и СД по его приказу пригоняли иностранных рабов в пределы империи с помощью обмана, или похищения, с душераздирающей жестокостью разрушая семьи, поджигая, пытая и убивая.

Корпус политических руководителей в сотрудничестве с нацистским «трудовым фронтом» и с руководителями промышленности являлись уполномоченными Заукеля по приему этих несчастных. Члены корпуса политических руководителей имперского масштаба и областного масштаба сотрудничали в организации расселения и питания этих несчастных человеческих существ, в выработке правил, ограничивавших их действия, уделяя им при этом даже меньше внимания и меньше заботы, чем обычно уделяют домашним животным. Гаулейтеры, которые исполняли функцию имперских комиссаров обороны, по приказу Шпеера и Заукеля перевозили этих рабов в вопиющих условиях, в запертых вагонах от места отправки до военных заводов, где, как загнанные звери, они подвергались нечеловеческим унижениям и работали до тех пор, пока не умирали. Они были лишены медицинской помощи и даже простейших медикаментов. Они даже не считались достойными проживать в крестьянском доме. Их условия жизни определялись требованиями, даже более низкими, чем обычно предъявляются в хорошей конюшне.

С безразличием, которое было невероятным даже при обращении с домашними животными, были изданы распоряжения, предусматривавшие производство абортов беременным работницам. Эти распоряжения были разосланы всем гаулейтерам и крейслейтерам и их аппарату. За ними наблюдали гестапо и СД; концентрационные лагери ожидали тех, кто нервничал и не решался совершать зверства. По требованию Шпеера гаулейтеры использовали военнопленных для рабского труда, а ставленники Розенберга в восточных районах, пришпоренные требованиями Заукеля, собирали и отправляли в рабство новые миллионы рабочих; армия использовала тысячи людей для строительства военных укреплений и для военного производства, и Кейтель выполнял приказы Гитлера, превращая захваченных в честном бою пленных в машины, производящие военную продукцию.

Алчный Геринг искал военнопленных рабов для промышленности, изготовлявшей вооружение для военно-воздушных сил, и предлагал по-новому толковать старые приказы, изданные в нарушение общепризнанных правил ведения войны, а его помощник Мильх планировал принудительное использование русских военнопленных для комплектования расчетов зенитных батарей. Режим лишений, деградации и гибели стал официальной целью труда, к которому принуждали заключенных в концентрационных лагерях, находившихся в ведении СС. Совершенно очевидно, что все это происходило непосредственно с ведома и одобрения правительственного кабинета, поскольку проведение в жизнь всей этой ужасной программы создавало новые проблемы для Германии.

Таким образом, рабы страдали, живя в окружении немецкого населения, так как тысячи из них были отданы на полный произвол фермеров и на работу на больших и малых предприятиях, пока, наконец, в последний период войны под давлением суровых требований военной обстановки и с единственной целью расширения военных усилий само нацистское правительство не было вынуждено издать приказ о сокращении насильственных мер против тех, кто был в цепях.

Трудно преувеличить исключительную важность этого приказа. Из формулировок самого этого приказа с определенностью явствует, что зверства по отношению к рабам являлись государственной политикой, проводившейся в жизнь германским народом. Это — доказательство, изобличающее весь германский народ. Это, с нашей точки зрения, один из наиболее важных документов данного процесса, и рассудок возмущается от сознания того, что он исходил из партийной канцелярии и главного управления имперской безопасности — двух высоких государственных органов; и адресован и распространен в письменном виде среди всех политических руководителей до ортсгруппенлейтеров и до самых низших слоев населения Германии в устной форме.

Масштаб преступлений, совершенных против еврейского народа, слишком велик, чтобы человеческий ум мог охватить его. Весь наш жизненный опыт обусловливает невозможность сделать это. Мы содрогаемся при известии об одном зверском убийстве, наш ум отказывается постичь совершение нескольких отвратительных преступлений, но когда перед нами встают ужасные преступления, совершавшиеся в массовых масштабах, мы не можем найти в себе соответствующей реакции. Мы просто не можем воспринять как реальность 6 миллионов убийств.

Мы знаем, что обвиняемые организации все разделяют ответственность за всевозможные преступления, совершенные против еврейского народа. Мы знаем, что злые гении нацистского заговора знали, как воспитать в народе ненависть. Они начали издали, записав от имени руководящего состава в программе партии, что только представители германской расы могут быть гражданами. Таким образом, они заложили основу для того, чтобы лишить евреев человеческих прав в Германии.

Затем тот же самый корпус политических руководителей начал работу по проведению кампании надругательств над всем еврейским народом. Личные неудачи каждого, заботы, огорчения, опасения — все это сваливалось на евреев. По всей империи были учреждены антисемитские комитеты под руководством различных политических руководителей. И под руководством гаулейтера Штрейхера члены партии начали кампанию насилий над евреями, разграбления их собственности, уничтожения синагоги здесь, в Нюрнберге. Затем произошли отвратительные события в ночь на 10 ноября 1938 г., к которым подстрекал Геббельс — руководитель пропаганды партии, причем они совершались с помощью корпуса политических руководителей и СА.

С годами, по мере того как развивалось это движение ненависти, был проведен в жизнь целый ряд дискриминирующих законов, ограничивавших передвижение евреев и имевших своей целью унизить и разорить их. Большое число этих законов, изданных рейхскабинетом, представлено в качестве доказательств по данному делу. Нацисты быстро шли к новым зверствам, и, начав со смешанной политики изгнания евреев и заключения их в германские концентрационные лагери, они дошли до такой глубины

падения, что рейхскабинет внес предложение о стерилизации даже полуевреев.

С циничным хладнокровием и садизмом имперский кабинет указал, как следовало поступать с этими полуевреями, и направил свои предложения по этому вопросу Гитлеру для окончательного утверждения. Члены СА были в числе первых, применивших насилия и жестокости против еврейского населения Германии. Свидетель Северинг заявил Трибуналу со свидетельского пульта, что в течение лет, последовавших за 1921 годом, СА проводила организованный террор против евреев. Эти уличные головорезы после того, как они почти окончательно разделались со своими обычными политическими противниками, снова нашли применение своим дубинкам и плетям и новый объект удовлетворения своих порочных наклонностей.

Угнетение, преследование, дискриминация и жестокости, которые осуществлялись корпусом политических руководителей, имперским кабинетом и СА, были только началом той ужасной участи, которую нацисты готовили для евреев.

Таким образом, была подготовлена почва для ужасных деяний гестапо, когда и эта организация вступила в игру. Эти секретные полицейские выступили на сцену со своими методами таинственности средневековых привидений. Дрожащих евреев вытаскивали из постелей среди ночи и отправляли их в концлагери, даже без какого-либо намека на обвинение в чем-либо. Члены семей этих евреев очень часто просыпались и не находили дома близких им людей. Таким образом исчезали тысячи евреев, о них больше никогда не слышали, и их никто уже больше не видел.

И теперь уцелевшие члены этих семей с сердцами, переполненными болью, ищут по всей Европе следы своих родственников или какие-нибудь указания относительно участи, которая их постигла. К сожалению, эти поиски приводят в большинстве к документам Трибунала, к документам, захваченным у СС, СД и гестапо, и к книгам учета умерших в газовых камерах, похороненных в общих могилах и сожженных в крематориях.

Это было в то время, когда нацисты оседлали большую часть Центральной Европы. Упоенные кровавым вином своих успехов, опьяненные преждевременной уверенностью в своей способности господствовать над всем континентом, они отбросили всякое притворство в отношении евреев в Германии и заявили открыто о том, что евреи обречены. Евреи должны были быть сметены с лица Европы — не путем эмиграции, не путем массового переселения, а путем уничтожения.

Именно Геринг приказал Гейдриху, как начальнику полиции безопасности и СД, выработать план «полного разрешения» еврейского вопроса в районах, оккупированных Германией. Именно Гейдрих, как начальник полиции безопасности и СД, действуя по приказу Геринга, давал указания гестапо об убийстве всех евреев, которых нельзя было использовать для рабского труда. Сотрудники гестапо под руководством Эйхмана вступали на оккупированные территории и при поддержке местных чиновников полиции безопасности и СД сумели согнать все еврейское население Европы в концлагери и в пункты уничтожения.

С неменьшей жестокостью нацисты перешли от геринговского «полного разрешения» к гитлеровскому «окончательному разрешению». Это было наиболее ответственной частью программы, и не кто иной, как Гиммлер, глава СС, мог выполнить эту бесчестную миссию. В его грязные руки

и в руки его помощников из СС было передано это предписание о полном уничтожении евреев. Он с жаром взялся за дело. Подчиненные ему члены СС, испытанные и проверенные в Варшавском гетто и в очищении Галиции от евреев, были готовы приступить к выполнению этих усовершенствованных планов уничтожения.

Имея в руках приказ Гитлера Гиммлеру, палач СС Гесс открыл величайшую в истории человечества ярмарку убийства. Две тысячи человеческих существ умерщвлялись одновременно в этих усовершенствованных бойнях. По всей Европе, оккупированной немцами, на фабриках СС, конструкции Гесса, испытанной в Освенциме, душили евреев газами и уничтожали их трупы в печах, расположенных конвейером для увеличения их пропускной способности. Таким образом, СС сделало возможным для Гиммлера заявить в своей речи в Познани:

«Я также хочу вполне откровенно остановиться на одном важнейшем вопросе... Я имею в виду очищение от евреев, уничтожение еврейской расы... Это — славная страница в нашей истории...».

К концу войны в Европе недоверчивый мир с чувством отвращения отвернулся от этого преступления — преступления, которое никогда не сможет быть полностью понято, полностью объяснено и должным образом отомщено. Человечество медленно пришло к здравому осознанию его, как печального совершившегося факта. Но это было еще не все потому что нацисты через посредство своей пропаганды влили расовый и религиозный яд в сознание большей части европейского населения и значительной части населения мира.

Восстановление нравственного здоровья Центральной Европы еще не достигнуто, так как слишком долго потоки клеветы из канализационных труб нацизма оскверняли многие источники человеческого вдохновения, а бациллы ненависти и нетерпимости отравляли их воды. Многие поколения будут нуждаться в нравственном и идейном оздоровлении, пока не будет окончательно уничтожена нацистская чума. Таким образом, преступление переживет преступников—этих подсудимых и эти преступные организации.

Переход от жестокого обращения с политическими противниками, с расовыми и религиозными группами к оскорблению и убийству военнопленных, к нарушению правил ведения войны не представлял сложности для членов упомянутых организаций. Эти деяния явились следствием агрессивных целей войны, за которую несет прямую ответственность имперский кабинет. История незаконного обращения с захваченными солдатами в честном бою слишком хорошо известна Трибуналу для того, чтобы сейчас требовалось подробное ее рассмотрение.

Однако нелишне вспомнить, что именно рейхслейтеры Геббельс и Борман, выступавшие от имени корпуса политических руководителей нацистской партии, были инициаторами политики линчевания союзных летчиков немецким населением. Эта варварская политика проводилась в жизнь корпусом политических руководителей нацистской партии в то же самое время, когда военные части СС беспричинно казнили военнопленных на всех участках фронта.

На гестапо и СД была возложена главная ответственность за выполнение варварского приказа Гитлера от 18 октября 1942 г. с последующими поправками, предусматривавшими казни союзных командос и парашютистов без суда и следствия. Разве можно забыть, что в течение всей войны гестапо проверяло лагери для военнопленных в поисках евреев и комму-

нистов, которых затем преднамеренно умерщвляли. И снова именно гестапо направляло бежавших и вновь захваченных военнопленных офицеров в печальной известности лагерь Маутхаузен для уничтожения их охранниками СС в соответствии с декретом «Пуля».

Трибунал помнит документ относительно сортировки военнопленных в лагерях для военнопленных, который был представлен на одной из последних стадий процесса и который окончательно доказал, что местные отделения гестапо в Мюнхене, Регенсбурге, Фюрте и Нюрнберге сортировали военнопленных из лагерей Баварии на группы, которые должны были быть отправлены в Дахау для ликвидации их охраной СС, и что эти отделения гестапо подверглись критике со стороны главного командования за то, что они не сумели провести эту сортировку так эффективно, как этого желало главное командование.

Защита, представлявшая дело участвовавших в этом организаций, тщательно избегала упоминания об этом преступлении. Это один из наиболее ясных случаев предумышленного и преднамеренного убийства военнопленных в нарушение норм международного права. Это, безусловно, демонстрация законченной жестокости ответственных за это организаций в отношении обращения с военнопленными. Постыдный декрет «Пуля», согласно которому гестапо посылало вторично захваченных военнопленных офицеров в концентрационный лагерь Маутхаузен, где их казнили охранники СС, является дополнительным доказательством преступного характера этих организаций.

Концентрационные лагери были главным оружием в нацистском арсенале тирании. На СА ложится позор организации первых лагерей и управления ими; СА посылала туда незаконно арестованных ею граждан. Даже места собраний СА использовались для заключения потенциальных противников, которых члены СА избивали там и оскорбляли. Члены СА служили в качестве охранников в государственных концентрационных лагерях в течение первых месяцев нацистского режима; и в этих лагерях они находили применение той техники жестокости, которую они освоили в своих собственных незаконных лагерях.

Хотя законным основанием для предварительного заключения был декрет об охране империи, к изданию которого вынудили имперского президента в 1933 году, отменявший те положения Веймарской конституции, которые гарантировали гражданские свободы германскому народу, имперский кабинет вскоре создал закон, который давал возможность отделываться от политических противников и других нежелательных элементов более быстрым путем при помощи системы концентрационных лагерей. Члены имперского кабинета были настолько заинтересованы в организации этих лагерей, что Фрик, Розенберг и Функ в тот период, когда они были членами этого кабинета, лично инспектировали эти лагери.

Бюджет имперского кабинета предусматривал ассигнования 125 миллионов рейхсмарок на СС и на содержание и управление ими. Эта система концентрационных лагерей была передана в распоряжение корпуса политических руководителей для того, чтобы достигнуть полного господства над немецким народом; корпус политических руководителей использовал эти лагери в качестве свалки для тысяч евреев, которых арестовывали с ведома и под руководством этого корпуса во время погромов в ноябре 1938 года. Как это явствует из письменных показаний свидетеля Карла Вейса, гаулейтеры часто оказывали давление на гестапо для того, чтобы

отправить своих политических противников в концентрационные лагери или для того, чтобы задержать их там после истечения положенного срока. Сотрудничавшие с ними военные чины были непосредственно заинтересованы в системе концентрационных лагерей; советские военнопленные направлялись в концентрационные лагери для использования их в имперской промышленности вооружения, и офицеры из ОКВ совместно с гестапо выработали планы, согласно которым задержанные при попытке к бегству советские военнопленные направлялись в лагерь Маутхаузен, где их убивали за благородное стремление избавиться от плена.

Но наибольшее отношение к системе концентрационных лагерей и к тому, что там совершалось, имели СС и гестапо. В первые дни концентрационные лагери находились под политическим руководством гестапо, которая издавала приказы о наказаниях для заключенных. Согласно декрету от 1936 года, на гестапо возлагалось управление концентрационными лагерями, но охранников поставляла СС из батальонов «Мертвая голова» и, таким образом, стала полностью ответственной за всю внутреннюю организацию лагерей.

Гестапо являлась единственной организацией в нацистском государстве, которая пользовалась правом направлять политических заключенных в концентрационные лагери, хотя СД и присоединилась к гестапо, направив в лагери поляков, которые не отвечали требованиям, необходимым для германизации. Гестапо посылала тысячи и тысячи людей в концентрационные лагери для рабского труда и миллионы людей — в пункты уничтожения для истребления их.

Тех зверств, которые совершила СС в концентрационных лагерях, вполне достаточно, чтобы признать СС преступной организацией. Свидетель Гесс[1] показал, что к концу войны примерно 35 000 военнослужащих войск СС находилось на службе в качестве охранников концентрационных лагерей.

В своем незабываемом признании, сделанном в этом зале, он заявил, что только в одном Освенциме во время его пребывания на должности коменданта СС было уничтожено до двух с половиной миллионов мужчин, женщин и детей путем отравления газами и сжигания и что еще полмиллиона умерли от голода и болезней.

Если СС не убивало прикованных к постели заключенных, то их принуждали к работе, которую можно было выполнять лежа в постели. Они приказывали заключенным избивать других заключенных — женщин и в своей необузданности дикарей убивали, калечили и подвергали пыткам заключенных концентрационных лагерей путем проведения так называемых медицинских экспериментов, которые в действительности были не чем иным, как изощренным садизмом.

Система концентрационных лагерей была ядом нацистской системы тирании. Условия в этих лагерях были жестокими, потому что нужно было использовать страх для того, чтобы обеспечить свое господство над простыми людьми. За каждым нацистским законом и декретом стоял призрак заключения в концентрационный лагерь. Те учреждения, которые создали лагери, управляли ими и использовали их, представлены организациями, перечисленными в обвинительном заключении.

---

[1] Речь идет о Рудольфе Гессе, бывшем коменданте лагеря Освенцим. — Составители.

В дополнение к этим преступлениям по ведению агрессивной войны, преследованию церкви, созданию концентрационных лагерей, которые были уже сейчас рассмотрены, обвиняемые организации виновны во многих других преступлениях, совершенных в целях содействия заговору. Корпус политических руководителей принимал активное участие в уничтожении свободных профсоюзов, а СА была первым непосредственным исполнителем мероприятий, направленных против профсоюзов. Сокровища искусства из Европы были захвачены и присвоены эйнзатцштабом Розенберга, созданным корпусом политических руководителей в сотрудничестве с гестапо и СД.

СС проводила в жизнь порочную программу германизации, согласно которой граждане оккупированных территорий изгонялись из своих жилищ и сгонялись со своих земель для того, чтобы очистить место для расовых немцев. Гестапо и офицеры ОКВ составили и выполнили адский декрет «Ночь и туман», по которому беспомощные граждане оккупированных стран тайно увозились в империю и о них больше никогда не слышали. Таким образом, в этих преступлениях, на которые были способны только нацисты, страшные муки родных и друзей добавились к бесцельным убийствам.

Трудно найти лучшую иллюстрацию преступной деятельности этих организаций, чем убийства, совершавшиеся эйнзатцгруппами полиции безопасности и СД — организаций, которые были впервые организованы СД в сентябре 1938 года в предвидении наступления на Чехословакию. Их руководители набирались из СД и гестапо, а личный состав комплектовался из числа членов (ваффен) войск СС. Они сочетали убийства и грабеж с военными маневрами, и доклады о их деятельности передавались политическим руководителям через имперских комиссаров обороны. Даже СА принимала участие в этих шакальских карательных экспедициях против партизан на Востоке.

Когда германские армии ворвались в Чехословакию и Польшу, в Данию и Норвегию, эйнзатцбандиты следовали за ними с целью уничтожения сопротивления, терроризирования населения и уничтожения расовых групп. Эти специалисты по части террора так хорошо выполняли свою работу, что перед нападением на Советский Союз было создано четыре новых части. Одна из этих частей возглавлялась покрывшим свое имя позором начальником СД Олендорфом, который в своих показаниях в этом зале рассказал о невероятных зверствах, совершенных им, и о возмутительных подробностях мероприятий, осуществленных во взаимодействии с представителями военных организаций.

Надолго запомнятся его показания, представляющие собой хладнокровный отчет о бессердечных убийствах, порабощении и грабежах и, в особенности, об ужасающей программе уничтожения мужчин, женщин и детей, принадлежащих к еврейской расе. Человечество не скоро забудет его отвратительное повествование об убийствах женщин и малолетних детей в газовых автомобилях, не забудет оно и тех закоренелых убийц, которых тошнило от ужасного зрелища, открывавшегося перед ними, когда они у вырытых могил отпирали дверцы душегубок.

Таковы были люди, которые, сидя на краю противотанковых рвов с папиросой в зубах, спокойно стреляли из пистолетов-автоматов в затылок своим жертвам. Таковы были эти люди, которые, по словам их собственных учетчиков, убили два миллиона мужчин, женщин и детей. Таковы были эти люди из СД.

Трибунал располагает схемой организации полиции безопасности и СД. Она была подготовлена и удостоверена чиновником СД Шелленбергом, начальником VI управления РСХА, и чиновником СД Олендорфом, начальником III управления РСХА; эта схема показывает, что эти эйнзатцгруппы были неотъемлемой частью полиции безопасности и СД и находились под верховным командованием подсудимого Кальтенбруннера, а не, как это утверждалось, независимыми организациями, ответственными непосредственно перед Гиммлером.

Офицеры этих групп набирались из числа сотрудников гестапо и СД и, в меньшей степени, из сотрудников уголовной полиции. Они получали приказы от различных организаций РСХА, т. е. из III и VI управлений, как это указано на схеме по вопросам, имевшим отношение к СД, и из IV управления по вопросам, имевшим отношение к гестапо. Они посылали свои отчеты этим учреждениям, а эти учреждения составляли объединенные доклады, которые рассылались высшим полицейским чиновникам и имперским уполномоченным по обороне. Несколько образцов таких докладов было представлено в качестве доказательства в ходе этого процесса...

Защитник гестапо заявлял, что гестапо ошибочно обвиняется в преступлениях, совершенных на оккупированных территориях, и что за них несет ответственность СС. Защитник СС сказал, что СС обвиняется ошибочно и что виновна СД. Защитник СД сказал, что СД обвиняется ошибочно и что на самом деле надо обвинять гестапо. Защитник СС сказал, что гестапо также носила наводившую страх черную форму и что поэтому сотрудников гестапо часто ошибочно принимали за членов СС. Защитник СС заявлял, что гестапо отвечало за управление концентрационными лагерями, а защитник гестапо обвинял в этом СС.

Истина заключается в том, что все эти организации, имевшие исполнительные функции, принимали участие в совершении этих повсеместных преступлений против человечности. Защитники не называют в качестве виновной ни одну организацию помимо тех, которые здесь обвиняются.

Методы защиты каждой из организаций заключались в том, чтобы просто переложить ответственность с одной обвиняемой организации на другую. Поэтому неизбежно напрашивается вывод, что все эти организации участвовали в совершении этих громадных преступлений. Странной особенностью этого процесса является то обстоятельство, что защитники соответствующих организаций не пытались отрицать, что эти преступления имели место, а стремились лишь снять ответственность за их совершение с этих организаций. Подсудимые из военной группы обвиняют политическое руководство в том, что последнее явилось инициатором ведения агрессивных войн; гестапо возлагает вину за убийства военнопленных, пытавшихся бежать, на солдат; СА обвиняет гестапо в убийствах, совершавшихся в концентрационных лагерях; гестапо возлагает на политическое руководство вину за проведение еврейских погромов; СС возлагает на правительственный кабинет вину за учреждение системы концентрационных лагерей, а правительственный кабинет считает СС ответственным за истребление людей на Востоке.

В действительности все эти организации объединились для проведения в жизнь преступной программы нацистской Германии. Все они виновны, и в связи с тем, что они дополняли одна другую, нет необходимости слишком педантично определять границы их дьявольской деятельности.

Когда правительственный кабинет провозгласил закон «О единстве партии и государства», он этим декретом неразрывно связал между собой эти организации как в их успехах, так и в неудачах. Когда члены этих организаций, вопреки закону, присягнули в повиновении Гитлеру, они навсегда связали себя с ним и с тем, что он делал, и приняли на себя его вину.

Всем членам имперского кабинета было известно о функциях и деятельности кабинета. Они совместно проводили возложенную на них работу и собирались как некое единство. Они обсуждали предлагаемые ими мероприятия в качестве единой группы и проводили их в жизнь, действуя в качестве правительства. Иногда они созывались в качестве членов имперского кабинета, иногда — в качестве имперского совета обороны. Но в каждом случае они совместно обсуждали предполагаемые законы, которые должны были придать законную силу махинациям главных заговорщиков.

В связи с рассмотрением одних лишь вопросов бюджета империи, не говоря уже о других источниках информации, члены имперского кабинета в течение всех лет существования нацистского режима непременно получали весьма подробную информацию обо всем, что происходило в Германии. Им было известно о системе концентрационных лагерей, так как они санкционировали ассигнования на содержание концлагерей, и потому что министры, входившие в кабинет, инспектировали концентрационные лагери. Им было известно о планах ведения агрессивных войн, так как они закладывали фундамент для создания военной экономики. Им было известно о насильственном использовании труда военнопленных в промышленности вооружения, так как они, как это устанавливается доказательствами, планировали это мероприятие еще до начала войны. Они подготовили планы всей программы агрессии и территориальной экспансии. Планирование вызывает необходимость проведения совещаний, а совещания приводят к осведомленности.

Любой грамотный член СА был прекрасно осведомлен относительно целей и намерений СА. Еженедельная газета «СА Манн» и ежемесячник «СА Фюрер» время от времени освещали цели, намерения, задачи и методы СА. Почти в каждом номере этих газет имеются сообщения относительно обязанностей и деятельности СА в связи с уличными стычками, оскорблениями по адресу политических противников и физическими насилиями над евреями. Полувоенный характер этих организаций был совершенно очевиден, СА принимала участие в мероприятиях по проведению выборов, в подготовке к поджогу рейхстага, в еврейских погромах и в деятельности в связи с бойкотом евреев. Ее деятельность была повсеместной и общеизвестной. Значительная часть этой постыдной деятельности получила широкую известность во всем мире.

Политические руководители занимались информацией и пропагандой. Они являлись распространителями идеологии и политическими сыскными агентами, проверявшими, как реагировало население на те или иные мероприятия. Их осведомленность вытекала из двух источников. Им было известно о планах и об их проведении в жизнь, и они должны были выяснять, каково было воздействие этих мероприятий.

В качестве типичного примера можно сослаться на приказ о линчевании союзных летчиков. Этот приказ должен был быть передан по всем инстанциям политических руководителей с тем, чтобы он дошел до низших инстанций, которые должны были практически выполнять приказ о лин-

чевании. Они следили за тем, чтобы приказ проводился в жизнь, и составляли отчеты по поводу того, какое он имел воздействие. В нацистских «целлах» (ячейках) и «блоках» (кварталах) не было ни одного секрета, о котором они бы не знали.

Радио, настроенное на другую станцию, появившееся на лице выражение неодобрения, нарушение тайн между священником и лицом, подвергающимся исповеди, существующее испокон веков взаимное доверие отца и сына, даже священное таинство брака — все это являлось элементами, из которых состояло их ремесло. Знать было их обязанностью. Каждый член СС приносил присягу о повиновении Гитлеру до смерти и каждому члену СС был известен настоящий смысл гитлеровского мировоззрения. Можно ли сомневаться в том, что члены СС понимали значение следующего признания Гиммлера: «Я знаю, что в Германии имеется целый ряд людей, которых бросает в дрожь при виде черных мундиров». Он далее сказал: «Мы прекрасно понимаем причины этого и не надеемся на то, что нас будут любить многие».

Дрожь при виде черных мундиров была проявлением страха, страха перед зверскими методами, применяемыми членами СС, перед убийствами, которые совершались ими на улицах, и избиениями, проводимыми ими в концентрационных лагерях. Всем было известно, что именно облаченные в черные мундиры члены СС совершили убийства 30 июня 1934 г. Даже фон Маннштейн показал, что солдаты настолько боялись жестокостей СС, что не решались докладывать о массовых убийствах, совершавшихся СС на Востоке. Для того, чтобы причислить СС к разряду преступных организаций на основании осведомленности ее членов в преступной деятельности, достаточно того факта, что солдаты батальона «Мертвая голова» знали о зверствах, совершавшихся в концентрационных лагерях, что солдаты карательных отрядов по борьбе с партизанами знали об убийствах, о выкрадывании детей и о грабежах, происходивших за линией фронта, что солдаты танковых дивизий СС знали об убийствах военнопленных, и того факта, что военнослужащие медицинской службы СС знали о зверских экспериментах над человеческими существами.

Степень этой осведомленности несколько уменьшалась из-за постоянных изменений в обязанностях отдельных групп внутри организации. Батальоны «Мертвая голова», которые в первое время несли ответственность за охрану заключенных в концлагерях, впоследствии были переброшены на фронты, в то время как во время войны такие боевые отряды, как войска СС, использовались для несения охраны в концлагерях и для проведения уничтожения в специальных центрах для истребления. Буквы «СС» получили широкую известность, как символ жестокой и беспощадной организации.

Цели гестапо были изложены в форме закона и время от времени обсуждались в таких полуофициальных изданиях, как «Фелькишер Беобахтер», «Дас Архив», являвшемся журналом германской полиции, и в кратком справочнике Беста по вопросам структуры германской полиции. Каждому члену организации было известно о том, что гестапо представляла собой специальные полицейские отряды, созданные Герингом и извращенные Гиммлером в целях сокрушения потенциальных противников тирании. Каждому члену организации было известно о том, что гестапо действовала вне закона, что гестапо могла производить аресты своей властью и заключать в тюрьмы на основании своего собственного решения.

Каждому члену этой организации было известно о том, что гестапо являлась учреждением, которое заполняло концентрационные лагери политическими противниками. Всем было известно, что гестапо была организована для специальных целей преследования жертв нацистского гнета — евреев, коммунистов и церкви.

Всем лицам, проводившим допросы, было известно о праве применять при допросах пытки. Преступные цели гестапо и преступные методы, которые применяла в своей деятельности эта организация террора, имевшая столь первостепенное значение, не могли оставаться в тайне. Тот факт, что гестапо являлась орудием террора, был известен не только членам организации, но был известен во всей Германии, в Европе и во всех странах мира, где самое имя гестапо превратилось в символ ужаса и насилия.

Мы просим Трибунал применить критерии здравого смысла и реального учета фактов при рассмотрении дела этих организаций на основании того, что они действительно представляют собой самые порочные и зловещие из всех созданий нацизма. Без сомнения, они не избегнут осуждения за колоссальные преступления, совершенные ими, прикрываясь лживым и неосновательным оправданием о неосведомленности тех, кто принадлежал к их кругу, в существовавшем положении вещей. Через много, много лет после того, как опустеет этот зал, в последующие века слова «нацист», «руководство нацистской партии», «СА», СД», «СС» и «гестапо» будут стоять первыми в перечне ужасов и насилий, совершенных против человечества.

Требование Устава Трибунала о том, чтобы на скамье подсудимых был представлен хотя бы один член каждой организации, который виновен в преступлениях, инкриминируемых организации, членом которой он является, имело своей целью обеспечить такой порядок, при котором перед Трибуналом находились бы лица, могущие говорить от имени каждой организации. Фактически эта гарантия Устава в отношении организаций стала излишней, учитывая то колоссальное количество свидетелей, которое предстало от имени организаций перед Комитетом уполномоченных или перед настоящим Трибуналом.

Мера преступности каждой из этих организаций не ограничивается действиями подсудимых, представших перед настоящим Трибуналом, которые являлись членами этих организаций. Для удовлетворения требований Устава было бы вполне достаточно установить, что данный подсудимый виновен в каком-либо преступлении, совершенном в непосредственной связи с тем положением, которое он занимал в качестве члена данной организации.

Однако во всех случаях определение преступности данной организации основывается на доказательствах, которые далеко выходят за пределы конкретных преступных действий отдельных подсудимых. Понятие принадлежности к организации, которое в этой связи употребляется в Обвинительном заключении, ни в коем случае не носит формального характера. В этом случае с тем же основанием можно было бы употребить слово «представитель», так как целью этого положения Устава было обеспечить такой порядок, при котором каждая из поименованных организаций была бы представлена подсудимым, могущим говорить от ее имени, или представлена в какой-либо иной форме.

Семнадцать из 22 отдельных подсудимых являлись членами правительственного кабинета. Все эти подсудимые в большей или меньшей

степени принимали участие в совещаниях имперского кабинета, тайного совета министров и имперского совета обороны. Все они участвовали в обсуждении, принятии и введении в силу законов, которые привели к подстрекательству к агрессивным войнам и к дискриминирующим мероприятиям в отношении расовых меньшинств.

Преступность каждого из этих подсудимых отчасти основывается на той роли, которую он играл в верховном законодательном органе нацистской системы, в имперском кабинете.

Десять отдельных подсудимых являлись членами руководящего состава нацистской партии. Деятельность гаулейтеров фон Шираха и Штрейхера является прекрасной иллюстрацией преступности всех подсудимых в качестве руководителей нацистской партии. Именно в качестве гаулейтера Франконии Штрейхер проводил свою кампанию ядовитой клеветы против евреев; Ширах эксплуатировал рабский труд именно в качестве гаулейтера Вены.

Девять подсудимых являлись членами СС. Едва ли есть необходимость в данном случае упоминать в качестве представителя этой организации кого-либо, кроме обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера. Перед вами подсудимый, который являлся главой управления СС, облеченного самыми большими полномочиями по всей организации — главного управления имперской безопасности. Его деятельность по руководству этой организации не требует никаких дополнительных данных. Она — позор для всей организации в целом.

Восемь подсудимых являлись членами СА; Геринг взял на себя руководство этой организацией в 1923 году, в самом начале борьбы нацистов за власть. Именно Геринг направлял действия СА во время Мюнхенского путча и именно он создал из СА боевой отряд уличных хулиганов.

Геринг и Кальтенбруннер являлись членами организации гестапо. Геринг, создатель гестапо, бахвалился тем, что каждая пуля, выпущенная из пистолета сотрудника гестапо, его пуля, что он берет на себя всю ответственность за действия гестапо и не боится этой ответственности. В качестве начальника главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер являлся непосредственным руководителем гестапо. Данному Трибуналу были представлены приказы о заключении в концентрационные лагери, скрепленные факсимилированной или машинописной подписью Кальтенбруннера; Трибунал рассматривал доказательства того, что казни в концентрационных лагерях производились по его приказу; Трибунал рассмотрел немало преступных приказов, исходивших от Кальтенбруннера, как от начальника полиции безопасности и СД, и адресованных районным отделам гестапо.

Неразрывная взаимосвязь подсудимых и организаций далее иллюстрируется тем фактом, что большинство подсудимых являлось членами одной или более из поименованных выше организаций.

Франк, Фрик, Геринг и Борман были членами четырех организаций. Члены кабинета — Риббентроп и Нейрат являлись одновременно генералами СС. Генералы СА Розенберг и Ширах являлись членами кабинета. Гаулейтеры Заукель и Штрейхер были генералами СА. Фельдмаршал Кейтель и адмирал Дениц являлись членами кабинета.

Исключительное значение этой общей взаимосвязи иллюстрируется злоумышленным убийством французского генерала Месни. Это убийство подготовлялось и осуществлялось под руководством обергруппенфюрера СС

Кальтенбруннера как главой гестапо и СД и обергруппенфюрером СС Риббентропом как членом имперского кабинета. Кальтенбруннер разработал техническую сторону этого убийства, а Риббентроп разработал план обманных маневров.

Защитник гестапо, выступая перед Трибуналом, утверждал, что убийство было совершено скорее имперской уголовной полицией, нежели гестапо, поскольку в это время Панцингер, который разрабатывал детали этого убийства, сменил Небе на посту начальника V Управления РСХА. Но я хочу напомнить Трибуналу, что ему не было представлено и строчки доказательств, которые бы подтверждали, что Панцингер ушел с поста, который он занимал в течение ряда лет,— с поста начальника отдела гестапо, ответственного за проведение специальных мероприятий и убийств.

Так или иначе, убийство генерала Месни было политической акцией, политическим убийством и, согласно их собственной организационной структуре, входило в юрисдикцию гестапо, а не уголовной полиции.

Я хотел бы заметить в скобках на тот случай, если когда-либо впоследствии будут утверждать, что этот бесчестный акт был совершен в качестве ответной меры: я прошу Трибунал иметь в виду, что репрессалии в отношении военнопленных категорически запрещаются конвенцией 1929 года, конвенцией, к которой уже за много лет до этого присоединилась Германия, оставаясь подписавшей стороной и в период этого убийства.

Вся эта мрачная трагедия, начиная с обманного вывоза Месни из офицерского лагеря для военнопленных в Кенигштейне и кончая кощунственной церемонией погребения его праха в Дрездене с воздаванием ему воинских почестей, требовала согласия на это мероприятие и участия в нем со стороны имперского кабинета, военных кругов, СС, СД и гестапо.

Через весь этот исключительно гнусный и грязный эпизод проходит красной нитью характернейшая черта нацизма — лицемерие. Это было убийство, совершенное в белых перчатках, использование традиций для обмана, убийства, прикрытого накрахмаленной манишкой дипломатических маневров министерства иностранных дел, убийства, на которое был наведен окончательный внешний лоск кальтенбруннеровским СД и гестапо, убийства, совершенного при поддержке прикрывавшейся маской респектабельности профессиональной военной касты.

Я хотел бы к этому добавить, господин председатель, что защитники организаций посвятили значительную часть отведенного им времени рассмотрению правовых принципов, вытекающих из Устава Трибунала, и во многих случаях пытались даже выйти за рамки Устава. Они утверждали, что судебное разбирательство, предусмотренное Уставом настоящего Трибунала, фактически является коллективным наказанием, что сама мысль об объявлении преступными целых организаций является исключительным случаем в истории права и что принцип «нуллум пена сине леге» (нет наказания без закона) будет нарушен такого рода судебной процедурой.

Я не буду вновь рассматривать соображения правового характера, касающегося этого вопроса, так как они были исчерпывающим образом рассмотрены судьей г-ном Джексоном в его выступлении перед Трибуналом в феврале этого года. Но я вновь подчеркиваю здесь, перед Трибуналом, что мы не стремимся подвергнуть коллективному осуждению всех членов организаций. Мы хотим установить лишь один факт, один единственный

факт, заключающийся в том, что эти организации, все вместе, укрепили в Германии полицейскую систему и совершили все упоминавшиеся здесь преступления, и останутся в истории такими, как они есть,— организациями, чьи цели, намерения и действия были преступными в своей основе, организациями, которые открыто нарушали все принципы порядочности и законности, существующие в каждом цивилизованном обществе. Защита утверждает, что если вы объявите эти организации преступными, члены их станут мучениками.

Я утверждаю, что если вы реабилитируете эти организации, их члены, приносившие присягу беспрекословного повиновения Гитлеру и Гиммлеру, заключившие миллионы людей в концентрационные лагери, замучившие, уморившие с голоду и убившие тысячи людей, действуя во имя этих организаций, смогут заявить: «Мы отстояли свои права. То, что Гитлер и Гиммлер говорили нам, оказалось правдой. Организации, которым мы беспрекословно повиновались, не были преступными организациями, и мы не можем быть осуждены за принадлежность к ним».

В вашем оправдании этих организаций они найдут оправдание ужасающим преступлениям и, таким образом, новые доводы для того, чтобы убеждать немецкий народ, что они не совершали ничего дурного. Они получат страшную возможность в той или иной форме возродить их в будущем с тем, чтобы вновь принести цивилизованному миру ужасные последствия организованной преступной деятельности.

В заключение, господин председатель, я хочу сказать, что до конца настоящего процесса нас преследовала таинственность, которой нацисты хотели окружить свои преступления путем использования всех этих организаций. После окончания настоящего процесса та же самая организованная секретность будет затруднять союзникам отыскание лиц, несущих ответственность за все эти ужасные преступления. Приходится принимать как реальность тот факт, что колоссальное количество преступлений, совершенных от имени этих организаций, останется ненаказанным. Но сам нацизм не должен избежать возмездия путем обмана, путем, который он сам себе подготовил. Он не должен теперь продолжать свое существование в тайных, неосужденных организациях, с тем, чтобы впоследствии подготовить новое нападение на цивилизацию.

Путем объявления этих организаций преступными настоящий Трибунал сделает предупреждение не только германскому народу, но и народам всего мира. Человечество будет помнить, что ни одно преступление не может остаться безнаказанным лишь потому, что оно было совершено от имени политической партии или государства, что ни одно преступление не будет обойдено молчанием по той причине, что оно слишком велико и что преступники не избегнут наказания по той причине, что их слишком много.

28 февраля 1946 г. в этом зале главный обвинитель от Соединенных Штатов Америки, господин судья Роберт Х. Джексон, обратился к настоящему Трибуналу с заявлением по поводу преступности этих организаций. В этом заявлении была отражена позиция Соединенных Штатов в отношении судебного преследования этих организаций. Я не могу сделать ничего лучшего, кроме повторения перед Трибуналом этих слов. Я цитирую слова г-на судьи Джексона, сказанные в то время:

«При осуществлении превентивного правосудия с целью предупреждения возможности повторения этих преступлений против мира, преступлений против человечности и военных преступлений,— оправдать

эти организации было бы гораздо большей катастрофой, нежели оправдать всех двадцать двух подсудимых, сидящих сейчас на этой скамье. Эти подсудимые теперь уже бессильны причинить зло, тогда как эти организации еще могут продолжать свое злодейское дело. Если эти организации будут здесь реабилитированы, германский народ сделает вывод, что они действовали правильно, и его легко будет снова муштровать во вновь созданной организации под новым названием, но с той же программой».

Эти организации можно реабилитировать только сделав вывод, что нацистский режим не совершил никаких преступлений, так как невозможно отрицать, что они покровительствовали каждому преступному плану нацистов и являлись соучастниками в проведении всех нацистских мероприятий в целях осуществления этих планов. Если эти организации не будут осуждены согласно положениям Устава, то это будет лишь означать, что нацистские цели и средства их достижения не могут рассматриваться как преступные и что Устав Трибунала, объявляющий их таковыми,— пустая бумажка.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБВИНЕНИЯ ОТ США ТЭЙЛОРА

[Произнесена 30 августа 1946 г.][1]

Господин Председатель и Члены Трибунала!

Согласно Обвинительному заключению, Обвинение требует объявления преступными шести групп или организаций. Для большей ясности при точном определении выдвинутых обвинений и расположения доказательств это разделение на шесть частей является уместным, поскольку оно точно отражает формальную структуру третьей империи.

Однако в более глубоком понимании третья империя не состояла из шести составных частей. Ее структура была еще проще. Третья империя была политической машиной и военной машиной. Ее олицетворением были нацистская партия и вооруженные силы, и через них она стремилась достичь своих целей. Ее успехи как в самой стране, так и за ее пределами были достигнуты при помощи этих двух орудий. Вооруженные силы обязаны своим возрождением, главным образом, нацистской партии; партия, в свою очередь, была бы беспомощной и бессильной без вооруженных сил. Как сказал генерал Рейнеке, двумя опорами третьей империи были партия и вооруженные силы и каждая из них была бы отброшена назад при возвышении или падении другой.

В приложении «Б» Обвинительного заключения точно определяются руководители и основные орудия партии и вооруженных сил. Из состава партии Обвинительное заключение выделяет, например, корпус политических руководителей и также членов СС, которые были главным исполнительным орудием партии. Из состава вооруженных сил Обвинительное заключение выделяет ведущих генералов, говоря языком Обвинительного заключения, которые обладали основными полномочиями в области планирования и проведения боевых операций.

Состав этой группы военных руководителей описывался Обвинением во время представления дела с его стороны, и мне остается прибавить к этому лишь очень немного. Защита выдвинула точку зрения, заключающуюся в том, что эти военные руководители не составляют группу в том смысле, как это предусмотрено Обвинительным заключением. Я считаю, что аргументы в поддержку этого формального возражения являются несостоятельными, и я хочу на них ответить прямо и ясно.

Ряд пунктов, выдвинутых защитой, основывается на непонимании или на преднамеренно неправильном истолковании обвинений, содержащихся в Обвинительном заключении. Так, например, несколько свидетелей за-

---

[1] Печатается с сокращениями. — Составители.

явили нам, что «генеральный штаб» состоял из молодых офицеров в сравнительно небольших чинах, которые действовали в качестве помощников главнокомандующих. Таким образом, это понятие смешивается с военным, которое известно как «корпус генерального штаба», состоявший из офицеров, окончивших военную академию. В Обвинительное заключение не включены эти офицеры, и Обвинение ясно заявило об этом с самого начала. Поскольку эти или подобные им показания являются лишь выпадом против того названия, которое в Обвинительном заключении дается группе военных руководителей,— этот вопрос не имеет никакого значения. Нет общепринятого термина или изобретенного слова в английском или немецком языках, которое охватывало бы всех военных руководителей вооруженных сил; Обвинительное заключение объединяет два определения: «Генеральный штаб» и «Верховное командование», как наиболее ясно охватывающие начальников четырех штабов — ОКВ, ОКХ, ОКМ и ОКЛ, которые все играли главную роль в военном планировании, и главнокомандующих, руководивших операциями. Вместе взятые, они, по существу, составляют военное руководство.

Ряд других мелких и формальных вопросов заслуживает лишь краткого упоминания. Было выдвинуто возражение, заключавшееся в том, что схема, приложенная к письменным показаниям под присягой Гальдера, Браухича и Бласковица, не дает точной картины субординации. Это верно; эта схема не была предназначена для того, чтобы показать порядок субординации; в письменных показаниях, к которым приложена эта схема, ничего не говорится об этом, и Обвинение никогда не утверждало ничего подобного.

Также не относится к делу и вопрос о том, должен ли был Кейтель быть помещен на этой схеме в одном квадрате с Гитлером или в отдельном квадрате. Ни одно из этих утверждений по поводу схемы не вызывает необходимости добавить или отнять хотя бы одного члена этой группы, а также никоим образом не затрагивает определения военного руководства, данного в Обвинительном заключении.

Также не относится к делу утверждение о том, что список членов этой группы включает в себя несколько генералов, которые имели лишь временные назначения в качестве главнокомандующих и формально никогда не утверждались на эти должности. Это обстоятельство, возможно, окажется относящимся к делу на Суде над этими отдельными лицами, если они смогут доказать, что они на самом деле формально никогда не занимали положения главнокомандующего и не несли соответствующей ответственности, но это не имеет значения при рассмотрении группы в целом.

В ряде письменных показаний, данных под присягой, представленных защитой, указывается, что отдельные генералы были членами этой группы меньше шести месяцев; что некоторые из них умерли, были отстранены или ушли в отставку со своих постов до окончания войны и что более молодые по возрасту не были генералами, когда война началась. Это все вполне естественно. Мы здесь рассматриваем период, охватывающий семь лет, в течение большей части которого велась война,— опасное и изнуряющее дело. В течение этих лет отдельные генералы умерли, другие потерпели неудачу, некоторые попали в опалу, их заменили новые лица; огромное увеличение в численности германских армейских групп и армий выдвинуло новых офицеров на посты главнокомандующих. В той степени, в которой во время войны опасность обостряется и поражения отзываются гораздо

большими потерями в вооруженных силах, нежели в области политики, эти перемещения были соответственно более значительными в вооруженных силах, чем в нацистской партии. Но опять-таки эти вопросы имеют отношение к делу лишь в связи со степенью ответственности отдельных членов этой группы, но не с проблемой ответственности всей группы...

...С точки зрения военного планирования, как нам заявил Гальдер, самой важной частью ОКВ был штаб оперативного руководства, начальником которого и заместителем его были соответственно Иодль и Варлимонт. Командующие действующими армиями также участвовали в разработке планов. Мы знаем из показаний Браухича и Бласковица, что военные планы нападения на Польшу и другие страны заранее передавались главнокомандующими армейскими группами и армиями для того, чтобы ОКХ могло воспользоваться их рекомендациями. Браухич и Бласковиц также заявили нам, что во время операций ОКХ и главнокомандующие армейскими группами и армиями постоянно консультировались и что сам Гитлер часто обращался за советом к главнокомандующим. Показания генерала Рейнгарда говорят о том же. Документы того времени ясно показывают участие главнокомандующих действующими армиями в планировании польской кампании.

Главнокомандующие армейскими группами и армиями на оккупированной территории обладали исполнительной властью в тех районах, которые находились под их командованием. В этих районах они осуществляли верховную власть и имели право решать вопросы жизни или смерти их жителей. Они также были ответственны за решение таких вопросов, как например, следует ли распространять приказы о командос и комиссарах и, если да, то в каких границах и с какими сопроводительными инструкциями...

Мы утверждаем, что аргумент защиты о том, что военные руководители не представляют собой «группу» и, следовательно, не подпадают под действие статьи 9, является совершенно необоснованным и явно противоречит ясно изложенным целям Лондонского соглашения. При разумной интерпретации этого соглашения невозможно исключить из сферы действия ст. 9 руководителей одной из двух основных опор третьей империи...

Теперь я перехожу к преступной деятельности этой группы.

Обвинение утверждает, что доказательства, имеющиеся у настоящего Трибунала, окончательно устанавливают участие генерального штаба и группы верховного командования в осуществлении преступных целей заговора и в совершении преступлений, предусмотренных во всех частях статьи 6 Устава и во всех разделах Обвинительного заключения. Мы также утверждаем, что преступные цели, методы и деятельность этой группы носили такой характер, что членам ее может справедливо инкриминироваться то, что они знали об этих целях, методах и деятельности и что в большинстве случаев они имели фактические сведения о них.

Я буду, прежде всего, говорить о довоенном периоде или, точнее, о периоде, закончившемся весной 1939 года, когда производилось детальное планирование нападения на Польшу. Следует указать, что в этот ранний период группа, получившая свое определение в Обвинительном заключении, не превышала восьми членов и что четверо из них в настоящее время являются подсудимыми на данном процессе.

Я не хочу тратить время на то, чтобы вновь обозревать неоднократно освещавшиеся события. Мы знаем о том, что в течение этих лет

военные руководители создали вооруженные силы и превратили их в грозную машину, которая терроризировала соседние страны и впоследствии успешно захватила большую часть их. Отсутствуют какие-либо доказательства, могущие опровергнуть обвинение в том, что члены генерального штаба и группы верховного командования руководили строительством этой машины и приведением ее в боевую готовность. Некоторые свидетели дали показания о том, что перевооружение было проведено исключительно в оборонительных целях, но вновь созданная мощь вооруженных сил была непосредственно использована в качестве поддержки агрессивной дипломатической политики Гитлера. Вооруженные силы покорили Австрию и Чехословакию, хотя в данном случае и не было войны.

События, имевшие место с 1939 по 1942 г., и ужасающая наступательная мощь вооруженных сил являются дальнейшим и вполне достаточным подтверждением того, что Германии нечего было бояться нападения с какой бы то ни было стороны: в данном случае я даже не ссылаюсь на письменное официальное заявление Бломберга, составленное в июне 1937 года.

Свидетели защиты придавали очень большое значение тому факту, что генералы не могли предвидеть или предвидели в весьма незначительной степени захват Австрии. Многие из этих свидетелей в то время еще не являлись членами данной группы; тем не менее я считаю, что подобное заявление не может иметь значения, так как Германия не назначила заранее время проведения аншлюсса, но осуществление его было ускорено неожиданным приказом Шушнига о проведении плебисцита. Именно поэтому, как заявил в своих показаниях Манштейн, планы вторжения в Австрию должны были быть составлены наскоро. Но эти планы были составлены Манштейном под руководством Бека, начальника генерального штаба армии и члена этой группы, и другие члены этой группы были непосредственно замешаны в осуществлении аншлюсса так же, как и другие генералы, которые стали членами этой группы позднее.

Что касается участия генералов в мюнхенском кризисе и оккупации Судетской области, защита в основном придерживается, повидимому, той точки зрения, что Браухич, Бек и другие генералы в то время возражали против войны, считая, что она связана с риском. Из материалов суда с бесспорной ясностью следует, что точка зрения генералов в данном случае не основывалась на какой-либо оппозиции по отношению к дипломатической политике, которая поддерживалась военными угрозами, или на каком-либо разногласии в связи с намерением сломить Чехословакию.

Они скорее считали, что вооруженные силы пока еще (в 1938 г.) были недостаточно сильны для того, чтобы принять на себя войну с большими державами. Подсудимый Иодль весьма ясно выразил это в своем дневнике, указав на различие между «инструкцией фюрера, согласно которой мы должны сделать это именно в этом году, и точкой зрения армии, заключающейся в том, что мы еще не можем этого сделать, так как без сомнения вмешаются западные державы, а мы не равны им по силе».

Дальнейшее утверждение защиты о том, что не проводилось никакой военной подготовки для оккупации Чехословакии и что главнокомандующий армией не отдавал в связи с этим никаких распоряжений, совершенно неправдоподобно, так как в противовес этому утверждению представлены документы, составленные в то время, подлинность которых совершенно неоспорима, которые в течение долгого времени представлялись Трибуналу в качестве документальных доказательств и которые защита не могла

и не пыталась опровергнуть. Военные директивы и меморандумы, связанные с планированием, содержащиеся в материалах так называемого «зеленого плана», опровергают любые подобные утверждения и полностью раскрывают ту колоссальную подготовку, которая проводилась вооруженными силами под руководством Кейтеля, Иодля, Браухича, Гальдера и других. В дневнике Иодля имеются дополнительные подробности по таким вопросам, как координация воздушных и наземных наступательных операций, определение времени издания приказа в Д — день, сотрудничество с венгерской армией и приказ о начале боевых действий. Этот дневник также отражает то участие, которое принимали в этой подготовке другие члены этой группы, а также другие генералы, которые стали членами этой группы впоследствии. Военная подготовка к захвату оставшейся части Чехословакии также в достаточной мере освещена документами, представленными в качестве доказательств настоящему Трибуналу.

Следует указать еще на один вопрос, связанный с довоенным периодом. Военные руководители не только принимали участие в составлении планов,— они были восхищены достигнутыми результатами. Они боялись вступления в войну до того, как они могли считать себя должным образом подготовленными, но они хотели иметь большую армию, а также те стратегические и военные преимущества, которые Германия извлекла из успехов Гитлера в Австрии и Чехословакии.

Именно поэтому, по существу, партийные руководители и военные руководители работали совместно, именно поэтому генералы поддерживали Гитлера, именно поэтому третья империя, опираясь на партию и вооруженные силы, смогла достичь того, чего она достигла. Генералы, занимавшие руководящие посты в германской армии, весьма многословно рассказали об этом Трибуналу. Бломберг заявил нам, что до 1938—1939 гг. немецкие генералы не относились к Гитлеру враждебно. Бласковиц сказал, что все армейские офицеры приветствовали перевооружение и поэтому не имели причин враждебно относиться к Гитлеру. Оба эти свидетеля заявили нам о том, что Гитлер добился именно тех результатов, которых желали все генералы.

Итак, обратимся сейчас к самой войне. Группа военных руководителей, получившая свою характеристику в обвинительном заключении, сильно разрослась; мы теперь имеем дело не только с генералами, находившимися в Берлине, а также и с теми военными заправилами, которые командовали вооруженными силами на фронтах; имена их гораздо более знакомы народам территорий, захваченных немцами, народам, на которых они наводили страх. Это такие имена, как Бласковиц, фон Бок, фон Клюге, Кессельринг, фон Райхенау, Рундштедт, Шперле и фон Вейхс.

Что сами генералы говорят в защиту нападения на Польшу? Некоторые из их показаний, как, например, объяснение Манштейна, заключавшееся в том, что поляки могли «безбоязненно» напасть на Германию, просто смехотворны. Лучшее, что они могут сказать в этой связи, это то, что они надеялись на сдачу Польши без сопротивления.

Однако, если бы это объяснение было использовано в качестве защиты, доверять ему было бы весьма сомнительно. Гитлер сам разъяснил военным руководителям, что перед ними стоит не вопрос о Данциге и коридоре, а вопросы жизненного пространства и увеличения снабжения Германии продуктами питания. Генералы вряд ли могли надеяться на то, что поляки

сдадутся совершенно без всякого сопротивления, и Гитлер сказал, что будет война, а не повторение чехословацких событий.

Однако, во всяком случае, защитительным доводом не может являться то, что генералы надеялись на «блуменкриг» (триумфальное шествие). Свидетели защиты признали, что Германия должна была заставить Польшу принять ее требования при помощи военных угроз и использования вооруженных сил. Не существует доказательств того, что генералы противились этой политике явного разбоя.

В действительности совершенно очевидно то, что они искренне поддерживали эту политику, так как они рассматривали вопрос о польском коридоре, как «осквернение», а получение обратно от Польши бывшей германской территории, как «дело чести». Никогда не рассматривался в качестве защитительного довода тот факт, что вор, пораженный тем, что его жертва сопротивляется, был вынужден прибегнуть к убийству для того, чтобы получить ее деньги.

Нет разногласий по вопросу о сознательном участии членов генерального штаба и группы верховного командования в планировании и в осуществлении самого нападения. Браухич рассказал о том, как планы разрабатывались, а затем были переданы главнокомандующим действующих армий с тем, чтобы они внесли свои предложения.

Нам известно как из собственных показаний Бласковица, так и из документов, относящихся к тому времени, то, что Бласковиц, один из главнокомандующих действующих войск, получил планы июньского нападения и затем усовершенствовал их путем консультации и с армейской группой и с ОКХ. Начальник штаба Рундштедт получил эти планы, и не может быть сомнения в том, что все другие главнокомандующие также их получили. За неделю до нападения все члены этой группы собрались в Оберзальцберге для получения окончательных инструкций.

По мере того, как война распространялась на другие страны и, в конце концов, на весь европейский континент, германские вооруженные силы росли; было создано большое количество новых армейских групп, армий, воздушных флотов, соединений морского флота, и количество членов группы соответственно увеличилось. Все три составные части вооруженных сил участвовали во вторжении в Норвегию и в Данию, которое явилось блестящей демонстрацией «комбинированных операций», предполагавших самое тесное совместное планирование и координацию действий трех частей вооруженных сил. Документы, находящиеся перед Трибуналом, показывают, что идея проведения этой операции зародилась в мозгу германских адмиралов; предложения исходили от Редера и других членов этой группы, приверженных фюреру, и после того, как была получена санкция Гитлера, планы были разработаны в ОКВ. В планировании и осуществлении планов участвовали многие члены группы. Свидетельские показания нескольких командующих армиями о том, что им не было заранее известно о нападении, не вызывают удивления ввиду того, что ОКХ и главнокомандующие армиями были полностью поглощены в то время планированием нападений гораздо бо̀льших масштабов — нападений на Нидерланды и Францию. В Норвегии и Дании были использованы лишь немногие германские дивизии и, так как это была «комбинированная операция»,— планы разрабатывались в ОКВ, а не в ОКХ.

Защита доктором Латернзером нападения на Норвегию на том основании, что это было мерой, принятой для того, чтобы предупредить вторжение

Англии в Норвегию, могла бы быть в какой-то степени правдоподобной, если бы было какое-нибудь доказательство того, что вступление в Норвегию было совершено без подготовки, ввиду чрезвычайных обстоятельств. Но это совершенно и абсолютно невероятно благодаря наличию документов, показывающих, что вопрос о нападении на Норвегию был предметом дискуссии с октября 1939 года, что фактическое планирование его началось в декабре, что 14 марта Гитлер все еще сомневался, отдать ли ему приказ о наступлении, так как он «все еще искал какого-то оправдания», и что в течение нескольких недель перед наступлением на Норвегию в генеральном штабе велись дискуссии о том, не лучше ли было бы начать общее наступление на Западе против Франции и Нидерландов до начала кампании против Норвегии.

Что касается главного нападения на западе, то из показаний свидетелей защиты явствует, что Гитлер намеревался осуществить это нападение осенью 1939 года и что Браухич и другие генералы убеждали его в том, что это нападение должно быть отложено до весны 1940 г. Эта отсрочка фактически показывает, что генералы оказывали большое влияние на Гитлера, но она едва ли оправдывает нападение в более поздний период. Когда наступила весна 1940 г., согласно заявлению Манштейна, «... с точки зрения солдата наступление на Западе стало совершенно неизбежным». Нет никаких доказательств того, что хотя бы один германский командующий протестовал против вопиющего и грубого нарушения нейтралитета Нидерландов.

Объяснения, которые дает защита по поводу преступлений против мира, надуманы и неправдоподобны и находятся в противоречии как с документами, имеющимися в распоряжении Трибунала, так и с историей событий, имевших место в рассматриваемые нами годы. Также неверно и то, что военные руководители являлись лишь марионетками, не оказывавшими влияния на Гитлера или на ход событий. Конечно, разногласия имелись не только между Гитлером и германскими вооруженными силами, но и внутри самих германских вооруженных сил. Если временами торжествовало мнение Гитлера, то в другое время брало верх мнение вооруженных сил, касалось ли это вопроса об отсрочке нападения на запад или о начале нападения на Данию и Норвегию...

Нет, руководители вооруженных сил не являлись марионетками. Если генералы были в очень большой степени обязаны Гитлеру и нацистам за предоставленную им возможность вновь создать германские вооруженные силы, то совершенно справедлив тот факт, что Гитлер полностью зависел от своих генералов в осуществлении своих планов. Браухич подчеркнул, что «выполнение приказов, отданных армии и армейским группам, потребовало такого глубокого знания военных вопросов и таких способностей и психологического чутья, что существовало лишь очень небольшое число людей, которые действительно могли провести в жизнь эти приказы». В этой связи очень важно отметить, что, несмотря на весьма реальные и естественные трения между корифеями военного искусства и бывшим капралом, Гитлер никогда, до июля 1944 года, не выбирал своих главнокомандующих вне армейских кадров. Даже в течение последних безнадежных месяцев только четыре человека не из армейских кадров — сам Гиммлер и трое других из войск СС — добились этого завидного отличия.

Германские вооруженные силы, кишевшие на всем континенте Европы, находились под руководством людей, действовавших отнюдь не против

собственного желания. Эти агрессивные войны были развязаны и велись людьми, которые преклонялись перед военной мощью и желали расширить гегемонию Германии. Вот почему, в сущности, нацисты и руководители вооруженных сил сделали третью империю единой. Я обращаю внимание Трибунала на меморандум адмирала Фрике от июня 1940 года:

«Слишком хорошо известно для того, чтобы еще раз об этом упоминать то, что настоящее положение Германии в узкой части Гельголандской бухты и в Балтийском море, окруженном целым рядом государств, проводящих там свое влияние, является совершенно недопустимым с точки зрения будущего Великой Германии».

«Могущество великой Германии в стратегических районах, приобретенных за эту войну, должно выразиться в том, что население этих районов будет чувствовать себя в политическом, экономическом и военном отношениях в полной зависимости от Германии. Если будут достигнуты следующие результаты, будет предпринята экспансия (в масштабах, которые я опишу позднее) при помощи принятия ряда военных мер по оккупации в течение войны; основы сопротивления Франции (народное единство, минеральные ресурсы, промышленность и вооруженные силы) будут сломлены до такой степени, что ее возрождение будет совершенно исключено; малые государства, такие, как Нидерланды, Дания и Норвегия, будут вынуждены зависеть от нас таким образом, что мы при любых обстоятельствах и в любое время сможем вновь оккупировать эти страны,— тогда практически мы достигнем одних и тех же, а психологически даже гораздо бóльших результатов».

«Поэтому... решение, повидимому, заключается в том, чтобы разгромить Францию, оккупировать Бельгию, часть северной и восточной Франции и дать возможность Нидерландам, Дании и Норвегии существовать на указанной выше основе».

Несмотря на документы такого характера, мы тем не менее слышали, что генералы неоднократно повторяли, что им никогда не сообщали о том, что происходило, и что о событиях они впервые узнавали по радио. Они снова и снова утверждали, что некоторые вещи им стали известны только после того, как они были помещены в нюрнбергскую тюрьму. Военные деятели, как и многие другие на этом процессе, не колеблясь, возлагали ответственность за действия, которые они не могли отрицать, на плечи одного или двух людей, которых они пытались изобразить как своеобразных людей, не являющихся типичными представителями всей группы. Всех этих людей, служащих козлами отпущения, связывает одно общее — все они уже умерли. Мертвый Рейхенау разделяет вину с другими мертвецами, которые больше не могут говорить,— Гитлером, Гиммлером, доктором Рашер и другими. Такие аргументы защиты являются нечестными и совершенно неправдоподобными. Мир никогда не поверит им.

Военные руководители связаны с тем, что происходило в довоенные годы в Германии и в соседних с нею странах, более тесно, чем любая другая группа людей...

Преступления против мира, в которых принимали участие генеральный штаб и верховное командование, вели неизбежно к военным преступлениям, которые затем и последовали. Без участия этой группы в преступлениях против мира не было бы и никаких военных преступлений. Не переход от одной темы к другой, но неизбежная последовательность при-

водит нас сейчас к рассмотрению методов, которыми вооруженные силы вели развязанные ими войны.

Мы, конечно, не утверждаем, что руки каждого немецкого солдата были обагрены невинной кровью или что правила ведения войны и законы порядочности игнорировались каждым немецким командующим. Но мы утверждаем, что характер и степень зверств, совершенных в результате приказов руководителей вооруженных сил и, таким образом, совершенных ими во многих странах Европы, вскрывают и доказывают умышленную причастность со стороны военных руководителей к совершению преступлений.

Неоспорим тот факт, что верховное командование вооруженных сил, следуя инструкциям Гитлера, являвшегося верховным главнокомандующим, издавало различные приказы, которые находились в вопиющем противоречии с правилами ведения войны. В их число входили приказы о расстреле «командос» и политических комиссаров, приказы об «умиротворении» оккупированных территорий Советского Союза путем распространения террора и другие приказы. Защита не оспаривает факт издания этих приказов и не оспаривает и не может оспаривать их преступный характер. Нам скорее заявляют, что германские командующие являлись почетными солдатами, что они не одобряли эти приказы, что они молчаливо согласились не выполнять и что эти приказы не выполнялись.

Давайте проверим эти заявления защиты фактами, связанными с приказом о «командос». Подлинник приказа и все другие имеющие к этому отношение документы находятся среди доказательств Трибунала. В октябре 1942 года Гитлер приказал, чтобы соединения «командос» противника уничтожались до последнего человека; что, даже если они будут сдаваться в плен, их тем не менее должны немедленно расстреливать, за исключением тех случаев, когда необходим допрос, и тогда они должны быть расстреляны после него. Этот приказ не являлся бесцельным преступным актом; действия союзных соединений «командос» причиняли серьезный вред германским военным усилиям, и Гитлер считал, что этот приказ будет действовать в качестве устрашающей меры.

Приказ был издан ОКВ и разослан всем трем частям вооруженных сил: армии, военно-морскому флоту и военно-воздушным силам. Есть веские доказательства того, что этот приказ был широко распространен и хорошо известен в вооруженных силах. Рундштедт, верховный главнокомандующий на Западе, докладывал 23 июня 1944 г., что «обращение с соединениями «командос» противника до настоящего времени осуществляется» в соответствии с приказом Гитлера. Через два года при других обстоятельствах Рундштедт в своих показаниях заявил, что он «избегал выполнения» и «саботировал» этот приказ и что он не выполнялся. Но мы знаем из документов, что этот приказ выполнялся. В соответствии с этим приказом британские и норвежские «командос» были казнены в Норвегии в 1942 и 1943 гг.; американские «командос» были расстреляны в Италии в 1944 году; солдаты союзных войск были расстреляны в Словакии в 1945 году. Судя по общему положению вещей, приказ должен был выполняться и в других случаях, от которых, к несчастью, сейчас не осталось никакого следа.

В свете этих документов что же остается от защитительных доводов? Если изложить это наиболее выгодным для защиты образом, остается довод, что только лишь потому, что некоторые военные руководители не одобряли этот приказ, он проводился не так часто, как это могло быть в

другом случае; такая защита хуже самой плохой защиты — она просто позорна.

Мы не должны забывать, что убийство беззащитного военнопленного является не только нарушением правил ведения войны. Это просто убийство. Убийство в сути своей остается таковым, не взирая на то, имеется ли лишь одна жертва или 50 (количество убитых «командос», доказанное документами) или 90 000 жертв Олендорфа. В этом деле преступление громоздится на преступление до такой степени, что мы рискуем потерять чувство пропорции. Мы так много слышали о массовом уничтожении, что мы даже можем забыть о том, что простое убийство само по себе является большим преступлением.

Законы всех цивилизованных наций требуют, чтобы человек не переступал определенных пределов для того, чтобы избежать какой бы то ни было связи с убийством, в качестве ли соучастника, или пособника, или заговорщика. И эти требования могут быть весьма разумно применены к германским военным руководителям.

В соответствии с германским военным законом подчиненный подлежит наказанию за выполнение приказа высшего начальника, если подчиненный знает, что этот приказ требует совершения военного преступления или вообще преступления. Приказ о «командос» требовал совершения убийства, и каждый германский офицер, который выполнил этот приказ, это прекрасно знал.

Когда Гитлер дал указание об издании этого приказа, руководители вооруженных сил знали, что этот приказ требовал совершения убийства. Ответственность за выполнение этого мероприятия лежала исключительно на группе, которая указана в Обвинительном заключении. Начальники ОКВ, ОКХ, ОКЛ и ОКМ должны были решить, отказаться ли от издания преступного приказа или же передать его главнокомандующим действующими частями. Командующие армиями, военно-морским флотом и военно-воздушными силами на фронтах должны были решить, выполнять ли этот приказ или отказаться от его выполнения, и передавать ли его своим подчиненным.

Можно себе представить, что было большое число совещаний и телефонных переговоров между различными членами этой группы, в течение которых обсуждался этот вопрос. Нет никаких доказательств того, что хоть один член этой группы открыто протестовал против этого приказа или объявил о своем отказе выполнять его. Главным результатом было то, что этот приказ был распространен в большей части вооруженных сил. Это поставило подчиненных командиров в такое же положение, как и их начальников. Нам говорят, что некоторые генералы молча согласились между собой не выполнять этот приказ. Если это так, то это было жалким и дешевым компромиссом. Распространяя этот приказ при «секретном» или «молчаливом» взаимном понимании, главнокомандующие лишь распространили ответственность и лишили себя возможности какого-либо эффективного контроля над создавшимся положением. Молчаливое соглашение о невыполнении не могло быть столь широко распространено. Неизбежный результат — результат, доказанный документами, заключался в том, что этот приказ был проведен в жизнь и невинные люди были убиты.

Генерал Достлер именно из-за того, что он являлся ответственным за выполнение приказа о «командос», был привлечен к суду, осужден и расстрелян. За такое же преступление генерал Фалькенхорст сейчас ожидает

исполнения смертного приговора. Но ответственность за эти убийства Фалькенхорст и Достлер разделяют с каждым немецким главнокомандующим, находившимся в тылу или на поле боя, который допустил превращение этого приказа в официальный закон вооруженных сил и принимал участие в его распространении. Я считаю, что в соответствии только с этим обвинением доказано, что генеральный штаб и группа верховного командования принимали непосредственное эффективное и сознательное участие в совершении военных преступлений.

На Восточном фронте бессердечное равнодушие германских военачальников к нарушениям законов ведения войны и к страданиям и смерти масс людей привело к результатам, в такой же степени преступным и, поскольку эти все действия совершались в гораздо больших масштабах,— значительно более ужасным. Зверства, совершенные вооруженными силами и другими организациями третьей империи на Востоке, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь. Почему все эти вещи случились? Я думаю, что анализ покажет, что это не были просто сумасшествие и жажда крови. Наоборот, налицо имелись метод и цель. Эти зверства имели место в результате тщательно рассчитанных приказов и директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз и представлявших собой последовательную логическую систему.

Нет необходимости здесь рассматривать причины, по которым Гитлер осенью 1940 года начал серьезно заниматься вопросом нападения на Советский Союз. Мы вполне определенно знаем, что, начиная с сентября 1940 года, он постоянно обсуждал эту возможность с военными руководителями, которые имели достаточно удобных случаев для того, чтобы высказать ему свою точку зрения.

Мы знаем, что существовала разница во мнениях среди генералов и адмиралов. Кажется, ни один из них не испытывал колебаний морального характера, но некоторые не считали нападение необходимым, а другие сомневались в том, что можно достичь быстрой победы. Однако другие все же согласились с Гитлером в том, что нападение должно иметь место. Нет никаких указаний на то, что, когда Гитлер, посоветовавшись с военным руководством и заручившись поддержкой части его, решил совершить нападение, руководящие генералы продолжали решительно выступать против такого решения, и они начали войну с предельной решимостью довести ее до победного конца.

Каковы бы ни были причины, которые толкнули к нападению, существовал один фактор, который после того, как было принято это решение, стал жизненно важным объектом нападения и его целью. Этим фактором являлись захват больших территорий Советского Союза и эксплуатация этих территорий с извлечением материальной выгоды для Германии. Для того, чтобы достичь этого, было желательно «умиротворить» и подавить всякую оппозицию оккупированной территории как можно быстрее и с минимальными затратами людей и материальной части, уничтожить советскую политическую систему и учредить новую, поддерживаемую Германией, областную политическую администрацию, пересмотреть и расширить производственные ресурсы этих областей и организовать их так, чтобы они могли быть использованы третьей империей.

У Гитлера были весьма определенные идеи о том, как эта программа должна была быть проведена в жизнь, и эти идеи были частично вопло-

щены в серию директив и приказов, с которыми Трибунал уже ознакомился. Некоторые из этих приказов должны были быть выполнены непосредственно вооруженными силами, а некоторые — другими организациями империи, но во взаимодействии и при поддержке вооруженных сил.

Для быстрого «умиротворения» оккупированных территорий при наименьших затратах после того, как Гитлер проконсультировался с Браухичем, ОКВ издало приказ от 22 июля 1941 г., согласно которому все главнокомандующие должны были обеспечить безопасность не путем наказания виновных в результате судебных разбирательств, но путем распространения «такого террора, который мог только одним своим существованием подавить всякую волю к сопротивлению среди населения». С той же целью ОКВ издало приказ 13 мая 1941 г., который прекратил использование военных судов для наказания преступлений, совершенных гражданским населением страны противника, и давал указание о том, чтобы войска сами добивались умиротворения путем «беспощадных действий», «самыми крайними методами» и «коллективными деспотическими мерами» против местного населения. В поддержку этой отвратительной политики далее был издан приказ о том, что германские войска, совершившие преступления против советского гражданского населения, совершенно не должны были наказываться, за исключением тех случаев, когда наказание было необходимо для поддержания дисциплины и безопасности или для предотвращения потери в продуктах питания или в материальной части. Каждый офицер на восточном фронте должен был быть точно и конкретно проинструктирован о том, как поступать в соответствии с этими принципами. Сам язык этого приказа был рассчитан на то, чтобы побудить как офицеров, так и рядовых к тому, чтобы они вели себя наиболее презренным образом.

В этих двух приказах мы можем видеть основную композицию этой отталкивающей картины. Более подробно — Гитлер ожидал особенно резкой оппозиции своей новой русской политике и режиму со стороны должностных лиц и представителей советского правительства и со стороны всех евреев. Эти элементы он решил уничтожить полностью, так как иначе они оставались бы постоянным центром сопротивления внутри оккупированных территорий.

Воплощая в жизнь эту политику массовых убийств, ОКВ издало приказ об убийстве всех политических комиссаров, которые могли быть захвачены. Этот приказ так же, как приказ о «командос», предусматривал убийство беззащитных военнопленных. В этом случае военные руководители вели себя точно таким же образом. Ни один из главнокомандующих не протестовал открыто и не объявил о своем отказе выполнять приказ. Некоторые командующие, возможно, отказались распространить этот приказ по своим войскам, но он был распространен на всем восточном фронте и стал там хорошо известен. Так же, как и в случае с приказом о «командос», нам говорят, что по молчаливому соглашению между командующими он не выполнялся. Доказательством в поддержку этого является то, что отдельные командующие или другие офицеры никогда лично не знали о случаях, когда захваченные комиссары были расстреляны. Мы можем считать некоторые из этих заявлений правдивыми, но, невзирая на это, ввиду широкого распространения этого приказа и умышленного доведения германского солдата до звероподобного состояния приказами, подобными этим, и такими директивами, которые издавали своим войскам Рей-

хенау и Манштейн, абсолютно невероятно, чтобы приказ о комиссарах во многих случаях не был проведен в жизнь. Это должно было быть так.

Кампания массового уничтожения комиссаров распространилась на всех коммунистов приказом ОКВ от 16 сентября 1941 г., который предписывал, чтобы все случаи сопротивления вооруженным силам, невзирая на обстоятельства, были приписаны коммунистам, и что «смертная казнь 50—100 коммунистов должна в общем считаться соответствующей компенсацией за жизнь одного германского солдата».

Устрашение и эксплуатация русского местного населения и уничтожение нежелательных элементов, очевидно, не могли осуществляться одними только вооруженными силами. В выполнение этой обширной зловещей программы внесли большую долю многие другие организации третьей империи. Среди этих других организаций наиболее неописуемыми по жестокости были особые оперативные группы Гиммлера, известные как эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды. Назначением этих частей было оказывать помощь в «умиротворении» и готовить почву для нового политического режима путем искоренения оппозиции и, в особенности, путем убийства коммунистов и евреев. Как из документов, так и из признания, сделанного руководителем одной из этих частей, мы знаем, с какой ужасной неуклонностью выполнялась эта миссия.

Конкретные задания этим эйнзатцгруппам давал Гиммлер, но эти части не могли быть предоставлены сами себе в районах боевых действий или в тылу на захваченной территории, без администрации, снабжения, средств сообщения и достаточного контроля со стороны военного руководства, для того, чтобы можно было быть уверенным в том, что выполнение их задач координируется с боевыми операциями или, по крайней мере, не мешает их проведению. Защита приложила все усилия к тому, чтобы скрыть этот простой факт, но любой солдат и, по существу, любой человек, который размыслит над этим, должен знать, что это правильно.

Это также совершенно ясно вытекает из документов. Директива ОКВ для особых районов от 13 марта 1941 г. предусматривает, что Гиммлер может посылать эти части в районы боевых действий для выполнения «особых задач по подготовке политической администрации, задач, вытекающих из борьбы, которая должна вестись между двумя противоположными политическими системами». Однако в приказе особо подчеркивается, что выполнение задач Гиммлера не должно мешать военным действиям и что эти части должны быть подчинены власти главнокомандующего армией в районе боевых действий. Армия должна была обеспечить размещение и питание этих частей Гиммлера. Затем там имелось указание о том, что Гиммлер и ОКХ должны договориться между собой о деталях; Браухич подтвердил, что впоследствии эти детали были согласованы на совещании между Гейдрихом и генералом Вагнером из ОКХ, а Шелленберг, который составил проект соглашения, изложил его содержание.

Короче говоря, эти получившие позорную известность банды убийц размещались и снабжались армией и были бы беспомощны без поддержки со стороны армии. Показания некоторых немецких генералов о том, что они не были осведомлены об этих убийствах многих тысяч людей, вызывали бы невольную улыбку, если бы правда не была такой мрачной и отвратительной.

Мысль о том, что отряды уничтожения Гиммлера рыскали по России, убивая евреев и коммунистов в огромном количестве тайно и без ведома

армии, является совершенно нелепой выдумкой отчаявшихся людей, которым ничего не остается, как лгать.

Давайте посмотрим опять на всю программу в целом. Бо́льшая ее часть была изложена простым немецким языком до нападения на Россию — терроризировать население, оставлять безнаказанными акты насилия и жестокости со стороны немецких войск, убивать комиссаров, убивать сотни коммунистов в любом случае, когда для этого представится повод, расчищать путь гиммлеровским частям, размещать их и снабжать продовольствием для того, чтобы они выполняли «задачи, вытекающие из борьбы, которая должна вестись между двумя противоположными политическими системами». А та политическая система, за которую сражались главнокомандующие, уже осуществляла уничтожение коммунистов и евреев и хвасталась этим в течение ряда лет.

Немецкие генералы были достаточно умны для того, чтобы понимать эту программу. Так или иначе ее разъяснили им. Директива ОКВ, предусматривавшая прекращение функционирования военных трибуналов, заканчивалась указанием военным руководителям о том, что они должны информировать своих консультантов по правовым вопросам об «устной информации, в которой верховное командование разъяснило свои политические намерения главнокомандующим». Подсудимый Розенберг во время вторжения или до него сообщил Кейтелю, Иодлю, Варлимонту, Браухичу, Редеру свое «политическое и историческое толкование восточной проблемы». Согласно заявлению Браухича, Гитлер объяснял «идеологическую» природу войны всем главнокомандующим на совещании, происходившем в то время, когда был издан приказ о комиссарах. Письменные показания под присягой генералов Реттигера, Роде и Гойзингера еще более подтверждают очевидный вывод о том, что немецкое военное руководство прекрасно понимало всю программу «умиротворения».

Армия, деморализованная и доведенная до звероподобного состояния преступными приказами и дьявольскими доктринами, всегда будет действовать зверскими методами, оказавшись в обстоятельствах, в отношении которых нет ясно выраженных приказов. Например, я не видел письменного приказа о том, что советские военнопленные, которые не могли итти, должны были бы быть расстреляны. Я готов поверить, что некоторые немецкие генералы обходились с военнопленными так хорошо, как они могли, но я также нахожу достаточно убедительной жалобу молодого немецкого лейтенанта на то, что усилия, прилагавшиеся для умиротворения и эксплуатации Украины, оказывались тщетными, потому что:

«военнопленные, которые не могли больше итти, расстреливались прямо посредине деревень и даже некоторые в более крупных населенных пунктах, и их тела не убирались, а население оказывалось свидетелем этих фактов, которые оно не понимало и которые подтверждали самые худшие извращения пропаганды противника».

По этим же причинам борьба с партизанами проводилась исключительно жестоко и с огромными потерями в людях среди мирного гражданского населения. Так как дивизии немецкой армии переводились с восточного фронта на западный и обратно, эта практика передавалась от одного фронта к другому. Кровавая расправа в Херсоне и Ковно повторилась в резне в Мальмеди и Орадуре...

Защита против этих обвинений аналогична объяснениям по поводу приказа о «командос». Имеется масса письменных показаний, данных под

присягой отдельными главнокомандующими и подчиненными им офицерами, в которых они выражают свое отвращение к данным приказам и заявляют, что они не выполняли их. Опять мы слышим о молчаливом взаимном соглашении, даже перед лицом доказательств об убийствах, которые были следствием этих приказов. Невольно захватывает дыхание при мысли о том, что такой защитительный довод вообще может быть выдвинут и, очевидно, без всякого зазрения совести.

Я снова заявляю, что ответственность лежит всецело на этой группе, которая поименована в Обвинительном заключении. Кейтль, Йодль, Браухич, Геринг и их сообщники, находясь в центре событий, распространяли эти пагубные приказы, преступный характер которых может видеть даже ребенок. Клейст, Клюге, Рундштедт, Рейхенау, Шоберт, Манштейн и другие главнокомандующие действующими частями передавали их дальше подчиненным им офицерам. Никакие тайные соглашения не могли предотвратить ужасные результаты, которые должны были неизбежно последовать за этими приказами...

Гитлеру нужны были главнокомандующие: они ему были крайне необходимы, и без них он был бы беспомощен. Они могли с безопасностью для себя строго придерживаться тех норм, за пределы которых не должен выходить ни один солдат, и даже больше того — ни один человек. В большинстве случаев они преступали эти нормы не из-за страха перед Гитлером. Они были готовы возражать Гитлеру по другим вопросам, которые они считали более существенными. Они не хотели итти на риск разрыва с Гитлером в связи с тем, что они бессердечно рассматривали как несущественные вопросы. Они были заняты «более крупными» делами — захватом Европы, по поводу которого они были полностью согласны с Гитлером.

Некоторые из военных руководителей — мы не можем сказать, сколько их было — были преисполнены желанием итти еще дальше и оказать покровительство нацистской идеологии. Рейхенау и Манштейн бесстыдно предоставили свои имена и престиж для того, чтобы оказать содействие развитию этих отвратительных доктрин. Мы не можем охватить всех приказов; мы не можем сказать, сколько имеется немецких главнокомандующих, которые, подобно Манштейну, заявляя елейным голосом о том, что они якобы не одобряли нацистские доктрины, могли бы предстать перед лицом своих собственных отвратительных деклараций.

Отдельные командующие, если таковые имеются, которые могут показать, что их руки чисты, могут сами выступить и оправдать себя. Но я утверждаю, что доказано с убедительностью, не допускающей сомнения, что военные руководители, как группа, принимали непосредственное, эффективное и сознательное участие в бесчисленных и повсеместных военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Согласно ст. ст. 9 и 10 Лондонского соглашения о суде над главными военными преступниками, Кейтель, Редер и другие подсудимые, представители военного руководства, находятся перед судом не только как отдельные лица, но как представители германского военного руководства. Подсудимые военные совершали свои преступления как военные руководители и рука об руку с другими. Нахождение военных руководителей на скамье подсудимых особенно важно потому, что они являются представителями германского военного руководства.

Доказательства против этой группы настолько полны и убедительны что попытки ее представителей защищаться должны представлять собой

отчаянные и несостоятельные измышления. Будучи призванным к ответственности за совершение преступлений как группа, знаменитый германский генеральный штаб раскалывается на 130 отдельных кусочков, как детские кубики, брошенные на пол. Нам говорят, что там ничего не было. Когда же их просят высказать свои взгляды в отношении Гитлера, агрессивной войны или по какой-либо другой неприятной теме, — эти кусочки вновь собираются вместе и мгновенно и, как бы по волшебству, вновь возникает прежний рисунок...

...Давайте посмотрим еще раз на этих военных руководителей, действия которых мы только что рассматривали. Они являются единым целым более чем в одном определенном отношении. Они являются более, чем группой; они являются классом, почти кастой. Они являются воплощением определенного рода мыслей, определенного образа действий. У них имеются особые качества мышления, которые были замечены и комментировались остальным миром в течение многих десятилетий и корни которого уходят в века. Они были исторической силой, и с ними и сейчас следует считаться. Они горды этим.

Для того, чтобы избежать последствий своих действий, эти люди сейчас все отрицают. Но даже в самом их отрицании становится очевидной истина. Дух, объединяющий эту группу, и единство взглядов и целей настолько глубоки, что они волей-неволей звучат в их устах. Прочтите их показания,— они всегда говорят о себе: «мы», или «мы, старые солдаты», и они всегда заявляют о «наших взглядах» на тот или иной предмет. Показания Рундштедта полны подобных высказываний с точки зрения германских военных руководителей как целой группы на самые разнообразные вопросы. Манштейн заявил нам, что «мы, солдаты, не доверяли всем партиям», «мы все считали себя лицами, которым вверено единство Германии», и «национал-социалистская цель объединения соответствовала нашим взглядам, но не национал-социалистские методы».

...Германские военные руководители хотели, чтобы Германия была свободна от политических колебаний, и также хотели правительства, которое смогло бы мобилизовать германские ресурсы, как опору вооруженных сил, и воспитать германское общественное мнение в духе и целях милитаризма. Это и имел в виду Рундштедт, когда он заявил, что «национал-социалистские идеи, которые были положительными, обычно были идеями, которые были заимствованы из старых прусских времен и которые были давно известны нам и без национал-социалистов». Вот что Манштейн подразумевал под «единством» Германии.

Германские военные руководители верят в войну. Они считают ее частью нормальной, хорошо налаженной жизни... Они принесли зло всему миру и также принесли зло Германии. Их философия настолько извращена, что они рассматривают проигранную войну и побежденную и поверженную Германию, как блестящую возможность для того, чтобы вновь начать тот же самый ужасный цикл. Их ход мыслей нигде не выражен лучше, чем в речи, произнесенной генералом Беком перед слушателями германской военной академии в 1935 году.

Аудитории, состоящей из молодых офицеров, было заявлено, что «час смерти нашей старой славной армии» в 1919 году «привел к новой жизни молодой рейхсвер» и что германская армия вернулась из первой мировой войны «увенчанной лаврами бессмертия». Затем им было заявлено, что, поскольку военные руководители проявили ум и смелость, потеря войны

«облагорожена гордостью славного падения». В заключение им напомнили, что Германия является «страной военного мышления», и их призвали помнить « о своем долге перед человеком, который вновь создал и сделал сильными германские вооруженные силы».

В 1935 году этим человеком был Гитлер. В предшествовавшие годы это был другой человек. Немецкий милитаризм возродит вооруженные силы при любом руководителе или правительстве, которые обеспечат открытые перспективы оказания эффективной поддержки военным деяниям. Люди, которые считают войну формой существования, не извлекают никаких уроков из опыта поражения в одной из них.

Я обрисовал германских военных руководителей не потому, что вся эта картина мало известна, но потому, что она настолько хорошо известна, что существует опасность проглядеть что-либо. Мы не должны слишком увлекаться деталями этой схемы или тонкостями военной организации за счет значительно более важных вопросов, являющихся общественными факторами. В течение долгого времени весь мир знал о немецком военном руководстве и страдал от его деятельности. Его качества и поведение откровенны и хорошо известны. Должны ли мы теперь сказать всему миру, что такой группы не существует? Возможно ли сейчас услышать, что немецких военных лидеров нельзя судить потому, что они были лишь группой призванных на военную службу людей? Мы должны были серьезно отнестись к этим доводам только потому, что не было никаких других.

То, что судебное дело против немецких милитаристов является совершенно ясным, не делает его менее важным. В данном случае мы находимся в схватке с чем-то огромным, ужасным и постоянным; с чем-то таким, что начало существовать не в 1933 году и даже не в 1921 году; с чем-то более старым, чем любой присутствующий здесь человек; с чем-то несравненно более важным, чем любой из подсудимых, сидящих на этой скамье; с чем-то таким, что еще не умерло и что не может быть уничтожено выстрелом из винтовки или в петле палача.

В течение девяти месяцев в этом зале суда звучала страшная повесть о камерах удушения, горах трупов, абажурах из человеческой кожи, раздавленных черепах, опытах по замораживанию, банковских подвалах, наполненных золотыми зубами. Для совести всего мира жизненно важно, чтобы все участники этих чудовищных преступлений ответили за них перед правосудием. Но эти вещественные доказательства, даже будучи такими ужасными, какими они являются, не представляют собой фундамент этого дела. Если сбить с дерева отравленные плоды, то этим будет достигнуто немногое. Гораздо труднее выкорчевывать это дерево со всеми его корнями, однако только это, в конечном счете, приведет к добру.

Деревом, которое принесло эти плоды, является немецкий милитаризм. Милитаризм был сердцевиной нацистской партии настолько же, как и сердцевиной вооруженных сил. Милитаризм — это не военная профессия. Милитаризм воплощен в народе, отличающемся «воинственным духом», руководители которого проповедуют и практикуют захват при помощи вооруженной силы и наслаждаются войной, как чем-то само по себе желательным. Милитаризм неизбежно ведет к циничному и злому игнорированию прав других, основ цивилизации. Милитаризм разрушает моральные устои народа, практикующего его, и поскольку он может быть разбит только силой его собственного оружия, он подрывает мораль народов, которые вынуждены вступить с ним в битву.

Центральной пружиной немецкого милитаризма в течение многих лет являлась группа профессиональных военных руководителей, которая стала известна всему миру как «немецкий генеральный штаб». Именно поэтому разоблачение и дискредитация этой группы в результате объявления ее преступной являются значительно более важными, чем судьба отдельных лиц, одетых в военную форму и сидящих сейчас на скамье подсудимых, или других отдельных членов этой группы,— Кейтель, Редер, Рундштедт, Кессельринг и Манштейн сошли со сцены, они никогда больше не поведут в бой легионы вооруженных сил Германии.

Здесь поставлены на карту не жизни этих конкретных людей, но будущее влияние немецкого генерального штаба внутри самой Германии и, следовательно, на судьбу народов всех других стран. Вот почему на конференции в Ялте было заявлено:

«Нашей неизменной задачей является уничтожить немецкий милитаризм и нацизм и обеспечить такое положение, чтобы Германия никогда больше не могла нарушить мир во всем мире. Мы исполнены решимости разоружить и распустить все вооруженные силы Германии, сломить навсегда немецкий генеральный штаб, которому неоднократно удавалось восстанавливать немецкий милитаризм».

У германского генерального штаба было много времени с весны 1945 г. для размышлений, и он хорошо знает, что поставлено здесь на карту. Немецкие милитаристы знают, что их будущая сила зависит от восстановления веры германского народа в их военную доблесть и от того, насколько им удастся отмежеваться от тех зверств, которые они совершали, находясь на службе у третьей империи.

Почему вооруженные силы Германии потерпели поражение? Гитлер слишком много вмешивался в военные дела,— заявляет Манштейн. А как в отношении зверств? Вооруженные силы не совершали никаких зверств. Преступные приказы Гитлера игнорировались и не выполнялись генералами. Те зверства, которые имели место, совершались другими людьми, такими, как Гиммлер, или другими организациями, подобными СС. Могли ли генералы принять какие-нибудь меры для того, чтобы предотвратить вступление Германии в войну и последующие разрушения? Нет, генералы были связаны клятвой повиновения главе государства. Разве один из генералов СС не сказал, что фельдмаршалы могли предотвратить многие эксцессы и зверства? Реакция на это заявление отличалась чувством превосходства и презрения: «Мне кажется, со стороны эсэсовца является наглостью делать подобные заявления о фельдмаршале»,— заявил Рундштедт. Документы и устные показания показывают, что подобные заявления являются просвечивающими фальшивками. Но здесь, в зародыше, заключены тот миф и те легенды, которые немецкие милитаристы будут стараться внедрить в сознание германского народа... Эти виды лжи должны быть заклеймены и названы своими именами сейчас, пока еще свежи доказательства.

Это также важно для наших собственных государств, как и для Германии. Милитаризм разросся в Германии значительно шире и упорнее, чем в какой-либо другой стране; но милитаризм — это такое растение, для которого не существует государственных границ, он растет везде. Он поднимает голос для того, чтобы заявить, что война между Востоком и Западом, левыми и правыми, белыми и желтыми неизбежна. Он распространяет слухи о том, что вновь изобретенные орудия уничтожения настолько ужас-

ны, что их следует немедленно применить с тем, чтобы какая-нибудь страна не сделала этого первой. Он заставляет весь мир жить в постоянном страхе перед смертью.

Немецкий милитаризм, если он выступит опять, не обязательно сделает это под эгидой нацизма. Немецкие милитаристы свяжут свою судьбу с судьбой любого человека, или любой партии, которые сделают ставку на восстановление немецкой военной мощи. Они рассчитывают все заблаговременно и хладнокровно. Их не остановят фанатичность идеологии или отвратительные методы в своем наступательном стремлении; они используют преступления для того, чтобы достигнуть мощи Германии и распространения ею террора. Мы видели, как они это делали раньше.

Истина рассеяна по многочисленным документам настоящего процесса, и мы должны только сформулировать эту истину просто и понятно. Немецкие милитаристы примкнули к Гитлеру и вместе с ним создали третью империю; вместе с ним они преднамеренно создали такой мир, в котором сила и только сила решала все; вместе с ним они бросили весь мир в пучину войны и принесли ужас и опустошение народам европейского континента. Они нанесли удар всему человечеству; удар настолько дикий и грубый, что совесть всего мира не будет в состоянии оправиться от него в течение многих лет. Это не была война, это было преступление. Они не являлись солдатами, они были варварами. Об этих деяниях нужно сказать все. Мы не можем вновь создать историю, но мы должны позаботиться о том, чтобы исторические факты были изложены правильно.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБВИНЕНИЯ ОТ ФРАНЦИИ ШАМПЕТЬЕ де РИБ

[*Произнесена 30 августа 1946 г.*][1]

Господин председатель, господа судьи! Мы потребовали от вас осуждения и наказания руководителей, которые ответственны за трагедию, обагрившую кровью весь мир. Требуя от вас сегодня объявления преступными организаций, служивших орудием выполнения замыслов этих руководителей, мы обращаемся к вашему правосудию, чтобы вы вынесли моральное осуждение всей системе, подвергшей цивилизацию самой серьезной опасности, которую она знала когда-либо после крушения Римской империи.

Мы придаем не меньшее значение приговору, о вынесении которого мы просим сегодня, чем тому приговору, которого мы потребовали вчера, ибо, если мы считали, что необходимо покарать виновных, мы полагаем также, что не меньшую пользу представляет грозное предупреждение всем тем, кто обладает могуществом в настоящем и будущем, о том, что следует руководствоваться насущными требованиями морали, без которой ни порядок, ни мир не могут царить во вселенной.

Действительно, кому неизвестно, что в наше время, когда безумие людей использовало изумительный прогресс науки и техники для убийств и разрушений и когда, как сказал некий философ, «наша цивилизация снабдила себя орудиями самоубийства», кому неизвестно, что проблемы, встающие перед пришедшим в смятение миром, прежде всего проблемы морали.

...Личность — существо общественное, которое может получить полное развитие лишь в братском сообществе с себе подобными,— человек, чье призвание определяет его достоинство, благодаря которому он не может быть произвольно порабощен или захвачен.

...Великобритания вдохновляла Америку на обнародование декларации 1776 г.: «Совершенно очевидно, что создатель наделил всех людей определенными неотъемлемыми правами». Она же вдохновляла Францию на опубликование декларации 1791 года: «Представители французского народа, входящие в Национальное собрание, принимая во внимание то обстоятельство, что игнорирование, предание забвению или попирание прав человека являются единственной причиной общественных несчастий

[1] Печатается с сокращениями. — Составители.

и коррупции правительств, приняли решение закрепить в торжественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека...

В связи с этим Национальное собрание признает и провозглашает именем всевышнего следующие права человека и гражданина».

Разве не тем же уважением человеческой личности проникнута Конституция Союза Советских Социалистических Республик, в разделе X которой провозглашены «основные права и обязанности граждан СССР... без различия национальности и расы»? Наконец, разве Устав Объединенных Наций, подписанный 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско 51 нацией, не начинается следующей торжественной декларацией: «Мы, народы Объединенных Наций, исполненные решимости предохранить грядущие поколения от бича войны, которая дважды на протяжении периода, равного длительности человеческой жизни, подвергала человечество неописуемым страданиям, заявляем, что мы твердо верим в основные права человека, в человеческое достоинство и в ценность человеческой личности, в равенство прав мужчин и женщин, а также в равенство прав больших и малых народов...».

...Над этим... в разгар XX века Гитлер попытался совершить насилие, противопоставив ей свою варварскую идеологию расизма, свою примитивную концепцию существования общества, которым правят лишь биологические законы.

Ведь он стремился установить не только германское военное господство в Европе, он имел наглость навязывать миру свою «культуру», подрывавшую все моральные и интелектуальные устои, на которых зиждется цивилизованный мир с начала христианской эры.

По его мнению, биологические законы, господствующие в животном мире, применимы в той же мере к человеческому обществу. Это прежде всего — законы естественного отбора и борьбы за существование.

Значит, отныне якобы не может быть и речи о независимости человеческой личности.

...Отныне якобы не может быть и речи ни о сострадании, ни о братской любви.

...Это звериное понимание человеческого существования, эта «культура», эта религия — все это не является плодом размышления какого-нибудь философа, предающегося духовным поискам, а это творение реалиста, проводящего свои идеи в жизнь.

И нам известно, какие преступления были совершены во имя этой новой религии, во сколько смертей обошлась реализация так называемой доктрины жизни: концентрационные лагери, газовые камеры, печи крематориев, различные прививки, стерилизация, вивисекция, жертвами которых являлись заключенные концлагерей и угнанные мирные жители, порабощение народов, рассматриваемых способными ассимилироваться, сверх всего этого — методическое истребление тех народов, которых рассматривали низшими, и, наконец, «геноцид» — все это чудовищный плод гитлеровской идеологии.

...Мы уже указали на главных виновников всех преступлений национал-социализма. Но для того, чтобы осуществить свой дьявольский план мирового господства не только на территориях, но и в умах, главные виновники нуждались в сотрудниках, вдохновляемых той же мистикой, воспитанных в таком же духе; вот почему вожди, «фюреры», замыслили и постоянно проводили в жизнь сложную единую систему управления,

принуждения и контроля, которую составляет вся совокупность организаций государства и национал-социалистской партии.

Был необходим орган управления, откуда, согласно принципу фюрерства, исходили бы приказы и общие директивы. Им и явились имперский кабинет и руководящий состав нацистской партии. Возникла необходимость в средствах контроля, пропаганды, полиции и исполнительной власти. Такими средствами и явились гестапо, СА, СД и СС.

Было необходимо, наконец, чтобы армия находилась на службе политики партии, и это явилось делом генерального штаба и верховного командования, очищенных от всех недостаточно нацифицированных элементов.

Возможно, что члены этих организаций, этих групп или этих учреждений были в большей или меньшей степени фанатиками режима. Трибунал помнит об искусственном различии, которое сделал Риббентроп во время допроса между «типичными нацистами» и теми, кто являлся нацистом лишь наполовину. Но, во всяком случае, все соглашались с доктриной и принимали материальные выгоды, которые предоставлял им режим. Можно ли признать кого-либо из них достаточным меньшего презрения или менее виновным только потому, что он задумывался над тем, что следовало бы провести какие-то ограничения? То, что все эти организации, группировки или учреждения всеми средствами способствовали укреплению всеобщего господства, уже было полностью доказано в ходе судебного разбирательства.

Разве защитники организаций постоянно не принимали участия в допросах отдельных подсудимых и разве все подсудимые сами не были членами одной, а часто и нескольких организаций? Было совершенно бесспорно установлено тесное сотрудничество организаций с людьми, находящимися на скамье подсудимых.

Я не могу также устоять перед тем, чтобы после столь подробного судебного разбирательства и обвинительных речей моих уважаемых коллег, представляющих американское и британское обвинение, не напомнить лишний раз о несметных чудовищных деяниях, в которых эти организации и группы, перечисленные в Обвинительном заключении, принимали участие путем отдачи приказов, совершая эти преступления или их допуская.

Я бы хотел остановиться лишь вкратце на тех двух аргументах, которые выдвигает защита, в частности, защитники гестапо, СД и верховного командования, и которым они, повидимому, придают наибольшее значение. Возможно, говорят они прежде всего, что злоупотребления были допущены в разгаре борьбы, стали безжалостными во время войны, перешедшей в тотальную, но здесь речь идет лишь о преступлениях, совершенных отдельными людьми, которые могут быть привлечены к ответственности, как совершавшие эти преступления, но нельзя возлагать ответственность на объединение людей, которые осуждали эти преступления.

Далее защитники заявляют, что различные организации империи были отделены друг от друга непроницаемыми перегородками.

Исходя из этого, деятельность каждой организации должна рассматриваться самостоятельно, и такое расследование не позволит установить наличия преступного намерения или преступной деятельности ни в одной организации — первый аргумент защиты.

Чтобы определить, являются ли организации преступными,— заявляет защита,— следует рассмотреть важнейшие принципы, на которых они построены. В их структуре нет ничего преступного. Исходя из этого, и преступления, если они, возможно, и были совершены, могут быть вменены в вину только отдельным лицам и не дают права делать из этого вывод, что организация носит преступный характер.

Так, гестапо, в соответствии с его официальным определением, являлось государственной полицией, в обязанности которой, как в обязанность государственной полиции всякой цивилизованной страны, вменялось сотрудничество в совершении правосудия и в охране общества от отдельных лиц, которые наносят ущерб его безопасности. Возможно, что иногда она получала сверху приказы и исполняла их, хотя это и не являлось ее прямой обязанностью по обеспечению безопасности, как, например, сюда относятся массовые аресты евреев, уничтожение советских военнопленных, убийства заключенных, которые совершили побег и затем были схвачены.

Но эта случайная деятельность не входила в ее компетенцию в том виде, в каком она была определена. Эта деятельность не может изменить основное значение организации, которая не представляет собой ничего преступного.

Также и СД по своей структуре является простой разведывательной службой и организацией, исследующей общественное мнение, учреждением, в сущности, безвредным.

Возможно, что порой члены организации СД и участвовали в карательных действиях гестапо. Справедливо то, что члены СД занимали многочисленные командные посты и что они посвятили себя деятельности, достойной порицания, но тогда они действовали не как чиновники организаций СД и не могли компрометировать организацию, которая отнюдь не носит преступного характера, в соответствии с той деятельностью, которая была для нее определена.

Также и верховному командованию была поручена в соответствии с существующим положением оборона, и только оборона империи. Оно не занималось политикой и не имело никакого отношения к полиции. Может быть, оно иногда превышало свои полномочия. Правда, справедливо то, что им был подписан приказ о высылке в неизвестном направлении тех, кто оказывал сопротивление, о передаче для уничтожения в руки полиции солдат, «командос» и совершивших побег заключенных, что противоречит воинской чести, но тогда оно действовало лишь как связующее звено, передавшее приказы Гитлера или Гиммлера. Эта деятельность, носившая случайный характер, деятельность, которая не входила в его компетенцию, не могла ничего изменить в сущности верховного командования, в которой не было ничего преступного.

Так пытается защита все время подчеркнуть разницу между характером организации в том виде, в каком он определен и который, как доказывает защита, не является преступным, и практической деятельностью группировки, которую, как она признает, можно подвергнуть критике; это различие может быть и становится понятным при демократическом режиме, если ранее установленные учреждения ограничивают произвол правительства, если независимость человека и свобода гражданина охраняются от злоупотребления властью, но это неприемлемо, когда речь идет о гитлеровском режиме.

Думал ли Бест, теоретик полиции, о необходимости уважать какие-либо принципы, когда он писал, что средства, используемые полицией, диктуются действиями противника? Разве не имеет принципиального значения декрет от 28 февраля 1938 г., допускающий, чтобы всемогущее государство игнорировало любые юридические ограничения? Разве расходится у Гитлера теория с практикой, когда на совещании от 23 мая 1939 г. в имперской канцелярии, на которое были созваны члены верховного командования, он заявил: «Нужно полностью исключить принцип, в соответствии с которым разрешение проблем заключается в приспособлении их к обстоятельствам. Речь идет скорее о приспособлении обстоятельств к потребностям... Речь идет не о справедливости и несправедливости, а о существовании или гибели 80 миллионов людей».

Действительно, при гитлеровском режиме не существует заранее установленного института, нет законности, нет ограничения произвола. Единственный существующий принцип — «принцип фюрерства», единственный закон — это то, что заблагорассудится начальнику, чей приказ должен быть приведен в исполнение без какого бы то ни было обсуждения всеми от мала до велика. Мысль о том, что пресловутый институт якобы господствовал при учреждении организаций, придавая им определенный характер, является не чем иным, как умозаключением, сделанным априори изобретательной защитой. Единственной деятельностью, которую следует учитывать, является конкретная деятельность организации, и нами было показано, что эта деятельность преступна.

С другой стороны, защита изыскивает причину, чтобы оправдать организации, опираясь на тот факт, что члены гестапо, СС или СД, совершавшие преступные акты, действовали не от имени организации, а как бы временно выделялись из них на этот период.

Не является ли это, напротив, доказательством того, что в общей организации национал-социалистской системы эти группировки играли роль резервуаров подготовительных курсов, откуда фюреры черпали для установления своего господства исполнителей, прекрасно подготовленных для выполнения преступных задач, которые им были доверены.

А тот факт, что Гитлер часто жаловал своих сообщников званием почетных членов одной из своих организаций, не является ли это также доказательством того, какое значение он придавал принадлежности к какой-либо из этих группировок, как выражение преданности режиму?

Таким образом, можно притти к заключению, что вне зависимости от того, с какой точки зрения рассматривать первый аргумент защиты, он не может быть принят.

Защита заявляет в качестве второго аргумента, что организации были независимы и деятельность каждой из них была не известна другим организациям. Одни находились в зависимости от государства, другие — от партии, а государство и партия осуществляют свою деятельность в различных областях. Даже в самих организациях существовали непроницаемые перегородки между различными отделами, из которых состояли эти организации, эти отделы действовали совершенно самостоятельно. Рискуя принести в жертву те отделы, которые более всех остальных себя скомпрометировали, защитники пытаются изо всех сил снять ответственность с возможно большего числа групп, которые якобы действовали обособленно.

Но в связи с тем, что нам известно об общей организации учреждений империи, этот аргумент противоречит фактам.

(Определяя личную ответственность подсудимых, господин Дюбос[1] показал, что не может даже быть подвергнут сомнению вопрос о том, что различные фашистские учреждения и организации взаимно были связаны друг с другом.)

...Гитлер был одновременно главой государства, армии и партии. Гиммлер, глава эсэсовцев, которые зависели от партии, был одновременно главой полиции, подчинявшейся государству.

Гаулейтеры, партийные чиновники являлись в большинстве случаев представителями государства, будучи правителями империи или высшими руководителями Пруссии.

Начальник партийной канцелярии принимал участие в разработке важных законов и в назначении на посты высших чиновников государства.

Закон от 7 апреля 1933 г. позволил произвести чистку среди государственных чиновников, которые были заподозрены в недостаточной преданности партии. Нам известно, сколь зверской была такая же чистка, проводившаяся в верховном командовании.

Итак, фактически и на бумаге существовала неразрывная связь между государством, партией и армией, и их общая деятельность не позволяет определить, какая доля ответственности ложится на каждый институт.

Нужно ли еще приводить подобные примеры? Их было приведено множество, и мы не хотим злоупотреблять вниманием Трибунала.

Вполне достаточно будет напомнить о тесной совместной работе гестапо, СД, СС и армии, касающейся распоряжений общего порядка, а также проведения операций против участников движения сопротивления, карательных действий, направленных против гражданского населения, и истребления евреев.

Блестящей иллюстрацией этому может служить неоднократно цитируемая здесь инструкция Гитлера от 30 июля 1944 г.:

«Все акты насилия, совершенные лицами гражданского населения негерманской национальности на оккупированной территории, направленные против вооруженных сил, СС, полиции и других учреждений, в которых эти германские чиновники служат, надлежит рассматривать как акты террора или саботажа и пресекать следующим образом:

а) войска и каждый представитель вооруженных сил, СС и полиции должны немедленно уничтожать террористов и саботажников, захваченных на месте преступления;

б) каждый схваченный позже должен быть доставлен в ближайшее местное управление полиции безопасности и СС».

Разве, трижды упоминая одновременно в одном и том же контексте вооруженные силы, СС и полицию, Гитлер не подчеркивает тем самым тесное сотрудничество этих организаций?

Следует ли упоминать лишний раз многочисленные инструкции Кейтеля, приказ фельдмаршала Кессельринга от 14 января 1944 г. и дневник генерала фон Бродовского, которые предоставляют армию в распоряжение полиции или полицию в распоряжение армии для зверской расправы — карательных действий в ответ на акты сопротивления?

Следует ли напоминать приказы Кейтеля, предписывавшие генералам, командовавшим во Франции, Голландии и Бельгии, чтобы армия

---

[1] Дюбос — заместитель Главного обвинителя от Франции.

оказывала поддержку в разграблении художественных ценностей, которое было организовано и производилось под руководством Розенберга?

Разве свидетель Гофман, вызванный защитой по делу гестапо, не показал на заседании Трибунала 1 августа, что приказ «Ночь и туман» был создан в результате совместной работы главного командования и министерства юстиции?

Поэтому защита тщетно пытается преуменьшить ответственность, распределив ее между государственными и партийными органами, рассматривая их как якобы независимые организации.

Защита не достигла успеха и тогда, когда она пыталась установить внутри организации непроницаемые перегородки, разделяющие различные отделы, которые, будучи взяты вместе, составляют организацию.

Кого может защита заставить поверить в то, что, например, административным управлениям СД и гестапо были не известны масштабы угона мирного населения, в то время когда им приходилось разрешать сложные вопросы, связанные с транспортировкой угоняемых; технические службы не могли не знать об истреблении с помощью химических средств, так как в их обязанность входил ремонт газовых автомобилей.

В действительности все учреждения гестапо, СД, СС и верховного командования, действуя в полной согласованности, совершили преступления, и это справедливо также и в отношении имперского кабинета, и в отношении политического руководства национал-социалистской партии, что было показано моими глубоко уважаемыми коллегами. Разве тот, кто организовал эти преступления, ответствен в меньшей степени, чем исполнители, разве в меньшей степени виновен мозг, задумавший преступление, чем рука, его совершившая?

Следовательно, мы полагаем, что мы вскрыли одинаковую виновность всех организаций, признания которых преступными мы требуем.

Значит ли это, что мы стремимся услышать от соответствующих трибуналов самые суровые приговоры в отношении всех членов этих организаций?

Конечно, нет. Требуя от вас совершения правосудия — морального осуждения организаций, без которых национал-социализму не удалось бы совершить преступления, мы не просим от вас наказания людей без предварительного их заслушивания перед судом,— напротив, они смогут представить суду аргументы в свою защиту.

Если к тому же Устав Трибунала и предписывает: «во всех случаях, когда Трибунал признает преступный характер группы или организации... этот преступный характер будет считаться установленным и не может в дальнейшем оспариваться», то нигде в Уставе не сказано, что перед соответствующими судами должны предстать все члены этих групп или организаций, и мы считаем, что суду должны быть преданы лишь те из их числа, которые, зная о преступной деятельности группы или организации, добровольно в нее вступили, а, следовательно, принимали личное участие в преступлениях, совершенных этими группами или организациями.

Кроме того, мы считаем, что в интересах высшего правосудия и в надежде на установление мира во всем мире наказание должно соответствовать тяжести вскрытых преступлений, и если самое суровое наказание со всей справедливостью будет вынесено за преступления, в совершении которых какой-либо член организации будет признан лично виновным,

то только лишь принадлежность, даже на добровольных началах, к какой-либо из указанных групп должна караться лишением свободы, либо полным или частичным лишением гражданских и политических прав.

И если Трибунал с этим согласен, то ни один пункт Устава не воспрепятствует ему провозгласить приговор в надлежащей форме.

Итак, ваш приговор не будет финалом суда «победителя над побежденными», как этого опасался доктор Штейнбауэр в своей защитительной речи по делу Зейсс-Инкварта. Этот приговор будет торжественным и ясным выражением вечной справедливости...

Объявление преступными организаций позволит соответствующим компетентным властям покарать виновных, и только виновных, и торжественно напомнить миру, что законы морали существовали еще до утверждения произвола отдельными людьми или правительствами, что эти законы применимы как в отношении государственных деятелей, так и в отношении частных лиц, как в отношении народов, так и в отношении индивидуумов, и что нарушение этих законов является преступлением,— ваш приговор окажет мощную поддержку великому делу утверждения всеобщего мира, делу, которому посвятили себя как в организации Объединенных Наций, так и на Мирной конференции, как в Нью-Йорке, так и в Париже, представители свободолюбивых народов, «уповающие на простых и честных людей».

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Р. А. РУДЕНКО

[*Произнесена 30 августа 1946 г.*]

Господин председатель, господа судьи! Мы подошли к заключительной стадии процесса, проведенного с исключительной тщательностью и большим искусством. По индивидуальным делам главных военных преступников, посаженных на скамью подсудимых, обвинением уже представлены исчерпывающие доказательства. Мы полностью поддерживаем также обвинение против организаций — правительства фашистской Германии, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил, руководящего состава германской национал-социалистской партии, государственной тайной полиции (гестапо), охранных отрядов германской национал-социалистской партии (СС), службы безопасности (СД) и штурмовых отрядов (СА).

Как установлено судебным следствием, во главе гитлеровской Германии находилась банда заговорщиков, захватившая в свои руки государственную власть и управление всей Германией.

Такого рода группа заговорщиков, действовавшая в государстве с многомиллионным населением, в центре огромного государственного аппарата, не могла существовать без целой системы вспомогательных преступных организаций, связывавших заговорщиков с периферией, — фюреров большой дороги — с фюрерами улиц и переулков. Поэтому в гитлеровской Германии действовала под постоянным и непосредственным руководством заговорщиков сеть наделенных большой властью организаций — руководящий состав немецко-фашистской партии, гестапо, СС, СД и другие.

Закон 1933 года, которым аппарат фашистской партии был слит с государственным аппаратом гитлеровской Германии, явился открытым законодательным признанием этого факта.

Для укрепления связи между правящей бандой и организациями каждый из заговорщиков выступал в нескольких ролях, был многоликим: Геринг — министр, командующий военно-воздушными силами, уполномоченный по четырехлетнему плану, рейхслейтер — высший руководитель СА и СС; Гесс — министр, заместитель Гитлера по партии, генерал войск СС и СА; Розенберг — имперский руководитель национал-социалистской партии по вопросам идеологии и внешней политики, министр и обергруппенфюрер СА и СС и т. д. Как неотделим Геринг-министр от Геринга-обергруппенфюрера СС, так неотделимы СС, гестапо и другие преступные организации от гитлеровского режима. Можно мыслить гитлеров-

ский режим без библиотек, без школ, даже без больниц, но гитлеровский режим без СС и гестапо существовать не мог.

Отражая эту политическую действительность, Устав Международного Военного Трибунала предусматривает две формы соучастия в преступных гитлеровских сообществах: ст. 6 Устава говорит об участии в преступном *заговоре*, а ст. ст. 9—10 — об участии в преступных *организациях*. Обе эти формы органически и неразрывно между собой связаны, ибо они в уголовно-правовых терминах отражают то соотношение и ту связь, которые в жизни существовали между заговором и организациями в гитлеровской Германии.

Тесно связав указанные две формы соучастия гитлеровцев в международных преступлениях — участие в заговоре и участие в организации,— Устав Международного Военного Трибунала с полным основанием установил для той и другой формы соучастия различные уголовно-правовые последствия.

Участие в заговоре, который по самой природе своей не может включать очень значительное количество лиц, предусмотрено Уставом в качестве самостоятельного уголовно-наказуемого деяния.

Напротив, вопрос об ответственности за участие в преступных организациях, включавших в свой состав сотни тысяч членов, Уставом Трибунала решается в ином направлении. Всецело построенный на принципах права и справедливости, Устав Трибунала определение индивидуальной ответственности членов организации, связанное с выяснением виновности множества отдельных лиц, предоставляет компетенции национальных трибуналов.

Согласно ст. 10 Устава, «если Трибунал признает ту или иную организацию преступной, то национальные суды вправе привлекать отдельных лиц за принадлежность к преступной организации». Трибунал, следовательно, вправе признать организацию преступной для того, чтобы тем самым облегчить возможность и обеспечить право национальных судов привлекать отдельных лиц за принадлежность к таким, признанным преступными, организациям.

В соответствии с указаниями ст. 10 Устава трибуналы в СССР, США, Англии, Франции и 13 государствах, примкнувших к Лондонскому Соглашению, могут, конечно, осудить, но они вправе также притти к выводу, что подсудимый вовсе не являлся членом организации или лишь формально к ней принадлежал, а на деле был от организации далек, и на этом основании вынести оправдательный приговор. Все эти и им родственные вопросы всецело были и остались в компетенции национальных судов. Эти суды ограничены лишь в одном, принципиально глубоко важном отношении: если Международный Трибунал признает организацию преступной, национальные трибуналы ни отрицать, ни даже оспаривать преступный характер такой организации не могут.

Указанное разграничение компетенций Международного Трибунала и национальных судов чрезвычайно существенно для понимания постановлений Устава Трибунала о преступных организациях.

Действительно, именно потому, что Трибуналу предстоит решить лишь общий вопрос о преступном характере организаций, а не отдельные вопросы об индивидуальной ответственности членов этих организаций, Устав и не указывает конкретных признаков понятия «организация» и не связывает в этом случае Трибунал никакими формальными требованиями. Отсутствие в Уставе детального определения преступной организаци

есть, следовательно, не пробел в Уставе, а его принципиальная позиция, вытекающая из отмеченного выше факта — оставления всей конкретики в ведении органов национальной юстиции. Поэтому попытки требовать для признания организации преступной наличия тех или иных конкретных признаков (добровольного членства, взаимной осведомленности и т. п.) не только не находят опоры в Уставе, но расходятся со всей его конструкцией. Основная единственная задача, стоящая перед Трибуналом, заключается не в подобных исследованиях, которыми занимаются и будут заниматься национальные суды, а в том, чтобы установить один решающий факт: соучаствовала ли организация своими преступными действиями в осуществлении плана гитлеровских заговорщиков.

Применительно именно к этой задаче Уставом построен и процессуальный порядок привлечения к ответственности организаций.

Действительно, Устав Трибунала предусматривает решение вопроса о преступных организациях при непременном условии рассмотрения дела о конкретном представителе этой организации, сидящем на скамье подсудимых. Подсудимые на настоящем процессе являлись одновременно участниками заговора и руководящими членами организаций, в отношении которых Трибунал должен решить вопрос о признании их преступными. Следовательно, тот доказательственный материал, который уже прошел по индивидуальным делам подсудимых, является в то же время основным доказательственным материалом в отношении представляемых ими организаций. Те документы, которые были представлены обвинением, с полной ясностью доказали, как названные в обвинительном акте организации служили постоянным и непосредственным орудием осуществления преступных замыслов заговорщиков. Таким образом, в результате судебного следствия преступный характер этих организаций полностью и исчерпывающе доказан.

Устав Трибунала в стремлении обеспечить максимальную всесторонность расследования дел об организациях при помощи радио, прессы и специальных объявлений приглашал членов обвиняемых организаций представить Трибуналу свои объяснения. Трибуналу известно, какое количество лиц, содежащихся в концлагерях, пожелало использовать эту возможность. Образование вспомогательной комиссии обеспечило Трибуналу возможность выслушать возможно большее количество членов организаций, которых впоследствии должны будут выслушать и судить национальные суды. Но вот, в результате сложных подготовительных работ, отобранная защитой группа свидетелей предстала перед Трибуналом. Бессильная опровергнуть неотразимую доказательную силу представленных обвинением документальных доказательств, защита решила противопоставить им своих свидетелей.

Господа судьи! Мы помним этих свидетелей и их показания. Если нужны еще свидетельства того, что ложь у гитлеровцев постоянная и неизменная спутница злодеяний, то лжесвидетельство Кауфмана, Зиверса, Манштейна, Рейнеке, Беста и других может служить тому убедительной иллюстрацией. Эти «свидетели» в своем усердии обелить преступные организации, руководящими членами которых они сами являлись, договорились до очевидного абсурда. Оказывается, и СС и гестапо — это общество избранных, клуб благородных, рыцарский орден. Недаром еще раньше защитник зачислил Розенберга в рыцари. Там все блещут моральной чистотой и все исполнены любви к ближнему. Если послушать обвиняемых

или их адвокатов, окажется, что обергруппенфюрер профессиональных палачей СС ездил спасать евреев от погромщиков и убийц, а генерал Браухич был ярым пацифистом.

Поучительно при этом, что, по показаниям свидетелей, чисты и непорочны все без исключения организации, которые Обвинительный акт признает преступными. Однако кто же тогда совершил убийство 12 миллионов мирных граждан? Кто истязал военнопленных и вывез с оккупированных территорий миллионы людей для рабского труда в Германию? Ответчиков, оказывается, нет!

Ложь, циничная и кощунственная, ложь людей, совесть которых не остановилась перед убийствами, а честь — перед лжеприсягой, не заслуживает опровержения.

В порядке рассмотрения дела о преступных организациях обвинением были дополнительно представлены разительные документы, свидетельствующие о новых злодеяниях гитлеровских преступных организаций.

Факты, непреложные факты установлены. Непреклонная воля закона ясна. Настало время для выводов.

На съезде гитлеровской партии в 1934 году Гитлер заявил:

«Не государство нас создало, а мы создаем государство. Возможно, что некоторые нас считают партией, другие — организацией, прочие еще чем-то иным, а в действительности мы являемся теми, кто мы есть».

Настоящий процесс дает исчерпывающий и точный ответ на вопрос— кем были гитлеровцы, фюрер, во главе преступной банды заговорщиков, выступавших в разных ролях и наименованиях (министры, гаулейтеры, обергруппенфюреры и т. д.), окруженной сетью созданных ими преступных организаций, захвативших в свои тиски миллионы германских граждан,— такова была схематически изображенная политическая структура гитлеровской Германии.

Признание названных в Обвинительном акте организаций преступными, как и признание наличия заговора, является поэтому необходимым условием торжества правосудия, торжества, которого жаждут все свободолюбивые народы.

По поводу отдельных организаций, которые обвинение считают необходимым признать преступными, я в дополнение к убедительным доводам, высказанным моими уважаемыми коллегами, нахожу нужным сказать следующее:

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ПАРТИИ

В разделе 1 § 4-а «А» Обвинительного акта, озаглавленном «Нацистская партия, как центр общего плана или заговора», указывается:

«В 1921 г. Адольф Гитлер стал главным руководителем или «фюрером» германской национал-социалистской партии, известной как нацистская партия, организованной в 1920 г. Нацистская партия вместе со своими вспомогательными организациями стала средством сплочения между обвиняемыми и их соучастниками и инструментом для выполнения целей и задач их заговора».

Судебное разбирательство полностью подтвердило этот вывод.

Многочисленные преступления гитлеровской клики вдохновлялись и направлялись гитлеровской партией — движущей силой фашистского заговора против мира и безопасности народов демократических стран.

Многие подсудимые и так называемые свидетели защиты говорили, что они являлись националистами, сберегавшими Германию от покушения со стороны других государств. Это — очевидная ложь. Только обманщики могут утверждать, что Австрия, Чехословакия, Польша, Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Югославия, Советский Союз и другие свободолюбивые страны покушались на целость и независимость Германии. На самом деле немецкие фашисты являются империалистами, для которых основной и решающей целью является захват чужих земель с тем, чтобы обеспечить экспансию воинствующего немецкого капитализма. Они бесстыдно называли себя социалистами. Только обнаглевшие демагоги могут утверждать, что немецкие фашисты, ликвидировавшие все демократические свободы народа и заменившие их концлагерями, установившие рабский труд на заводах и фабриках и восстановившие крепостнические порядки в селах Германии и оккупированных ими странах,— являются защитниками интересов рабочих и крестьян.

И если эти империалисты и реакционеры рядились в тогу «националистов» и «социалистов», то это они делали исключительно для того, чтобы обмануть народ.

Сама программа гитлеровской партии содержала основы плана господства, захвата чужих территорий и основы человеконенавистничества.

В одном из ежегодников немецко-фашистской партии, издававшихся под редакцией Лея, говорилось:

«Программа — это политическая основа немецко-фашистской партии и, следовательно, основной политический закон государства. Все правовые принципы должны применяться в духе партийной программы. После взятия власти фюреру удалось претворить в жизнь основные части партийной программы от основных принципов до деталей».

Гитлеровская партия неотделима от гитлеровского правительства, от СС, гестапо и других преступных организаций гитлеровского режима, как неотделимы сидящие на скамье подсудимых гитлеровские вожаки от палачей Освенцима и Майданека, Бабьего Яра и Треблинки.

«То, чего я достиг,— говорил Гитлер,— знает партия, благодаря которой я стал великим и которую в свою очередь я возвеличил».

Напоминаю, что несколько позднее, 1 декабря 1933 г., был издан закон «Об обеспечении единства партии и государства», в котором указывалось: «После победы национал-социалистской революции, немецко-фашистская партия является носительницей немецкой государственности и неразрывно связана с государством.

Для обеспечения теснейшего сотрудничества партийных организаций с государственными учреждениями заместитель фюрера назначается членом имперского правительства».

§ 3-й этого закона провозгласил членов фашистской партии и штурмовых отрядов (включая подчиненные им организации) «руководителями и движущей силой национал-социалистского государства».

Закон от 1 декабря 1933 г. был основной мерой, которая обеспечила руководящему составу преступной гитлеровской партии полную политическую власть в Германии, так как этот закон устанавливал, что гитлеровская партия является «олицетворением государства».

Чтобы склонить на сторону фашистского режима массы населения, гитлеровцы, наряду со спекуляцией на национальных чувствах и неслыханной социальной демагогией, пустили в ход самый беззастенчивый социаль-

ный подкуп. Были созданы крупные организации: союз гитлеровской молодежи, «рабочий фронт», штурмовики, эсэсовцы и т. д. Многочисленных членов этих организаций они связали с фашистским режимом не только всевозможными привилегиями и материальными выгодами, но круговой порукой совместно совершенных преступлений. А против элементов, недовольных режимом, действовала тираническая машина террора с ее разветвленной сетью сыска, провокации, предательства, концлагерей, скорострельной юстиции.

Система сочетания руководящих должностей в гитлеровской партии с руководящими должностями в террористических организациях — СС, СД, гестапо — и правительстве способствовала осуществлению планов фашистских заговорщиков, облегчала осуществление планов подчинения и контроля над германским народом и государством.

Рейхсфюрер СС Гиммлер — одновременно являлся рейхслейтером немецко-фашистской партии.

Рейхслейтер Розенберг — был генералом СС и СА.

Министр иностранных дел Риббентроп — был генералом СС, а заместитель фюрера Гесс — был одновременно имперским министром.

Председатель тайного совета Нейрат был генералом СС, а один из руководителей гестапо —Бест был крейслейтером гитлеровской партии и т. д.

Добившись при помощи своей партии полного контроля над Германией, гитлеровские заговорщики приступили к реализации своих агрессивных планов. В речи в рейхстаге 20 февраля 1938 г. Гитлер заявил:

«Величайшая гарантия национал-социалистской революции заключается в полном внешнем и внутреннем господстве национал-социалистской партии над Германией и всеми институтами и организациями Германии... Все институты находятся под контролем верховного политического руководства».

Я уже указывал в заключительной[1] речи, что немецко-фашистская партия под руководством Бормана превратилась в руководящую полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимодействии с германской тайной полицией и СС, что весь партийный аппарат немецко-фашистской партии был привлечен к реализации преступных агрессивных планов руководителей гитлеровской Германии, что партийный аппарат немецко-фашистской партии принимал активное участие в мероприятиях немецких военных и гражданских властей по бесчеловечному использованию военнопленных и угнанного в рабство населения оккупированных немцами территорий.

Когда на процессе говорилось о геббельсовской лжи, гиммлеровском терроре и риббентроповском коварстве, это целиком относилось к гитлеровской партии. Когда обвинение представляло доказательства преступной деятельности Геринга и Гесса, Розенберга и Штрейхера, Шираха и Франка, Шпеера и Заукеля, это были одновременно доказательства обвинения против немецко-фашистской партии, главарями которой были подсудимые. Эти доказательства вполне достаточны, чтобы признать всю гитлеровскую партию преступной организацией, как это понимает ст. 9 Устава Международного Военного Трибунала. Однако обвинение не ставит вопрос об ответственности рядовых членов партии, многие из которых стали жертвой своей доверчивости.

---

[1] См. стр. 207.

Мы ставим вопрос в полном соответствии с обвинительным заключением о признании преступной организацией только в отношении руководящего состава гитлеровской партии, который являлся мозгом, хребтом и движущей силой этой партии, без которых гитлеровские заговорщики не смогли бы реализовать свои преступные планы.

Руководящий состав был особой избранной группой внутри самой гитлеровской партии и, как таковой, наделен специальными прерогативами. Политические руководители были организованы в соответствии с принципами фюрерства, которые применялись не только к Гитлеру, но и ко всему руководящему составу.

«Основа партийной организации — это принцип фюрерства», указывалось в организационном уставе немецко-фашистской партии.

Каждый политический руководитель принимал присягу. В соответствии с партийным уставом текст присяги был следующий: «Я клянусь в нерушимой верности Адольфу Гитлеру. Я клянусь беспрекословно повиноваться ему и назначенным им руководителям».

Все политические руководители назначались в порядке специального подбора. Разница была только в том, что одни — рейхслейтеры, гаулейтеры и крейслейтеры — назначались лично Гитлером, другие — руководители управлений и отделов — гау- и крейс-, а также ортсгруппенлейтеры — гаулейтером, а такие политические руководители, как целенлейтеры, назначались крейслейтером.

Перед вами, господа судьи, прошли многие из этих рейхслейтеров и гаулейтеров.

На скамье подсудимых сидят рейхслейтеры Розенберг, Ширах, Фрик. Вместе с отсутствующими рейхслейтерами Борманом, Гиммлером, Леем, Геббельсом они составляли руководящую верхушку гитлеровской партии и правительства, и они же были руководителями фашистского заговора.

Вот сидит гаулейтер Франконии — Штрейхер. Работорговец Заукель — гаулейтер Тюрингии. Вы слышали о палаческой деятельности на Украине Эриха Коха. Эрих Кох был тоже гаулейтером. Гаулейтер Нижней Штирии Юберрейтер руководил массовыми расстрелами и казнями в Югославии. Я напомню несколько кратких записей о его деятельности.

«20 июня 1942 г. В районе Цилли за отчетный период было произведено 105 расстрелов и 362 ареста... Начальник полиции безопасности в течение ближайших двух недель очистит тюрьму. Часть заключенных будет переведена в другие тюрьмы, часть будет расстреляна. Таким образом, мы подготовим помещение для ближайшей кампании широких масштабов».

«30 июня 1942 г. В Цилли расстреляно 67 человек. Среди них шесть женщин» и т. д.

Гаулейтер Вагнер свирепствовал в Эльзасе, гаулейтер Тербовен — в Норвегии. Руководитель заграничной организации немецко-фашистской партии гаулейтер Боле насаждал и руководил широко разветвленной шпионско-диверсионно-террористической сетью за границей, создавал так называемые «пятые колонны» в различных странах.

Декретом от 1 сентября 1939 г. шестнадцать гаулейтеров были назначены в качестве имперских уполномоченных по обороне. Позднее, в связи с необходимостью дальнейшей мобилизации военных резервов, гаулейтеры выполняют все более и более важные функции. Каждая гау (область) становится областью обороны империи, и каждый гаулейтер становится комиссаром этой области. Декретом совета министров обороны империи

от 16 ноября 1942 г. было установлено, что «в течение войны на гаулейтеров возлагаются особые функции». Во время войны гаулейтерам поручались важные военные задания, все отрасли германской военной экономики координировались ими.

В конце войны гаулейтеры были командующими фольксштурмом в соответствующих районах.

Вспомним, что когда Шпеер был назначен в марте 1945 года уполномоченным Гитлера по тотальному разрушению промышленных объектов, мостов, железных дорог и средств связи,— он свою телеграмму направил гаулейтерам, ибо на местах они руководили разрушением важных объектов.

И после всего этого защита пытается представить гитлеровскую партию в виде какого-то благотворительного общества, а ее вожаков — в роли дам-патронесс, пытается запутать ясный вопрос ворохом письменных показаний, собранных в различных тюрьмах и лагерях, где содержатся арестованные фашисты. Защитник Серватиус понимает, что доказательная ценность этого вороха письменных показаний весьма сомнительна.

И он мобилизует последний аргумент, заявляя: «Защитник не имел возможности посетить лагери в Австрии, с советской зоны не поступают ходатайства». Но разве после этого показания свидетелей защиты стали более убедительны? Разве меняет положение то обстоятельство, что Серватиус не побывал в Австрии? Серватиусу была предоставлена неограниченная возможность посещения лагерей в советской зоне оккупации. Он побывал в некоторых лагерях, он знал, что о праве членов организации подавать заявления в Трибунал, о праве высказываться перед Трибуналом публиковалось неоднократно в газетах, издающихся в советской зоне, и об этом передавалось по радио.

Серватиус все это знал и тем не менее пытался ввести в заблуждение Трибунал. Пытался он это сделать и в других случаях. Когда Серватиус ссылается на распоряжение Гесса от 27 июля 1935 г. в подтверждение того, что корпус политических руководителей не существовал и что якобы само название «политический руководитель» не было официальным,— он умалчивает, что в этом самом распоряжении Гесса указывалось: «Термин «политические руководители», само собой разумеется, остается в употреблении».

Серватиус искусственно увеличивает численность руководящего состава немецко-фашистской партии до двух миллионов ста тысяч человек, чтобы демагогически приписать обвинению стремление наказать миллионы немцев. В то же время он совершенно бездоказательно утверждает, что из работников аппарата гаулейтеров 140 000 было лишь «почетными работниками», с тем, чтобы укрыть от законной ответственности видных фашистских вожаков.

Матерый фашист Кауфман, вызванный защитой к свидетельскому пульту, член немецко-фашистской партии с 1921 года и гаулейтер с 20-летним стажем — оказывается, ничего не знал о преступлениях гитлеровских заговорщиков, он вообще был «социалистом» и только заботился о благосостоянии населения.

Другой свидетель защиты— Ганс Вегшейдер, бывший на протяжении 12 лет ортгруппенлейтером, в своих показаниях пошел еще дальше. Оказывается, что в течение 12 лет у него даже не было времени прочесть «Майн Кампф».

Третий свидетель — Мейер Вендеборн, крейслейтер с 1934 года, в стремлении выгородить своих сообщников превзошел даже Кауфмана. Если последний на поставленный ему вопрос: «Относились ли блоклейтеры и целленлейтеры к политическим руководителям?» — ответил утвердительно, то Мейер Вендеборн на этот же вопрос ответил: «Нет».

Можно было бы и на других примерах показать несостоятельность позиции защиты, но я считаю, что нет нужды полемизировать с защитой, прибегающей к свидетелям, подобным Кауфману, Вендеборну и им подобным.

Среди политических руководителей гитлеровской Германии (этот термин, как видно из документа защиты № 12, был узаконен распоряжением Гесса от 27 июля 1935 г.) в рамках партийной иерархии немецко-фашистской партии имелась отдельная группа так называемых «хохайтстрегеров» — носителей власти, которая занимала особое положение.

Особый характер политических руководителей, являющихся «хохайтстрегерами», указан в «организационной книге (уставе) немецко-фашистской партии» и специальном журнале под названием «Дер хохайтстрегер», являвшимся секретным для всех, кроме определенного круга руководящего состава немецко-фашистской партии, СС и СА.

Содержание журнала «Дер хохайтстрегер» показывает, что руководящий состав гитлеровской партии уделял постоянное внимание мерам и доктринам, которые проводились в жизнь в ходе осуществления фашистского заговора. В 1937—1938 гг. журнал помещал клеветнические антисемитские статьи, в том числе небезызвестного Лея, нападал на церковь, обосновывал необходимость расширения жизненного пространства и захвата колоний, печатал статьи о моторизации армии, об использовании гитлеровских ячеек и блоков для достижения благоприятных для гитлеровцев результатов голосования при проведении плебисцита, пропагандировал культ фюрерства, расовую теорию и т. п.

Об этом писалось из номера в номер. И после этого защита пытается утверждать, что руководящий состав гитлеровской партии не был осведомлен о планах гитлеровских заговорщиков.

Нацисты всячески пытаются сейчас открещиваться от компрометирующей связи с гестапо и СД, но ведь эта связь неоспорима.

Еще 26 июня 1935 г. Борман издал распоряжение, в котором указывалось:

«Для того, чтобы осуществить более тесный контакт между органами партии и ее организациями и руководителями государственной тайной полиции (гестапо), заместитель фюрера просит, чтобы руководители гестапо приглашались на все крупные митинги партии и ее организации».

В другом распоряжении от 14 февраля 1935 г. за подписью того же Бормана указывалось:

«Поскольку успех работы партии в основном зависит от работы СД, недопустимо, чтобы размах ее зависел от нападок, вызванных провалом отдельных лиц. Наоборот, ей нужно от всего сердца помогать».

В распоряжении Трибунала имеются многочисленные доказательства тягчайших преступлений, в которых принимал участие весь руководящий состав гитлеровской партии, начиная от рейхслейтеров и кончая блоклейтерами. Я напомню только о некоторых из них.

Осуществляя планы гитлеровских заговорщиков по порабощению народов Югославии, крейслейтер округа Петтау при помощи ортсгруп-

пенлейтеров и блоклейтеров уничтожал все надписи, таблицы, плакаты и т. д., написанные на словенском языке. Этот фашистский правитель дошел до того, что поручил группенлейтерам «позаботиться о том, чтобы словенские надписи были срочно и без остатка удалены также и со всех икон, часовен и церквей».

В письме от 13 сентября 1944 г., адресованном всем рейхслейтерам, гаулейтерам и крейслейтерам, Борман сообщал о соглашении с ОКВ (Верховное командование вооруженных сил) по поводу «сотрудничества партии при использовании рабочей силы военнопленных. Поэтому офицерам, принимающим участие в делах военнопленных, дано распоряжение сотрудничать в тесном контакте с хохайтстрегерами; комендантам лагерей военнопленных приказано немедленно командировать офицеров связи в распоряжение крейслейтеров».

Каковы были результаты этого сотрудничества и как использовались военнопленные в Германии — известно.

Приказом Геринга от 27 марта 1942 г., в связи с назначением Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, предусматривалось, что Заукель пользуется правом отдавать распоряжения «...также органам партии, ее составных частей и примыкающим к ней организациям».

И Заукель использовал это право. Как писал Заукель в своей «программе, изданной в день рождения фюрера», он «с согласия фюрера и господина рейхсмаршала, а также начальника партийной канцелярии» назначил всех гаулейтеров германской империи своими уполномоченными. Задачи гаулейтеров были сформулированы приказом Заукеля следующим образом:

«Обеспечение бесперебойного взаимодействия всех государственных, партийных, военных и хозяйственных инстанций для достижения максимального эффекта в области использования рабочей силы».

25 сентября 1944 г. Гиммлер издал совершенно секретную директиву «об укреплении дисциплины труда и производительности иностранных рабочих». В этой директиве Гиммлер обязывал: «...партийных руководителей предприятий особо тщательно наблюдать за настроениями иностранных рабочих. Для этой цели необходимо тесное сотрудничество партийных, государственных и хозяйственных инстанций с гестапо».

Далее в этой директиве указывалось, что все работающие на предприятиях члены немецкой фашистской партии по указанию крейслейтера и через ортсгруппенлейтера обязываются «самым решительным образом следить за иностранными рабочими и о своих наблюдениях неукоснительно сообщать партийным руководителям предприятий для дальнейшей передачи этих наблюдений уполномоченным абвера (разведки)». Там, где не было постоянного уполномоченного абвера, сведения передавались ортсгруппенлейтеру.

Директива Гиммлера предусматривала, что «в интересах единого политического руководства уполномоченные контрразведки должны работать в сотрудничестве с руководителями гестапо, которые, по мере надобности, собираются крейслейтерами».

Вот в чем заключалось «политическое руководство» крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров. Эти шпионские функции выполняли и блоклейтеры, об этом прямо говорится в «Организационной книге германской фашистской партии».

«Блоклейтер должен выявлять всех тех, кто распускает вредные слухи, и докладывать ортсгруппенлейтеру, чтобы он соответствующим образом сообщил государственным властям».

Блоклейтер был проводником национал-социалистического мировоззрения среди политически доверенного ему населения и членов фашистской партии, он вербовал членов в Гитлерюгенд, СА, СС и ДАФ (Дейче Арбейтерфронт), он обеспечивал посещение национал-социалистских выступлений, участие в демонстрациях и т. д.

«Блоклейтер ведет непрерывную национал-социалистскую пропаганду».

Каков был характер гитлеровской пропаганды, хорошо всем известно.

«Мы снова хотим оружия...,— писал Гитлер.— Поэтому все, начиная от букваря ребенка и до последней газеты, каждый театр и каждое кино, каждый столб для плакатов и каждая свободная доска для объявлений, должны быть поставлены на службу этой единственной большой миссии».

Не всякий немец знал эти слова Гитлера, но каждый немец знал блоклейтера своего района, и этот блоклейтер непрерывно распространял фашистскую заразу, отравлял сознание людей, способствуя выполнению общих планов гитлеровских заговорщиков.

Блоклейтеры были маленькими фюрерами, но и они пользовались весьма реальной властью над гражданами, проживавшими в их районе.

Конечно, блоклейтеры не разрабатывали планов агрессивных войн, но они сделали очень многое, чтобы эти планы стали реальностью.

Они были также очень важной частью гитлеровской партии, являвшейся центром фашистского заговора.

Вот почему мы настаиваем на признании преступной организацией группы руководителей гитлеровской партии, всех больших и малых фюреров, рейхслейтеров и гаулейтеров, крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров — всего руководящего состава чудовищного механизма фашистской диктатуры.

ОХРАННЫЕ ОТРЯДЫ СС

В ряду других преступных организаций, созданных германским фашизмом, так называемым «охранным отрядам» гитлеровской партии, сокращенно СС, должно быть отведено особое место.

С названием СС связаны наиболее тяжкие преступления германского фашизма, массовые убийства в концлагерях, беспощадные расправы с мирным населением и военнопленными, изуверские массовые «акции».

В основном именно эсэсовцы должны были практически осуществить планы Гитлера и его клики об уничтожении народов.

Гиммлер, являвшийся рейхсфюрером СС, часто называл эсэсовцев «черным корпусом». Точно так же официальная газета эсэсовцев, «орган рейхсфюрера СС», называлась «Дас Шварце Кор» («Черный корпус»).

Это был неслучайный термин. Вся система СС, начиная от так называемых «альгемейне СС» («общих СС») и кончая лагерной охраной и войсками СС, была построена действительно как особый «корпус» уверенных в безнаказанности преступников, специально обученных и воспитанных в духе наиболее жестоких и бесчеловечных гитлеровских «теорий». Главным фашистским заговорщикам нужны были массовые кадры для совершения убийств миллионов людей порабощенных народов, для захвата терри-

торий и практического осуществления так называемой «германизации». Эти задачи и выполняли члены СС.

Организация СС возникла и стала известна как преторианская гвардия Гитлера, как организация погромщиков и убийц. Она осталась такой же на всем протяжении своего существования.

В числе других доказательств Советским обвинением был предъявлен номер газеты «Дас Шварце Кор» от 20 августа 1942 г. с опубликованной в нем редакционной статьей, озаглавленной «Германизировать ли?». Содержащиеся в этой статье программные установки Гиммлера настолько важны для уяснения существа СС, что я позволю себе вновь привести небольшое извлечение из этой статьи:

«...рейхсфюрер СС дал следующий лозунг:

«Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, т. е. привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови».

Эта статья была опубликована для сведения всех эсэсовцев в тот период, когда преступный германский фашизм был еще уверен в победе и уже приступил практически к истреблению миллионов людей.

4 октября 1943 г. на совещании группенфюреров СС в Познани создатель СС Гиммлер, говоря об уничтожении евреев Европы, заявил:

«Между нами мы будем говорить об этом с полной откровенностью, но публично об этом не будем упоминать. Точно так же, как это было 30 июня 1934 года, когда мы выполняли приказ и ставили к стенке и расстреливали провинившихся товарищей и об этом никогда не говорили и не будем говорить... Я подразумеваю теперь «эвакуацию» евреев, истребление еврейского народа. Это относится к делам, о которых легко говорится... «Еврейский народ будет искоренен», говорит каждый член партии, «вполне ясно стоит в нашей программе истребление евреев, искоренение»... мы делаем это... Большинство из вас знает, что такое 100 трупов, 500 лежащих трупов или 1 000 лежащих трупов... В общем мы можем сказать, что мы с любовью к нашему народу выполняли самые тяжелые задачи. И мы не повредили ни своей душе, ни своему характеру».

Я не буду останавливаться на истории СС. В связи со сказанным выше можно лишь упомянуть о том, что возникшие еще в 1925 году охранные отряды 20 июля 1934 г. специальным приказом Гитлера были возведены в ранг самостоятельной организации гитлеровской партии именно после совершенных эсэсовцами 30 июня 1934 г. политических убийств.

В приказе Гитлера сказано:

«В виду доблестной службы СС, особенно в связи с событиями от 30 июня 1934 года, возвожу СС на положение независимой организации внутри нацистской партии».

История развития СС в системе гитлеровского государства свидетельствует о все большем и большем сращивании СС, как так называемых «общих СС», так и «войск СС», с полицейским аппаратом — гестапо, СД, эйнзатцгруппами и зондеркомандами, осуществлявшими массовые «акции», «фильтрации» в лагерях и т. д.

Этот процесс получил завершение в секретном приказе Гитлера 17 августа 1938 г., когда, объясняя причины, по которым 17 июня 1936 г. он объединил должности начальника германской полиции и рейхсфюрера СС,— Гитлер указал:

«Посредством назначения рейхсфюрера СС и начальника германской полиции при министерстве внутренних дел 17 июня 1936 года («Рейхсгезетцблатт», ч. 1, стр. 487) я создал основу для объединения и реорганизации германской полиции.

Посредством этого мероприятия шутценштаффелен (т. е. охранные отряды) национал-социалистов, которое находилось под руководством рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, вступило в тесную связь с германской полицией».

Только в этой теснейшей органической связи с наиболее жестокими, специально предназначенными для истязания и истребления людей, полицейскими органами, созданными германским фашизмом, может быть правильно понята роль СС.

Это обстоятельство безуспешно пыталась опровергнуть защита. Организацию СС она стремилась представить перед судом состоявшей из ряда совершенно независимых, отделенных друг от друга непроницаемыми перегородками клеток,— «альгемейне СС» («общих СС»), «ваффен СС» («войск СС»), «ферфюгунгструппе СС» («особых отрядов СС»), дивизии «Тоде копф» («Мертвая голова»).

Оказывается, что ни одно из этих соединений и отделов СС, кроме малой части «Тоде копф», никакого отношения не имеет к полиции и концлагерям, так же как к проводимым Гитлером—Гиммлером—Гейдрихом — Кальтенбруннером полицейским «акциям» и другим тягчайшим преступлениям гитлеровцев. В итоге, по мнению защиты, единственными соучастниками в преступлениях этих палачей являлись гестаповцы Мюллер и Эйхман и начальник управления «Д» в СС — Поль.

Получается, что именно эти семь человек убили и замучили более десяти миллионов людей.

В ряду уже известных Трибуналу лжесвидетелей такие свидетели защиты СС, как бывший высший фюрер СС и полиции оберабшнитта Мюнхен, обергруппенфюрер СС барон фон Эберштейн, генерал-полковник войск СС Хауссер, начальник отдела укомплектований войск СС Брилл или эсэсовские судьи Рейнике и Мор, по праву должны занять одно из первых, если не первое место по беззастенчивости той лжи, к которой они прибегали для того, чтобы попытаться выгородить СС и эсэсовцев.

Однако даже ложь имеет свои пределы.

Доведенная до предельных степеней, она не только не могла помочь преступникам, но изобличала их с головой.

И мне кажется, что Суд по достоинству должен был оценить показания судьи эсэсовского резерва Мора, описывающего один из наиболее жестоких концлагерей эсэсовцев — Бухенвальд, как почти санаторий для заключенных с хорошим питанием, спортивными площадками, легкой работой на свежем воздухе и большой библиотекой.

Неумной лжи «свидетелей» защитников СС противостоят полностью изобличающие преступную организацию документы. Этой лжи противостоит также неопровержимая логика фактов,— фактов тягчайших преступлений, организаторами и исполнителями которых являлись члены всех звеньев и организаций СС.

Ко времени начала войны организация СС состояла из следующих важнейших звеньев:

1. Так называемых «общих СС» («альгемейне СС»), в которых эсэсовец проходил общую подготовку, прежде чем быть направленным в

«войска СС» или в ту или иную полицейскую организацию. «Общие СС» были резервуаром, из которого черпали пополнение специальные организации германского фашизма — тайная государственная полиция (гестапо), служба безопасности (СД), управление концлагерей («группа Д») и другие.

2. Войск СС — которые являлись в действительности отнюдь не теми далекими от каких-либо полицейских действий «гвардейскими частями» бывшей немецкой армии, какими столь усиленно стремились их представить защита и подсудимые. К войскам СС относились в числе других частей те учреждения, по поводу преступного характера которых не посмели возражать даже защитники СС — «лагерные комендатуры войск СС», осуществлявшие массовое уничтожение мирных людей и военнопленных в концлагерях. Именно «ваффен СС», к которым относились также полицейские полки СС, были в основном теми частями, которые осуществляли уничтожение населенных пунктов и деревень, совершили неисчислимые преступления на территории временно оккупированных районов Советского Союза и стран Восточной Европы.

3. В систему СС были включены хозяйственное управление СС, ведающее концлагерями, управление по укреплению немецкой народности, практически осуществлявшие гнусные теории «расизма», и все полицейские организации гитлеровцев, в том числе такие, как эйнзатцгруппы и зондеркоманды.

Вряд ли стоит полемизировать с утверждениями защиты по поводу того, что якобы связь СС и полиции была «чисто внешней» и объяснялась «личной унией» Гиммлера.

Известно, какое внимание уделял Гиммлер тому, чтобы все чиновники полиции являлись членами тех самых «общих СС», которые являлись резервуаром и цементирующим ядром всей эсэсовско-полицейской системы германского фашизма. В числе других доказательств Суду уже предоставлено письмо Гиммлера Кальтенбруннеру от 24 апреля 1943 г. «о порядке приема в члены СС чиновников СИПО» (полиции безопасности) в том случае, «если подающий заявление в СС подходит в расовом и идеологическом отношениях, если имеется гарантия в отношении числа его детей, здоровья всего рода и сам он не является больным, дегенератом».

Этому позорному «черному корпусу» германского фашизма была отведена исключительная роль в осуществлении преступных планов германского фашизма.

Выродкам в эсэсовской форме, потерявшим всякое представление о человеческой морали, не только гарантировалась безнаказанность за преступления, им повседневно внушалось, что именно они являются тем «полноценным расовым слоем», который составит основу будущей «великой Германской империи».

Так заявлял им Гиммлер, так заявляли рейхслейтеры и гаулейтеры, возведенные Гиммлером в высшие звания СС и в зависимости от оценки «рейхсфюрером СС» их деятельности повышаемые по эсэсовской иерархии.

Министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп не только не стыдился того, что приравнен в эсэсовском звании к убийце Полю или грабителю и палачу Глобочнику, он был весьма горд этим.

«Я всегда буду считать за особую честь принадлежать к этому гордому корпусу фюрера, имеющему решающее значение для будущего нашей великой Германской империи»,— писал Риббентроп в письме Гим-

млеру по случаю производства его из группенфюреров в обергруппенфюреры СС.

Так одна и та же система СС объединяла коменданта Треблинки унтершарфюрера Курта Франца, изобретателя «душегубок» унтерштурмфюрера Беккера, эсэсовского экспериментатора над живыми людьми гауптштурмфюрера доктора Рашера и имперского министра обергруппенфюрера СС Риббентропа.

На совещании группенфюреров СС в Познани Гиммлер, говоря о единстве СС и полиции, заявил:

«Я непрестанно кое-что прибавляю к этому, всегда ищу обруч, который бы дал возможность все это соединить. Горе, если этот обруч будет недостаточно крепким и начнет расходиться. Тогда, будьте уверены, все вернется за короткий срок к ничтожному прошлому... Я думаю, что мы отвечаем за это перед Германией, так как Германия нуждается в этом ордене СС. По крайней мере на следующие столетия».

Заканчивая речь, он говорил:

«...Когда война будет выиграна, тогда, я вам уже говорил об этом, начнется наша работа».

«...Из этого ордена, из этого верхнего расового слоя германского народа должно рождаться самое большое количество потомства. В течение 20—30 лет мы должны давать Европе руководящий слой. Если СС совместно с крестьянами и мы совместно с нашим другом Бакке начнем заниматься заселением Востока, великодушно, без всяких ограничений, не спрашивая ни о чем, с размахом и революционным напором, то в течение 20 лет мы продвинем границу народностей на 500 километров на Восток...

...Мы будем диктовать Востоку наши законы. Мы будем пробиваться вперед и постепенно подойдем к Уралу».

В краткой речи невозможно перечислить тягчайшие преступления, совершенные эсэсовцами.

Да это и не нужно, так как представленные доказательства свежи в памяти Суда.

Я кратко остановлюсь на некоторых вопросах, касающихся ответственности отдельных групп СС в связи с возражениями, сделанными защитой.

«ОБЩИЕ СС»

В какой бы из специальных организаций СС ни состоял член СС, он, прежде всего, является членом «общих СС» и исключение из них влекло для него потерю должности и всех связанных с этим благ.

В связи с этим я остановлюсь на одном из документов, представленных советским обвинением при предъявлении материалов о преступлениях гитлеровцев в отношении советских военнопленных.

В данном случае речь идет о материалах следствия, произведенного эсэсовскими чиновниками по поводу, как сказано в материалах, «инцидента», происшедшего при проведении «особорежимной операции».

Что означал последний термин, Суду хорошо известно. В данном случае некий гауптштурмфюрер СС Кальбах, обследовавший так называемый «воспитательно-трудовой лагерь» советских военнопленных в Бердичеве, решил умертвить 28 советских военнопленных, состояние которых в протоколе допроса начальника лагеря СС — штурмшарфюрера

Кнопа характеризуется следующим образом: «они были исключительно тяжело ранены. У одних отсутствовали обе ноги, у других обе руки, у третьих отсутствовала одна какая-либо конечность. Только некоторые из них не имели ранения конечностей, но они были так изуродованы другими видами ранений, что не могли выполнять никакой работы». То обстоятельство, что советские военнопленные, будучи предварительно изувечены фашистскими варварами, не могли быть использованы для работы, явилось единственным основанием для их умерщвления.

Исполнение приговора было поручено трем эсэсовцам СС — унтершарфюреру Палано, СС — роттенфюреру Гессельбазу и СС — штурмфюреру Фольпрехту. Эти три эсэсовца в показаниях характеризуются следующим образом:

«...об упомянутых выше трех лицах, которым я поручил произвести расстрел военнопленных, мне было известно, что они, еще будучи в Киеве, принимали участие в массовых экзекуциях многих тысяч человек. И в местном управлении им уже в мою бытность поручались расстрелы многих сотен людей».

Однако случилось так, что 28 раненых советских военнопленных в то время, когда их везли на казнь, оказали героическое сопротивление палачам, убили двоих из них и разбежались.

В связи с этим и было назначено следствие, причем командир отряда СС в Бердичеве обвинялся, конечно, не в том, что решил убить 28 невиновных больных людей, а в том, что допустил возможность побега.

Я сослался на эти материалы не для того, чтобы восстановить в памяти один из бесчисленных эпизодов эсэсовских зверств на территории временно оккупированных районов СССР, но для того, чтобы процитировать весьма характерный текст предупреждения об ответственности за ложные показания, к которому прибегли перед началом допроса производившие следствие эсэсовцы.

Там сказано:

«...поставлен в известность о существе предстоящего допроса. Мне указано, что ложные показания с моей стороны повлекут за собой наказание и исключение меня из СС».

Вступая в общие СС, будущий член этой преступной организации принимал особую присягу, в тексте которой было сказано:

«Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и рейхсканцлер... повиноваться до смерти тебе и тем, которых ты назначил для того, чтобы командовать мною».

И где бы ни служил эсэсовец — умерщвлял ли он людей в Треблинке и Освенциме, или мучил допрашиваемых в застенках гестапо — он оставался прежде всего самим собою — тупым и безжалостным членом «общих СС», знающим лишь две обязанности — слепое повиновение «фюреру и рейхсканцлеру» и безоговорочное исполнение любых преступных приказов.

«ВОЙСКА СС» — «ВАФФЕН СС»

Войска СС зародились из так называемых «лейбштандартов» — личной охраны Гитлера и дивизии «Мертвая голова», действовавшей, главным образом, в концлагерях.

Во время войны в «войска СС» вошли, в числе других соединений и частей, лагерные комендатуры, непосредственно осуществлявшие уни-

чтожение миллионов людей и проведение в жизнь режима предельного изнурения заключенных перед умерщвлением, а также полицейские дивизии и части.

Уже это простое перечисление составных частей «Ваффен СС» свидетельствует об их преступном характере.

Советским обвинением предъявлены в качестве доказательств приговор Военного трибунала 4-го Украинского фронта и сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Харькове и Харьковской области, из которых видно, что за истребление более 20 000 человек мирных граждан Харькова, расстрелы и сожжение заживо военнопленных ответственны эсэсовские части и, в частности, дивизия СС «Адольф Гитлер» под командованием обергруппенфюрера Дитриха и дивизия СС «Мертвая голова» под командованием обергруппенфюрера войск СС — Симона.

В г. Киеве во время немецкого господства было замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тыс. мирных граждан, причем значительная часть их была уничтожена частями СС, за что, согласно сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии, ответственны бывший командующий войсками СС на юге России и на Украине генерал-майор Троенфельд, генерал-лейтенант войск СС Ютнер и другие представители войск СС.

В городе Ровно и Ровенской области немцы уничтожили 102 тыс. человек. О том, как совершалось эсэсовцами это преступление, свидетельствует, в числе других, солдат 4-го эскадрона 17-й кавалерийской дивизии СС Адольф Митцке, по приказу командира полка штандартенфюрера Цехендера, вместе с другими солдатами полка производивший расстрелы мирных жителей, в том числе женщин, и сожжение деревень.

В ноте Министра иностранных дел СССР В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г., предъявленной Трибуналу под № СССР—51, приводится следующее, основанное на подлинных немецких документах, описание зверств кавалерийской бригады войск СС в районе г. Торопца.

Я цитирую ноту:

«При разгроме частями Красной Армии в районе г. Торопца в январе 1942 г. кавалерийской немецкой бригады СС среди захваченных документов найден отчет кавалерийского полка названной бригады об «умиротворении» им Старобинского района в Белоруссии. Командир полка докладывает, что наряду с 239 пленными отрядом его полка расстреляно 6 504 мирных жителя, причем в отчете указывается, что отряд действовал на основании приказа по полку за № 42 от 27 июля 1941 г. Командир 2-го полка той же бригады фон Магилл докладывает в своем «сообщении о проведении усмирительной припятьской операции с 27 июля по 11 августа 1941 г.: «Мы выгнали женщин и детей в болота, но это не дало должного эффекта, так как болота не были настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть. На глубине в один метр можно в подавляющем большинстве случаев достигнуть грунта (возможно, песка)». В том же штабе обнаружена телеграмма № 37 командира кавалерийской бригады СС штандартенфюрера конному отряду названного 2-го кавалерийского полка от 2 августа 1941 г., в которой объявляется, что имперский фюрер СС и полиции Гиммлер считает число уничтоженных мирных жителей «слишком незначительным», указывает, что «необходимо действовать радикально», что «командиры соединений слишком мягки в проведении операций», и приказывает ежедневно докладывать число расстрелянных».

Подобной этим примерам была преступная деятельность частей войск СС на территории Югославии, Польши и других временно оккупированных немцами стран Восточной Европы.

Я хочу напомнить Суду о тех многочисленных материалах, предъявленных Суду Советским и Британским обвинением, которые характеризуют преступления, совершенные на территории Югославии дивизией СС «Принц Евгений».

В частности, я напомню сообщение Югославской Государственной Комиссии № 29 о злодеяниях этой эсэсовской дивизии. Там содержатся описания того, как эсэсовские солдаты, члены тех самых «Ваффен СС», которых здесь называли «немецкой гвардией», сжигали заживо население целых деревень, в том числе женщин и детей. Я напомню также показания генерал-майора войск СС Августа Шмидтхубера с содержащимся в них описанием того, как по приказу командира 1-го батальона СС Кассарера были заперты в помещении церкви в Кривой Реке мирные люди, а затем здание церкви взорвано.

Я позволю себе сослаться на известные также Трибуналу объявления офицеров этой дивизии о массовом расстреле заложников и убийствах военнопленных.

На Суде была оглашена строго секретная директива Гиммлера, на основании которой части «Ваффен СС» уничтожили тысячи населенных пунктов, городов, сел и деревень во временно оккупированных немцами районах Советского Союза.

В этой директиве Гиммлер писал:

«Цель, которая должна быть достигнута, заключается в том, чтобы после того, как украинские области будут эвакуированы, там не должно быть оставлено ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одной железнодорожной линии, ни один дом не должен остаться целым, не должно быть ни одной шахты, которую можно было бы эксплуатировать в течение ближайших лет, не должно быть ни одного неотравленного колодца. Враг должен найти страну полностью выжженной и разрушенной».

«Ваффен СС», исполняя преступные приказы рейхсфюрера СС (приказ Гиммлера от 10 июля 1943 г.), угоняли в немецкое рабство население целых районов, сгоняя украинских и русских детей в особые концентрационные лагери для детей.

Так называемые «Ваффен СС» были в первую очередь отборными частями СС, в подавляющей части состоявшими из добровольцев, в том числе из членов «общих СС», призванных практически осуществлять преступные планы Гитлера и его клики.

Попытки защиты и обвиняемых объявить их «немецкой гвардией», далекой от каких-либо «полицейских функций» и не обагрившей руки в крови невинных людей, являются противоречащими неумолимым и бесспорным фактам. «Войска СС» в целом являются органической частью общей системы учреждений и организаций СС и безусловно преступны.

ШТУРМОВЫЕ ОТРЯДЫ СА

4 октября 1943 г., произнося свою речь перед группенфюрерами СС и Познани, Гиммлер заявил:

«Нам необходимо полное единство с партией и всеми ее организациями. К счастью, мы полностью едины в настоящее время с СА. Новый

начальник штаба Шепман считает своей важнейшей задачей — мир и согласие среди старых партийных группировок».

Так создатель тех самых СС, которые в 1934 году перебили путчистскую верхушку СА, в 1943 году подтвердил полное единство эсэсовцев со штурмовиками и подчеркнул значение этой преступной организации гитлеровцев в общем заговоре.

На всем протяжении развития гитлеровской партии и затем гитлеровского государства СА были той преступной организацией, которой главари германского фашизма уделяли особое внимание, считая ее одним из важнейших орудий терроризирования и одурачивания своего народа и подготовки агрессии против других народов. Не имеет смысла полемизировать с защитой СА по поводу роли, которая отводилась этой преступной организации в общем фашистском заговоре.

По существу речь адвоката Бэма вообще была лишена заслуживающей внимания юридической аргументации. Это была речь, произнесенная с позиций убежденного гитлеровца, повторяющая в ряде случаев худшие примеры гитлеровской пропаганды, которые защитник старательно извлекал из печатных органов штурмовых отрядов.

Штурмовые отряды СА были первой ударной силой в руках заговорщиков, первой массовой военной и террористической организацией, созданной ими.

Они были организованы Гитлером еще в 1921 году при полной поддержке мечтавшего о реванше рейхсвера.

Ядро СА составили люди типа Штрейхера и Рема, зоологические антисемиты, шовинисты, из числа сторонников завоевания жизненного пространства, оставшиеся не у дел офицеры и солдаты разбитой кайзеровской армии.

В отряды штурмовиков были собраны, с одной стороны, наиболее реакционные реваншистские элементы, с другой стороны, в СА потянулись авантюристы, соблазненные декоративной стороной этой преступной организации и почуявшие возможность участвовать в погромах и грабежах.

С самого начала СА являлась строго добровольной организацией. Этот принцип сохранился неизменным на всем протяжении развития штурмовых отрядов.

От мюнхенского путча 1923 года до захвата власти гитлеровцами в 1933 году СА оставались верным орудием в руках гитлеровской фашистской клики, обеспечивавшим ей (власть над улицей) и устранение политических противников.

Наряду с СС штурмовые отряды являлись составной частью гитлеровской партии. Это было официально объявлено в постановлении от марта 1935 года («Рейхсгезетцблатт», 1935 г., ч. 1, стр. 502) и то же значилось в организационном уставе гитлеровской партии (стр. 352).

«Общественность никогда бы ничего не узнала из волнующих речей и пропаганды нашей маленькой фракции в рейхстаге или из стремлений и задач партии, если бы она не слышала шаг марширующих частей СА и их боевых песен»,— писал штурмфюрер СА Байэр в своей брошюре «СА».

Но немецкая «общественность» слышала не только «марширующий шаг СА и их боевые песни». Значительно более ощутимо воспринимались ею удары резиновых дубинок, выстрелы в политических противников и погромы в рабочих кварталах. Основная ценность СА для главных фаши-

стских заговорщиков заключалась именно в этой функции СА, как орудия погромов и террора.

В период борьбы за власть и в последующее время штурмовики были прежде всего орудием грубого насилия, средством устрашения и истребления политических противников.

Это положение весьма откровенно было выражено Геббельсом в речи, произнесенной им в 1935 году. Он говорил тогда:

«Внутренние политические оппоненты исчезли не по каким-то никому не известным тайным причинам. Нет, они исчезли потому, что движение наше располагало самым сильным оружием в стране, и этим самым сильным оружием являлись отряды СА».

Суду памятны показания свидетеля Гизевиуса о терроре со стороны штурмовиков на улицах германских городов, о погромщиках в форме СА, избивающих, убивающих, глумящихся над достоинством человека и превращающих штабы СА в дома пыток.

Правда, ко времени прихода гитлеровцев к власти уже вполне оформилась другая террористическая организация, ставшая основным исполнителем их предначертаний и наряду с СА резервом той громадной полицейской машины, которую создал германский фашизм. Это были СС, и окружавшие Гитлера коричневорубашечники должны были несколько посторониться для того, чтобы пропустить к верхушке гитлеровского аппарата «черный корпус» эсэсовцев.

О широком использовании СА как резерва политической полиции говорит официальный биограф Геринга. Он отмечает, что, создавая гестапо, Геринг включил в состав этой, одной из наиболее опасных преступных организаций германского фашизма, многих членов СА «как лиц, наиболее надежных в политическом отношении».

Суду уже были предъявлены материалы, свидетельствующие о том, что наряду с эсэсовцами члены СА после прихода фашистов к власти составили команды охраны концлагерей.

Описывая концентрационный лагерь в Ораниенбурге, штурмбаннфюрер СА Шефер говорит о том, что:

«Самые проверенные и смелые члены СА были выбраны для того, чтобы работать в лагере, т. е. они были постоянной стражей лагеря. Таким образом мы создавали кадры опытных стражников, которые всегда были готовы к тому, чтобы действовать».

Мне кажется, нет нужды останавливаться на том, какой режим обращения с заключенными существовал в этих лагерях и как вели себя в концлагерях штурмовики, выполняя в них роль палачей.

Штурмовики непосредственно осуществляли первые антисемитские погромы. Это подтверждается, в числе других документов, предъявленных обвинением, подлинными отчетами командиров частей и подразделений СА. Наряду с СС — СА воспитывались в духе того же звериного антисемитизма, который в конечном итоге получил завершение созданием Треблинки и Хелмно.

Однако при анализе преступного характера организации нельзя упустить еще одну важнейшую функцию СА, выполненную ими в общем плане развития гитлеровского заговора.

СА были той организацией, под прикрытием которой было произведено массовое обучение чисто военных кадров для вермахта, призванных впоследствии осуществить планы агрессии гитлеровцев.

Эта преступная деятельность выполнялась с соблюдением максимальной конспирации от окружающего мира.

«В дополнение к моим инструкциям... от 11 июля 1933 г. я нахожу нужным просить все власти СА быть чрезвычайно осторожными в отношении любой публикации относительно службы СА не только в общей прессе, но также и в сообщениях в газетах отдельных частей СА. Только за последние несколько дней министерство внутренних дел по просьбе министерства иностранных дел издало строгую инструкцию всем германским властям относительно того, чтобы был проведен строжайший контроль над всеми публикациями, которые могли бы дать повод другим странам указывать на нарушение Германией условий Версальского договора».

Этот секретный приказ начальника штаба СА целиком опровергает утверждения защиты о «мирном характере» штурмовых отрядов и о «чисто спортивном» характере их деятельности.

Сама организационная структура штурмовых отрядов с их бригадами и полками носила чисто военный характер. С самого начала возникновения, под руководством наиболее реакционных офицеров рейхсвера, сомкнувшихся с гитлеровцами — отряды СА приступили к подготовке кадров для будущей войны.

В последующее время, после захвата гитлеровцами власти, СА стали орудием массовой военной подготовки и одетые в форму СА офицеры вермахта занимались в них строго военным обучением штурмовиков.

Руководители СА хорошо понимали место, отведенное им в осуществлении планов гитлеровской агрессии после захвата власти.

По этому поводу уместно напомнить Суду небольшое извлечение из статьи, опубликованной в органе штурмовых отрядов «Боец СА» 6 января 1934 г.:

«...боец СА, следуя воле фюрера, должен оставаться защитой националсоциалистской революции перед врагами могущества и должен стоять там навсегда потому, что еще перед нами стоят новые гигантские задачи. Они практически не могут быть осуществлены без активного участия и сотрудничества штурмовых отрядов.

То, что сделано до сих пор, а именно — захват власти в государстве и уничтожение всех элементов, которые повинны в губительных для страны последствиях в послевоенные годы, т. е. последователей марксизма, либерализма и капитализма, уничтожение этих людей — это только предварительная задача, это трамплин для того, чтобы сделать прыжок к выполнению настоящих больших национал-социалистских задач».

И на всем протяжении последующего развития гитлеризма СА были верным оружием в руках преступной гитлеровской клики.

В период войны членам СА было специальной директивой вменено в обязанность следить за военнопленными и «восточными рабочими», не допуская никакого послабления установленного в отношении их зверского человекоистребительного режима. Члены СА несли охранную службу в ряде «рабочих» лагерей.

СА были одной из наиболее массовых преступных организаций гитлеровской партии.

Активная преступная деятельность ее членов, за исключением «союза ветеранов» и лиц, вовлеченных в спортивные общества СА, в результате судебного следствия в полной мере доказана.

Штурмовые отряды немецкой фашистской партии, деятельность которых является весьма значительной частью истории преступлений гитлеровского режима, безусловно должны быть признаны Судом преступной организацией.

ГЕСТАПО

Гестапо было создано подсудимым Герингом 26 апреля 1933 г. в бытность его прусским премьер-министром; в первое время Геринг лично им руководил.

Постепенно руководство политическими полициями федеральных земель сконцентрировал в своих руках имперский руководитель СС Гейнрих Гиммлер. Законом от 10 февраля 1936 г. гестапо было объявлено общеимперской «особо-полицейской» организацией. Указом от 17 июня 1936 г. Гитлер назначил Гиммлера шефом германской полиции, узаконив таким образом достигнутую к этому времени «персональную унию» между СС и полицией в целом.

В своем первом приказе от 25 июня 1936 г. о структуре германской полиции Гиммлер в той же персональной унии назначил шефом полиции безопасности, объединявшей в своей системе гестапо и уголовную полицию, шефа СД — Рейнгарда Гейдриха, преемником которого стал после уничтожения Гейдриха подсудимый Кальтенбруннер.

В 1939 году, в результате укрепления руководящей роли СД в общей системе безопасности нацистского государства и в целях дальнейшего соподчинения полиции безопасности единому руководству, была произведена реорганизация центральных органов безопасности, выразившаяся в объединении «Главного управления безопасности СС» и «Главного управления полиции безопасности» в рамках единого эсэсовского полугосударственного-полупартийного аппарата — «Главного управления имперской безопасности» — РСХА.

Существовавшее до тех пор в составе «Главного управления полиции безопасности» Управление тайной государственной полиции», известное в то время под сокращенным названием гестапо, превратилось в IV управление РСХА.

ЗАДАЧИ ГЕСТАПО

Задачи гестапо в общей системе органов безопасности третьей империи были четко определены в свое время тем же Гейдрихом в статье, опубликованной в немецком журнале «Германская полиция». Определяя роль СД как политической разведки нацистской партии и государства, в обязанность которой входило выявление и изучение, с целью информации нацистского руководства, политических настроений, тенденций и течений как внутри, так и вне империи,— задачу органов тайной государственной полиции он видел в конкретном выявлении и обезвреживании политически враждебных и неблагонадежных для фашистского режима элементов.

Выполнению этой кардинальной программной задачи нацистского государства служила вся система центральных, территориальных, пенитенциарных и специальных органов и формирований гестапо.

Выполнение этой задачи требовало самого тщательного индивидуального отбора сотрудников гестапо. Они подбирались из числа наиболее опытных кадровых чиновников общей полиции и администрации, на деле

зарекомендовавших себя фанатическими приверженцами гитлеровского режима, а также из штатных сотрудников СД, назначавшихся, как правило, на руководящие должности в гестапо.

Из письменных показаний бывшего начальника VI управления РСХА Вальтера Шелленберга установлено, что 75% чиновников гестапо являлись членами СС. Таковыми они либо уже приходили в гестапо, либо вступали в СС, начав свою службу в этой карательно-террористической организации.

Число сотрудников гестапо в период 1943—1945 гг. доходило до 40—50 тыс. Такой штат, говоря словами Фуше, позволял гестапо иметь «везде глаза, чтобы видеть, и везде руки, чтобы схватывать».

Преступная деятельность гестапо не ограничивалась пределами имперской территории.

В период подготовки планов агрессии на органы гестапо была возложена организация совместно с СД — одной из первых оперативных групп — «эйнзатцгруппы», предназначенной для действия на территории Чехословацкой республики.

С началом военных действий тайная государственная полиция в соответствии с заранее разработанным и утвержденным планом выделила часть своих кадров в распоряжение вооруженных сил, в составе которых они образовали так называемую «тайную полевую полицию» — ГФП. Формирования последней выполняли в войсках действующей армии функции, присущие гестапо и уголовной полиции в рейхе, и, кроме того, широкие полицейско-карательные функции, направленные против мирного населения и партизан в районах боевых действий.

С самого создания тайной государственной полиции ей было предоставлено широкое право внесудебной репрессии против элементов, «угрожавших» нацистскому государству и партии.

Одной из основных форм подавления этих элементов было использование права превентивного ареста и превентивного заключения, которым на протяжении своего существования широко пользовались органы гестапо как на территории самой империи, так и в присоединенных к Германии и оккупированных ею областях.

Местами превентивного заключения были пользующиеся широкой и мрачной известностью немецкие концентрационные лагери. Заключение в концлагерь происходило по простому письменному распоряжению шефа полиции безопасности и СД — Гейдриха, а впоследствии — подсудимого Кальтенбруннера или начальника IV управления РСХА Мюллера. Во многих случаях распоряжение о заключении в концентрационный лагерь давал лично рейхсфюрер СС и шеф германской полиции Гейнрих Гиммлер.

Никогда подвергавшийся превентивному заключению не знал, на какой срок мучений и издевательств он обречен,— срок заключения всецело зависел от произвола гестапо. Даже в тех случаях, когда гестапо, бросая человека в концлагерь, заранее определяло срок его заключения, было строжайше запрещено сообщать его как заключенному, так и его близким.

Эти концлагери явились прообразом возникших в период развязывания гитлеровской агрессии лагерей уничтожения, названия которых с содроганием будут вспоминать грядущие поколения: Майданек, Освенцим, Треблинка и многие другие.

В качестве карательного экзекутивного аппарата нацистского государства тайная государственная полиция была тесно связана с нацистской партией.

В приложении к декрету имперского и прусского министра от 20 сентября 1936 г. недвусмысленно сказано, что «особые задачи полиции безопасности требуют самого тесного и полного взаимопонимания, сотрудничества... и с гаулейтером НСДАП...». При ознакомлении с декретом от 14 декабря 1938 г. о сотрудничестве партийных инстанций с тайной государственной полицией легко усматривается самый тесный контакт между различными организациями фашистских заговорщиков, в частности, между гестапо и руководством нацистской партии. Подсудимые Гесс и Борман постоянно заботились о поддержании тесного контакта партии с гестапо.

УЧАСТИЕ ГЕСТАПО В ПОДГОТОВКЕ АГРЕССИИ

Как я уже говорил, гестапо наряду с другими преступными фашистскими организациями принимало самое активное участие в подготовке захвата территорий других государств.

Список, включавший 4000 имен югославских граждан, составленный в 1938 году и захваченный в мае 1945 года в отделении гестапо в Мариборе, с несомненностью свидетельствует об участии гестапо по своей линии в подготовке захвата Югославии.

Из показаний одного из югославских квислингов, Драгомира Ивановича, бывшего начальника Сербской полиции при немцах, установлено, что руководящие круги фашистских заговорщиков заранее планировали органы гестапо в Югославии. Согласно выработанному плану между проживавшими в Югославии немцами заблаговременно были распределены полицейские посты.

Советским обвинением был предъявлен Трибуналу документ за № СССР—509, из которого также видно, что еще до захвата фашистами Чехословакии органы главного управления имперской безопасности планировали развертывание деятельности СД и гестапо на территории этой страны.

Из доклада Чехословацкого правительства усматривается и другая форма участия органов гестапо в подготовке агрессии. Главное управление имперской безопасности забрасывало в Чехословакию своих агентов для убийства антифашистов или их похищения и вывоза в Германию.

Факт участия органов гестапо в разработке планов агрессии подтверждается также рядом документов, говорящих о том, что еще до своего вероломного нападения на СССР гитлеровские палачи составляли списки, розыскные книги и собирали необходимые сведения о руководителях государственных органов и общественных деятелях, которые по их планам подлежали уничтожению. Так, гестапо совместно с СД и уголовной полицией были подготовлены для этих преступных целей «особая розыскная книга СССР», «Германская розыскная книга», «Списки по выявлению местопребывания» и другие подобного рода розыскные книги и списки.

Преступная деятельность гестапо по подготовке и развязыванию агрессии внутри самой Германии и в западных государствах уже достаточно освещена моими уважаемыми коллегами, а потому я перехожу к вопросу о преступлениях гестаповцев на временно оккупированных гитлеровцами территориях СССР, Югославии, Польши и Чехословакии.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕСТАПО В ЧЕХОСЛОВАКИИ, ЮГОСЛАВИИ И ПОЛЬШЕ

Преступления, содеянные гитлеровцами с помощью исполнительного полицейского аппарата на временно оккупированных ими территориях Чехословакии, Югославии и Польши, имеют многие общие черты.

Различные органы гестапо были тем экзекутивным исполнительным аппаратом, который осуществлял большинство этих злодеяний.

Первая же массовая «акция» по уничтожению польской интеллигенции, задуманная Франком и одобренная Гитлером, так называемая «операция АБ» была непосредственно выполнена гестаповцами. Именно сотрудники гестапо, привлекавшие в помощь отряды эсэсовцев, под руководством начальника СС и полиции в Польше обергруппенфюрера Крюгера и бригаденфюрера Штрехенбаха уничтожили при проведении этой зверской массовой операции несколько тысяч польских интеллигентов.

Согласно постановлению Франка от 9 октября 1943 г., получившие зловещую славу так называемые «штандгерихте», которые были созданы для «подавления нападений на германское строительство в генерал-губернаторстве», также состояли из сотрудников тайной полиции, т. е. гестапо.

Именно гестапо в Польше осуществляло жестокие репрессии в отношении священнослужителей, уже до января 1941 года убив около 700 священников и заключив 3 тыс. священников в концентрационные лагери.

Как это вполне доказано материалами, представленными советским обвинением, гестапо на территории Польши создало особые пункты массового уничтожения еврейского населения.

В отличие от таких лагерей уничтожения, как Майданек и Освенцим, подчиненных административно-хозяйственному управлению СС,— тайный пункт массового уничтожения людей в Хелмно, где было уничтожено с помощью душегубок 340 тыс. евреев, был создан и непосредственно подчинен гестапо и назывался «зондеркоманда Кульмгоф».

Эта гестаповская зондеркоманда инспектировалась начальником гестапо города Лодзи Браутфишем.

Равным образом гестапо создало прообраз всех последующих лагерей уничтожения — Треблинку.

«Реферат» Эйхмана, осуществлявший уничтожение евреев в Европе, используя для этого систему лагерей уничтожения,— отдела «Д» СС, находился в системе гестапо, и Эйхман был непосредственно подчинен начальнику гестапо Мюллеру.

В Польше гестаповцами было уничтожено 3 млн. 200 тыс. евреев, в Чехословакии — 112 тыс. евреев, в Югославии — 65 тыс. евреев.

Гестапо осуществляло на территории оккупированных немцами стран Восточной Европы преступную систему заложничества и коллективной ответственности, произвольно расширяя круг подвергающихся жесточайшим репрессиям людей. Так, например, тайная полиция совместно с подсудимым Франком издала известное распоряжение о массовых репрессиях в отношении «семей саботажников», где было сказано о том, что следует расстреливать на месте не только схваченных преступников, но и, кроме того, казнить одновременно всех мужчин их рода, женщин же этого рода старше 16 лет отправлять в концлагерь.

То, что происходило в Польше, является характерным не только для этой страны, но в точно такой же степени и для Чехословакии и Югославии.

В Чехословакии лишь через тюрьму гестапо в Брно в период оккупации прошло 200 тыс. человек, из них освобождено было только 50 тыс., а остальные убиты или посланы для немедленного умерщвления в концлагерь.

Постановлением 9 марта 1942 г. гестапо получило право «превентивного заключения» в «протекторате».

Еще до начала войны тысячи чешских патриотов, в особенности докторов, учителей, юристов, священников и т. д., были арестованы. Кроме того, в каждом районе записывались лица, подлежащие аресту как заложники при первом признаке беспорядков «в общественном строе и безопасности». В 1940 году Карл Герман Франк заявил в речи к вождям движения так называемого национального единства, что 2000 чешских заложников, находящихся в концлагерях, будут расстреляны в том случае, если видные чешские деятели откажутся подписать заявление о лойяльности.

После покушения на Гейдриха многие из этих заложников были казнены.

В 1939 году гестапо созвало директоров и заведующих складами различных чешских промышленных фирм. От них были отобраны следующие подписки: «Я принимаю к сведению то обстоятельство, что я буду немедленно расстрелян, если фабрика прекратит работу без уважительной причины».

Подобным же образом преподаватели чешских школ должны были давать в гестапо особые подписки, ручаясь за лойяльное поведение своих учеников в отношении гитлеровцев и гитлеровского режима.

Гестапо осуществило беспримерное по своей жестокости злодеяние, истребив население деревни Лидице и уничтожив самую деревню.

В исключительно жестоких формах осуществлялся полицейский террор на территории Югославии.

Для подтверждения того может быть приведено следующее небольшое извлечение из сообщения № 6 Югославской Государственной Комиссии по расследованию военных преступлений:

«Группа заложников была повешена в Целье (Цилли) на крючьях, на которых мясники вывешивали мясо. В Мариборе каждые пять из обреченных жертв были вынуждены класть расстрелянных заложников в ящики и грузить на грузовые машины. После этого эти пять человек расстреливались, и следующие пять были обязаны продолжать погрузку. Так продолжалось беспрерывно. Улица Содна в Мариборе была вся залита кровью, текшей с грузовиков... В Грапе расстреливалось каждый раз по 500 человек».

Трибуналу предъявлены многочисленные документы о массовом расстреле заложников, подписанные соответствующими начальниками территориальных отделений тайной полиции в Югославии. Я не буду подробно останавливаться на содержании этих документов, полагая, что оно достаточно памятно Суду.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕСТАПО НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

На судебном следствии полностью доказаны те тягчайшие преступления, которые были совершены гестапо на временно оккупированной советской территории, где они действовали либо в составе оперативных формирований — «эйнзатцгрупп», «эйнзатцкоманд» и «зондеркоманд» СД и

полиции безопасности, либо в составе тайной полевой полиции (ГФП), укомплектованной чиновниками гестапо и уголовной полиции.

Как правило, чиновники гестапо во всех этих случаях выполняли роль непосредственных исполнителей бесчеловечных «экзекуций» и «массовых акций», действуя под общим политическим руководством сотрудников СД и при содействии чинов других видов полиции, а также отрядов «Ваффен СС», широко используемых для этих целей.

На суде установлены многочисленные случаи массовых убийств и истязаний мирных граждан СССР органами гестапо. В качестве примера я ограничусь описанием только отдельных характерных фактов. В одном лишь небольшом городе Вязьме по приказанию начальника гестапо было замучено и убито несколько тысяч мирных советских граждан. Фашистские изверги не только убивали свои жертвы, но и заставляли их самих предварительно рыть себе могилы.

В деревне Зайчики, Смоленской области, гестаповцы согнали в один дом 23 стариков, женщин и детей, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нем.

В рижских психиатрических больницах гестаповцы уничтожили всех находившихся там душевнобольных.

Как можно видеть из сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Ровно и Ровенской области, гестаповцы практиковали массовые убийства людей в ответ на каждый акт сопротивления немецким захватчикам.

Когда в ноябре 1943 года в г. Ровно был убит неизвестным лицом немецкий судья, гестаповцы расстреляли свыше 350 заключенных, содержавшихся в Ровенской тюрьме.

О применении гестаповцами для истребления советских граждан душегубок известно из сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. В г. Краснодаре и Краснодарском крае гестаповцы, действовавшие в составе оперативных групп, истребили посредством отравления окисью углерода свыше 6700 советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей, находившихся на излечении в больнице г. Краснодара, а также арестованных, содержавшихся в тюрьме гестапо.

На окраине г. Краснодара в большом противотанковом рву было закопано несколько тысяч трупов советских граждан, отравленных газом и сброшенных туда гестаповцами.

В Ставропольском крае было умерщвлено путем отравления газом в душегубках 54 тяжело больных детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда, а также 660 больных Ставропольской психиатрической больницы.

О том, какого рода истязания применялись гестаповцами, можно составить себе представление по показаниям гр-на Ковальчука из Ставропольского края. Гестаповцы допрашивали только ночью. Для допроса вызывали в отдельную камеру, где были устроены специальные приспособления для пыток, в том числе цепи с поручнями для закрепления рук и ног, прикрепленные к цементному полу. Арестованного предварительно раздевали догола, клали на пол, руки и ноги заковывали в цепи, а затем избивали резиновыми палками. Иногда на спину жертвы клали доску и сверху этой доски тяжелыми гирями наносили резкие удары.

Камера пыток была устроена таким образом, что, когда арестованного

пытали, остальные арестованные, сидевшие в соседней камере в ожидании расправы, могли наблюдать за пытками и истязаниями. После пыток заключенного, потерявшего сознание, современные инквизиторы бросали в сторону, а следующую жертву волокли в камеру, в большинстве случаев, уже в полусознательном состоянии.

Неслыханные истязания при допросе допускались гестаповцами даже в отношении женщин.

Я привел только один пример. Такие истязания при допросах чрезвычайно широко применялись на оккупированных территориях СССР.

Применение средневековых пыток при допросе имело место на основании специальных приказов главного управления имперской безопасности и начальника гестапо Мюллера. В одном из этих совершенно секретных приказов начальство поучает подчиненных: «Третья степень может состоять из следующих элементов: очень простая диэта (хлеб и вода); жесткая койка, темная камера, лишение сна, истощающая муштра, розги».

Неслыханным издевательствам и преследованиям подвергалась со стороны гестаповцев также интеллигенция, в том числе видные деятели науки и искусства, находящиеся на временно захваченной немцами советской территории.

Преследование представителей интеллигенции со стороны гестаповцев проводилось по заранее разработанному плану. Например, еще до захвата немецкими войсками г. Львова отряды гестаповцев имели списки виднейших представителей львовской интеллигенции, предназначенных к уничтожению. Тотчас же после занятия немцами г. Львова начались массовые аресты и расстрелы профессоров, врачей, юристов, писателей и артистов. Не считаясь с человеческим достоинством своих жертв, гестаповцы прибегали к самым изощренным истязаниям арестованных ученых, а затем расстреливали их.

Произведенным, после освобождения г. Львова частями Красной Армии от немецких оккупантов, расследованием было установлено, что немцами было убито свыше 70 виднейших деятелей науки, техники и искусства, трупы которых гестаповцами были сожжены.

Боясь ответственности, фашистские шакалы тщетно пытались скрыть факты истребления львовской интеллигенции.

Гестапо участвовало также и в истязаниях и убийствах военнопленных.

На судебном следствии была оглашена директива IV управления РСХА от 17 июня 1941 г. о действиях отрядов полиции безопасности и СД в лагерях для военнопленных.

Вы имели возможность также познакомиться с директивой Мюллера от 9 ноября 1941 г. всем органам гестапо о выбрасывании трупов умерших по пути следования к месту казни военнопленных.

В распоряжении Трибунала находится письменное показание бывшего работника гестапо Курта Линдорфа о казнях советских политических комиссаров и военнослужащих евреев, а также приказ начальника полиции безопасности и СД местным органам гестапо о направлении некоторых категорий бежавших из лагерей военнопленных офицеров в концлагерь Маутхаузен для проведения мероприятия «Кугель» (пуля).

Суду известен приказ командования 6 военным округам от 27 июля 1944 г. о том, что захваченные бежавшие военнопленные лишаются своих прав и передаются в распоряжение органов гестапо, а также приказ

Кейтеля от 4 августа 1942 г. для вооруженных сил, в котором говорится, что принятие мер против отдельных парашютистов и групп парашютистов относится к компетенции органов СД и гестапо.

Органы гестапо оказывали активное содействие угону в немецкое рабство десятков тысяч мирных граждан временно оккупированных Германией территорий, осуществляли жестокие репрессивные меры в отношении этих людей по прибытии их в Германию. Так, 16 декабря 1942 г. начальник гестапо Мюллер в своей телеграмме сообщал, что гестапо может арестовать около 45 тыс. евреев для пополнения рабочей силы в концлагерях.

В директиве от 17 декабря 1942 г. Мюллер пишет об этом в отношении 35 тыс. евреев.

В секретном приказе от 18 июля 1941 г. Мюллер инструктировал органы гестапо о необходимых мерах к предотвращению волнений среди иностранных рабочих.

Особенно ужасна преступная деятельность гестапо в истреблении евреев.

Из аффидевита[1] Вильгельма Гетля от 7 ноября 1945 г. устанавливается, что гестапо истреблено около 6 млн. евреев.

В сообщениях Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию немецко-фашистских зверств на территории СССР и в других документах приводятся многочисленные факты истязаний, всякого рода надругательств и массовых убийств гестаповцами евреев.

Судебное следствие полностью подтвердило предъявленное обвинение о преступной деятельности гестапо.

Как орган массового кровавого террора гестапо является и должно быть признано преступной организацией.

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ — СД

«Служба безопасности» — обычно обозначалась в официальных полицейских документах гитлеровцев условным наименованием СД. Она возникла как глубоко законспирированная шпионская партийно-эсэсовская организация германского фашизма. Организатором СД, наряду с СС, был Гиммлер.

СД была тем тайным аппаратом системы СС, который после захвата власти гитлеровцами наиболее быстро сросся с полицейскими органами, поставил на руководящие посты в тайной полиции кадры, созданные в системе СД и охранных отрядах, играя, как до момента организации РСХА — Главного имперского управления безопасности, так и после этого решающую роль в системе политического осведомления и «превентивного уничтожения» нежелательных гитлеровцам элементов.

СД стояла наиболее близко к центральному штабу преступных гитлеровских заговорщиков — руководству гитлеровской партии. Поэтому именно СД наиболее активно участвовала в разработке тех полицейских мероприятий, которые неизменно сопутствовали всем планам гитлеровской агрессии.

СД, как будет показано ниже, создала первые эйнзатцгруппы, возглавила эти разбойничьи организации германского фашизма, организационно подготовила те злодеяния, которые были совершены впоследствии

[1] Письменного показания, данного под присягой. — Составители.

на оккупированных территориях Польши, Югославии, Советского Союза и других государств.

Пытаясь освободить эту преступную организацию от ответственности, защита начала спор о значении самого термина СД.

Мы понимаем, зачем поднимает защита этот «терминологический спор». Он нужен ей затем, чтобы попытаться поддержать версию Кальтенбруннера о СД как о строго ограниченной в своих функциях «внутригерманской службе информации», чуждой каким бы то ни было полицейским функциям.

Этот спор защита возбудила для того, чтобы, признав лишь наиболее видимую часть преступной деятельности СД, скрыть тягчайшие преступления, совершавшиеся этой верхушкой полицейско-эсэсовского аппарата.

Между тем фактически СД являлась широко разветвленной шпионской организацией германского фашизма, активно способствовавшей осуществлению преступных планов агрессии, оперировавшей как в пределах самой Германии, так и на оккупированных территориях и за рубежом.

Кадры СД наряду с гестаповцами составляли основной руководящий костяк эйнзатцгрупп, причем сотрудникам СД в руководстве эйнзатцгруппами всегда принадлежала ведущая роль.

Выполняемые СД задачи могут быть подразделены на:

1) «общую информацию», охватывающую буквально все,— как указывалось в официальных документах СД, «жизненные области» фашистского «рейха», все правительственные учреждения и общественные круги фашистской Германии;

2) специальные задания, связанные с разработкой особых картотек и списков (преимущественно по странам, в которые готовилось вторжение). В эти картотеки и списки заносились имена лиц, которые должны были быть подвергнуты «особому режиму» — физически уничтожены или заключены в концлагери;

3) укомплектования состава специальных преступных организаций, непосредственно осуществлявших планы гитлеровцев по уничтожению нежелательных им политических элементов и интеллигенции на оккупированных территориях и проводивших зверские «экзекуции» и «акции».

Весь состав СД состоял из эсэсовцев. Это и понятно, так как СД была дочерней организацией СС и до последнего момента называлась СД при рейхсфюрере СС.

В широко разветвленную систему СД входили: III управление РСХА (АМТ-III—внутренняя политическая разведка, а также политическая разведка на оккупированных территориях), VI управление РСХА (АМТ-VI— служба заграничной разведки, возглавленная одним из ближайших приближенных Гиммлера — Вальтером Шелленбергом, показания которого хорошо известны Суду) и VII управление (АМТ-VII), которое иногда называли «отделением идеологической войны», включавшее, кроме того, ряд весьма важных вспомогательных учреждений, составлявших аналитический аппарат заграничной и внутренней разведки СД.

Для опровержения положений, выставленных защитой, я хотел бы обратиться к одному из документов, характеризующих истинное положение СД в системе полицейского и эсэсовского аппарата гитлеровской Германии.

Я говорю о документе, озаглавленном «Использование СД в случае: Чехословакия». Документ имеет гриф «Секретно. Государственной важ-

ности» и датирован июнем 1938 года, т. е. более, чем за девять месяцев до захвата Чехословакии. Он был захвачен Красной Армией в берлинских архивах СД и представлен Трибуналу Советским обвинением.

Содержание этого документа не оставляет никаких сомнений, во-первых, в том, что СД активно участвовала в разработке и осуществлении планов преступной гитлеровской агрессии, и, во-вторых, в том, что именно СД явилась инициатором и организатором эйнзатцгрупп.

Привожу некоторые извлечения из этого документа. Там сказано: «На случай соединения германской империи и Чехословакии СД должно подготовиться к развертыванию своей деятельности». «СД следует, если возможно, непосредственно за вступающими частями и принимает на себя — аналогично своим задачам в Германии — обязанности по обеспечению безопасности политической жизни и вместе с тем, по возможности, обеспечение безопасности всех предприятий, имеющих значение для народного хозяйства и, стало быть, для военного хозяйства».

Вся территория Чехословакии в соответствии с территориальной структурой СД в самой Германии заранее разделялась на крупные (оберабшнитты) и мелкие (унтерабшнитты) территориальные единицы, для каждой из которых подготовлялись и комплектовались особые эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды. В тексте документа можно прочесть о том, что была запланирована организация оберабшниттов Прага, Богемия, Моравия, Силезия, Баагталь и др.

Укомплектование эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд целиком относилось к компетенции СД. В тексте документа по этому поводу сказано:

«Укомплектование штатов органов СД должно произойти с учетом следующих требований:

1) требований самой СД,

2) требований экономического порядка».

Была разработана целая программа подготовки агентов эйнзатцкоманд из внештатных сотрудников и судетских немцев. Предусматривалось также использование «подходящих лиц» немецкого происхождения, проживающих в Чехословакии, причем специально отмечалось, что «... следует иметь в виду, что, несмотря на все меры предосторожности, много таких лиц в нашем распоряжении не окажется, так как при известных условиях значительное число их будет арестовано, увезено или убито».

Подготовленные на территории Германии эйнзатцгруппы должны были быть сконцентрированы у германо-чешской границы для того, чтобы одновременно со вторжением войск двинуться на территорию Чехословакии. В тексте документа по этому поводу говорится:

«2. Как только какой-либо округ освобождается от противника, т. е. оккупирован, в окружное управление тотчас же направляются предназначенные для этого группы, следуя за вступающими войсковыми частями. Одновременно двигаются и определенные группы, предназначенные для последующих освобождаемых от противника областей».

Для опровержения утверждений защиты о взаимоотношениях СД и гестапо значительный интерес представляет пятый раздел документа, специально посвященный разграничению сферы деятельности СД и гестапо. Там сказано:

«Мероприятия в Германии проводятся под руководством гестапо. СД содействует им. Мероприятия в оккупированных областях проводятся

под руководством старшего фюрера СД. Отдельным оперативным штабам приданы чиновники гестапо».

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что именно сотрудникам СД принадлежала ведущая роль в действиях эйнзатцкоманд на территории Чехословакии. Они должны были возглавить эйнзатцкоманды, непосредственно осуществляя задания рейхсфюрера СС по уничтожению чешских патриотов, истреблению интеллигенции, подавлению национально-освободительного движения в оккупированной стране.

Заслуживает особого внимания то, что для этого выделенные в эйнзатцгруппы чиновники СД должны были установить, как видно из § 7 документа, связь с соединениями войск СС или эсэсовским соединением особого назначения «Мертвая голова».

Перед вторжением на территорию Чехословакии сформированные СД эйнзатцкоманды должны были провести в Германии подготовительную преступную работу. Она заключалась в создании так называемой «М-картотеки». Эта картотека составлялась в двух экземплярах для каждого округа. В нее заносились все лица, которые по тем или иным соображениям должны были быть устранены. Вопрос о жизни и смерти людей решался простой отметкой на карточке, сделанной референтом СД.

В цитируемом мною документе по этому поводу сказано:

«с) Карточки должны иметь пометки референтов, как, например:

арестовать	наблюдать
ликвидировать	конфисковать
отстранить от службы	полицейский надзор

лишение паспорта и т. п.»

Составление картотек и всякого рода справочных изданий, в которые заносились имена подлежащих физическому уничтожению людей, захваченных на временно оккупированных немцами территориях, вообще относилось к числу неотъемлемых функций СД. Непосредственно физическое уничтожение осуществлялось затем гестапо или специальными отрядами эсэсовцев, зондеркомандами или полицией порядка.

Готовя нападение на Советский Союз, сотрудники СД также тщательно разработали целую серию справочных изданий и розыскных списков, в которые были занесены представители советской интеллигенции и политические деятели, подлежавшие уничтожению согласно зверским директивам гитлеровских преступников.

В приложении № 2 к оперативному приказу № 8 начальника полиции безопасности и СД, датированном 17 июля 1941 г., сказано о том, что задолго до начала войны с Советским Союзом службой безопасности были составлены «германская розыскная книга», «списки по выявлению местопребывания», «особая розыскная книга СССР», в которую занесены «советские русские, которых следует считать опасными».

Из тех же гейдриховских директив мы знаем о том, как намеревались поступить гитлеровские преступники с этими «опасными советскими русскими». Все они без приговора судов на основании приказов 8 и 14 главного имперского управления государственной безопасности от 17 июля и 29 октября 1941 г. должны были быть уничтожены зондеркомандами.

Такая же преступная работа была проведена СД перед началом вторжения в Югославию. Советским обвинением была предъявлена Трибуналу «розыскная книга», составленная относящимся к СД так называемым не-

мецким Балканским институтом «Зюдост Дейтше Институт». Эта книга включала свыше 4 тысяч имен югославских граждан, которые при нападении на Югославию должны были быть немедленно арестованы. Составленная СД книга была передана исполнительной полиции, т. е. гестапо, которая и должна была непосредственно осуществить аресты.

Книга была обнаружена в регистратуре гестапо в Мариборе, причем имела следующий гриф, сделанный сотрудниками СД: «поименованных в тексте лиц нужно арестовать, немедленно известив РСХА об исполнении задач».

Этот институт СД вел специальную подрывную работу, готовя в Югославии агентов пятой колонны. Сотрудник СД, доцент университета в Грапе Герман Иблер составил по этому поводу специальную работу, озаглавленную «Дес Рейхес Зюдгренце», снабженную грифом «строго секретно» и содержащую список агентов пятой колонны в Югославии.

Именно СД осуществляло политические провокации за границей. Это вынужден был признать при допросе его представителем Советского обвинения бывший начальник полиции безопасности и СД Кальтенбруннер. Даже он не мог отрицать свою подпись под письмом к Риббентропу по поводу ассигнования министерством иностранных дел одного миллиона туманов на подкупы выборов в Иране.

Сотрудники СД прекрасно понимали, ка́кая роль отводится им на оккупированных территориях в осуществлении изуверских планов гитлеровцев и физическом уничтожении порабощенных народов. С этой точки зрения характерен предъявленный Советским обвинением трофейный немецкий документ, захваченный войсками польской армии в СД,—блокштелле в Могильно (Польша).

Некий начальник блокштелле гауптштурмфюрер СС в этом письме, адресованном осведомителям СД, доводит до их сведения речь Гиммлера от 15 марта 1940 г., в которой тот требовал от комендантов концлагерей, размещенных в Польше, чтобы они сначала использовали квалифицированных польских рабочих в системе военной промышленности концлагерей, а затем истребили всех поляков. Гауптштурмфюрер СС из Могильно поэтому требовал в свою очередь от всех «доверенных лиц» — осведомителей СД составления поименных списков поляков, кажущихся им опасными, с целью последующего физического истребления этих лиц.

СД являлась одним из важнейших звеньев изуверской эсэсовской полицейской машины германского фашизма. Это был аппарат сыска и осведомления, простирающийся над всей территорией как «старого рейха», так и всех временно оккупированных районов и стран. В определенные моменты именно сотрудники СД возглавляли наиболее жестокие полицейские мероприятия гитлеровцев.

Поэтому советское обвинение, опираясь на бесспорные доказательства, считает, что преступной должна быть признана вся система СД.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

В ходе настоящего судебного процесса со стороны некоторых подсудимых, защитников и свидетелей защиты из числа генералов гитлеровской Германии делались неоднократные попытки представить германское военное командование и генеральный штаб как органы, руководствовав-

шиеся в своей деятельности основным и единственным принципом — «выполнение солдатского долга».

Высшие германские военные органы были будто бы далеки от преступной политики гитлеровского правительства, не участвовали в решении политических вопросов, а ограничивали свою деятельность исключительно выполнением приказов верховного главнокомандующего в области сугубо военных мероприятий.

Высказывалось мнение о том, что германский генеральный штаб при существовавшей в гитлеровской Германии структуре военного аппарата представлял собой не более, не менее, как подсобный, технический орган.

Наконец, делались неоднократные попытки, и это вполне понятно, всеми способами отгородить военное командование от деятельности немецких органов и СС.

Всякому, кто сколько-нибудь следил за политическим развитием Европы после первой мировой войны, хорошо известно, что офицеры и генералы кайзера сразу же обнаружили готовность повторить проигранную игру. Обвиняя в военном разгроме Германии кого угодно, только не себя, они создавали нелегальные военные организации, лелеяли мечту о реванше и готовы были продать свою честь и шпагу любому политическому проходимцу, который не постесняется затеять новую мировую бойню. В духе этих «традиций» воспитывалось и новое поколение офицеров. И неслучайно их будущий вождь Адольф Гитлер из небытия появился на политической арене при прямой моральной и финансовой поддержке рейхсвера.

Они, за малым исключением, с энтузиазмом пошли за этим авантюристом, когда он, захватив власть, немедленно приступил к вооружению Германии. Чванливые прусские генералы преклонились перед ефрейтором Гитлером, ибо они понимали: Гитлер — это война.

Позорная история гитлеровской военщины позорно и завершилась.

Фельдмаршалы Браухич, Мильх, Манштейн и другие пришли сюда под охраной солдат союзной армии, чтобы лжесвидетельствовать по собственному делу перед лицом Международного Военного Трибунала.

Нам довелось увидеть странное превращение. Волки стали овцами. Не знаю, на каких наивных людей рассчитывал, например, Браухич, представляя себя убежденным пацифистом. Ведь если ему поверить, он, будучи главнокомандующим сухопутными силами, ничего не знал о планах агрессии, о подготовке военного вторжения в Австрию и Чехословакию и постоянно, назойливо уговаривал Гитлера не воевать.

Такой неуклюжей защитой можно ввести в заблуждение только самого себя.

Я позволю себе вкратце остановиться на доказательствах, опровергающих ухищрения и уловки защиты, которые преследуют единственную цель замаскировать и преуменьшить масштабы и характер преступной деятельности германских руководящих военных органов.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Из представленных Трибуналу доказательств с несомненностью вытекает, что генеральный штаб и верховное главнокомандование вооруженными силами в полной мере были осведомлены о преступных планах агрес-

сии гитлеровского правительства, разделяли эти планы и активно участвовали в их разработке и осуществлении.

Агрессивные и человеконенавистнические планы гитлеровских заговорщиков стали известны в Германии каждому немцу уже со времени появления в свет «Майн Кампф», они широко пропагандировались и распространялись изо дня в день, из месяца в месяц.

Эти планы с самого начала получили признание со стороны военных руководителей Германии, которые впоследствии отдали свой военный опыт и знания на службу гитлеровскому государству.

Я, однако, не намерен углубляться в историю гитлеровского государства и его военной машины для того, чтобы устанавливать сейчас, когда и при каких условиях возникла и зародилась преступная деятельность германских руководящих военных кругов.

Я хочу только напомнить о некоторых важнейших доказательствах, относящихся уже к периоду начала войны.

Еще 23 мая 1939 г. на совещании в новой имперской канцелярии с высшими военачальниками Гитлер заявил:

«Речь идет не о Данциге. Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на восток».

«Таким образом отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности».

Развивая в присутствии высших германских офицеров и генералов свои политические и военные планы, Гитлер на совещании от 22 августа 1939 г. в Обервальцберге говорил:

«На первом плане — уничтожение Польши... Если и на Западе разразится война, на первом плане остается уничтожение Польши... Для пропаганды я дам повод к развязыванию войны, безразлично, будет ли это правдоподобным или нет».

На совещании главнокомандующих 23 ноября 1939 г. Гитлер говорил своим ближайшим военным советникам:

«В основном же я не для того возродил вооруженные силы, чтобы они бездействовали. Решение действовать всегда жило во мне. Раньше или позже я хотел разрешить проблему. Вынужденно получалось так, что восток на ближайшее время выпал».

Это ли не свидетельство того, что Гитлер не делал из своих преступных планов секрета для высших военных руководителей гитлеровской Германии?

Еще более убедительными в этом смысле являются военно-оперативные документы германского командования, в которых в циничной форме излагаются преступные агрессивные цели гитлеровского правительства.

В директиве Гитлера от 30 мая 1938 г. о реализации плана «Грюн», предусматривавшего захват Чехословакии, указывалось:

«Моим непоколебимым решением является то, что Чехословакия в ближайшем будущем должна быть разбита в результате одного военного акта».

«Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности».

Или директива от 27 марта 1941 г. о захвате Югославии, которой предусматривалось:

«Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать, как врага, и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно».

Своего апогея эта циничная откровенность достигает в немецких военно-оперативных документах, касающихся подготовки нападения на СССР.

В инструкции ОКВ об особых областях от 13 марта 1941 г., т. е. еще задолго до нападения на СССР, прямо указывалось:

«Захватываемые во время операции русские области, как только это позволит ход военных действий, должны превращаться, в соответствии со специальными инструкциями, в государства с собственными правительствами».

В «Указаниях о применении пропаганды в районе «Барбаросса», изданных ОКВ в июне месяце 1941 года, предусматривалось, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза».

Наконец, документ № 21 от 18 декабря 1940 г., зашифрованный под названием «план Барбаросса», гласил:

«Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск—Волга».

Бывший генерал-фельдмаршал германской армии Фридрих Паулюс дал здесь в Суде исчерпывающее объяснение этой «конечной цели», которую преследовала гитлеровская Германия в войне против Советского Союза и которая была известна всему руководящему составу германских вооруженных сил.

Об этом с неменьшей убедительностью свидетельствует оглашенный здесь в Суде моим американским коллегой приказ бывшего командующего XI германской армией генерал-фельдмаршала фон Манштейна, в котором он, излагая политические цели войны против Советского Союза в духе указаний Гитлера, недвусмысленно оповещает своих подчиненных о том, что задача нападения на Советский Союз состоит в уничтожении существующей в нем политической системы государственного руководства.

Странно звучат после всего этого слова гитлеровского генерала фон Манштейна о том, что он был только солдатом, не осведомленным в политике гитлеровского правительства.

Этот приказ показывает не только осведомленность генералов в политических целях войны, но и полное одобрение этих целей. Да иначе не могло и быть. Что мог бы сделать Гитлер и его клика, если бы военные специалисты, генералитет немецкой армии не одобряли его планов.

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ ГЕРМАНСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ЭТОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

В гитлеровской Германии действительно существовала специфическая структура военного аппарата. Наряду с ОКВ, действовал генеральный штаб сухопутных войск, а также штабы военно-воздушных и военно-морских сил.

Штабы отдельных родов войск разрабатывали каждый в сфере своей компетенции соответствующие части общих агрессивных планов гитлеров-

ской Германии, а ОКВ координировал и объединял эту деятельность отдельных родов войск.

Поскольку решающая роль в осуществлении агрессивных планов возлагалась на сухопутные войска с их многочисленными и мощными танковыми силами, главенствующее место в подготовке агрессивных мероприятий гитлеровского правительства, естественно, занимал германский генеральный штаб.

Таким образом, существовавшая в гитлеровской Германии структура военного аппарата ни в коей мере не исключала, а, наоборот, предполагала самую активную роль генерального штаба в разработке, подготовке и осуществлении преступных агрессивных планов гитлеровского правительства.

Для характеристики практической роли германского генерального штаба в разработке и подготовке агрессивных планов гитлеровской Германии я сошлюсь на некоторые факты.

Я напомню вам, господа судьи, заявление бывшего генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, подтвержденное им здесь в Суде.

Паулюс сообщил:

«При моем поступлении на службу в ОКХ 3 сентября 1940 г., я, среди прочих планировок, застал там еще незаконченный предварительный план нападения на СССР, известный под условным названием «Барбаросса».

«Начатая в августе 1940 года разработка предварительного плана «Барбаросса» закончилась проведением двух военных игр под моим руководством в главной квартире ОКХ в Цоссене. Результат игр, принятый за основу при разработке директив по стратегическому развертыванию сил «Барбаросса», показал, что предусмотренная диспозиция на линии Астрахань — Архангельск должна была бы привести к полному поражению советского государства».

Разве кому-нибудь может быть теперь не ясно, что германский генеральный штаб являлся, наряду с ОКВ, создателем преступного плана «Барбаросса»?!

Не менее активная роль принадлежала германскому генеральному штабу в подготовке других агрессивных планов гитлеровской Германии.

Бывший германский генерал, заместитель подсудимого Иодля, Вальтер Варлимонт в своих показаниях от 13 ноября 1945 г. сообщил:

«Это указание (вариант «Барбаросса») появилось на свет точно таким же образом, как и другие подобные указания. Вначале следовал доклад главнокомандующего сухопутными силами у Гитлера об оперативных планах».

Не может вызвать никаких сомнений то, что в разработке преступных агрессивных планов германскому генеральному штабу, наряду с ОКВ, принадлежала решающая роль.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Германские вооруженные силы и их военачальники совершали, самостоятельно или во взаимодействии с германскими полицейскими органами, бесчисленные злодеяния на оккупированных территориях.

Простое перечисление документальных доказательств, разоблачающих злодеяния, совершенные немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях, заняло бы слишком много времени.

Поэтому я сошлюсь лишь на отдельные доказательства, подтверждающие, что военные преступления и преступления против человечности совершались немецкими вооруженными силами планомерно, в массовых масштабах, были заранее организованы и в них участвовали все звенья германской военной машины — от фельдмаршала до солдат.

Достаточно вспомнить распоряжение подсудимого Кейтеля от 13 мая 1941 г. «О применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск», которым предписывалось применение «самых крайних мер», для чего германским офицерам предоставлялось право расстрела без суда, и которым устанавливалась безнаказанность немецких военнослужащих за преступления, совершенные в отношении мирного населения.

Или распоряжение того же подсудимого Кейтеля от 16 сентября 1941 г., которым он предписывал германским войскам «иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости».

Можно также указать на приказы ОКВ об уничтожении советских военнопленных комиссаров, о клеймении советских военнопленных, приказы подсудимого Геринга об уничтожении взятых в плен летчиков союзных армий, о разграблении оккупированных территорий и угоне мирного населения в Германию на принудительный труд, приказ подсудимого Деница, запрещающий спасать людей с тонущих кораблей, приказ бывшего генерал-фельдмаршала Райхенау «О поведении войск на востоке» и многие другие.

Все они приобрели теперь уже нарицательный смысл.

Эти преступные приказы не оставались приказами на бумаге, как это пытались представить здесь некоторые свидетели вроде фон Браухича, или фон Манштейна. Они с немецкой пунктуальностью претворялись в жизнь.

Трибунал выслушал показание свидетеля, бывшего генерал-майора медицинской службы германской армии Вальтера Шрайбера.

Шрайбер, являясь ученым бактериологом, рассказал о плане гитлеровских заговорщиков использовать в войне в качестве орудия смертоносные бациллы чумы. Он сообщил, как зарождалось и осуществлялось это преступление, вдохновителями которого были германское верховное командование и германский генеральный штаб, подсудимые Герман Геринг и Вильгельм Кейтель.

Только выход наступающих частей Красной Армии к границам Германии сорвал этот преступный план гитлеровской военной клики, осуществление которого угрожало новыми страшными бедствиями, опустошением всей Европы.

Гитлеровское тотальное государство широко использовало взаимодействие отдельных своих звеньев. И неслучайно при этом особое внимание было уделено на обеспечение взаимодействия военного аппарата в гитлеровской Германии с другими немецкими государственными органами.

ОКВ было представлено во многих германских министерствах так называемыми офицерами связи, в то же время многие министерства имели своих представителей в ОКВ.

Особенно широко подобное взаимодействие было использовано в деятельности немецких военных и гражданских властей на оккупированных территориях.

Но если гитлеровские военачальники под давлением улик вынуждены признавать свои связи, например, с министерством иностранных дел или министерством восточных оккупированных территорий, то они наотрез отказываются признавать свои связи с германской государственной полицией и СС.

И это понятно. Одно наличие подобной связи само по себе разоблачило бы их участие в многочисленных злодеяниях на оккупированных территориях.

Поэтому я считаю себя обязанным доказать существование преступной связи между германским военным командованием и германской государственной тайной полицией и другими полицейскими органами.

Возникновение этой связи относится к периоду еще задолго до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Инструкцией об особых областях, изданной ОКВ 13 марта 1941 г. и подписанной подсудимым Кейтелем, предусматривалась необходимость согласования действий на оккупированных территориях между рейхсфюрером СС и командованием армии.

Свидетели Вальтер Шелленберг и Отто Олендорф, бывшие руководители германского имперского управления безопасности, в своих показаниях на суде сообщили, что еще в мае 1941 года во исполнение указаний ОКВ представителем ОКХ генерал-квартирмейстером Вагнером и начальником полиции безопасности и СД Гейдрихом было заключено соглашение, предусматривавшее организацию и порядок деятельности в составе германских вооруженных сил специальных оперативных групп полиции безопасности и СД.

Во время перекрестного допроса на суде свидетеля фон Браухича он подтвердил, что был осведомлен о соответствующих переговорах между Вагнером и Гейдрихом.

Наличие и характер деятельности оперативных групп полиции безопасности и СД в составе германских вооруженных сил подтверждается рядом документальных доказательств.

В отчете оперативной группы «А» полиции безопасности и СД, по состоянию на 15 октября 1941 г., указывалось:

«В наши задачи входило установить личный контакт с командующими и начальником тыла. Нужно отметить, что отношения с армией сложились самые лучшие, в некоторых случаях близкие, почти сердечные, как, например, с командующим танковой группой генерал-полковником Гоппнер».

И далее:

«С самого начала наступления на восток стало ясно, что специальная работа полиции безопасности должна распространяться не только на район тыла, но и на район главных действий».

Из письма генерального комиссара Белоруссии палача Кубе от 1 ноября 1941 г., в котором даже он выражает возмущение преступными действиями полицейских органов в г. Слуцке, видно, что 11-й полицейский батальон, проводивший массовые расстрелы евреев в этом городе, находился в непосредственном подчинении военного командования».

И от приказов Геринга, Деница, Иодля, Кейтеля, от преступного соглашения Вагнера и Гейдриха, от приказов Райхенау и Манштейна

проложен кровавый след к бесчисленным злодеяниям немецких войск и оперативных групп полиции безопасности на оккупированных территориях.

Кровью миллионов невинных жертв обагрены не только руки немецкого солдата Книттеля и обер-ефрейтора Курта, но и руки фельдмаршалов немецкой армии.

Гитлеровская военная машина, возглавленная верховным главнокомандованием вооруженными силами и германским генеральным штабом, являлась решающей силой, с помощью которой замышлялись и осуществлялись все преступные агрессивные планы гитлеровского правительства, все военные преступления и преступления против человечности.

Германское верховное командование и германский генеральный штаб являлись таким образом одной из важнейших организаций по осуществлению преступного заговора гитлеровской клики, а высшие военачальники германских вооруженных сил — активными участниками этого заговора.

В результате судебного следствия я считаю полностью доказанным преступный характер этой военной организации.

ПРАВИТЕЛЬСТВО (ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ)

Я перехожу к последней из организаций, которой предъявлено обвинение в том, что она является преступной,— к гитлеровскому правительству, к правительственному кабинету, который занимал особо выдающееся место в системе фашистской диктатуры.

Приложение «В» к Обвинительному акту содержит подробный перечень лиц, которые составляли правительство и на которых в силу этого возлагается ответственность за совершенные гитлеровцами преступления, перечисленные в разделах первом, втором, третьем и четвертом Обвинительного акта.

На протяжении девяти месяцев Трибунал рассматривал доказательства чудовищных преступлений нацистов. Мы слушали здесь о преступлениях полиции и вермахта, эсэсовцев и гестапо, имперских наместников и имперских комиссаров оккупированных территорий, различных фюреров и лейтеров. И мы можем со всей категоричностью заявить, что планомерность и однородность преступлений, единство способов и методов их совершения свидетельствуют о том, что эти преступления направлялись и совершались по указаниям единого центра. Нити всех этих многочисленных и многообразных преступлений ведут к банде фашистских заговорщиков и к преступному гитлеровскому правительству.

В этом свете совершенно неубедительными являются заявления защиты и подсудимых о том, что при Гитлере совет министров был только техническим аппаратом, лишенным реальной власти. Действительно, министры не только сами разрешали отнесенные к их компетенции вопросы, но вместе с тем являлись исполнителями воли Гитлера. Верно и то, что окончательное решение официальных и неофициальных обсуждений и совещаний принимал Гитлер. Но, наряду с этим, нельзя забывать и того факта, что каждый из гитлеровских министров был фюрером в своем ведомстве и своими советами, представляемыми материалами, проектами законов и приказов весьма существенно влиял на принимаемые Гитлером решения в отношении вопросов, затрагивающих деятельность нескольких

ведомств. Нельзя также не учитывать, что воля Гитлера полностью соответствовала личным взглядам и убеждениям его министров. Они были нужны Гитлеру в такой же степени, как и Гитлер был нужен им. Геринг, Фрик, Розенберг, Нейрат, Шпеер, Функ и другие немыслимы без Гитлера, равным образом Гитлер немыслим без них. Под руководством Гитлера они активно участвовали в разработке фашистского заговора, и каждый из них в роли, отведенной ему общим преступным планом, определяющим деятельность буквально всех ведомств, сознательно и активно выполнял этот план. Будучи руководителями соответствующих центральных ведомств гитлеровской Германии — финансов, экономики, юстиции, путей сообщения и т. д.,— они обладали в период 1933—1945 гг. всей полнотой законодательной, исполнительной, административной и политической власти. И эту власть они использовали на осуществление преступных планов захвата чужих территорий, истребления рас и народов, установления мирового господства. А чтобы облегчить выполнение этих преступных планов, они в первую очередь захватили и драконовскими мерами поддерживали власть над немецким народом и немецким государством.

Волна фашистского террора прокатилась по всей Германии еще до прихода Гитлера к власти и особенно усилилась после того, когда в 1933 году он стал канцлером, а подсудимые Фрик, Папен и Нейрат министрами имперского правительства. Используя свое пребывание в составе правительства, эти фашистские министры полностью легализовали террор штурмовых отрядов нацистской партии и подготовили последующий захват власти, используя для этого организованный подсудимым Герингом поджог рейхстага.

Немедленно после захвата фашистами власти — 24 марта 1933 г. издается закон «О защите народа и государства», которым имперскому правительству, помимо рейхстага, предоставляется право законодательства.

26 мая 1933 г. имперское правительство издает указ о конфискации собственности коммунистических организаций, 1 декабря 1933 г. преступное имперское правительство за подписью Гитлера и подсудимого Фрика публикует закон «Об обеспечении единства партии и государства».

Продолжая ликвидацию демократических институтов, имперское правительство в 1934 году законом «О реконструкции империи» отменяет демократические выборы в центральные и местные представительные учреждения. Рейхстаг превращается фашистами в учреждение, не имеющее никакого реального значения.

Законом от 7 апреля 1933 г. и другими все государственные служащие, в том числе и судьи, замеченные когда-либо в антифашистских настроениях или в принадлежности к левым организациям, а также евреи, были уволены со службы и заменены фашистами. Согласно «Основным положениям немецкого закона о чиновниках» от 26 января 1937 г., «внутренняя связь чиновника с партией является предпосылкой для его назначения на должность... Чиновник должен быть исполнителем воли национал-социалистского государства, руководимого национал-социалистской партией».

Проведение полной фашизации аппарата государственной власти в Германии позволило гитлеровским заговорщикам использовать его в даль-

нейшем, как послушное орудие для осуществления всех своих преступных планов.

Для внедрения фашистской идеологии и обмана населения Германии гитлеровское правительство проводит ряд мер.

1 мая 1934 г. создается министерство образования, которому поручается воспитание учащихся в духе милитаризма, расовой непримиримости и извращенного фашистскими бредовыми идеями представления о действительности.

Такого рода задачи выполняли также имперский руководитель молодежи и подведомственные ему органы.

Отменяется свобода личности, слова и печати.

Уничтожаются свободные профсоюзы, собственность их конфисковывается, а большинство руководителей заключается в тюрьмы.

Для террористического подавления всякого сопротивления правительством создаются гестапо и концентрационные лагери. Без всякого суда, без предъявления в законном порядке какого-либо конкретного обвинения арестовываются и истребляются сотни тысяч людей по одному подозрению в антифашистских настроениях.

Защита пытается заверить, что члены имперского правительства не участвовали в издании позорных нюрнбергских законов о расовой дискриминации евреев. Между тем нюрнбергские законы содержали специальные поручения двум членам имперского правительства — Гессу и Фрику — разработать и издать дополнительные декреты в развитие этих законов. И эти декреты были изданы Гессом и Фриком.

Тот же Фрик совместно с Функом, действуя по поручению Геринга, издал 3 декабря 1938 г. декреты «о ликвидации еврейской собственности» и ряд других.

В любом государстве правительство несет ответственность за все законы, изданные в период нахождения его у власти.

Трибунал имел возможность подробно рассмотреть всю деятельность гитлеровского правительства, направленную к подготовке и развязыванию агрессии. Мне нет необходимости напоминать о захвате Австрии и Чехословакии в 1938—1939 гг., нападении на Польшу, Югославию, Советский Союз. Многочисленные документы, представленные Трибуналу, подтверждают, что со стороны гитлеровского правительства было сделано все для удержания в своих руках захваченных территорий Франции, Польши, Чехословакии, Югославии, Норвегии, Голландии, Бельгии и других стран, так же как и части территории СССР. Только мощные удары Советской Армии и армий союзных государств не дали возможности фашистским заговорщикам осуществить эти злодейские планы.

Деятельность гитлеровского правительства привела к войне, унесшей миллионы человеческих жизней и причинившей неисчислимый материальный ущерб и неизмеримые страдания многим народам.

Гитлеровское правительство отвечает также за все военные преступления и преступления против человечности, которые были совершены немецкими войсками и немецкими властями в ходе военных действий. Многочисленные доказательства, прошедшие перед судом, достаточно ясно показали, что гитлеровская Германия готовилась к ведению войны самым беспощадным путем, с полным пренебрежением к законам и обычаям войны.

Военные преступления и преступления против человечности совершались не только в отношении вооруженных сил объединившихся против

фашистского агрессора свободолюбивых народов, но также и против ни в чем неповинного мирного гражданского населения. Еще до вероломного нападения на Советский Союз правительство гитлеровской Германии тщательно разработало планы чудовищного истребления передовой части советского народа.

Опубликованные в свое время Чрезвычайной Государственной Комиссией сообщения о немецко-фашистских злодеяниях в гг. Новгороде, Ставрополе, Орле, Сталино, Смоленске, Киеве и других городах установили существование продуманной системы преднамеренного массового истребления немецкими оккупантами военнопленных и мирных советских граждан.

Все подсудимые — члены гитлеровского правительства лицемерно утверждали, что о неслыханных зверствах гитлеровцев в концентрационных лагерях, о диком произволе эсэсовцев, о бесчинствах немецких властей на временно оккупированных немцами территориях они якобы узнали только на настоящем процессе. Но эти утверждения явно лживы.

Об этих фактах знал в той или иной мере каждый немец. Об этом передавали радиостанции всего мира.

О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных и мирных советских граждан было доведено до сведения всего мира в нотах Народного Комиссара Иностранных дел СССР В. М. Молотова от 25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г. И несмотря на то, что нарушения самых элементарных требований международного права и человеческой морали, которые допускались немецкой армией и немецкими властями, стали известны имперскому правительству из названных нот, преступное попрание законов и обычаев войны продолжалось и в 1943—1945 гг. Следовательно, все эти преступления творились с ведома и по прямым указаниям гитлеровского правительства.

Разве Розенберг не получил служебную записку Ламмерса, в которой указывалось, что в отношении советских военнопленных Женевская конвенция не действует?

Разве не был разослан министрам циркуляр партийной канцелярии за подписью подсудимого Бермана с директивой о жестоком обращении и надругательствах над советскими военнопленными?

Разве министерство внутренних дел, главное управление имперской безопасности, гестапо, тюрьмы и концлагери не являлись органами германского правительства?

Оно должно в полной мере нести ответственность за совершенные этими фашистскими государственными органами злодеяния.

Члены гитлеровского правительства всячески пытались отгородиться от СС-вцев и, будучи изобличены, каждый раз придумывали новые версии, одна лживее другой.

Розенберг, Нейрат, Фрик, Франк, Риббентроп и прочие министры были генералами СС и СА.

И это обстоятельство имело отнюдь не формальное значение, в чем можно убедиться хотя бы из письма подсудимого Риббентропа к Гиммлеру от 22 июля 1940 г., представленного Суду Советским обвинением.

Министр Розенберг пытался заверить суд, что он также не знал о злодейских приказах министра Гиммлера.

Но именно Гиммлер предписывал 7 сентября 1943 г. фюрерам СС и СД проведение совместно с военным командованием тотального разруше-

ния областей Украины, когда он предлагал, чтобы «там не было оставлено ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одной железнодорожной линии, ни одного целого дома, ни одной шахты, которую можно было эксплуатировать в течение ближайших лет, ни одного не отравленного колодца» — специально позаботиться о том, чтобы об этом приказе был информирован рейхсминистр по восточным оккупированным территориям Розенберг.

Министр Геринг разослал 8 марта 1940 г. «высшим имперским властям» преступную директиву об «обращении с гражданскими рабочими и работницами польской национальности в империи».

Министр Франк, как он об этом неоднократно отмечал в своем дневнике, получает директивы от Геринга об угоне в немецкое рабство любыми способами сотен тысяч поляков.

Министры Шпеер, Розенберг, Кейтель, Функ, Зейс-Инкварт и другие изобличены на суде в даче директив и разработке мероприятий по использованию принудительного труда военнопленных и мирных жителей захваченных немцами территорий.

Не кто другой, как министр Розенберг, одобрил мероприятие армейской группы «Центр» о захвате 40—50 тысяч детей в возрасте от 10 до 14 лет с советской территории и доставке их в Германию.

Разве эти примеры не свидетельствуют о преступлениях гитлеровского правительства?

Документально установлено, что планомерно организованное ограбление захваченных немцами территорий проводилось по официальным директивам и указаниям гитлеровского правительства и отдельных его членов. Директивы министра Геринга о плановом грабеже на оккупированной советской территории (так называемая «Зеленая папка» Геринга), деятельность грабительского «эйнзатцштаба» и «батальона особого назначения», министров Розенберга и Риббентропа по разграблению культурных ценностей и памятников искусства, действия министров Функа и Шпеера — разве не достаточны для вывода об участии гитлеровского правительства в разграблении захваченных немцами территорий?

Имперское правительство Германии отвечает за разграбление государственной, общественной и частной собственности, за разрушение и расхищение культурных ценностей на временно оккупированных гитлеровцами территориях. Только СССР действиями оккупантов причинен материальный ущерб в сумме 679 миллиардов рублей.

Члены имперского правительства несут ответственность за принудительную германизацию захваченных немцами областей. Именно имперские министры Геринг, Фрик, Гесс, Ламмерс подписали указ о включении четырех западных провинций Польши в состав Германии.

Не кто иной, как министр Фрик, инструктируя имперского наместника Райнера, говорил:

«...Ваша самая главная задача будет состоять в том, чтобы новые области югославской Каринтии и Верхней Крайны включить полностью в состав Германской империи... Так как без создания стены немецких людей, каждое здание управления, как бы оно ни было хорошо, рухнет раньше или позже... ваша задача, партийный товарищ Райнер, состоит в том, чтобы эту область вновь и вполне сделать немецкой».

Достаточно вспомнить соглашение министров Риббентропа и Гиммлера об организации разведывательной службы за границей; соглашение

Гиммлера — Бормана с министром юстиции Тираком от 13 августа 1942 г. об осуществлении особых массовых полицейских мероприятий по уничтожению евреев, цыган, русских, украинцев, поляков, чехов под видом так называемых асоциальных элементов; письмо министра Ламмерса от 4 июня 1944 г. на имя министра Тирака о непривлечении к ответственности виновных в убийстве приземлившихся союзных летчиков; письмо министра Кейтеля министру иностранных дел по вопросу об обращении с союзными летчиками,— чтобы представить себе бандитское правительство.

4 февраля 1938 г. Гитлер создал тайный совет министров, в следующих словах показав его назначение: «Для помощи мне советами по вопросам внешней политики я создаю тайный совет».

Председателем тайного совета Гитлер назначил Нейрата, а членами — Риббентропа, Геринга, Гесса, Геббельса, Ламмерса, Браухича, Редера и Кейтеля.

21 мая 1935 г. Гитлер создал имперский совет обороны.

30 августа 1939 г. Гитлер реорганизует совет по обороне государства в совет министров по обороне Германской империи, назначив председателем этого совета министра Геринга, а членами — Гесса, Фрика, Функа, Кейтеля и Ламмерса.

На заседании от 23 июня 1939 г. председатель этого совета Геринг подчеркнул, что «совет обороны империи является решающей корпорацией в империи по вопросам подготовки к войне» и что «заседания совета обороны созываются для принятия самых важных решений».

Не оборона, а нападение, подготовка к агрессивным войнам была задачей этого совета.

В подготовке к войне принимали участие не только члены имперского совета обороны, но и все остальные министры.

Так, на заседании совета от 23 июня 1939 г. принимали участие наряду с Герингом, Функом, Фриком, Гиммлером, Кейтелем и Ламмерсом министры Шверинг фон Крозиг, Дорфмюллер и другие.

На этом заседании планировалось не только использование в военной промышленности труда военнопленных и населения захваченных территорий, но и труда заключенных и даже количество заключенных во время войны.

В протоколе указывается:

«Генеральному уполномоченному по экономике (т. е. Функу) поручается определить ту работу, которую должны будут выполнять военнопленные, а также лица, остающиеся в тюрьмах, концлагерях и на каторге. По сведениям рейхсфюрера СС, во время войны в концлагерях будет находиться значительно большее количество людей. По предварительным данным, в мастерских внутри концлагерей будет занято 20 тысяч заключенных».

На этом заседании упоминались директивы по сотрудничеству между ОКВ и генеральным уполномоченным по экономике от 3 мая 1939 г. при подготовке предприятий военного хозяйства к войне, обсуждались планы тотальной войны, были заслушаны специальные доклады начальника 5-го отдела генерального штаба полковника Герке и министра путей сообщения Дорфмюллера.

Были ли осведомлены все члены имперского правительства об этих решениях? Безусловно, да, и это видно хотя бы из перечня адресатов, кому был разослан протокол заседания от 23 июня 1939 г. Протокол засе-

дания имперского совета обороны был разослан: заместителю фюрера, начальнику имперской канцелярии, председателю тайного совета министров, уполномоченному по четырехлетнему плану, министрам иностранных дел, юстиции, внутренних дел, воспитания и народного просвещения, экономики, по делам церкви, питания и сельского хозяйства, труда, финансов, путей сообщения, почт, директорату рейхсбанка и т. д.

Одно то обстоятельство, что большинство членов имперского правительства является подсудимыми на настоящем процессе, предрешает вопрос о характере данной организации.

Я считаю, что виновность германского гитлеровского правительства в тягчайших преступлениях полностью доказана, и оно должно быть признано преступной организацией.

Господа судьи!

Для осуществления задуманных ими злодеяний главари фашистского заговора создали систему преступных организаций, которой была посвящена моя речь.

Ныне те, кто поставили целью установить господство над миром и истребление народов, с трепетом ждут грядущего приговора суда.

Этот приговор должен настичь не только посаженных на скамью подсудимых авторов кровавых фашистских «идей», главных организаторов преступлений гитлеризма.

Ваш приговор должен осудить всю преступную систему германского фашизма, ту сложную, широко разветвленную сеть партийных, правительственных, эсэсовских, военных организаций, которые непосредственно претворяли в жизнь злодейские предначертания главных заговорщиков.

На полях битв человечество уже вынесло свой приговор преступному германскому фашизму.

В огне величайших в истории человечества боев героической Советской Армии и доблестными войсками союзников были не только разгромлены гитлеровские орды, но утверждены высокие и благородные принципы международного сотрудничества, человеческой морали, гуманные правила человеческого общежития.

Обвинение выполнило свой долг перед высоким судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед своей собственной совестью.

Да совершится же над фашистскими палачами суд народов — справедливый и суровый.

ПРИГОВОР

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ,

заседавший в Нюрнберге (Германия) в составе:

Достопочтенного лорда-судьи ЛОРЕНСА (члена Трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии) — председатель,

Достопочтенного судьи БИРКЕТТА (заместителя члена Трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии),

Генерал-майора юстиции И. Т. НИКИТЧЕНКО (члена Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик),

Подполковника А. Ф. ВОЛЧКОВА (заместителя члена Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик),

Достопочтенного Фрэнсиса БИДДЛА (члена Трибунала от Соединенных Штатов Америки),

Достопочтенного Джона Дж. ПАРКЕРА (заместителя члена Трибунала от Соединенных Штатов Америки),

Господина профессора ДОННЕДЬЕ де ВАБРА (члена Трибунала от Французской республики),

Господина советника ФАЛЬКО (заместителя члена Трибунала от Французской республики),

— с привлечением уполномоченных, назначенных Трибуналом для допроса свидетелей по делу организации: подполковника А. М. С. Нив — главного уполномоченного; г-на И. В. Разумова; капитана Джозефа Ф. Губриди; г-на Джорджа Р. Тейлор; г-на И. Д. Мак-Иллрейт; г-на Амман Мартен-Авар и Секретариата Трибунала в составе: Генерального Секретаря: а) бригадного генерала Вилльяма И. Митчелл с 6 ноября 1945 г. до 24 июня 1946 г., б) полковника Джона Е. Рей с 24 июня 1946 г.; секретаря от Союза Советских Социалистических Республик майора А. И. Полторак; секретаря от Соединенных Штатов Америки: а) Гарольда Б. Вилли с 6 ноября 1945 г. до 16 июня 1946 г., б) Вальтера Гилкисон с 16 июня 1946 г.; секретаря от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии И. Д. Мак-Иллрейт; секретаря от Французской республики А. Мартен-Авар.

Рассматривал дело по обвинению: Германа Вильгельма ГЕРИНГ, Рудольфа ГЕСС, Иоахима фон РИББЕНТРОП, Роберта ЛЕЙ, Вильгельма КЕЙТЕЛЬ, Эрнеста КАЛЬТЕНБРУННЕР, Альфреда РОЗЕНБЕРГ, Ганса ФРАНК, Вильгельма ФРИК, Юлиуса ШТРЕЙХЕР, Вальтера ФУНК, Гельмара ШАХТ, Густава КРУПП фон БОЛЕН унд ГАЛЬБАХ, Карла ДЕНИЦ, Эриха РЕДЕР, Бальдура фон ШИРАХ, Фрица ЗАУКЕЛЬ, Альфреда ИОДЛЬ, Мартина БОРМАН, Франца фон ПАПЕН,

Артура ЗЕЙСС-ИНКВАРТ, Альберта ШПЕЕР, Константина фон НЕЙРАТ и Ганса ФРИЧЕ индивидуально и как членов любой из следующих групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: имперский кабинет, руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (известные под названием СС), включая службу безопасности (известную под названием СД), государственная тайная полиция (известная под названием гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (известные под названием СА), генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил,— всех, как они названы в приложении «В» к Обвинительному заключению.

С участием главных обвинителей: от Соединенных Штатов Америки — г-на судьи Роберта Х. ДЖЕКСОН,

от Союза Советских Социалистических Республик — государственного советника юстиции 2 класса — Р. А. РУДЕНКО,

от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — сэра Хартли ШОУКРОСС, адвоката Королевской скамьи, члена парламента;

от Французской республики — г-на ШАМПЕТЬЕ де РИБ

и защитников:

подсудимого	Геринга	д-ра Отто Штамер
»	Гесса	д-ра Альфреда Зейдль
»	Риббентропа	д-ра Мартина Хорн
»	Кейтеля	д-ра Отто Нельте
»	Кальтенбруннера	д-ра Курта Кауфман
»	Розенберга	д-ра Альфреда Тома
»	Франка	д-ра Альфреда Зейдль
»	Фрика	д-ра Отто Панненбекер
»	Штрейхера	д-ра Ганса Маркс
»	Функа	д-ра Фрица Заутер
»	Шахта	д-ра Рудольфа Дикс
»	Деница	капитана Отто Кранцбюллер
»	Редера	д-ра Вальтера Зимерс
»	фон Шираха	д-ра Фрица Заутер
»	Заукеля	д-ра Роберта Серватиус
»	Иодля	проф. Франца Экснер
»	фон Папена	д-ра Эгона Кубушек
»	Зейсс-Инкварта	д-ра Густава Штейнбауэр
»	Шпеера	д-ра Ганса Флекснер
»	фон Нейрата	д-ра Отто фон Людингхаузен
»	Фриче	д-ра Гейнца Фриц
»	Бормана	д-ра Фридриха Бергольд

имперского кабинета (рейхсрегирунг) — д-ра Эгона Кубушек

руководящего состава национал-социалистской партии — д-ра Роберта Серватиус

охранных отрядов национал-социалистской партии (известных под названием СС) — д-ра Бабель и д-ра Пелькман

службы безопасности (известной под названием СД) — д-ра Ганса Гавелик

государственной тайной полиции (известной под названием гестапо) д-ра Рудольфа Маркель

штурмовых отрядов национал-социалистской партии (известных под названием СА) — д-ра Георга Бем

генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил — д-ра Ганса Латернзер.

ПРИГОВОР

8 августа 1945 года Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики вступили в соглашение, в соответствии с которым учрежден Трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом.

В соответствии со статьей 5-й Правительства следующих государств, входящие в Объединенные Нации, заявили о своем присоединении к соглашению: Греции, Дании, Югославии, Голландии, Чехословакии, Польши, Бельгии, Эфиопии, Австралии, Гондураса, Норвегии, Панамы, Люксембурга, Гаити, Новой Зеландии, Индии, Венецуэлы, Уругвая и Парагвая.

Устав, приложенный к соглашению, определил организацию, юрисдикцию и функции Трибунала.

Трибунал был облечен властью судить и наказать лиц, которые совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, как они определены в Уставе.

Устав также предусматривает, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

18 октября 1945 г. в Берлине, в соответствии со статьей 14-й Устава, Трибуналу было представлено Обвинительное заключение в отношении вышеперечисленных подсудимых, которые были названы Комитетом Главных Обвинителей подписавших соглашение держав главными военными преступниками. Экземпляр Обвинительного заключения на немецком языке был вручен каждому подсудимому, находившемуся в заключении, по крайней мере, за 30 дней до начала процесса.

Согласно Обвинительному заключению, подсудимым вменяется в вину совершение преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивных войн, которые являются также войнами в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий; военные преступления и преступления против человечности. Кроме того, подсудимым вменяется в вину участие в создании и осуществлении общего плана или заговора для совершения всех этих преступлений.

Обвинение далее просило Трибунал объявить все вышеназванные группы или организации преступными в том смысле, как это определено Уставом.

Обвиняемый Роберт Лей покончил с собой в тюрьме 25 октября 1945 г. 15 ноября 1945 года Трибунал вынес постановление о том, что обвиняемый Густав Крупп фон Болен унд Гальбах не может предстать перед судом в связи со своим физическим и умственным состоянием, но что обвинения, предъявленные ему по Обвинительному заключению, остаются в силе и обвиняемый должен будет впоследствии предстать перед судом, если его физическое и умственное состояние позволит это.

17 ноября 1945 г. Трибунал постановил слушать дело подсудимого Мартина Бормана в его отсутствие, в соответствии со статьей 12 Устава. После обсуждения аргументов и рассмотрения подробных медицинских заключений и заявления самого подсудимого, 1 декабря 1945 г. Трибунал решил, что умственное состояние подсудимого Гесса не является основанием для откладывания рассмотрения его дела. Подобное же решение было вынесено в отношении подсудимого Штрейхера.

В соответствии со ст. ст. 16 и 23 Устава, подсудимые, находящиеся в заключении, либо сами выбрали себе защитников, либо, по их желанию, защитники были назначены Трибуналом.

В связи с отсутствием подсудимого Бормана Трибунал назначил ему защитника, а также назначил защитников для названных выше групп или организаций.

Процесс начался 20 ноября 1945 г. и велся на четырех языках — английском, русском, французском и немецком. Все подсудимые, кроме Бормана, не признали себя виновными.

Предъявление доказательств и речи сторон закончились 31 августа 1946 г. Состоялось 403 открытых судебных заседания Трибунала. 33 свидетеля обвинения дали устные показания против отдельных подсудимых; кроме 19 подсудимых, был допрошен 61 свидетель защиты. Еще 143 свидетеля защиты дали показания путем представления письменных ответов на опросные листы. Трибунал назначил уполномоченных для подбора доказательств, относящихся к организациям. 101 свидетель защиты дал показания перед уполномоченными, и было представлено 1809 письменных показаний других свидетелей. Было также представлено 6 отчетов, резюмирующих содержание большого числа других письменных показаний. 38 000 письменных показаний, подписанных 155 000 человек, было представлено по делу политических руководителей; 136 213 — по делу СС; 10 000 — по делу СА; 7000 — по делу СД; 3000 — по делу генерального штаба и ОКВ и 2000 — по делу гестапо.

Трибунал сам заслушал 22 свидетеля по делу организаций. Документы, представленные в качестве доказательств по обвинению отдельных подсудимых и организаций, исчисляются несколькими тысячами. Во время процесса производилась полная стенографическая запись всего, что говорилось на суде, а также электрозвукозапись всех заседаний Трибунала.

Копии всех документов, представленных в качестве доказательств Обвинения, передавались защите на немецком языке. Ходатайства подсудимых о вызове свидетелей и истребовании документов в некоторых случаях вызывали серьезные затруднения в связи с неустройством в стране. Было также необходимо ограничить число свидетелей, вызываемых в Трибунал, для того, чтобы обеспечить скорый суд в соответствии со статьей 18(с) Устава. Трибунал после их рассмотрения удовлетворил все те ходатайства, которые, по его мнению, имели отношение к защите

любого из подсудимых или любой из названных групп или организаций и не являлись кумулятивными. Через генеральный секретариат, учрежденный Трибуналом, была предоставлена возможность доставки свидетелей и документов, ходатайства о вызове и истребовании которых были удовлетворены.

Бóльшая часть доказательств, представленных Трибуналу Обвинением, являлась документальными доказательствами, захваченными союзными армиями в германских армейских штáбах, в правительственных зданиях и в других местах. Некоторые из документов были обнаружены в соляных копях зарытыми в земле, спрятанными за ложными стенами и в других местах, которые считались недоступными с точки зрения обнаружения этих документов.

Таким образом, обвинение против подсудимых базируется в большей степени на документах, составленных ими самими, аутентичность которых не оспаривалась, за исключением одного или двух случаев.

ПОЛОЖЕНИЯ УСТАВА

Отдельные подсудимые обвиняются по статье 6 Устава, которая гласит:

«Статья 6. Трибунал, учрежденный Соглашением, упомянутым в статье 1 настоящего Устава для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси, индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений.

Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

(a) *Преступления против мира*, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий.

(b) *Военные преступления*, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.

(c) *Преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».

Эти положения представляют собой правовую основу для Трибунала при рассмотрении данного судебного дела. Позднее Трибунал обсудит эти положения более детально, но перед этим необходимо остановиться на фактах.

С целью дать представление об обстановке, предшествовавшей агрессивной войне, и условиях совершения военных преступлений, инкриминируемых Обвинительным заключением, Трибунал начнет с обзора некоторых событий, последовавших за первой мировой войной, и, в частности, проследит за ходом развития нацистской партии под руководством Гитлера вплоть до момента, когда она стала той верховной властью, которая управляла судьбой всего немецкого народа и готовила почву для всех тех преступлений, в совершении которых обвиняются подсудимые.

НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ В ГЕРМАНИИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЦЕЛИ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

5 января 1919 г., не более чем через два месяца после заключения перемирия, которым закончилась первая мировая война, и за шесть месяцев до подписания мирных договоров в Версале, в Германии появилась небольшая политическая партия под наименованием Германская Рабочая Партия. 12 сентября 1919 г. Адольф Гитлер стал членом этой партии и на первом открытом собрании, состоявшемся в Мюнхене 24 февраля 1920 г., объявил программу партии. Эта программа, остававшаяся неизменной до момента, когда партия была распущена в 1945 году, содержала 25 пунктов, из которых следующие 5 представляют особый интерес, поскольку они освещают те вопросы, рассмотрением которых занимается Трибунал:

«Пункт 1. Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение.

Пункт 2. Мы требуем для германского народа равных прав с другими нациями; аннулирования Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

Пункт 3. Мы требуем земли и территории для существования нашего народа и для колонизации их нашим избыточным населением.

Пункт 4. Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином; только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к германской расе...

Пункт 22. Мы требуем уничтожения наемных войск и создания национальной армии».

Одной из этих целей, которая, очевидно, рассматривалась как самая важная и о которой говорилось почти во всех публичных выступлениях, было уничтожение «позора» перемирия и ограничений Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров. Типичной является речь Гитлера, произнесенная в Мюнхене 13 апреля 1923 г., в которой он, например, заявил относительно Версальского договора:

«Договор был создан для того, чтобы привести к гибели 20 миллионов немцев и погубить германскую нацию... При своем возникновении наше движение выдвинуло три требования: 1) Аннулирование мирного договора, 2) объединение всех немцев, 3) земля и территория для нашего народа».

Требование о воссоединении всех немцев в пределах Великой Германии сыграло важную роль в событиях, предшествовавших захвату Австрии и Чехословакии; отказ от Версальского договора стал ведущим мотивом в попытке оправдать политику германского правительства. Требования земельных приобретений должны были послужить оправданием для захвата «жизненного пространства» за счет других народов. Исключение евреев из расового единства германской крови привело к зверствам против еврейского народа, а требования национальной армии не могли не привести к мероприятиям по перевооружению в самом широком масштабе и, впоследствии, к войне.

29 июля 1921 г. партия, переименованная в национал-социалистскую немецкую рабочую партию (НСДАП), была реорганизована, и Гитлер стал ее первым «председателем». Именно в этом году были основаны штурмовые отряды, или СА, во главе с Гитлером, являвшиеся полувоенными отрядами личной охраны, которые якобы предназначались для защиты руководителей НСДАП от нападения со стороны соперничавших с ней политических партий и для поддержания порядка на митингах НСДАП, а на самом деле использовались для борьбы с политическими противниками на улицах. В марте 1923 года подсудимый Геринг был назначен руководителем СА.

Внутрипартийная жизнь строилась на непреложном соблюдении «принципа фюрерства» («фюрерпринцип»).

Согласно этому принципу каждый фюрер имел право управлять, администрировать и издавать распоряжения без всякого контроля и по своему собственному усмотрению, руководствуясь только указаниями сверху. Этот принцип осуществлялся, прежде всего, в отношении самого Гитлера, как фюрера партии, и затем, в меньшей степени, в отношении всех других партийных чиновников. Все члены партии давали клятву в «вечной верности» фюреру.

Существовало только два пути, при помощи которых Германия могла достичь этих трех главных целей: путем переговоров или силой. В 25 пунктах программы НСДАП не указываются специально те методы, которыми руководители партии предполагали действовать, однако история нацистского режима показывает, что Гитлер и его последователи были готовы вступить в переговоры только при том условии, если их требования будут удовлетворены, и что в противном случае ими применялась сила.

В ночь на 8 ноября 1923 г. в Мюнхене произошел неудавшийся путч. Гитлер и несколько его последователей ворвались на митинг в погребке «Бюргерброй», на котором выступал баварский премьер-министр Кар, с намерением добиться от него решения итти на Берлин. Однако утром 9 ноября баварцы не оказали им поддержки, и гитлеровская демонстрация была встречена вооруженными частями рейхсвера и полиции. Было сделано всего несколько залпов, и после того, как несколько десятков его последователей было убито, Гитлер убежал, спасая свою жизнь, и демонстрация кончилась. Подсудимые Штрейхер, Фрик, Гесс принимали участие в этой попытке к восстанию. Гитлер позднее предстал перед судом

по обвинению в государственной измене, был осужден и приговорен к тюремному заключению. СА были объявлены вне закона.

Гитлер был освобожден из тюрьмы в 1924 году, и в 1925 году были созданы охранные отряды, или СС, якобы в качестве его личной охраны, а в действительности для того, чтобы терроризировать политических противников.

В том же году Гитлер опубликовал свою книгу «Майн Кампф», где он изложил свои политические взгляды и цели, которая стала рассматриваться впоследствии как первоисточник нацистской доктрины.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ

В течение восьми лет, последовавших за опубликованием «Майн Кампф», НСДАП широко распространила свою деятельность по всей Германии, сосредоточив свое внимание прежде всего на воспитании молодежи в духе идей национал-социализма. Первая нацистская молодежная организация начала свое существование в 1922 году, но лишь в 1925 году «Гитлеровская молодежь» была официально признана НСДАП. В 1931 году Бальдур фон Ширах, который вступил в НСДАП в 1925 году, стал имперским руководителем молодежи НСДАП.

Партия приложила все усилия для того, чтобы завоевать политическую поддержку германского народа. Она выставила свои кандидатуры как в рейхстаг, так и в ландтаги.

Руководители НСДАП не делали никаких серьезных попыток для того, чтобы скрыть тот факт, что единственной целью их участия в политической жизни Германии являлась ликвидация демократического строя Веймарской республики и замена его нацистским тоталитарным режимом, который позволил бы им открыто проводить свою политику, не встречая оппозиции.

Готовясь к тому дню, когда он намеревался захватить власть в Германии, Гитлер в январе 1929 года назначил Генриха Гиммлера рейхсфюрером, возложив на него специальную задачу превращения СС в мощную, но отборную группу, на которую можно было бы рассчитывать при любых обстоятельствах. 30 января 1933 г. Гитлеру удалось добиться назначения его президентом фон Гинденбургом на пост канцлера империи. Подсудимые Геринг, Шахт и фон Папен очень активно действовали с тем, чтобы заручиться поддержкой для достижения этой цели.

Фон Папен был назначен рейхсканцлером 1 июня 1932 г. 14 июня он отменил декрет кабинета Брюнинга от 13 апреля 1932 г., которым распускались нацистские полувоенные организации, в том числе СА и СС. Это было сделано по соглашению между Гитлером и фон Папеном, хотя фон Папен отрицает, что это соглашение было заключено уже 28 мая, как это утверждает доктор Ганс Фольц в «Датах из истории НСДАП», но в своих показаниях фон Папен признает, что это было результатом такого соглашения.

Выборы в рейхстаг 31 июля 1932 г. имели своим результатом огромный рост силы НСДАП, и фон Папен предложил Гитлеру пост вицеканцлера, от которого тот отказался, настаивая на предоставлении ему поста канцлера.

В ноябре 1932 года руководящими промышленниками и финансистами была подписана и представлена президенту фон Гинденбургу пети-

ция, призывавшая его доверить канцлерство Гитлеру, причем Шахт принял видное участие в сборе подписей под этой петицией.

Выборы 6 ноября, которые последовали за поражением правительства, сократили число членов НСДАП, но фон Папен прилагал дальнейшие усилия к тому, чтобы склонить Гитлера войти в состав правительства, однако, безуспешно.

12 ноября Шахт писал Гитлеру: «Я не сомневаюсь в том, что настоящее развитие событий может привести только к тому, что Вы станете канцлером. Как мне кажется, наша попытка собрать подписи в деловых кругах с этой целью в общем не была напрасной...».

После того, как 16 ноября Гитлер отказался от поста, фон Папен ушел в отставку и за ним последовал генерал фон Шлейхер, но фон Папен все еще продолжал свою деятельность. Он встретился с Гитлером в доме кельнского банкира фон Шредера 4 января 1933 г. и также вместе с подсудимыми Герингом и другими присутствовал на совещании в доме подсудимого Риббентропа 22 января. 9 января он также имел беседу с президентом Гинденбургом и, начиная с 22 января, официально обсуждал с Гинденбургом вопрос о формировании кабинета во главе с Гитлером.

Гитлер созвал первое заседание своего кабинета в день своего назначения канцлером, на котором по долгу службы присутствовали подсудимые Геринг, Фрик, Функ, фон Нейрат и фон Папен.

28 февраля 1933 г. было подожжено здание рейхстага в Берлине. Этот поджог был использован Гитлером и его кабинетом для издания декрета, отменявшего конституционные гарантии свободы. Декрет был подписан президентом Гинденбургом и скреплен подписью Гитлера и подсудимого Фрика, который занимал тогда пост имперского министра внутренних дел. 5 марта произошли выборы в рейхстаг, на которых НСДАП получила 288 мест из общего количества 647 мест. Кабинет Гитлера стремился провести «Закон о защите народа и империи», который дал бы ему полную законодательную власть, включая полномочия на отход от принципов конституции. Однако они не имели необходимого большинства в рейхстаге для того, чтобы иметь возможность осуществить это конституционным путем. Поэтому они воспользовались декретом об отмене гарантии свободы и подвергли так называемому «превентивному заключению» большое число коммунистов — депутатов и партийных работников.

Сделав это, Гитлер внес «Закон о защите народа и империи» на рассмотрение рейхстага и после того, как он ясно показал, что в случае, если закон не пройдет, будут приняты дальнейшие насильственные меры,— этот закон был принят 24 марта 1933 года.

КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТИ

Достигнув таким образом власти, НСДАП стала забирать в свои руки и все области германской жизни. Другие политические партии преследовались, их собственность и имущество конфисковывались и многие их члены были направлены в концентрационные лагери. 26 апреля 1933 г. Геринг основал в Пруссии тайную государственную полицию, или гестапо, и сказал заместителю начальника гестапо, что главной задачей гестапо являлось уничтожение политических противников национал-социализма и Гитлера.

14 июля 1933 г. был издан закон, объявлявший НСДАП единственной политической партией и объявлявший преступлением существование или создание любой другой политической партии. Для того, чтобы передать полный контроль над правительственной машиной в руки нацистских руководителей, была издана серия законов и декретов, которые ограничивали полномочия областных и местных правительств во всей Германии, превращая их в ведомства, подчиненные правительству Империи. Представительные законодательные органы в провинциях были уничтожены и вместе с ними были ликвидированы все местные выборы.

Затем правительство перешло к обеспечению контроля над деятельностью государственных учреждений. Это было достигнуто путем централизации и в результате тщательной чистки всей гражданской администрации.

Закон от 7 апреля предусматривал отставку чиновников «неарийского происхождения»; также устанавливалось, что «следует увольнять с работы чиновников, которых, в связи с их прошлой политической деятельностью, нельзя с уверенностью рассматривать как людей, которые отдадут себя безоговорочно на службу нацистскому государству».

Закон от 11 апреля 1933 г. предусматривал увольнение «всех гражданских служащих, принадлежащих к коммунистической партии». Подобным же образом под контроль были взяты и судебные органы. Судьи снимались со своих постов по политическим и расовым мотивам. За ними шпионили и они подвергались сильнейшему давлению с тем, чтобы вынудить их вступить в нацистскую партию, причем в ином случае им грозило увольнение. Когда Верховный Суд оправдал трех из четырех подсудимых, обвинявшихся в причастности к пожару рейхстага, дела о государственной измене были затем изъяты из его юрисдикции и переданы вновь образованному «народному суду», состоявшему из двух судей и пяти чиновников нацистской партии. Были учреждены специальные суды для преследования лиц, совершивших политические преступления, причем только члены партии назначались на должность судей. Граждане арестовывались СС по политическим мотивам, содержались в тюрьмах и концентрационных лагерях, причем судьи не имели никакой власти каким-либо образом препятствовать этому. Члены партии, осужденные судьями за совершение преступления, амнистировались. В 1935 году несколько должностных лиц концентрационного лагеря Хохштейн были обвинены в зверском обращении с заключенными. Высокопоставленные нацистские чиновники пытались оказать влияние на суд, и после того, как эти должностные лица были осуждены, Гитлер всех их освободил. В 1942 году правительство рассылало всем германским судьям «письма судьям», инструктировавшие их, «какой генеральной линии» им следует придерживаться.

В своей решимости устранить все источники оппозиции руководители НСДАП обратили свое внимание на профессиональные союзы, церковь и евреев. В апреле 1933 года Гитлер приказал ныне умершему подсудимому Лею, который был тогда начальником отдела кадров политической организации НСДАП, «взять на себя руководство профессиональными союзами». Большинство профессиональных союзов в Германии было объединено в две большие федерации — «свободные профессиональные союзы» и «христианские профессиональные союзы». В союзах, не входивших в эти две большие федерации, состояло только 15% всех членов профсоюзов. 21 апреля 1933 г. Лей издал директиву НСДАП, объявлявшую о назначенной на 2 мая «Акции по координации» против свободных профсою-



Коридор Нюрнбергской тюрьмы, в которой содержались главные немецкие военные преступники.

зов. Директива предусматривала участие членов СА и СС в запланированном «Захвате собственности профессиональных союзов и в помещении в превентивное заключение работников профсоюзов». По завершении этого мероприятия официальное прессбюро НСДАП сообщало, что национал-социалистская организация по сбыту фабричных изделий «устранила прежнее руководство свободными профсоюзами» и взяла руководство ими в свои руки. Подобным же образом 3 мая 1933 г. прессбюро НСДАП объявило, что «христианские профсоюзы безоговорочно отдали себя под руководство Адольфа Гитлера». Вместо профсоюзов нацистское правительство создало «Германский трудовой фронт», контролировавшийся НСДАП, в который практически были обязаны вступать все рабочие Германии. Председатели союзов были взяты под стражу и подвергались жестокому обращению, которое включало все, начиная от физического насилия и побоев и кончая убийством.

В своем стремлении бороться с влиянием христианской церкви, доктрины которой находились в полном противоречии со взглядами и практикой национал-социализма, нацистское правительство действовало более медленно. Нацисты не пошли на такую крайнюю меру, как запрещение исповедования христианской религии, но год за годом они делали все, что могли, для того, чтобы ограничить влияние христианства на германский народ, поскольку, по словам подсудимого Бормана, обращенным к подсудимому Розенбергу в официальном письме, «христианская религия и национал-социалистские доктрины не совместимы». В июне 1941 года подсудимый Борман издал секретный декрет об отношениях между христианством и национал-социализмом. Декрет гласил: «Впервые в истории Германии фюрер сознательно и полностью держит руководство в своих руках. В лице партии, ее составных частей и примыкающих к ней организаций фюрер создал для себя, и тем самым для Германской империи, орудие, которое делает его независимым от договора... Следует все более и более изолировать народ от церкви и ее органов — пасторов... Никогда более нельзя уступать влияния на народ и руководство им церкви. Это влияние должно быть уничтожено целиком и навсегда. Только имперское правительство и, по его указанию, партия, ее составные части и примыкающие к ней организации имеют право руководить народом».

С самых ранних дней существования НСДАП антисемитизм занимал видное место в национал-социалистском мышлении и пропаганде. Считалось, что евреи не должны были иметь права на германское гражданство и что на них должна была возлагаться главная ответственность за все те бедствия, которые были причинены нации в результате войны 1914—1918 гг. Далее, антипатия к евреям усиливалась благодаря утверждению о превосходстве германской расы и крови. II глава 1 книги «Майн Кампф» посвящена теории так называемой «Расы господ», доктрине арийского превосходства над другими нациями и праву немцев, в силу своего превосходства,— господствовать над другими народами и использовать их для достижения собственных целей. С приходом нацистов к власти в 1933 году преследование евреев стало официальной государственной политикой. 1 апреля 1933 г. нацистский имперский кабинет одобрил бойкот еврейских предприятий, и в течение последующих лет была проведена серия антисемитских законов, ограничивавших деятельность евреев в гражданских учреждениях, в правовых учреждениях, в журналистике и в вооруженных

силах. В сентябре 1935 года были изданы так называемые Нюрнбергские законы, наиболее важным последствием которых явилось лишение евреев германского гражданства. Таким образом, влияние еврейских элементов на положение вещей в Германии было ликвидировано, и еще один потенциальный источник оппозиции нацистской политике был устранен.

При любом рассмотрении вопроса о подавлении оппозиции не следует забывать кровавой резни 30 июня 1934 г. Она стала известна под названием «Чистки Рема» или «Кровавой бани» и раскрыла методы, к которым Гитлер и его ближайшие пособники, включая подсудимого Геринга, были готовы прибегнуть для подавления всякой оппозиции и для консолидации своей власти. В тот день Рем, бывший начальником штаба СА с 1931 года, был убит по приказу Гитлера, и «старая гвардия» СА была истреблена одним ударом без всякого суда.

Этот случай был использован для уничтожения большого количества людей, которые в тот или иной период выступали против Гитлера.

Причиной для убийства Рема послужило то, что он замышлял свергнуть Гитлера, и подсудимый Геринг показал, что этот замысел дошел до его ушей. Нет необходимости устанавливать, было ли это действительно так или нет.

3 июля кабинет одобрил действия Гитлера, назвав это «законной самозащитой государства».

Вскоре после этого Гинденбург умер, и Гитлер стал одновременно имперским президентом и канцлером. Во время последовавшего за этим плебисцита, который проводился под контролем нацистов, 38 миллионов немцев выразили свое одобрение, и после того, как рейхсвер присягнул в верности фюреру, вся власть оказалась в руках Гитлера.

Германия приняла диктатуру со всеми ее террористическими методами и ее циничным и открытым отрицанием управления посредством законов.

Помимо политики разгрома потенциальных противников нацистского режима, гитлеровское правительство предприняло активные шаги для того, чтобы укрепить свою власть над германским народом. В области образования было сделано все для того, чтобы германская молодежь воспитывалась в духе национал-социализма и воспринимала национал-социалистские идеи. Еще 7 апреля 1933 г. был принят закон о реорганизации государственной службы, который дал возможность нацистскому правительству устранить всех учителей, «занимающихся подрывной деятельностью и неблагонадежных в политическом отношении», и за этим последовало проведение целого ряда других мер, которые обеспечивали уверенность в том, что школы будут укомплектованы такими учителями, которым можно было доверить внедрение в сознание учеников национал-социалистских доктрин. Кроме внедрения национал-социалистских идей в школах, нацистские руководители также опирались на организацию гитлеровской молодежи для обеспечения фанатической поддержки своему режиму со стороны молодого поколения.

Подсудимый фон Ширах, который с 1931 года был имперским руководителем молодежи НСДАП, в июне 1933 года был назначен фюрером молодежи германской империи. Вскоре все молодежные организации были распущены или поглощены «гитлеровской молодежью», за исключением организации католической молодежи. «Гитлеровская молодежь» была организована по строго военному принципу, и уже в 1933 году вермахт принимал участие в проведении допризывной подготовки гитлеровской молодежи.

Нацистское правительство пыталось объединить народ для поддержки его политики путем усиленного использования пропаганды. В Германии был учрежден целый ряд официальных агентств, в обязанность которых входило осуществление контроля и оказание влияния на прессу, радио, кино, издательства и т. д. и надзор за развлечениями, искусством и культурой. Все эти официальные агентства были подчинены министерству народного просвещения и пропаганды, возглавлявшемуся Геббельсом, которое вместе с соответствующей организацией в НСДАП и с Имперской палатой культуры несло полную ответственность за осуществление этого надзора. Подсудимый Розенберг играл ведущую роль в распространении национал-социалистских доктрин от имени партии, а подсудимый Фриче вместе с Геббельсом выполнял такую же задачу от имени государственных органов.

Особенно подчеркивалась высшая миссия германского народа — руководить и господствовать в силу его нордической крови и расовой чистоты, и таким образом была подготовлена почва к осуществлению идеи мирового господства.

В результате эффективного контроля над прессой и радио немецкий народ, начиная с 1933 года, был подвергнут сильнейшему воздействию пропаганды в пользу режима; и не только враждебная критика, но и всякая критика была запрещена. Независимые суждения, основанные на свободе мысли, стали совершенно невозможными.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПЕРЕВООРУЖЕНИЮ

В течение лет, непосредственно последовавших за тем, как Гитлер стал канцлером, нацистское правительство приступило к реорганизации всей экономической жизни Германии и, в особенности, промышленности производства вооружения. Это было проведено в больших масштабах и исключительно тщательно.

Было необходимо заложить финансовый фундамент для создания вооружения, и в апреле 1936 года подсудимому Герингу была поручена координация вопросов, связанных с сырьем и с иностранной валютой, и он был уполномочен осуществлять надзор за деятельностью государственных и партийных учреждений в этой области. В соответствии с этими обязанностями он собрал у себя одновременно военного министра, министра экономики, имперского министра финансов, президента Имперского банка и министра финансов Пруссии для обсуждения вопросов, связанных с военной мобилизацией; 27 мая 1936 г. в выступлении перед вышеупомянутыми лицами Геринг возражал против какого-либо ограничения развития военной промышленности по финансовым соображениям, при этом он добавил: «Все меры должны рассматриваться с точки зрения обеспечения ведения войны». На партийном съезде в Нюрнберге в 1936 году Гитлер объявил об утверждении четырехлетнего плана и о назначении Геринга уполномоченным по его проведению. В это время Геринг уже осуществлял строительство мощных военно-воздушных сил, а 8 июля 1938 г. он заявил нескольким видным представителям авиационной промышленности Германии, что военно-воздушные силы Германии превосходят английские как по количеству, так и по качеству; 14 октября 1938 г. на другом совещании Геринг объявил, что Гитлер дал ему указания организовать проведение в жизнь гигантской программы вооружения, по сравнению с которой покажутся незначительными все предыдущие достижения. Он сказал, что ему

было приказано в максимально короткий срок построить военно-воздушные силы, в пять раз превосходящие прежние, ускорить перевооружение армии и флота и обратить внимание на постройку наступательного оружия, в частности, тяжелой артиллерии и тяжелых танков. Затем он предложил конкретную программу по выполнению этих задач. Размеры, которых достигло вооружение, характеризуются Гитлером в его меморандуме от 9 октября 1939 г., после окончания польской кампании:

«Применение силы нашего народа в военных целях было проведено в таких размерах, что в течение короткого периода времени никакими усилиями нельзя добиться большего воздействия... Немецкий народ в настоящее время имеет больше дивизий, чем в 1914 году, и они вооружены в количественном и качественном отношении лучше.

Само оружие, в основном, является более современным, чем в других странах мира в настоящее время. Оно только что доказало свое военное превосходство в победоносной кампании... Нет никаких доказательств того, что какая-либо страна мира располагает лучшим вооружением, чем Германская Империя... Ни одна страна мира не имеет такой зенитной артиллерии».

При этой реорганизации экономической жизни Германии для военных целей нацистское правительство встретило со стороны германской промышленности вооружения полное желание сотрудничать и сыграть свою роль в программе перевооружения. В апреле 1933 года Густав Крупп фон Болен от имени имперской ассоциации германской промышленности представил Гитлеру план реорганизации германской промышленности, который, как он заявил, характеризовался желанием координировать экономические меры с политической необходимостью. В самом плане Крупп заявил, что «поворот в политических событиях согласуется с желаниями, которые я сам и правление лелеяли в течение долгого времени». То, что Крупп хотел сказать этим заявлением, полностью раскрывается в проекте текста речи, которую он предполагал произнести в университете в Берлине в январе 1934 года, но эта речь никогда не была произнесена.

Касаясь периода с 1919 по 1933 год, Крупп писал:

«Одной из великих заслуг всей германской военной экономики является то, что она не оставалась праздной в течение этих тяжелых лет, несмотря на то, что ее деятельность по совершенно понятным причинам не могла быть предана гласности. В годы тайной работы была заложена научная основа и подготовлен фундамент для того, чтобы в назначенный час быть готовыми снова работать для германских вооруженных сил без потерь времени, используя опыт. Только благодаря тайной деятельности германских предприятий и опыту, полученному в тот же период путем производства товаров мирного времени, стало возможным после 1933 года итти в ногу с новыми задачами, возникшими в ходе восстановления германской военной мощи».

В октябре 1933 года Германия покинула Международную конференцию по разоружению и вышла из Лиги наций. В 1935 году нацистское правительство решило, что оно может предпринять первые открытые шаги для снятия с себя обязательств по Версальскому договору. 10 марта 1935 г. подсудимый Геринг объявил, что Германия приступила к строительству военно-воздушных сил.

Через шесть дней, 16 марта 1935 г., был принят закон, подписанный, в числе прочих, подсудимыми Герингом, Гессом, Франком, Фриком, Шах-

том и фон Нейратом, согласно которому вводилась обязательная воинская повинность и предусматривалось создание германской армии мирного времени численностью в 500 000 человек. Пытаясь вновь успокоить общественное мнение других стран, правительство 21 мая 1935 г. объявило, что Германия, несмотря на отказ от выполнения обязательств по статьям о разоружении, продолжает придерживаться территориальных ограничений, предусмотренных Версальским договором, и будет соблюдать Локарнский пакт. Несмотря на это, именно в тот день, когда было сделано это заявление, был принят секретный закон об обороне империи, опубликование которого было запрещено Гитлером. Полномочия и обязанности канцлера и других министров на случай вступления Германии в войну были определены этим законом. Из этого закона явствует, что к маю 1935 года Гитлер и его правительство пришли к такому этапу в осуществлении своей политики, когда им было необходимо иметь соответствующий аппарат для администрации и управления Германией в том случае, если их политика приведет к войне.

В то время, как проводилась подготовка германской экономики к войне, сами германские вооруженные силы подготавливались к восстановлению военной мощи Германии. Особенно активную подготовку проводил германский военно-морской флот. Официальные лица, занимавшиеся историей германского военно-морского флота, Ассман и Гладиш, признают, что Версальский договор был в силе всего несколько месяцев до того, как он был нарушен, особенно в отношении создания подводного флота. Труды капитана Шлюсслера и полковника Шерфа, которые издавались под общим наблюдением подсудимого Редера, были предназначены для того, чтобы показать германскому народу огромный размах усилий флота в области перевооружения, вопреки Версальскому договору. Полное содержание этих изданий представлено Суду в качестве доказательств.

12 мая 1934 г. Редер окончил разработку совершенно секретного плана вооружений, так называемой третьей фазы вооружения. В нем содержалась следующая фраза:

«Все теоретические и практические приготовления «А» должны быть закончены заблаговременно в расчете на готовность к войне без какого-либо предварительного периода приведения в боевую готовность».

Месяц спустя, в июне 1934 года, подсудимый Редер имел беседу с Гитлером, во время которой последний проинструктировал его о том, что он должен держать в тайне предпринятое тогда строительство подводных лодок и военных кораблей водоизмещением свыше 10 000 тонн.

2 ноября 1934 г. подсудимый Редер имел другую беседу с Гитлером и подсудимым Герингом, во время которой Гитлер заявил, что он считает жизненно необходимым, чтобы германский военно-морской флот был «увеличен в соответствии с планом, поскольку никакая война не может вестись, если военно-морской флот не будет в состоянии обеспечить безопасность транспортировки руды из Скандинавии».

Крупные заказы на строительство, поступившие в 1933 и 1934 гг., оправдываются подсудимым Редером на том основании, что к тому времени уже велись переговоры между Германией и Великобританией о соглашении, разрешающем Германии строительство кораблей сверх цифры, установленной Версальским договором. Это соглашение, подписанное в 1935 году, ограничивало тоннаж германского военно-морского флота одной

третью по отношению в британскому, за исключением подводных лодок, относительно которых согласились на ограничение до 45%, причем предусматривалось право превышения этих установленных ограничений при условии предварительного уведомления английского правительства с тем, чтобы оно имело возможность рассмотреть этот вопрос.

В 1937 году последовал англо-германский договор, согласно которому обе стороны обязались давать подробные сведения о своей программе строительства, по крайней мере, за четыре месяца до проведения какого-либо мероприятия. Признано, что Германия не придерживалась этих условий. Например, данные о водоизмещении кораблей линейного класса были на 20% фальсифицированы, в то время, как относительно подводных лодок немецкие историки Ассман и Гладиш говорят следующее:

«Быть может, именно в области строительства подводных лодок Германия менее всего соблюдала ограничения англо-германского договора».

Значение этих нарушений договора становится ясным при рассмотрении причин этого перевооружения.

В 1940 году подсудимый Редер писал:

«До последнего момента фюрер надеялся, что он сможет оттянуть нависший конфликт с Англией до 1944—1945 года. К этому времени военно-морской флот будет располагать кораблями, подавляющую часть которых будут составлять подводные лодки, и более выгодным соотношением сил в отношении всех других типов кораблей и особенно тех, которые предназначены для войны в открытом море».

21 мая 1935 г. нацистское правительство объявило о своем намерении уважать территориальные ограничения Версальского договора. 7 марта 1936 г. германские войска, вопреки Версальскому договору, вступили в демилитаризованную зону Рейнской области. Гитлер, объявляя об этом в рейхстаге, пытался оправдать реоккупацию ссылкой на только что заключенные договоры о союзе между Францией и Советским Союзом, а также между Чехословакией и Советским Союзом. Он также пытался предупредить враждебную реакцию, которую он несомненно ожидал в результате нарушения договора, заявляя: «У нас нет территориальных притязаний к Европе».

ОБЩИЙ ПЛАН ИЛИ ЗАГОВОР И АГРЕССИВНЫЕ ВОЙНЫ

Трибунал теперь обращается к рассмотрению преступлений против мира, которые инкриминируются Обвинительным заключением.

Раздел I Обвинительного заключения вменяет подсудимым в вину составление общего плана или заговора для совершения преступлений против мира.

Раздел II Обвинительного заключения вменяет подсудимым в вину совершение конкретных преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны против ряда государств.

Будет удобнее рассматривать вопрос о наличии общего плана и вопрос об агрессивной войне одновременно и остановиться на вопросе об индивидуальной ответственности этих подсудимых в последующих частях приговора.

Обвинение, содержащееся в Обвинительном заключении, а именно обвинение в планировании и ведении подсудимыми агрессивных войн, является наиболее серьезным обвинением.

Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир.

Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что оно содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных.

Первым актом агрессии, который инкриминируется подсудимым, согласно Обвинительному заключению, является захват Австрии и Чехословакии, а первая агрессивная война, упомянутая в Обвинительном заключении,— это война против Польши, начатая 1 сентября 1939 г. До рассмотрения всего обвинения необходимо подробнее остановиться на некоторых событиях, которые предшествовали этим актам агрессии. Война против Польши не была внезапным ударом грома среди ясного неба. Из представленных доказательств с очевидностью явствует, что эта война также, как захват Австрии и Чехословакии, была преднамеренным и тщательно подготовленным актом и началась лишь после того, как было решено, что наступил подходящий момент для проведения ее, как определенной части заранее намеченной схемы и плана, потому что агрессивные планы нацистского правительства не возникли случайно в связи со сложившейся политической обстановкой в Европе и в мире. Они явились заранее предусмотренной и весьма существенной частью внешней политики нацистов.

С самого начала национал-социалистское движение претендовало на то, что целью его является объединение германского народа в сознании его миссии и предназначения, объединение, основанное на чертах, внутренне присущих ему, как расе, и осуществляемое под руководством фюрера.

Для достижения этого объединения считалось необходимым добиться двух целей: уничтожения порядка, сложившегося в Европе со времени подписания Версальского договора, и создания Великой Германии в более широких границах, чем границы 1914 года. Это с необходимостью означало захват чужих территорий.

Война считалась неизбежным или, по крайней мере, очень вероятным условием достижения этих целей. Поэтому германский народ и все его ресурсы должны были быть организованы в громадную военно-политическую армию, выученную беспрекословно повиноваться любому политическому курсу, объявленному правительством.

ПОДГОТОВКА АГРЕССИИ

В книге «Майн Кампф» Гитлер очень ясно изложил эту точку зрения. Следует помнить, что «Майн Кампф» — это не личный дневник, в который записывались тайные думы Гитлера. Скорее можно сказать, что содержание этой книги объявлялось с крыш домов. Эта книга использовалась в школах и университетах, среди гитлеровской молодежи, в СС и СА и вообще среди германского народа, вплоть до того, что один экземпляр этого издания вручался в качестве подарка всем молодоженам. В 1945 году уже было распространено шесть с половиной миллионов экземпляров этой книги. Общее

ее содержание хорошо известно. Снова и снова Гитлер проповедовал в ней свое убеждение в необходимости применять силу в качестве средства разрешения международных проблем, как это выражено в следующей цитате:

«Земля, на которой мы сейчас живем, не была даром небес нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Точно так же и в будущем наш народ не получит территорий и тем самым средств к существованию как благодеяние от какого-нибудь другого народа; он должен будет завоевать их силой торжествующего меча».

«Майн Кампф» содержит много таких заявлений и открыто превозносит силу как орудие внешней политики.

Конкретные цели этой политики силы также подробно изложены в этой книге. Уже на первой странице утверждается, что «Германо-Австрия должна быть воссоединена с великой германской матерью — родиной» и не на экономической основе, а потому, что «народы одной крови должны жить в пределах одной империи».

Восстановление германских границ 1914 года объявляется недостаточным, и говорится, что если Германия вообще хочет существовать, она должна существовать в качестве мировой державы и обладать необходимыми для этого обширными территориями.

В «Майн Кампф» совершенно ясно указывается, где именно следует искать эти территории для расширения пространства Германии:

«Поэтому мы, национал-социалисты, совершенно намеренно зачеркнули линию поведения, которой следовала предвоенная Германия в своей внешней политике. Мы положили конец вечному германскому продвижению на Юг и Запад Европы и обратили наши взоры к землям на Востоке. Мы, наконец, положили предел колониальной политике и торговой политике предвоенных времен и перешли к территориальной политике будущего. Но когда мы говорим о новых территориях в Европе сегодня, мы должны, главным образом, думать о России и о пограничных государствах, подчиненных ей».

«Майн Кампф» не должна рассматриваться как простое литературное упражнение или как изложение неизменной политики или плана, который не может быть модифицирован. Важное значение этой книги заключается в безусловной ее агрессивной тенденции, которая ясно проходит через все ее содержание.

ПЛАНИРОВАНИЕ АГРЕССИИ

Доказательства, содержащиеся в захваченных документах, показывают, что Гитлер провел четыре секретных совещания, на которых Трибунал намеревается специально остановиться в силу того, что они проливают особый свет на вопрос об общем плане и агрессивной войне.

Эти совещания состоялись 5 ноября 1937 г., 23 мая 1939 г., 22 августа 1939 г. и 23 ноября 1939 г. На этих совещаниях Гитлер сделал важные заявления о своих целях, которые в самых своих формулировках совершенно исключают возможность ошибки.

Эти документы, излагающие содержание совещаний, были подвергнуты некоторой критике со стороны защиты. В сущности, их аутентичность не отрицается, но заявляется, например, что они не являются точными стенограммами речей, которые в них записаны, что документ, относящийся к совещанию 5 ноября 1937 г., датирован числом на пять дней более позд-

ним, чем дата совещания, и что два документа, относящиеся к совещанию от 22 августа 1939 г., отличаются друг от друга и не подписаны.

Полностью учитывая критику такого рода, Трибунал придерживается мнения, что эти документы являются документами очень большого значения и что их аутентичность и достоверность их содержания являются установленным фактом.

Они с очевидностью представляют собой тщательную запись событий, которые в них изложены, и именно в качестве таковых они хранились в архивах германского правительства, где они и были захвачены. Такого рода документы никогда не могут быть оспорены, как выдуманные или даже неточные и искаженные. Они просто излагают события, которые в действительности имели место.

Совещания 23 ноября 1939 г. и 5 ноября 1937 г.

Быть может, будет более целесообразно прежде всего рассмотреть совещание от 23 ноября 1939 г., на которое Гитлер созвал своих высших командующих. Протокол того, что говорилось, был записан одним из присутствовавших. К тому времени, когда происходило совещание, Австрия и Чехословакия уже были включены в состав германской империи, Польша была захвачена германскими армиями, а военные действия против Англии и Франции все еще находились в статическом состоянии. Наступил подходящий момент для обзора истекших событий. Гитлер информировал командующих, что целью совещания являлось дать им представление об образе его мыслей и сообщить им о его решениях. Он затем сделал обзор политических задач, начиная с 1919 года, напомнил о выходе Германии из Лиги Наций, об уходе с конференции по разоружению, о приказе о перевооружении, о введении обязательной воинской повинности, об оккупации Рейнской области, захвате Австрии и операциях против Чехословакии.

Он заявил: «Через год пришла очередь Австрии; этот шаг тоже рассматривали как сомнительный. Он принес с собой значительное усиление империи. Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Это тоже было невозможно осуществить в течение одной кампании. Прежде всего нужно было закончить строительство укреплений на западе. Невозможно было достигнуть этой цели одним усилием. Для меня было ясно с самого начала, что я не могу довольствоваться Судетской территорией, принадлежавшей ранее Германии. Это было только частичное решение. Тогда было принято решение вступить в Богемию. Затем последовало создание протектората и тем самым была создана основа для действия против Польши; но в то время мне было еще не совсем ясно, должен ли я выступить сначала на востоке, а потом на западе, или наоборот. В основном я создал вооруженные силы не для того, чтобы не наносить удара. Решение нанести удар всегда существовало во мне. Рано или поздно я хотел разрешить эту проблему. Под давлением было решено, что сначала будет произведено нападение на востоке».

Это сообщение, в котором приводится обзор прошедших событий и вновь подтверждаются агрессивные намерения, существовавшие с самого начала, не оставляет никаких сомнений относительно характера операций против Австрии и Чехословакии и войны против Польши, потому что эти операции были проведены в соответствии с планом, и характер этого плана должен быть теперь рассмотрен несколько более подробно.

На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер оглядывается на уже завершенные мероприятия. На более ранних совещаниях, которые будут нами рассмотрены теперь, он смотрел вперед и раскрывал перед своими сообщниками новые планы. Весьма поучительно сравнить эти совещания.

На совещании, состоявшемся в Берлине в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г., присутствовал подполковник Госсбах, личный адъютант Гитлера, который составил длинную запись совещания, датировав ее 10 ноября 1937 г., и подписал ее.

На совещании присутствовали: Гитлер, подсудимые — Геринг как главнокомандующий военно-воздушными силами, фон Нейрат как имперский министр иностранных дел и Редер как главнокомандующий военно-морским флотом, а также генерал фон Бломберг — военный министр и генерал фон Фриче — главнокомандующий сухопутными силами.

Гитлер начал с заявления о том, что тема совещания является настолько важной, что в других государствах она была бы подвергнута обсуждению на заседании кабинета. Затем он заявил, что содержание его речи является результатом его долгих размышлений и его опыта за четыре с половиной года пребывания в правительстве. Он требовал считать заявления, которые он собирался сделать, его последней волей и завещанием на случай его смерти. Лейтмотивом выступления Гитлера явился вопрос о жизненном пространстве, причем он рассматривал несколько возможных решений лишь с тем, чтобы отклонить их. Затем он заявил, что захват жизненного пространства на европейском континенте является поэтому необходимым, и изложил свои мысли следующим образом: «Речь идет не о захвате народов, а о захвате пространства, пригодного для сельского хозяйства. Будет также рациональнее искать территории, производящие сырье, в Европе, в непосредственной близости к империи, а не за океаном, и это решение должно быть проведено в жизнь одним или двумя поколениями... История всех времен — история Римской империи и Британской империи — доказала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления и в результате риска. Неизбежны даже неудачи. Ни раньше, ни теперь не существовало территорий без владельца. Нападающий всегда сталкивается с владельцем».

Он заключил свою речь следующим замечанием:

«Вопрос для Германии заключается в том, где возможны наибольшие завоевания при наименьших затратах».

Ничто иное не могло более ясно раскрыть агрессивные намерения Гитлера; последующие события доказали реальность этих намерений. Невозможно принять точку зрения, что Гитлер, по существу, не имел в виду войну, потому что после того, как он заявил, что Германии следует ожидать противодействия со стороны Англии и Франции, и проанализировал силу и слабость этих держав при определенных обстоятельствах, он продолжал: «Проблемы, стоящие перед Германией, могут быть разрешены лишь силой, а это никогда не может быть сделано без риска... Если мы сделаем решение применять силу и итти на риск основой наших стремлений, тогда нам останется лишь ответить на вопросы «когда» и «как». В этой связи мы должны рассмотреть три различных случая».

В первом из этих трех случаев приводилось гипотетическое международное положение, при котором он должен был начать действовать не позже чем в 1943—1945 гг., причем он говорил: «Если фюрер все еще будет жить в то время, его непоколебимым решением явится разрешить герман-

скую проблему пространства не позже чем в 1943—1945 гг. Необходимость действовать до 1943—1945 гг. будет рассмотрена в случаях втором и третьем».

Второй и третий случаи, на которых остановился Гитлер, обнаруживают явное намерение захватить Австрию и Чехословакию, и в этой связи Гитлер заявил:

«Для улучшения нашего военно-политического положения нашей первоочередной задачей при любом случае втягивания в войну является завоевать Чехословакию и Австрию одним ударом для того, чтобы устранить всякую угрозу с флангов в случае возможного продвижения на запад».

Далее он добавил:

«Аннексия этих двух государств Германией в военном и политическом отношении даст нам значительное облегчение, благодаря тому, что мы получим более короткие и более удобные границы, освободив войска для других целей, и получим возможность создать новые армии, численностью, примерно, до 12 дивизий».

Это решение захватить Австрию и Чехословакию обсуждается довольно подробно и принимается решение провести эту операцию сразу же после того, как представится благоприятный момент.

Военная мощь, которую Германия создавала, начиная с 1933 года, должна была теперь быть направлена против двух определенных стран — Австрии и Чехословакии.

В своих показаниях подсудимый Геринг заявил, что он в то время не считал, что Гитлер в действительности имел в виду напасть на Австрию и Чехословакию, и что целью совещания было лишь оказать давление на фон Фриче с тем, чтобы ускорить перевооружение армии.

Подсудимый Редер показал, что ни он, ни фон Фриче, ни фон Бломберг не верили, что Гитлер в действительности имел в виду войну, причем подсудимый Редер утверждает, что он придерживался этого убеждения до 22 августа 1939 г. Основанием для такого рода убеждения была надежда на то, что Гитлер добьется «политического решения» проблем, стоящих перед Германией. Однако, если вникнуть в смысл, эти слова означают лишь уверенность в том, что позиция Германии будет столь хорошей, а военная ее мощь столь подавляющей, что желаемые территории будут получены без борьбы. Следует также помнить, что высказанные Гитлером намерения в отношении Австрии были фактически осуществлены через четыре с лишним месяца после совещания, а менее чем через год была захвачена первая часть Чехословакии, а еще через несколько месяцев — Богемия и Моравия. Если в ноябре 1937 года у некоторых из его слушателей могли еще быть сомнения, то после марта 1939 года уже не могло оставаться никаких сомнений в том, что Гитлер был абсолютно серьезен в своем решении прибегнуть к войне.

Трибунал считает доказанным, что в своем существе отчет подполковника Госсбаха об этом совещании является правильным и что присутствовавшие знали, что Австрия и Чехословакия будут аннексированы Германией при первой представившейся возможности.

ЗАХВАТ АВСТРИИ

Вторжение в Австрию являлось преднамеренным агрессивным актом с целью содействовать дальнейшему осуществлению плана ведения агрессивных войн против других стран.

В результате фланги Германии были прикрыты, а фланги Чехословакии — значительно ослаблены. Это был первый шаг по пути захвата «жизненного пространства». Было получено много новых дивизий обученных солдат, и после захвата резервов иностранной валюты была значительно укреплена основа для выполнения программы перевооружения.

21 мая 1935 г. Гитлер заявил в рейхстаге, что Германия не имеет намерения ни нападать на Австрию, ни вмешиваться в ее внутренние дела. 1 мая 1936 г. он в открытом выступлении объединил Чехословакию и Австрию, заявив о своих мирных намерениях как в отношении одной страны, так и другой. И еще 11 июля 1936 г. он договором признал полнейший суверенитет Австрии.

Австрия была фактически захвачена Германией в марте 1938 года. В течение многих лет до этого национал-социалисты в Германии сотрудничали с национал-социалистами в Австрии для того, чтобы добиться конечной цели — включения Австрии в состав германской империи. Путч 25 июля 1934 г., приведший в результате к убийству канцлера Дольфуса, имел своей целью захват Австрии. Но путч не удался и имел своим последствием объявление национал-социалистской партии в Австрии вне закона.

11 июля 1936 г. между двумя странами было заключено соглашение, ст. 1 которого гласит:

«Германское правительство признает полный суверенитет федерального государства Австрии в духе заявления германского фюрера и канцлера от 21 мая 1935 г.».

Статья 2 декларировала: «Каждое из двух правительств рассматривает внутренний политический порядок (в том числе вопрос об австрийском национал-социализме), существующий в другой стране, как внутреннее дело этой другой страны, на который оно не будет оказывать ни прямого, ни косвенного влияния».

Однако национал-социалисты в Австрии продолжали свою подпольную деятельность втайне, а национал-социалисты в Германии оказывали партии активную поддержку; возникавшие в результате «инциденты» подхватывались германскими национал-социалистами как повод для вмешательства во внутренние дела Австрии. После совещания 5 ноября 1937 г. количество этих «инцидентов» стало быстро увеличиваться. Отношения между двумя странами постоянно ухудшались, и в конце концов подсудимый фон Папен и другие убедили австрийского канцлера Шушнига добиваться встречи с Гитлером, которая в действительности произошла в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г. Подсудимый Кейтель присутствовал на совещании, на котором Гитлер угрожал доктору Шушнигу немедленным вторжением в Австрию. Шушниг в конце концов согласился на политическую амнистию в отношении различных категорий нацистов, осужденных за преступления, и на то, чтобы назначить нациста Зейсс-Инкварта министром внутренних дел и безопасности и передать ему контроль над полицией.

9 марта 1938 г., пытаясь сохранить независимость своей страны, доктор Шушниг решил провести плебисцит по вопросу о независимости Австрии и назначил его на 13 марта 1938 г. Через два дня Гитлер направил Шушнигу ультиматум, в котором требовал отмены плебисцита.

В течение дня и вечера 11 марта 1938 г. подсудимый Геринг предъявил целый ряд требований австрийскому правительству, причем каждое из них подкреплялось угрозой вторжения. После того, как Шушниг согласился на отмену плебисцита, было выдвинуто новое требование о том,

чтобы Шушниг ушел в отставку, а подсудимый Зейсс-Инкварт был назначен канцлером. В результате Шушниг вышел в отставку, а президент Миклас, сначала отказавшийся назначить Зейсс-Инкварта канцлером, впоследствии уступил и назначил его на этот пост.

В то же самое время Гитлер отдал окончательный приказ германским войскам пересечь границу на рассвете 12 числа и дал инструкцию Зейсс-Инкварту использовать военизированные формирования австрийских национал-социалистов для того, чтобы сместить Микласа и захватить контроль над австрийским правительством. После того, как германским войскам был отдан приказ вступить в Австрию, Геринг позвонил по телефону в германское посольство в Вене и продиктовал текст телеграммы, которую по его настоянию Зейсс-Инкварт должен был послать Гитлеру с тем, чтобы оправдать военные действия, приказ о которых был уже отдан. Телеграмма гласила:

«Временное правительство Австрии, которое после отставки правительства Шушнига считает своей задачей установить мир и порядок в Австрии, направляет германскому правительству настойчивую просьбу поддержать его в выполнении этой задачи и помочь ему предотвратить кровопролитие. С этой целью оно просит германское правительство как можно скорее прислать германские войска».

Кепплер, один из сотрудников германского посольства, ответил:

«Отряды СА и СС маршируют по улицам, но все спокойно».

После дальнейшего обсуждения Геринг сообщил:

«Прошу вас показать текст этой телеграммы Зейсс-Инкварту и сообщить ему, что мы просим..., что уже ему нет даже необходимости посылать телеграмму. Все, что он должен сделать, это сказать «согласен».

Зейсс-Инкварт никогда не посылал этой телеграммы, он даже никогда не телеграфировал: «согласен». Оказывается, что как только он был назначен канцлером, в течение дня, после 10 часов утра он посетил Кепплера и просил его позвонить Гитлеру и передать ему протест против оккупации.

Этот шаг привел в ярость подсудимого Геринга, потому что это нарушило бы покой фюрера, который собирался поехать в Австрию на следующий день.

В 11 час. 15 мин. вечера чиновник министерства пропаганды связался по телефону с германским посольством в Вене, и Кепплер сказал ему: «Сообщите генерал-фельдмаршалу, что Зейсс-Инкварт согласен».

На рассвете 12 марта 1938 г. германские войска вступили в Австрию, не встретив сопротивления. В германской прессе было объявлено, что Зейсс-Инкварт был назначен преемником Шушнига, и телеграмма, текст которой предложил Геринг, но которая никогда не была послана, цитировалась с тем, чтобы показать, что Зейсс-Инкварт просил о присылке германских войск для предотвращения беспорядков. 13 марта 1938 г. был издан закон о воссоединении Австрии с германской империей. Зейсс-Инкварт требовал, чтобы президент Миклас подписал этот закон, но последний отказался сделать это и ушел в отставку. Его место занял Зейсс-Инкварт, подписавший закон от имени Австрии. Этот закон затем был принят как имперский закон декретом имперского кабинета, изданным в тот же день и подписанным Гитлером и подсудимыми — Герингом, Фриком, фон Риббентропом и Гессом.

Перед Трибуналом было выдвинуто утверждение, что аннексия Австрии была оправдана сильным стремлением к союзу между Австрией и Гер-

манией, которое высказывалось во многих кругах. Утверждалось также, что у этих народов было много общих черт, которые делали этот союз желательным, и что в результате цель была достигнута без кровопролития.

Эти утверждения, даже если они являются правильными, фактически не существенны потому, что факты с определенностью доказывают, что методы, применявшиеся для достижения этой цели, были методами агрессора. Решающим фактором была военная мощь Германии, которая готова была вступить в действие в том случае, если бы она встретила какое-нибудь сопротивление. Более того, ни одно из этих соображений, как явствует из отчета Госсбаха о совещании 5 ноября 1937 г., не являлось мотивом действий Гитлера. Как раз наоборот,— в этом документе подчеркивается прежде всего то преимущество, которое приобретает Германия в военном отношении в результате аннексии Австрии.

ЗАХВАТ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Совещание 5 ноября 1937 г. с полной очевидностью показало, что захват Чехословакии Германией был окончательно предрешен. Единственным нерешенным вопросом было подыскание удобного момента для осуществления этого захвата. 4 марта 1938 г. подсудимый Риббентроп написал подсудимому Кейтелю о предложении, сделанном Риббентропу венгерским послом в Берлине, что возможные цели войны против Чехословакии должны быть обсуждены германской и венгерской армиями. В этом письме Риббентроп писал:

«У меня возникло много сомнений в отношении таких переговоров. Если же мы будем обсуждать с Венгрией возможные военные цели против Чехословакии, то существует опасность, что другие стороны также смогут узнать об этом».

1 марта 1938 г. Геринг сделал два отдельных заявления г-ну Мастни, чехословацкому полномочному министру в Берлине, о том, что развитие действий в Австрии в то время ни в коей мере не окажет губительного влияния на отношения между германской империей и Чехословакией, и подчеркнул постоянное искреннее стремление со стороны немцев к улучшению отношений между обеими странами. 12 марта Геринг попросил г-на Мастни посетить его и повторил вышеупомянутые заверения.

Замысел успокаивать Чехословакию, пока осуществлялся захват Австрии, является типичным маневром со стороны подсудимого Геринга, который он позже повторил в случае с Польшей, когда он прилагал все усилия для того, чтобы изолировать Польшу в приближающейся борьбе. В тот же день, 12 марта, подсудимый фон Нейрат говорил с господином Мастни и заверил его от имени Гитлера, что Германия все еще считает себя связанной германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, заключенной в Локарно в октябре 1925 года.

Доказательства устанавливают, что после оккупации Австрии германской армией 12 марта и аннексии Австрии 13 марта Конрад Генлейн, который был руководителем партии судетских немцев в Чехословакии, встретился с Гитлером в Берлине 28 марта. На следующий день на заседании в Берлине, на котором присутствовал Риббентроп вместе с Генлейном, было обсуждено общее положение, и позднее подсудимый Иодль сделал в своем дневнике следующую запись:

«После аннексии Австрии Гитлер заявляет, что нет надобности спешить для того, чтобы разрешить чешский вопрос, так как Австрия должна быть сначала переварена. Однако приготовления к проведению «Зеленого плана» (т. е. плана против Чехословакии) должны проводиться энергично; они должны быть заново подготовлены с учетом изменившихся стратегических позиций в результате аннексии Австрии».

21 апреля 1938 г. состоялось совещание между Гитлером и подсудимым Кейтелем в отношении «Зеленого плана», которое показало совершенно ясно, что приготовления для нападения на Чехословакию являлись предметом подробного рассмотрения. 28 мая 1938 г. Гитлер приказал, чтобы были сделаны приготовления для начала военных действий против Чехословакии 2 октября, и, начиная с этого времени, план нападения на Чехословакию постоянно находился в процессе рассмотрения.

30 мая 1938 г. Гитлер подписанной в этот день директивой объявил о своем «неуклонном решении разгромить Чехословакию с помощью вооруженных сил в ближайшем будущем».

В июне 1938 года, как видно из документа, захваченного в архиве СД в Берлине, был предложен тщательно разработанный план для использования СД в Чехословакии. Этот план предусматривал, что «СД будет следовать по мере возможности непосредственно за передовыми частями армии и возьмет на себя обязанности, сходные с теми, которые он выполняет в Германии...».

Представителям гестапо предписывалось взаимодействовать с СД в проведении некоторых операций. Специальные агенты должны были пройти предварительную подготовку с тем, чтобы предотвращать диверсии. Эти агенты должны были быть осведомлены «заблаговременно до нападения... с тем, чтобы дать им возможность скрыться и избежать ареста и высылки...».

«В начале можно ожидать партизанской войны, поэтому необходимо оружие...».

Должны были быть составлены справочные картотеки со следующими пометками: «арестовать...», «ликвидировать...», «конфисковать имущество...», «лишить паспорта...» и т. д.

План предусматривал временное деление страны на большие и маленькие территориальные единицы и рассматривал так назывемые «предложения» всякого рода о включении в германскую империю районов Чехословакии с проживающим в них населением. Окончательное «предложение» включало всю страну, вместе со Словакией и Закарпатской Украиной, с населением, примерно, в 15 миллионов человек. План был изменен в некоторых отношениях в сентябре, после Мюнхенской конференции, но тот факт, что такой план существовал, был так детально разработан и был изложен в таком воинственном духе, указывает на существование заранее обдуманного намерения прибегнуть к силе.

31 августа 1938 г. Гитлер утвердил меморандум Иодля от 24 августа 1938 г. о времени издания приказа о вторжении в Чехословакию и по вопросу оборонительных мероприятий. Этот меморандум содержал следующее:

«Зеленый план» будет приведен в действие при помощи «инцидента» в Чехословакии, который даст Германии повод для военной интервенции; установление *точного момента* для совершения этого инцидента имеет первостепенное значение».

Эти факты свидетельствуют о том, что оккупация Чехословакии планировалась детально задолго до Мюнхенской конференции.

В сентябре 1938 года совещания и беседы с военными руководителями продолжались. Ввиду создавшегося исключительно критического положения британский премьер-министр господин Чемберлен полетел в Мюнхен, а потом отправился в Берхтесгаден для того, чтобы встретиться с Гитлером. 22 сентября господин Чемберлен встретился с Гитлером для дальнейших переговоров в Бад-Годесберге. 26 сентября 1938 г. Гитлер заявил в речи, произнесенной в Берлине по поводу упомянутой беседы, следующее:

«Я заверил его и, более того, повторяю это здесь, что, когда эта проблема будет разрешена, для Германии не останется больше никаких территориальных проблем в Европе. Я далее заверил его, что с того момента, как Чехословакия разрешит свои другие проблемы, т. е. когда чехи урегулируют свои отношения с другими нацменьшинствами, мирно и без принуждения, я больше не буду заинтересован в чешском государстве и в той мере, в какой это касается меня, я даю в этом полную гарантию. Нам не нужны чехи».

29 сентября 1938 г. после конференции между Гитлером и Муссолини и британским и французским премьер-министрами в Мюнхене было подписано Мюнхенского соглашение, по которому Чехословакия должна была согласиться на передачу Судетской области Германии. «Клочок бумаги», который британский премьер-министр привез с собой в Лондон, подписанный им самим и Гитлером, выражал надежду на то, что в будущем Великобритания и Германия смогут жить в мире. Тот факт, что вскоре после подписания соглашения Гитлер запросил у подсудимого Кейтеля сведения о вооруженных силах, которые, по его мнению, будут необходимы для преодоления всякого сопротивления чехов в Богемии и Моравии, является доказательством того, что Гитлер никогда не намеревался придерживаться Мюнхенского соглашения. Кейтель дал свой ответ 11 октября 1938 г. 21 октября 1938 г. Гитлер издал, а подсудимый Кейтель скрепил своей подписью директиву вооруженным силам в отношении их дальнейших задач, в ней говорилось: «Ликвидация остальной части Чехословакии. Следует обеспечить возможность раздавить в любой момент остальную часть Чехословакии, если ее политика станет враждебной по отношению к Германии».

Нет необходимости пересматривать события последующих месяцев. 14 марта 1939 г. чешский президент Гаха и его министр иностранных дел Хвалковский приехали в Берлин по предложению Гитлера и встретились с ним. При этом также присутствовали подсудимые Риббентроп, Геринг, Кейтель и другие. Гаха было предложено подписать соглашение, предусматривающее немедленное включение чешского народа в состав германской империи, и было обещано, что в этом случае Богемия и Моравия будут спасены от уничтожения. Он был поставлен в известность, что германские войска уже получили приказ выступить и что любое сопротивление будет сломлено физической силой. Подсудимый Геринг добавил к этому угрозу полностью уничтожить Прагу с воздуха. Поставленные перед этой страшной альтернативой, Гаха и его министр иностранных дел подписали соглашение, которое от них требовали, в 4 ч. 30 м. утра; со стороны Германии соглашение было подписано Гитлером и Риббентропом.

15 марта германские войска оккупировали Богемию и Моравию, и 16 марта был издан германский декрет, включавший Богемию и Моравию в империю в качестве протектората. Этот декрет был подписан подсудимыми Риббентропом и Фриче.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ПОЛЬШИ

К марту 1939 года план аннексии Австрии и Чехословакии, который обсуждался Гитлером на совещании 5 ноября 1937 г., был осуществлен. Наступило время для руководителей Германии рассмотреть вопрос о дальнейших актах агрессии, которые было легче провести благодаря осуществлению предыдущего.

23 мая 1939 г. было созвано совещание в кабинете Гитлера в новой имперской канцелярии в Берлине. Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу, изложил свои причины для этого и рассмотрел вопрос о том, каково будет воздействие такого решения на другие страны. С точки зрения времени это было вторым из важнейших совещаний, на которые уже делались ссылки. Для того чтобы полностью оценить значение сказанного и сделанного, необходимо кратко изложить некоторые главные события из истории германо-польских взаимоотношений.

Еще в 1925 году был заключен договор об арбитраже в Локарно между Германией и Польшей, предусматривавший разрешение всех споров между этими двумя странами. 26 января 1934 г. была опубликована германо-польская декларация о ненападении, подписанная от имени германского правительства подсудимым фон Нейратом. 30 января 1934 г. и вновь 30 января 1937 г. Гитлер выступил с речами в рейхстаге, в которых высказал свою точку зрения относительно того, что Польша и Германия могут работать в согласии и мире.

20 февраля 1938 г. Гитлер в третий раз выступил с речью в рейхстаге, во время которой сказал следующее в отношении Польши:

«Таким образом, был успешно проложен путь к дружескому взаимопониманию — взаимопониманию, которое, начавшись с Данцига, сегодня, вопреки попыткам некоторых интриганов, в конце концов устранило фактор, отравлявший отношения между Германией и Польшей, превратило их в искреннее и дружественное сотрудничество. Полагаясь на свои дружественные отношения, Германия не остановится ни перед чем для того, чтобы спасти тот идеал, который создает базу для выполнения стоящей перед нами задачи — установления мира».

26 сентября 1938 г., в разгар судетского кризиса, Гитлер произнес в Берлине речь, которая уже цитировалась, и заявил, что он сообщил британскому премьер-министру, что после разрешения чехословацкой проблемы для Германии не будет более существовать территориальных проблем в Европе. Тем не менее, 24 ноября того же года была издана директива ОКВ германским вооруженным силам, касающаяся подготовки нападения на Данциг. В ней говорилось:

«Фюрер приказал:

1) Подготовка должна также производиться для внезапной оккупации свободного города Данцига германскими войсками».

Несмотря на приказ о военных приготовлениях к оккупации Данцига, Гитлер 30 января 1939 г. в своей речи в рейхстаге заявил:

«В период тревожных месяцев прошлого года дружба между Германией и Польшей являлась одним из успокаивающих факторов политической жизни Европы».

За пять дней до этого, 25 января 1939 г., Риббентроп в своей речи в Варшаве заявил:

«Таким образом, Польша и Германия могут смотреть в будущее с полной уверенностью в прочность своих взаимоотношений».

После оккупации Германией 15 марта 1939 г. Богемии и Моравии, что являлось явным нарушением Мюнхенского соглашения, Великобритания 31 марта 1939 г. заверила Польшу в том, что в случае любого действия, которое явно будет угрожать независимости Польши и которому польское правительство сочтет необходимым оказать сопротивление своими вооруженными силами, Великобритания будет считать себя обязанной немедленно оказать Польше всю возможную помощь. Французское правительство заняло аналогичную позицию. Интересно отметить в этой связи, что один из доводов, часто выдвигавшихся защитой на данном процессе, заключается в том, что именно согласие других держав побуждало подсудимых думать, что их действия не являются нарушением международного права. Декларации Великобритании и Франции показывают, по крайней мере, несостоятельность этой точки зрения.

3 апреля 1939 г. была издана новая, измененная директива ОКВ, предназначенная для вооруженных сил, в которой после освещения вопроса о Данциге говорилось о варианте «Вейсс» (военное кодовое обозначение германского вторжения в Польшу) следующее:

«Фюрер добавил следующие указания к варианту «Вейсс»:

1. Вести приготовления таким образом, чтобы операция могла быть предпринята в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.

2. Верховному командованию вооруженными силами было поручено составить точное расписание для операций варианта «Вейсс» и путем совещаний согласовать во времени взаимодействие трех составных частей вооруженных сил».

11 апреля 1939 г. Гитлером была подписана другая директива вооруженным силам, и в одном из приложений к этому документу имеются следующие слова:

«Необходимо избегать возникновения трений с Польшей. Однако, если Польша займет угрожающую позицию по отношению к Германии, необходимо будет окончательно разделаться с ней, несмотря на имеющийся договор с Польшей. В таком случае наша цель будет заключаться в в том, чтобы сокрушить польскую военную мощь и создать на Востоке положение, которое будет отвечать требованиям обороны. Свободный город Данциг будет включен в состав Германии сразу же после начала военных действий. Целью нашей политики является локализация войны в пределах Польши, и это считается возможным ввиду внутреннего кризиса Франции и вызванной этим обстоятельством сдержанности Англии».

Несмотря на содержание этих двух директив, Гитлер 28 апреля 1939 г. произнес в рейхстаге речь, в которой он, осветив вопрос о нежелании польского правительства якобы принять сделанное ему предложение относительно Данцига и Польского коридора, заявил следующее:

«Я глубоко сожалею об этой непонятной позиции, занятой польским правительством, но это одно не является решающим фактором. Гораздо хуже то, что Польша, подобно тому, как Чехословакия год назад, под давлением лживой международной кампании поверила в то, что она должна мобилизовать войска, хотя Германия со своей стороны не призвала ни одного человека и даже не помышляла о каких-либо действиях против Польши. Намерение Германии совершить нападение является попросту измышлением международной прессы».

Через четыре недели после этой речи Гитлер 23 мая 1939 г. созвал важное военное совещание, о котором уже говорилось выше. Среди участвовавших были подсудимые Геринг, Редер и Кейтель. Дежурным адъютантом был подполковник Шмундт, который произвел запись всего происшедшего и заверил подлинность записанного своей подписью. Целью этого совещания было дать возможность Гитлеру изложить свои взгляды на политическую ситуацию и ближайшие задачи руководящему составу вооруженных сил и их штабам. Дав оценку политической ситуации, перечислив события, происшедшие в период с 1933 года, Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу. Он признал, что причиной для нападения явились не споры с Польшей о Данциге, а необходимость расширения «жизненного пространства» Германии и обеспечения снабжения продовольствием. Он заявил:

«Для расширения этой проблемы нужна смелость. Принцип уклонения от разрешения проблемы путем приспособления к обстоятельствам — недопустим. Обстоятельства должны быть приспособлены к целям. А это невозможно без вторжения в иностранные государства или посягательства на чужую собственность».

Позднее в своих обращениях он добавил:

«Поэтому не может быть речи о жалости к Польше и нам остается лишь напасть на нее при первой подходящей возможности. Мы не можем надеяться, что дело пойдет так же, как в Чехословакии. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. Успешность изоляции явится решающим фактором... Изоляция Польши — вопрос искусной политики».

Записи подполковника Шмундта на совещании подтверждают, что Гитлер в полной мере осознавал возможность поддержки Польши Великобританией и Францией. Поэтому в том случае, если бы не могла быть достигнута изоляция Польши, Германия, по мнению Гитлера, должна была бы первой напасть на Великобританию и Францию или же взять курс, главным образом, на войну на Западе для того, чтобы быстро разгромить Великобританию и Францию или, по крайней мере, уничтожить их военный потенциал. Тем не менее Гитлер подчеркнул, что война с Англией и Францией будет борьбой не на жизнь, а на смерть, которая может продлиться долгое время, и что поэтому следует подготовиться к ней соответствующим образом.

В течение недель, последовавших за этим совещанием, было созвано еще несколько совещаний и были изданы директивы о подготовке к войне. Подсудимый Риббентроп был послан в Москву для ведения переговоров относительно пакта о ненападении с Советским Союзом.

22 августа 1939 г. имело место то важное совещание, о котором уже говорилось выше. Обвинением были представлены в качестве доказательства два захваченных неподписанных документа, которые, повидимому, являются записями, произведенными на этом совещании лицами, присут-

ствовавшими на нем. Первый документ озаглавлен: «Речь фюрера перед главнокомандующими от 22 августа 1939 года». Целью речи было объявление решения начать немедленную войну в Польше. Гитлер начал со слов:

«Мне было ясно, что рано или поздно мы подойдем к конфликту с Польшей. Это решение я принял еще весной, но я думал, что сначала через несколько лет я выступлю против Запада и только после — против Востока. Я хотел установить приемлемые отношения с Польшей для того, чтобы иметь возможность выступить сначала против Запада. Но этот вполне приемлемый для меня план не мог быть приведен в исполнение после того, как изменился ряд существенных моментов. Мне стало ясно, что Польша нападет на нас в случае конфликта с Западом».

Затем Гитлер продолжал объяснять причину, по которой он пришел к заключению, что именно теперь настал удобный момент для начала войны.

«Теперь, — сказал Гитлер, — Польша как раз в таком положении, какого я желал..., я опасаюсь только того, что в последний момент какая-нибудь свинья сделает предложение о посредничестве..., ликвидация гегемонии Англии начата».

Этот документ очень сходен с одним из документов, предъявленных в качестве доказательства по делу подсудимого Редера. Упомянутый документ содержит краткий обзор той же самой речи, составленной в день ее произнесения неким адмиралом Бемом по записям, сделанным им во время совещания. Суть документа состоит в том, что настал момент решить спор с Польшей путем военного вторжения; что, хотя конфликт между Германией и Западом когда-нибудь неизбежен, вероятность того, что Великобритания и Франция придут на помощь Польше, — невелика; и что, если даже завяжется война с Западом, первой задачей будет сокрушение польской военной мощи. Он также содержит заявление Гитлера о том, что будет дан соответствующий пропагандистский повод для вторжения в Польшу, правдоподобность которого не имеет значения, так как «победителей не судят».

Второй неподписанный документ, представленный Обвинением и озаглавленный «Вторая речь фюрера от 22 августа 1939 года», представляет собой изложение основных моментов речи Гитлера. Из них ниже приводятся некоторые:

«Каждый должен ясно представлять себе, что мы с самого начала были полны решимости воевать с Западом. Борьба не на жизнь, а на смерть... Прежде всего уничтожение Польши. Задача — уничтожение живой силы, а не достижение какой-либо определенной географической линии. Если даже завяжется война с Западом, уничтожение Польши будет основной задачей... Я дам пропагандистский повод для начала войны — неважно, будет ли он правдоподобен. Победителя никто никогда не спросит, говорил ли он правду. В начале и ходе войны важно не право, а победа... Приказ о начале по всей вероятности будет дан утром в субботу» (т. е. 26 августа).

Несмотря на то, что это выступление называется второй речью, есть достаточное количество общих мест с двумя ранее упомянутыми документами, дающих возможность считать этот документ отчетом о той же речи, не столь подробным, как два других, но в сути своей совпадающим.

Эти три документа устанавливают, что окончательное решение относительно даты начала уничтожения Польши, намеченной и обсужденной

ранее в том же году, было принято Гитлером незадолго до 22 августа 1939 г. Они показывают, что хотя он надеялся избежать войны с Великобританией и Францией, он полностью отдавал себе отчет в наличии опасности, состоящей в том, что это могло случиться, но он был полон решимости пойти на этот риск.

События последних дней августа подтвердили это решение. 22 августа 1939 г., в тот же день, когда была произнесена эта речь, на которую мы только что ссылались, премьер-министр Великобритании обратился с письмом к Гитлеру, в котором он писал:

«Таким образом, выяснив наши позиции, я хочу повторить вам мое убеждение в том, что война между нашими народами будет величайшим из возможных бедствий».

23 августа Гитлер ответил:

«Решение вопроса о разрешении европейских проблем на мирной основе не зависит от Германии, а главным образом от тех, кто с момента преступления, совершенного созданием Версальского диктата, упорно и настойчиво противился его мирному пересмотру. И только после изменения позиции несущих за это ответственность держав могут произойти изменения в отношениях между Англией и Германией».

Затем в адрес Гитлера последовал ряд обращений с тем, чтобы предотвратить превращение польского вопроса в войну, в частности, от президента Рузвельта — 24 и 25 августа, от его святейшества папы римского — 24 и 31 августа и от г-на Даладье, премьер-министра Франции, 26 августа. Однако Гитлер остался глух к этим призывам.

25 августа Великобритания подписала Пакт о взаимопомощи с Польшей, подтвердивший обязательства, данные Англией Польше в начале года. Это, вместе с известиями о нежелании Муссолини начать войну на стороне Германии, заставило Гитлера некоторое время колебаться. Вторжение в Польшу, начало которого было запланировано на 26 августа, было отложено до следующей попытки убедить Великобританию не вмешиваться. Гитлер предложил Великобритании заключить пространное соглашение, как только вопрос будет разрешен.

В ответ на это Великобритания сделала контрпредложение разрешить польский вопрос путем переговоров. 29 августа Гитлер сделал заявление Британскому послу о том, что правительство Германии, несмотря на свое скептическое отношение к результатам, будет готово начать непосредственные переговоры с польским представителем, если последний прибудет в Берлин до полуночи следующего числа, 30 августа, и будет облечен чрезвычайными полномочиями. Польское правительство было поставлено в известность об этом, но, помня пример Шушнига и Гаха, решило не посылать такого представителя.

В полночь 30 августа подсудимый Риббентроп бегло прочитал британскому послу документ, в котором впервые приводилось точное изложение германских требований в Польше. Он, однако, отказался дать послу копию документа и заявил, что в любом случае уже слишком поздно, так как полномочный представитель Польши не прибыл.

Трибунал считает, что характер ведения Гитлером и Риббентропом этих переговоров делает совершенно ясным, что они начали их не с честными намерениями и не стремились с их помощью добиться сохранения мира, а руководствовались лишь желанием предотвратить выполнение Великобританией и Францией гарантий по отношению к Польше.

Одновременно с этими переговорами Геринг предпринимал безуспешные попытки изолировать Польшу, стараясь убедить Великобританию не сдержать данного ею слова через посредство некоего Биргера Далеруса, шведа. Далерус, который вызывался в качестве свидетеля защиты по делу Геринга, имел обширные сведения об Англии и о положении вещей в Англии, и в июле 1939 года он был исполнен желания помочь Англии и Германии добиться лучшего взаимопонимания в надежде предотвратить войну между этими двумя странами. Он вошел в контакт как с Герингом, так и с официальными кругами в Лондоне; во второй половине августа Геринг использовал его в качестве неофициального посредника для того, чтобы отговорить правительство Великобритании от противодействия германским намерениям в отношении Польши. Далерус, конечно, в то время не знал о решении Гитлера, секретно сообщенном 22 августа, а также и о германских военных директивах относительно нападения на Польшу, которые уже существовали. Согласно его показаниям, только после 26 сентября, т. е. после того, как захват Польши был в основном закончен, он впервые осознал, что целью Геринга было заручиться согласием Великобритании на захват Польши Германией.

После того, как все попытки убедить Германию согласиться на урегулирование спора с Польшей на разумных основаниях провалились, 31 августа Гитлер издал свою окончательную директиву, в которой он отметил, что нападение на Польшу должно начаться ранним утром 1 сентября, и дал указания о необходимых мерах в случае вступления Англии и Франции в войну на стороне Польши.

По мнению Трибунала, события в дни, предшествовавшие 1 сентября 1939 г., свидетельствуют о решимости Гитлера и его приспешников любой ценой осуществить объявленное им намерение захватить Польшу, несмотря на обращения к нему со всех концов света. Имея перед собой все новые и новые доказательства того, что это намерение также приведет к войне с Англией и Францией, Гитлер бесповоротно решил не отклоняться от взятого курса.

Трибунал считает полностью доказанным, что война, начатая Германией против Польши 1 сентября 1939 г., была совершенно явно агрессивной войной, которая не могла впоследствии не превратиться в войну, охватившую почти весь мир, и обусловила совершение бесчисленных преступлений как против законов и обычаев войны, так и против человечности.

ВТОРЖЕНИЕ В ДАНИЮ И НОРВЕГИЮ

Агрессивная война против Польши была только началом. Агрессия нацистской Германии быстро распространялась от одной страны к другой. С точки зрения времени первыми двумя странами, подвергшимися агрессии, были Дания и Норвегия. 31 мая 1939 г. договор о ненападении был заключен между Германией и Данией; он был подписан подсудимым Риббентропом. В нем торжественно провозглашалось, что договаривающиеся стороны «полны решимости поддерживать мир между Данией и Германией при любых обстоятельствах». Несмотря на это, Германия вторглась в Данию 9 апреля 1940 г.

2 сентября 1939 г., после начала войны с Польшей, Германия направила следующие торжественные заверения Норвегии:

«Правительство германской империи, учитывая дружественные отношения, существующие между Норвегией и Германией, не намерено ни в коем случае нарушать целостность и неприкосновенность Норвегии и будет уважать территориальную неприкосновенность норвежского государства.

Естественно, правительство империи надеется, делая подобное заявление, что Норвегия со своей стороны будет соблюдать безусловный нейтралитет по отношению к империи и не потерпит никаких возможных нарушений нейтралитета Норвегии какой-либо третьей стороной. Если королевское правительство Норвегии отклонится от этого договора и в результате произойдет подобное нарушение нейтралитета третьей стороной, имперское правительство, очевидно, будет вынуждено охранять интересы империи таким образом, как потребует сложившаяся в результате этого обстановка».

9 апреля 1940 г., согласно своему плану действий, Германия вторглась в Норвегию.

Установлено, что идея нападения на Норвегию исходила от подсудимых Редера и Розенберга.

3 октября 1939 г. подсудимый Редер подготовил меморандум о «захвате баз в Норвегии»; среди рассмотренных вопросов был следующий: «Можно ли против воли Норвегии приобрести базы путем применения военной силы, если невозможно этого достигнуть, не прибегая к войне». Несмотря на это, три дня спустя Германия дополнительно заверила Норвегию в том, что «интересы Германии никогда не сталкивались с интересами северных государств и между ними не существовало и не существует спорных вопросов». Три дня спустя подсудимый Дениц составил меморандум на эту же тему о базах в Норвегии и предложил создать базу в Тронтхейме или снабжаться топливом из Нарвика. В то же время подсудимый Редер переписывался с адмиралом Карлсом, который указал Редеру на важность оккупации норвежского побережья Германией, и 10 октября Редер доложил Гитлеру о том невыгодном положении, которое создастся для Германии в случае, если Англия оккупирует Норвегию. В октябре и ноябре Редер продолжал разрабатывать планы возможной оккупации Норвегии совместно с «организацией Розенберга». «Организация Розенберга» представляла собой внешнеполитический отдел НСДАП, и Розенберг, в качестве рейхслейтера, руководил им. В начале декабря Квислинг, известный норвежский предатель, посетил Берлин и был принят подсудимыми Розенбергом и Редером. Он предложил план государственного переворота в Норвегии. 12 декабря подсудимый Редер и штаб военно-морского флота, совместно с подсудимыми Кейтелем и Иодлем, совещались с Гитлером, и тогда Редер доложил о своей встрече с Квислингом и изложил взгляды Квислинга. 16 декабря Гитлер сам беседовал с Квислингом по этим вопросам.

В докладе о деятельности внешне-политического отдела НСДАП за период 1933—1943 гг., озаглавленном «Политическая подготовка к военной оккупации Норвегии», говорится, что в беседе с Квислингом Гитлер заявил, что он предпочел бы нейтральную позицию Норвегии так же, как и всей Скандинавии, так как он не желал увеличивать театра военных действий или вовлекать в конфликт другие государства. В случае, если противник попытался бы распространить войну, он был бы вынужден защищаться против подобных действий. Он обещал Квислингу финансовую поддержку

и дал указание специальному военному штабу подготовить связанные с этим вопросы военного характера.

27 января 1940 г. подсудимым Кейтелем был составлен меморандум относительно планов вторжения в Норвегию. 28 февраля 1940 г. подсудимый Иодль записал в своем дневнике:

«Я предложил сначала начальнику ОКВ и затем фюреру, чтобы «вариант Гельб» (т. е. операции против Нидерландов) и «вариант Везер» (т. е. операции против Норвегии и Дании) были составлены таким образом, чтобы быть независимыми друг от друга в отношении времени и занятых сил».

1 марта 1940 г. Гитлер издал директиву по поводу «варианта Везер», в которой говорится следующее:

«Развитие событий в Скандинавии требует, чтобы велись все приготовления к оккупации Дании и Норвегии частью германских вооруженных сил. Эта операция должна предотвратить британское вторжение в Скандинавию и Балтику. Далее, эта операция должна гарантировать безопасность наших рудных баз в Швеции и должна будет дать нашим военно-морским и воздушным силам более протяженный исходный рубеж в борьбе против Англии.

Переход датской границы и высадка в Норвегии должна произойти одновременно... Чрезвычайно важно, чтобы наши мероприятия явились неожиданностью для скандинавских государств и западных противников».

24 марта были изданы приказы о проведении военно-морских операций в соответствии с «вариантом Везер», и 30 марта 1940 г. подсудимый Дениц, главнокомандующий подводным флотом, издал оперативный приказ об оккупации Дании и Норвегии. 9 апреля 1940 г. германские вооруженные силы вторглись в Норвегию и Данию.

Из этого изложения событий явствует, что вопрос о вторжении в Норвегию обсуждался уже в октябре 1939 года. Защита утверждает, что Германия была вынуждена напасть на Норвегию, чтобы опередить вторжение союзников, и поэтому ее действия были превентивными.

Следует помнить, что превентивные действия на чужой территории оправданы только в случае «немедленной и настоятельной необходимости самообороны, когда уже не представляется возможности для выбора средств и для обдумывания». (Дело Каролины. 1808.6.С.Роб. 461). Трудно с точностью определить, в какой степени влиятельные германские круги разделяли мнение о том, что союзники намеревались оккупировать Норвегию. Квислинг утверждал, что союзники вторгнутся в Норвегию с молчаливого согласия норвежского правительства. Германская миссия в Осло не разделяла этой точки зрения, хотя военно-морской атташе миссии разделял ее.

В дневнике боевых действий военно-морского оперативного штаба 13 января 1940 г. говорится, что начальник военно-морского оперативного штаба считал, что самым благоприятным разрешением вопроса было бы сохранение нейтралитета Норвегии, но он был твердо убежден, что Англия намеревалась оккупировать Норвегию в ближайшем будущем, рассчитывая на молчаливое согласие норвежского правительства.

В директиве Гитлера от 1 марта 1940 г. относительно нападения на Данию и Норвегию говорится о том, что операция «должна предотвратить вторжение Англии в Скандинавию и в Балтику». Однако следует помнить, что в меморандуме подсудимого Редера от 3 октября 1939 г. не

говорится о предупреждении действий союзников, а лишь о «цели улучшения наших стратегических и оперативных позиций».

Сам меморандум озаглавлен «Приобретение баз в Норвегии». Это же замечание с учетом изменившихся обстоятельств относится к меморандуму подсудимого Деница от 9 октября 1939 г.

Далее, 13 марта подсудимый Иодль записал в своем дневнике следующее:

«Фюрер еще не дает приказа о начале «В» (вариант Везер). Он все еще ищет повода (предлога?)».

14 марта 1940 г. он снова записал:

«Фюрер еще не решил, какой повод найти для осуществления «варианта Везер».

21 марта 1940 г. он указал в своих записях на опасения, высказанные оперативной группой XXI относительно длительного интервала между объявлением состояния боевой готовности и завершением дипломатических переговоров, и добавил:

«Фюрер отклоняет всякие преждевременные переговоры, так как в в этом случае будут обращаться за помощью к Англии и Америке. Если будет оказано сопротивление, необходимо его безжалостно подавить».

2 апреля он записал, что все приготовления уже закончены; 4 апреля был отдан оперативный приказ военно-морскому флоту, и 9 апреля началось вторжение.

Из всего этого ясно, что, когда составлялись планы о нападении на Норвегию, они не были составлены с целью предупреждения грозившей высадки союзников, но в лучшем случае в них ставилась цель предотвратить оккупацию союзниками в будущем.

В день, когда были даны окончательные приказы о германском вторжении в Норвегию, 23 марта 1940 г., в дневнике военно-морского оперативного штаба было записано:

«Не следует ожидать в настоящее время массового вторжения англичан в норвежские территориальные воды».

В записках адмирала Ассама от 26 марта говорится следующее:

«Угроза высадки англичан в Норвегии не считается серьезной».

На документах, которые были впоследствии захвачены немцами, основываются для того, чтобы показать, что план союзников по захвату портов и аэродромов в западной Норвегии был вполне конкретным планом, хотя во всех пунктах он значительно отставал по времени от германских планов, согласно которым фактически было проведено вторжение.

Эти документы показывают, что 20 марта 1940 г. был окончательно принят измененный план, согласно которому конвой должен был отправиться из Англии 5 апреля, минирование норвежских вод должно было начаться в тот же день и что 5 апреля время выхода в море было перенесено на 8 апреля. Но эти планы не были причиной германского вторжения в Норвегию.

Норвегия была оккупирована Германией для того, чтобы обеспечить Германию базами, с которых можно было бы проводить более эффективные налеты на Англию и Францию, согласно планам, подготовленным задолго до того, как появились какие-либо планы у союзников, на которые теперь ссылаются при попытке поддержать теорию самообороны.

Далее утверждалось, что Германия одна могла решить, в соответствии с оговорками, сделанными подписавшимися державами во время заклю-

чения пакта Бриана-Келлога, является ли проведение превентивных действий необходимостью, и что при принятии этого решения ее мнение было окончательным.

Вопрос о том, являются ли действия, предпринятые якобы с целью самозащиты, фактически агрессивными или оборонительными, должен быть подвергнут рассмотрению и окончательно решен, если мы вообще хотим, чтобы торжествовали принципы международного права.

Подсудимые не высказывали никакого предположения о том, что имелся какой-либо план у любой воюющей страны, кроме Германии, по оккупации Дании; никогда не выдвигалось никакого оправдания этой агрессии.

Как только германские войска вступили в Норвегию и Данию, германские меморандумы были вручены норвежскому и датскому правительствам; в них содержалось заверение, что германские войска пришли не как враги, что они не намеревались использовать пункты, занятые германскими войсками, в качестве баз для операций против Англии, если их не принудят к этому меры, принятые Англией и Францией, и что они прибыли защищать север от предполагаемой оккупации норвежских крепостей англо-французскими силами.

В меморандумах также говорилось, что Германия не намеревается нарушать территориальную целостность и политическую независимость королевства Норвегии ни в настоящее время, ни в будущем. Несмотря на это, в меморандуме германского военно-морского флота 3 июня 1940 г. говорилось об использовании Норвегии и Дании и выдвигалось на рассмотрение предложение о том, чтобы территории Дании и Норвегии, приобретенные в ходе войны, продолжали оставаться оккупированными и организованными таким образом, чтобы в дальнейшем они могли считаться германскими владениями.

В свете всех доступных доказательств нельзя признать, что вторжение в Данию и Норвегию являлось в каком-либо отношении оборонительным актом, и, по мнению Трибунала, оно, несомненно, представляет собой агрессивную войну.

ВТОРЖЕНИЕ В БЕЛЬГИЮ, НИДЕРЛАНДЫ И ЛЮКСЕМБУРГ

План захвата Бельгии и Нидерландов рассматривался в августе 1938 года, когда планировалось нападение на Чехословакию и рассматривалась возможность войны с Францией и Англией. Подчеркивались преимущества, которые может получить Германия от использования этих стран в своих целях, особенно от использования в качестве воздушных баз в войне против Англии и Франции. В мае 1939 года, когда Гитлер принял твердое решение напасть на Польшу, он, предвидя возможность войны с Англией и Францией как результат этого нападения, говорил своим военным командующим:

«Голландские и бельгийские военно-воздушные базы должны быть захвачены..., заявления о нейтралитете должны игнорироваться».

22 августа этого же года он говорил своим военным командующим, что Англия и Франция, по его мнению, «не будут нарушать нейтралитет этих стран». В то же время он заверил Бельгию, Голландию и Люксембург, что он будет уважать их нейтралитет, и 6 октября 1939 г., после польской кампании, он вновь повторил эти заверения. 7 октября генерал фон Браухич приказал армейской группе «Б» подготовиться к «немедлен-

ному вторжению на голландскую и бельгийскую территории, если такая необходимость будет вызвана политической ситуацией». В ряде приказов, подписанных подсудимыми Кейтелем и Иодлем, дата нападения была намечена на 10 ноября 1939 г., но постоянно откладывалась вплоть до мая 1940 года, в связи с метеорологическими условиями и трудностями с транспортом.

На конференции 23 ноября 1939 г. Гитлер говорил:

«Наша Ахиллесова пята — Рур. Успех войны будет зависеть от того, будет ли нам принадлежать Рур. Если Англия и Франция проникнут в Рур через Бельгию и Голландию, мы окажемся в величайшей опасности. Несомненно, Англия и Франция нападут на Германию, как только они вооружатся.

Англия и Франция смогут оказать влияние на Бельгию и Голландию с тем, чтобы они обратились к Англии и Франции за помощью. Бельгия и Голландия полностью сочувствуют Франции и Англии... Если французская армия вступит в Бельгию для того, чтобы напасть на нас, это будет слишком поздно для нас. Мы должны опередить их... Мы создадим минные поля вдоль побережья Англии, и их нельзя будет разминировать.

Эта минная война в сочетании с воздушной войной требует других предпосылок. Англия не может существовать без импорта. Мы сможем прокормить сами себя.

Беспрерывное минирование вод у английского побережья поставит Англию на колени. Однако это может произойти лишь после оккупации Бельгии и Голландии. Мое решение непоколебимо. Я нанесу молниеносный удар по Франции и Англии и в самый благоприятный момент.

Вопрос о нарушении нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет никакого значения; никто не будет говорить об этом после нашей победы.

Мы не будем нарушать нейтралитет так глупо, как это было в 1914 году. Если мы не нарушим нейтралитета, тогда его нарушат Англия и Франция. Без нападения война не может закончиться победоносно...».

10 мая 1940 г. германские войска оккупировали Нидерланды, Бельгию и Люксембург. В этот же день германские послы вручили правительствам Нидерландов и Бельгии меморандум, в котором говорилось, что британские и французские армии с одобрения Бельгии и Голландии планировали проход через территорию этих стран с тем, чтобы напасть на Рурскую область, оправдывая этим свое вторжение в эти страны. Однако Германия заверила Нидерланды и Бельгию, что она будет уважать неприкосновенность их владений.

Такой же меморандум был вручен Люксембургу в тот же день.

Трибунал не располагает доказательствами, оправдывающими утверждение, что вторжение Германии в Нидерланды, Бельгию и Люксембург было совершено потому, что Англия и Франция планировали их оккупацию. Британский и французский генеральные штабы сотрудничали в составлении некоторых планов военных операций в Нидерландах, но целью этих планов являлась защита этих стран в случае нападения Германии.

Вторжение в Бельгию, Голландию и Люксембург было ничем не оправданным актом. Оно было проведено в соответствии с долго подготовлявшейся и заранее обдуманной политикой и, несомненно, являлось актом агрессивной войны. Решение о вторжении было принято лишь исходя из соображений дальнейшего развития агрессивной политики Германии.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ И ГРЕЦИИ

12 августа 1939 г. Гитлер имел беседу с Чиано и подсудимым Риббентропом в Оберзальцберге. Он тогда говорил:

«Вообще говоря, самое лучшее, что может случиться,— это ликвидация нейтралов одного за другим. Проведение этого мероприятия может быть значительно облегчено, если в каждом случае одна страна оси будет охранять другую, в то время, как она расправляется с ненадежным нейтралом. Италия может вполне рассматривать Югославию как нейтральную страну такого рода».

Это замечание было сделано через два месяца после того, как Гитлер заверил Югославию, что он будет рассматривать ее границы как окончательные и неприкосновенные. По случаю визита принца-регента Югославии в Германию 1 июня 1939 г. Гитлер в публичной речи заявил:

«Твердо установившиеся надежные взаимоотношения Германии с Югославией, поскольку сейчас, благодаря историческим событиям, мы стали соседями и имеем общие границы, установленные навсегда, не только обеспечат длительный мир между нашими двумя народами и странами, но также явятся успокаивающим фактором на нашем континенте, находящемся в состоянии нервного напряжения. Этот мир является целью всех, кто стремится проводить действительно созидательную работу».

6 октября Германия повторила свои заверения Югославии после того, как Гитлер и Риббентроп безуспешно пытались убедить Италию вступить в войну на стороне Германии и напасть на Югославию. 28 октября 1940 г. Италия вторглась в Грецию, но военные операции не были успешными. В ноябре Гитлер писал Муссолини относительно вторжения в Грецию и распространения войны на Балканы и указал, что никакие военные операции не могут проводиться на Балканах до марта следующего года и поэтому Югославия, если это вообще возможно, должна быть завоевана другими средствами и другим путем. Но 12 ноября 1940 г. Гитлер издал директиву о проведении военных действий, в которой говорилось:

«Балканы: Главнокомандующий сухопутными силами должен провести подготовку для оккупации греческого материка севернее Эгейского моря и, в случае необходимости, прохода через территорию Болгарии».

13 декабря он издал директиву, касающуюся операции «Марита» (кодовое обозначение для вторжения в Грецию), в которой говорилось:

«1. Исход боев в Албании еще не решен. Благодаря опасной ситуации в Албании, вдвойне необходимо помешать попытке англичан создать воздушные базы под защитой Балканского фронта, что будет угрожать прежде всего Италии и румынским нефтяным районам.

2. Поэтому мой план заключается в следующем:

а) создать постоянно усиливающуюся оперативную группу в южной Румынии в течение следующего месяца,

б) после установления благоприятной погоды, вероятно в марте, послать оперативную группу для оккупации северного побережья Эгейского моря через Болгарию и, в случае необходимости, занять весь материк Греции»».

20 января 1941 г. во время встречи Гитлера и Муссолини, на которой присутствовали подсудимые Риббентроп, Кейтель, Иодль и другие, Гитлер заявил:

«Сосредоточение войск в Румынии преследует тройную цель:

а) операции против Греции,

б) защита Болгарии от России и Турции,

в) обеспечение гарантий по отношению к Румынии. Желательно завершить это развертывание сил без вмешательства противника. Поэтому следует раскрыть карты как можно позже. Мы должны стремиться к тому, чтобы пересечь Дунай в последний момент и сосредоточиться для наступления как можно раньше».

В директиве ОКВ от 19 февраля 1941 г. относительно операции «Марита» говорится:

«18 февраля фюрер принял следующее решение относительно проведения операции «Марита» — устанавливаются следующие сроки: приступить к строительству моста 28 февраля; пересечь Дунай 2 марта».

3 марта 1941 г. британские войска высадились в Греции для помощи грекам в оказании сопротивления итальянцам, и 18 марта во время беседы Гитлера с подсудимым Редером, на которой также присутствовали подсудимые Кейтель и Иодль, подсудимый Редер просил подтвердить, «что вся Греция должна быть оккупирована даже в случае мирного решения». На это Гитлер ответил:

«Полная оккупация является необходимой предпосылкой для любого решения».

25 марта по случаю празднования присоединения Югославии к тройственному пакту на митинге в Вене подсудимый Риббентроп от имени германского правительства подтвердил решимость Германии всегда уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии. 26 марта югославские министры, которые присоединились к тройственному пакту, по их возвращении из Вены были отстранены от должностей в результате государственного переворота в Белграде, и новое правительство денонсировало этот пакт. Тогда 27 марта на совещании верховного командования в Берлине, на котором присутствовали все время подсудимые Геринг, Кейтель и Иодль и некоторое время подсудимый Риббентроп, Гитлер заявил, что Югославия является ненадежным фактором в предполагаемом нападении на Грецию и еще более ненадежной в отношении нападения на Россию, которое должно начаться несколько позже. Гитлер объявил, что он полон решимости, не дожидаясь возможных деклараций о лойяльности нового правительства, сделать все приготовления для уничтожения Югославии в военном отношении и как национальной единицы. Он заявил, что он будет действовать с «беспощадной жестокостью».

6 апреля германские силы вторглись в Грецию и Югославию без предупреждения, и Белград был подвергнут бомбардировке германскими военно-воздушными силами. Это вторжение происходило настолько быстро, что даже не было времени предварительно спровоцировать какие-либо «инциденты», как обычно делалось, или найти и опубликовать подходящие «политические» объяснения. В начале нападения 6 апреля Гитлер объявил германскому народу, что оно являлось необходимостью, потому что наличие в Греции британских войск (которые помогали грекам защищаться от итальянцев) является показателем попытки Великобритании распространить войну на Балканы.

Из этого изложения событий ясно, что агрессивная война против Греции и Югославии давно подготавливалась, по крайней мере, в августе 1939 года. Тот факт, что Великобритания пришла на помощь грекам и в результате смогла бы причинить большой ущерб интересам Германии, был использован для оккупации обеих стран.

АГРЕССИВНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

23 августа 1939 г. Германия подписала пакт о ненападении с Союзом Советских Социалистических Республик.

Представленные доказательства безошибочно показывают, что Советский Союз со своей стороны придерживался условий этого пакта; и действительно, само германское правительство получало заверения в этом из авторитетных германских источников. Так, германский посол в Москве сообщил правительству, что Советский Союз будет воевать только в том случае, если на него нападет Германия, и это заявление зафиксировано в германском дневнике боевых действий от 6 июня 1941 г.

Однако уже в конце лета 1940 года Германия начала подготовку к нападению на СССР, невзирая на пакт о ненападении. Эта операция планировалась секретно под условным названием «План Барбаросса», и бывший фельдмаршал Паулюс показал, что 3 сентября 1940 г., когда он стал сотрудником германского генерального штаба, он продолжал разработку «Плана Барбаросса», которая окончательно была завершена к началу ноября 1940 года, и даже тогда германский генеральный штаб не имел никаких сведений о том, что Советский Союз подготавливается к войне.

18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21, на которой стояли инициалы Кейтеля и Иодля и которая требовала окончания всех приготовлений, связанных с выполнением «Плана Барбаросса», 15 мая 1941 г.

Эта директива гласит:

«Германские вооруженные силы должны быть подготовлены, чтобы разгромить Советскую Россию в быстрой кампании, до окончания войны с Англией. Должны быть приняты особые меры предосторожности для того, чтобы не были обнаружены намерения совершить нападение...».

До издания директивы от 18 декабря 1940 г. подсудимый Геринг сообщил об этом плане генералу Томасу— начальнику управления военной экономики ОКВ, и генерал Томас составил обзор экономических возможностей СССР, включая сырьевые ресурсы, энергетические мощности, транспортную систему и его производственную мощь в области вооружений. В соответствии с этим обзором под непосредственным руководством Геринга был создан экономический штаб по делам восточных территорий со многими военно-хозяйственными учреждениями (инспекторами, командами, группами). Совместно с военным командованием эти учреждения должны были добиться как можно более полной и эффективной экономической эксплуатации оккупированных территорий в интересах Германии.

После совещаний и помощи со стороны подсудимых Кейтеля, Иодля, Редера, Функа, Геринга, Риббентропа, Фрика, Шираха и Фриче или их представителей подсудимый Розенберг в течение трех месяцев разрабатывал основы будущей политической и экономической организации оккупированных территорий. Это явилось предметом очень подробного отчета, составленного немедленно после вторжения.

В этих планах намечалось уничтожение Советского Союза как независимого государства, его расчленение, создание так называемых имперских комиссариатов и превращение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и других территорий в германские колонии.

В то же время Германия вовлекла в войну против СССР Венгрию, Румынию и Финляндию. В декабре 1940 года Венгрия согласилась принять участие в войне, за что Германия обещала ей некоторые территории за счет Югославии.

В мае 1941 года было достигнуто окончательное соглашение с Антонеску — премьер-министром Румынии — по поводу нападения на СССР, согласно которому Германия обещала Румынии Бессарабию, Северную Буковину и право оккупировать советскую территорию до Днепра.

22 июня 1941 г. без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами.

Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу, для того чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток, в соответствии с ее стремлениями. В «Майн Кампф» Гитлер писал:

«Если мы хотим приобрести новую территорию в Европе, то это может быть сделано в основном за счет России, и опять новая германская империя должна следовать по стопам тевтонских рыцарей. Но на этот раз земли для германского плуга будут приобретены германским мечом и таким образом мы обеспечим нации хлеб насущный».

Но существовала еще одна, более непосредственная цель, и в одном меморандуме, изданном ОКВ, указывалось, что эта ближайшая цель заключалась в том, чтобы прокормить немецкие армии за счет советских территорий на третьем году войны, даже если «в результате этого погибнут многие миллионы людей от голода вследствие того, что мы вывезем из страны все необходимое для нас».

Конечные цели нападения на Советский Союз были сформулированы на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., в котором принимали участие подсудимые Геринг, Кейтель, Розенберг и Борман.

«Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, даже если бы нам для этого пришлось воевать 100 лет... Вся Прибалтика должна стать частью империи. Крым, с прилегающими районами (область севернее Крыма), также должен быть включен в состав империи. Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны быть включены в империю. Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду больших залежей никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии».

От имени подсудимых выдвигалось утверждение о том, что нападение на СССР было оправдано, потому что Советский Союз намеревался напасть на Германию и готовился к этому. Невозможно поверить, что эта точка зрения когда-либо являлась искренним убеждением.

Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия.

ВОЙНА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Через четыре дня после того, как Япония совершила нападение на флот Соединенных Штатов в Пирл-Харбор, 7 декабря 1941 г. Германия объявила войну Соединенным Штатам. 27 сентября 1940 г. между Германией, Италией и Японией был заключен тройственный пакт, и начиная с этого времени вплоть до нападения на СССР подсудимый Риббентроп вместе с другими подсудимыми пытался побудить Японию напасть на британские владения на Дальнем Востоке. Считали, что это ускорит поражение Англии и предотвратит вступление Соединенных Штатов в войну. Возможность непосредственного нападения на Соединенные Штаты обсуждалась и считалась вопросом будущего. Майор фон Фалькенштейн, офицер связи воздушных сил при оперативном штабе ОКВ, суммируя военные проблемы, которые подлежат обсуждению в Берлине в октябре 1940 года, говорил о возможности «вступления в войну против Америки позднее». Также ясно, что германская политика, заключающаяся в том, чтобы предотвратить, если возможно, вступление Америки в войну, не мешала Германии обещать поддержку Японии даже против Соединенных Штатов. 4 апреля 1941 г. Гитлер сообщил японскому министру иностранных дел Мацуока в присутствии подсудимого Риббентропа, что Германия «нанесет ущерб без промедления», если нападение Японии на Сингапур приведет к войне между Японией и Соединенными Штатами.

На следующий день сам Риббентроп настоятельно требовал от Мацуока вступления Японии в войну.

28 ноября 1941 г., за 10 дней до нападения на Пирл-Харбор, Риббентроп подстрекал Японию, через ее посла в Берлине, к нападению на Великобританию и Соединенные Штаты и заявил, что в случае, если Япония будет вовлечена в войну с Соединенными Штатами, Германия немедленно вступит в войну.

Через несколько дней японские представители сообщили Германии и Италии, что Япония ведет подготовку к нападению на Соединенные Штаты, и просили их оказать поддержку. Германия и Италия согласились на это, хотя в тройственном пакте Германия и Италия давали обязательство помочь Японии только в том случае, если она подвергнется нападению. Когда было совершено нападение на Пирл-Харбор, подсудимый Риббентроп, как сообщается, был «вне себя от радости», и позднее, во время церемонии в Берлине, когда японский посол Осима был награжден германской медалью, Гитлер указал на то, что он одобряет японскую тактику затягивания переговоров с Соединенными Штатами и нанесения затем сокрушительного удара без всякого объявления войны.

Хотя Гитлер и его сообщники действительно вначале не считали, что война с Соединенными Штатами будет выгодной для их интересов, однако вполне очевидно, что в 1941 году эта точка зрения изменилась, и Японию всячески подстрекали проводить такую политику, которая почти без сомнения должна была втянуть Соединенные Штаты в войну. И когда Япония напала на флот Соединенных Штатов в Пирл-Харбор и таким образом начала агрессивную войну против Соединенных Штатов, нацистское правительство заставило Германию немедленно вступить в эту войну на стороне Японии, само объявив войну Соединенным Штатам.

НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Устав определяет как преступление планирование или ведение войны, которая является агрессивной войной или войной в нарушение международных договоров. Трибунал установил, что некоторые из этих подсудимых планировали и вели агрессивные войны против 12 государств и поэтому являются виновными в совершении этих преступлений. Это освобождает от необходимости детально обсуждать или даже сколько-нибудь подробно рассматривать, в какой степени эти агрессивные войны также являлись войнами «в нарушение международных договоров, соглашений и заверений». Эти договоры изложены в приложении «В» Обвинительного заключения. Важнейшими являются следующие:

ГААГСКИЕ КОНВЕНЦИИ

В конвенции от 1899 года подписавшиеся державы согласились на том, что «прежде чем обратиться к оружию..., следует прибегнуть, насколько это позволят обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству одной или более дружественных держав». Подобное положение было включено в конвенцию о мирном урегулировании международных споров от 1907 года. В конвенции, относившейся к началу военных действий, в статье 1 имеется та же мысль, изложенная гораздо более точно: «договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и ясного предупреждения либо в форме объявления войны с изложением мотивов, или в форме ультиматума с объявлением войны, в случае несогласия на его условия». Германия участвовала в этих конвенциях.

ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

Обвинение основывалось также на нарушении некоторых положений Версальского договора — не укреплять левый берег Рейна (ст. ст. 42—44), строго соблюдать независимость Австрии (ст. 80), отказаться от каких-либо прав в Мемеле (ст. 99) и в свободном городе Данциге (ст. 100), признать независимость Чехословацкого государства, а также положений, касающихся сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил в Германии, положений, направленных против перевооружения Германии и изложенных в части V. Нет никаких сомнений в том, что германское правительство действовало вопреки всем этим положениям, которые подробно изложены в приложении «В». Что касается Версальского договора, Обвинение основывается на следующих положениях:

1. Нарушение статей 42—44 в отношении демилитаризованной зоны в Рейнской области.
2. Аннексия Австрии 13 марта 1938 г. в нарушение статьи 80.
3. Включение в состав империи района Мемеля 22 марта 1939 г. в нарушение статьи 99.
4. Включение в состав империи свободного города Данцига 1 сентября 1939 г. в нарушение статьи 100.
5. Включение в состав империи провинций Богемия и Моравия 16 марта 1939 г. в нарушение статьи 81.
6. Нарушение положений договора, касавшихся военного морского и воздушного вооружения Германии, в марте 1935 г. или до этого срока.

21 мая 1935 г. Германия объявила, что, хотя она отказывается от тех положений Версальского договора, которые касаются разоружения, она все же будет уважать территориальные ограничения и выполнять условия Локарнского пакта. Поэтому в отношении инкриминируемых пяти первых нарушений Трибунал считает обвинение доказанным.

ДОГОВОРЫ О ВЗАИМНЫХ ГАРАНТИЯХ, АРБИТРАЖЕ И НЕНАПАДЕНИИ

Нет необходимости обсуждать в деталях различные договоры, заключенные Германией с другими державами. Договоры о взаимных гарантиях были подписаны Германией в Локарно в 1935 году с Бельгией, Францией, Великобританией и Италией с заверением о соблюдении территориального статус-кво. Договоры об арбитраже также были заключены Германией и Локарно с Чехословакией, Бельгией и Польшей.

Статья 1 последнего договора, являющаяся типичной, предусматривает: «Все споры любого рода между Германией и Польшей..., которые, может быть, не окажется возможным разрешить дружественно нормальными методами дипломатии, будут представлены арбитражному суду для вынесения им решения...».

Конвенции об арбитраже и согласительной процедуре были заключены между Германией, Нидерландами и Данией в 1926 году и между Германией и Люксембургом в 1929 году. Германия заключила договор о ненападении с Данией и СССР в 1939 году.

ПАКТ БРИАНА-КЕЛЛОГА

Парижский пакт был подписан 27 августа 1938 г. Германией, Соединенными Штатами, Бельгией, Францией, Великобританией, Италией, Японией, Польшей и другими странами, а впоследствии еще и другими державами. Трибунал подробно остановится на характере этого пакта и его правовых последствиях в другом разделе этого приговора. Поэтому нет необходимости в дальнейшем рассмотрении этого вопроса, за исключением того, что необходимо заявить, что, по мнению Трибунала, этот пакт был нарушен Германией во всех случаях агрессивных войн, инкриминируемых Обвинительным заключением. Следует отметить, что 26 января 1934 г. Германия подписала декларацию о поддержании постоянного мира с Польшей, которая была непосредственно основана на Парижском пакте и в которой обращение к силе объявлялось незаконным на период в 10 лет.

Трибунал не считает необходимым рассматривать ни один из других договоров, упоминавшихся в приложении, и ни одно из повторных соглашений и заверений о мирных намерениях Германии, которые были ею сделаны.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ, ВЫТЕКАЮЩЕЕ ИЗ УСТАВА

Юрисдикция Трибунала определена Соглашением и Уставом, и преступления, подлежащие юрисдикции Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность, изложены в статье 6.

Правовые нормы, вытекающие из Устава, являются руководящими и обязательными для Трибунала.

Создание Устава являлось осуществлением суверенных законодательных прав тех стран, перед которыми безоговорочно капитулировала Гер-

манская империя, и несомненное право этих стран осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий признано всем цивилизованным миром. Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но, с точки зрения Трибунала, как это будет показано, он является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле является сам вкладом в международное право.

Подписавшиеся державы создали этот Трибунал, определили закон, который он должен был применить, и разработали процедуру для правильного проведения этого судебного процесса, и, сделав это, они сделали совместно то, что любая из них могла сделать в отдельности, так как нет никакого сомнения в том, что любая страна имеет право таким образом создавать специальные суды для применения закона. Что же касается организации судебного процесса, то все, что имеют право требовать подсудимые, — это справедливого суда на основании фактов и закона.

Устав определяет планирование или ведение агрессивной войны и войны в нарушение международных договоров как преступление, и поэтому, строго говоря, нет необходимости рассматривать вопрос о том, являлось ли ведение агрессивной войны преступлением до заключения Лондонского соглашения и если являлось таковым, то в какой степени.

Однако, учитывая большое значение затронутых правовых вопросов, Трибунал полностью заслушал доводы Обвинения и Защиты и выразил свое мнение по этому вопросу.

От имени подсудимых Защита настаивала на том, что основным принципом как международного, так и внутригосударственного права являлось то, что преступление не может караться, если ранее не существовало соответствующего закона. «Нуллум кримен сине леге, нуллум пене сине леге».

Далее говорилось, что наказания «экс пост факто» не совместимы с законами цивилизованных наций, что ни одно суверенное государство не объявило агрессивную войну преступлением в то время, когда были совершены эти якобы преступные действия, ни один статут не дал определения агрессивной войны, не было установлено никакой кары за ее ведение и что не было создано никакого суда для преследования и наказания нарушителей.

Прежде всего следует заметить, что принцип «нуллум кримен сине леге...» не означает ограничения суверенности, а лишь является общим принципом правосудия. Совершенно очевидно, что неправильным является утверждение несправедливости наказания тех, кто, вопреки договорам и гарантиям, напал без предупреждения на соседние государства. При таких условиях нападающий должен знать, что он совершает неправое дело, и не только не будет несправедливостью наказать его, но, напротив, будет несправедливо оставить безнаказанным совершенное им зло.

Занимая те посты, которые они занимали в правительстве Германии, подсудимые или, по крайней мере, часть из них должны были знать о договорах, подписанных Германией и объявляющих вне закона обращение к войне для урегулирования международных споров; они должны были знать, что они действовали вопреки международному праву, когда совершенно преднамеренно осуществляли свои замыслы агрессии и вторжения. Если рассматривать этот вопрос только в свете настоящего дела,

то можно сделать вывод, что этот принцип при данных обстоятельствах не применим.

Правильность этой точки зрения в той степени, в которой это касается агрессивной войны, в значительной степени подтверждается при рассмотрении состояния международного права в 1939 году.

Общий договор об отказе от войны от 27 августа 1928 г., более известный как Парижский пакт или пакт Бриана-Келлога, к началу войны в 1939 году связал обязательствами 63 страны, включая Германию, Италию и Японию. В преамбуле подписавшиеся стороны объявили, что они:

«Глубоко осознавая свой торжественный долг содействовать благополучию человеческого рода, убеждены в том, что настало время, когда должен произойти искренний отказ от войны, как от инструмента национальной политики, с тем, чтобы мирные и дружественные отношения, существующие сейчас между их народами, были сохранены навсегда... все изменения в отношениях между странами производить лишь при помощи мирных средств..., объединив тем самым цивилизованные государства мира в общем отказе от войны, как от инструмента их национальной политики...».

Первые две статьи гласят:

«Статья I: Высокие договаривающиеся стороны торжественно объявляют от имени своих народов, что они осуждают обращение к войне для разрешения международных споров и отказываются от нее, как от инструмента национальной политики в своих отношениях друг с другом».

«Статья II: Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на том, что урегулирование или разрешение всех споров или конфликтов, какого бы характера или происхождения они ни были, которые могут возникнуть между ними, никогда не будет осуществляться при помощи каких-либо других средств, кроме мирных».

Встает вопрос о том, каковы были правовые последствия этого пакта. Государства, подписавшие пакт или присоединившиеся к нему, безоговорочно осудили использование войны, как инструмента политики в будущем, и категорически отвергли ее. После подписания пакта любая нация, прибегающая к войне, как к инструменту национальной политики, становится нарушителем этого пакта.

По мнению Трибунала, торжественный отказ от войны, как от инструмента национальной политики, с необходимостью предполагает, что такая война является беззаконной в соответствии с международным правом, и что те, кто планирует такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают преступление.

Война для разрешения международных противоречий, предпринятая в качестве инструмента национальной политики, с очевидностью включает агрессивную войну. Следовательно, подобная война в соответствии с пактом является незаконной войной. Как заявил в 1932 году г-н Генри Л. Стимсон, бывший тогда государственным секретарем Соединенных Штатов, —

«Стороны, подписавшие пакт Бриана-Келлога, отказались от войны между государствами. Это означает, что она стала практически почти во всем мире... беззаконным действием. С этого времени государства, вступившие в вооруженный конфликт, оба или одно из них должны были быть названы нарушителями этого закона, установленного общим договором. Мы объявляем их нарушителями закона».

Однако утверждают, что пакт прямо не квалифицирует такие войны как преступление и не учреждает судов для того, чтобы преследовать тех, кто ведет подобные войны. В такой же мере это относится к законам войны, изложенным в Гаагской конвенции. Гаагская конвенция 1907 года запретила обращение к некоторым методам ведения войны. Сюда входили бесчеловечное обращение с военнопленными, применение отравленного оружия, неправильное использование флага о перемирии и другие действия подобного рода. Многие из этих запрещений были введены в силу задолго до подписания конвенции. Но начиная с 1907 года они стали безусловными преступлениями, наказуемыми как нарушение правил ведения войны. Тем не менее Гаагская конвенция нигде не определяет такие действия как преступные, она также не предусматривает никакого наказания и не говорит ничего об учреждении суда с тем, чтобы судить и наказывать нарушителей. В течение долгих лет в прошлом военные трибуналы, однако, судили и карали отдельных лиц, виновных в нарушении правил ведения войны на суше, изложенных этой конвенцией.

По мнению Трибунала, те, кто ведет агрессивные войны, совершают действия, которые являются столь же незаконными и гораздо более серьезными, чем простое нарушение одного из правил Гаагской конвенции.

При толковании формулировок пакта следует помнить, что международное право не является продуктом международного законодательства и что такие международные соглашения, как Парижский пакт, должны рассматривать общие принципы, а не формальные вопросы процедуры. Законы ведения войны можно обнаружить не только в договорах, но и в обычаях, и в практике государств, которые постепенно получили всеобщее признание, и в общих принципах правосудия, изменявшихся юристами и практиковавшихся в военных судах. Это право не является неизменным, но путем постоянного приспособления оно применяется к нуждам изменяющегося мира. В действительности во многих случаях договоры лишь выражают и определяют для бо́льшей формальной точности принципы уже существующего права.

Та точка зрения, которой придерживается Трибунал в отношении правильного толкования пакта, подкрепляется историей международных отношений, предшествовавших этому пакту. В 1923 году Лига наций предложила проект договора о взаимопомощи. В статье I этого договора было объявлено, что «агрессивная война является международным преступлением и что договаривающиеся стороны «согласились на том, что ни одна из них не будет виновна в его совершении». Этот проект договора был представлен 29 государствам, и около половины из них высказалось в пользу принятия этого текста. Основное возражение, очевидно, заключается в трудности определения тех актов, которые должны составить «агрессию», скорее, нежели в каких-либо сомнениях в самом факте преступности агрессивной войны. В преамбуле протокола Лиги наций от 1924 г. о мирном урегулировании международных споров («Женевский протокол») после слов: «признавал солидарность членов международного сообщества», объявляется, что агрессивная война представляет собой нарушение этой солидарности и является международным преступлением». Далее там объявляется, что договаривающиеся стороны «полны желания облегчить полное применение системы, предусмотренной в статуте Лиги наций, для мирного урегулирования споров между государствами и для обеспечения проведения борьбы с совершением международных преступлений».

Этот протокол был рекомендован членам Лиги наций в единодушной революции, принятой на ассамблее 48 членов Лиги наций. В число этих членов входили Италия и Япония, но Германия в то время не была членом Лиги наций.

Хотя этот протокол никогда не был ратифицирован, он был подписан руководящими государственными деятелями мира, представлявшими подавляющее большинство цивилизованных государств и народов, и может рассматриваться как убедительное доказательство намерения заклеймить агрессивную войну как международное преступление.

На заседании Ассамблеи Лиги наций 24 сентября 1927 года все присутствовавшие делегации (включая германскую, итальянскую и японскую) единогласно приняли декларацию об агрессивных войнах. В преамбуле этой декларации было заявлено:

«Ассамблея, признавая солидарность, объединяющую сообщество народов, вдохновленная горячим желанием поддержать общий мир, убежденная в том, что агрессивная война никогда не может служить средством урегулирования международных споров и вследствие этого является международным преступлением...».

В единогласно принятой на Шестой Гаванской конференции 18 февраля 1928 г. резолюции двадцать одна американская республика заявила, что «агрессивная война является международным преступлением против рода человеческого».

Все эти выражения мнений, так же как и другие, которые могли бы быть процитированы, сделанные столь торжественно, усиливают то значение, которое Трибунал придает Парижскому пакту и которое заключается в том, что обращение к агрессивной войне является не только беззаконным, но и преступным. Запрещение ведения агрессивной войны, которого требует совесть мира, находит свое выражение в серии пактов и договоров, на которые Трибунал только что ссылался.

Также необходимо помнить, что статья 227 Версальского договора предусматривала создание специального Трибунала, состоявшего из представителей пяти союзных и присоединившихся к ним держав, находившихся в состоянии войны с Германией во время первой мировой войны, для судебного преследования бывшего императора Германии «за грубейшие нарушения в области международной морали и несоблюдение святости договоров».

Назначение этого процесса, как было заявлено, заключалось в том, чтобы «реабилитировать торжественные обязательства международных соглашений и действенность международной морали». В статье 228 Договора германское правительство ясно признало право союзных держав «привлекать к суду Международных Трибуналов лиц, обвиняемых в том, что они совершали действия в нарушение законов и обычаев ведения войны».

Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и далее утверждалось, что там, где рассматриваемое действие являлось действием, совершенным государством, то лица, которые практически осуществили это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства. По мнению Трибунала, оба эти утверждения должны быть отвергнуты. Уже давно было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства.

В имевшем не так давно место деле «Экс Парте Квирин» (1942, 317-США), разбиравшемся в Верховном суде Соединенных Штатов, обвиняемым вменялась в вину высадка на территории Соединенных Штатов во время войны с целью шпионажа и диверсий. Покойный главный судья Стоун, выступая от имени суда, заявил:

«С самого начала своего существования данный суд применял законы ведения войны, как включающие в себя ту часть международного права, которая предписывает статус, права и обязанности вражеских государств, а также их отдельных представителей во время войны».

Он представил далее целый список дел, разбиравшихся в судах, где отдельные лица обвинялись в нарушении международного права и в особенности законов ведения войны.

Можно было бы процитировать еще целый ряд других авторитетных источников, но сказанного достаточно для того, чтобы показать, что за нарушение международного права могут быть наказаны и отдельные лица.

Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права.

Положения статьи 228 Версальского договора, уже упоминающейся выше, иллюстрируют и подтверждают эту точку зрения по вопросу об индивидуальной ответственности. Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву. Исполнители этих действий не могут прикрываться своим должностным положением, чтобы избежать наказания в надлежащем порядке.

Статья 7 Устава с определенностью гласит:

«Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств, не должно рассматриваться как основание для освобождения от ответственности или смягчения наказания».

С другой стороны, самая сущность Устава заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством.

Тот, кто нарушает законы ведения войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство, давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву.

От имени большинства подсудимых утверждалось, что в своей деятельности они руководствовались приказами Гитлера и поэтому не могут нести ответственность за действия, совершенные ими во исполнение этих приказов. Устав специально предусматривает в статье 8: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания...».

Положения этой статьи соответствуют законам всех наций. То, что солдат убивал или подвергал пыткам по приказу, в нарушение международных законов ведения войны, никогда не рассматривалось как защитительный довод против обвинений в подобных жестоких действиях.

Как это предусмотрено указанной статьей Устава, сам факт наличия приказа может быть выставлен лишь в качестве смягчающего вину обстоятельства при назначении наказания. Подлинным критерием в этом отношении, который содержится в той или иной степени в формулировках в уголовном праве большинства государств, является не факт наличия приказа, а вопрос о том, был ли практически возможен моральный выбор.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ, ПРИМЕНИМОЕ В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕГО ПЛАНА ИЛИ ЗАГОВОРА

Из вышеприведенного изложения фактов, относящихся к агрессивной войне, явствует, что планирование и подготовка войны проводились самым систематическим образом на всех стадиях.

Планирование и подготовка весьма существенны для ведения войны. По мнению Трибунала, агрессивная война является преступлением с точки зрения международного права. Устав определяет это преступление как планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны «или участие в общем плане или заговоре для совершения... вышеупомянутого». Обвинительное заключение следует этому разграничению. Раздел I инкриминирует общий план или заговор. Раздел II инкриминирует планирование и ведение войны. Одни и те же доказательства представлялись для обоснования обвинения, содержащегося в обоих разделах. Поэтому мы будем рассматривать оба раздела вместе, поскольку они по своему существу одинаковы. Подсудимым инкриминируются преступления, предусмотренные общими разделами, и виновность их должна быть определена в соответствии с каждым из разделов.

«Общий план или заговор», инкриминируемый Обвинительным заключением, охватывает период в 25 лет, начиная от образования нацистской партии в 1920 году — до конца войны в 1945 году. Партия определяется «как орудие сплочения подсудимых для осуществления целей заговора — уничтожения Версальского договора, приобретения территорий, утраченных Германией в последней войне, и «жизненного пространства» в Европе с помощью, если необходимо, вооруженных сил, с помощью агрессивной войны». Захват власти нацистами, применение террора, уничтожение профсоюзов, нападки на христианское учение и церковь, преследование евреев, муштровка молодежи — все это рассматривается как намеренно предпринятые шаги для осуществления общего плана. Он нашел свое выражение, как это утверждается, в программе секретного перевооружения, в уходе Германии с конференции по разоружению и из Лиги наций, во введении всеобщей воинской повинности и в захвате Рейнской области. Наконец, согласно Обвинительному заключению, в 1936 — 1938 гг. была запланирована и осуществлена агрессия против Австрии и Чехословакии, за которой последовало планирование и ведение войны против Польши и последовательно против десяти других стран.

Фактически Обвинение утверждает, что всякое значительное участие в деятельности нацистской партии и правительства является доказательством участия в заговоре, который по существу своему является преступным. Понятие заговора никак не определяется в Уставе. Но, по мнению Трибунала, заговор должен иметь совершенно точно определенную преступную цель. Он не должен быть слишком отдален от времени решения

и действия. Для того чтобы быть преступным, планирование должно не просто покоиться на декларациях партийной программы, таких, какие содержатся в 21 пункте нацистской партии, объявленных в 1921 году, или в политических утверждениях, высказанных в «Майн Кампф» в более поздние годы. Трибунал должен выяснить, существовал ли конкретный план ведения войны, и определить участников этого конкретного плана.

Нет необходимости решать вопрос о том, было ли установлено доказательствами наличие единого общего заговора между подсудимыми. Следует, конечно, помнить о захвате власти нацистской партией и о последующем господстве нацистского государства во всех сферах экономической и общественной жизни при рассмотрении позднейших планов для ведения войны. Тот факт, что планы для ведения войны составлялись уже 5 ноября 1937 г., а возможно, и в более ранний период, совершенно очевиден. После этого такого рода приготовления продолжали проводиться во многих сферах и были направлены против мира многих стран. Действительно, угроза войны — и, если необходимо, сама война — являлась неотъемлемой частью нацистской политики. Но доказательства с несомненностью устанавливают существование многих отдельных планов, скорее чем единого заговора, охватывающего все эти планы. Тот факт, что Германия быстро шла к абсолютной диктатуре с самого момента захвата нацистами власти и постоянно шла к войне, доказан с непреложной убедительностью последовательно совершавшимися агрессивными актами и войнами, уже описанными в данном приговоре.

Трибунал считает, что доказательства достаточно ясно устанавливают факт общего планирования для подготовки и ведения войны определенными подсудимыми. Нет необходимости устанавливать, полностью ли доказано наличие заговора в том масштабе и в тот период, как об этом говорится в обвинительном заключении. Непрекращавшееся планирование, имевшее своей целью агрессивную войну, доказано вне всякого сомнения. Действительное положение очень хорошо изложено официальным переводчиком министерства иностранных дел Германии Паулем Шмидтом в следующих выражениях:

«Главной целью нацистского руководства, очевидной с самого начала, являлось завоевание господства на европейском континенте; это должно было быть достигнуто сначала путем объединения в империи всех народов, говорящих на немецком языке, а затем путем территориальных захватов под лозунгом «Лебенсраум». Однако осуществление этих основных целей характеризовалось импровизированными действиями. Очевидно, что каждый последующий шаг предпринимался по мере того, как создавалась новая ситуация, но все они проводились в соответствии с главной целью, о которой было сказано выше».

Аргумент, что подобное общее планирование не могло существовать там, где господствовала диктатура,— несостоятелен. План, в выполнении которого принимала участие определенная группа лиц, продолжает оставаться планом, даже если он был задуман всего лишь одним из них, и тот, кто участвовал в осуществлении этого плана, не может избежать ответственности, доказав, что он действовал согласно указанию человека, который замыслил этот план. Один Гитлер не мог вести агрессивной войны. Он нуждался в сотрудничестве со стороны государственных деятелей, военных лидеров, дипломатов и дельцов. И когда они, зная о его целях, начали сотрудничать с ним, они сделали себя участниками того плана, который он

создал. Их нельзя считать невиновными лишь потому, что Гитлер использовал их, если они знали, что они делали. Тот факт, что они получали задания от диктатора, не избавляет их от ответственности за совершенные ими действия. Отношение между руководителем и исполнителем уменьшает ответственность в данном случае не в большей степени, чем это имеет место в подобных случаях тирании при совершении преступлений внутри страны членами одной организованной шайки по приказу главаря.

Однако раздел I вменяет в вину не только заговор для ведения агрессивной войны, но и заговор для совершения военных преступлений и преступлений против человечности. Но Устав не определяет заговор как отдельное преступление, если он не связан с актом ведения агрессивной войны.

Статья 6 Устава предусматривает: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана». Трибунал считает, что эти слова не добавляют нового и отдельного преступления к преступлениям, уже поименованным. Их назначением является установление ответственности отдельных лиц, участвовавших в общем плане. Поэтому Трибунал не будет рассматривать обвинение подсудимых по разделу I, заключающееся в том, что они принимали участие в заговорщической деятельности для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, а будет рассматривать лишь общий план для подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Доказательства относительно военных преступлений были колоссальными по объему и очень подробными. Невозможно в рамках данного приговора соответствующим образом вновь рассмотреть их или перечислить массу документальных и устных доказательств, которые были представлены на Суде. Остается истиной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией, и в открытых морях и сопровождались жестокостью и террором в масштабах, которые трудно себе представить. Не может быть никакого сомнения в том, что большинство этих преступлений возникло из нацистской идеи «тотальной войны», лежавшей в основе ведения агрессивных войн, поскольку в этой идее «тотальной войны» моральные нормы, на которых основаны конвенции, стремящиеся сделать войну более гуманной, не рассматривались больше как имеющие силу или действующие. Все подчиняется всеподавляющим требованиям войны. Правила, установления, заверения и договоры — все не имеет никакого значения, и, освободившись от ограничивающего влияния международного права, агрессивная война велась нацистскими руководителями самым варварским образом. В соответствии с этим военные преступления совершались тогда, когда и где это считали нужным фюрер и его ближайшие помощники для достижения своих планов. В большинстве случаев они являлись результатом холодного и преступного расчета.

В некоторых случаях военные преступления преднамеренно плани-

ровались задолго вперед. В случае войны с Советским Союзом разграбление территорий, подлежащих оккупации, и жестокое обращение с гражданским населением были разработаны в мельчайших подробностях до того, как началось нападение. Уже осенью 1940 года рассматривался вопрос о нападении на Советский Союз. Начиная с этого времени, методы, которые должны были быть использованы для уничтожения всякой оппозиции, которой можно было ожидать, постоянно обсуждались.

Точно так же, планируя в самых широких масштабах использование населения оккупированных стран для рабского труда, германское правительство рассматривало эту меру как неотъемлемую часть военной экономики и планировало и организовывало это конкретное военное преступление до последней малейшей детали.

Другие военные преступления, такие, как убийство военнопленных, бежавших из лагерей и вновь захваченных в плен, или убийство командиров или захваченных в плен летчиков, или уничтожение советских комиссаров, были результатом прямых приказов, передаваемых по официальным каналам.

Поэтому Трибунал предполагает на данной стадии рассматривать вопрос о военных преступлениях в общих чертах и обратиться к ним более подробно при рассмотрении ответственности индивидуальных подсудимых в связи с ними. Военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности.

Та же судьба выпала на долю гражданского населения на оккупированных территориях. Все население вывозилось в Германию для рабского труда на оборонительных работах, в промышленности, производящей вооружение, и для выполнения других подобных задач, связанных с военными усилиями. Из числа лиц гражданского населения во всех оккупированных странах гитлеровцы брали в большом количестве заложников и расстреливали их по своему усмотрению. Общественная и частная собственность подвергалась систематическому разграблению и расхищению для того, чтобы увеличить ресурсы Германии за счет остальной Европы. Города, населенные пункты и деревни бесцельно уничтожались, что не оправдывалось никакой военной необходимостью.

УБИЙСТВА ВОЕННОПЛЕННЫХ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМИ

Статья 6 (b) Устава определяет военные преступления следующими словами:

«Военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев ведения войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязание или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированных территорий, убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море, убийства заложников, разграбление общественной или частной собственности, бессмысленное разрушение городов, населенных пунктов или деревень, опустошение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления».

За время войны многие сдавшиеся немцам в плен солдаты союзных армий немедленно расстреливались, часто в результате злонамеренной и рассчитанной политики. 18 октября 1942 г. подсудимый Кейтель разо-

слал утвержденную Гитлером директиву, которая предусматривала, что все члены союзных соединений «командос», часто даже те, кто был одет в военную форму, независимо от того, были они вооружены или нет, должны были «уничтожаться до последнего человека», даже если они пытались сдаться в плен. Далее предусматривалось, что если такие части союзных войск попадали в руки военных властей после того, как они были захвачены местной полицией или каким-либо иным путем, они должны были немедленно передаваться СД. Этот приказ время от времени дополнялся и действовал на протяжении всего остального периода войны, хотя после высадки союзников в Нормандии в 1944 году было дано разъяснение, что этот приказ не относится к «командос», захваченным непосредственно в зоне военных действий. Согласно положениям этого приказа, отряды «командос» из войск союзников и другие военные части, действовавшие самостоятельно, уничтожались в Норвегии, Франции, Чехословакии и Италии. Многих из членов отрядов «командос» убивали на месте, а тем, кого убивали позднее в концентрационных лагерях, ни в одном из случаев не было предоставлено возможности предстать перед каким-либо судом. Так, например, американская военная миссия, которая высадилась за германской линией фронта, на Балканах в январе 1945 года, насчитывавшая от 12 до 15 человек, одетых в военную форму, была доставлена в Маутхаузен в соответствии с этим приказом и, согласно письменному показанию, данному под присягой Адольфом Зутте, адъютантом из концентрационного лагеря Маутхаузен,— все они были расстреляны.

В марте 1944 года командование сухопутными силами издало декрет «Пуля», согласно которому все бежавшие военнопленные офицеры и унтер-офицеры, за исключением английских и американских военнопленных, в случае, если их захватывали вновь, должны были быть переданы ЗИПО и СД. ЗИПО и СД разослали этот приказ своим районным управлениям. Эти бежавшие офицеры и унтер-офицеры должны были посылаться в концентрационный лагерь Маутхаузен, где по прибытии их должны были убивать выстрелом в затылок.

В марте 1944 года 50 офицеров британского королевского воздушного флота, бежавших из лагеря в Сагане, где они находились в качестве пленных, были расстреляны по прямому приказу Гитлера после того, как они были пойманы. Их трупы были немедленно подвергнуты кремации, а урны, содержавшие их прах, возвращены в лагерь. Подсудимыми здесь не оспаривалось то, что это являлось явным убийством, совершенным в явное нарушение международного права.

Когда союзные летчики были вынуждены совершить посадку в Германии, гражданское население иногда убивало их на месте. Полиция была инструктирована не принимать мер к предотвращению этих убийств, и у министра юстиции имелись указания не привлекать никого к ответственности за участие в этих убийствах.

Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств. Более чем за месяц до вторжения Германии в Советский Союз ОКВ подготовляло специальные планы того, каким образом следует обращаться с представителями политической власти, находящимися в советских вооруженных силах, которые могли быть захва-

чены в плен. Одно из предложений в этой связи заключалось в том, что «политические комиссары армии не должны рассматриваться как военнопленные, их следует уничтожать в пересыльных лагерях для военнопленных». Подсудимый Кейтель показал, что германской армии были даны инструкции, включавшие вышеупомянутые предложения.

8 сентября 1941 г. были изданы правила об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях, подписанные генералом Рейнеке, начальником управления по делам военнопленных при верховном командовании. В этих правилах говорилось:

«Большевистский солдат потерял поэтому право на то, чтобы с ним обращались, как с честным противником, в соответствии с правилами Женевской конвенции... При малейшем намеке на неподчинение, особенно в случае с большевистскими фанатиками, должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии. Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... В военнопленных, пытающихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать предупреждающего выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным».

Советские военнопленные были лишены необходимой одежды, раненые не получали медицинской помощи, они голодали и во многих случаях были обречены на смерть.

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма. Приказ гласил:

«Задачей командиров ЗИПО и СД, находящихся в шталагах, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая «обработка»: а) всех политических преступных или по каким-либо другим причинам нежелательных элементов, находящихся среди них; б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий... Далее, эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными, независимо от того, являются ли они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должно продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены...

Прежде всего должны быть обнаружены следующие лица: все крупные деятели государства и партии, в особенности профессиональные революционеры... Все комиссары Красной Армии, руководящие деятели государства..., руководящие деятели промышленности и хозяйства, сотрудники службы разведки и контрразведки, все евреи, все лица, в отношении которых будет доказано, что они являются агитаторами или фанатичными коммунистами. Казни не должны иметь место в самом лагере или в непосредственной близости от него... Если возможно, заключенные должны быть вывезены для применения к ним «специального обращения» на территории бывшей советской России».

Письменные показания под присягой Варлимонта — заместителя начальника штаба вооруженных сил, показания Олендорфа, бывшего начальника III управления главного имперского управления безопасности, и Лахузена, начальника одного из отделов контрразведки (Абвер) — разведывательной службы вооруженных сил — все указывают на ту тщательность, с которой проводился этот приказ.

Письменные показания, данные под присягой Куртом Линцов, бывшим чиновником гестапо, гласят:

«В лагерях для военнопленных на восточном фронте существовали небольшие оперативные команды, эйнзатцкомандос, возглавлявшиеся младшим офицерским составом тайной полиции (гестапо). Эти команды были приданы начальникам лагерей, и их обязанностью было выделять тех военнопленных, которые являлись кандидатами на казнь, согласно данным им приказам, и докладывать о них в управление тайной полиции».

23 октября 1941 г. начальник концентрационного лагеря Гросс-Розен сообщил Мюллеру, начальнику гестапо, список советских военнопленных, которые были также казнены накануне.

Описание общих условий и обращения с советскими военнопленными в течение первых восьми месяцев после нападения Германии на Россию дано в письме, посланном подсудимым Розенбергом подсудимому Кейтелю 28 февраля 1942 г.

«Участь советских военнопленных в Германии, напротив, является величайшей трагедией... Бо̀льшая часть из них умерла от голода или погибла в результате суровых климатических условий. Тысячи также умерли от сыпного тифа.

Начальники лагерей запретили гражданскому населению передавать заключенным пищу, они предпочитают обрекать их на голодную смерть.

Во многих случаях, когда военнопленные не могли больше итти от голода и истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, а тела их не убирали.

Во многих лагерях пленным вообще не предоставляли никакого жилища, они лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов для того, чтобы вырыть ямы или пещеры».

В некоторых случаях советских военнопленных клеймили специальным стандартным клеймом. В качестве доказательства был представлен приказ ОКВ от 20 июля 1942 г., который гласил:

«Клеймо имеет форму острого угла приблизительно в 45° при длине его сторон в 1 см, направленного вверх, выжигаемого на левой ягодице...

Это клеймо делается с помощью ланцета, имеющегося в каждой воинской части. В качестве краски используется тушь».

За выполнение этого приказа несли ответственность военные власти, однако начальником ЗИПО и СД этот приказ был широко распространен среди чиновников немецкой полиции.

Советских военнопленных делали также объектами медицинских опытов, которые проводились самым жестоким и бесчеловечным образом. В июле 1943 года началась экспериментальная работа, связанная с подготовкой к кампании бактериологической войны. Советских военнопленных использовали для этих медицинских опытов, исход которых в большинстве случаев оказывался для них смертельным. В связи с этой кампанией подготовки бактериологической войны также были сделаны приготовления для разбрызгивания бактериологической эмульсии с самолетов с тем, чтобы

уничтожить посевы и вызвать голод. Эти мероприятия никогда не были осуществлены, возможно в связи с быстрым ухудшением военного положения Германии.

Довод, выдвигаемый в защиту против обвинения в убийстве и жестоком обращении с советскими военнопленными, заключающийся в том, что СССР не являлся участником Женевской конвенции, является совершенно неосновательным. 15 сентября 1941 г. адмирал Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнеке 8 сентября 1941 г. Он заявил тогда:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с 18 века, они устанавливались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену не является ни местью, ни наказанием, но исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции... Приложенные к сему декреты об обращении с советскими военнопленными базируются на совершенно отличной точке зрения».

Этот протест, который правильно излагал положение вещей с точки зрения права, был игнорирован. Подсудимый Кейтель написал в этом меморандуме следующее:

«Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

УБИЙСТВО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМ

Статья 6(b) Устава гласит, что жестокое обращение с мирным населением оккупированных территорий или на оккупированных территориях..., убийство заложников..., бесцельное разрушение городов, селений и деревень будет рассматриваться как военное преступление.

В основном эти положения являются лишь выражением существующих законов ведения войны, сформулированных в Гаагской конвенции в статье 46, которая гласит:

«Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как и религиозные убеждения и отправление религиозных культов, должны быть уважаемы».

Управление на территориях, оккупированных Германией, производилось в нарушение правил ведения войны.

Подавляющие своей убедительностью доказательства говорят о существовании системы насилия, зверств и террора. 7 сентября 1941 г. Гитлер издал директиву, которая впоследствии получила известность под названием «Нахт унд небель эрлас» (приказ «Мрак и туман»); согласно этому приказу, лица, совершившие действия, направленные против империи или германских войск в оккупированных территориях, за исключением тех случаев, когда данное лицо вне всякого сомнения должно было быть подвергнуто смертной казни, подлежали тайному увозу в Германию и пе-

редаче в руки ЗИПО и СД для суда над ними и наказания их в Германии. Этот приказ был подписан подсудимым Кейтелем. После того, как эти гражданские лица привозились в Германию, ни одно слово о них не должно было доходить до страны, откуда они были вывезены, или до их родственников; даже в тех случаях, когда они умирали в ожидании суда, их семьям не сообщалось об их судьбе; это делалось с целью вызвать беспокойство у семей арестованных лиц. Подсудимый Кейтель в сопроводительном письме, датированном 12 декабря 1941 г., следующим образом изложил те цели, которые руководили Гитлером при издании этого приказа:

«Эффективное и продолжительное устрашение может быть достигнуто либо суровым наказанием, либо путем проведения мероприятий, при которых родственники преступников и остальное население остаются в неведении относительно судьбы этих преступников. Эта цель достигается при увозе преступников в Германию».

Даже те, которые хотя бы подозревались в том, что они противились каким-либо политическим мероприятиям германских оккупационных властей, подвергались аресту, при аресте подвергались допросу гестапо и СД самыми постыдными методами. 12 июня 1942 г. начальник полиции безопасности и СД через посредство Мюллера, начальника гестапо, издал приказ, санкционировавший применение методов «третьей степени» при допросах в тех случаях, когда предварительное следствие установило, что допрашиваемый мог бы дать показания по важным вопросам, как, например, о подрывной деятельности, хотя и не с целью вынудить заключенного признаться в собственных преступлениях. Этот приказ гласит:

«Методы третьей степени могут применяться только против коммунистов, марксистов, свидетелей еврейской национальности, диверсантов, террористов, членов движения сопротивления, агентов-парашютистов, асоциальных элементов, польских и советских бездельников или бродяг; во всех остальных случаях следует предварительно испрашивать моего разрешения... Методы третьей степени применительно к обстоятельствам состоят наряду с другими методами из сокращенного рациона (хлеб и вода), жесткой постели, темной камеры, запрещения спать, изматывающих упражнений, а также порки (в случае, если назначается более 20 ударов, следует консультироваться с врачом)».

Политика жестокого подавления всякого сопротивления немецкой оккупации сводилась не только к суровым мерам по отношению к лицам, подозреваемым в принадлежности к движению сопротивления, но и распространялась также на членов их семей. 19 июля 1944 г. командир ЗИПО и СД в Радомском районе в Польше издал приказ, распространенный через посредство высших руководителей СС и полиции, о том, что во всех случаях убийства немцев, или покушения на их жизнь, или при попытке диверсантов разрушить важные объекты следовало расстреливать не только виновных, но также и всех их родственников мужского пола, родственники же женского пола в возрасте свыше 16 лет должны направляться в концентрационный лагерь. Летом 1944 года эйнзатцкоманда ЗИПО и СД в Люксембурге отправила людей в заключение в концлагерь Саксенхаузен только потому, что они являлись родственниками дезертиров и поэтому могли «представить опасность для интересов германской империи, если они останутся на свободе».

Для предупреждения различных видов беспорядков среди гражданского населения и для борьбы с ними немцы прибегали к системе взятия

заложников. Приказ, изданный подсудимым Кейтелем 16 сентября 1941 г., предлагал лишать жизни 50 или 100 человек населения оккупированных областей Советского Союза за каждого убитого немца. В приказе говорилось: «Следует помнить, что человеческая жизнь в странах, где еще не установлен порядок, часто ничего не стоит, и устрашения можно добиться только чрезвычайной суровостью». Точное число убитых в результате этой политики не известно, много было убито во Франции и в других оккупированных районах Запада, в то время как на Востоке массовое уничтожение проводилось еще в бо́льших масштабах. Кроме убийства заложников, в некоторых случаях уничтожались целые города; массовые убийства, подобные тем, которые имели место в Орадуре на Глане во Франции и Лидице в Чехословакии, описанные в деталях Трибуналу, представляли собой примеры организованного террора, применявшегося оккупантами для подавления и искоренения всякого противодействия их владычеству.

Среди средств терроризирования населения оккупированных стран самой позорной известностью пользовались концентрационные лагери. Они впервые были организованы в Германии в момент захвата власти нацистским правительством. Первоначальным их назначением являлось исключение без суда тех лиц, которые были против правительства или которых германские власти считали ненадежными элементами. С помощью отрядов секретной полиции эта практика получила широкое распространение, и с течением времени концентрационные лагери превратились в место организованного систематического убийства, где уничтожались миллионы людей.

В системе управления оккупированными территориями концентрационные лагери являлись орудием подавления всех оппозиционных элементов. Лица, арестованные гестапо, как правило, направлялись в концентрационные лагери. Они перевозились в лагери в большинстве случаев без элементарной заботы о них; очень многие умирали в дороге. Те, которые прибывали в лагери, систематически подвергались жестокому обращению. Их принуждали к тяжелому физическому труду, им не давали достаточного количества пищи и одежды; им не предоставляли помещений, пригодных для жилья; режим, которому они должны были постоянно подчиняться, был бездушным и бесчеловечным; они были жертвами прихотей отдельных охранников. В донесении отдела военных преступлений военной прокуратуры третьей армии США от 21 июня 1945 года сообщаются результаты обследования условий в концентрационном лагере Флессенбург; можно привести следующий отрывок из донесения:

«Флессенбургский концентрационный лагерь можно лучше всего описать как фабрику смерти. Хотя на первый взгляд основным назначением лагеря являлось использование массового рабского труда, он имел другое назначение — уничтожение людей путем применения специальных методов при обращении с заключенными. Голод и голодная смерть, садизм, плохая одежда, отсутствие медицинского обслуживания, болезни, избиения, виселицы, замораживание, вынужденные самоубийства, расстрелы и т. п., все это играло главную роль в достижении их цели. Заключенных убивали без разбора; преднамеренные убийства евреев были обычны; вспрыскивание яда, расстрелы в затылок были ежедневными событиями; свирепствовавшие эпидемии брюшного и сыпного тифа, которым предоставляли неистовствовать, служили средством уничтожения заключенных; человеческая жизнь в этом лагере ничего не значила. Убийство стало

обычным делом, настолько обычным, что несчастные жертвы просто приветствовали смерть, когда она наступала быстро».

В некоторых концентрационных лагерях были оборудованы газовые камеры для массового уничтожения заключенных и специальные крематории для сжигания трупов убитых. Некоторые из лагерей фактически использовались для уничтожения евреев, как один из методов «окончательного решения» еврейского вопроса. Большинство заключенных не евреев использовалось на работе, причем условия, при которых они работали, делали эту работу почти равносильной смерти. Тех заключенных, которые заболевали и не были больше в состоянии работать, либо уничтожали в газовых камерах, либо посылали в специальные изоляторы, где они не получали никакого медицинского обслуживания, а их пища была еще хуже, чем у работавших заключенных, и таким образом они были обречены на смерть.

Убийства гражданского населения и жестокое обращение с ним достигли предела при обращении с гражданами Советского Союза и Польши. Примерно за четыре недели до начала вторжения в Россию части специального назначения ЗИПО и СД, называемые эйнзатцгруппами, были созданы на основании приказа Гиммлера, и их назначением было следовать за германскими армиями в Россию, ведя борьбу с партизанами и членами групп сопротивления, уничтожать евреев и коммунистов-руководителей, а также другие группы населения. Вначале были созданы четыре таких эйнзатцгруппы; одна из них действовала в Прибалтике, другая — на Московском направлении, третья — на Киевском и последняя — на юге России. Олендорф, бывший начальник III Управления РСХА, руководивший четвертой группой, заявил в своем письменном показании:

«Когда немецкая армия вторглась в Россию, я командовал эйнзатцгруппой «Д» в южном секторе, и в течение года моего пребывания на этой должности эйнзатцгруппа «Д» уничтожила приблизительно 90 000 мужчин, женщин и детей. Большинство уничтоженных были евреи, но имелись также среди них партийные работники-коммунисты».

В приказе, изданном подсудимым Кейтелем 23 июля 1941 г. по проекту подсудимого Иодля, говорилось:

«Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер».

Из доказательств явствует, что этот приказ безжалостно проводился в жизнь на территории Советского Союза и в Польше. В документе, который был направлен в 1943 году подсудимому Розенбергу имперским комиссаром по делам восточных территорий, содержатся важные иллюстрации тех мер, которые в действительности применялись. Он писал:

«Можно было бы избегать зверств и хоронить тела тех, кого ликвидировали. Сжигать в сараях запертых там мужчин, женщин и детей,— вряд ли это подходящий метод, даже если желательно уничтожать население. Этот метод недостоин дела Германии и чрезвычайно вредит нашей репутации».

Трибунал располагает письменными показаниями некоего Германа Грабе от 10 ноября 1945 г. с описанием массовых убийств, свидетелем которых он был. Он являлся управляющим и инженером, возглавлявшим филиал фирмы Эслинген Иосифа Юнга в Здолбунове на Украине с сентября 1941 г. по январь 1944 года. Сначала он описывает нападение на еврейское гетто в Ровно:

«Затем были включены мощные электрические фонари, установленные по всей территории гетто. Члены СС и милиции группами от 4 до 6 человек входили или по крайней мере пытались войти в дома. Там, где двери и окна были закрыты и жители не открывали их после стука, члены СС и милиции врывались в окна и взламывали двери с помощью балок и ломов и входили в жилище. Жильцов выволакивали на улицу в том виде, в каком они были, независимо от того, были ли они одеты или спали... Наполнялась одна машина за другой. Крики женщин и детей, щелканье кнутов и ружейные выстрелы наполняли гетто».

Далее Грабе описывает массовую казнь в Дубно 5 октября 1942 г.:

«...Затем из-за насыпи послышались выстрелы в быстрой последовательности один за другим. Люди, которые сходили с грузовиков, мужчины, женщины и дети всех возрастов, должны были раздеваться, согласно приказаниям одного эсэсовца, который имел в руках хлыст... Без крика и плача эти люди раздевались, собирались в маленькие группы по семьям, целовались и прощались друг с другом, а затем ожидали приказания от другого эсэсовца, который стоял около ямы также с хлыстом в руке... В этот момент эсэсовец, стоявший у ямы, крикнул что-то своему товарищу. Последний отсчитал около 20 человек и приказал им итти на насыпь... Я перешел на другую сторону насыпи и оказался перед огромной могилой; тесно прижавшись друг к другу, люди лежали один на другом так, что были видны их головы. Яма была уже наполнена на $^2/_3$; по моим подсчетам там находилось около 1000 человек... Теперь подошла следующая группа людей, они спустились в яму, легли на предыдущие жертвы и были расстреляны».

Изложенные выше преступления против гражданского населения являются чудовищными. Из представленных доказательств явствует, что во всяком случае на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами. В том же духе Гитлер писал в «Майн Кампф»; этот план был совершенно ясно изложен Гиммлером в июле 1942 года, когда последний писал:

«В наши задачи не входит германизация Востока в том смысле, как это понималось раньше, т. е. германизация, заключающаяся в обучении населения немецкому языку и немецким законам; мы хотим добиться того, чтобы на Востоке жили исключительно люди чистой немецкой крови».

В августе 1942 года один из подчиненных Розенберга следующим образом суммировал политику в отношении восточных территорий, которая была ранее сформулирована Борманом:

«Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Поэтому обязательные прививки и медицинское об-

служивание немецкими врачами представляются излишними. Рост славянского населения является нежелательным».

В октябре 1943 года Гиммлер вновь заявил:

«Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха. Мы возьмем от других наций ту здоровую кровь нашего типа, которую они смогут нам дать. Если в этом явится необходимость, мы прибегнем к отбиранию у них детей и воспитанию их в нашей среде. Вопрос о том, процветает ли данная нация или умирает с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку представители данной нации нужны нам в качестве рабов для нашей культуры; в остальном их судьба не представляет для меня никакого интереса».

Еще в сентябре 1938 года польская интеллигенция была предназначена к уничтожению; в мае 1940 года подсудимый Франк писал в своем дневнике об «использовании того обстоятельства, что внимание общественного мнения всего мира приковано к Западному фронту для массовой ликвидации тысяч поляков, прежде всего ведущих представителей польской интеллигенции». В более ранний период Франку было поручено довести состояние «всей польской экономики до абсолютного минимума, необходимого лишь для поддержания самого скудного существования жителей страны. Поляки должны стать рабами Великой Германской Мировой Империи». В январе 1940 года Франк писал в своем дневнике, что «дешевые рабочие должны вывозиться из генерал-губернаторства сотнями тысяч. Это предотвратит биологическое размножение польского народа». Германия проводила эту политику в Польше настолько успешно, что к концу войны треть населения была убита, а вся страна предана опустошению.

То же самое происходило на оккупированных территориях Советского Союза. В начале германского нападения — в июне 1941 года Розенберг заявил своим сотрудникам:

«Цель, заключавшаяся в снабжении продуктами питания германского народа, стоит в этом году несомненно первой в числе тех требований, которые Германия предъявляет Востоку; в этом отношении южные территории и Северный Кавказ должны будут восполнить дефицит в продуктах питания для германского народа... Необходимо будет весьма интенсивно вывозить продукты, и, без сомнения, в будущем русским предстоят очень тяжелые годы».

Через три или четыре недели после этого Гитлер обсуждал с Розенбергом, Герингом, Кейтелем и рядом других лиц план эксплуатации советского народа и советских территорий; этот план среди прочих вопросов включал эвакуацию населения Крыма и заселение его немцами. Подобная же судьба была уготована для Чехословакии подсудимым фон Нейратом в августе 1940 года; интеллигенция страны должна была быть «изгнана»; однако остальное население предлагалось не изгонять или истреблять, а подвергнуть германизации, так как ощущался недостаток в немцах, которые могли бы занять их место.

На западе жертвой германской «операции по высылке» стало население Эльзаса. Между июлем и декабрем 1940 года 105 тыс. эльзасцев было изгнано из домов или было лишено возможности вернуться в них. Захваченный германский отчет от 7 августа 1940 г. предусматривал в отношении Эльзаса следующее:

«Прежде всего будет обращено внимание на расовую проблему; этот

вопрос должен быть разрешен таким образом, чтобы лица, представляющие ценность в расовом отношении, вывозились в Германию, а представители низшей расы отправлялись во Францию».

РАЗГРАБЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Статья 49 Гаагской конвенции предусматривает, что оккупирующие державы имеют право взимать денежную контрибуцию с оккупированных территорий для оплаты расходов на содержание оккупационной армии и издержек по управлению данной территорией. Статья 52 Гаагской конвенции разрешает оккупационным властям производить реквизицию в натуре только для нужд оккупационных войск, и размеры подобной реквизиции должны соответствовать ресурсам страны. Эти статьи вместе со статьей 48 о расходовании средств, собранных в форме налогов, и статьями 53, 55 и 56 об общественной собственности делают совершенно ясным, что, согласно правилам ведения войны, от экономики оккупированной страны можно требовать лишь оплаты расходов по оккупации данной страны, причем размеры этих расходов не должны превышать возможностей, разумно допустимых для экономики данной страны. Статья 56 гласит:

«Собственность муниципалитетов, религиозных и благотворительных обществ, учебных заведений, культурных и научных учреждений, хотя она и принадлежит государству, должна рассматриваться как частная собственность. Преднамеренный захват, разрушение и повреждение подобных заведений, исторических памятников, произведений науки и искусства запрещаются и должны преследоваться».

Однако из доказательств по данному делу ясно, что территории, оккупированные Германией, были подвергнуты эксплуатации для военных усилий Германии, причем эксплуатации жестокой, без учета масштабов местной экономики, явившейся следствием заранее обдуманного плана и политики. Фактически это являлось «систематическим ограблением общественной и частной собственности», что является преступлением, согласно статье 6 (b) Устава. Немецкая политика оккупации была с исчерпывающей ясностью охарактеризована в речи, произнесенной подсудимым Герингом 6 августа 1942 г. перед различными представителями немецких оккупационных властей.

«Всевышний знает,— вас послали туда не для того, чтобы заботиться о благосостоянии людей, над которыми вы поставлены; вы посланы для того, чтобы получить от них все, что возможно, с тем, чтобы немецкий народ мог жить. Именно этого я ожидаю от вас. Эти вечные заботы об иностранцах должны быть прекращены раз и навсегда. Передо мной лежат доклады о том, что вы должны собрать. Это ничто по сравнению с размером ваших территорий. Поэтому для меня совершенно безразлично, если вы скажете, что ваши люди будут обречены на голодную смерть».

Методы, применявшиеся для эксплуатации ресурсов оккупированных территорий в максимально возможных пределах, были различными при применении их в разных странах. В некоторых оккупированных странах на Востоке и Западе подобная эксплуатация ресурсов проводилась силами существовавшего хозяйственного аппарата. Местная индустрия была передана под германский надзор, а распределение военных материалов

строго контролировалось. Отрасли промышленности, которые имели значение для военной экономики Германии, в принудительном порядке продолжали работать, а большинство из остальных предприятий было закрыто. Сырье и готовая продукция конфисковались в одинаковой мере для нужд немецкой промышленности. Еще 19 октября 1939 г. подсудимый Геринг издал директиву, содержавшую подробные указания по управлению оккупированными территориями, в которой говорилось:

«Назначение экономических мероприятий в различных районах различно, и они зависят от того, является ли данная страна страной, которая будет политически воссоединена с германской империей или генерал-губернаторством, которое, по всей вероятности, не будет сделана частью Германии. На территории первой группы цель должна заключаться в том, чтобы сохранить все их производственные возможности и систему снабжения, а также в том, чтобы в возможно более короткий срок добиться полного слияния их с немецкой экономической системой. С другой стороны, с территорий генерал-губернаторства должны быть вывезены все сырье, утиль, машины и т. п., которые могут быть полезными для немецкой военной экономики. Предприятия, которые не являются абсолютно необходимыми, должны быть переведены в Германию, если такой перевод не потребует слишком большого периода времени и если не будет более выгодным эксплоатировать эти предприятия на их прежнем месте расположения, давая им заказы из Германии».

В результате этой директивы сельскохозяйственные продукты, сырье, необходимое для немецких фабрик, машины, транспортное оборудование, другие готовые изделия и даже вклады в иностранной валюте и иностранные ценные бумаги подлежали реквизиции и отправке в Германию. Подобная реквизиция ресурсов проводилась без учета экономических ресурсов данных стран, и впоследствии она привела к голоду, инфляции и возрастающей активности «черного рынка». Сначала германские оккупационные власти пытались бороться с «черным рынком», потому что это канал, по которому местные продукты уходили из германских рук. Когда подобные попытки провалились, было организовано немецкое закупочное агентство для производства закупок для Германии на «черном рынке» и, таким образом, было проведено в жизнь заверение Геринга о том, что «необходимо, чтобы все знали, что если где-нибудь будет голод, то только не в Германии».

Во многих оккупированных странах Востока и Запада власти сохраняли видимость того, что они платят за все захваченное ими имущество. Это хитро задуманная видимость оплаты лишь скрывала тот факт, что товары, посылавшиеся в Германию из этих оккупированных стран, оплачивались ими самими либо под предлогом чрезмерных расходов по оккупации или путем принудительных займов в форме кредитного расчета «по клирингу», который существовал только номинально.

В большинстве оккупированных стран Востока не соблюдалась даже эта видимость законности; экономическая эксплуатация превратилась в преднамеренное разграбление. Эта политика прежде всего была введена в действие аппаратом генерал-губернаторства Польши. Эксплуатация сырья на Востоке главным образом касалась сельскохозяйственных продуктов, и очень большое количество продовольствия было отправлено из генерал-губернаторства в Германию.

Доказательства о широко распространенной смертности от голода среди польского населения генерал-губернаторства свидетельствуют о том,

с какой безжалостностью и жестокостью проводилась эта политика эксплуатации.

Оккупация территории Советского Союза характеризуется преднамеренным и систематическим грабежом. Перед нападением на Советский Союз был создан специальный экономический штаб — «Ольденбург»— для обеспечения наиболее эффективной эксплуатации территорий Советского Союза. Немецкие армии должны были находить продовольствие на советской территории, даже если «многие миллионы людей будут обречены на голодную смерть».

Директива ОКВ, изданная перед нападением, гласила:

«Обеспечение возможности получения максимального количества продовольствия и сырой нефти для Германии является главной экономической целью данной кампании».

Таким образом, подсудимый Розенберг 20 июня 1941 г. выступал за использование сельскохозяйственной продукции южной части России и Северного Кавказа для обеспечения немецкого населения продовольствием. Он заявил:

«Мы не видим никаких оснований для того, чтобы мы кормили также и русское население за счет продуктов, полученных на этих дополнительных территориях. Мы знаем, что это является жестокой необходимостью, далекой от каких-либо чувств».

Когда советская территория была оккупирована, эта политика была проведена в жизнь: проводилась в широких масштабах конфискация сельскохозяйственных продуктов без всякого учета нужд населения оккупированной территории.

Наряду с захватом сырья и готовой продукции производился в широких масштабах захват произведений искусства, мебели, текстильных товаров и т. п. во всех захваченных странах.

29 января 1940 г. подсудимый Розенберг был назначен Гитлером главой центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистской идеологии и воспитания, после чего организация, известная под названием «Эйнзатцштаб Розенберга», проводила свои операции в очень широких масштабах. Предназначенная первоначально для создания научно-исследовательской библиотеки, она превратилась в систему, использовавшуюся для захвата культурных ценностей. 1 марта 1942 г. Гитлер издал еще один декрет, дававший Розенбергу полномочия обыскивать библиотеки, жилые дома и культурные учреждения с тем, чтобы изымать материалы из этих учреждений, точно так же как и сокровища искусства, принадлежавшие евреям. Подобные директивы были изданы также в отношении тех ценностей, владельцев которых нельзя было точно установить.

Декрет предусматривал сотрудничество верховного командования вооруженных сил и указывал, что деятельность Розенберга на Западе должна проводиться им как рейхслейтером, а на востоке — как имперским министром.

Впоследствии деятельность Розенберга была также распространена на оккупированные территории. В отчете Роберта Шольца, начальника специального штаба изобразительного искусства, говорилось:

«За период с марта 1941 г. по июль 1944 г. специальный штаб изобразительного искусства направил в империю 29 больших партий грузов, в том

числе 137 товарных вагонов, груженных 4100 ящиками с произведениями искусства».

В отчете Шольца упоминается 25 коллекций картин, содержавших наиболее ценные произведения искусства из художественной коллекции, захваченной на Западе, и врученных Гитлеру в качестве подарка. 39 томов, подготовленных эйнзатцштабом, содержали фотографии картин, тканей, мебели, канделябров и многих других предметов искусства и иллюстрировали стоимость и размеры созданной коллекции. Во многих оккупированных странах частные коллекции были расхищены, библиотеки и частные дома — разграблены. Музеи, дворцы и библиотеки на оккупированных территориях СССР систематически подвергались разграблению. Эйнзатцштаб Розенберга, особый батальон Риббентропа, имперские комиссары и представители военного командования захватывали культурные и исторические ценности, принадлежавшие народам Советского Союза, и отправляли их в Германию. Таким образом имперский комиссар Украины вывез все картины и произведения искусства из Киева и Харькова в Восточную Пруссию. Редкие издания книг и произведений искусства из Петергофа, Царского Села и Павловска были вывезены в Германию. В своем письме к Розенбергу от 5 октября 1941 г. имперский комиссар Кубе заявил о том, что ценность произведений искусства, вывезенных из Белоруссии, исчисляется миллионами рублей. О масштабах грабежа видно также и из письма, посланного отделом Розенберга фон Мильце-Шреден, в котором говорится о том, что в течение лишь октября месяца 1943 года было вывезено в империю около 40 товарных вагонов, нагруженных культурными ценностями.

Необходимо сказать несколько слов в отношении утверждения, что целью захвата сокровищ искусства была их охрана и сохранение. 1 декабря 1939 г. Гиммлер в качестве имперского уполномоченного по «укреплению германской нации» издал декрет, адресованный районным офицерам тайной полиции на присоединенных восточных территориях и начальникам службы безопасности в Радоме, Варшаве и Люблине. Этот декрет содержал административные указания по проведению программы захвата сокровищ искусства, и в первом пункте его говорилось:

«С целью укрепления германской нации, ради защиты империи все предметы, упомянутые в разделе 2 настоящего декрета, подлежат конфискации... Они конфискуются для блага германской империи и передаются в распоряжение имперского уполномоченного по укреплению германской нации».

Тот факт, что скорее существовало намерение обогатить Германию в результате этих захватов, нежели сохранить захваченные предметы, явствует из недатированного отчета доктора Ганса Несса, директора Дрезденской государственной картинной галлереи:

«Я имел возможность приобрести некоторые сведения относительно государственных и частных коллекций точно так же, как и относительно церковной собственности в Кракове и в Варшаве.

Правильно, что мы не можем слишком рассчитывать на возможность обогатиться за счет приобретения великих произведений живописи и скульптуры, за исключением алтаря Вита-Штоссе, гравюр Ганса фон Каульнбаха из церкви Св. Марии в Кракове... и нескольких других работ из национального музея в Варшаве...».

ПОЛИТИКА РАБСКОГО ТРУДА

Согласно статье 6 (b) Устава «жестокое обращение с населением и угон на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированных территорий» или с оккупированных территорий считается военным преступлением. Законы, касающиеся принудительного труда населения оккупированных территорий, изложены в статье 52 Гаагской конвенции, которая предусматривает:

«От органов местного самоуправления и населения не следует требовать поставок в натуре и трудовой повинности, кроме случаев, когда это необходимо для оккупационных войск, причем это должно производиться в соответствии с ресурсами данной страны и таким образом, чтобы не заставить население принимать участие в военных действиях против его собственной страны».

Политика немецких оккупационных властей находилась в явном противоречии с положениями этой конвенции. Об этой политике можно получить некоторое представление из заявления Гитлера в речи от 9 ноября 1941 г.:

«Население территорий, которое в настоящее время работает на нас, равняется 250 миллионам человек, а население территорий, которое косвенно служит нашим интересам, равняется 50 миллионам человек. Что касается мер, проводимых на немецкой территории, т. е. в той области, которой мы правим, то они безусловно поведут к тому, что мы сумеем запрячь в работу на нас все население до последнего человека».

Правда, это полностью осуществлено не было, но все же немецким оккупационным властям удалось заставить бóльшую часть населения оккупированных территорий помогать военным усилиям Германии и насильственно угнать по меньшей мере пять миллионов человек в Германию для работы в ее промышленности и сельском хозяйстве.

На ранних стадиях войны рабочая сила на оккупированных территориях находилась под контролем различных оккупационных властей, и практика использования этой рабочей силы была различной в каждой стране. На всех оккупированных территориях очень скоро была введена трудовая повинность. Население оккупированных территорий заставляли работать по месту жительства на германскую военную экономику. Во многих случаях жителей заставляли работать по возведению германских укреплений и военных сооружений. По мере того, как местные ресурсы сырья и возможности местной промышленности перестали удовлетворять запросы Германии, начал практиковаться насильственный угон рабочей силы в Германию. В середине апреля 1940 года в генерал-губернаторстве был отдан приказ о насильственном угоне рабочей силы в Германию, аналогичный порядок вводился и в других восточных странах по мере их оккупации. В апреле 1941 года Гиммлер описал, как происходил этот насильственный угон из Польши. В своей речи перед офицерами СС он вспоминал, как при 40°-ном морозе им приходилось «вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч». В другом случае Гиммлер заявил: «Если десять тысяч русских баб упадут от изнеможения во время рытья противотанковых рвов, это будет интересовать меня лишь в той мере, в какой будет готов этот противотанковый ров для Германии. Мы должны понять, что в Германии 6 или 7 миллионов иностранцев. Они не представляют никакой опасности до тех пор, пока мы принимаем суровые меры по каждому пустяку».

В течение первых двух лет немецкой оккупации Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии, однако, делались попытки получить необходимую рабочую силу на основе добровольного набора.

Насколько безуспешным являлся этот набор, можно увидеть из отчета о заседании центрального управления по планированию 1 марта 1944 года. Представитель подсудимого Шпеера, некто Керрль, говоря о положении во Франции, заявил: «За этот период большое число французов было набрано и добровольно направлено в Германию». Его прервал подсудимый Заукель:

«Не только добровольно,— некоторые были набраны принудительно».

На что Керрль ответил:

«Принудительный набор начался после того, как добровольный призыв перестал давать достаточные результаты».

На что подсудимый Заукель ответил: «Из пяти миллионов рабочих, прибывших в Германию, даже 200 000 не прибыли туда добровольно».

И Керрль ответил ему:

«Давайте теперь забудем, было или не было оказано некоторое незначительное давление. По крайней мере формально они были добровольцами».

Были созданы специальные комитеты содействия вербовке и проводилась усиленная кампания по пропаганде среди рабочих, чтобы сагитировать их добровольно поступить на службу Германии. К числу методов этой пропаганды относится, например, обещание, что за каждого добровольца, уезжающего работать в Германию, будет освобождаться один военнопленный. Помимо этого, в некоторых случаях тех рабочих, которые отказывались ехать в Германию, лишали продовольственных карточек или увольняли с работы, лишали пособий по безработице и возможности работать в другом месте. В некоторых случаях тем рабочим и их семьям, которые отказывались ехать в Германию, полиция угрожала репрессиями. 12 марта 1942 г. подсудимый Заукель был назначен генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с полномочиями распоряжаться «всей наличной рабочей силой, включая рабочих, набранных за границей, и военнопленными».

Подсудимый Заукель был поставлен в непосредственное подчинение подсудимому Герингу, как уполномоченному по четырехлетнему плану, и, согласно декрету Геринга от 27 марта 1942 г., все его полномочия в отношении рабочей силы были переданы Заукелю. Согласно инструкции Заукеля, иностранные рабочие должны были набираться на основе добровольности, но в них предусматривалось, что «однако, там, где на оккупированных территориях призыв добровольцев окажется недостаточным, при всех обстоятельствах следует прибегать к обязательной трудовой повинности и к принудительному набору». Правила, предусматривавшие отбытие трудовой повинности в Германии, были опубликованы на всех оккупированных территориях. Заукель установил число рабочих, которые должны были быть предоставлены местными властями, и последние получали инструкции в случае необходимости выполнять эти требования путем принудительного набора. Однако тот факт, что принудительный набор был скорее правилом, нежели исключением, подтверждает уже датировавшееся заявление Заукеля от 1 марта 1944 г.

Подсудимый Заукель часто утверждал, что с рабочими из иностранных государств обращались гуманно и что условия, в которых они жили

были хорошими. Но каковы бы ни были намерения Заукеля и как бы он ни хотел, чтобы с иностранными рабочими обращались гуманно, представленные Трибуналу доказательства устанавливают, что во многих случаях набор рабочей силы осуществлялся насильственными и решительными методами. «Ошибки и промахи» имели место в очень широких масштабах. За людьми охотились на улицах, в кино, даже в церквах, а в ночное время— в частных домах. Иногда дома сжигались, а семьи забирались в качестве заложников,—действия, которые были описаны подсудимым Розенбергом, как берущие начало в «самых темных периодах работорговли». Методы, использовавшиеся при наборе рабочей силы на Украине, явствуют из приказа офицерам СД, который гласил:

«Не всегда будет возможно воздержаться от применения силы... При облавах в деревнях, в особенности, когда возникает необходимость сжигать деревни, все население в принудительном порядке должно передаваться в распоряжение уполномоченного.

Как правило, более не следует расстреливать детей. Если настоящим приказом мы на время ограничиваем применение суровых мер, это делается лишь по следующей причине: самое важное теперь — набор рабочих».

При проведении этой политики абсолютно не принимались во внимание ресурсы и нужды оккупированных стран. При обращении с рабочими руководствовались инструкцией Заукеля от 20 апреля 1942 г., где говорилось, что «все рабочие должны получать такую пищу и такое жилище и подвергаться такому обращению, которые давали бы возможность эксплуатировать их в самой высокой степени при самых минимальных затратах». Доказательства устанавливают, что рабочие, предназначенные для империи, посылались под стражей в Германию, причем их часто грузили в поезд без соответствующего отопления и не давали им необходимой пищи, одежды и санитарного обслуживания. Доказательства далее устанавливают, что обращение с ними в Германии во многих случаях было жестоким и унизительным. Доказательства, относящиеся к заводам Круппа, показывают, что рабочие подвергались самым зверским наказаниям. По крайней мере теоретически рабочие получали зарплату, жилище и пищу от ДАФ (Германский трудовой фронт), им даже было разрешено пересылать свои сбережения и посылать письма и посылки в свою родную страну. Но ограничивавшие их правила по существу отнимали часть их зарплаты; лагери, в которых они были размещены, отличались антисанитарными условиями, а количество пищи часто было даже ниже минимума, необходимого для того, чтобы дать рабочим силу для работы.

В отношении поляков, работавших в крестьянских хозяйствах в Германии, нанимателям было разрешено применять телесные наказания; им было также приказано расселять рабочих по возможности в конюшнях, а не в своих домах.

Рабочие постоянно подвергались надзору со стороны гестапо и СС, и, если они пытались уйти от работы, их посылали в исправительно-трудовые или в концентрационные лагери. Концентрационные лагери использовались для увеличения поставок рабочей силы. Начальникам концентрационных лагерей было приказано заставлять заключенных работать до предела их физических возможностей. В течение последних стадий войны концентрационные лагери оказались столь продуктивными в некоторых видах работ, что гестапо получило инструкции о проведении арестов

определенных категорий рабочих с тем, чтобы они могли быть использованы таким образом. На военнопленных союзных стран также смотрели как на возможный источник рабочей силы. Давление оказывалось на унтер-офицеров — их пытались заставить согласиться работать и переводили в дисциплинарные лагери тех из них, которые на это не соглашались. Многих военнопленных назначали на работу, непосредственно связанную с военными операциями, что является нарушением статьи 31 Женевской конвенции. Их заставляли работать на военных заводах, заставляли даже снаряжать бомбардировщики, переносить боеприпасы и рыть окопы, очень часто в чрезвычайно опасных условиях. Это в особенности относится к советским военнопленным. 16 февраля 1943 года на заседании центрального управления планирования, на котором присутствовали подсудимые Заукель и Шпеер, Мильх заявил:

«Мы потребовали, чтобы был издан приказ, согласно которому известный процент зенитчиков составляли бы русские. Забавная вещь, что русские должны обслуживать пушки».

4 октября 1943 г. в Познани Гиммлер, говоря о русских военнопленных, захваченных в первые дни войны, сказал:

«В то время мы не ценили массы людей так, как мы ценим их сейчас,— как сырье, как рабочую силу. То, о чем в конечном счете с точки зрения будущих поколений нам нечего жалеть, в настоящее время должно вызывать сожаление, что пленные умирали от истощения и голода, и из-за этого происходила потеря рабочей силы».

Общая политика, лежавшая в основе мобилизации рабского труда, была сформулирована Заукелем 20 апреля 1942 г. Он сказал:

«Целью этой новой гигантской мобилизации рабочей силы является использование всех богатейших и огромнейших источников, которые мы завоевали и приобрели борьбой наших вооруженных сил под командованием Адольфа Гитлера, для вооружения армий, а также в качестве продовольственной базы нашей страны. Сырье, так же как плодородные земли, на покоренных территориях и их ресурсы рабочей силы должны быть использованы полностью и самым добросовестным образом на благо Германии и ее союзников... Все военнопленные с территорий Запада, а также Востока, которые уже находятся в Германии, должны полностью влиться в германскую промышленность вооружения и ее пищевую промышленность. Следовательно, нам необходимо немедленно использовать человеческие резервы покоренной советской территории в максимальных пределах. Если нам не удастся получить необходимое количество рабочей силы на добровольных началах, тогда мы должны немедленно ввести мобилизацию или принудительный труд... Полное использование всех военнопленных так же, как и использование гигантского количества новых иностранных рабочих — мужчин и женщин, стало бесспорной необходимостью для разрешения вопроса о мобилизации рабочей силы в этой войне».

Следует также остановиться на политике, которая проводилась в Германии уже в 1940 году, согласно которой все престарелые, душевнобольные и неизлечимо больные — «лишние рты» — переводились в особые учреждения, где их убивали, а их родственникам сообщали, что они умерли естественной смертью. Жертвами были не только немецкие граждане, но также и иностранные рабочие, потерявшие трудоспособность и ставшие поэтому бесполезными для военной машины Германии. Согласно подсчетам

в больницах, госпиталях и домах для душевнобольных, находившихся под юрисдикцией Фрика, как министра внутренних дел, было убито около 270 000 человек. Невозможно определить, сколько именно иностранных рабочих входило в это число.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ

Подробные доказательства, представленные Трибуналу, устанавливают факт преследования евреев нацистским правительством. Это — история бесчеловечности, осуществлявшейся последовательно и систематически в самых широких масштабах.

Олендорф, являвшийся начальником 3-го управления главного имперского управления безопасности с 1939 по 1943 гг. и командовавший одной из эйнзатцгрупп во время войны с Советским Союзом, в своих показаниях описал методы, применявшиеся при истреблении евреев. Он заявил, что он использовал боевые отряды для расстрела жертв с тем, чтобы уменьшить сознание моральной ответственности у своих людей, и 90 000 мужчин, женщин и детей, которые были убиты этой группой в течение одного года, являлись в основном евреями.

Когда свидетеля Бах-Зелевского спросили о том, каким образом Олендорф мог признать убийство 90 000 людей, он ответил:

«Я лично считаю, что, когда в течение лет, десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей расой, а что евреи даже не являются людьми, подобный результат неизбежен».

Подсудимый Франк произнес последние слова этой главы нацистской истории, когда он давал показания на суде:

«Мы боролись против еврейства, мы боролись против него в течение ряда лет, нам принадлежат некоторые изречения (и мой дневник может стать в связи с этим свидетелем против меня самого) — изречения, которые ужасны... Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии все еще не будет смыта».

Антисемитская политика была сформулирована в пункте 4 партийной программы, который гласил следующее:

«Только представитель расы может быть гражданином, а представителем расы может быть только тот, в ком течет германская кровь, независимо от его вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может быть представителем расы».

В других пунктах программы констатировалось, что с евреями нужно обращаться, как с чуждым элементом, что им нельзя разрешать занимать государственные посты, что их нужно изгнать из империи, если невозможно прокормить все население государства, что им нужно отказать в дальнейшей иммиграции в Германию и что им нужно запретить издание немецких газет. Нацистская партия проповедовала эти доктрины в продолжение всей своей истории. «Штюрмеру» и другим изданиям разрешалось пропагандировать ненависть к евреям, а в выступлениях и в публичных заявлениях нацистских вождей над евреями открыто насмехались и выражали презрение к ним.

С захватом власти преследование евреев усилилось. Был опубликован ряд законов, дискриминирующих евреев, которые ограничивали должности и профессии, разрешаемые евреям; вводились всевозможные ограничения в их семейной жизни и в их гражданских правах. К осени

1938 года нацистская политика в отношении евреев достигла стадии, принявшей форму полного вытеснения евреев из жизни Германии. Были организованы погромы, во время которых сжигались и уничтожались синагоги; еврейские предприятия подвергались разграблению, а видные еврейские дельцы — арестам. На евреев был наложен коллективный штраф в один миллиард марок; был санкционирован захват еврейского имущества, и передвижение евреев было ограничено определенными районами и определенными часами. Гетто создавались в чрезвычайно широком масштабе, и по приказу полиции безопасности евреев заставляли носить желтую звезду на груди и на спине.

Обвинение утверждало, что некоторые стороны этой антисемитской политики были связаны с планами агрессивной войны. Жестокие меры, принятые против евреев в ноябре 1938 года, проводились под предлогом расплаты за убийство одного чиновника германского посольства в Париже. Но решение о захвате Австрии и Чехословакии было вынесено за год до этого. Был наложен штраф в миллиард марок и издан приказ о конфискации финансов, находившихся во владении евреев; это происходило в то время, когда расходы Германии на военные нужды создали трудное положение для германского казначейства и когда обсуждался вопрос о снижении этих расходов. Более того, эти шаги были предприняты с одобрения подсудимого Геринга, который был ответственным за проведение экономических мероприятий подобного рода и который являлся ярым защитником расширенной программы перевооружения, не взирая на финансовые трудности.

Далее говорится, что связь между антисемитской политикой и агрессивной войной также не ограничивалась лишь экономическими вопросами. Бюллетень министерства иностранных дел Германии, в номере от 25 января 1939 г. в статье под заголовком «Еврейский вопрос как фактор внешней политики Германии в 1938 году», описывает новую фазу в нацистской антисемитской политике следующим образом:

«То, что роковой 1938 год приблизил решение еврейского вопроса одновременно с осуществлением идеи Великой Германии, конечно, не является совпадением, так как еврейская политика была и основой и результатом событий 1938 года. Рост влияния евреев и пагубный еврейский дух в политике, экономике и культуре парализовал силу и волю германского народа к тому, чтобы снова подняться, возможно даже в большей степени, чем оппозиция политике силы со стороны бывших вражеских союзных держав в мировой войне.

Поэтому излечение народа от этой болезни было, без сомнения, одной из наиболее важных задач, требовавших применения силы, и это в 1938 году привело к объединению Великой Германии вопреки всему миру».

Нацистское преследование евреев в Германии до войны, хотя оно было жестоким и безжалостным, не идет, однако, ни в какое сравнение с политикой, проводимой во время войны в оккупированных территориях. Первоначально эта политика была схожа с той, которая осуществлялась и внутри Германии: все евреи должны были проходить регистрацию, их заставляли жить в гетто, они должны были носить желтую звезду, и их использовали для рабского труда. Летом 1941 года, однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 года должно было

явиться одним из следствий разразившейся войны; для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник отдела Б-4.

План уничтожения евреев был разработан вскоре после нападения на Советский Союз. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, созданные для того, чтобы сломить сопротивление населения территорий, лежащих в тылу германских армий на Востоке, получили задание уничтожить евреев в этих областях. Эффективность деятельности эйнзатцгрупп видна из того, что в феврале 1942 года Гейдрих был в состоянии доложить, что Эстония уже была очищена от евреев и что в Риге число евреев снизилось с 29 500 до 2 500 человек. Всего эйнзатцгруппы, оперировавшие в прибалтийских странах, убили свыше 135 000 евреев за 3 месяца.

Эти специальные отряды не действовали независимо от германских вооруженных сил. Имеются ясные доказательства того, что руководители эйнзатцгрупп сотрудничали с армейскими командирами. В одном случае взаимоотношения между эйнзатцгруппой и военными властями описывались как «очень близкие, почти дружеские», в другом случае успешный ход операций эйнзатцкоманды был приписан «пониманию проводимых мероприятий» военными властями. Части полиции безопасности и СД на оккупированных территориях Востока, находившиеся в ведении гражданской администрации, получили аналогичное задание. Обдуманный и систематический характер преследования евреев лучше всего иллюстрируется докладом бригадного генерала СС Штрупа, на которого была возложена ответственность за уничтожение гетто в Варшаве, фактически проведенное в жизнь в 1943 году. Этот отчет был представлен Трибуналу в качестве доказательства и был иллюстрирован фотографиями, и на его первой странице была сделана надпись: «Еврейское гетто в Варшаве больше не существует». Этот том содержит ряд отчетов, посланных Штрупом высшему руководителю СС и полиции на Востоке. В апреле и мае 1943 года в одном из отчетов Штруп писал:

«Сопротивление, которое оказывали евреи и бандиты, могло быть подавлено лишь в результате сильных боев наших отрядов, не прекращавшихся ни днем, ни ночью. Поэтому рейхсфюрер СС приказал 23 апреля 1943 г. очистить гетто, применяя крайнюю жестокость и проявляя беспощадное упорство. Было решено уничтожить и сжечь все гетто, не взирая на то, что там имелись военные заводы. С этих заводов мы систематически вывозили оборудование, а затем сжигали их. Обычно евреи выходили из тех мест, в которых они скрывались, но часто они оставались в горевших зданиях и выпрыгивали из окон только тогда, когда жара становилась невыносимой. Тогда они пытались, несмотря на переломы костей, переползать по улице в те здания, которые еще не были охвачены огнем. Жизнь в канализационных трубах не была приятной. Мы не раз слышали громкие голоса в канализационных трубах... Мы стали бросать туда в отдушины слезоточивые бомбы и таким образом выгнали евреев из канализационных труб и захватили их. Бесчисленное количество евреев было ликвидировано в канализационных трубах и бункерах во время взрывов, и чем дольше продолжалось сопротивление, тем более жестокими становились члены войск СС, полиции и вооруженных сил, всегда образцово исполнявшие свои обязанности».

Штруп говорит в своем отчете, что в результате его мероприятий в Варшаве уничтожено 56 065 человек. К этому мы должны добавить тех,

которые были убиты во время взрывов, при пожарах и т. д., количество которых учесть невозможно.

Мрачные показания о массовых убийствах евреев были также представлены Трибуналу путем демонстрации фильма, показывавшего общие могилы сотен жертв, впоследствии обнаруженных союзниками. Все эти зверства были присущи политике, начатой в 1941 году, и нет ничего удивительного в том, что, согласно показаниям, один или два немецких чиновника тщетно пытались протестовать против тех зверских методов, которыми проводилось умерщвление. Но методы, к которым прибегали, никогда не были схожи один с другим. Резня в Ровно и Дубно, о которой говорил немецкий инженер Грабе, представляла собой один метод, систематическое истребление евреев в концентрационных лагерях явилось другой частью «окончательного разрешения проблемы», выражавшейся в том, что со всей оккупированной немцами Европы евреев сгоняли в концентрационные лагери. Их физическое состояние решало для них вопрос жизни или смерти. Всех трудоспособных людей использовали для рабского труда в концентрационных лагерях; все неспособные работать уничтожались в газовых камерах, после чего их трупы сжигались. Для этой цели были специально выделены некоторые концентрационные лагери, как, например, Треблинка и Освенцим.

По вопросу об Освенциме Трибунал заслушал показания Гесса, с 1 мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г. являвшегося комендантом лагеря. Он заявил, что только в одном лагере Освенцим за этот период времени было истреблено 2 500 000 человек, помимо того, что 500 000 погибло от болезней и голода.

Гесс на суде в следующих словах рассказал о том, каким образом отбирались те люди, которых предполагалось уничтожить»:

«В Освенциме было два дежурных врача, занимавшихся осмотром транспортов прибывавших заключенных. Заключенных прогоняли мимо одного из врачей, который тут же на месте, пока они проходили мимо него, принимал решение относительно их трудоспособности. Трудоспособные заключенные направлялись в лагерь. Остальных немедленно направляли на установки для уничтожения.

Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать. Мы ввели еще одно усовершенствование по сравнению с Треблинкой; в этом лагере жертвы почти всегда знали о том, что их собираются истребить, в то время как в Освенциме мы пытались обманывать заключенных, заставляя их думать, что они должны пройти санобработку. Они, конечно, нередко разгадывали наши действительные намерения, и в связи с этим нам приходилось иметь дело с беспорядками и различными затруднениями. Очень часто женщины прятали детей под свою одежду, но, конечно, когда мы их находили, мы отбирали детей и истребляли».

Он в следующих словах описывает процесс убийства:

«На убийство людей в газовых камерах обычно уходило от 3 до 15 минут в зависимости от климатических условий. Мы знали, когда люди умирали, так как со смертью прекращались их крики. Перед тем, как открыть двери и удалить тела, мы обычно выжидали в течение получаса. После того, как тела выносили из камер, наши специальные команды снимали с них кольца и извлекали золото с зубов, выдранных у трупов».

Избиения, голод, истязания и убийства были всеобщим явлением. Заклю-

ченные подвергались жестоким экспериментам. В августе 1942 года в Дахау жертвы погружались в холодную воду и оставлялись там до того, пока температура их тел не понижалась до 28° по Цельсию, после чего они немедленно умирали.

Остальные эксперименты включали опыты по определению условий на больших высотах, когда жертвы помещались в камеры с пониженным давлением, опыты, целью которых служило определить, сколько времени человеческое существо может прожить в ледяной воде, опыты с отравленными пулями, опыты с заразными болезнями, опыты по стерилизации мужчин и женщин рентгеновскими лучами и путем применения других методов. Были представлены доказательства относительно судьбы заключенных до и после их уничтожения.

В показаниях было указано, что у женщин перед тем, как их убить, обрезали волосы, которые отправлялись в Германию, где они использовались для производства матрацев. Одежда, деньги и драгоценности заключенных также присваивались и направлялись в соответствующие отделы для дальнейшего распределения. После того, как жертвы умерщвлялись, у трупов вынимали золотые зубы и пломбы, которые пересылались в рейхсбанк. После кремации трупов зола использовалась в качестве удобрения, а в некоторых случаях делались попытки использовать жировой слой, имевшийся на телах жертв, для выработки мыла, предназначенного для продажи. По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выискивавшие евреев для так называемого «окончательного разрешения» вопроса. В некоторые страны — сателлиты, как Венгрия и Болгария, были направлены германские миссии, которые должны были организовывать в вышеупомянутых целях отправку евреев в лагери уничтожения в Германию по морю.* Известно, что к концу 1944 года 400 000 евреев из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации 110 000 евреев из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито шесть миллионов евреев, из которых четыре миллиона было убито в пунктах для истребления людей.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ К РАЗДЕЛУ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Статья 6 Устава гласит:

«(b) Военные преступления, а именно нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; разграбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, опустошение, не оправданное военной необходимостью.

(c) Преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Три-

бунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены или нет».

Как здесь указывается, Устав не выделяет тот или иной заговор в отдельное преступление, за исключением заговора, упомянутого в статье 6(а) и касающегося преступлений против мира.

Трибунал, несомненно, связан теми определениями, которые дает Устав как в отношении военных преступлений, так и в отношении преступлений против человечности. Однако, что касается военных преступлений, как уже указывалось, преступления, определяемые статьей 6 (b) Устава, уже признавались как военные преступления международным правом. Они предусматривались статьями 46, 50, 52 и 56 Гаагской конвенции 1907 года и статьями 2, 3, 4, 46 и 51 Женевской конвенции 1929 года. Тот факт, что нарушение этих норм являлось преступлением, за которое отдельные лица подлежали наказанию, слишком хорошо известен для того, чтобы допустить хоть тень сомнения.

Выдвигалось утверждение о том, что Гаагская конвенция здесь не применима в соответствии с пунктом о распространении действия конвенции в статье 2 Гаагской конвенции 1907 года. Этот пункт предусматривал:

«Положения, содержащиеся в правилах ведения войны на суше, упомянутых в статье 1, так же как и правила настоящей конвенции, распространяются только на подписавшиеся стороны и только в том случае, если все воюющие стороны являются участниками данной конвенции».

Некоторые воюющие стороны в последней войне не были участниками этой конвенции.

По мнению Трибунала, нет необходимости решать этот вопрос. Правила ведения войны на суше, сформулированные в конвенции, несомненно, являлись шагом вперед по сравнению с существовавшим во время ее принятия международным правом. Но конвенция определенно устанавливает, что это была попытка «пересмотреть общие законы и обычаи войны», которые она, таким образом, признала существующими. Однако в 1939 году эти правила, изложенные в конвенции, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев ведения войны, на которые имеется ссылка в статье 6 (b) Устава.

Утверждалось также, что Германия не была более связана правилами ведения войны на суше на многих территориях, оккупированных во время войны, потому что Германия полностью покорила эти страны и включила их в состав Германской империи; это обстоятельство якобы дало Германии право действовать в отношении этих оккупированных стран таким образом, как если бы они были частью Германии. По мнению Трибунала, в настоящем деле нет необходимости решать вопрос, является ли эта «доктрина покорения», в какой бы мере она ни зависела от военных завоеваний, применимой в тех случаях, когда покорение возникает в результате агрессивной войны. Эта доктрина никогда не рассматривалась как применимая до тех пор, пока существует действующая армия, которая пытается вернуть оккупированную страну ее настоящему владельцу, и поэтому в настоящем деле эта доктрина не может быть применена в отношении какой-либо из территорий, оккупированных после 1 сентября 1939 г. Что касается военных преступлений, совершенных в Богемии и Моравии, в качестве ответа достаточно будет сказать, что эти территории никогда не были присоединены к империи, но над ними был просто установлен протекторат.

Что касается преступлений против человечности, то не допускает никаких сомнений тот факт, что политические противники умерщвлялись в Германии до войны и что многие из них содержались в заключении в концентрационных лагерях в условиях жестокости и террора. Политика террора, несомненно, проводилась в широких масштабах, и во многих случаях она была организованной и систематической. До войны 1939 года в Германии самым безжалостным образом проводилась политика преследования, подавления и убийства всех лиц из числа гражданского населения, о которых можно было предположить, что они настроены враждебно по отношению к правительству. Также несомненно является установленным факт преследования евреев в течение того же периода. Действия, инкриминируемые в период до момента начала войны, могут считаться преступлениями против человечности только в том случае, если они совершались в ходе или в связи с любым из преступлений, подлежащих юрисдикции Трибунала. Трибунал считает, что не было с достаточной убедительностью доказано то, что эти действия совершались во исполнение или в связи с любым таким преступлением, насколько бы отвратительными и ужасными многие из них ни являлись. Поэтому Трибунал не может сделать заявления общего характера относительно того, что действия, совершенные до 1939 года, являются преступлениями против человечности в том смысле, как они определены Уставом.

Однако с самого начала войны в 1939 году военные преступления, которые также являлись преступлениями против человечности, совершались в широких масштабах, и хотя бесчеловечные действия, вменяемые в вину в Обвинительном заключении и совершенные после начала войны, не составляют военных преступлений,— все они совершались при ведении агрессивной войны или в связи с ней, и поэтому они являются преступлениями против человечности.

ОБВИНЯЕМЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья 9 Устава предусматривает:

«При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

После получения Обвинительного акта Трибунал сделает такое объявление, какое он найдет нужным, о том, что Обвинение намеревается ходатайствовать перед Трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной, и любой член организации будет вправе обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным Трибуналом по вопросу о преступном характере организации. Трибунал будет вправе удовлетворить или отклонить эту просьбу. В случае удовлетворения такой просьбы Трибунал может определить, каким образом эти лица будут представлены и выслушаны».

Из статьи 10 Устава явствует, что решение о признании преступного характера обвиняемой организации является окончательным и не может подвергаться оспариванию на любом последующем процессе по делу отдельных членов организаций.

Статья 10 гласит:

«Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из подписавшихся сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию».

Последствия признания Трибуналом преступного характера организаций со всей ясностью иллюстрируются в законе № 10 Контрольного Совета Германии, принятом 20 декабря 1945 г., который предусматривает:

«Каждое из следующих действий рассматривается как преступление:

...(d) Членство в определенных категориях преступных групп или организаций, преступный характер которых был признан Международным Военным Трибуналом.

...3. Любое лицо, признанное виновным в любом из упомянутых выше преступлений, может быть в случае осуждения наказано таким образом, как Трибунал это сочтет справедливым. Такое наказание может соответствовать одному или нескольким из следующих пунктов...:

(a) Смертная казнь...

(b) Пожизненное тюремное заключение или заключение на определенный срок с каторжными работами или без каторжных работ.

(c) Штраф или тюремное заключение с каторжными работами или без каторжных работ вместо этого штрафа.

(d) Конфискация имущества.

(e) Изъятие (реституция) незаконно присвоенного имущества.

(f) Лишение некоторых или всех гражданских прав».

Поэтому в результате член организации, которую Трибунал признает преступной, может быть впоследствии осужден за преступление, заключавшееся в принадлежности к этой организации, и наказан за это преступление смертью. Это не предполагает, что международные или военные суды, которые будут судить этих лиц, не будут применять соответствующих правовых норм. Это — новая процедура, предполагающая далеко идущие последствия. Применение ее, если не будут приняты необходимые меры предосторожности, может привести к большой несправедливости.

Следует отметить, что статья 9 содержит следующие слова: «Трибунал может объявить». Таким образом Трибунал облечен полномочиями решать по своему усмотрению вопрос, объявит ли он ту или иную организацию преступной. Однако это право решать по своему усмотрению основывается на правовых нормах и не позволяет прибегать к произвольному суждению; оно должно применяться в соответствии с прочно установившимися правовыми принципами, самый важный из которых заключается в том, что преступная виновность является индивидуальной и следует избегать массового наказания. Если Трибунал считает доказанной преступную виновность любой организации или группы, он должен без колебания признать ее преступной, не опасаясь того, что теория «преступность группы» является новой, или того, что она может быть несправедливо применена в последующих судебных разбирательствах трибуналами. С другой стороны, Трибунал должен вынести решение о преступности по возможности таким образом, чтобы не были наказаны невиновные.

Преступная организация аналогична преступному заговору в том, что по существу они предполагают сотрудничество ради преступных целей. Должна существовать группа, связанная и организованная для осуществления общей цели. Эта группа должна быть создана или использована в связи с совершением преступлений, предусмотренных Уставом. Поскольку решение в отношении организаций или групп определит, как это уже было указано, преступность членов этой организации, это решение должно исключить тех лиц, которые не были осведомлены о преступных целях или действиях организации, и тех, которые были призваны в эту организацию государственными органами, за исключением тех случаев, когда они были лично замешаны в совершении действий, объявленных преступными в соответствии со ст. 6 Устава, в качестве членов этой организации. Формальное членство не подпадает под действие этого решения.

Поскольку решения о преступности, сделанные Трибуналом, будут использоваться в других судах в процессах против отдельных лиц за их членство в организациях, которые будут признаны преступными, Трибунал считает уместным сделать следующие рекомендации: 1) Поскольку это возможно, классификация преступлений, санкции и мера наказания должны быть однообразными на всех четырех зонах оккупации в Германии. Основной целью в той мере, в какой это практически возможно, должно быть соблюдение единообразия при рассмотрении дел. Это, конечно, не означает, что суды должны быть лишены права решать дела по своему усмотрению, однако это право действовать по усмотрению должно быть ограничено рамками, соответствующими характеру преступления.

2) Закон № 10, на который мы уже ссылались, оставляет решение вопроса о наказании полностью на усмотрение суда, разбирающего дело, вплоть до предоставления ему права выносить смертный приговор.

Однако закон о денацификации от 5 марта 1946 г., изданный для Баварии, Гросс-Гессена и Вюртенберг-Бадена, предусматривает определенное наказание для каждого вида преступлений. Трибунал рекомендует, чтобы ни в коем случае наказание, предусмотренное законом № 10 в отношении любого члена группы или организации, признанной Трибуналом преступной, не превосходило по своим размерам наказания, установленного законом о денацификации. Никто не должен быть наказан по обоим законам.

3) Трибунал рекомендует Контрольному Совету внести поправку в закон № 10 с тем, чтобы предусмотреть ограничение в наказании, которое может быть вынесено за членство в преступной группе или организации, таким образом, чтобы это наказание не превосходило наказания, предписываемого законом о денацификации.

Обвинительное заключение требует, чтобы Трибунал признал преступными следующие организации: руководящий состав нацистской партии, гестапо, СД, СС, СА, имперский кабинет, генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил.

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

Структура и составные части

Руководящий состав нацистской партии назван в Обвинительном заключении как группа или организация, которая должна быть объявлена преступной. Руководящий состав нацистской партии фактически состоял

из официальной организации нацистской партии и возглавлялся Гитлером в качестве фюрера. Фактическое руководство руководящим составом нацистской партии осуществлялось начальником партийной канцелярии (Гессом, а затем Борманом) с помощью имперского партийного директората или рейхслейтунга, который состоял из рейхслейтеров, руководителей функциональных организаций, так же как и из руководителей различных главных управлений и учреждений, примыкавших к имперскому партийному директорату. Начальнику партийной канцелярии подчинялись гаулейтеры, осуществлявшие территориальную юрисдикцию над главными административными партийными единицами — гау.

Гаулейтерам помогал партийный директорат по делам гау, или гаулейтунг, который по своей структуре и характеру деятельности соответствовал имперскому партийному директорату. Ниже гаулейтеров в партийной иерархии стояли крейслейтеры, осуществлявшие территориальную юрисдикцию над крейсами, обычно состоявшими из одной общины; им помогал партийный директорат по делам крейса, или крейслейтунг. Крейслейтеры стояли на самой нижней ступени партийной иерархии и являлись партийными работниками, получавшими заработную плату. Непосредственно ниже крейслейтеров стояли ортсгруппенлейтеры, затем целленлейтеры и, наконец, блоклейтеры.

Директивы и инструкции исходили из имперского партийного директората. Задачей гаулейтеров являлась интерпретация этих директив и передача их в нижестоящие инстанции. Крейслейтеры располагали некоторой свободой в толковании этих директив, но ортсгруппенлейтеры не обладали этой свободой и действовали по определенным инструкциям. Инструкции передавались в письменном виде только до ортсгруппенлейтера. Блок-и целленлейтеры обычно получали инструкции в устной форме. Принадлежность ко всем рангам руководящего состава являлась добровольной.

28 февраля 1946 г. Обвинение исключило из требуемого им признания виновными всех сотрудников аппарата ортсгруппенлейтеров и всех помощников целленлейтеров и блоклейтеров. Решение Трибунала, которого требует Обвинение в отношении признания виновным руководящего состава нацистской партии, таким образом, должно включать фюрера, рейхслейтеров, гаулейтеров и сотрудников их аппарата, крейслейтеров и сотрудников их аппарата, ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров, группу общей численностью по меньшей мере в 600 000 человек.

Цели и характер деятельности

Основной целью руководящего состава с самого начала являлась помощь нацистам в приобретении, а затем, после 30 января 1933 г.— в сохранении контроля над германским государством. Механизм руководящего состава использовался для широкого распространения нацистской пропаганды и для тщательного контроля над политическими настроениями германского народа. В этой деятельности особенно важную роль играли низшие слои политических руководителей. Партийный справочник инструктировал блоклейтеров сообщать ортсгруппенлейтерам обо всех лицах, распространяющих вредные слухи или критикующих режим. Ортсгруппенлейтеры на основе информации, получаемой ими от блоклейтеров и целленлейтеров, вели картотеку на всех жителей, входивших в ортсгруппу,

содержащую данные, которые могли быть использованы при вынесении решения относительно их политической благонадежности. Руководящий состав был особенно активен в период плебисцитов. Все члены руководящего состава очень активно действовали для обеспечения голосования и наиболее высокого процента голосов «за». Ортсгруппенлейтеры и политические руководители высших рангов часто сотрудничали с гестапо и СД в мероприятиях по установлению тех лиц, которые отказывались принять участие в голосовании или голосовали «против», а также в принятии соответствующих мер против них, применяя даже арест и заключение в концентрационный лагерь.

Преступная деятельность

Эти действия, которые связаны только с консолидацией контроля нацистской партии, не являются преступными с точки зрения заговора для ведения агрессивной войны, который был уже выше изложен. Однако руководящий состав также использовался для аналогичных действий в Австрии и в тех частях Чехословакии, Литвы, Польши, Франции, Бельгии, Люксембурга и Югославии, которые были включены в состав империи и в гау нацистской партии. На этих территориях механизм руководящего состава использовался для германизации населения при помощи уничтожения местных обычаев и выявления и ареста лиц, противодействовавших германской оккупации. Это являлось преступным в соответствии со статьей 6(b) Устава в отношении тех территорий, где действовали гаагские конвенции о ведении сухопутной войны, и преступным в соответствии со статьей 6(c) Устава в отношении остальных территорий.

Руководящий состав сыграл свою роль в преследовании евреев; он был замешан в мероприятиях по экономической и политической дискриминации евреев, которые были введены в действие вскоре после прихода нацистов к власти. Гестапо и СД получили инструкции координировать с гаулейтерами и крейслейтерами действия во время погромов 9 и 10 ноября 1938 г. Руководящий состав также использовался для того, чтобы предотвратить реакцию германского общественного мнения против мер, предпринимавшихся в отношении евреев на Востоке.

9 октября 1942 г. всем гаулейтерам и крейслейтерам был разослан секретный информационный бюллетень, озаглавленный «Подготовительные меры к окончательному разрешению еврейского вопроса в Европе. Слухи о положении евреев на Востоке». В этом бюллетене говорилось о том, что возвращающиеся с Востока солдаты распространяют слухи относительно положения евреев на Востоке, которые некоторые немцы могут не понять, и далее в подробностях излагалось официальное объяснение, которое следовало давать. Этот бюллетень не содержал определенных указаний на то, что евреи уничтожались, но в нем говорилось, что их направляли в трудовые лагери, о том, что их полностью отделяли от остального населения, а также о необходимости проявлять к ним безжалостную суровость. Таким образом, даже на первый взгляд этот бюллетень указывал на то, что механизм руководящего состава использовался для того, чтобы удержать немецкое общественное мнение от протестов против программы, которая, как утверждалось, включала в себя осуждение евреев в Европе на пожизненное рабство. Эти сведения все время поступали к политическим руководителям. В августовском выпуске «Дилаге» за 1944 год, являв-

шемся изданием, которое распространялось среди политических руководителей, описывалась депортация 430 000 евреев из Венгрии.

Руководящий состав сыграл важную роль в проведении программы рабского труда. Директива Заукеля от 6 апреля 1942 г. назначала гаулейтеров чрезвычайными уполномоченными по мобилизации рабочей силы в их соответствующих гау с полномочиями координировать деятельность всех организаций, имевших отношение к вопросам рабочей силы в пределах их гау, и со специальными полномочиями в области найма иностранных рабочих, в том числе в отношении условий их работы, их питания и расселения. Исходя из этих полномочий, гаулейтеры взяли в свои руки контроль над размещением рабочей силы в их гау, в том числе над размещением рабочих, насильно пригнанных из других стран. При осуществлении этой задачи гаулейтеры использовали многие учреждения партии в пределах своих гау, в том числе подчинявшихся им политических руководителей. Так, например, директивой Заукеля от 8 сентября 1942 г. относительно размещения по отдельным хозяйствам 400 000 женщин-работниц, прибывших с Востока, устанавливается порядок, согласно которому заявления о присылке таких работниц передавались крейслейтерам, чье решение являлось окончательным.

В соответствии с директивой Заукеля, обращение с иностранными рабочими непосредственно входило в ведение политических руководителей, причем гаулейтеры были специально проинструктированы предотвращать «слишком большую заботу и внимание к иностранным рабочим» со стороны «политически ненадежных руководителей предприятий».

В число вопросов, связанных с обращением с рабочими, которыми должны были заниматься политические руководители, входило составление крейслейтерами отчетов о случаях беременности среди женщин, использовавшихся для рабского труда; эти отчеты имели своим результатом производство аборта, если родители ребенка не соответствовали расовым требованиям, установленным СС, и обычно вели к заключению в концлагерь матери ребенка. Доказательства устанавливают, что под наблюдением политических руководителей промышленные рабочие расселялись в лагерях в ужасных антисанитарных условиях, работали много часов и не получали достаточного питания.

Под наблюдением тех же политических руководителей сельскохозяйственным рабочим, с которыми обращались несколько лучше, было запрещено пользоваться транспортом, посещать места развлечений и отправлять религиозные обряды; для них не был установлен нормированный рабочий день и были введены правила, которые давали нанимателю право прибегать в отношении их к телесным наказаниям. Политические руководители, по крайней мере до ортсгруппенлейтеров, несли ответственность за руководство этими вопросами. 5 мая 1943 г. всем политическим руководителям, до ортсгруппенлейтеров, был разослан меморандум Бормана, содержавший инструкции о прекращении жестокого обращения с угнанными в рабство рабочими. Подобным же образом 10 ноября 1944 г. Шпеер циркулярно разослал директиву Гиммлера, предусматривавшую, что все члены нацистской партии, в соответствии с указаниями крейслейтера, должны быть предупреждены ортсгруппенлейтерами о том, что их долгом является внимательное наблюдение за иностранными рабочими.

Политические руководители непосредственно занимались вопросами обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 г. Борман разослал дирек-

тивное указание до крейслейтеров включительно, предлагая им обеспечить выполнение армией недавно вышедших директив министерства внутренних дел, в которых указывалось, что трупы русских военнопленных следовало завертывать в листы толя и хоронить в отдаленных местах без всяких церемоний или украшения их могил. 25 ноября 1943 г. Борман разослал циркуляр, предлагавший гаулейтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 г. Борман разослал директиву до крейслейтеров включительно, требовавшую установления связи между крейслейтерами и охранниками военнопленных для того, чтобы «лучше согласовать использование военнопленных с политическими и экономическими требованиями».

17 октября 1944 г. директива ОКВ предписывала офицеру, отвечавшему за военнопленных, советоваться с крейслейтером по вопросу производительности труда. Использование военнопленных, особенно военнопленных с Востока, сопровождалось нарушением конвенции о ведении сухопутной войны в широких масштабах. Доказательства устанавливают, что руководящий состав, до крейслейтеров включительно, участвовал в этом незаконном обращении с военнопленными.

Механизм руководящего состава также использовался при попытках лишить союзных летчиков той защиты, которая им предоставлялась согласно Женевской конвенции. 13 марта 1940 г. вышла директива Гесса с инструкциями политическим руководителям до блоклейтеров включительно о руководстве гражданским населением в случае приземления вражеских самолетов или парашютистов, которые гласили, что вражеские парашютисты должны были немедленно подвергаться аресту или «обезвреживаться».

30 мая 1944 г. Борман разослал циркулярное письмо всем гау- и крейслейтерам с сообщением о случаях линчевания союзных летчиков штурмовой авиации, в которые полиция не вмешивалась. Было предложено информировать ортсгруппенлейтеров устно о содержании этого письма. Это письмо сопутствовало пропагандистской кампании, начатой Геббельсом с тем, чтобы поощрять эти линчевания или, по крайней мере, в нарушение Женевской конвенции, запрещать полиции вмешиваться. Ряд линчеваний был проведен в соответствии с этими указаниями, однако нет данных о том, что они проводились по всей Германии. Тем не менее существование этого циркулярного письма показывает, что верхушка политического руководства использовала его для целей, которые были явно незаконными и требовавшими использования аппарата политического руководства, по крайней мере, до ортсгруппенлейтеров.

Заключение

Политическое руководство использовалось для целей, которые, согласно Уставу, являлись преступными и включали германизацию присоединенных территорий, преследование евреев, проведение программы рабского труда и жестокое обращение с военнопленными. Подсудимые Борман и Заукель, являвшиеся членами этой организации, были в числе тех, кто использовал ее в этих целях. Гаулейтеры, крейслейтеры и ортсгруппенлейтеры в той или иной степени принимали участие в проведении этой преступной программы. Рейхслейтунг, как руководящая организация партии, также ответственна за эту преступную программу, как и

главы различных руководящих организаций гаулейтеров и крейслейтеров.

Решение Трибунала по этим руководящим организациям распространяется лишь на амтслейтеров, которые были начальниками отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга. В отношении других должностных лиц и партийных организаций, примыкавших к политическому руководству, за исключением амтслейтеров, о которых говорилось выше, Трибунал примет предложение Обвинения относительно того, чтобы на них не распространялось это решение.

Трибунал объявляет преступной в том смысле, как это определено Уставом, группу, состоящую из тех членов политического руководства, которые занимали посты, перечисленные в предыдущем параграфе, или тех, которые вступали в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, либо тех, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является участие организации в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной; поэтому эта группа, признанная преступной, не может включать лиц, которые более не занимали постов, перечисленных в предыдущем параграфе, после 1 сентября 1939 г.

ГЕСТАПО И СД

Структура и составные части

Обвинением названы государственная тайная полиция (гестапо) и служба безопасности рейхсфюрера СС (СД), как группы или организации, которые должны быть объявлены преступными. Обвинение представило дело против гестапо и СД вместе, заявив, что это было необходимо благодаря тесному сотрудничеству в работе между ними. Трибунал разрешил СД представить свою защиту отдельно, в связи с заявлением о противоречивости их интересов. Однако, ознакомившись с доказательствами, Трибунал решил рассматривать дело гестапо и СД вместе.

Впервые гестапо и СД были объединены 26 июня 1936 г. назначением Гейдриха, являвшегося начальником СД, на пост начальника полиции безопасности, которое имело целью объединить гестапо и уголовную полицию. Еще до этого СД представляла собой разведывательную агентуру сначала СС, а затем, после 4 июня 1934 года, всей нацистской партии. Гестапо состояло из различных подразделений политической полиции нескольких немецких федеральных государств, которые были объединены под личным руководством Гиммлера с помощью Геринга. Гиммлер был назначен начальником немецкой полиции в министерстве внутренних дел 17 июня 1936 г. и, будучи рейхсфюрером СС и начальником германской полиции, он 26 июня 1936 г. издал декрет, который включил уголовную полицию (крипо) и гестапо в состав полиции безопасности и объединил полицию безопасности и СД под руководством Гейдриха.

Объединение полиции безопасности — государственной организации и СД — партийной организации, под руководством Гейдриха было оформлено декретом от 27 сентября 1939 г., объединявшим различные государственные и партийные учреждения, подведомственные Гейдриху,

как начальнику полиции безопасности и СД, в одно административное целое — главное имперское управление безопасности (РСХА), которое одновременно являлось одним из главных управлений СС, подведомственного Гиммлеру, как рейхсфюреру СС, и управлением министерства внутренних дел, подведомственного Гиммлеру, как начальнику немецкой полиции.

Внутренняя структура РСХА показывает, как оно осуществляло объединенное управление полицией безопасности и СД. РСХА подразделялась на 7 отделов (АМТ), два из которых (АМТ-I и АМТ-II) занимались административными вопросами. Полиция безопасности была представлена АМТ-IV,— главным управлением гестапо, и АМТ-V,— главным управлением уголовной полиции. СД было представлено АМТ-III — главным управлением по деятельности СД внутри Германии, АМТ-VI — главным управлением по деятельности СД вне Германии и АМТ-VII занимавшимся исследовательскими вопросами идеологического характера.

Вскоре после создания РСХА, в ноябре 1933 года, полиция безопасности была «координирована» с СС путем производства всех чиновников гестапо и уголовной полиции в звания СС, соответствовавшие занимаемым ими постам. Созданием РСХА достигались координация деятельности всей полиции и разграничение функций среди высших полицейских чиновников. В этом разграничении СД служила разведывательной агентурой полиции безопасности.

Аналогичная координация существовала и в местных управлениях. В Германии и во включенных в империю районах с целью облегчения гражданского управления местные органы гестапо и уголовной полиции и СД формально существовали отдельно. Однако их координация осуществлялась инспекторами полиции безопасности и СД из аппарата местных высших руководителей СС и полиции, и одной из основных функций местных частей СД было служить в качестве разведывательной агентуры для местных частей гестапо. На оккупированных территориях взаимоотношения между местными частями гестапо, уголовной полицией и СД были несколько теснее. Они были организованы в местные отряды полиции безопасности и СД и находились под контролем как РСХА, так и высшего руководителя СС и полиции, который назначался Гиммлером в аппарат оккупационных властей.

Органы полиции безопасности и СД на оккупированной территории состояли из отделов, соответствовавших различным управлениям РСХА. На оккупированных территориях, которые все еще рассматривались как районы военных действий, или там, где формально немецкий контроль еще установлен не был, структура органов полиции безопасности и СД была несколько иной. Члены гестапо, крипо и СД объединялись вместе в организации военного типа, известные под названием эйнзатцкоманд и эйнзатцгрупп, в которых основные должности были заняты членами гестапо, крипо и СД, в то время как члены полиции, порядка Ваффен-СС и даже личный состав вооруженных сил Германии использовались для вспомогательных целей. Эти организации находились под общим контролем РСХА, но в районах, прилегающих к линии фронта, поступали под оперативное руководство соответствующего командующего армией.

Таким образом, можно видеть, что с точки зрения их функций как гестапо, так и СД представляли собой важные, тесно связанные между собой группы в составе организации полиции безопасности и СД. Поли-

ция безопасности и СД находились под единоначалием сначала Гейдриха, а потом Кальтенбруннера, как начальника полиции безопасности и СД; у нее имелся единый штаб РСХА; у нее имелась собственная система субординации, и ее деятельность была деятельностью единой организации как в Германии, так и на оккупированных территориях и в прифронтовой полосе.

В течение периода, рассмотрением которого в основном занимается Трибунал, кандидаты на должности в полиции безопасности и СД проходили подготовку по линии всех составных частей полиции безопасности: гестапо, уголовной полиции и СД. Некоторая путаница была вызвана тем фактом, что часть организаций являлась организационным подразделением нацистской партии, в то время как другая часть организации являлась управлением в правительстве, но это не имеет никакого особого значения ввиду закона от 1 декабря 1933 г., который объявил единство нацистской партии и германского государства.

Полиция безопасности и СД являлись добровольной организацией. Верно то, что большое число гражданских служащих и административных чиновников было переведено в полицию безопасности. Утверждение о том, что перевод был принудительным, является не чем иным, как утверждением о том, что они должны были или согласиться с таким переводом или уйти в отставку со своих постов, что могло вызвать недовольство по служебной линии. В течение войны члены полиции безопасности и СД не имели свободного выбора при назначениях внутри организации, и отказ принять какое-либо назначение, особенно на оккупированной территории, мог привести к серьезному наказанию. Однако остается явным тот факт, что все члены полиции безопасности и СД вступали в организацию добровольно, не побуждаемые ничем иным, кроме желания сохранить свою официальную должность.

Организация полиции безопасности и СД включает также три специальные части, которые должны быть рассмотрены в отдельности. Первая из них — пограничная полиция (гренцполицей), которая была передана в ведение гестапо в 1937 году.

В их функции входило осуществление контроля над проездом через границы Германии.

Они производили арест лиц, незаконно пересекающих границу.

Из представленных доказательств также явствует, что они получали директивы гестапо об отправке задержанных иностранных рабочих в концентрационные лагери. Они также могли ходатайствовать перед местными отделениями гестапо о разрешении заключить арестованных лиц в концентрационные лагери.

По мнению Трибунала, обвинение в преступлении, выдвинутое против гестапо, должно также распространяться и на пограничную полицию.

Таможенная пограничная охрана (цольгренцшутц) вошла в состав гестапо летом 1944 года. Функции этой организации были аналогичными функциям пограничной полиции и заключались в проверке соблюдения правил при переезде через границу и особенно в предотвращении контрабанды. Однако нет данных, что их включение было полным, около половины ее общего состава, насчитывающего 54 000 человек, осталось в ведении имперского финансового управления или полиции порядка. За несколько дней до конца войны вся организация была вновь включена в имперское финансовое управление. Включение организации в гестапо произошло так

поздно и она так мало участвовала в общей деятельности организации, что Трибунал считает, что не следует включать ее при рассмотрении преступности гестапо.

Третьей организацией являлась так называемая тайная полевая полиция, которая первоначально была подчинена армейскому руководству, но которая в 1942 году была переведена военным приказом в полицию безопасности. Тайная полевая полиция занималась вопросами безопасности армии на оккупированной территории, а также предотвращением нападения гражданского населения на военные сооружения и части и совершала в широких масштабах военные преступления и преступления против человечности. Однако не было доказано, что эта организация являлась частью гестапо, и Трибунал считает, что на нее не распространяются обвинения в преступности, содержащиеся в Обвинительном заключении, за исключением тех ее членов, которые, возможно, были переведены в АМТ-VI РСХА или являлись членами организаций, признанных преступными настоящим приговором.

Преступная деятельность

Первоначально одной из основных функций гестапо являлось предотвращение какой-либо политической оппозиции нацистскому режиму — функции, которую гестапо выполняла с помощью СД. Основным орудием, которое использовалось для осуществления этой функции, являлись концентрационные лагери. Гестапо не имело административного контроля над концентрационными лагерями, но, действуя через главное управление имперской безопасности, несла ответственность за содержание под арестом политических заключенных в этих лагерях. Чиновники гестапо обычно отвечали за допрос политических заключенных в этих лагерях.

Гестапо и СД также занимались рассмотрением дел, связанных с государственной изменой, прессой, церковью и евреями. По мере того как нацистская программа антисемитских преследований усиливалась, роль, которую играли эти группы, становилась все более важной. Ранним утром 10 ноября 1938 г. Гейдрих послал телеграмму всем управлениям гестапо и СД, в которой давались инструкции об организации погромов в этот день и об аресте такого количества евреев, которое способны вместить тюрьмы, «особенно богатых» евреев, обращая при этом внимание на то, чтобы арестовывались только здоровые и не слишком старые.

К 11 ноября 1938 г. 20 000 евреев были арестованы и многие были посланы в концентрационные лагери. 24 ноября 1939 г. Гейдриху, начальнику полиции безопасности и СД, было поручено дальнейшее проведение эмиграции и эвакуации евреев из Германии, и 31 июля 1941 г. ему было поручено полнейшее разрешение еврейского вопроса в находившихся под господством Германии европейских государствах.

Был организован специальный отдел управления гестапо главного управления имперской безопасности под начальством штандартенфюрера Эйхмана, и в его ведение были переданы вопросы, касающиеся евреев; это управление использовало своих собственных агентов для расследования еврейской проблемы на оккупированной территории. Управления гестапо на местах были использованы сначала для осуществления надзора над эмиграцией евреев, а затем для депортации их на Восток как из Германии, так и из территорий, оккупированных во время войны.

Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, действовавшие в тылу на восточном фронте, осуществляли массовое убийство евреев. Специальная часть из управления гестапо в РСХА использовалась для организации депортации евреев из стран — сателлитов держав оси в Германию для «окончательного разрешения».

Местные управления полиции безопасности и СД играли важную роль в германской администрации на оккупированных территориях. Участие в этой администрации характеризуется мероприятиями, проведенными летом 1938 года по подготовке к нападению на Чехословакию, которое тогда подготовлялось. Эйнзатцгруппы гестапо и СД были организованы для того, чтобы следовать за армией в Чехословакию и обеспечить безопасность политической жизни на оккупированных территориях.

Были подготовлены планы для проникновения членов СД на эту территорию до начала вторжения и для создания системы карточек на этой территории для того, чтобы указать, какие жители должны находиться под наблюдением, кто должен быть лишен паспорта и кто должен быть уничтожен. Эти планы были значительно изменены в результате отмены нападения на Чехословакию, но в военных действиях, которые действительно имели место, в особенности в войне против СССР, эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД были использованы и применяли зверские меры по усмирению гражданского населения и проводили массовые убийства евреев. Гейдрих отдал приказы инсценировать инциденты на польско-германской границе в 1939 году, которые бы дали Гитлеру достаточный предлог для нападения на Польшу. Личный состав как гестапо, так и СД принимал участие в этих операциях.

Местные части полиции безопасности и СД продолжали свою работу на оккупированных территориях после того, как они переставали быть театром военных действий. Полиция безопасности и СД занимались повсеместными арестами гражданского населения в этих оккупированных странах, заключали большое число этих арестованных в тюрьмы, где их содержали в нечеловеческих условиях, подвергали их зверским допросам третьей степени и посылали многих из них в концентрационные лагери.

Местные части полиции безопасности и СД также участвовали в расстреле заложников, в заключении в тюрьмы их родственников, в казни лиц, обвиняемых в терроризме и в диверсиях, безо всякого суда, и в проведении декрета «Ночь и туман», по которому лица, обвиняемые в преступлениях, которые считались опасными для оккупационных войск, были либо казнены в течение недели, либо тайно вывозились в Германию, причем им запрещалось поддерживать связь со своей семьей и близкими.

Управления полиции безопасности и СД использовались в проведении в жизнь программы рабского труда. На некоторых оккупированных территориях они помогали местным организациям по набору рабочей силы выполнять план, установленный Заукелем. Управления гестапо внутри Германии несли функцию надзора над рабочими, вывезенными в Германию для рабского труда, и отвечали за привлечение к ответственности тех, кто отсутствовал на месте работы.

Гестапо также ведало так называемыми лагерями трудовой подготовки. Хотя в эти лагери заключались как немецкие, так и иностранные рабочие, гестапо играло значительную роль в принуждении иностранных рабочих к работе для германских военных усилий. На последних стадиях войны, по мере того, как СС занялась своей собственной программой раб-

ского труда, гестапо было использовано для ареста рабочих с целью обеспечения достаточного снабжения рабочей силой концентрационных лагерей.

Местные управления полиции безопасности и СД также принимали участие в совершении военных преступлений, заключавшихся в убийстве военнопленных и жестоком обращении с ними. Советских военнопленных, находившихся в лагерях для военнопленных в Германии, проверяли эйнзатцкоманды, которые действовали в соответствии с указаниями местных управлений гестапо. Комиссары, евреи, представители интеллигенции, «коммунисты-фанатики» или даже те, кого считали неизлечимо больными, рассматривались как «нетерпимые элементы» и уничтожались. Местные управления полиции безопасности и СД участвовали в проведении в жизнь декрета «Пуля», вступившего в силу 4 марта 1944 г., согласно которому определенные категории военнопленных, которые пытались бежать и были пойманы, не рассматривались далее как военнопленные и посылались в секретном порядке в Маутхаузен, где их расстреливали. Члены полиции безопасности и СД также обвиняются в проведении в жизнь декрета о расстреле парашютистов и «командос».

Заключение

Гестапо и СД использовались для целей, которые являлись, согласно Уставу, преступными и включали преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы на оккупированных территориях, проведение программы рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и убийство их. Подсудимый Кальтенбруннер, являвшийся членом этой организации, относился к числу тех, кто использовал ее для этих целей.

Рассматривая дело гестапо, Трибунал имеет в виду всех оперативных и административных чиновников IV отдела главного управления имперской безопасности или тех, кого касались вопросы, связанные с гестапо в других отделах главного управления имперской безопасности, и всех местных чиновников гестапо, которые служили как внутри Германии, так и за ее пределами, включая сотрудников пограничной полиции, но не включая сотрудников таможенной пограничной охраны или тайной полевой полиции, за исключением тех членов, о которых говорилось выше.

По предложению Обвинения Трибунал не включает лиц, находившихся на службе в гестапо для выполнения чисто канцелярской, стенографической, хозяйственной или подобного рода технической повседневной работы. Рассматривая дело СД, Трибунал имеет в виду отделы III, IV и VII главного имперского управления безопасности (РСХА) и всех других членов СД, в том числе всех местных представителей и агентов, почетных или каких-либо других, независимо от того, являлись ли они формально членами СС или нет.

Трибунал признает преступной, согласно Уставу, группу, состоящую из тех членов гестапо и СД, занимавших посты, перечисленные в предыдущем параграфе, которые вступили в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или как члены организации лично принимали участие в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является то, участ-

вовала ли организация в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной; поэтому эта группа, признанная преступной, не может включать лиц, которые более не занимали постов, перечисленных в предыдущем параграфе, после 1 сентября 1939 г.

СС

Структура и составные части

Обвинение назвало охранные отряды национал-социалистской рабочей партии Германии (общеизвестные под названием СС) в качестве организации, которая должна быть признана преступной. Тот раздел обвинения, в котором говорится об СС, включает также и службу безопасности рейхсфюрера СС (общеизвестную под названием СД). Последняя организация, бывшая первоначально разведывательным отделом СС, впоследствии стала важной частью организации полиции безопасности и СД, которые рассматриваются в приговоре Трибунала в разделе, посвященном гестапо.

Организация СС была сформирована впервые Гитлером в 1925 году как отборная группа СА для политических целей под предлогом охраны ораторов, выступающих на открытых собраниях нацистской партии. После того, как нацисты захватили власть, СС стала использоваться для поддержания порядка и наблюдения за присутствующими на массовых демонстрациях и по декрету фюрера ей была поручена дополнительная функция по охране «внутренней безопасности». СС играла важную роль во время чистки Рема, 30 июня 1934 г., и вскоре после этого за свои заслуги была сделана самостоятельной организацией нацистской партии.

В 1929 г., когда Гиммлер был впервые назначен рейхсфюрером, организация СС состояла из 280 человек, которых считали особенно благонадежными. В 1933 г. она состояла из 52 000 человек, набранных из самых различных слоев общества. Первой организацией СС была Общая СС, которая к 1939 г. выросла в корпус, построенный на военной основе, с подразделением на дивизии и полки, общей численностью в 240 000 человек. Во время войны эта организация уменьшилась почти до 40 000 человек.

СС первоначально состояла из двух других организаций — военных отрядов СС, состоявших из членов СС, добровольно согласившихся на четырехлетнюю военную службу вместо обязательной службы в армии, и соединений СС «Мертвая голова» — специальных войск для охраны концентрационных лагерей, которые с 1934 года перешли в ведение СС. Военные отряды СС были сформированы в военные подразделения, которые должны были использоваться вместе с армией в случае мобилизации. Летом 1939 г. военные отряды были превращены в моторизованную дивизию, образовавшую ядро вооруженных сил, которые в 1940 году стали известны под названием войск СС. В то время войска СС состояли из 100 000 человек, 56 000 из них пришли из военных отрядов СС, а остальные — из Общей СС и соединений «Мертвая голова». К концу войны в них насчитывалось около 580 000 человек и 40 дивизий. Войска СС в тактическом отношении подчинялись армии, но получали все свое снабжение и экипировку через административные отделы СС и находились под их дисциплинарным контролем.

Центральная организация СС имела 12 главных управлений. Наиболее важными из них были следующие: главное имперское управление

безопасности, о котором уже говорилось выше, главное управление по административно-хозяйственным вопросам, которое наряду с остальными своими функциями ведало концентрационными лагерями и управлением по вопросам расы и поселений совместно с вспомогательными управлениями по репатриации расовых немцев (фольксдейтшмиттельштелле). Центральная организация СС имела также правовой отдел, имела свою собственную правовую систему, и ее личный состав подлежал юрисдикции специальных судов.

К главным управлениям СС были также присоединены исследовательские институты, известные под названием институтов по вопросам наследственности (аненэрбе). Утверждалось, что ученые этой организации в основном были почетными членами СС. Во время войны к институтам по вопросам наследственности был присоединен институт военных научных изысканий, который проводил опыты в широких масштабах, используя в качестве объектов живых людей. Сотрудником этого института был некий доктор Рашер, который проводил свои эксперименты с полного ведома института по вопросам наследственности; эти опыты субсидировались и проводились под покровительством рейхсфюрера СС, который был инициатором создания этого института. С 1933 года началось постепенное, но всестороннее слияние полиции и СС. В 1936 году Гиммлер, рейхсфюрер СС, стал начальником германской полиции и получил в свое ведение регулярную полицию и полицию безопасности.

Гиммлер установил систему, согласно которой высшие руководители СС и полиции, назначаемые для каждого военного округа, были его личными представителями для координирования деятельности полиции порядка, полиции безопасности и СД и Общей СС в пределах их юрисдикции. В 1939 году действия СС и полиции были координированы путем приема всех должностных лиц полиции охраны порядка и полиции безопасности в СС, причем чины, которые они имели в полиции, соответственно сохранялись и в СС.

До 1940 года СС была организацией, основанной исключительно на добровольных началах. После же образования войск СС в 1940 году число мобилизованных в войска СС стало постепенно возрастать. Повидимому, около трети всего числа вступивших в войска СС были мобилизованы, причем пропорция мобилизованных возросла к концу войны по сравнению с началом войны; но все же до конца войны продолжался приток добровольцев в значительных размерах.

Преступная деятельность

Части СС были активными участниками мероприятий, приведших к агрессивной войне. Военные отряды СС использовались при оккупации Судетской области, Богемии и Моравии и Мемеля. Свободный корпус Генлейна находился под юрисдикцией рейхсфюрера СС во время операций в Судетской области в 1938 году, а фольксдейтшмиттельштеле финансировало там деятельность пятой колонны.

Организация СС была еще более активным участником в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Благодаря своему контролю над организацией полиции, в частности полиции безопасности и СД, организация СС участвовала во всех преступлениях, которые были описаны в том разделе приговора, который относится к ге-

стапо и СД. Другие отделы СС были также в равной степени причастны к этой преступной программе. Имеются доказательства того, что расстрел невооруженных военнопленных был обычным явлением в некоторых дивизиях войск СС. 1 октября 1944 г. охрана военнопленных и интернированных лиц была передана в ведение Гиммлера, который, в свою очередь, передал дела о военнопленных обергруппенфюреру СС Бергеру и обергруппенфюреру СС Полю.

Ведомство СС по вопросам расы и поселений вместе с фольксдейтшмиттельштелле проявляли активность в осуществлении планов германизации оккупированных территорий, в соответствии с расистскими принципами нацистской партии, и были причастны к депортации евреев и других лиц не немецкой национальности. Подразделения войск СС и эйнзатцгруппы, действовавшие непосредственно под руководством главного управления СС, использовались для осуществления этих планов.

Эти подразделения были также замешаны в широко распространенных убийствах гражданского населения и в жестоком обращении с ним на оккупированных территориях. Под предлогом борьбы с партизанскими отрядами подразделения СС уничтожали евреев и лиц, которых СС считала политически нежелательными; их отчеты свидетельствуют об уничтожении огромнейшего числа людей. Дивизии войск СС ответственны за множество убийств и зверств на оккупированных территориях, как, например, за резню в Орадуре и Лидице.

Начиная с 1934 года СС были ответственны за охрану концентрационных лагерей и управление ими. Представленные доказательства не оставляют сомнения в том, что постоянное зверское обращение с заключенными концентрационных лагерей являлось результатом общей политики, проводимой СС и состоявшей в том, что заключенные лагерей рассматривались как представители низших рас, на которых следовало смотреть с презрением. Имеются доказательства того, что в тех случаях, когда это позволял наличный состав членов СС, Гиммлер стремился к тому, чтобы состав охраны батальонов постоянно сменялся с тем, чтобы все члены СС прошли инструктаж по поводу тех методов, которые необходимо применять по отношению к представителям низших рас.

После 1942 года, когда концентрационные лагери были переданы в ведение ВФХА, они использовались как источник рабской рабочей силы. 18 сентября 1942 г. было заключено соглашение с министром юстиции, по которому все антиобщественные элементы, которые отбыли срок своего тюремного заключения, должны были передаваться в распоряжение СС для умерщвления их непосильным трудом.

Полиция безопасности и СД и даже войска СС постоянно использовались для обеспечения работ, проводимых СС в концентрационных лагерях, нужной для этого рабочей силой. В связи с тем, что концентрационные лагери находились в ведении СС, она начала целую серию экспериментов над людьми, используя для этого военнопленных и заключенных концентрационных лагерей. Эти эксперименты включали замораживание до смерти и убийства отравленными пулями. СС сумела получить правительственные фонды для исследований подобного рода на том основании, что члены этой организации имели доступ к человеческому материалу, который не был доступен другим организациям.

СС играла особенно значительную роль в преследовании евреев. СС принимала непосредственное участие в демонстрациях 10 ноября 1938 г.

Вывоз евреев из оккупированных территорий проводился под руководством СС и при содействии частей полиции СС. Центральные 124 организации СС руководили операциями по истреблению евреев. Фактически это проводилось в жизнь соединениями СС.

Эйнзатцгруппы принимали участие в массовой резне евреев. В этих мероприятиях были замешаны также полицейские части СС. Например, резня евреев в варшавском гетто проводилась под руководством бригаденфюрера СС и генерал-майора полиции Штрупа. Специальная группа, выделенная из центральной организации СС, распоряжалась вывозом евреев из различных государств-сателлитов стран оси; истребление евреев проводилось в концентрационных лагерях, находящихся в ведении ВФХА (административно-хозяйственное управление).

Невозможно выделить какую-либо часть СС, которая не принимала бы участия в этой преступной деятельности. Общая СС являлась активным участником преследования евреев и использовалась для охраны концентрационных лагерей. Части войск СС непосредственно участвовали в убийствах военнопленных и зверствах, совершавшихся в оккупированных странах. Из личного состава частей СС создавались эйнзатцгруппы; части СС осуществляли командование над охраной концентрационных лагерей после того, как в их состав были включены части «Мертвая голова», под контролем которых первоначально находилась система охраны.

При совершении зверств в оккупированных странах и истреблениях евреев там также широко использовались различные части полиции СС. Центральная организация СС осуществляла верховное руководство над деятельностью этих различных соединений и несла ответственность за планы специального характера, как например, эксперименты над людьми и «окончательное разрешение» еврейского вопроса.

Трибунал приходит к заключению, что преступная деятельность была достаточно широко известна членам организации для того, чтобы оправдать признание СС преступной организацией в той мере, в какой это будет изложено ниже. Есть данные о том, что были предприняты попытки сохранить втайне отдельные фазы этой деятельности, однако преступная программа в целом была настолько распространена и включала в себя убийства в таких колоссальных масштабах, что преступная деятельность организации должна была получить широкую известность.

Более того, следует признать, что преступная деятельность СС самым логичным образом вытекала из тех принципов, на которых строилась эта организация. Было сделано все возможное для того, чтобы превратить СС в высоко дисциплинированную организацию, составленную из цвета национал-социалистов. Гиммлер утверждал, что в Германии были люди, «которых тошнило при виде черных мундиров»; он заявлял, что он не ждет «проявления со стороны многих слишком бурной любви к членам организации». Гиммлер также излагал свою точку зрения, заключавшуюся в том, что на обязанности СС лежало увековечивание отборных элементов расы в целях превращения Европы в германский континент; СС были переданы инструкции, заключавшиеся в том, что ей поручается оказывать содействие нацистскому правительству в окончательном установлении господства над Европой и в уничтожении всех низших рас.

Эта мистическая и фанатическая вера в превосходство нордических немцев превратилась в заученное презрение и даже ненависть к другим расам, приведшие к преступной деятельности такого типа, как это описано

выше, что рассматривалось не только как само собой разумеющееся явление, но было даже предметом гордости.

Действия одного солдата войск СС, который в сентябре 1939 года, действуя исключительно по собственной инициативе, убил 50 еврейских рабочих, которых он охранял, следующим образом объясняются в заявлении одного эсэсовца: он был «особенно чувствительным к виду евреев» и действовал «необдуманно, побуждаемый юношеским духом авантюризма»; трехлетнее заключение, к которому был присужден этот человек, было отменено в результате амнистии.

Гесс правильно писал, что войска СС являлись более подходящей организацией для осуществления специфических задач, которые должны быть разрешены на оккупированных территориях, благодаря их обширной подготовке в вопросах расы и национальности.

В серии речей, произнесенных в 1943 году, Гиммлер выражает свою гордость по поводу способности СС проводить эти преступные мероприятия. Он побуждал своих подчиненных быть «грубыми и безжалостными»; говоря о расстреле «тысяч видных поляков», он благодарил членов организации за оказанное ими содействие и за отсутствие с их стороны слабости при виде сотен и тысяч трупов их жертв. Он превозносил безжалостность при истреблении еврейской расы, истреблении, которое было названо им впоследствии процессом «санобработки». Из этих речей явствует, что общие настроения, преобладающие внутри СС, соответствовали тем преступным деяниям, которые совершались этой организацией.

Заключение

СС использовалась для целей, которые, согласно Уставу, являются преступными и включают преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершавшиеся при управлении оккупированными территориями, проведении в жизнь программы использования рабского труда и жестокое обращение с военнопленными и их убийства. Подсудимый Кальтенбруннер являлся членом СС и замешан в этой деятельности.

Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов Общей СС, войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС. Трибунал не включает в это число так называемые кавалерийские соединения СС. Вопрос о службе безопасности рейхсфюрера СС (общеизвестной под названием СД) рассматривается в приговоре Трибунала по делу гестапо и СД.

Трибунал объявляет преступной, согласно определению Устава, группу, состоящую из тех лиц, которые были официально приняты в члены СС и перечислены в предыдущем параграфе, которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или тех лиц, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений, исключая, однако, тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора, а также тех лиц, которые не совершали подобных преступлений.

Настоящее решение основывается на участии этой организации в военных преступлениях и преступлениях против человечности, связанных с войной; эта группа, признаваемая преступной, не включает поэтому лиц, которые перестали быть членами организаций, перечисленных в предыдущем параграфе, до 1 сентября 1939 г.

СА

Структура и составные части

Обвинение назвало штурмовые отряды национал-социалистской немецкой рабочей партии (общеизвестные под названием СА) в качестве организации, которая должна быть признана преступной. СА была организована в 1921 году для политических целей. Эта организация была построена по военному принципу. Члены ее носили форму этой организации и имели собственные правила поведения и дисциплины. После того, как нацисты захватили власть, количество членов СА значительно возросло в связи с включением в ее состав нескольких организаций ветеранов.

В апреле 1933 года в состав СА был включен «Стальной шлем» (Штальхельм), организация, состоявшая из полутора миллионов членов, за исключением трех ее членов, которые были старше 45 лет, а также некоторых других; это включение было произведено в соответствии с соглашением между руководителем «Стального шлема» Зельдте и Гитлером. Другая организация ветеранов, так называемый Киффгойзербунд, была включена в СА подобным же образом, вместе с целым рядом сельских кавалерийских организаций. До 1933 года не вставал вопрос о том, что членство в СА может быть недобровольным. После 1933 года гражданские служащие подвергались известному политическому и экономическому нажиму с тем, чтобы заставить их вступить в СА. Члены «Стального шлема», Киффгойзербунд и сельские кавалерийские ассоциации были включены в состав СА без их ведома; однако Трибунал не считает доказанным, что члены этих организаций в общей массе пытались протестовать против этого включения или что имелись какие-нибудь данные, за исключением отдельных случаев, о последствиях отказа. Поэтому Трибунал считает установленным, что членство в СА, как правило, добровольное.

К концу 1933 года СА состояли из четырех с половиной миллионов членов. В результате изменений, имевших место после 1934 года, в 1939 году число членов СА равнялось полутора миллионам человек.

Деятельность

В первые дни существования нацистского движения бойцы штурмовых отрядов СА являлись «сильной рукой партии». Они принимали участие в стычках в пивных и использовались для уличных боев против политических противников. СА использовалась также для распространения нацистской идеологии и пропаганды и уделяла особенное внимание антисемитской пропаганде, доктрине «жизненного пространства», пересмотру Версальского договора и возвращению Германии колоний.

После прихода нацистов к власти и в особенности после выборов 5 марта 1933 года СА играла важную роль в установлении нацистского

режима террора в Германии. СА участвовала в насилиях против евреев и использовалась для ареста политических противников и для охраны концентрационных лагерей, где она зверски обращалась с заключенными.

30 июня, 1 и 2 июля 1934 г. имела место чистка руководства СА. Эта чистка, которая привела к убийству Рема, начальника штаба СА, и многих других руководителей СА, была проведена под предлогом существования заговора против Гитлера. Эта чистка привела к значительному уменьшению влияния и мощи СА. После 1934 года политическое значение СА быстро пошло на убыль.

После 1934 года СА начала проводить некоторые виды военной и полувоенной подготовки. СА продолжала заниматься распространением нацистской пропаганды. Отдельные части СА были даже причастны к действиям, которые привели к агрессивной войне и к совершению военных преступлений и преступлений против человечности. Части СА были в числе первых при оккупации Австрии в марте 1938 года. СА дала бо́льшую часть личного состава и значительную часть вооружения для свободного корпуса Генлейна в Судетской области, хотя этот корпус находился в сфере юрисдикции во время его операций в Чехословакии.

После оккупации Польши Судетская группа СС использовалась для транспортировки военнопленных. Части СА использовались для охраны пленных в Данциге, Познани, Силезии и в Прибалтийских государствах.

Некоторые части СА были использованы для взрывов синагог во время еврейских погромов 10 и 11 ноября 1938 г. Группы СА были причастны к жестокому обращению с евреями в гетто Вильнюса и Каунаса.

Заключение

До чистки, начавшейся 30 июня 1934 года, СА представляли собой группу, состоявшую большей частью из негодяев и головорезов, которые участвовали в нацистских эксцессах того периода. Однако не было доказано, что эти зверства являлись частью конкретного плана ведения агрессивной войны, и Трибунал поэтому не может считать, что эта деятельность является преступной в соответствии с Уставом. После чистки СА превратилась в группу малозначащих нацистских прихлебателей. Хотя в отдельных случаях некоторые части СА использовались для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, нельзя сказать, что члены этой организации в общей массе участвовали в преступных действиях или даже знали о них. На этом основании Трибунал не объявляет СА преступной организацией в том смысле, как это предусмотрено статьей 9 Устава.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ

Обвинение назвало как преступную организацию правительственный кабинет (рейхсрегирунг), состоявшую после января 1933 г. из членов самого кабинета, членов совета министров по обороне империи и членов тайного совета. Трибунал считает, что решение о признании преступного характера правительственного кабинета не должно быть вынесено по двум причинам.

1) Потому, что не доказано, что после 1937 года он фактически действовал в качестве группы или организации;

2) Потому, что группа лиц, против которой здесь выдвинуто обвинение, является настолько малочисленной, что без каких-либо затруднений члены ее могут предстать индивидуально перед судом без вынесения решения о том, что кабинет, членами которого они являлись, являлся преступной организацией.

В отношении первой причины, на основании которой мы выносим наше решение, следует заметить, что начиная с того времени, с которого можно считать существовавшим заговор для ведения агрессивной войны, правительственный кабинет не представлял собой руководящего органа, но являлся лишь группой должностных лиц, подчиненных абсолютному контролю Гитлера. После 1937 года не было ни одного заседания правительственного кабинета, но законы принимались от имени одного или более членов кабинета. Тайный совет вообще ни разу не собирался. Некоторое число членов кабинета было, несомненно, замешано в заговоре для ведения агрессивной войны, но они были замешаны в нем, как отдельные лица, и не имеется никаких доказательств того, что кабинет как группа или организация принимал какое-либо участие в этих преступлениях. Следует помнить, что когда Гитлер раскрыл свои цели преступной агрессии на совещании Госсбаха, это раскрытие планов имело место не перед кабинетом, и с кабинетом даже не консультировались по этому вопросу, но, наоборот, это было сделано тайно перед небольшой группой, на которую Гитлер должен был неизбежно опираться при ведении войны. Точно так же вторжение в Польшу не было санкционировано каким-либо распоряжением кабинета. Напротив, подсудимый Шахт заявил в своих показаниях, что он пытался остановить это вторжение путем обращения к главнокомандующему армией с жалобой на то, что приказ Гитлера был отдан в нарушение конституции, потому что он не был санкционирован кабинетом.

Однако оказывается, что различные законы, разрешающие действия, которые согласно Уставу являются преступными, циркулярным порядком распространялись среди членов правительственного кабинета, издавались от его имени и были подписаны членами тех министерств, которых данные законы касались. Это, однако, не доказывает, что правительственный кабинет после 1937 года когда-либо фактически действовал в качестве организации.

Что касается второй причины, то ясно, что те члены правительственного кабинета, которые виновны в совершении преступления, должны предстать перед Судом и некоторые из них находятся сейчас перед судом этого Трибунала. Считают, что всего имеется 48 членов этой группы, что 8 из них нет в живых, а 17 находятся сейчас перед судом. И, таким образом, остается самое большее 23 человека, для которых это решение могло бы иметь какое-либо значение. Любые другие лица, которые являются виновными, также должны предстать перед судом, но эти судебные процессы не будут ни ускорены, ни облегчены, если правительственный кабинет будет признан преступной организацией.

В тех случаях, когда для подобных целей используется организация с большим количеством членов, решение Трибунала исключает необходимость вновь ставить вопрос о ее преступном характере на последующих судах над ее членами, обвиняемыми в связи с их членством, в участии в ее преступных целях, и таким образом достигается большая экономия времени и труда. Такого преимущества нет в данном деле небольшой группы, подобной правительственному кабинету.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Обвинение также просило, чтобы генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил были признаны преступной организацией. Трибунал считает, что не следует принимать какого-либо решения о признании преступной организацией генерального штаба и верховного командования. Хотя количество лиц, которым предъявлено обвинение, больше, чем в имперском кабинете, оно все же настолько мало, что путем индивидуальных судов над этими офицерами можно будет достигнуть лучшего результата, чем путем вынесения Трибуналом решения, требуемого Обвинением. Но еще более убедительной причиной является то, что, по мнению Трибунала, генеральный штаб и верховное командование не представляют собой ни «организации», ни «группы», согласно определению этих терминов в статье 9-й Устава.

Необходимо сделать некоторые замечания о характере этой, так называемой группы. Согласно Обвинительному заключению и доказательствам, которые представлены Трибуналу, эта группа состоит примерно из 130 офицеров, живых и мертвых, которые в то или другое время, начиная с февраля 1938 года, когда Гитлер реорганизовал вооруженные силы, и до мая 1945 года, когда Германия капитулировала, занимали определенные посты в военной иерархии.

Эти люди являлись высшими офицерами в трех составных частях вооруженных сил. ОКХ — армии, ОКМ — военно-морской флот и ОКЛ — военно-воздушные силы. Над ними стояло единое руководство вооруженными силами —ОКВ —верховное командование германских вооруженных сил во главе с Гитлером — верховным главнокомандующим.

Офицеры ОКВ, включая подсудимого Кейтеля — начальника штаба верховного командования,— были в некотором роде личным штабом Гитлера. В более широком смысле, они координировали действия трех составных частей вооруженных сил, в особенности в области планирования и в вопросах оперативного характера и руководили ими.

Отдельные офицеры этой, так называемой группы в то или другое время принадлежали к одной из четырех категорий: 1) главнокомандующий одной из трех частей вооруженных сил, 2) начальник штаба одной из трех частей вооруженных сил; 3) «обербефельсхаберы», главнокомандующие действующими армиями одной из трех частей вооруженных сил, которые составляли, конечно, наибольшую группу из числа этих лиц; или 4) офицеры ОКВ, их было 3: подсудимые Кейтель и Иодль и заместитель Иодля — Варлимонт. Именно в таком смысле употребляет Обвинительное заключение термин «генеральный штаб и верховное командование».

Здесь обвинение делает разграничение. Обвинение не обвиняет стоявших ниже на одну ступень военной иерархии командующих армейских корпусов и лиц соответствующих им рангов во флоте и в воздушных силах, и еще ниже стоявших — командиров дивизий или лиц соответствующих им рангов в других составных частях вооруженных сил. Не включаются сюда также штабные офицеры любого из четырех штабов —ОКВ, ОКХ, ОКМ и ОКЛ, а также прошедшие специальную подготовку специалисты, которых обычно называли офицерами генерального штаба.

Таким образом, в действительности перечисленные в Обвинительном заключении лица представляют собой высших военных руководителей германской империи. Не делалось серьезной попытки утверждать, что они

составляли «организацию» в смысле определения статьи 9 Устава. Скорее утверждалось, что они представляли «группу» — термин, который является более широким по значению и масштабам, чем «организация».

Трибунал не считает, что это так. Согласно доказательствам, разработка ими планов в штабах, постоянные совещания между штабными офицерами и армейскими офицерами, их оперативная тактика на поле боя и в штабах были очень сходными с теми, которые практиковались в армиях, флотах и воздушных силах всех других стран. Систему единого руководства ОКВ в вопросах координации и управления можно сравнить с похожей, хотя и несколько отличной системой, используемой другими вооруженными силами, как, например, с англо-американским объединенным штабным руководством.

Говорить о существовании ассоциации или группы, исходя из такого метода их действий, по мнению Трибунала, нелогично. По этой теории верховное военное руководство любой другой страны также является ассоциацией, а не тем, чем оно в действительности является — собранием военных, определенным числом лиц, которые в известный период времени занимали высокие военные посты.

Много доказательств и аргументов сконцентрировалось вокруг вопроса о том, было ли членство в этих организациях добровольным или нет; в данном случае Трибуналу кажется, что этот вопрос не является вопросом по существу. Эта, так называемая преступная организация имеет одну черту, которая является главной и которая резко отличает данную организацию от пяти других, поименованных в Обвинительном заключении. Когда кто-либо становился, например, членом СС, он делал это добровольно или недобровольно, но, безусловно, зная, что он вступает в какую-то организацию.

Что же касается генерального штаба и верховного командования, то такой человек не мог знать, что он вступает в группу или ассоциацию, потому что таковой не существовало, пока она не была объявлена существующей Обвинительным заключением. Такой человек лишь знал, что он достигал какого-то высокого положения в одной из трех частей вооруженных сил, и не мог отдавать себе отчета в том, что он становился членом некоего конкретного целого, которое могло быть определено как «группа» в обычном значении этого слова. Его отношения со своими собратьями-офицерами в своей части вооруженных сил и его общение с офицерами двух других частей вооруженных сил в основном были похожи на те, которые существуют на военной службе во всем мире.

Трибунал поэтому не объявляет генеральный штаб и верховное командование преступной организацией.

Хотя Трибунал и считает, что термин «группа» в статье 9 должен означать нечто большее, чем собрание офицеров, он все же заслушал много показаний об участии этих офицеров в планировании и ведении агрессивной войны, в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Эти доказательства в отношении многих из них ясны и убедительны.

Они были ответственны в большей степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессив-

ные стремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными. Хотя они и не составляли группу, подпадающую под определение Устава, они безусловно представляли собой безжалостную военную касту. Современный германский милитаризм расцвел на короткое время при содействии своего последнего союзника — национал-социализма так же или еще лучше, чем в истории прошлых поколений.

Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом должно быть сказано.

В тех случаях, когда факты требуют этого, эти люди должны быть преданы суду с тем, чтобы те из них, которые повинны в совершении этих преступлений, не избегли кары.

* * *

В соответствии со ст. 26 Устава, требующей, чтобы приговор Трибунала в отношении виновности или невиновности подсудимых был мотивирован, Трибунал приводит следующие основания, по которым он выносит приговор о виновности или невиновности подсудимых.

ГЕРИНГ

Геринг обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Установлено, что после Гитлера он являлся наиболее выдающимся деятелем нацистского режима. Он был главнокомандующим военно-воздушного флота, уполномоченным по четырехлетнему плану и имел огромное влияние на Гитлера, по крайней мере до 1943 года, когда их взаимоотношения ухудшились и закончились его арестом в 1945 году. Он показал, что Гитлер информировал его по всем важным военным и политическим вопросам.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

С момента, когда он вступил в партию в 1922 году и стал во главе организации, созданной для «борьбы за улицу» — СА, Геринг являлся советником и активным агентом Гитлера, а также одним из главных руководителей нацистского движения. В качестве помощника Гитлера по политическим вопросам он в большой степени способствовал захвату национал-социалистами власти в 1933 г. и прилагал все усилия к тому, чтобы укреплять эту власть и расширять военную мощь Германии. Он организовал гестапо и создал первые концентрационные лагери, которые передал Гиммлеру в 1934 году; в том же году провел так называемую «чистку Рема» и инсценировал судебные процессы, в результате которых фон Бломберг и фон Фриче были удалены из армии. В 1936 году он стал уполномоченным по четырехлетнему плану и фактически экономическим диктатором Германии. Вскоре после Мюнхенского пакта он объявил, что он в пять раз увеличит военно-воздушный флот и ускорит процесс перевооружения, делая упор на наступательное оружие.

Геринг был одним из пяти ведущих руководителей, присутствовавших на «совещании Госсбаха» 5 ноября 1937 г., а также присутствовал на других важных совещаниях, о которых уже упоминалось в настоящем приговоре. Во время аншлюсса Австрии он фактически был центральной фигурой и верховодил событиями. Он заявил на суде: «Я должен взять на себя стопроцентную ответственность... Я даже отвергал возражения фюрера и привел все к окончательному разрешению». При захвате Судетской области он сыграл свою роль в качестве главы воздушного флота, планируя нападение с воздуха, которое оказалось ненужным, а также в качестве политического деятеля усыпляя бдительность чехов ложными заверениями в дружбе. В ночь перед вторжением в Чехословакию и захватом Богемии и Моравии, на совещании с Гитлером и президентом Гаха, он угрожал бомбить Прагу, если Гаха не уступит. Он признал факт угрозы в своих показаниях на суде.

Геринг участвовал на совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 г., когда Гитлер сказал своим военным руководителям: «Поэтому не может быть и разговора о том, чтобы жалеть Польшу». Он также участвовал на инструктивном совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 г. Представленными доказательствами устанавливается, что он принимал активное участие в последовавших за этим совещанием дипломатических маневрах. С ведома Гитлера он использовал шведского дельца Далеруса как посредника в переговорах с Англией, как показал Далерус на суде, для того чтобы попытаться предотвратить выполнение правительством Великобритании его обязательств по отношению к Польше.

Он командовал воздушными силами при нападении на Польшу и во время агрессивных войн, которые последовали за этим.

Даже если он и возражал против планов Гитлера в отношении Норвегии и Советского Союза, как он это утверждал, совершенно ясно, что он делал это только по стратегическим соображениям, и когда Гитлер решил этот вопрос, он последовал за ним без колебаний. При допросе на суде он заявил, что эти разногласия никогда не носили идеологического или правового характера. Он «пришел в ярость» после вторжения в Норвегию, но только потому, что не получил достаточно своевременного предупреждения о необходимости подготовки воздушных сил к нападению. Он признал, что он одобрил нападение: «Мое отношение было абсолютно положительным». Он принимал активное участие в подготовке и проведении югославской и греческой кампаний и показал, что «План Марита» (нападение на Грецию) был подготовлен задолго до этого. Советский Союз он рассматривал как «наиболее страшную угрозу Германии», но заявил, что непосредственной военной необходимости для нападения не было. На самом деле единственно, против чего он возражал, это выбор момента для нападения на СССР. По стратегическим соображениям он хотел отложить его до победы над Великобританией. Он показал: «Моя точка зрения определялась только политическими и военными соображениями».

После его собственных признаний перед Трибуналом, при учете положения, которое он занимал, характера совещаний, на которых он участвовал, публичных речей, которые он произносил, не может оставаться никакого сомнения в том, что Геринг был движущей силой агрессивной войны, уступая в этом только Гитлеру. Он был составителем плана и его главным исполнителем во время военной и дипломатической подготовки к войне, к которой стремилась Германия.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Протоколы судебных заседаний полны признаний Геринга о его причастности к использованию рабского труда. «Мы использовали этот труд по причинам безопасности с тем расчетом, чтобы эти рабочие не могли в своей собственной стране активно действовать против нас. С другой стороны, они оказывали помощь в экономической войне». И далее: «Рабочие принудительно вывозились в Германию. Этого я никогда не отрицал». Человек, произносивший эти слова, был уполномоченным по четырехлетнему плану, на обязанности которого лежала вербовка и распределение рабочей силы. В качестве главнокомандующего военно-воздушными силами он требовал от Гиммлера новые партии рабов для своих подземных авиационных заводов. «Тот факт, что я просил предоставить мне заключенных из концентрационных лагерей для производства авиационного вооружения, является правильным, и это следует считать в порядке вещей».

В качестве уполномоченного по четырехлетнему плану Геринг подписал директиву относительно обращения с польскими рабочими в Германии и дополнил ее указаниями СД, включая указание о «специальном обращении». Он издал директивы об использовании советских и французских военнопленных в промышленности вооружения; он говорил о захвате поляков и голландцев, если потребуется, в качестве военнопленных и использовании их на работах. Он признает, что русские военнопленные использовались для комплектования расчетов зенитных батарей.

В качестве уполномоченного Геринг был активным руководителем разграбления захваченных территорий. Он разработал планы разграбления советской территории задолго до начала войны с Советским Союзом. За два месяца до вторжения в Советский Союз Гитлер дал Герингу подробные указания об экономическом управлении на этой территории. Для этой цели Геринг создал экономический штаб. Он был рейхсмаршалом Великой германской империи, а «приказы рейхсмаршала относятся ко всем экономическим отраслям, включая пищевую промышленность и сельское хозяйство». В его так называемой «зеленой папке», изданной вооруженными силами Германии, говорится об учреждении «оперативного экономического штаба на Востоке». Этой директивой предусматривались разграбление всей промышленности и прекращение ее деятельности в районах, где нехватало продовольствия, и вывоз продовольствия для нужд Германии из районов, где оно имелось в избытке.

Геринг утверждает, что назначение этой директивы было неправильно понято, но признает, что: «Это было в порядке вещей, нашей обязанностью было использовать Россию в наших целях». Он принимал участие в совещании 16 июля 1941 г., когда Гитлер сказал, что национал-социалисты не намереваются когда-либо покинуть оккупированные страны и что должны быть предприняты «все необходимые меры — расстрелы, переселение и т. д.».

Геринг преследовал евреев, особенно после ноябрьских погромов в 1938 году, и не только в Германии, где он наложил на евреев штраф в один миллиард марок, как это указывалось выше, но также и на захваченных территориях. Согласно его собственным словам и показаниям, он был заинтересован в этом прежде всего с чисто экономической точки зрения, чтобы завладеть их собственностью и устранить их из экономической жизни Европы. По мере того, как эти страны захватывались германской

армией, он распространял на них имперские антиеврейские законы; «Рейхсгезетцблатт» за 1939—1940—1941 гг. содержит несколько антиеврейских декретов, подписанных Герингом. Хотя уничтожение евреев находилось в ведении Гиммлера, Геринг был не безучастен и не бездеятелен, хотя он и отрицал это при допросе его на суде. Декретом от 31 июля 1941 г. он предложил Гиммлеру и Гейдриху «полностью закончить решение еврейского вопроса в германской сфере влияния в Европе».

Смягчающих вину обстоятельств нет, потому что Геринг был часто— почти всегда — движущей силой событий, уступая первое место в этом только фюреру. Он был главным подстрекателем агрессивной войны как в качестве политического, так и военного руководителя. Он руководил проведением программы рабского труда и был создателем программы угнетения евреев и других рас как внутри страны, так и за границей. Совершение всех этих преступлений он открыто признал. В некоторых конкретных случаях, быть может, показания и противоречивы, но если брать их в целом, то его собственных признаний более чем достаточно для того, чтобы сделать определенный вывод о его виновности. Его вина не имеет себе равных по своей чудовищности. По делу не установлено никаких обстоятельств, которые могли бы оправдать этого человека.

Заключение

Трибунал признает подсудимого Геринга виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

ГЕСС

Гесс обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1920 году и принимал участие в Мюнхенском путче 9 ноября 1923 г.; отбывал тюремное заключение вместе с Гитлером в 1924 году в Ландесбергской крепости, где стал ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, оставаясь таковым вплоть до своего отлета на Британские острова. 21 апреля 1933 г. он был назначен заместителем фюрера и 1 декабря 1933 г.— имперским министром без портфеля. Он был назначен членом тайного совета 4 февраля 1938 г. и членом совета министров по обороне империи 30 августа 1939 г. В сентябре 1939 года Гесс был официально объявлен Гитлером преемником фюрера после Геринга. 10 мая 1941 г. он вылетел на самолете из Германии в Шотландию.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве заместителя фюрера Гесс принадлежал к верхушке нацистской партии, нес ответственность за разрешение всех партийных вопросов и был облечен полномочиями принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам партийного руководства. В качестве имперского министра без портфеля Гесс имел полномочия предварительно санкционировать все законопроекты, предложенные различными имперскими министрами, прежде чем они могли войти в силу в качестве утвержденных законов. Занимая эти посты, Гесс активно поддерживал подготовку к войне. Его подпись имеется на законе от 16 марта 1935 г., вводившем обязательную воинскую повинность. В течение ряда лет он во многих своих речах поддерживал гитлеровскую политику энергичного перевооружения.

Он говорил народу о том, что каждый должен приносить жертвы для вооружения, повторяя при этом лозунг: «пушки вместо масла». Хотя в период с 1933 по 1937 год Гесс произносил речи, в которых он высказывал желание сохранить мир и пропагандировал идею международного экономического сотрудничества, однако ничто в этих речах не может изменить того факта, что из всех подсудимых никто лучше, чем Гесс, не знал, насколько непоколебима была решимость Гитлера осуществить свои цели, каким фанатиком и убежденным сторонником необузданной грубой силы он был и как мало вероятно было, что он воздержится от обращения к силе, если это явится единственным путем, при помощи которого он сможет достичь своих целей.

Гесс был осведомленным и добровольным участником германских агрессий против Австрии, Чехословакии и Польши. Он поддерживал контакт с подпольной нацистской партией в Австрии в течение всего периода между убийством Дольфуса и аншлюссом и инструктировал ее в течение этого периода. Гесс был в Вене 12 марта 1938 г., когда туда вошли германские войска, а 13 марта 1938 г. он подписал закон о воссоединении Австрии с Германской империей. Закон от 10 июля 1939 г. предусматривал его участие в управлении Австрией. 24 июля 1938 г. он произнес речь в память неудачного путча австрийских национал-социалистов, попытка проведения которого имела место за четыре года до этого, восхваляя меры, приведшие к аншлюссу, и защищая захват Австрии Германией.

Летом 1938 года Гесс поддерживал постоянный контакт с Генлейном— руководителем партии судетских немцев в Чехословакии. 27 сентября 1938 г. во время мюнхенского кризиса он организовал вместе с Кейтелем проведение в жизнь инструкций Гитлера, согласно которым аппарат нацистской партии предоставлялся для целей секретной мобилизации. 14 апреля 1939 г. Гесс подписал декрет о введении системы управления Судетской областью, как неотделимой частью империи, а 10 июня 1939 г. был издан указ, предусматривающий участие Гесса в управлении Судетской областью. 7 ноября 1938 г. Гесс включил партию судетских немцев, руководимую Генлейном, в состав нацистской партии и произнес речь, в которой подчеркнул, что Гитлер готов прибегнуть к войне в случае, если это окажется необходимым для того, чтобы получить Судетскую область.

27 августа 1939 г., когда временно было отложено нападение на Польшу в связи с попыткой склонить Великобританию отказаться от ее гарантий Польше, Гесс публично восхвалял «великодушное предложение» Гитлера Польше и нападал на Польшу, обвиняя ее в агитации за войну, и на Англию, как на страну, ответственную за эту позицию Польши. После вторжения в Польшу Гесс подписал декреты, в силу которых Данциг и некоторые польские территории были включены в империю и было учреждено генерал-губернаторство (Польша).

Эти конкретные меры, которые предпринял подсудимый для поддержки гитлеровских планов агрессивных действий, не определяют полную степень его ответственности. До своего отлета в Англию Гесс был ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, отношения были такими, что Гесс должен был быть информирован об агрессивных планах Гитлера тогда, когда они возникали, он действовал для проведения этих планов там, где это действие было необходимым. Улетая в Англию, Гесс вез с собой некоторые мирные предложения, которые, как он утверждал, Гитлер был готов принять. Примечательно, что этот полет произошел всего лишь через

десять дней после того, как Гитлер назначил точную дату для нападения на Советский Союз — 22 июня 1941 г.

В беседах, которые он вел по прибытии в Англию, Гесс искренне поддерживал все агрессивные действия Германии, которые имели место до того времени, и пытался оправдать действия Германии в отношении Австрии, Чехословакии, Польши, Норвегии, Дании, Бельгии и Нидерландов, возлагая на Англию и Францию ответственность за войну.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Имеются доказательства, показывающие, что партийная канцелярия под руководством Гесса принимала участие в распространении приказов, связанных с совершением военных преступлений, что Гесс, даже если он не принимал участия в преступлениях, которые были совершены на Востоке, мог быть осведомлен о них, что он предложил дискриминирующие законы против евреев и поляков и что он подписал декреты, принуждавшие некоторые группы поляков принять германское подданство. Трибунал, однако, не считает, что эти обстоятельства определенно указывают на причастность Гесса к этим преступлениям, для того, чтобы можно было признать его виновным в них.

Как указывалось ранее, Трибунал после тщательного медицинского освидетельствования и доклада о состоянии подсудимого решил, что он должен предстать перед судом без какой-либо отсрочки слушания его дела. С того времени были поданы дальнейшие ходатайства о том, чтобы он был снова подвергнут медицинскому освидетельствованию. Трибунал отклонил эти ходатайства после получения доклада тюремного психиатра. Тот факт, что поведение Гесса является ненормальным, то обстоятельство, что он страдает потерей памяти, и то, что его психическое состояние ухудшилось за время этого процесса, возможно, является правильным. Но ничто не указывает на то, что он не осознает характера выдвинутых против него обвинений или что он не способен защищать себя. Его интересы были должным образом представлены на этом процессе защитником, назначенным Трибуналом для этой цели. Ничто не указывает на то, что Гесс не находился в здравом рассудке в период совершения тех действий, которые ему инкриминируются.

Заключение

Трибунал признает подсудимого Гесса виновным по разделам первому и второму и невиновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

РИББЕНТРОП

Риббентроп обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1932 году. В 1933 г. был назначен советником Гитлера по вопросам внешней политики, а в том же году — уполномоченным нацистской партии по вопросам внешней политики. В 1934 году он был назначен специальным уполномоченным по вопросам разоружения, а в 1935 году полномочным министром с чрезвычайными полномочиями; именно в этой должности он вел переговоры об англо-германском морском соглашении в 1935 году и антикоминтерновском пакте в 1936 году. 11 августа 1936 г. он был назначен послом в Англию,

4 февраля 1938 г. он стал преемником фон Нейрата на посту имперского министра иностранных дел, что явилось частью общей перетасовки кабинета, которая сопровождала увольнение фон Фрича и фон Бломберга.

Преступления против мира

Риббентроп не присутствовал на «совещании Госсбаха», созванном 5 ноября 1937 г., но 2 января 1938 г. он, будучи все еще послом в Англии, направил Гитлеру меморандум, в котором изложил свою точку зрения относительно того, что изменение статус-кво на Востоке так, как этого хочет Германия, может быть достигнуто только путем применения силы, и внес свои предложения относительно методов, которые могут помешать Англии и Франции вмешаться в европейскую войну, ведущуюся с целью достижения этого изменения. Когда Риббентроп стал министром иностранных дел, Гитлер сообщил ему, что Германии все еще предстоит разрешить 4 проблемы: Австрия, Судетская область, Мемель и Данциг, и указал на возможность «своего рода раскрытия карт» или «разрешения военным путем» этих проблем.

12 февраля 1938 года Риббентроп присутствовал на совещании между Гитлером и Шушнигом, на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил Шушнига сделать целый ряд уступок, предназначенных для того, чтобы укрепить положение нацистов в Австрии, в том числе назначить Зейсс-Инкварта министром безопасности и внутренних дел, с передачей ему контроля над полицией. Риббентроп находился в Лондоне в тот момент, когда фактически осуществлялась оккупация Австрии, и на основе сведений, полученных им от Геринга, информировал британское правительство, что Германия не предъявляла Австрии ультиматума и ввела свои войска в Австрию лишь для того, чтобы предотвратить гражданскую войну. 13 марта 1938 г. Риббентроп подписал закон, согласно которому Австрия включалась в Германскую империю.

Риббентроп принимал участие в агрессивных планах против Чехословакии. Начиная с марта 1938 года он поддерживал тесный контакт с партией судетских немцев и инструктировал их с тем, чтобы судето-немецкий вопрос оставался актуальным, что могло послужить предлогом для нападения, которое Германия планировала против Чехословакии. В августе 1938 года он принял участие в совещании, имевшем своей целью получение поддержки Венгрии на случай войны с Чехословакией.

После Мюнхенского пакта он продолжал оказывать дипломатическое давление с целью оккупации остальной части Чехословакии. Он играл решающую роль в побуждении словаков к тому, чтобы они объявили свою независимость. Он присутствовал на совещании 14—15 марта 1939 г., на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил президента Гаха согласиться на оккупацию Чехословакии Германией. После того, как германские войска вступили в страну, Риббентроп подписал закон, учреждавший протекторат Богемии и Моравии.

Риббентроп играл особенно значительную роль в дипломатической деятельности, которая привела к нападению на Польшу. Он принимал участие в совещании 12 августа 1939 г., имевшее своей целью получение поддержки Италии в том случае, если это нападение приведет к всеобщей европейской войне. Риббентроп обсуждал с британским послом требования Германии в отношении Данцига и Польского коридора в период с 25

по 30 августа 1939 г., когда ему уже было известно, что германские планы нападения на Польшу лишь временно отложены с тем, чтобы попытаться побудить Британию отказаться от ее гарантий Польше. Те методы, которыми он вел эти переговоры, делают совершенно ясным тот факт, что он не начал их добросовестно с целью добиться урегулирования трудностей, возникших между Германией и Польшей.

Риббентроп был заранее информирован о нападении на Норвегию и Данию, а также о нападении на Нидерланды, и подготовил официальный меморандум министерства иностранных дел, являвшийся попыткой оправдать эти агрессивные действия.

Риббентроп присутствовал на совещании 20 января 1941 г., на котором Гитлер и Муссолини обсуждали предполагавшееся нападение на Грецию, а также — на совещании в январе 1941 года, на котором Гитлер получил от Антонеску разрешение германским войскам на проход через территорию Румынии для осуществления этого нападения. 25 марта 1941 г., когда Югославия присоединилась к тройственному пакту стран оси, Риббентроп заверил Югославию, что Германия будет уважать ее суверенитет и территориальную целостность. 27 марта 1941 г. он присутствовал на совещании, состоявшемся после государственного переворота в Югославии, на котором были разработаны планы осуществления объявленного намерения Гитлера уничтожить Югославию.

Риббентроп присутствовал в мае 1941 года вместе с Гитлером и Антонеску на совещании, на котором обсуждался вопрос об участии Румынии в нападении на СССР. Он также консультировался с Розенбергом по вопросу о предварительном планировании политической эксплуатации советских территорий и в июле 1941 года, после начала войны, убеждал Японию напасть на Советский Союз.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Риббентроп принимал участие в совещании 6 июня 1944 г., на котором было решено начать проведение программы, согласно которой союзные летчики, производившие атаки на бреющем полете, должны были подвергаться линчеванию. В декабре 1944 года Риббентроп был поставлен в известность о планах убийства одного из французских генералов, находившихся в плену, и дал указание своим подчиненным следить за тем, чтобы подготовка к совершению этого акта проводилась таким образом, чтобы помешать странам, представлявшим интересы воюющих сторон, узнать об этом факте.

Риббентроп также ответствен за военные преступления и преступления против человечности в результате своей деятельности в отношении оккупированных стран и сателлитов стран оси. Высшим должностным лицом Германии как в Дании, так и во Франции Виши был представитель министерства иностранных дел, и поэтому Риббентроп несет ответственность за общий экономический и политический курс, осуществлявшийся при оккупации этих стран. Он настаивал на том, чтобы итальянцы проводили безжалостную оккупационную политику в Югославии и Греции.

Риббентроп сыграл важную роль в «окончательном разрешении» европейского вопроса, проводившемся Гитлером. В сентябре 1942 года он приказал германским дипломатическим представителям, аккредитованным при правительствах сателлитов стран оси, ускорить депортацию евреев

на Восток. В июне 1942 года германский посол в Виши потребовал у Лаваля передачи 50 000 евреев для депортации на Восток. 25 февраля 1943 г. Риббентроп заявил Муссолини протест против медлительности итальянцев в депортации евреев из зоны итальянской оккупации во Франции.

17 апреля 1943 г. он участвовал на совещании между Гитлером и Хорти по вопросу о депортации евреев из Венгрии и информировал Хорти о том, что «евреи должны быть либо истреблены, либо заключены в концентрационные лагери». На том же совещании Гитлер сравнил евреев с «туберкулезными бациллами» и сказал, что, если они не будут работать, их нужно расстрелять.

В качестве защитительного довода в ответ на выдвинутые против него обвинения Риббентроп ссылается на то, что все важнейшие решения принимались Гитлером и что он, Риббентроп, настолько преклонялся перед Гитлером и был таким его верным последователем, что никогда не подвергал сомнению неоднократные заявления Гитлера о том, что он хочет мира, равно как и не сомневался в правдивости оснований, выдвигавшихся Гитлером в оправдание своих агрессивных действий.

Трибунал не считает это объяснение соответствующим действительности. Риббентроп участвовал во всех нацистских актах агрессии, начиная с оккупации Австрии и до вторжения в Советский Союз. Хотя он лично имел отношение в большей степени к дипломатической, чем к военной стороне этих актов, его дипломатические усилия были настолько тесно связаны с войной, что он не мог оставаться в неведении относительно агрессивного характера действий Гитлера. Риббентроп также оказывал содействие в проведении преступной политики и при управлении территориями, над которыми, вследствие незаконного вторжения, Германия получила контроль, в частности в политике истребления евреев.

Более того, имеются многочисленные доказательства, устанавливающие, что Риббентроп был вполне согласен с основными положениями национал-социалистского кредо и что его сотрудничество с Гитлером и подсудимыми по настоящему делу в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности было искренним и добровольным. Риббентроп служил Гитлеру добровольно до конца именно потому, что политика Гитлера и его планы соответствовали его собственным убеждениям.

Заключение

Трибунал признает Риббентропа виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

КЕЙТЕЛЬ

Кейтель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он был начальником штаба с 1935 года по 4 февраля 1938 г. при фон Бломберге, когда тот был военным министром; в этот день Гитлер принял на себя командование вооруженными силами, назначив Кейтеля начальником верховного командования вооруженными силами. Кейтель не имел командных прав над тремя частями вооруженных сил, командующие которыми пользовались прямым доступом к верховному командующему. Верховное командование вооруженными силами являлось по существу военным штабом Гитлера.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Кейтель вместе с двумя другими генералами присутствовал на совещании с Шушнигом в феврале 1938 года. Их присутствие, как он признал, было «военной демонстрацией», но, поскольку он был назначен начальником ОКВ только за неделю до того дня, он не знал, зачем он был вызван. Затем Гитлер и Кейтель продолжали оказывать давление на Австрию при помощи ложных слухов, радиопередач и военных маневров. Кейтель провел все военные и иные мероприятия, и в дневнике Иодля по этому поводу записано: «Они подействовали быстро и сильно». Когда Шушниг назначил плебисцит, Кейтель в ту же ночь сообщил об этом Гитлеру и его генералам, и Гитлер издал директиву «план Отто», под которой Кейтель поставил свои инициалы.

21 апреля 1938 года Гитлер и Кейтель обсудили вопрос об использовании возможного «инцидента», как, например, убийства германского посла в Праге, в качестве прелюдии к нападению на Чехословакию. Кейтель подписал много директив и меморандумов по «плану Грюн», включая директиву от 30 марта, содержавшую заявление Гитлера: «Моим неизменным решением является разгромить Чехословакию вооруженными силами в ближайшем будущем». После Мюнхена Кейтель поставил свои инициалы под директивой Гитлера о нападении на Чехословакию и издал два дополнения к ней. Во втором дополнении говорилось, что это нападение должно предстать перед внешним миром «лишь как акт умиротворения, но не как мероприятие военного характера». Начальник ОКВ присутствовал при переговорах Гитлера с Гаха, когда последний уступил требованиям Гитлера.

Кейтель присутствовал 23 мая 1939 г., в день, когда Гитлер объявил о своем решении «напасть на Польшу при первой удобной возможности». К этому времени он уже подписал директиву, предписывавшую вооруженным силам представить ОКВ к 1 мая плановую таблицу проведения «варианта Вейсс». 12 декабря 1939 года он обсуждал с Гитлером, Иодлем и Редером вопрос о вторжении в Норвегию и Данию. Директивой от 27 января 1940 г. проведение плана в отношении Норвегии было передано под «непосредственное и личное руководство» Кейтеля. Гитлер заявил 23 мая 1939 г., что он будет игнорировать нейтралитет Бельгии и Нидерландов, и Кейтель подписал приказы о нападении на эти страны 15 октября, 20 ноября и 28 ноября 1939 г. Все 17 последовательных приказов об отсрочке этого нападения, изданные до весны 1940 года, были подписаны Кейтелем или Иодлем.

Составление конкретных планов действий в отношении Греции и Югославии началось в ноябре 1940 года. 18 марта 1941 г. Кейтель слышал, как Гитлер сказал Редеру, что полная оккупация Греции является предпосылкой общего урегулирования; он также слышал, как 27 марта Гитлер распорядился о разгроме Югославии «с безжалостной суровостью».

Кейтель показал, что он противился вторжению в Советский Союз по военным соображениям и также потому, что это было бы нарушением пакта о ненападении. Тем не менее он поставил свои инициалы под планом «Барбаросса», подписанным Гитлером 18 декабря 1940 г., и участвовал на совещании ОКВ с Гитлером 3 февраля 1941 г. В приложении, изданном Кейтелем 13 марта, устанавливался порядок взаимоотношений между представителями армии и политическими работниками. Он издал плано-

вую таблицу по вторжению 6 июня и участвовал 14 июня в инструктивном совещании, на котором генералы представляли свои окончательные доклады перед нападением. Он назначил Иодля и Варлимонта представителями от ОКВ по вопросам, касающимся восточных территорий, при министерстве Розенберга. 16 июня он распорядился о том, чтобы все соединения армии проводили экономические директивы по эксплуатации русской территории, продовольствия и сырьевых материалов, изданные Герингом в так называемой «Зеленой папке».

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

4 августа 1942 г. Кейтель издал директиву о том, что парашютисты должны передаваться СД. 18 октября Гитлер издал приказ о «командос», который в нескольких случаях был проведен в жизнь. После высадки в Нормандии Кейтель подтвердил этот приказ и позднее распространил его на специальные отряды союзных «командос», сражавшихся вместе с партизанами. Он признает, что не считал этот приказ законным, но утверждает, что не мог помешать Гитлеру издать его.

Когда 8 сентября 1941 г. ОКВ издало свои жестокие правила в отношении советских военнопленных, Канарис написал Кейтелю, что в соответствии с международным правом СД не должна иметь к этому никакого отношения. На этом меморандуме рукой Кейтеля сделана пометка, датированная 23 сентября, под которой он поставил свои инициалы: «Возражения возникают из военного представления о рыцарском ведении войны. Это является разрушением идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры». Кейтель в своих показаниях заявил, что на самом деле он был согласен с Канарисом и спорил с Гитлером, но безуспешно. Начальник ОКВ распорядился о том, чтобы военные власти сотрудничали с эйнзатцштабом Розенберга в разграблении культурных ценностей на оккупированных территориях.

Лахузен показал, что 12 сентября 1939 г. Кейтель, в то время как они находились в штабном поезде Гитлера, заявил ему, что польская интеллигенция, дворянство и евреи должны быть ликвидированы. 20 октября Гитлер сказал Кейтелю, что нельзя допускать, чтобы интеллигенция могла стать руководящим классом, что жизненный уровень должен оставаться низким и что Польша будет использована только как источник принудительного труда. Кейтель не помнит этого разговора с Лахузеном, но признает, что такая политическая линия существовала и что он заявлял свои протесты Гитлеру по этому поводу, но безрезультатно.

16 сентября 1941 г. Кейтель приказал в качестве ответной меры, в случаях нападения на солдат на Востоке, казнить от 50 до 100 коммунистов за каждого немецкого солдата, добавив, что человеческая жизнь на Востоке не имеет никакой цены. 1 октября он приказал, чтобы военные командующие всегда имели в своем распоряжении заложников для того, чтобы казнить их в случае нападений на солдат. Когда Тербовен, имперский уполномоченный в Норвегии, написал Гитлеру, что предложение Кейтеля о привлечении к ответственности родственников лиц, виновных в совершении диверсионных актов, окажет действие только тогда, если будет санкционирован расстрел, Кейтель написал на этом меморандуме: «Да,— это лучшее решение».

12 мая 1941 г., за пять недель до вторжения в СССР, ОКВ настойчиво требовало от Гитлера издания командованием сухопутных сил директивы

о ликвидации политических комиссаров армий. Кейтель признал, что эта директива была передана командирам в действующую армию. 13 мая Кейтель подписал приказ о том, что лица из числа гражданского населения, подозреваемые в преступлениях против войск, должны расстреливаться без суда и что судебное преследование германских солдат за преступления против гражданского населения не является необходимым. 27 июля был издан приказ о том, чтобы все копии этой директивы были уничтожены. Но, несмотря на это, она оставалась в силе. За четыре дня до этого он подписал другой приказ о том, что вынесение наказаний в результате судебного разбирательства не отвечает требованиям обстановки и что войска должны применять террор.

7 декабря 1941 г., как уже указывалось в данном приговоре, за подписью Кейтеля был издан так называемый декрет «Ночь и туман», который предусматривал, что на оккупированных территориях лицам из гражданского населения, обвинявшимся в преступлениях по оказанию сопротивления оккупационным войскам, может быть предоставлено право предстать перед судом только в тех случаях, если предполагалось вынесение смертного приговора; во всех других случаях лица из числа гражданского населения должны были передаваться гестапо для отправки в Германию.

Кейтель распорядился о том, чтобы русских военнопленных использовали в германской военной промышленности. 8 сентября 1942 года он приказал, чтобы французские, голландские и бельгийские граждане работали на строительстве Атлантического вала. Он присутствовал 4 января 1944 года, когда Гитлер приказал Заукелю добыть четыре миллиона новых рабочих с оккупированных территорий.

Перед лицом этих документов Кейтель не отрицает своей связи с этими действиями. Он скорее строит свою защиту на том, что он был солдатом, и на доктрине «выполнения приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована в качестве защитительного довода.

Смягчающих вину обстоятельств нет. Приказы сверху даже для солдата не могут рассматриваться как смягчающие вину обстоятельства там, где сознательно, безжалостно, без всякой военной необходимости или цели совершались столь потрясающие и широко распространенные преступления.

Заключение

Трибунал признает Кейтеля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

КАЛЬТЕНБРУННЕР

Кальтенбруннер обвиняется по первому, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию Австрии и в СС в 1932 году. В 1935 году он стал руководителем СС в Австрии. После аншлюсса он был назначен статс-секретарем по вопросам безопасности в Австрии и, когда в 1941 году эта должность была упразднена, он был назначен высшим руководителем СС и полиции. 30 января 1943 г. он был назначен начальником полиции безопасности и СД и главой главного имперского управления безопасности (РСХА), — должность, которую раньше занимал Гейдрих, до его убийства в июне 1942 г. Кальтенбруннер имел чин обергруппенфюрера СС.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве руководителя СС в Австрии Кальтенбруннер принимал активное участие в подрывной деятельности нацистов, направленной против правительства Шушнига. В ночь на 11 марта 1938 г., после того как Геринг приказал национал-социалистам Австрии захватить контроль над австрийским правительством, 500 австрийских эсэсовцев под командой Кальтенбруннера окружили государственную канцелярию, а специальный отряд под командой его адъютанта ворвался в здание этой канцелярии в то время, когда Зейсс-Инкварт вел переговоры с президентом Микласом.

Однако нет никаких доказательств о причастности Кальтенбруннера к планам ведения агрессивной войны на каком-либо другом фронте. Аншлюс, хотя он и был актом агрессии, не инкриминируется как агрессивная война, и доказательства против Кальтенбруннера по первому разделу не указывают, по мнению Трибунала, на его непосредственное участие в каких-либо планах ведения подобной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Когда Кальтенбруннер стал начальником полиции безопасности и СД и главой РСХА, 30 января 1943 г., он возглавил организацию, которая включала главные отделы гестапо, СД и уголовной полиции. В качестве начальника РСХА Кальтенбруннер имел право отдавать приказы о превентивном заключении в концентрационные лагери и об освобождении из них. Приказы такого характера были обычно скреплены его подписью. Кальтенбруннер был осведомлен об условиях содержания в концентрационных лагерях. Он, несомненно, посещал Маутхаузен, и свидетели показали, что он видел, как убивали заключенных, применяя различные способы казни: повешение, расстрел в затылок, умерщвление газом, что являлось частью демонстрировавшихся перед ним экзекуций.

Кальтенбруннер лично отдавал приказы о казни заключенных в этих лагерях, и его управление обычно использовалось для передачи в эти лагери приказов о казнях, исходивших из отдела Гиммлера. В конце войны Кальтенбруннер принимал участие в подготовке к эвакуации заключенных концентрационных лагерей и к уничтожению значительного числа этих заключенных с тем, чтобы предотвратить освобождение их союзными армиями.

Во время пребывания Кальтенбруннера на должности начальника РСХА эта организация была занята выполнением обширной программы по совершению военных преступлений и преступлений против человечности. Эти преступления включали и жестокое обращение с военнопленными и их убийство. Эйнзатцкоманды, действовавшие под контролем гестапо, производили отбор советских военнопленных. Сведения о евреях, комиссарах и других лицах, которые считались идеологическими противниками нацистской системы, передавались в РСХА, которое направляло этих лиц в концентрационные лагери, где они умерщвлялись.

Приказ РСХА о введении в действие декрета «Пуля» был издан в период правления Кальтенбруннера; по этому приказу некоторые военнопленные, совершавшие побег и захваченные вновь, направлялись в Маутхаузен и там расстреливались. Приказ о казни бойцов отрядов «коммандос» был распространен гестапо на парашютистов в тот период, когда

Кальтенбруннер был начальником РСХА. Приказ, подписанный Кальтенбруннером, предлагал полиции не вмешиваться в расправы над союзными летчиками, выбросившимися с парашютами.

В декабре 1944 года Кальтенбруннер принимал участие в убийстве одного из французских генералов, который содержался в качестве военнопленного.

В тот период, когда Кальтенбруннер возглавлял РСХА, гестапо и СД на оккупированных территориях продолжали жестоко обращаться с населением и совершать убийства, используя методы, которые включали пытки и заключение в концентрационные лагери; обычно это делалось согласно приказам, подписанным именем Кальтенбруннера.

Гестапо несло ответственность за введение жестокого режима трудовой дисциплины для лиц, использовавшихся для рабского труда, и Кальтенбруннер организовал для этой цели ряд исправительно-трудовых лагерей. Когда СС приступили к выполнению своей программы рабского труда, гестапо использовалось в качестве поставщика необходимой рабочей силы путем отправки рабочих в концентрационные лагери.

РСХА играло руководящую роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса путем истребления евреев. Для обеспечения выполнения этой программы был создан специальный отдел РСХА, входивший в ведение АМТ-IV. По его указаниям было убито приблизительно 6 миллионов евреев, из которых 2 миллиона были убиты эйнзатцгруппами и другими частями полиции безопасности. Кальтенбруннера информировали о деятельности этих эйнзатцгрупп, когда он был высшим руководителем СС и полиции; они продолжали свою деятельность и тогда, когда он стал начальником РСХА.

Убийство примерно четырех миллионов евреев в концентрационных лагерях было описано ранее.

Эта часть программы осуществлялась также под наблюдением РСХА, когда Кальтенбруннер возглавлял эту организацию, и специальные команды РСХА рыскали по оккупированным территориям и различным государствам — сателлитам держав оси, обеспечивая отправку евреев в эти «фабрики уничтожения». Кальтенбруннер был осведомлен об этих мероприятиях. В своем письме от 30 июня 1944 г. он описывал отправку с этой целью 12 000 евреев в Вену и давал указания о том, что все нетрудоспособные должны были содержаться в готовности для «применения к ним специальной меры», означавшей убийство. Кальтенбруннер отрицал, что он поставил свою подпись под этим письмом, так же как и еще под многими приказами, на которых его подпись была напечатана на машинке или факсимилирована и лишь в редких случаях написана от руки. Невероятно, чтобы при разрешении вопросов такой важности его подпись могла появиться столько раз без его ведома.

Кальтенбруннер заявлял, что, когда он взял на себя обязанности начальника полиции безопасности и СД и главы РСХА, он сделал это согласно договоренности с Гиммлером, по которой его деятельность сводилась к вопросам, касающимся иностранной разведки, а не к всестороннему контролю над деятельностью РСХА. Он заявляет, что преступная программа была введена в действие до того, как он приступил к своим обязанностям, и что он редко знал о том, что происходило, и что, когда он узнавал об этих фактах, он делал все возможное для того, чтобы предотвратить их совершение. Правильно, что он проявлял особый интерес

к вопросам, связанным с иностранной разведкой. Однако он осуществлял контроль над деятельностью РСХА; он знал о преступлениях, которые оно совершало, и он был активным участником многих из них.

Заключение

Трибунал признает Кальтенбруннера невиновным по разделу первому и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

РОЗЕНБЕРГ

Розенбергу предъявляется обвинение по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он стал членом нацистской партии с 1919 года, принимал участие в Мюнхенском путче, имевшем место 9 ноября 1923 г., и пытался предотвратить распад нелегальной нацистской партии в то время, когда Гитлер находился в тюрьме. Будучи признанным идеологом партии, он развивал и распространял нацистские доктрины в редактировавшихся им газетах «Фелькишер Беобахтер» и «Национал-Социалистише Монатсхефте», а также в многочисленных книгах, которые были им написаны. Его книга «Миф двадцатого столетия» была издана и распространена тиражом более чем в 1 000 000 экземпляров.

В 1930 году Розенберг был избран в рейхстаг и стал представителем партии по вопросам внешней политики. В апреле 1933 года он был назначен рейхслейтером и заведующим управлением внешней политики НСДАП (АПА). В январе 1934 года Гитлер назначил Розенберга своим заместителем по вопросам всесторонней духовной и идеологической подготовки членов НСДАП. В январе 1940 года ему было поручено создать «Хоэ Шуле» — центральный научно-исследовательский институт национал-социалистской идеологии и воспитания; в связи с этой задачей им был организован «Эйнзатцштаб Розенберга». 17 июля 1941 г. он был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных территорий.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве руководителя АПА Розенберг стоял во главе организации, агенты которой активно участвовали в нацистских интригах во всех частях света. Он в своих собственных отчетах утверждает, например, что АПА в большой степени ответственно за присоединение Румынии к странам оси. В качестве главы АПА он играл важную роль в подготовке и планировании нападения на Норвегию.

Розенберг вместе с Редером являлся одним из авторов плана нападения на Норвегию. Розенберг стал проявлять интерес к Норвегии еще в июне 1939 года, когда он совещался с Квислингом. Квислинг указывал на важное значение Норвежского побережья в случае конфликта между Германией и Великобританией и высказал свои опасения по поводу того, что Великобритания может добиться поддержки со стороны Норвегии. В результате этого совещания Розенберг разработал такую систему, согласно которой Квислинг тесно сотрудничал с национал-социалистами и получал поддержку со стороны нацистов по политическим вопросам.

Когда началась война, Квислинг начал выражать опасения по поводу возможности вторжения Британии в Норвегию. Розенберг поддер-

живал эту точку зрения и передал Редеру план использования Квислинга для совершения переворота в Норвегии. Розенберг оказал содействие при созыве совещаний, имевших место в декабре 1939 года между Гитлером и Квислингом, которые привели к подготовке нападения на Норвегию и во время которых Гитлер обещал Квислингу финансовую поддержку. После этих совещаний Гитлер поручил Розенбергу организовать политическую эксплуатацию Норвегии. Через две недели после оккупации Норвегии Гитлер сообщил Розенбергу, что его решение напасть на Норвегию основывалось «на неоднократных предостережениях со стороны Квислинга, о которых ему сообщал рейхслейтер Розенберг».

Розенберг несет главную ответственность за создание и проведение в жизнь оккупационной политики на оккупированных восточных территориях. 2 апреля 1941 г. Гитлер сообщил ему о предстоящем нападении на Советский Союз, и Розенберг изъявил согласие оказывать содействие этому мероприятию в качестве «советника по политическим вопросам».

20 апреля 1941 г. он был назначен уполномоченным по центральному контролю над проблемами, связанными с восточно-европейским районом. При подготовке планов проведения оккупации Розенберг провел многочисленные совещания с Кейтелем, Редером, Герингом, Функом, Риббентропом и другими высшими должностными лицами империи. В апреле и мае 1941 года он подготовил ряд проектов инструкций по вопросам создания администрации на оккупированных восточных территориях. 20 июня 1941 г., за два дня до нападения на СССР, он обратился к своим ближайшим помощникам с речью по вопросам о проблемах и политике, связанных с оккупацией. Розенберг участвовал на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., на котором рассматривались вопросы администрации и оккупационной политики. 17 июля 1941 г. Гитлер назначил Розенберга имперским министром по делам оккупированных восточных территорий и возложил на него полномочия по руководству гражданской администрацией на этих территориях.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Розенберг несет ответственность за систему организованного грабежа как общественной, так и частной собственности во всех захваченных немцами странах Европы. Действуя по приказу Гитлера от января 1940 года о создании «Хоэ Шуле», он организовал «Эйнзатцштаб Розенберга» и руководил им; этот штаб грабил музеи и библиотеки, конфисковывал произведения искусства и коллекции, грабил частные дома. Его собственные отчеты отражают размеры произведенных конфискаций. По мероприятию «М» (мебель), проведенному в декабре 1941 года по предложению Розенберга, было разграблено на Западе 69 619 еврейских домов, из которых 38 000 было разграблено лишь в одном Париже. Потребовалось 26 984 железнодорожных вагона для того, чтобы перевезти в Германию конфискованную мебель. Начиная с 14 июля 1944 г. «Эйнзатцштабом» на Востоке было захвачено более 21 903 предмета искусства, включавших знаменитые картины и музейные редкости.

С назначением Розенберга имперским министром по делам оккупированных восточных территорий 17 июля 1941 г. он стал высшим должностным лицом в этих районах. Он помогал формулировать основные

положения политики германизации, эксплуатации, насильственного труда, истребления евреев и противников нацистского режима и создал управление, которое проводило эту политику в жизнь. Он принимал участие в совещании от 16 июля 1941 г., на котором Гитлер заявил, что они стояли перед задачей: «Разрезать этот огромный пирог в соответствии с нашими потребностями для того, чтобы иметь возможность, во-первых, господствовать над ним, во-вторых, управлять им, и в-третьих, эксплуатировать его». Гитлер указал, что предусматривается применение безжалостных мер. На следующий день после этого совещания Розенберг принял это назначение.

Розенберг был осведомлен о зверском обращении и терроре, которые применялись по отношению к народам восточных территорий. Он указывал, что на оккупированных восточных территориях Гаагские правила ведения сухопутной войны были неприменимы. Он был осведомлен об опустошении восточных территорий и принимал в нем деятельное участие, отсылая в Германию захваченные на этих территориях сырье и продукты питания. Он заявил, что первым в списке тех требований, которые Германия предъявила Востоку, стояла необходимость кормить германский народ, и что советский народ от этого будет страдать. Его декреты предусматривали окончательную изоляцию евреев в гетто. Подчиненные ему лица принимали участие в массовых убийствах евреев, а его гражданская администрация на Востоке считала необходимым очистить восточные территории от евреев.

В декабре 1941 года он внес предложение Гитлеру о том, что при расстреле 100 заложников следует отбирать только евреев. Розенбергу было известно о вывозе рабочих с восточных территорий, о методах «набора» рабочих и об ужасах, имевших место при транспортировках, о том, как обращались с восточными рабочими в империи. Он сообщал представителям гражданской администрации, какое количество рабочих необходимо было доставить в империю, и выполнение этой разверстки должно было обеспечиваться любыми мерами, которые оказывались необходимыми. Его виза имеется в приказе от 14 июня 1944 г., касавшемся «Мероприятия сено», которое заключалось в захвате 40—50 тыс. подростков в возрасте от 10 до 14 лет для отправки их в империю.

В отдельных случаях Розенберг возражал против эксцессов и зверств, совершавшихся его подчиненными и особенно Кохом; однако эти эксцессы продолжали иметь место, и Розенберг оставался на своем посту до конца.

Заключение

Трибунал признает Розенберга виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

ФРАНК

Франк обвиняется по первому, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. Франк вступил в нацистскую партию в 1927 году. В 1930 году он стал членом рейхстага, в марте 1933 года — баварским министром юстиции, и когда функции последнего в 1934 году перешли к имперскому правительству, Франк стал имперским министром без портфеля. В 1933 г. Франк был назначен рейхслейтером нацистской партии по правовым вопросам и в том же году — президентом академии

германского права. Франку было также присвоено почетное звание обергруппенфюрера СА. В 1942 году у Франка обнаружились временные разногласия с Гиммлером по вопросу о характере правовой системы, которая должна применяться в Германии. В том же году он был освобожден от обязанностей рейхслейтера нацистской партии и президента академии германского права.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Представленные доказательства не убедили Трибунал, что Франк в достаточной степени был связан с общим планом ведения агрессивной войны, для того чтобы Трибунал мог признать Франка виновным по первому разделу.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Франк был назначен главой гражданской администрации оккупированной польской территории. 12 октября 1939 г. он был назначен генерал-губернатором оккупированной польской территории. 3 октября 1939 г. он следующим образом описывал политику, которую он намеревался проводить на практике:

«Польша должна рассматриваться как колония, поляки будут рабами Великой германской мировой империи». Доказательства устанавливают, что в основе этой оккупационной политики было полное уничтожение Польши как национального целого и беспощадная эксплуатация ее человеческих и экономических ресурсов в интересах германских военных усилий. Всякая оппозиция подавлялась с крайней жестокостью. Был создан режим террора, поддерживавшийся полицейскими судами, которые предписывали проводить такие мероприятия, как публичные расстрелы групп, состоявших от 20 до 200 поляков, и широко распространенные расстрелы заложников.

Система концентрационных лагерей была введена в генерал-губернаторстве учреждением печальной известности лагерей Треблинка и Майданек. Еще 6 февраля 1940 г. Франк своим циничным замечанием корреспонденту одной газеты по поводу вывешенного фон Нейратом плаката казни чешских студентов дал представление о масштабах, в которых осуществлялся этот террор: «Если бы я хотел вывешивать плакаты по поводу расстрела каждых семи поляков, то нехватило бы лесов в Польше для того, чтобы производить бумагу для этих плакатов». 30 мая 1940 г. Франк на совещании чиновников полиции заявил о том, что он использует преимущество наступления на Западе, которое отвлекло внимание всего мира от Польши, для того, чтобы уничтожить тысячи поляков, которые, вероятно, будут оказывать сопротивление господству «Германии в Польше, включая ведущих представителей польской интеллигенции».

В соответствии с этими инструкциями началось проведение жестокой акции АБ, согласно которой полиция безопасности и СД проводили это истребление, лишь изредка прибегая к методу судебного преследования. 2 октября 1943 г. Франк издал декрет, согласно которому лица негерманского происхождения, препятствующие мероприятиям Германии, проводимым в генерал-губернаторстве, должны были подвергаться уголовному преследованию в дисциплинарных судах полиции безопасности и СД и приговариваться к смертной казни.

Экономические требования, предъявленные генерал-губернаторству, далеко превосходили потребность оккупационной армии и были вне всякого соответствия с ресурсами страны. Продовольствие, изымавшееся в Польше, направлялось в Германию в столь значительных размерах, что норма питания населения оккупированных территорий была сокращена до голодного минимума. Широко распространены были эпидемические заболевания. Были предприняты некоторые меры для обеспечения питанием сельскохозяйственных рабочих, которые использовались для уборки урожая, но потребности остального населения оставались без внимания.

Несомненно справедливым является заявление защиты, что некоторые лишения в генерал-губернаторстве были неизбежными как результат опустошений, вызванных войной и экономической разрухой, явившейся следствием этого. Но эти лишения были увеличены преднамеренной политикой экономической эксплуатации.

Систему вывоза людей для рабского труда в Германию Франк ввел на самых ранних стадиях своего управления. 25 января 1940 он выразил свое намерение вывезти в Германию один миллион рабочих, предложив 10 мая 1940 г. для выполнения этой разверстки устройство полицейских облав. 18 августа 1942 г. Франк сообщил, что 800 000 рабочих он уже дал империи, и предполагает, что до конца года сумеет направить туда еще 140 000 человек.

Преследование евреев началось в генерал-губернаторстве немедленно. Первоначально на этой территории жило от двух с половиной до трех с половиной миллионов евреев. Их насильственно загнали в гетто, подвергли действию дискриминирующих законов, лишили пищи, необходимой для того, чтобы избежать голодной смерти, и, наконец, систематически уничтожали со зверской жестокостью. 16 декабря 1941 г. Франк заявил правительству генерал-губернаторства: «Мы должны уничтожать евреев, где бы мы ни находили их, и во всех случаях, когда это возможно, для того, чтобы сохранить империю как таковую».

25 января 1944 года Франк подсчитал, что в генерал-губернаторстве осталось всего лишь 100 000 евреев.

В начале своих показаний Франк заявил, что он испытывает чувство «своей величайшей вины» за зверства, совершенные на оккупированных территориях. Однако этот защитительный довод главным образом объясняется попыткой доказать, что фактически он не является ответственным лицом, что он отдавал лишь приказания о необходимых мероприятиях для умиротворения, что эксцессы следует отнести за счет деятельности полиции, которая ему не подчинялась, и что он даже никогда не знал о том, что происходило в концентрационных лагерях. Также выдвигалось утверждение о том, что смертность от голода объяснялась последствиями войны и политикой, проводившейся в соответствии с четырехлетним планом, утверждалось также, что политика рабского труда проводилась под руководством Заукеля и что уничтожение евреев осуществлялось полицией и СС по прямым указаниям Гиммлера.

Совершенно несомненно, что большая часть преступных действий, инкриминируемых Франку, осуществлялась через полицию, что у Франка возникли разногласия относительно сферы юрисдикции с Гиммлером по вопросу о контроле над полицией и что Гитлер решил многие из этих споров в пользу Гиммлера. Поэтому весьма возможно, что некоторые из преступлений, совершенных в генерал-губернаторстве, были совершены

без ведома Франка и даже в отдельных случаях несмотря на его противодействие. Возможно также, что некоторые из преступных планов, осуществлявшихся в генерал-губернаторстве, не исходили от Франка, а проводились в соответствии с приказами из Германии. Однако также несомненно, что Франк был добровольным и сознательным участником применения террора в Польше, в экономической эксплоатации Польши, которая привела к голодной смерти большое число людей, в угоне в Германию на рабский труд более чем миллиона поляков и в осуществлении программы, приведшей к убийству по меньшей мере трех миллионов евреев.

Заключение

Трибунал признает Франка невиновным по разделу первому и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

ФРИК

Фрик обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Будучи признан главным нацистским бюрократом и специалистом в области администрации, он был назначен министром внутренних дел империи в первом кабинете Гитлера. Он оставался на этом важном посту до августа 1943 года, когда он получил назначение имперского протектора Богемии и Моравии. В связи с тем, что он стоял в центре всего внутреннего и хозяйственного управления страны, он стал прусским министром внутренних дел, имперским уполномоченным по проведению выборов, генеральным уполномоченным по имперской администрации, членом имперского совета обороны, членом совета министров по обороне империи и членом «Коллегии трех». После того как многие страны, присоединенные к империи, были оккупированы, он был назначен главой центрального управления, ведающего их присоединением.

Хотя Фрик официально не вступал в нацистскую партию до 1925 года, он еще до этого был связан с Гитлером и делом национал-социализма во время Мюнхенского путча, в бытность свою ответственным сотрудником мюнхенской полиции. Будучи избран в рейхстаг в 1924 году, он стал рейхслейтером, поскольку он являлся руководителем национал-социалистской фракции в рейхстаге.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Фрик, как ярый нацист, ответствен в значительной степени за то, что немецкий народ оказался в полной власти НСДАП. После того как Гитлер стал канцлером империи, новый министр внутренних дел немедленно начал подчинять местные правительства суверенитету империи. Многочисленные законы, которые он разрабатывал, подписывал и проводил в жизнь, ликвидировали все оппозиционные партии и подготовили почву для того, чтобы гестапо и его концентрационные лагери могли уничтожать всякое сопротивление со стороны отдельных лиц. Он в значительной степени несет ответственность за законодательство, направленное на подавление профсоюзов, церкви и евреев. Он безжалостно и эффективно осуществлял эту задачу.

Перед началом агрессии против Австрии Фрик занимался лишь вопросами внутреннего управления империи. Доказательства не свидетель-

ствуют об его участии в каких-либо совещаниях, на которых Гитлер намечал свои агрессивные планы. На основании этого Трибунал придерживается того мнения, что Фрик не был участником общего плана или заговора для ведения агрессивной войны, как это определяется в настоящем приговоре. Через шесть месяцев после захвата Австрии в соответствии с законом об обороне империи от 4 сентября 1938 г. Фрик был назначен генеральным уполномоченным по имперской администрации. На него была возложена ответственность за администрацию во время войны во всех областях, за исключением чисто военных и экономических вопросов, в том случае, если Гитлер объявит осадное положение. Ему были подчинены имперские министерства юстиции, просвещения, вероисповеданий и управление по территориальному планированию. Выполняя возложенные на него обязанности, Фрик разработал систему администрации в соответствии с требованиями военного времени. Согласно его собственному заявлению, все это фактически было претворено в жизнь после того, как Германия решила вступить на путь войны.

Фрик подписал закон от 13 марта 1938 г., согласно которому Австрия была присоединена к империи, и был ответственным за осуществление этого закона. Учреждая германскую администрацию в Австрии, он издал декреты, которые вводили германские законы, нюрнбергские декреты, закон о воинской повинности; он также при содействии Гиммлера занимался вопросами полицейской безопасности.

Он также подписал законы, по которым к империи присоединялись Судетская область, Мемель, Данциг, Восточные территории (Западная Пруссия и Познань), Эйпен, Мальмеди и Морено. На него была возложена ответственность за фактическое присоединение этих территорий и за учреждение на этих территориях германской администрации. Он подписал закон об учреждении протектората Богемии и Моравии.

Как главе центрального управления Богемии и Моравии, генерал-губернаторства и Норвегии, ему было поручено установить тесные связи между немецкими официальными лицами в этих оккупированных странах и высшими представителями имперской администрации. Он снабжал административный аппарат на всех оккупированных территориях германскими гражданскими служащими, консультируя Розенберга по вопросам о назначении их на работу в восточных оккупированных территориях. Он подписал указы, по которым Тербовен назначался имперским уполномоченным в Норвегии, а Зейсс-Инкварт — в Голландии.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Ярый антисемит Фрик постоянно разрабатывал, подписывал и осуществлял бесчисленные законы, направленные на устранение евреев из общественной жизни и экономики Германии. Его деятельность послужила основой нюрнбергских декретов, и он активно участвовал в их осуществлении. Он несет ответственность за декреты, запрещающие евреям заниматься различными профессиями, и за конфискацию их имущества; последний декрет он подписал в 1943 году, после массового уничтожения евреев на Востоке; этот декрет поставил их «вне закона» и предусматривал передачу их гестапо. Эти законы расчистили путь для «окончательного решения» еврейского вопроса и были распространены Фриком на присоединенные и на некоторые оккупированные территории.

В тот период, когда он был имперским протектором Богемии и Моравии, тысячи евреев были переведены из гетто Терезиенштадта в Чехословакии в Освенцим, где они и были убиты. Он издал декрет, предусматривавший специальные уголовные законы в отношении евреев и поляков в генерал-губернаторстве.

Полиция официально входила в юрисдикцию имперского министра внутренних дел, но Фрик фактически в незначительной степени контролировал Гиммлера и мало касался полицейских вопросов. Однако он подписал декрет, назначавший Гиммлера начальником германской полиции, а также декреты, устанавливавшие юрисдикцию гестапо над концентрационными лагерями и регулировавшие выполнение приказов о превентивном заключении. Из многочисленных жалоб, которые получал Фрик, и на основании показаний свидетелей Трибунал делает вывод, что он знал о зверствах, совершавшихся в этих лагерях. Будучи осведомленным о методах Гиммлера, Фрик подписал декреты, дававшие последнему полномочия принимать необходимые меры безопасности на некоторых присоединенных территориях. Чем оказались эти «меры безопасности», уже говорилось выше.

Как высший представитель имперской власти в Богемии и Моравии Фрик несет общую ответственность за политику угнетения на этой территории после 20 августа 1943 г., за террор в отношении населения, угон на рабский труд и депортацию евреев в концентрационные лагери для уничтожения. Верно, что обязанности Фрика в качестве имперского протектора были гораздо более ограниченными, чем обязанности его предшественника, и что он не пользовался законодательной властью и имел лишь ограниченные полномочия оперативного характера в протекторате. Тем не менее Фрик очень хорошо знал, какова была в то время нацистская оккупационная политика в Европе, в особенности в отношении евреев, и, приняв пост имперского протектора, он принял на себя ответственность за осуществление этой политики в Богемии и Моравии.

В то время, как он был министром внутренних дел, вопросы германского подданства в оккупированных странах, так же как и в империи, входили в его юрисдикцию. Создав систему расовой регистрации лиц германского происхождения, Фрик разрешил перейти в немецкое подданство определенным группам граждан из других стран. Он несет ответственность за онемечивание Австрии, Судетской области, Мемеля, Данцига, Восточных территорий (Западной Пруссии и Познани), а также Эйпена, Мальмеди и Морено. Он насильственно вводил для граждан этих территорий немецкие законы, немецкие суды, немецкую систему образования, немецкую полицию безопасности и обязательную военную службу.

Во время войны в его юрисдикцию также входили санатории, больницы и психиатрические лечебницы, в которых практиковалась «система предания легкой смерти», уже описанная в этом приговоре. Ему было известно, что душевнобольные, больные и старики — «лишние рты» — систематически подвергались насильственному умерщвлению. Жалобы на эти убийства доходили до него, но он ничего не сделал, чтобы прекратить эти убийства. Согласно отчету Чехословацкой Комиссии по расследованию военных преступлений, 275 000 душевнобольных и стариков, за благополучие которых он отвечал, стали его жертвой.

Заключение

Трибунал признает Фрика невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделу второму, третьему и четвертому.

ШТРЕЙХЕР

Штрейхер обвиняется по разделам первому и четвертому Обвинительного заключения. Один из первых членов нацистской партии, вступивший в нее в 1921 году, он принимал участие в Мюнхенском путче. С 1925 года по 1940 год он был гаулейтером Франконии. Он был избран в рейхстаг в 1933 году и был почетным генералом СА. Он приобрел позорную славу в связи с преследованием евреев. Он был издателем «Дер штюрмер»— ежедневной антисемитской газеты, с 1933 по 1945 гг. и ее редактором до 1933 года.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Штрейхер был убежденным нацистом и поддерживал основной политический курс Гитлера. Нет доказательств, которые бы указывали на то, что он когда-либо принадлежал к близкому кругу советников Гитлера; за время своей деятельности он никогда не был тесно связан с разработкой программы, которая привела к войне. Так, например, он никогда не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, во время которых Гитлер излагал свои решения подчиненным ему руководителям. Хотя он и являлся гаулейтером, нет никаких доказательств, которые свидетельствовали бы о его осведомленности об этой программе. По мнению Трибунала, доказательства не устанавливают его причастности к заговору или общему плану для ведения агрессивной войны, как этот заговор ранее был определен в данном приговоре.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

За 25 лет, в течение которых Штрейхер говорил и писал о ненависти к евреям и проповедовал эту ненависть, он стал широко известен как «антисемит № 1». В своих речах и статьях, неделя за неделей и месяц за месяцем, он отравлял сознание германского народа ядом антисемитизма и подстрекал его к активным преследованиям евреев. Каждый номер газеты «Дер штюрмер», тираж которой достиг в 1935 году 600 000, был наполнен такими статьями, которые часто действовали растлевающе и были отвратительны по своему характеру.

Штрейхер руководил бойкотом евреев 1 апреля 1933 г. Он выступал за нюрнбергские декреты в 1935 году. Он несет ответственность за разрушение синагоги в Нюрнберге 10 августа 1938 г. Он открыто выступал 10 ноября с поддержкой еврейских погромов, которые происходили в то время.

Но не только в Германии этот подсудимый проповедовал свои доктрины. Уже в 1938 году он начал призывать к уничтожению еврейской расы. В качестве доказательства были представлены 23 статьи из газеты «Дер штюрмер» за период с 1938 года по 1941 год, в которых проповедовалась доктрина уничтожения и содержались призывы «вырвать с корнем» еврейскую расу. Характерным примером его учения была передовая статья в сентябрьском номере за 1930 год, в которой евреи назывались

чумой и микробами, не человеческими существами, а «паразитами, врагами, злоумышленниками, распространителями болезней, которые должны быть уничтожены в интересах человечества». В других статьях утверждалось, что еврейский вопрос будет решен лишь тогда, когда будет уничтожено мировое еврейство, и предсказывалось, что через 50 лет еврейские могилы «оповестят весь мир о том, что этот народ убийц и преступников, наконец, постигла заслуженная им судьба».

Штрейхер в феврале 1940 года опубликовал письмо одного из читателей «Дер штюрмер», который сравнивал евреев с тучами саранчи, которые должны быть окончательно истреблены. Этим ядом Штрейхер отравлял умы тысяч немцев, и в результате они последовали за национал-социалистами в их политике преследования и уничтожения евреев. Передовая статья в «Дер штюрмер» за май 1939 года ясно формулирует его цели:

«Необходимо направить карательную экспедицию против евреев в России,— карательную экспедицию, которая принесет им ту же участь, какой должен ожидать каждый убийца и преступник. Смертный приговор и казни. Евреи в России должны быть убиты. Их нужно вырвать с корнем».

По мере того, как война, в начале развиваясь успешно, привела к приобретению все новых территорий для империи, Штрейхер даже увеличил свои усилия в подстрекательстве немцев против евреев. В протоколе суда имеется 26 статей из газеты «Дер штюрмер», опубликованных между августом 1941 года и сентябрем 1944 года, 12 из них писаны рукой Штрейхера; они в самых недвусмысленных выражениях требовали истребления и уничтожения. Он написал и опубликовал 25 декабря 1941 г.: «Если действительно мы положим конец этому воспроизведению проклятия божьего в еврейской крови, то это может быть сделано только одним путем — уничтожением этого народа, рожденного дьяволом». В феврале 1934 года в своей статье он заявил:

«Тот, кто делает то, что делает еврей,— негодяй и преступник, а тот, кто повторяет его действия и хочет подражать ему, заслуживает той же судьбы — уничтожения, смерти».

Зная об истреблении евреев на оккупированных восточных территориях, этот подсудимый продолжал писать и опубликовывать свою пропаганду смерти. Давая показания перед этим судом, он яростно отрицал хоть какую-нибудь свою осведомленность о массовом уничтожении евреев. Однако из доказательств явствует, что он постоянно получал текущую информацию о проведении «окончательного решения». Его фотокорреспондент был направлен в гетто на Востоке весной 1943 года в период уничтожения варшавского гетто. Еврейская газета «Израилитишес вохенблатт», которую Штрейхер получал и читал, содержала в каждом номере сообщение о зверствах против евреев на Востоке и приводила цифры количества евреев, которые были угнаны и убиты. Так, например, за лето и осень 1942 года сообщалось о смерти 72 729 евреев в Варшаве, 17 542 — в Лодзи, 18 000 — в Кроатии, 125 000 — в Румынии, 14 000— в Латвии, 500 — в Югославии и 700 000 — в Польше. В ноябре 1943 года Штрейхер цитировал дословно статью из «Израилитишес вохенблатт», в которой говорилось, что евреи буквально исчезли из Европы, и комментировал ее заявлением «это — не еврейская ложь». В декабре 1942 года, ссылаясь на статью «Лондон таймс», касавшуюся зверств, имевших своей целью уничтожение, Штрейхер заявил, что Гитлер предупреждал в свое время, что вторая мировая война приведет к уничтожению еврей-

ства. В январе 1943 года он написал и опубликовал статью, в которой говорилось, что пророчество Гитлера сбылось — мировое еврейство искореняется; он также сказал, что его радует сознание, что Гитлер освобождает мир от его еврейских мучителей».

В свете доказательств, представленных Трибуналу, Штрейхеру бесполезно утверждать, что разрешение еврейского вопроса, за которое он стоял, строго ограничивалось классификацией евреев как чуждого элемента, и принятием дискриминирующих законов, таких, как нюрнбергские, по мере возможности дополняемых международным соглашением о создании в какой-то части света еврейского государства, куда должны были эмигрировать все евреи.

Подстрекательство Штрейхера к убийству и уничтожению в то время, когда евреи на Востоке умерщвлялись самым ужасным образом, несомненно, является преследованием по политическим и расовым мотивам в связи с совершением военных преступлений, как они определены Уставом, и является, таким образом, преступлением против человечности.

Заключение

Трибунал признает, что Штрейхер не виновен по разделу первому, но что он виновен по разделу четвертому Обвинительного заключения.

ФУНК

Функ обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Функ — в прошлом журналист по финансовым вопросам — вступил в нацистскую партию в 1931 году и вскоре после этого стал одним из личных советников Гитлера по экономическим вопросам.

30 января 1933 г. он был назначен руководителем прессы в имперском правительстве, 11 марта 1933 г. стал заместителем министра пропаганды и вскоре после этого занял руководящее положение в различных нацистских организациях, которые контролировали прессу, кино, музыку и работу издательств. Он занял пост министра экономики и генерального уполномоченного по военной экономике в начале 1938 года и президента имперского банка в январе 1939 года. Он был преемником Шахта на всех этих трех постах. В августе 1939 года он был назначен членом Совета министров по обороне империи и в сентябре 1943 года — членом Центрального управления по планированию.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Функ начал свою деятельность в области экономики после того, как ясно определялись нацистские планы ведения агрессивной войны. Один из его представителей присутствовал на совещании, имевшем место 14 октября 1938 года, на котором Геринг объявил о гигантском увеличении вооружения и дал задание министерству экономики увеличить экспорт с тем, чтобы получить необходимую валюту. 28 января 1939 года один из подчиненных Функа направил ОКВ меморандум по вопросу об использовании военнопленных с тем, чтобы компенсировать недостаток в рабочей силе, который мог возникнуть в случае объявления мобилизации 30 мая 1939 г., заместитель министра экономики присутствовал на совещании, на котором был разработан детальный план финансирования войны.

25 августа 1939 г. Функ написал Гитлеру письмо, в котором выражал свою благодарность за то, что он имел возможность участвовать в таких, потрясающих мир событиях, и сообщал, что его план «финансирования войны», контроля над заработной платой и ценами и укрепления имперского банка был осуществлен, что он незаметно превратил в золото всю наличную иностранную валюту, находившуюся в распоряжении Германии. 14 октября 1939 г., после начала войны, он произнес речь, в которой констатировал, что экономические и финансовые учреждения Германии, работающие для выполнения четырехлетнего плана, уже свыше года вели тайную экономическую подготовку к войне.

Функ принимал участие в экономическом планировании, которое предшествовало нападению на СССР; его заместитель ежедневно совещался с Розенбергом по экономическим проблемам, которые могли возникнуть в связи с оккупацией советской территории. Функ лично участвовал в планировании печатания в Германии советских денежных знаков до нападения на СССР с тем, чтобы использовать их для денежного обращения на оккупированной территории СССР.

После нападения он произнес речь и в ней описывал разработанные им планы экономической эксплуатации «обширных территорий Советского Союза», которые должны были быть использованы как источники сырья для Европы.

Функ не принадлежал к числу руководящих лиц, создавших нацистские планы агрессивной войны. Его деятельность в области экономики в качестве агента генерального уполномоченного по четырехлетнему плану протекала под контролем Геринга. Он, однако, участвовал в экономической подготовке некоторых из агрессивных войн, особенно против Польши и Советского Союза, но его вина в связи с этим охватывается разделом вторым Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Занимая пост заместителя министра пропаганды и вице-президента имперской палаты культуры, Функ принимал участие в первоначальной нацистской программе экономической дискриминации евреев. 12 ноября 1938 г. после ноябрьских погромов он присутствовал на совещании, под председательством Геринга, на котором обсуждалось решение еврейской проблемы и на котором он предложил декрет, запрещающий евреям участие в экономической жизни страны; этот декрет Геринг опубликовал в тот же самый день от имени Управления по четырехлетнему плану. Функ показал, что он был потрясен событиями 10 ноября, но 15 ноября он произнес речь, описывая эти эксцессы, как «бурный взрыв негодования немецкого народа, вызванного преступным наступлением евреев на немецкий народ»; он также сказал в этой речи, что устранение евреев из экономической жизни является логическим продолжением их устранения из политической жизни.

В 1942 году Функ заключил соглашение с Гиммлером, согласно которому имперский банк должен был получить известное количество золота, драгоценностей и валюты от СС, причем он предложил своим подчиненным, которые должны были разрабатывать детали соглашения, не задавать лишних вопросов.

В результате этого соглашения СС послало имперскому банку личное имущество, отобранное у жертв, которые были уничтожены в концентрационных лагерях. Имперский банк оставил у себя монеты и банкноты, а драгоценности, часы и личные вещи послал берлинским муниципальным ломбардам. Золотая оправа от очков, золотые зубы и пломбы хранились в сейфах имперского банка. Отрицая это, Функ заявлял, что он не знал, что имперский банк получал вещи подобного рода. Трибунал придерживается того мнения, что Функ или знал о том, что поступало в банк, или же он умышленно закрывал глаза на происходившее.

Функ, будучи министром экономики и президентом имперского банка, участвовал в экономической эксплуатации оккупированных территорий. Он был председателем континентальной нефтяной компании, в ведении которой находилась эксплуатация нефтяных ресурсов оккупированных восточных территорий. Он осуществлял захват золотых фондов Чехословацкого национального банка и ликвидацию Югославского национального банка, 6 июня 1942 г. его заместитель послал ОКВ письмо с требованием выделить в его распоряжение для покупок на черном рынке денежные суммы из фонда издержек на оккупацию Франции.

Осведомленность Функа о немецкой оккупационной политике явствует из факта его присутствия на совещании 6 августа 1942 г., на котором Геринг обратился к представителям германской администрации оккупированных районов, сообщил им о разверстке на поставку продуктов с их территорий, причем добавил: «Мне совершенно безразлично, если вы заявите в связи с этим, что люди у вас будут умирать с голоду».

Осенью 1943 года Функ стал членом центрального управления по планированию, которое определяло общее число рабочих, необходимых для промышленности Германии, и которое требовало от Заукеля, чтобы он их дал, обычно, путем угона их с оккупированных территорий. Вероятно Функ не был особенно заинтересован в этом аспекте программы принудительного труда, и он обычно посылал на совещания своего заместителя, часто генерала СС Олендорфа, бывшего начальника СД в самой Германии и бывшего командира эйнзатцгруппы Д. Но Функ знал, что управление, членом которого он являлся, требовало ввоза рабочих для рабского труда и распределения их по различным отраслям промышленности, находившимся под его контролем.

Будучи президентом имперского банка, Функ также был косвенно причастен к использованию труда заключенных концентрационных лагерей. Под его руководством имперский банк открыл для СС текущий счет в 12 000 000 рейхсмарок для постройки фабрик, на которых должен был использоваться труд заключенных концлагерей.

Несмотря на то, что Функ занимал важные официальные посты, он никогда не играл доминирующей роли в проведении различных программ, в которых он принимал участие. Это является смягчающим обстоятельством, которое Трибунал принимает во внимание.

Заключение

Трибунал не признает Функа виновным по первому разделу, но признает его виновным по второму, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения.

ШАХТ

Шахт обвиняется по разделу первому и второму Обвинительного заключения. Шахт был уполномоченным по вопросам валюты и президентом имперского банка с 1923 по 1930 год. Он был снова назначен президентом банка 17 марта 1933 г., министром экономики в августе 1934 года и генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики в мае 1935 года. Он ушел в отставку с последних двух постов в ноябре 1937 года и был назначен министром без портфеля. Он был снова назначен на пост президента имперского банка на годичный срок 16 марта 1937 г. и на четырехгодичный срок — 9 марта 1938 г., но был освобожден с этого поста 20 января 1939 г. Он был освобожден от обязанности министра без портфеля 22 января 1943 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Шахт активно поддерживал нацистскую партию до ее прихода к власти 30 января 1933 г. и поддерживал назначение Гитлера на пост канцлера. После этой даты он играл важную роль в интенсивной программе перевооружения, которая была принята, и использовал возможности имперского банка в наивеличайшей степени для германских усилий в области перевооружения. Имперский банк выполнял свои, ставшие традиционными, обязанности финансового агента германского правительства и выпускал долгосрочные правительственные займы, и собранные в результате фонды использовались для перевооружения. Он разработал систему, согласно которой выпущенные на пять лет векселя, известные под названием векселей «МЕФО», гарантированные имперским банком и обеспеченные фактически лишь его положением как эмиссионного банка, использовались для приобретения крупных сумм на перевооружение за счет краткосрочных денежных операций.

В качестве министра экономики и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики он активно участвовал в организации германской экономики для войны. Он разработал детальные планы промышленной мобилизации и координации деятельности промышленности с армией на случай войны. Он был особенно озабочен дефицитом в области сырья и начал проводить в жизнь программу накопления запасов и системы контроля над валютой, которая была предназначена к тому, чтобы помешать слабости положения Германии в области иностранной валюты, препятствовать приобретению за границей сырьевых материалов, необходимых для перевооружения. 3 мая 1935 г. он послал меморандум Гитлеру, в котором говорилось, что «выполнение программы вооружения в количественном отношении и в наикратчайший срок является задачей германской политики, и поэтому все остальное должно быть подчинено этой цели».

В апреле 1936 года Шахт начал терять свое влияние в качестве центральной фигуры в области германского перевооружения, когда Геринг был назначен на пост уполномоченного по координации вопросов сырья и иностранной валюты. Геринг выступал за очень широкую программу производства синтетического сырья, против которой Шахт возражал на том основании, что вызванное этой политикой финансовое напряжение может привести к инфляции. Влиятельность Шахта далее уменьшилась, когда 16 октября 1936 г. Геринг был назначен чрезвычайным уполномо-

ченным по вопросам четырехлетнего плана, с задачей «привести всю экономику в состояние готовности к войне в течение четырех лет».

Шахт протестовал против объявления этого плана и назначения Геринга на пост руководителя по проведению этого плана, и совершенно ясно, что предпринятый Гитлером шаг означал решение, что экономическая политика Шахта была слишком консервативной для решительной программы перевооружения, которую Гитлер хотел провести в жизнь.

После назначения Геринга Шахт и Геринг часто вступали в многочисленные споры. Хотя в этих спорах имелся и элемент личных разногласий, Шахт был не согласен с Герингом по некоторым основным политическим вопросам. Шахт, исходя из финансовых соображений, выступал за сокращение программы перевооружения, возражал против предполагавшегося расширения производственных возможностей, считая это неэкономным, в особенности в области синтетического производства, и настаивал на решительном сокращении государственного кредита и на осторожной политике в области германских запасов иностранной валюты.

В результате этих споров и жестокого спора, в котором Гитлер обвинял Шахта в срыве его планов с помощью финансовых методов, Шахт 5 сентября 1937 г. ушел в отпуск из министерства экономики, а 16 ноября 1937 г. вышел в отставку с поста чрезвычайного министра экономики и уполномоченного по вопросам военной экономики.

В качестве президента имперского банка Шахт все еще вступал в разногласия. На протяжении 1938 года имперский банк продолжал выполнять функцию финансового агента германского правительства и выпускал долгосрочные займы для финансирования вооружения. Однако 31 марта 1938 г. Шахт прекратил практику выпуска краткосрочных векселей, гарантированных имперским банком, на расходы по вооружению. В конце 1938 года, пытаясь получить контроль над фискальной политикой через имперский банк, Шахт отказался выполнить срочное требование имперского министра финансов на специальные кредиты для выплаты заработной платы государственным служащим, которая не могла быть покрыта за счет существующих фондов. 2 января 1939 г. Шахт совещался с Гитлером и во время этого совещания убеждал его сократить расходы на вооружение. 7 января 1939 г. Шахт представил Гитлеру отчет, подписанный правлением рейхсбанка, в котором настоятельно требовал решительного сокращения расходов на вооружение и создание сбалансированного бюджета в качестве единственного средства для предотвращения инфляции. 19 января Гитлер освободил Шахта с поста президента имперского банка. 22 января 1943 г. Гитлер освободил Шахта с поста министра без портфеля в связи со «всей его линией поведения во время решительной борьбы, которую вел немецкий народ». 23 июля 1944 г. Шахт был арестован гестапо и заключен в концентрационный лагерь, в котором он находился до конца войны.

Совершенно ясно, что Шахт был центральной фигурой в германской программе перевооружения и что предпринятые им шаги, в особенности в первые дни нацистского режима, дали нацистской Германии возможность быстро стать военной державой. Но перевооружение, как таковое, не является преступным актом в соответствии с Уставом. Для того чтобы оно явилось преступлением против мира, как оно предусматривается статьей 6 Устава, должно быть доказано, что Шахт проводил это перевооружение как часть нацистского плана для ведения агрессивных войн.

Шахт утверждал, что он принимал участие в программе перевооружения лишь потому, что он хотел создать сильную и независимую Германию, которая могла бы проводить внешнюю политику, способную завоевать ей уважение и равное положение с другими европейскими странами; он утверждал, что когда он обнаружил, что нацисты перевооружаются с агрессивными целями, он пытался замедлить темпы перевооружения, а также, что после отставки фон Фриче и фон Бломберга он принимал участие в заговоре, направленном на то, чтобы избавиться от Гитлера сначала путем смещения его, а позднее и путем убийства.

Уже в 1936 году Шахт начал выступать за сокращение программы перевооружения по финансовым соображениям. Если бы политика, за которую он выступал, была проведена в жизнь, Германия не была бы подготовлена к общеевропейской войне. Его настойчивые попытки провести эту политику привели впоследствии к его отставке со всех постов, имевших экономическое значение в Германии. С другой стороны, Шахт, будучи прекрасно осведомленным в германских финансах, находился в особенно выгодном положении для того, чтобы понять подлинный смысл сумасшедшего перевооружения, которое проводил Гитлер, и осознать, что принятая экономическая политика могла иметь своей целью только войну.

Более того, Шахт продолжал участвовать в германской экономической жизни и даже, в меньшей степени,— в некоторых из ранних нацистских агрессий. Перед оккупацией Австрии он установил обменный курс марки и шиллинга. После оккупации Австрии он организовал включение австрийского национального банка в систему имперского банка и произнес горячую пронацистскую речь, в которой он заявил, что рейхсбанк останется нацистским до тех пор, пока он с ним будет связан, восхвалял Гитлера и защищал оккупацию Австрии, осмеивая возражения против того, как она была проведена, и закончил свою речь возгласом: «Нашему фюреру, троекратное зиг-хайль». Он не оспаривал, что эта речь являлась выражением его взглядов в тот период.

После оккупации Судетской области он организовал валютную конверсию и включение в имперский банк местных эмиссионных чешских банков. 29 ноября 1938 г. он произнес речь, в которой с гордостью ссылался на свою экономическую политику, которая обеспечила высокий уровень германского вооружения, и добавил, что это вооружение сделало возможной германскую внешнюю политику.

Шахт не был причастен к планированию ни одной из агрессивных войн, которые инкриминируются разделом вторым. Его участие в оккупации Австрии и Судетской области (ни одно из этих действий не вменяется в вину как агрессивная война) было столь ограниченным, что оно не является участием в общем плане, инкриминируемом в разделе первом. Он, несомненно, не принадлежал к кругу приближенных Гитлера, который был очень тесно связан с общим планом. Он рассматривался этой группой с нескрываемой враждебностью. Показания Шпеера указывают, на то, что арест Шахта 23 июля 1944 г. в той же мере основывался на враждебности Гитлера к Шахту, выросшей из его поведения до войны, как и из подозрений в его причастности к покушению. Поэтому обвинение против Шахта покоится на предположении, что Шахт фактически был осведомлен о нацистских агрессивных планах.

По этому важнейшему вопросу были представлены доказательства Обвинением и значительное количество доказательств — Защитой. Трибу-

нал рассмотрел с величайшим вниманием все эти доказательства и пришел к заключению, что представленные доказательства не позволяют с несомненностью прийти к указанному выше выводу.

Заключение

Трибунал признает Шахта невиновным в преступлениях, перечисленных в Обвинительном заключении, и предлагает коменданту суда освободить его из-под стражи после перерыва в заседании Трибунала.

ДЕНИЦ

Дениц обвиняется по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения. Будучи офицером с 1918 года, в 1935 году он стал командующим первой флотилии подводных лодок, в 1936 году он стал командующим подводным флотом, в 1940 г. получил чин вице-адмирала, в 1942 году — адмирала и 30 января 1943 г. стал главнокомандующим германского военно-морского флота. 1 мая 1945 г. он сменил Гитлера на посту главы государства.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Хотя Дениц создал и обучил германский подводный флот, доказательства не устанавливают его причастности к заговору для ведения агрессивных войн или факта его участия в подготовке и развязывании таких войн. Он был кадровым офицером, занимавшимся исключительно тактическими вопросами. Он не присутствовал на важных совещаниях, на которых объявлялись планы агрессивных войн, и нет доказательств того, что он был осведомлен относительно решений, принятых на этих совещаниях. Однако Дениц вел агрессивную войну в том смысле, как это определено в Уставе. Ведение подводной войны, которая началась немедленно после начала военных действий, было полностью координировано с действиями остальных составных частей вооруженных сил. Совершенно ясно, что его подводные лодки, в то время немногочисленные, были полностью подготовлены для ведения войны.

Правильно, что до его назначения в январе 1943 года главнокомандующим, он не был «командующим» (обербефельсхабер). Однако такого рода утверждение недооценивает значения поста, который занимал Дениц. Он не был просто командующим армией или командиром дивизии. Подводный флот был важнейшей частью германского флота, а Дениц был его руководителем.

В первые годы войны надводный флот совершил немного рейдов, хотя они и были эффективными, а основной ущерб противнику был нанесен почти исключительно подводными лодками Деница, как об этом свидетельствуют факты потопления кораблей союзных и нейтральных стран, общим водоизмещением в миллионы тонн. Этими военными операциями ведал исключительно Дениц. Командование военно-морскими силами оставляло за собой право решать, сколько подводных лодок должно действовать в каждом отдельном секторе. При вторжении в Норвегию, например, он в октябре 1939 года составил предположения в отношении баз для подводного флота; он утверждает, что эти предложения были лишь

штабной разработкой; в марте 1940 года он составил оперативные приказы для поддержки операций подводных лодок, как об этом говорилось выше в настоящем приговоре.

Тот факт, что роль Деница в германских военных усилиях рассматривалась таким образом, красноречиво доказывается тем, что Редер рекомендовал Деница в качестве своего преемника, а также тем, что Гитлер 30 января 1943 г. назначил его главнокомандующим военно-морского флота. Гитлер также знал, что подводная война являлась существенной частью германской морской войны.

Начиная с января 1943 года, Гитлер почти непрерывно консультировался с Деницем. Есть доказательства того, что они совещались по морским вопросам примерно 120 раз в течение войны.

Уже в апреле 1945 года, когда, как он признает, Дениц знал, что борьба стала безнадежной, он в качестве главнокомандующего убеждал личный состав флота продолжать борьбу. 1 мая 1945 года он стал главой государства и в качестве такового приказал вооруженным силам продолжать войну на Востоке, закончившуюся капитуляцией 9 мая 1945 г. Дениц объяснил, что он издал такие приказы для того, чтобы обеспечить для германского гражданского населения возможность эвакуации, а для армии — возможность упорядоченного отступления с Востока.

По мнению Трибунала, доказательства устанавливают, что Дениц активно участвовал в ведении агрессивной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Деницу инкриминируется ведение неограниченной подводной войны в нарушение Морского Протокола 1936 года, к которому присоединилась Германия и который вновь подтверждал правила ведения подводной войны, изложенные в Лондонском морском соглашении 1930 года.

Обвинение утверждает, что 3 сентября 1939 г. германский подводный флот начал вести неограниченную подводную войну в отношении всех торговых судов как вражеских, так и нейтральных, цинично пренебрегая правилами Протокола; оно также утверждало, что сознательно предпринимались усилия в течение всей войны скрыть этот факт лицемерными ссылками на международное право и нарушения его, якобы совершавшиеся союзниками.

Дениц настаивает на том, что в течение всего времени военно-морской флот соблюдал ограничения международного права и Протокола. Он показал, что когда война началась, руководством для ведения подводной войны был принятый Германией порядок взятия призов, почти буквально заимствованный из Протокола, что, следуя принятой в Германии точке зрения, он приказал подводным лодкам атаковать все торговые суда в караванах и все те суда, которые отказывались остановиться или использовали радиосигнализацию при появлении подводной лодки.

Когда полученные им отчеты показывали, что британские торговые суда использовались для передачи информации по радио, вооружались и нападали на подводные лодки при их появлении, он приказал своим подводным лодкам 17 октября 1939 г. нападать на все вражеские торговые суда без предупреждения на том основании, что ожидалось сопротивление с их стороны. Уже 21 сентября 1939 г. были изданы приказы о нападении на все суда, в том числе нейтральные, плавающие ночью без огней в Английском канале.

24 ноября 1939 г. германское правительство издало предупреждение нейтральным судам о том, что в связи с частыми стычками, происходящими у берегов Британии и у французского побережья между подводными лодками и союзными торговыми судами, которые были вооружены и имели инструкции применять оружие, а также таранить подводные лодки, безопасность нейтральных судов в этих водах не может быть более гарантирована.

1 января 1940 г. командование германского подводного флота, действуя по указаниям Гитлера, приказало подводным лодкам атаковать все греческие торговые суда в зоне вокруг Британских островов, которая была по распоряжению правительства Соединенных Штатов запрещенной для их судов, а также торговые суда всех национальностей в запретной зоне Бристольского канала. Через пять дней после этого был издан еще один приказ по подводному флоту о «немедленном и неограниченном применении оружия против всех судов» в одном из районов Северного моря, границы которого были указаны.

Наконец, 18 января 1940 г. подводные лодки получили право топить без предупреждения все суда «в тех водах у вражеского побережья, в отношении которых можно сослаться на то, что они были минированы». Следовало делать исключение лишь для судов Соединенных Штатов, итальянских судов, японских судов и судов советского флота.

Вскоре после начала войны британское адмиралтейство в соответствии с руководством и инструкциями торговому флоту от 1938 г. вооружило все торговые суда, во многих случаях выделило для сопровождения их вооруженный конвой и дало приказания о передаче оперативных донесений в случае появления подводных лодок, включив таким образом торговые суда в систему сигнализации военно-морской разведки. 1 октября 1939 г. британское адмиралтейство объявило, что британские торговые суда получили указание таранить подводные лодки, когда это возможно.

Рассматривая конкретные обстоятельства данного дела, Трибунал не намерен считать Деница виновным в ведении подводной войны против вооруженных британских торговых судов.

Однако объявление зон военных действий и потопление нейтральных торговых судов, зашедших в эти зоны, представляет иную проблему. Такая практика была принята в войне 1914—1918 гг. Германией и, в порядке контрмеры,— Великобританией. Вашингтонская конференция 1922 года, Лондонское морское соглашение 1930 года и Протокол от 1936 года были подписаны с полным сознанием того, что такие зоны были введены в той войне. Однако Протокол не делал исключения для зон военных действий. Приказ Деница топить нейтральные суда без предупреждения в том случае, если они будут находиться в пределах этих зон, по мнению Трибунала, является поэтому нарушением Протокола.

Утверждается также, что германский подводный флот не только не выполнял правил о предупреждении и спасении утопающих, содержащихся в Протоколе, но и что Дениц преднамеренно приказал убивать людей, спасшихся после потопления судов, независимо от того, были ли они вражескими или нейтральными. Обвинение представило множество доказательств в связи с двумя приказами Деница — оперативным приказом № 154, изданным в 1939 году и так называемым приказом «Лакония» от 1942 года.

Защита утверждает, что эти приказы и подтверждающие их доказательства не доказывают существования такой политики, и представила много доказательств, свидетельствующих об обратном. Трибунал придерживается мнения, что доказательства не устанавливают с несомненностью, требуемой в данном случае, того факта, что Дениц намеренно приказал убивать людей, спасшихся с потопленных судов. Приказы были, несомненно, двусмысленными и заслуживают серьезнейшего осуждения.

Доказательства далее устанавливают, что правила о спасении утопающих не выполнялись Германией и что подсудимый приказал не выполнять их. Утверждение защиты сводится к тому, что безопасность подводной лодки,— что является основным правилом на море,— стоит выше, чем спасение людей, и что развитие воздушного флота сделало спасательные операции невозможными. Это, возможно, и правильно, но Протокол весьма точен в формулировках. Если командир не может проводить спасательных операций, он, в соответствии с условиями Протокола, не может топить торговое судно и должен дать ему возможность безопасно пройти перед перископом. В таком случае эти приказы доказывают, что Дениц виновен в нарушении Протокола.

Учитывая все доказанные факты и в особенности приказ британского адмиралтейства, объявленный 8 мая 1940 г., о том, что все суда, появившиеся в Скагерраке ночью, должны быть потоплены, а также ответы адмирала Нимица на опросный лист, которые гласят, что Соединенные Штаты вели в Тихом океане неограниченную морскую войну с первого дня вступления этого государства в войну, мера наказания Деницу определяется на основании нарушения им международного права в области подводной войны.

Деницу также инкриминировалась ответственность за приказ Гитлера относительно «командос» от 18 октября 1942 г. Дениц признал, что он получил этот приказ и знал о нем, когда он был командующим подводным флотом, однако он отрицал свою ответственность. Он указывал, что в приказе было точно сформулировано, что он не распространяется на лиц, захваченных в ходе морской войны, что у флота не было морской пехоты и что командиры подводных лодок не имели возможности столкнуться с «командос».

В одном случае, когда он был главнокомандующим военно-морского флота, в 1943 году, команда союзного торпедного катера была захвачена германскими военно-морскими силами. Команда была допрошена в разведывательных целях по поручению адмирала, командовавшего этими судами, и затем по его приказу передана в СД и расстреляна. Дениц заявил, что если бы эти лица были захвачены флотом, их расстрел явился бы нарушением приказа о «командос», что сообщения о казни в оперативной сводке вооруженных сил не было и что его никогда не информировали об этом случае. Он подчеркнул, что адмирал, о котором шла речь, не подчинялся ему по команде, а был подчиненным армейского генерала, руководившего операциями по оккупации Норвегии. Однако Дениц оставил этот приказ в силе, когда он стал главнокомандующим, и в такой степени он несет за него ответственность.

Дениц на совещании 11 декабря 1944 г. сказал: «12 000 заключенных концентрационных лагерей будут использованы в доках в качестве вспомогательной рабочей силы». В этот период строительство судов не входило в сферу его юрисдикции, и он утверждает, что это было лишь пред-

ложение, сделанное им на совещании, о том, чтобы руководящий офицерский состав содействовал строительству судов, что он не предпринимал никаких шагов, чтобы получить этих рабочих, поскольку этот вопрос не входил в его ведение, и не знает, были ли они вообще когда-нибудь получены. Он признает, что знал о существовании концентрационных лагерей. Человек, занимавший его положение, должен был обязательно знать о том, что большое количество жителей оккупированных стран подвергалось заключению в концентрационные лагери.

В 1945 году Гитлер запросил мнение Иодля и Деница относительно того, следует ли отказаться от Женевской конвенции. Заметки о совещании между двумя военными руководителями 20 февраля 1945 г. показывают, что Дениц высказал свою точку зрения, сводившуюся к тому, что недостатки такой меры перевесят ее преимущества. Резюме мнения Деница, содержавшееся в заметках, сделанных одним из офицеров, содержит следующую фразу:

«Будет лучше проводить меры, которые мы сочтем необходимыми, без предупреждения, и любой ценой сохранить реноме в глазах внешнего мира».

Обвинение настаивало на том, что «меры», о которых здесь говорится, означали, что от конвенции не следует отказываться, но что ее следует нарушать по усмотрению. Защита объясняет, что Гитлер хотел нарушить конвенцию по двум причинам: лишить германские войска защиты конвенции, тем самым предотвращая дальнейшие попытки сдаваться большими группами в плен британцам и американцам, а также дать возможность проводить репрессалии против союзных военнопленных в качестве контрмеры против бомбардировок союзников. Дениц утверждает, что под словом «меры» он понимал дисциплинарные меры против германских войск с тем, чтобы предотвратить их сдачу в плен, и не имел в виду мер против союзников; он утверждает, что это было всего лишь предложение и что в любом случае никакие меры такого рода никогда не предпринимались ни против союзников, ни против немцев. Трибунал, однако, не считает это объяснение правдивым. Германия все же не отказалась от соблюдения Женевской конвенции. Защита представила несколько письменных показаний для того, чтобы доказать, что британские военнопленные из числа личного состава флота в лагерях для военнопленных, входивших в сферу юрисдикции Деница, подвергались обращению в строгом соответствии с конвенцией, и Трибунал принимает этот факт во внимание и рассматривает его как смягчающее вину обстоятельство.

Заключение

Трибунал признает Деница невиновным по разделу первому обвинительного заключения и виновным по разделам второму и третьему.

РЕДЕР

Редер обвиняется по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения. В 1928 году он стал начальником Главного морского штаба и в 1935 г.— командующим военно-морских сил (ОКМ); в 1939 году Гитлер произвел его в звание гроссадмирала. Он являлся чле-

ном имперского совета обороны. 30 января 1943 г., по его собственной просьбе, его сменил Дениц, а он стал адмирал-инспектором военно-морского флота, без занятия какой-либо должности.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

За 15 лет, в течение которых Редер командовал германским военно-морским флотом, он строил его и руководил его операциями; он принимает на себя полную ответственность за военно-морской флот до момента своей отставки, последовавшей в 1943 году. Он признает, что военно-морской флот нарушал Версальский договор, и настаивает на том, что «поступать таким образом было делом чести каждого моряка»; он утверждает, что нарушения были большей частью незначительными и что Германия построила меньше, чем ей было разрешено. Эти нарушения, так же как и нарушения англо-германского морского соглашения от 1935 года, уже обсуждались ранее в этом приговоре.

Редер получил директиву от 24 июня 1937 г. от Бломберга о специальной подготовке к войне против Австрии. Он был одним из пяти руководителей, участвовавших на «Совещании Госсбаха» 5 ноября 1937 г. Он заявлял, что Гитлер созывом этого совещания хотел лишь побудить армию к тому, чтобы ускорить темпы перевооружения, и настаивает на том, что он верил, что австрийский и чехословацкий вопросы будут разрешены мирным путем, как это и случилось, и указывает на только что подписанное новое морское соглашение с Англией. Он не получал никаких приказов об ускорении темпов строительства подводных лодок, что указывало на то, что Гитлер не планировал войны.

Редер получал директивы о «плане Грюн» и «плане Вейсс», начиная с директивы от 3 апреля 1939 г.; последняя предлагала военно-морскому флоту поддержать армию путем высадки с моря. Он также был одним из немногих главных руководителей, которые присутствовали на совещании 23 мая 1939 г. Он присутствовал на инструктивном совещании в Оберзальцбурге 22 августа 1939 года.

Идея вторжения в Норвегию впервые возникла у Редера, а не у Гитлера. Несмотря на желание Гитлера обеспечить нейтралитет Скандинавии, что подтверждается его директивой от октября 1939 года, еще в октябре месяце в военно-морском флоте изучались преимущества, предоставляемые наличием военно-морских баз в Скандинавии. Первоначально адмирал Карлс указал Редеру на преимущества, вытекающие из получения баз в Норвегии. В главном морском штабе был циркулярно разослан вопросник, датированный 3 октября 1939 г., в котором предлагалось высказать соображения по поводу желательности приобретения таких баз. 10 октября Редер обсуждал этот вопрос с Гитлером; запись, сделанная в этот день в его «дневнике боевых действий», гласит, что Гитлер намеревался «рассмотреть этот вопрос». Несколько месяцев спустя Гитлер беседовал с Редером, Квислингом, Кейтелем и Иодлем; ОКВ начало составление планов, и военно-морской оперативный штаб работал совместно с офицерами штаба ОКВ. Редер получил директиву Кейтеля по поводу Норвегии 27 января 1940 г. и последующую директиву от 1 марта за подписью Гитлера.

Редер оправдывает свои действия тем, что этот шаг был предпринят с целью предупредить действия англичан. Нет необходимости снова

подвергать обсуждению этот защитительный довод, который довольно подробно рассматривался ранее, когда сделан был вывод, что вторжение Германии в Норвегию и Данию являлось агрессивной войной. В письменном обращении к личному составу военно-морского флота Редер заявил: «операции военно-морского флота при оккупации Норвегии навсегда останутся великим вкладом военно-морского флота в эту войну».

Редер получал директивы, в том числе указания о бесчисленных отсрочках в отношении нападения на Западе. На совещании от 18 марта 1941 г., на котором присутствовал Гитлер, он призывал к оккупации всей Греции. Он заявляет, что это произошло только после того, как англичане произвели высадку и Гитлер отдал приказ о наступлении, указывает, что военно-морской флот не был заинтересован в Греции. Он получил директиву Гитлера в отношении Югославии.

Редер пытался отговорить Гитлера от намерения предпринять нападения на Советский Союз. В сентябре 1940 года он настойчиво предлагал Гитлеру агрессивную политику в Средиземном море вместо нападения на Россию. 14 ноября 1940 г. он призывал к войне против Англии — «нашего главного врага» — и к продолжению строительства подводных лодок и воздушных сил военно-морского флота. Он выдвинул «серьезные возражения против русской кампании до поражения Англии», согласно записям в делах германского морского оперативного штаба. Он заявляет, что его возражения были основаны на том, что это является нарушением пакта о ненападении, а также на соображениях стратегического характера. Но как только это решение было принято, он дал разрешение, за шесть дней до начала вторжения в Советский Союз, атаковать русские подводные лодки в специально указанном районе Балтийского моря и оправдывает эти действия тем, что они пытались «разведать», какие маневры на море предпринимали немцы. Из этих доказательств явствует, что Редер принимал участие в планировании и ведении агрессивной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Редер обвиняется в военных преступлениях, совершенных в открытом море. 3 сентября 1939 г. был потоплен невооруженный британский пассажирский пароход «Атения», направлявшийся в Америку. Два месяца спустя немцы обвинили г-на Черчилля в преднамеренном потоплении «Атении» с тем, чтобы возбудить враждебность американцев против Англии. В действительности этот корабль был потоплен германской подводной лодкой 30. Редер заявляет, что командир этой подводной лодки потопил этот корабль по ошибке, приняв его, по своей неопытности, за вспомогательный крейсер, и что этот факт стал известен лишь по возвращении подводной лодки из плавания через несколько недель после опровержения его Германией и что Гитлер затем дал указание военно-морскому флоту и министерству иностранных дел продолжать отрицание этого факта. Редер отрицает, что он что-либо знал о пропагандистской кампании, направленной против г-на Черчилля.

Наиболее серьезным обвинением против Редера является то, что он проводил неограниченную подводную войну, включая сюда потопление невооруженных торговых судов, судов нейтральных государств и не принимал мер к спасению лиц, уцелевших после потопления кораблей, допуская расстрел их из пулеметов, что противоречит условиям лондон-

ского соглашения от 1936 года. В отношении этого обвинения против Редера, охватывающего период до 30 января 1943 г., т. е. до момента отставки Редера, Трибунал приходит к тому же заключению, к какому он пришел в отношении Деница, о котором уже говорилось.

Приказ о «командос» от 18 октября 1942 г., который не имел прямого отношения к ведению войны на море, был передан через посредство военно-морского оперативного штаба нижестоящим военно-морским начальникам с указанием о том, что командующие флотилией и командиры соединения кораблей должны устно довести его до сведения своих подчиненных. Именно моряками военно-морского флота, а не СД, 10 декабря 1942 г. были казнены два человека из состава отрядов «командос» в Бордо. Военно-морской оперативный штаб ответил по этому поводу, что это было сделано «в соответствии со специальным приказом фюрера, но тем не менее является чем-то новым в международном праве, поскольку солдаты были одеты в военную форму». Редер признает, что он передал этот приказ по команде своим подчиненным и не высказал Гитлеру никаких возражений.

Заключение

Трибунал признает Редера виновным по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения.

Фон ШИРАХ

Фон Ширах обвиняется по разделам первому и четвертому Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию и СА в 1925 году. В 1929 году он стал руководителем национал-социалистского студенческого союза. В 1931 году его назначили руководителем имперской молодежи нацистской партии, причем под его контролем были все нацистские юношеские организации, включая организацию «Гитлеровской молодежи». В 1933 г. после того, как нацисты взяли в свои руки контроль над правительством, фон Ширах был назначен руководителем молодежи в Германской империи; первоначально это был пост в министерстве внутренних дел, а после 1 декабря 1936 г. он перешел в ведение имперского кабинета. В 1940 году фон Ширах ушел с поста руководителя «Гитлеровской молодежи» и руководителя молодежи Германской империи, но сохранил свое положение рейхслейтера, предусматривавшее контроль над воспитанием молодежи. В 1940 году он был назначен гаулейтером Вены, имперским наместником Вены и уполномоченным по обороне империи на данной территории.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

После того как нацисты захватили власть, фон Ширах, используя физическое насилие и легальный нажим, уничтожал или брал под свой контроль все молодежные группы, которые прежде соперничали с «Гитлеровской молодежью». Согласно приказу Гитлера от 1 декабря 1936 г. вся молодежь Германии была включена в организацию «Гитлеровской молодежи». К тому времени, когда в 1940 году была официально введена мобилизация в эту организацию, 97% подлежащей мобилизации молодежи были уже членами организации.

Фон Ширах использовал «Гитлеровскую молодежь» для воспитания немецкой молодежи «в духе национал-социализма» и проводил в ее рядах широкую программу нацистской пропаганды. Он сделал «Гитлеровскую молодежь» источником пополнения организации нацистской партии. В октябре 1936 года он вошел в соглашение с Гиммлером, в соответствии с которым члены «Гитлеровской молодежи», отвечавшие требованиям, установленным СС, рассматривались как главный источник пополнения рядов СС.

Фон Ширах также использовал «Гитлеровскую молодежь» для допризывной подготовки. Были организованы специальные подразделения, главной целью которых была подготовка специалистов для различных родов войск. 11 августа 1939 г. он вошел в соглашение с Кейтелем, по которому «Гитлеровская молодежь» обязалась проводить свою допризывную подготовку в соответствии с требованиями, установленными в вооруженных силах, а армия взяла на себя обязательство ежегодно подготавливать 30 000 инструкторов для «Гитлеровской молодежи». «Гитлеровская молодежь» уделяла особенно большое внимание воспитанию боевого духа, ее программа военного обучения подчеркивала важность возвращения колоний, необходимость «жизненного пространства» и «благородное» предназначение германской молодежи — умереть за Гитлера.

Однако, несмотря на такой военный характер деятельности «Гитлеровской молодежи», нельзя сказать, что фон Ширах был вовлечен в развитие гитлеровского плана территориальной экспансии путем агрессивной войны или что он участвовал в планировании или подготовке какой-либо агрессивной войны.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В июле 1940 года фон Ширах был назначен гаулейтером Вены. В то же самое время он был назначен имперским наместником Вены и имперским уполномоченным по обороне, сначала 17-го военного округа, включая гау Вены, Верхнего Дуная и Нижнего Дуная, а после 17 февраля 1942 г. только гау Вены. Будучи имперским уполномоченным по обороне, он контролировал гражданскую экономику военного времени. Занимая пост имперского наместника, он являлся главой муниципальной администрации города Вены, и под руководством министра внутренних дел он ведал правительственной администрацией рейха в Вене.

Фон Ширах не обвиняется в совершении военных преступлений в Вене, а только в совершении преступлений против человечности. Как это явствует из сказанного выше, Австрия была оккупирована согласно общему плану агрессии. Ее оккупация, следовательно, представляет собой «преступление, подлежащее юрисдикции Трибунала», как этот термин употребляется в статье 6(с) Устава. В результате «убийство, уничтожение, порабощение, высылки и другие бесчеловечные акты» и «преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам» в связи с этой оккупацией представляют собой преступления против человечности в соответствии с этой статьей.

Поскольку фон Ширах был гаулейтером Вены, на него распространялось действие декрета Заукеля, датированного 6 апреля 1942 г., согласно которому гаулейтеры назначались уполномоченными Заукеля по набору рабочей силы и получали полномочия контролировать использо-

вание рабочих и обращение с ними в пределах своих гау. В соответствии с директивами Заукеля лица, используемые на принудительных работах, должны были получать такое питание, кров и обращение, при котором была бы возможна их наибольшая эксплоатация при наименьших затратах.

Когда фон Ширах стал гаулейтером Вены, высылка евреев уже началась и в Вене осталось лишь 60 000 евреев из прежних 190 000. 2 октября 1940 г. фон Ширах присутствовал на совещании у Гитлера, где он сказал Франку, что у него в Вене имеется 60 000 евреев, которых генерал-губернаторство должно будет забрать у него. 3 декабря 1940 г. фон Ширах получил письмо от Ламмерса, в котором говорилось, что после докладов фон Шираха Гитлер решил из-за недостатка жилых помещений в Вене выслать в генерал-губернаторство 60 000 евреев, все еще остававшихся в ней. Тогда и началась высылка евреев из Вены, которая продолжалась до начала осени 1942 года. 15 сентября 1942 г. фон Ширах в своей речи оправдывал произведенную по его распоряжению высылку «многих десятков тысяч евреев в гетто на Восток», оценивая эту меру «как вклад в европейскую культуру».

В то время как евреев высылали из Вены, канцелярия фон Шираха получала доклады, адресованные ему по служебной линии от начальника полиции безопасности и СД, которые содержали описание деятельности эйнзатцгрупп по уничтожению евреев. На многих из этих докладов стояли инициалы одного из главных заместителей фон Шираха. 30 июня 1944 г. в канцелярии фон Шираха также было получено письмо от Кальтенбруннера, в котором последний информировал фон Шираха о том, что 12 000 евреев уже находятся на пути в Вену для использования их на важных работах военного значения и что все те, которые окажутся непригодными для работы, должны быть подготовлены для «специального обращения».

Трибунал находит, что фон Ширах, хотя он не был инициатором политики высылки евреев из Вены, участвовал в этой высылке после того, как он стал гаулейтером Вены. Он знал, что самое большее, на что евреи могли надеяться, было жалкое существование в гетто на Востоке. Бюллетени, описывающие уничтожение евреев, имелись в его канцелярии.

Будучи гаулейтером Вены, фон Ширах продолжал выполнять обязанности рейхслейтера по воспитанию молодежи и, как таковой, он был информирован об участии гитлеровской молодежи в плане, осуществленном осенью 1944 года, согласно которому 50 000 молодых людей в возрасте от 10 до 20 лет были эвакуированы в Германию из областей, вновь отвоеванных советскими войсками, и использовались как ученики в германской промышленности и на вспомогательных работах в соединениях германских вооруженных сил. Летом 1942 года фон Ширах телеграфировал Борману и настаивал на том, чтобы английский культурный центр был подвергнут бомбардировке в качестве ответной меры за убийство Гейдриха, организованного, по утверждению Шираха, англичанами.

Заключение

Трибунал признает фон Шираха невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделу четвертому.

ЗАУКЕЛЬ

Заукель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Заукель вступил в нацистскую партию в 1923 году и стал гаулейтером Тюрингии в 1927 году. Он был членом Тюрингского ландтага с 1927 года по 1933 год, был назначен имперским наместником в Тюрингии в 1932 году и тюрингским министром внутренних дел и премьер-министром Тюрингии в мае 1933 года. Он стал депутатом рейхстага в 1933 году. Он имел формальное звание обергруппенфюрера как СС, так и СА.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Доказательства не убедили Трибунал в том, что имя Заукеля в достаточной степени связано с общим планом для ведения агрессивной войны или что он был в достаточной степени причастен к планированию и ведению какой-либо из агрессивных войн для того, чтобы дать Трибуналу основания считать его виновным по разделам первому или второму Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

21 марта 1942 г. Гитлер назначил Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с полномочиями подчинить унифицированному контролю «использование всей наличной рабочей силы, включая иностранных рабочих и военнопленных». Заукель получил указания вести деятельность в рамках управления по четырехлетнему плану, и 27 марта 1942 г. Геринг в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану издал декрет о передаче всех подчинявшихся ему отделов по использованию рабочей силы Заукелю. 30 сентября 1942 г. Гитлер дал Заукелю право назначать уполномоченных в различные оккупированные области и «принимать все необходимые меры для проведения в жизнь» декрета от 21 марта 1942 г.

Основываясь на полномочиях, данных ему этим декретом, Заукель разработал программу мобилизации всех имевшихся ресурсов рабочей силы для империи.

Одним из важных моментов этой мобилизации была систематическая насильственная эксплуатация ресурсов рабочей силы оккупированных территорий. Вскоре после того, как Заукель получил назначение на свой пост, он отдал распоряжение руководящим инстанциям в различных оккупированных областях издать декреты о введении трудовой повинности с отбытием ее в Германии. В соответствии с этими декретами уполномоченные Заукеля, поддерживаемые полицейскими властями оккупированных территорий, набирали и посылали в Германию рабочих, необходимых для выполнения разверсток, данных им Заукелем. Он сам предписывал так называемый «добровольный набор», проводившийся целой сворой агентов мужского и женского пола, точно таким же образом, как это делалось при обманной вербовке в далеком прошлом. На самом деле добровольная вербовка была скорее исключением, чем правилом, как об этом свидетельствует заявление Заукеля от 1 марта 1944 г. о том, что «из пяти миллионов иностранных рабочих, прибывших в Германию, даже 200 000 не

прибыло туда добровольно». Несмотря на то, что он сейчас утверждает, что это заявление неправильно, обстоятельства, при которых оно было сделано, так же, как и доказательства, представленные Трибуналу, не оставляют никакого сомнения в том, что оно по существу было правильным.

Способ, которым несчастные рабочие, угоняемые на рабский труд, отбирались и транспортировались в Германию, и то, что происходило с ними после их прибытия, уже были описаны выше.

Заукель утверждает, что он не несет ответственности за эксцессы, сопровождавшие выполнение программы. Он говорит, что общее количество рабочих, подлежавших набору, устанавливалось на основании потребностей сельского хозяйства и промышленности; ответственность за набор рабочих возлагалась на оккупационные власти, транспортировка их в Германию — на управление железных дорог, а забота о них в Германии — на министерство труда и сельского хозяйства, Германский трудовой фронт и на различные заинтересованные в этом отрасли промышленности. Он показал, что в той степени, в которой он имел какие-либо полномочия, он всегда требовал гуманного обращения.

Не подлежит сомнению, однако, что Заукель несет полную ответственность за проведение программы рабского труда. В тот период, когда происходили рассматриваемые события, он не преминул учредить свой контроль над теми сферами деятельности, которые, как он сейчас утверждает, входили исключительно в ведение других лиц. Согласно его распоряжениям его уполномоченные были облечены властью набирать рабочих, и он постоянно контролировал меры, которые в то время принимались. Он был осведомлен о безжалостных методах, которые применялись для вербовки рабочих, и энергично поддерживал эти методы на том основании, что они были необходимы для выполнения разверсток.

Распоряжения Заукеля также предусматривали, что он нес ответственность за транспортировку рабочих в Германию, за распределение их по местам работы и за заботу о них и что другие заинтересованные в этих вопросах ведомства подчинялись ему. Его ставили в известность о существовавших тяжелых условиях. Нет никаких данных о том, что, выступая за применение жестокого обращения, он рассматривал его как самоцель или что он выступал за какую-нибудь программу, подобную плану Гиммлера, предусматривавшему истребление путем непосильного труда. Его точка зрения была выражена в распоряжении:

«Всех людей следует кормить, размещать и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их с наибольшим эффектом при минимально возможных затратах».

Доказательства свидетельствуют о том, что Заукель руководил осуществлением программы, которая предусматривала угон на рабский труд более чем 5 000 000 человек, причем многие из них подвергались при этом жестокостям и терпели величайшие страдания.

Заключение

Трибунал признает Заукеля невиновным по разделам первому и второму Обвинительного заключения и виновным по разделам третьему и четвертому.

ИОДЛЬ

Иодль обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. С 1935 по 1938 гг. он был начальником отдела обороны страны при Верховном командовании. После года командования войсками он вернулся в августе 1939 года и стал начальником штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил. Хотя его непосредственным начальником был подсудимый Кейтель, он докладывал непосредственно Гитлеру по всем оперативным вопросам. В строго военном смысле Иодль фактически планировал войну и является в большой степени ответственным за стратегию и ведение операций.

Иодль строит свою защиту на том, что он был солдатом, давшим клятву в повиновении, а не политиком, и что в связи с его штабной работой и работой по планированию у него не оставалось времени для других вопросов. Он заявляет, что, когда он подписывал приказы, меморандумы и письма или ставил под ними свои инициалы, он делал это вместо Гитлера и часто за Кейтеля, когда тот отсутствовал. Хотя он утверждает, что, будучи солдатом, он должен был подчиняться Гитлеру, он заявляет, что он неоднократно пытался помешать проведению некоторых мер путем промедления, что часто оказывалось успешным, как, например, тогда, когда он противостоял требованию Гитлера об издании директивы о линчевании союзных «летчиков-террористов».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Записи в дневнике Иодля от 13 и 14 февраля 1938 г. показывают, что Гитлер инструктировал его и Кейтеля продолжать оказывать начавшееся на совещании с Шушнигом военное давление на Австрию путем проведения ложных военных маневров и что эти маневры достигли своей цели. Когда Гитлер решил «не допускать» плебисцит Шушнига, Иодль представил на совещании «старый проект» — уже существовавший штабной план. Его запись в дневнике от 10 марта показывает, что Гитлер затем приказал готовиться к «операции Отто» и под этой директивой Иодль поставил свои инициалы. 11 марта Иодль издал дополнительные инструкции и в тот же день поставил свои инициалы под приказом Гитлера о вторжении.

Согласно папке Шмундта, Иодль принимал активное участие в планировании нападения на Чехословакию. Он поставил свои инициалы под документами №№ 14, 17, 24, 36 и 37, содержавшимися в папке Шмундта. Иодль признает, что он согласился с ОКХ, что «инцидент», который должен был послужить поводом для вмешательства Германии, должен был произойти не позднее 14 часов в икс день — в день перед нападением, и сказал, что он должен произойти в установленное время при наличии хорошей летной погоды. Иодль совещался с экспертом по пропаганде о «неотложных общих проблемах»,— таких, как нарушения Германией международного права, использование этих нарушений врагом и опровержение их Германией. Иодль считал последнюю проблему «особо важной».

После Мюнхена Иодль писал:

«Чехословакия как государство больше не существует. Гений фюрера и его решимость не остановиться даже перед мировой войной снова завоевали победу без применения силы. Можно надеяться, что скептически настроенные, слабые и сомневающиеся теперь обращены в нашу веру и останутся таковыми».

Вскоре после оккупации Судетской области Иодль занял командную должность и лишь в августе 1939 года стал начальником штаба оперативного руководства ОКВ.

Иодль обсуждал вторжение в Норвегию с Гитлером, Кейтелем и Редером 12 декабря 1939 г. Его дневник полон более поздними записями о его деятельности по подготовке этого нападения. Иодль объясняет, что своим замечанием о том, что Гитлер все еще искал «предлога» для начала операций, он хотел сказать, что Гитлер ожидал надежных разведывательных данных о британских планах, и оправдывает вторжение, как необходимый шаг для того, чтобы предотвратить осуществление этих планов. Из его показаний видно, что с октября 1939 года Гитлер планировал нападение на Запад через Бельгию, но колебался в отношении вторжения в Голландию до середины ноября. 8 февраля 1940 г. Иодль, его заместитель Варлимонт и Ешонек, осуществлявшие планирование действий военно-воздушного флота, обсуждали «новую идею» нападения на Норвегию, Данию и Голландию при обеспечении нейтралитета Бельгии. Многие из 17 приказов, откладывавших нападение на Западе до мая 1940 года по различным причинам, в том числе в связи с условиями погоды, были подписаны Иодлем.

Он принимал активное участие в планировании действий против Греции и Югославии. Приказ Гитлера от 11 января 1941 г. об интервенции в Албанию был подписан инициалами Иодля. 20 января, за четыре месяца до нападения, Гитлер заявил на совещании германских и итальянских генералов в присутствии Иодля, что войска, сконцентрированные Германией в Румынии, предназначались для использования против Греции. Иодль был в числе присутствовавших 18 марта, когда Гитлер сказал Редеру, что вся Греция должна быть оккупирована, прежде чем сможет быть достигнуто какое-либо урегулирование создавшегося положения. 27 марта, когда Гитлер сказал германскому верховному командованию, что разгром Югославии должен быть осуществлен с «безжалостной суровостью» и было принято решение бомбить Белград без объявления войны, он также присутствовал.

Иодль дал показание о том, что Гитлер опасался нападения со стороны России и поэтому напал первым. Эта подготовка началась почти за год до вторжения. Еще 29 июля 1940 г. Иодль предложил Варлимонту подготовить планы, так как Гитлер решил произвести нападение. Позднее Гитлер сообщил Варлимонту, что он планировал начать наступление в августе 1940 года, но по военным соображениям отложил начало этого нападения. Он поставил свои инициалы под директивой Гитлера от 12 ноября 1940 г. о том, что подготовка, приказ о проведении которой был передан устно, должна продолжаться, и также поставил свои инициалы под «планом Барбаросса» 18 декабря. 3 февраля 1941 г. Гитлер, Иодль и Кейтель обсуждали это вторжение, и он присутствовал 14 июня, когда были сделаны окончательные доклады по «плану Барбаросса».

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

18 октября 1942 г. Гитлер издал приказ о «командос», а днем позже дополнительное разъяснение, предназначенное только для командующих. Сопроводительный меморандум был подписан Иодлем. Более ранние проекты приказа были составлены штабом Иодля с его ведома. Иодль дал показание о том, что он усиленно противодействовал этому приказу по мотивам морального и правового характера, но не мог отказаться от издания его. Он настаивает на том, что практически он пытался смягчить его жестокость, не информируя Гитлера в тех случаях, когда он не проводился. Он поставил свои инициалы под меморандумом ОКВ от 25 июня 1944 г., подтвердив тем самым еще раз этот приказ после высадки в Нормандии.

Директива об уничтожении советских комиссаров была изложена в «плане Барбаросса», она предусматривала, что решение о том, подлежат ли они уничтожению без суда, должен был принимать офицер. Проект содержит написанное рукой Иодля предложение о том, что это действие должно явиться ответной мерой, он также показал, что с его стороны это была попытка обойти этот приказ.

Когда в 1945 году Гитлер рассматривал вопрос об отказе от соблюдения правил Женевской конвенции, Иодль выступил со своим мнением, заявив, что ущерб, который будет нанесен таким действием, перевесит его преимущества; 21 февраля он сказал, что соблюдение Гитлером правил конвенции нисколько не помешает ведению войны, и привел как пример потопление британского госпитального судна в качестве репрессалии, которое было впоследствии объяснено ошибкой. Он заявил, что он сделал так, поскольку это было единственным соображением, которое Гитлер мог принять во внимание, так как моральные или правовые доводы не оказывали на него никакого воздействия, и он также утверждает, что таким образом он предотвратил отказ Гитлера от соблюдения правил конвенции.

Имеется мало доказательственного материала о том, что Иодль был непосредственно связан с проведением программы рабского труда, и он, очевидно, сосредоточил свое внимание на стратегическом планировании. Но в своей речи 7 ноября 1943 г. гаулейтерам он сказал, что было необходимо действовать «решительно и твердо, ни в чем не раскаиваясь» в Дании, Франции и Нидерландах для того, чтобы обеспечить работу на строительстве Атлантического вала.

Телеграммой от 28 октября 1944 г. Иодль приказал провести эвакуацию всех жителей Северной Норвегии и сжечь их дома с тем, чтобы они не могли оказывать помощь русским. Иодль заявляет, что он был против этой меры, но что таков был приказ Гитлера; он также утверждает, что эта мера не была полностью проведена в жизнь. Документ норвежского правительства показывает, что такая эвакуация имела место в Северной Норвегии и что 30 000 домов были повреждены. 7 октября 1941 г. Иодль подписал приказ о том, что Гитлер не примет предложения о капитуляции со стороны Ленинграда или Москвы, но, наоборот, он настаивал на том, чтобы эти города были полностью уничтожены. Он сказал, что это было сделано потому, что немцы опасались, это эти города могут быть минированы русскими так, как это имело место в Киеве. Никакого предложения о капитуляции никогда не поступало.

По существу его защита строится на доктрине «выполнение приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована как защитительный довод. Смягчающих вину обстоятельств нет. Участие в совершении преступлений, подобных этим, никогда не требовалось ни от какого солдата, и он сейчас не может прикрываться этим мифическим требованием солдатского повиновения при всех условиях в качестве оправдания за совершение этих преступлений.

Заключение

Трибунал признает Иодля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Фон ПАПЕН

Фон Папен обвиняется по первому и второму разделам Обвинительного заключения. 1 июня 1932 г. он был назначен канцлером империи, а 2 декабря 1932 г. его сменил фон Шлейхер. 30 января 1933 г. он был назначен вице-канцлером в кабинете Гитлера и 13 ноября 1933 г. чрезвычайным уполномоченным по вопросам Саара. 26 июля 1934 г. он был назначен посланником в Вену и был отозван оттуда 4 февраля 1938 г. 29 апреля 1939 г. он был назначен послом в Турции. Он возвратился в Германию, когда Турция порвала дипломатические отношения с Германией, в августе 1944 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Фон Папен активно помогал Гитлеру в 1932 и 1933 гг. в формировании коалиционного кабинета и способствовал его назначению канцлером 30 января 1933 г. В качестве вице-канцлера в этом кабинете фон Папен принимал участие в утверждении нацистского контроля в 1933 году; 16 июня 1934 г., однако, фон Папен выступил с речью в Марбурге, которая содержала осуждение нацистских попыток подавить свободную прессу и церковь, осуждение существовавшего господства террора, а также «150% нацистов», которые принимали «жестокость за жизненную необходимость». 30 июня 1934 г. во время волны жестокостей, сопровождавшей так называемую чистку Рема, фон Папен был арестован органами СС. Аппарат его учреждения также был арестован, а два его помощника, в том числе человек, который помогал ему составить марбургскую речь, были убиты. Фон Папен был освобожден в июле 1934 г. Несмотря на убийство его помощников, фон Папен принял обязанности посланника в Австрии 26 июля 1934 г., через день после того, как был убит Дольфус. Его назначение было объявлено ему письмом Гитлера, в котором ему предлагалось направить взаимоотношения между двумя странами «в нормальное и дружественное русло», и его заверяли «в полном и неограниченном доверии» Гитлера. В качестве посланника в Австрию фон Папен принимал активное участие в попытках укрепить позиции нацистской партии в Австрии для того, чтобы добиться аншлюсса. В начале 1935 года он участвовал в совещании в Берлине, на котором был принят политический курс, направленный к тому, чтобы избегать всего, что может создать впечатление о германском вмешательстве во внутренние дела Австрии. Однако он добился ежемесячной дотации в 200 тысяч марок для «муче-

ников национал-социализма, преследуемых в Австрии». 17 мая 1936 г. он доложил Гитлеру о результатах своего совещания с капитаном Леопольдом, руководителем австрийских нацистов, и настойчиво убеждал Гитлера выступить с заявлением о признании национальной независимости Австрии, предсказывая, что это поможет формированию коалиции против Штаренберга между христианскими социалистами Шушнига и австрийскими нацистами. 27 июля 1935 г. фон Папен доложил Гитлеру, что союз между Австрией и Германией не может быть осуществлен в результате давления извне, а лишь путем укрепления национал-социалистского движения. Он призывал к тому, чтобы австрийская нацистская партия изменила свой характер и, перестав быть централизованной партией германской империи, собрала под свое знамя всех лиц немецкого происхождения.

Фон Папен принимал участие в происходивших время от времени политических демонстрациях нацистов, содействовал распространению нацистской пропаганды и составлял подробные отчеты о деятельности нацистской партии и регулярные доклады о состоянии оборонительных средств Австрии. Проводимая им в Австрии политика привела к соглашению от 11 июля 1936 г., которое номинально восстанавливало взаимоотношения между Германией и Австрией и придавало им «нормальную и дружескую форму», однако соглашение имело секретное приложение, предусматривавшее амнистию австрийским нацистам, снятие цензуры с нацистских газет, возобновление политической деятельности нацистов и назначение людей, дружески настроенных по отношению к нацистам, в кабинет Шушнига.

После подписания этого соглашения фон Папен подал в отставку, но его отставка не была принята. После этого он постоянно продолжал оказывать давление на австрийское правительство с тем, чтобы добиться введения нацистов в кабинет Шушнига и получить для них влиятельные посты в «Отечественном фронте», единственно легальной партии Австрии. 1 сентября 1936 г. фон Папен писал Гитлеру о том, что антинацисты в австрийском министерстве безопасности препятствовали проникновению нацистов в правительство Австрии, и предлагал придерживаться политики «постоянно нарастающего нажима, направленного к изменению режима».

4 февраля 1938 г. фон Папен был уведомлен, что он отзывается с поста посланника в Австрии; это произошло одновременно со смещением фон Фрича, фон Бломберга и фон Нейрата с занимаемых ими постов. Он выразил Гитлеру сожаления по поводу своего отзыва, ссылаясь на то, что с ноября 1937 года он старался убедить Шушнига встретиться для беседы с Гитлером и Шушниг дал понять, что он согласен на это. Действуя в соответствии с указаниями Гитлера, фон Папен затем возвратился в Австрию и договорился об этой встрече, которая и состоялась в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г. Фон Папен сопровождал Шушнига на это совещание и в конце его посоветовал Шушнигу согласиться на требования Гитлера. 10 марта 1938 г. Гитлер приказал фон Папену возвратиться в Берлин, фон Папен уже находился в канцлерстве 11 марта, в день, когда был отдан приказ об оккупации Австрии. Не было представлено никаких доказательств того, что фон Папен был за принятие решения оккупировать Австрию силой, но сам он показал, что убеждал Гитлера не делать этого шага.

После аннексии Австрии фон Папен удалился в отставку и перешел на положение частного лица. Нет никаких доказательств того, что он принимал какое-либо участие в политической жизни. Он принял пост посла в Турции в апреле 1939 года, однако не было представлено никаких доказательств того, что его деятельность на этом посту делает его причастным к преступлению.

Доказательства не оставляют никакого сомнения в том, что основной целью фон Папена в качестве посланника в Австрии являлся подрыв режима Шушнига и укрепление позиции австрийских нацистов с тем, чтобы добиться аншлюсса. Для осуществления этого плана он прибегал как к интригам, так и к запугиванию. Но Устав не определяет эти нарушения норм политической морали как преступные действия, какими бы дурными они ни были. Согласно Уставу Папен может считаться виновным только в том случае, если он принимал участие в планировании агрессивной войны. Нет никаких доказательств того, что он был причастен к планам, рассматривавшим оккупацию Австрии как этап на пути к дальнейшим агрессивным действиям, или даже того, что он был причастен к плану оккупации Австрии при помощи агрессивной войны, если бы в таковой возникла необходимость. Нельзя считать несомненно установленным фактом, что именно это было целью его деятельности. И поэтому Трибунал не может считать, что он принимал участие в общем плане, инкриминируемом в разделе первом, или участвовал в планировании агрессивных войн, как это инкриминируется в разделе втором Обвинительного заключения.

Заключение

Трибунал признает фон Папена невиновным в предъявленных ему обвинениях и предлагает коменданту суда освободить его из-под стражи после перерыва в заседании Трибунала.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ

Зейсс-Инкварт обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Зейсс-Инкварт, австрийский адвокат, был назначен государственным советником в Австрии в мае 1937 года в результате нажима со стороны Германии. Он был связан с нацистской партией Австрии, начиная с 1931 года, но часто не ладил с партийным руководством и фактически не являлся членом партии до 13 марта 1938 г. Он был назначен австрийским министром безопасности и внутренних дел с правом контроля над полицией в соответствии с одним из условий, навязанных Гитлером Шушнигу на Берхтесгаденском совещании 12 февраля 1938 г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АВСТРИИ

Зейсс-Инкварт принимал участие в последних этапах развития нацистских интриг, предшествовавших германской оккупации Австрии, и был выдвинут на пост канцлера Австрии в результате того, что Германия угрожала вторжением.

12 марта 1938 г. Зейсс-Инкварт встретился с Гитлером в Линце и произнес речь, приветствуя вступление германских войск и оправдывая воссоединение Германии и Австрии. 13 марта он добился издания закона, согласно которому Австрия должна была стать провинцией Германии,

и сменил Микласа на посту президента Австрии, когда Миклас предпочел отставку подписанию этого закона. Титул Зейсс-Инкварта был заменен новым—титулом имперского наместника Австрии—15 марта 1938 г., и в этот же день ему было присвоено звание генерала СС. Он был назначен имперским министром без портфеля 1 мая 1939 г.

11 марта 1939 г. он посетил Словацкое правительство в Братиславе и побуждал его объявить свою независимость таким путем, который точно соответствовал бы агрессивным намерениям Гитлера в отношении независимости Чехословакии.

В качестве имперского наместника Австрии Зейсс-Инкварт ввел в действие программу конфискации еврейской собственности. В период его правления евреев заставляли эмигрировать, посылали их в концентрационные лагери, они являлись жертвами погромов. В конце своего пребывания у власти он сотрудничал с полицией безопасности и СД по депортации евреев из Австрии на Восток. В то время, когда он являлся наместником Австрии, гестапо направляло в концентрационные лагери политических противников нацизма, где с ними жестоко обращались и часто убивали.

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОЛЬШЕ И НИДЕРЛАНДАХ

В сентябре 1939 года Зейсс-Инкварт был назначен начальником гражданской администрации в Южной Польше.

12 октября 1939 г. Зейсс-Инкварт был назначен заместителем генерал-губернатора в польском генерал-губернаторстве и поставлен в непосредственное подчинение Франку. 18 мая 1940 г. Зейсс-Инкварт был назначен имперским уполномоченным по оккупированным Нидерландам. Занимая эти посты, он нес ответственность за управление территорией, которая была оккупирована в результате агрессивных войн и управление которой имело первостепенное значение для успеха агрессивных войн, которые вела в то время Германия. В качестве заместителя генерал-губернатора в генерал-губернаторстве Польши Зейсс-Инкварт поддерживал проводившуюся там жестокую оккупационную политику. В ноябре 1939 года, находясь в инспекционной поездке по генерал-губернаторству, Зейсс-Инкварт заявил, что Польшей следует управлять таким образом, чтобы эксплуатировать ее экономические ресурсы в пользу Германии. Зейсс-Инкварт также выступал за преследование евреев и был информирован о введении в действие акции АБ, в результате чего было убито большое число представителей польской интеллигенции.

Будучи имперским уполномоченным по оккупированным Нидерландам, Зейсс-Инкварт был безжалостен в применении террора для подавления всяческой оппозиции германской оккупации согласно программе, которую он сам описал, как «уничтожение» своих противников. В сотрудничестве с высшими местными руководителями СС и полиции он был замешан в расстрелах заложников за преступления, совершенные против оккупационных властей, и в отправке в концентрационные лагери всех лиц, подозреваемых в противодействии оккупационной политике, в том числе священников и педагогов. Многих сотрудников голландской полиции принуждали принимать участие в этой программе под угрозой репрессий против их семей. Голландские суды также принуждались к участию в проведении этой программы, но когда они выразили свое нежелание

выносить приговоры о тюремном заключении, потому что очень часто заключенных фактически убивали, большее значение было придано использованию полицейских судов.

Зейсс-Инкварт осуществлял управление экономикой Нидерландов, не обращая внимания на правила Гаагской конвенции, которую он называл устаревшей. Вместо этого он проводил политику, направленную на максимальное использование экономического потенциала Нидерландов, мало обращая внимания на то, как это отражалось на населении. Было широко распространено разграбление общественной и частной собственности, причем этому была придана видимость законности указаниями Зейсс-Инкварта, которому помогали своими манипуляциями финансовые учреждения Нидерландов, находившиеся под его контролем.

Став имперским уполномоченным по Нидерландам, Зейсс-Инкварт сразу же начал отправку принудительно набранных рабочих в Германию. До 1942 года работа в Германии теоретически была добровольной, но фактически имело место принуждение путем сильного экономического и административного нажима. В 1942 году Зейсс-Инкварт оформил декретом принудительный труд и прибегал к помощи полиции безопасности и СД для предотвращения уклонений от выполнения этого приказа. За период оккупации свыше 500 000 человек были высланы из Нидерландов в империю в качестве рабочей силы, и только очень небольшая часть из них фактически отправилась добровольно.

Одним из первых шагов Зейсс-Инкварта в качестве имперского уполномоченного по Нидерландам было введение в силу ряда законов, утверждавших экономическую дискриминацию евреев. Это сопровождалось рядом декретов, требовавших регистрации евреев, декретов, заставлявших их жить в гетто и носить звезду Давида, декретов о самовольных арестах и направлении евреев в концентрационные лагери и, наконец, по предложению Гейдриха, о массовой депортации около 120 000 голландцев и 140 000 евреев в Освенцим и об «окончательном разрешении» еврейского вопроса. Зейсс-Инкварт признает, что он знал о том, что они направлялись в Освенцим, но он заявляет, что он слышал от людей, побывавших в Освенциме, о том, что евреев там содержали сравнительно хорошо, и что он считал, что их держали там с целью переселения после войны. В свете доказательств и в связи с его официальным положением невозможно поверить этому утверждению.

Зейсс-Инкварт утверждает, что он не несет ответственности за многие преступления, совершенные при оккупации Нидерландов, потому что они либо совершались согласно приказам из империи армией, которая не находилась под его контролем, либо германским высшим руководителем СС и полицией, который, согласно его заявлению, отчитывался непосредственно перед Гиммлером. Правда, за некоторые из эксцессов отвечают армия и высший руководитель СС и полиции, который, хотя находился в распоряжении Зейсс-Инкварта, мог всегда докладывать непосредственно Гиммлеру. Правильно также и то, что в некоторых случаях Зейсс-Инкварт выступал против крайних мер, к которым прибегали эти организации, как, например, в том случае, когда ему удалось весьма успешно предотвратить проведение армией политики «сожженной земли» и убедить высших руководителей СС и полиции уменьшить число подлежащих расстрелу заложников. Но остается фактом, что Зейсс-Инкварт был осведомленным

и добровольным участником в военных преступлениях и преступлениях против человечности, которые были совершены во время оккупации Нидерландов.

Заключение

Трибунал признает Зейсс-Инкварта виновным по разделам второму, третьему и четвертому Обвинительного заключения и невиновным по разделу первому.

ШПЕЕР

Шпеер обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Шпеер вступил в нацистскую партию в 1932 году. В 1934 году он был назначен архитектором Гитлера и стал близким ему человеком и доверенным лицом. Вскоре после этого он был назначен начальником отдела в германском трудовом фронте и официальным главой отдела по вопросам капитального строительства в аппарате заместителя фюрера. Эти посты он занимал до 1941 года. 15 февраля 1942 г., после смерти Фрица Тодта, Шпеер был назначен главой организации Тодта и имперским министром вооружения и боеприпасов (после 2 сентября 1943 г. министром вооружения и военной промышленности). В дополнение к этим должностям в марте, а затем в апреле 1942 года он был соответственно назначен генеральным уполномоченным по вопросам вооружения и членом центрального управления по планированию; обе эти должности входили в систему четырехлетнего плана. Шпеер был депутатом рейхстага с 1941 года до конца войны.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Трибунал придерживается мнения, что деятельность Шпеера не может квалифицироваться как развязывание, планирование или подготовка агрессивных войн или как заговор, предназначенный для этой цели. Он возглавил промышленность вооружения уже много позже того, как войны были начаты и велись. Его деятельность в качестве главы германской промышленности вооружения являлась в той же мере помощью военным усилиям, в какой все другие отрасли промышленности помогали в ведении войны.

Однако Трибунал не намерен считать, что такая деятельность включает в себя участие в общем планировании для ведения агрессивной войны, как это предусмотрено разделом первым, или ведение агрессивной войны, как это предусмотрено в разделе втором Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Доказательства, представленные по делу Шпеера по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения, относятся исключительно к его участию в проведении программы рабского труда. Сам Шпеер не нес непосредственной административной ответственности за осуществление этой программы. Хотя он высказывался за назначение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, потому что он хотел создания единого центрального руководства, с которым он мог бы иметь дело по вопросам рабочей силы, он лично не добился права административного контроля над деятельностью Заукеля. Заукель был назначен не-

посредственно Гитлером декретом от 21 марта 1942 года, который предусматривал непосредственную ответственность Заукеля перед Герингом как уполномоченным по четырехлетнему плану.

В качестве имперского министра вооружения и боеприпасов и генерального уполномоченного по вооружению в системе четырехлетнего плана Шпеер пользовался широкими полномочиями в области контроля над производством. Первоначально его полномочия охватывали строительство и производство вооружения для ОКХ. Затем его полномочия были постепенно расширены таким образом, что они стали включать морское вооружение, продукцию гражданской промышленности и, наконец, с 1 августа 1944 г. вооружение для ВВС. Как руководящий работник центрального управления по планированию, располагавший верховными полномочиями в области планирования германской промышленности и распределения и разработки сырьевых ресурсов, Шпеер придерживался мнения, что управление имело право давать указания Заукелю о поставках рабочей силы для тех отраслей промышленности, которые оно контролировало, и ему удалось добиться проведения своей точки зрения в жизнь вопреки возражениям Заукеля. Была установлена практика, согласно которой Шпеер передавал Заукелю заявки на общее число необходимых ему рабочих, а Заукель набирал рабочую силу и распределял ее между различными отраслями промышленности в соответствии с инструкциями, которые он получал от Шпеера.

Шпеер, направляя заявки Заукелю, знал, что они будут удовлетворены за счет иностранных рабочих, работавших по принуждению. Он принимал участие в совещаниях, на которых обсуждались вопросы расширения программы рабского труда с тем, чтобы удовлетворить его нужды. Он участвовал в совещаниях от 10 и 12 августа 1942 г. вместе с Гитлером и Заукелем, на которых было решено, что Заукель должен был насильственным порядком привозить рабочих с оккупированных территорий в том случае, когда это было необходимо для удовлетворения потребностей в рабочей силе тех отраслей промышленности, которыми ведал Шпеер. Шпеер также участвовал в совещании в ставке Гитлера 4 января 1944 года, на котором было принято решение, согласно которому Заукель должен был набрать «по меньшей мере четыре миллиона новых рабочих с оккупированных территорий» с тем, чтобы удовлетворить требования Шпеера на рабочую силу, хотя Заукель указывал, что он может сделать это лишь с помощью Гиммлера.

Заукель постоянно информировал Шпеера и его представителей о том, что иностранные рабочие набираются принудительным порядком. На совещании 1 марта 1944 г. заместитель Шпеера очень подробно расспрашивал Заукеля о том, почему ему не удалось выполнить требование на 4 миллиона рабочих, которые должны были быть доставлены с оккупированных территорий. В некоторых случаях Шпеер требовал рабочих из определенных зарубежных стран. Так, на совещании 10—12 августа 1942 г. Заукелю было поручено доставить Шпееру «еще миллион русских рабочих для германской промышленности вооружения до истечения октября месяца 1942 года». На заседании центрального управления по планированию 22 апреля 1943 г. Шпеер обсуждал планы набора русских рабочих для использования их в угольных шахтах и категорически отклонил предложение пополнить дефицит в рабочей силе на этих предприятиях за счет немецких рабочих.

Шпеер утверждал на суде, что он выступал за реорганизацию программы использования рабского труда с тем, чтобы обратить большее внимание на использование немецких рабочих в военной промышленности Германии и на использование рабочих на оккупированных территориях в местной промышленности по производству предметов широкого потребления, которые прежде производились в Германии. Шпеер предпринял шаги в этом направлении, создав на оккупированных территориях так называемые предприятия закрытого типа, которые использовались для производства изделий, предназначенных для отправки в Германию. Лица, работавшие на этих предприятиях, не подлежали отправке в Германию на рабский труд, и всякий рабочий, получивший приказ отправиться в Германию, мог избежать депортации, если он поступал на работу на предприятия закрытого типа.

Эта система, хотя она несколько менее бесчеловечна, чем угон в Германию, все же является незаконной. Система предприятий закрытого типа играла лишь незначительную роль во всей системе программы рабского труда; хотя Шпеер и настаивал на ее проведении в дополнение к программе рабского труда, будучи осведомлен о способах, которыми она проводилась в жизнь, официально он был основным потребителем рабочей силы и постоянно требовал расширения этой программы.

Шпеер был также непосредственно причастен к использованию принудительного труда в качестве главы организации Тодта. Организация Тодта действовала преимущественно в оккупированных районах и ведала такими объектами, как Атлантический вал и строительство военных автострад, и Шпеер признал, что он использовал ресурсы принудительно набранной рабочей силы для комплектования этой организации рабочими. Он также использовал заключенных из концлагерей на предприятиях, находившихся под его контролем. Первоначально он предполагал использовать этот источник рабочей силы на небольших фабриках, отдаленных от центров, однако позже, опасаясь задеть ведомственное самолюбие Гиммлера, он старался как можно реже прибегать к использованию рабочей силы из концентрационных лагерей.

Шпеер также был причастен к использованию военнопленных в промышленности вооружения; однако он утверждает, что он использовал советских военнопленных лишь на предприятиях, предусмотренных Женевской конвенцией.

Шпеер занимал такое положение, что он не был непосредственно причастен к жестокостям, имевшим место при проведении программы рабского труда, хотя он и знал о том, что они имели место. Так, например, на совещаниях центрального управления по планированию его информировали, что его заявки на рабочую силу столь велики, что они вызывают необходимость в применении насильственных методов при наборе рабочих. На заседании центрального управления по планированию 30 октября 1942 г. Шпеер высказал мнение, что многие из угнанных рабочих, которые заявляли, что они были больны, на самом деле были симулянтами, и заявил: «Нельзя ничего возразить против того, что СС и полиция предпринимают решительные меры и направляют увиливающих от работы в концентрационные лагери».

Однако Шпеер настаивал на том, чтобы угнанные рабочие получали достаточное питание и необходимые условия работы с тем, чтобы они могли работать эффективно.

В качестве смягчающего вину обстоятельства следует признать, что создание Шпеером института предприятий закрытого типа дало возможность многим рабочим остаться дома, на родине, и что на последних стадиях войны он был одним из тех немногих, кто имел смелость говорить Гитлеру, что война проиграна, и предпринимать шаги с тем, чтобы предотвратить бессмысленное уничтожение производственных мощностей как на оккупированных территориях, так и в самой Германии. Он также противодействовал гитлеровской политике «сожженной земли» путем преднамеренного саботирования ее, подвергаясь при этом значительному риску.

Заключение

Трибунал признает Шпеера невиновным по разделам первому и второму и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Фон НЕЙРАТ

Фон Нейрат обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он — профессиональный дипломат, находившийся на посту германского посла в Великобритании с 1930 по 1932 гг. 2 июня 1932 г. он был назначен на пост министра иностранных дел в кабинете фон Папена; этот пост он сохранил за собой в кабинетах фон Шлейхера и Гитлера. Фон Нейрат ушел в отставку с поста министра иностранных дел 4 февраля 1938 г. и был назначен имперским министром без портфеля, председателем тайного совета министров и членом имперского совета обороны. 18 марта 1939 г. он был назначен имперским протектором Богемии и Моравии и оставался на этом посту до 27 сентября 1941 г. Формально он являлся обергруппенфюрером СС.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве министра иностранных дел фон Нейрат давал советы Гитлеру в отношении ухода с конференции по разоружению и из Лиги наций 14 октября 1933 г., о возобновлении вооружения, об издании 16 марта 1935 г. закона о всеобщей воинской повинности и секретного закона о защите империи 21 мая 1935 г. Он был одной из главных фигур при переговорах о заключении морского соглашения между Германией и Англией 18 июня 1935 г. Он играл большую роль при принятии Гитлером решения о реоккупации Рейнской зоны 7 марта 1936 г. и предсказал, что оккупация может быть осуществлена без противодействия со стороны Франции. 18 мая 1936 г. он сообщил американскому послу во Франции, что политика германского правительства заключалась в том, чтобы ничего не делать в области внешней политики до тех пор, пока «Рейнская зона не будет освоена», и что как только укрепления в Рейнской зоне будут воздвигнуты и страны Центральной Европы поймут, что Франция не сможет вторгнуться в Германию, когда ей это вздумается, «все эти страны начнут вести совершенно иную внешнюю политику и создадутся новые коалиции».

Фон Нейрат принимал участие в совещании Госбаха 5 ноября 1947 г. Он показал, что высказывания Гитлера произвели на него такое впечатление, что с ним случился сердечный припадок. Вскоре после этого он

подал в отставку, и его отставка была принята 4 февраля 1938 г., в то же самое время, когда были смещены фон Фрич и фон Бломберг. Несмотря на то, что он знал об агрессивных планах Гитлера, он сохранял формальные связи с нацистским режимом, будучи имперским министром без портфеля, председателем тайного совета министров и членом имперского совета обороны. Он руководил министерством иностранных дел во время оккупации Австрии, заверял британского посла, что эта оккупация не явилась следствием германского ультиматума, и информировал чехословацкого посла, что Германия намеревается соблюдать соглашение об арбитраже с Чехословакией. Фон Нейрат принимал участие в последней стадии переговоров, предшествовавших Мюнхенскому пакту, но заявляет, что он принял участие в этих переговорах лишь для того, чтобы убедить Гитлера приложить все усилия к тому, чтобы разрешить эти вопросы мирным путем.

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Фон Нейрат был назначен имперским протектором Богемии и Моравии. 18 марта 1939 г. Богемия и Моравия были оккупированы вооруженными силами. Согласие Гаха, полученное под принуждением, не может быть рассмотрено как момент, оправдывающий оккупацию. В декрете Гитлера от 16 марта 1939 г., в котором он объявлял об учреждении протектората, говорилось, что эта новая территория «впредь принадлежит к территории Германской империи», что предполагало, что Чехословацкая республика прекратила свое существование.

Но это предположение также основывалось на концепции, заключавшейся в том, что Богемия и Моравия сохранят свой суверенитет при том условии, что этим не будут затронуты интересы Германии, требующие дальнейшего сохранения протектората. Вследствие этого, даже если полагать, что доктрина покорения может быть применена в отношении территорий, оккупированных в результате агрессии, Трибунал не считает, что этот декрет в действительности означал присоединение этих областей, которое было достаточным для применения этой доктрины. Оккупацию Богемии и Моравии поэтому следует рассматривать как военную оккупацию, предусмотренную правилами ведения войны. Хотя Чехословакия не была участником Гаагской конвенции 1907 года, правила ведения сухопутной войны, установленные этой конвенцией, фиксировали существовавшие меры международного права и с того времени они вступили в силу.

В качестве имперского протектора фон Нейрат учредил администрацию в Богемии и Моравии, аналогичную той, которая существовала в Германии. Свободная пресса, политические партии и профсоюзы были ликвидированы. Все группы, которые могли выступить с оппозиционными взглядами, были объявлены вне закона. Чехословацкая промышленность была включена в систему германской военной промышленности и использовалась Германией в военных целях. Нацистская антисемитская политика и антисемитские законы были также введены в действие. Евреи были изгнаны с руководящих постов в правительстве и деловом мире.

В августе 1939 года фон Нейрат издал воззвание, содержавшее предупреждение относительно диверсионных актов, и заявил, что ответственность за все диверсионные акты будет возлагаться не только на отдельных исполнителей, но и на все чешское население. Когда началась война,

1 сентября 1939 г. 8 000 известных чешских деятелей были арестованы полицией безопасности в Богемии и Моравии и помещены в превентивное заключение. Многие из этой группы умерли в концентрационных лагерях в результате жестокого обращения. В октябре и ноябре 1939 года чехословацкие студенты провели ряд демонстраций. Следствием этого был приказ Гитлера о закрытии всех университетов, 1 200 студентов были брошены в тюрьмы и 9 руководителей демонстрации были расстреляны полицией безопасности и СД.

Фон Нейрат показал, что он не был заранее информирован об этом приказе, но последний был объявлен в обращение за подписью Нейрата и плакаты с этим обращением были расклеены по всему протекторату, хотя, как он утверждает, это было сделано без его ведома.

31 августа 1939 г. фон Нейрат направил Ламмерсу подготовленный им меморандум по вопросам, связанным с будущностью протектората, и одобренный им меморандум по тому же вопросу, подготовленный Карлом Германом Франком. Оба рассматривали вопрос о германизации и высказывали мнение, что большинство чехов может быть ассимилировано в расовом отношении германской нацией.

Оба защищали необходимость ликвидации чехословацкой интеллигенции и других групп, которые могли бы в будущем оказать сопротивление германизации, причем фон Нейрат предлагал выслать их, а Франк — выслать или подвергнуть «специальному обращению».

Фон Нейрат утверждал, что фактическое применение репрессивных мер осуществлялось и полицией безопасности и СД, которые находились под контролем его статс-секретаря Карла Германа Франка, назначенного на этот пост по предложению Гиммлера. Как высший руководитель СС и полиции, Франк докладывал обо всем непосредственно Гиммлеру.

Далее фон Нейрат заявил, что антисемитские мероприятия и мероприятия, имевшие своим следствием экономическую эксплуатацию, проводились в протекторате в результате политики, продиктованной империей. Как бы то ни было, он являлся высшим германским должностным лицом в протекторате в то время, когда управление этой территорией играло важнейшую роль в агрессивных войнах, которые Германия вела на Востоке, причем он знал, что военные преступления и преступления против человечности совершались его именем.

Смягчающим вину обстоятельством должно быть признано то, что он вмешался в действия полиции безопасности и СД, требуя освобождения большого количества чехословаков, арестованных 1 сентября 1939 г., и освобождения студентов, арестованных в конце осени того же года. 23 сентября 1941 г. его вызвал Гитлер и сообщил ему, что он слишком либерален и что Гейдрих направляется в протекторат для борьбы с чехословацкими группами сопротивления. Фон Нейрат пытался отговорить Гитлера от назначения Гейдриха, и когда ему это не удалось, он подал в отставку. Когда его отставка не была принята, он уехал в отпуск — 27 сентября 1941 г. и с этого дня отказался выполнять обязанности протектора.

Его отставка формально была принята в августе 1943 года.

Заключение

Трибунал признает фон Нейрата виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

ФРИЧЕ

Фриче обвиняется по разделам первому, третьему и четвертому Обвинительного заключения. Он был более всего известен как радиокомментатор, выступавший еженедельно с обзором текущих событий в своей собственной передаче «Ганс Фриче говорит». Он начал выступать по радио с сентября 1932 года; в том же году он был назначен руководителем отдела известий по радио, представлявшего собой государственное имперское агентство. Когда 1 мая 1933 г. это агентство было включено национал-социалистами в имперское министерство народного просвещения и пропаганды, Фриче стал членом нацистской партии и перешел в вышеупомянутое министерство. В декабре 1938 года он стал возглавлять отдел внутренней прессы этого министерства; в октябре 1942 года он получил чин министериаль-директора. Прослужив недолгое время на восточном фронте в роте пропаганды, он в ноябре 1942 года был назначен главой отдела радиовещания при министерстве пропаганды и уполномоченным по политической организации германского радиовещания.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве главы отдела внутренней прессы Фриче возглавил всю германскую прессу, насчитывавшую 2 300 ежедневных газет. В его обязанности на этом посту входило проведение ежедневных пресс-конференций для передачи этим газетам директив министерства пропаганды. Однако он подчинялся Дитриху, руководителю имперской прессы, который, в свою очередь, подчинялся Геббельсу. Именно Дитрих получал от Геббельса и других имперских министров директивы, предназначенные для прессы, излагал их в виде инструкций и затем передавал Фриче для информации прессы.

Время от времени «ежедневные информации главы имперской прессы», как кратко назывался этот инструктаж, давали указания прессе осветить в газетах вопросы, как, например, о принципе фюрерства, еврейскую проблему, проблему «жизненного пространства» и другие основные вопросы нацистской идеологии. Перед каждым большим актом агрессии проводилась энергичная пропагандистская кампания. В то время, когда Фриче возглавлял отдел внутренней прессы, он инструктировал представителей печати по поводу того, каким образом следует интерпретировать в печати операции и войны против Богемии и Моравии, Польши, Югославии и Советского Союза. Фриче не осуществлял никакого контроля над формулированием этой политики пропаганды, он являлся лишь передатчиком в прессу тех инструкций, которые ему давал Дитрих. Так, например, в феврале 1939 года и перед присоединением Богемии и Моравии он получил от Дитриха приказ обратить внимание печати на попытки Словакии добиться независимости, на антигерманскую ориентацию и политику существовавшего в то время пражского правительства. Этот приказ Дитриха исходил из министерства иностранных дел.

Отдел радиовещания, который Фриче возглавил в ноябре 1942 года, был одним из 12 отделов министерства пропаганды. В первое время Дитрих и другие начальники отделов оказывали влияние на политику, проводившуюся по радиовещанию. Однако к концу войны Фриче стал единственным лицом в министерстве, ведавшим радиовещанием. В качестве такового он составлял и издавал ежедневные «информации» по радио-

вещанию для всех имперских управлений пропаганды; эти «информации» составлялись в соответствии с общим политическим курсом нацистского режима, на основании указаний отдела политического контроля над радиовещанием министерства иностранных дел и подлежали лишь личному контролю Геббельса.

Фриче вместе с другими чиновниками министерства пропаганды присутствовал на ежедневных совещаниях у Геббельса. На этих совещаниях они получали указания по вопросам текущих событий и линии пропаганды. После 1943 года Фриче сам иногда проводил эти совещания, но делал это лишь в тех случаях, когда Геббельс и его заместители отсутствовали. Но даже в подобных случаях его единственная задача заключалась в передаче директив Геббельса, которые сообщались ему по телефону.

Таковы краткие данные относительно положения Фриче и того влияния, которым он пользовался в третьей империи. Ему не удалось достигнуть положения, достаточно значительного для того, чтобы присутствовать на совещаниях, на которых обсуждались планы, приведшие к агрессивной войне; в действительности, согласно его собственным показаниям, которые не были опровергнуты, он даже никогда не разговаривал с Гитлером. Не имеется также никаких доказательств, свидетельствующих о том, что его информировали о решениях, принимаемых на этих совещаниях. Его деятельность не может быть отнесена по своему характеру к деятельности, которая подходит под определение общего плана для ведения агрессивной войны, как уже было сказано в настоящем приговоре.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Обвинение утверждает, что Фриче подстрекал и побуждал к совершению военных преступлений путем преднамеренной фальсификации информации, в целях возбуждения у германского народа тех инстинктов, которые привели его к совершению зверств, указанных в разделах третьем и четвертом. Однако его положение и официальная должность не были достаточно значительными для того, чтобы можно было притти к заключению, что он принимал участие в организации или разработке планов пропагандистских кампаний.

Выдержки из его речей, представленные в качестве доказательства, с определенностью указывают на антисемитизм в его речах. Он заявлял по радио, например, что война была вызвана евреями и что их судьба оказалась «такой непривлядной, как это предсказывал фюрер». Однако эти речи не призывали к преследованию или истреблению евреев. Нет доказательств того, что ему было известно об истреблении евреев на Востоке. Более того, имеющиеся доказательства показывают, что он дважды пытался добиться запрещения издания антисемитской газеты «Дер Штюрмер», что ему, однако, не удалось.

В своих передачах по радио Фриче иногда распространял ложную информацию, однако не было доказано, что он знал о ее недостоверности. Например, он сообщил, что в районе местонахождения «Атении» в то время, когда судно было потоплено, не находилось ни одной немецкой подводной лодки. Эта информация не соответствовала действительности, однако у Фриче, получившего ее от германского военно-морского флота, не было оснований считать ее ложной.

Есть данные, что Фриче иногда во время своих выступлений по радио делал решительные заявления, носившие пропагандистский характер.

Однако Трибунал не намерен считать, что они были направлены к тому, чтобы побудить немецкий народ к совершению зверств над побежденными народами, и поэтому Фриче не может быть признан участником тех преступлений, в которых он обвиняется. Он скорее ставил своей целью возбудить у народа стремление оказывать поддержку Гитлеру и германским военным усилиям.

Заключение

Трибунал признает Фриче невиновным в преступлениях, предъявленных ему Обвинительным заключением, и предлагает коменданту суда освободить его из-под стражи после окончания настоящего заседания Трибунала.

БОРМАН

Борман обвиняется по разделам первому, третьему и четвертому Обвинительного заключения. Он вступил в национал-социалистскую партию в 1925 году. С 1928 по 1930 г. он являлся членом штаба высшего руководства СА и с 1933 по 1945 г. возглавлял фонд помощи партии и был рейхслейтером. С 1933 по 1941 г. он являлся начальником штаба в управлении заместителя фюрера, а после отлета Гесса в Англию 12 мая 1941 г. он стал главой партийной канцелярии, 12 апреля 1943 г. стал секретарем фюрера. Он политически и организационно руководил фольксштурмом и был генералом СС.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Борман вначале не был видным нацистом, постепенно достиг власти и, особенно в последние дни, достиг большого влияния на Гитлера. Он принимал активное участие в приходе партии к власти и, особенно, в укреплении гитлеровской власти. Он уделял много времени преследованию церкви и евреев в Германии.

Нет доказательств того, что Борман знал о планах Гитлера по подготовке, развязыванию или ведению агрессивных войн. Он не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, где Гитлер последовательно развивал свои планы агрессии. И нельзя предполагать, что то положение, которое он занимал, давало ему возможность быть осведомленным об этих планах. И только тогда, когда он стал главой партийной канцелярии в 1941 году и позднее, в 1943 году, секретарем фюрера, он стал присутствовать на многих совещаниях, проводившихся Гитлером, куда он получил нужный для этого доступ благодаря занимаемому им положению. Согласно уже изложенной точке зрения, которой решил придерживаться Трибунал в отношении заговора для ведения агрессивной войны, представленных доказательств недостаточно для того, чтобы признать Бормана виновным по первому разделу Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Борман, согласно декрету от 29 мая 1941 г., принял должность и полномочия Гесса; декретом от 24 января 1942 г. эти полномочия были расширены и он получил право контроля над всеми законами и директивами, издававшимися Гитлером. Таким образом, он нес ответственность за законы и приказы, издававшиеся с этого момента. 1 декабря 1942 г. все

гау были преобразованы в районы имперской обороны и гаулейтеры партии, подчинявшиеся Борману, были назначены комиссарами имперской обороны. В результате они фактически возглавили военные усилия всего гражданского населения. Так было не только в Германии, но и на тех территориях, которые были включены в состав империи из захваченных и побежденных территорий.

Посредством этого механизма Борман осуществлял безжалостную эксплуатацию покоренного населения. Своим приказом от 12 августа 1942 г. он подчинил все партийные агентства делу выполнения проводившейся Гиммлером программы принудительного переселения и германизации населения оккупированных стран. Через три недели после вторжения в Советский Союз он присутствовал на совещании 16 июля 1941 г. в полевом штабе Гитлера, где также присутствовали Геринг, Розенберг и Кейтель; согласно отчету Бормана, там обсуждались и развивались подробные планы порабощения и уничтожения населения этих территорий. 8 мая 1942 г. он совещался с Гитлером и Розенбергом по вопросу о принудительном переселении голландцев в Латвию, а также о проведении в Советском Союзе программы уничтожения и об экономической эксплуатации восточных территорий. Он был заинтересован в конфискации предметов искусства и другой собственности на Востоке. В письме от 11 января 1944 г. он призывал к созданию огромной организации по вывозу товаров с оккупированных территорий для германского населения, пострадавшего от бомбардировок.

Борман развил чрезвычайно активную деятельность по преследованию евреев не только в Германии, но также и в завоеванных и побежденных странах. Он принимал участие в совещаниях, которые привели к вывозу 60 000 евреев из Вены в Польшу в сотрудничестве с СС и гестапо. Он подписал декрет от 31 мая 1941 г., который распространял Нюрнбергские законы на аннексированные восточные территории. В приказе от 9 октября 1942 г. он заявил, что проблема окончательного устранения евреев с территории Великой Германии не может больше разрешаться путем эмиграции, а лишь путем применения «грубой силы» в специальных лагерях на Востоке. 1 июля 1943 г. он подписал указ, лишавший евреев защиты судов и передававший их исключительно в ведение гиммлеровского гестапо.

Борман сыграл видную роль в программе рабского труда. Партийные руководители осуществляли надзор над рабским трудом в своих гау, включая наем рабочих, условия их труда, питание их и расквартирование. В своем циркуляре от 5 мая 1943 г. по корпусу руководителей, разосланном до ортсгруппенлейтеров включительно, он дал инструкции об обращении с иностранными рабочими, указывая на то, что по вопросам безопасности они находились в ведении СС, и приказывал прекратить существовавшее до этого жестокое обращение с ними. Отчет от 4 сентября 1942 г. в отношении вывоза 500 000 женщин для работы в частных хозяйствах с Востока в Германию показывает, что контроль должен был осуществляться Заукелем, Гиммлером и Борманом. Декретом от 8 сентября Заукель дал указание крейслейтерам осуществлять надзор над распределением и назначением этих женщин на работу.

Борман также издал целый ряд приказов партийным руководителям относительно обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 г. он запретил хоронить русских военнопленных достойным образом. 25 ноября 1943 г.

он дал указание гаулейтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 г. он приказал крейслейтерам установить связь с комендантами лагерей по вопросу использования военнопленных для принудительного труда. 29 января 1943 г. он передал подчиненным ему руководителям инструкции ОКХ, в которых разрешались применение огнестрельного оружия и телесное наказание провинившихся военнопленных и нарушение правил ведения войны на суше. 30 февраля 1944 г. он подписал декрет, по которому военнопленные изымались из-под юрисдикции ОКВ и передавались в ведение Гиммлера и СС.

Борман несет ответственность за линчевание союзных летчиков. 30 мая 1944 г. он запретил полиции предпринимать какие-либо меры или возбуждать уголовное преследование против лиц, которые принимали участие в линчевании союзных летчиков. Это сопровождалось пропагандистской кампанией Геббельса, подстрекавшей немецкий народ к действиям подобного рода. Борман также присутствовал на совещании 6 июня 1944 г., где обсуждались положения о применении линчевания.

Его защитник, которому пришлось столкнуться с рядом трудностей, не смог опровергнуть эти доказательства. Перед лицом документов, на которых имеется подпись Бормана, трудно представить себе, как бы он мог сделать это, если бы даже подсудимый присутствовал на суде. Защитник выдвигал довод о том, что Бормана нет в живых и что Трибунал не должен прибегать к статье 12 Устава, которая дает право судебного преследования в отсутствие подсудимого. Но доказательства о смерти не являются убедительными, и Трибунал, как это уже отмечалось ранее. решил судить его заочно. Если Борман жив и будет арестован впоследствии, Контрольный Совет Германии, согласно статье 29 Устава, может рассмотреть любые смягчающие обстоятельства и изменить или ослабить вынесенный ему приговор, если он это найдет нужным.

Заключение

Трибунал не признает Бормана виновным по первому разделу, но признает его виновным по третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения.

В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании статьи 27 Устава Международный Военный Трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

1) Германа Вильгельма Геринга — к смертной казни через повешение,
2) Рудольфа Гесса — к пожизненному тюремному заключению,
3) Иоахима фон Риббентропа — к смертной казни через повешение,
4) Вильгельма Кейтеля — к смертной казни через повешение,
5) Эрнста Кальтенбруннера — к смертной казни через повешение,

6) Альфреда Розенберга — к смертной казни через повешение,
7) Ганса Франка — к смертной казни через повешение,
8) Вильгельма Фрика — к смертной казни через повешение,
9) Юлиуса Штрейхера — к смертной казни через повешение,
10) Вальтера Функа — к пожизненному тюремному заключению,
11) Карла Деница — к тюремному заключению сроком на десять лет,
12) Эриха Редера — к пожизненному тюремному заключению,
13) Бальдура фон Шираха — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
14) Фрица Заукеля — к смертной казни через повешение,
15) Альфреда Иодля — к смертной казни через повешение,
16) Артура Зейсс-Инкварта — к смертной казни через повешение,
17) Альберта Шпеера — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
18) Константина фон Нейрата — к тюремному заключению на пятнадцать лет,
19) Мартина Бормана — к смертной казни через повешение

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет в Германии в течение четырех дней после оглашения приговора через Генерального Секретаря Трибунала.

Приговор составлен в четырех экземплярах — на русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Члены Международного Трибунала:	Их заместители:
От Великобритании — ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *ДЖЕФРИ ЛОРЕНС*	*НОРМАН БИРКЕТТ*
От Союза Советских Социалистических Республик *ИОНА НИКИТЧЕНКО*	*АЛЕКСАНДР ВОЛЧКОВ*
От Соединенных Штатов Америки *ФРЭНСИС БИДД*	*ДЖОН ПАРКЕР*
От Французской Республики *ДОННЕДЬЕ ДЕ ВАБР*	*РОБЕРТ ФАЛЬКО*

Нюрнберг, 1 октября 1946 года.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

ЧЛЕНА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ОТ СССР ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЮСТИЦИИ И. Т. НИКИТЧЕНКО НА ПРИГОВОР В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМЫХ ШАХТА, ФОН ПАПЕНА, ФРИЧЕ И ГЕССА И ОБВИНЯЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ И ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Трибунал принял решение:

а) об оправдании подсудимых Гельмара Шахта, Франца фон Папена и Ганса Фриче;

б) о применении пожизненного заключения в отношении подсудимого Рудольфа Гесса и

в) об отказе в признании преступными организациями правительственного кабинета и генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.

В этой части с решением Трибунала я не могу согласиться, так как оно не соответствует фактической стороне дела и покоится на неправильных выводах.

I. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО ШАХТА

Доказательства, представленные Трибуналу в отношении подсудимого Шахта, подтверждают следующие факты:

а) Шахт установил контакт с Герингом с декабря 1930 года и с Гитлером с начала 1931 года. Затем он установил контакт между руководством нацистской партии и крупнейшими представителями германского промышленного и финансового мира. Это, в частности, подтверждается показаниями свидетеля Зеверинга. (Стенограмма вечернего заседания 23 мая 1946 г. и документ США-615).

б) В июле 1932 года Шахт потребовал от Папена, чтобы тот уступил пост рейхсканцлера Гитлеру. Этот факт подтверждается показаниями Папена во время предварительного допроса и показаниями Шахта на суде (стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г.).

в) В ноябре 1932 года Шахт собирал подписи германских промышленников, побуждая их выступить за назначение Гитлера рейхсканцлером. 12 ноября 1932 г. Шахт писал Гитлеру: «Я не сомневаюсь в том, что развитие нами событий может привести только к вашему назначению рейхсканцлером. Мы стремимся собрать большое число подписей в промышленных кругах, чтобы обеспечить ваше назначение на этот пост». (Документы ЕС-456, США-773, 3901-ПС, США-837).

г) В феврале 1933 года Шахт организовал финансирование предвыборной кампании, проводившейся нацистской партией, потребовал на совещании Гитлера и Геринга с промышленниками, чтобы последние предоставили для этого 3 млн. марок (документ Д-203). Шахт признал на суде, что он указал на необходимость предоставления этой суммы нацистским руководителям (стенограмма вечернего заседания 3 мая 1946 г.), а подсудимый Функ и бывший член правления «И. Г. Фарбениндустри» Шницлер, участвовавшие в этом совещании, подтвердили, что именно Шахт являлся инициатором финансирования предвыборной кампании. (Стенограмма заседания 4 июля 1946 г. и документ ЕС-439, США-618).

д) Используя свой престиж, Шахт, как он сам признал, в своих неоднократных публичных выступлениях призывал оказывать поддержку нацистской партии и Гитлеру на выборах. (Документы США-615, США-616, стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г.).

29 августа 1932 года Шахт писал Гитлеру: «Куда бы моя деятельность ни привела бы меня в близком будущем, даже если вы меня когда-нибудь увидите в крепости, вы всегда можете надеяться на меня, как на надежного помощника». (Документ ЕС-457, США-619).

Таким образом, Шахт сознательно и преднамеренно поддерживал нацистскую партию и активно содействовал захвату фашистами власти в Германии.

Еще до назначения на пост генерального уполномоченного по вопросам военной экономики Шахт, сразу же после захвата нацистами власти, возглавил руководство по планированию и созданию германских вооружений:

а) 17 марта 1933 г. Шахт был назначен президентом рейхсбанка (документ 3021-ПС, США-11), который, как он сам заявил в речи перед сотрудниками рейхсбанка 21 марта 1938 г., не был под его руководством «иным учреждением, нежели национал-социалистским». (Стенограмма вечернего заседания 3 мая 1946 г.);

б) в августе 1934 года Шахт был назначен имперским министром экономики (документ 3021-ПС, США-11). Его министерство «получило задание проводить экономическую подготовку к войне» (документ ПС-128, США-623). Специальным декретом Шахту, как министру экономики, были предоставлены неограниченные полномочия в области экономики. («Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1, стр. 565);

в) используя полученные полномочия, Шахт приступил в 1934 году к осуществлению разработанного им «нового плана» («Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1, стр. 826), который, как отметил сам Шахт в своей речи 29 ноября 1938 г., сыграл колоссальную роль в деле вооружения Германии. (Документ ЕС-611, США-622);

г) в целях наиболее эффективного проведения «нового плана» Шахт использовал средства политических противников нацистского режима, которые явились жертвой террора или же были вынуждены эмигрировать. (Меморандум Шахта Гитлеру от 3 мая 1939 г.— документ 1168-ПС, США-137).

Шахт прибегал к мошенническим операциям и принуждению «в целях приобретения сырья и иностранной валюты для вооружения». (Письменные показания вице-президента рейхсбанка Пуля — документ ЕС-437, США-624),

д) с первых же дней после своего прихода в рейхсбанк Шахт издал серию декретов (от 27 октября 1933 г., 23 марта 1934 г., 19 февраля 1935 г.), позволивших в дальнейшем осуществить широкую программу финансирования вооружения, которая им была разработана и с помощью которой, как он показал, он «нашел путь для финансирования вооружения».

В своей речи в Лейпциге 1 марта 1935 года Шахт, подводя итоги своей предшествующей экономической и финансовой деятельности, заявил: «... все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера и я ничего не буду делать и говорить, что не получит одобрения фюрера». (Стенограмма вечернего заседания 3 мая 1946 года, стр. 1—2).

Став генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, Шахт объединил в своих руках руководство всей германской экономикой и его усилиями было обеспечено создание гитлеровской военной машины:

а) В секретном законе от 21 мая 1935 года, которым Шахт был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, указывалось: «Задача генерального уполномоченного по вопросам военной экономики заключается в том, чтобы поставить все экономические силы на службу войн». «Генеральному уполномоченному по вопросам военной экономики в пределах его компетенции предоставляется право издавать правовые распоряжения, которые могут отступать от действующих законов». «Он ответственно возглавляет финансирование войны и по линии имперского министерства и рейхсбанка». (Документ 2261-ПС, США-24).

б) Шахт финансировал вооружения с помощью системы векселей «МЕФО», являвшейся не имеющей прецедента мошеннической авантюрой в государственном масштабе, благоприятный исход которой зависел от реализации агрессивных планов гитлеровской Германии. Именно поэтому Шахт указал на 1942 год, как на срок покрытия векселей «МЕФО», и отметил в речи 29 ноября 1938 года связь между «смелой кредитной политикой» рейхсбанка и целями гитлеровской внешней политики. (Документ ЕС-611).

в) Полностью использовав свои полномочия, Шахт тщательно разработал и проводил в жизнь широкий план экономической мобилизации, позволявшей гитлеровским руководителям в любой момент, который они сочтут благоприятным, развязать агрессивную войну. В частности, из доклада заместителя Шахта Вольтата «Подготовка к мобилизации, проводимая уполномоченным по вопросам военной экономики» явствует, что Шахт предусмотрел до мельчайших подробностей систему эксплуатации германской экономики в военное время, начиная с использования промышленных предприятий, сырьевых ресурсов и рабочей силы и кончая распределением 80 млн. продуктовых карточек. (Документ ЕС-258, США-625). Показательно, что этот доклад был составлен месяц спустя после выступления Гитлера на совещании 5 ноября 1937 года, на котором Гитлер изложил конкретные планы агрессии. (Документ 386-ПС, США-25).

Резюмируя проделанную работу, Шахт писал в январе 1937 года: «Я занимался подготовкой в военном отношении в соответствии с тем принципом, что наша военная экономическая организация должна быть построена таким образом в мирное время,... чтобы не было необходимости в каких-либо преобразованиях в случае развязывания войны». Шахт подтвердил это заявление на суде. (Стенограмма заседания 2 мая 1946 г.).

Шахт сознательно и преднамеренно готовил Германию к войне.

г) Бывший военный министр фон Бломберг показал: «Шахт знал очень хорошо о планах развития и увеличения германских вооруженных

сил, так как ему постоянно сообщали... обо всем финансировании для развития германских вооруженных сил». (Документ США-838).

31 августа 1936 г. фон Бломберг сообщил Шахту, что: «создание всех авиационных частей должно быть закончено к 1 апреля 1937 г., поэтому в 1936 году должны быть сделаны значительные затраты...». (Документ 1301-ПС, США-123).

Весной 1937 года Шахт принимал участие в военной игре в Годесберге. (Документ ЕС-174).

д) В меморандуме Гитлеру от 3 мая 1935 г. под названием «финансирование вооружений» Шахт писал: «Быстрое выполнение программы вооружения в массовых масштабах представляет собой основу германской политики, и поэтому все остальное должно быть подчинено именно этой задаче; завершение этой задачи, достижение этой цели не должно иметь никаких препятствий...». (Документ 1168-ПС, США-37).

В своей речи 29 ноября 1938 г. Шахт заявил, что политика рейхсбанка позволила Германии создать «непревзойденную машину, а эта военная машина, в свою очередь, сделала возможным достижение цели нашей политики». (Документ ЕС-611, США-622).

Следует совершенно исключить предположение, что Шахт не был осведомлен — какой политике должны служить эти вооружения, учитывая их беспрецедентные масштабы и явное предпочтение наступательным видам вооружения (тяжелые танки, бомбардировщики и т. п.). Помимо этого, Шахт прекрасно видел, что ни одна страна не собирается воевать с Германией и не имеет к этому причин;

а) Шахт использовал растущую под его руководством германскую военную мощь, как предпосылку для того, чтобы выдвигать территориальные требования, которые возрастали пропорционально увеличению вооружений.

Шахт показал на суде, что «сначала ограничивался (в своих требованиях) колониями, ранее принадлежавшими Германии» (стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 г.).

В сентябре 1934 года Шахт в беседе с американским послом Доддом указал, что «желает аннексий, если возможно без войны, и с войной, если США будут держаться в стороне». (Документ ЕС-461, США-58).

В 1935 году Шахт заявил американскому консулу Фуллеру: «Колонии необходимы Германии. Если возможно, мы их приобретем путем переговоров, если нет, мы их захватим». (Документ ЕС-450, США-629).

Шахт показал на суде, что оказание военного давления на Чехословакию было «в некотором отношении результатом, плодом его работы». (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 г.).

б) Шахт лично участвовал в разграблении частной и государственной собственности стран, явившихся жертвой гитлеровских агрессий.

В протоколе совещания военно-экономического штаба 11 марта 1938 г., в котором участвовал Шахт, сказано, что собравшимся были сообщены последние директивы Гитлера о вторжении в Австрию. Далее в протоколе говорится: «После этого по предложению Шахта было решено, что... все финансовые расчеты будут производиться в рейхсмарках по курсу: 2 шиллинга за одну рейхсмарку». (Документ ЕС-421, США-645).

Шахт признал на суде, что лично руководил захватом чехословацкого национального банка после того, как Чехословакия была оккупирована. (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 г.).

в) В начале 1940 года Шахт предложил Гитлеру свои услуги для ведения переговоров в Соединенных Штатах Америки о прекращении помощи Англии, о чем он сообщил Герингу. (Документ 3700-ПС, США-780).

г) Шахт счел своим долгом публично приветствовать и поздравлять Гитлера после подписания им перемирия с Францией, хотя захватническая сущность этого перемирия была ясна Шахту в большей степени, чем кому-либо другому. (Немецкий документальный фильм — документ США-635).

д) В письме к Функу от 17 октября 1941 г. Шахт высказал предложение о более эффективной эксплуатации оккупированной территории. И в данном случае Шахт действовал по собственной инициативе. (Документ ЕС-504, США-830).

Шахт принимал участие в преследовании евреев:

а) Шахт показал на суде, что он «в принципе продолжал» политику преследования евреев» (стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 года), хотя, как заявил Шахт, в этом «в некоторой степени» был замешан вопрос совести, что, однако, «не было настолько серьезным, чтобы вызвать разрыв» между ним и фашистами. (Та же стенограмма и документ США-616).

б) Шахтом, в качестве министра экономики, был подписан ряд декретов, в соответствии с которыми имущество евреев в Германии было подвергнуто безнаказанному разграблению. (Документ США-832 и США-616). Шахт подтвердил на суде, что им был подписан ряд антисемитских декретов (стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г.).

О причинах ухода Шахта с поста министра экономики и генерального уполномоченного военной экономики в ноябре 1937 года, а также с поста президента рейхсбанка 20 января 1939 г. и с поста министра без портфеля в январе 1943 г. предъявленные суду доказательства устанавливают следующее:

а) Этой причиной не является несогласие Шахта с экономической подготовкой к агрессивным войнам.

За три недели до своего ухода из министерства экономики и с поста генерального уполномоченного военной экономики Шахт писал Герингу: «... я также не считаю, что мое мнение может расходиться с вашей экономической политикой...». (Документ 497-ЕС, США-775).

В ответном письме Геринга говорится: «... Вы обещали мне вашу поддержку и сотрудничество... Вы много раз повторяли это обещание, даже после того, как между нами возникли первые разногласия во мнениях». (Документ ЕС-493, США-642).

Шахт показал на суде, что между ним и Герингом существовало «расхождение в ведении дел». (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 г.).

Во время предварительного допроса Геринг показал, что уход Шахта из рейхсбанка «не имел никакого отношения к программе перевооружения». (Документ США-648).

Вице-президент рейхсбанка Пуль подтвердил, что уход Шахта из рейхсбанка объясняется «желанием выпутаться из опасного положения», которое создалось у Шахта в результате проведения им мошеннических финансовых операций». (Документ ЕС-438, США-646);

б) Этой причиной не является несогласие Шахта с массовым террором, осуществлявшимся гитлеровцами.

Свидетель защиты Гизевиус показал, что он постоянно информировал Шахта о преступной деятельности гестапо, которая была создана Герингом, и, тем не менее, вплоть до конца 1936 года Шахт «искал поддержку Геринга». (Стенограмма утреннего заседания 26 апреля 1946 г.).

В письме к фон Бломбергу от 24 декабря 1935 г. Шахт предлагал, чтобы гестапо применяло «более осторожные методы», так как открытый террор гестапо «мешает цели, которая заключается в вооружении». (Стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г.).

30 января 1937 г. Шахт был награжден Гитлером золотым партийным значком. (Документ ЕС-500 и стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г., стр. 44). Как говорилось об этом в германском официальном издании, «он смог помогать ей (партии) гораздо лучше, чем если бы он был официальным членом партии». (Документ ЕС-460, США-617).

Только в 1943 году Шахт, поняв ранее, чем многие другие немцы, неизбежность краха гитлеровского режима, установил связь с оппозиционными кругами, ничего, однако, не сделав для свержения этого режима. Неслучайно поэтому Гитлер, узнав об этих связях, сохранил Шахту жизнь.

Таким образом, бесспорно установлено:

1. Шахт активно содействовал захвату власти нацистами;

2. Шахт на протяжении 12 лет тесно сотрудничал с Гитлером;

3. Шахт обеспечил экономическую и финансовую базу для создания гитлеровской военной машины;

4. Шахт подготовил экономику Германии для ведения агрессивных войн;

5. Шахт принимал участие в преследовании евреев и в разграблении оккупированных немцами территорий.

Следовательно, доказана руководящая роль Шахта в подготовке и осуществлении общего преступного плана.

Решение об оправдании Шахта находится в явном противоречии с имеющимися доказательствами.

II. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО ФОН ПАПЕНА

В приговоре не оспаривается то обстоятельство, что фон Папен проложил Гитлеру путь на пост рейхсканцлера и активно способствовал захвату власти нацистами.

Сам Папен в речи, произнесенной 2 ноября 1933 г., по этому поводу заявил:

«Так же, как став канцлером (это было в 1932 году), я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же, как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко мне доверие: милостивый бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий он дал ей такого руководителя». (Документ 3375-ПС).

Папен отменил декрет Брюнинга о роспуске СС и СА и тем самым предоставил нацистам возможность осуществлять массовый террор. (Документ Д-631).

Подсудимый, путем применения грубой силы устранил социал-демократическое правительство Брауна-Зеверинга. (Показания Зеверинга, стенограмма вечернего заседания 14 июня 1946 г., стр. 11).

4 января 1933 года Папен совещался с Гитлером, Гессом и Гиммлером. (Документ Д-632).

Папен принял участие в чистке государственного аппарата от всех «неблагонадежных», с точки зрения нацистов, чиновников, подписал 21 марта 1933 г. декрет о создании судов по политическим делам, подписал декрет об амнистии всех лиц, совершивших уголовные преступления в ходе «национальной революции», участвовал в разработке декрета «об обеспечении единства партии и государства» и т. д.

В последующем Папен преданно служил гитлеровскому режиму.

После путча 1934 года Папен приказал своему сотруднику Чирскому явиться в гестапо, заведомо зная, какая участь его ожидает. (Документ Д-684). Папен способствовал тому, что кровавая расправа была сохранена в тайне от общественного мнения. (Документы Д-717 и Д-718).

Подсудимый сыграл огромную роль в реализации гитлеровских планов по захвату Австрии.

Спустя три недели после убийства Дольфуса 26 июля 1934 г. Гитлер сообщил Папену о назначении его посланником в Вену, специально отметив в письме: «Вы обладали и продолжаете обладать моим полным и неограниченным доверием». (Документ 2789-ПС).

В этой связи нельзя игнорировать показания американского посла Мессершмита о высказываниях Папена по поводу того, что «захват контроля над Австрией является первым шагом» и что он, Папен, находится в Австрии для того, чтобы «ослабить австрийское правительство». (Документ США-57).

Подсудимый был основным советником Гитлера в реализации планов захвата Австрии. Именно он предлагал различные тактические приемы, которые должны были, с одной стороны, усыпить бдительность мирового общественного мнения, а с другой — дать возможность Германии завершить военные приготовления.

Это с бесспорностью вытекает из заявления Папена австрийскому министру Бергер-Вальденеку (документ 1760-ПС), доклада гаулейтера Рейнера от 6 июля 1939 г. (документ США-61), доклада Папена Гитлеру от 21 августа 1936 г. (документ Д-706), доклада Папена Гитлеру от 1 сентября 1936 г. (документ 2296-ПС, США-67) и ряда других документов, представленных в качестве доказательств.

Папен вел эту игру до тех пор, пока не был отдан приказ о подготовке германских вооруженных сил к вторжению в Австрию. (Документ США-69). Он принял участие в созыве совещания Гитлера с Шушнигом 12 февраля 1938 г. (Документ США-69).

Папен в письме Гитлеру настоятельно рекомендовал оказать финансовую поддержку австрийской нацистской организации «Союз свободы»,

особенно «в связи с продолжением ее борьбы против еврейства». (Документ 2830-ПС).

Неоспоримым является факт захвата нацистами Австрии, и бесспорным является участие Папена в осуществлении этого акта агрессии. После захвата Австрии Гитлер наградил Папена золотым значком нацистской партии. (Документ Д-632).

При оценке деятельности Папена на посту германского посла в Турции нельзя не принять во внимание провокационную деятельность Папена, как дипломата.

В то время пост посла в Турции имел большое значение для осуществления гитлеровских планов агрессии.

Официальный нацистский биограф писал о Папене:

«Вскоре (после захвата Австрии) фюреру снова понадобились его (Папена) услуги, и 18 апреля 1939 г. он назначил фон Папена германским послом в Анкаре». (Документ Д-632).

Следует отметить, что за свою деятельность в Турции Папен был награжден Гитлером «рыцарским крестом» за «боевые заслуги». (Документ Д-632).

Таким образом, имеющиеся доказательства бесспорно устанавливают:

1. Папен весьма активно способствовал захвату власти нацистами.

2. Папен использовал все свои силы и связи для установления и укрепления гитлеровского террористического режима в Германии.

3. Папен принимал активное участие в осуществлении агрессивных планов гитлеровцев по захвату Австрии.

4. Папен верно служил Гитлеру до самого конца, используя свои силы и дипломатическую изворотливость для осуществления нацистских агрессивных планов.

Следовательно, на подсудимого фон Папена ложится весьма большая доля ответственности за преступления гитлеровского режима.

По этим мотивам я не могу согласиться с оправдательным приговором в отношении подсудимого фон Папена.

III. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО ФРИЧЕ

Оправдательный приговор в отношении подсудимого Ганса Фриче исходит из того, что Фриче якобы не достиг в фашистской Германии служебного положения, делающего его ответственным за преступления гитлеровского режима, а его непосредственная деятельность не является преступной. Он характеризуется в приговоре, как второстепенная фигура, осуществлявшая директивы Геббельса, Риббентропа и имперского руководителя прессы Дитриха.

При этом упускается из виду, что именно Фриче был тем человеком, который до 1942 года практически осуществлял руководство имперской прессой, а с 1942 года стал, по его собственному выражению, «главнокомандующим германским радио». (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 г.).

Для правильного уяснения роли подсудимого Ганса Фриче необходимо исходить из того, что служба пропаганды вообще и, в особенности, служба радиопропаганды, всегда расценивалась Гитлером и его ближайшими сподвижниками (например, Герингом), как один из важнейших и основных факторов ведения агрессивной войны.

В гитлеровской Германии пропаганда неизменно являлась весьма важным орудием подготовки и проведения актов агрессии и воспитания послушных исполнителей преступных планов германского фашизма.

Этим целям служил очень большой, строго централизованный пропагандистский аппарат. С помощью полицейской системы и цензуры были полностью упразднены свобода печати и слова.

Основным средством пропагандистской деятельности гитлеровцев являлось ложное освещение фактов. Это весьма откровенно высказано Гитлером в «Майн Кампф»: «При помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить, как рай». (Документ США-276, стр. 302).

Распространение провокационных измышлений и систематический обман общественного мнения были необходимы гитлеровскому режиму для осуществления его замыслов в такой же степени, как производство вооружения и разработка военных планов. Без пропаганды, основанной на полном упразднении свободы печати и слова, германский фашизм не смог бы претворить в жизнь планы агрессии, подготовить и осуществить массовые военные преступления и преступления против человечности.

В пропагандистской системе гитлеровского государства наиболее важными элементами являлись ежедневная печать и радио.

В показаниях на суде, определяя три фактора, обусловливающие возможность успешного ведения войны, подсудимый Геринг выделял: 1) собственно военные усилия вооруженных сил, 2) экономическую войну и 3) *пропаганду*, причем говорил: «Пропаганда имеет очень большое значение, *в особенности пропаганда, которая ведется по радио*... и Германия по опыту это знает лучше, чем кто-либо другой». (Стенограмма вечернего заседания 15 марта 1946 г., стр. 56).

При таком положении нельзя предположить, что высшее имперское руководство считало возможным поставить второстепенного человека на пост руководителя радиослужбы, осуществлявшего надзор за работой всех радиовещательных компаний и оперативное руководство пропагандистской деятельностью этих компаний.

Подобная точка зрения противоречит представленным доказательствам и фактическому положению вещей.

Начиная с 1942 года по 1945 год Фриче был не только главой отдела радио в имперском министерстве пропаганды, но и «уполномоченным по политической организации радио великой Германии». Это обстоятельство вполне доказано письменными показаниями самого Фриче, данными под присягой (документ 3469-ПС, США-721). Таким образом, Фриче являлся отнюдь не просто «одним из начальников двенадцати отделов министерства пропаганды», который только к концу войны приобрел роль лица,

ответственного за имперское радиовещание, как это утверждает приговор.

Политическое руководство немецким радио оставалось за Фриче до 1945 года, т. е. до момента разгрома и капитуляции фашистской Германии. Поэтому Фриче несет ответственность за лживую и провокационную деятельность германского радио в годы войны.

В качестве главы отдела прессы страны Фриче возглавил всю германскую прессу, включавшую 2 300 газет, выходивших ежедневно. Он создал и значительно усовершенствовал отдел информации, добившись с этой целью от имперского руководства десятикратного увеличения денежных субсидий, предоставляемых газетам нацистским правительством — с четырехсот тысяч до четырех миллионов марок. В последующем Фриче принял энергичное участие в развертывании пропагандистских кампаний, подготовлявших акты агрессии против Чехословакии и Польши. (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 г.). Столь же активная пропагандистская деятельность, подготовлявшая акты агрессии, была развернута Фриче перед нападением на Югославию, что также признано самим подсудимым в показаниях, данных под присягой. (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 г.).

Перед нападением на Советский Союз Фриче на совещании у Розенберга был предварительно осведомлен о планах военного вторжения. (Документ 1039-ПС, США-146 — письменный отчет Розенберга Гитлеру по поводу подготовительной разработки восточно-европейских вопросов).

Фриче возглавил кампанию германской прессы по лживому освещению агрессивной войны Германии против Франции, Англии, Норвегии, Советского Союза, США и других государств.

Не соответствует действительности утверждение о том, что Фриче не был осведомлен о военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершавшихся гитлеровцами в оккупированных районах. Из показаний Фриче на суде видно, что уже в мае 1942 года, в бытность его в отделе пропаганды 6-й армии, он был ознакомлен с приказом Гитлера об убийствах советских политических работников и интеллигенции, так называемым «приказом о комиссарах» (стенограмма вечернего заседания 28 июня 1946 г.). Также установлено, что еще в начале войны Фриче был осведомлен об осуществлявшемся немецким фашизмом уничтожении евреев в Европе. Так, комментируя слова Гитлера: «результатом войны явится уничтожение еврейской расы в Европе» (стенограмма вечернего заседания 22 ноября 1945 г., стр. 38), Фриче заявил: «Судьба еврейства в Европе оказалась весьма печальной, как это и предсказывал фюрер на случай войны в Европе». (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 г., стр. 25). Установлено, что подсудимый систематически пропагандировал человеконенавистническую расовую теорию, характеризуя народы, населявшие страны, сделавшиеся жертвами агрессии, как «недочеловеков». (Стенограмма утреннего заседания 28 июня 1946 г., стр. 83, вечернего — стр. 1—2).

В тот период, когда судьба фашистской Германии была уже предрешена, Фриче выступил с энергичной поддержкой подсудимого Мартина Бормана и других, наиболее фанатичных гитлеровцев, организовавших

подпольную террористическую организацию фашистской партии, так называемый «Вервольф».

Так, 7 апреля 1945 г. Фриче в своем последнем выступлении по радио проводил агитацию за активное участие гражданского населения Германии в этой подпольной террористической организации гитлеровцев.

Он заявил: «Пусть никто не удивляется, если кое-где в только что оккупированных районах в борьбе принимает участие гражданское население и даже после окончательного проведения оккупации продолжает вестись борьба людьми в гражданском платье. Если без подготовки и без организации из самого инстинкта жизни возникло это исключительное явление,— мы сегодня назовем его «Вервольф». (Документ СССР-496).

В своих выступлениях по радио Фриче приветствовал применение Германией новых террористических методов ведения войны, в частности, применение ракетных снарядов «фау». Получив предложение о введении в действие средств биологической войны, он немедленно направил его для реализации в ОКВ. (Документ СССР-484, доказательства, предъявленные на вечернем заседании 28 июня 1946 г.).

Считаю виновность Фриче полностью доказанной. Его деятельность имела весьма существенное значение в подготовке и проведении агрессивных войн и других преступлений гитлеровского режима.

IV. О МЕРЕ НАКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОМУ РУДОЛЬФУ ГЕССУ

Приговор Суда дает правильную и полную характеристику того особого положения, которое занимал в системе руководства гитлеровской партии и государства подсудимый Рудольф Гесс.

Он действительно был «ближайшим доверенным лицом Гитлера».

Гессу были предоставлены исключительно большие полномочия.

В этой связи достаточно указать на декрет Гитлера о назначении Гесса своим заместителем. Так было сказано: «Настоящим я назначаю Гесса моим заместителем и даю ему полную власть выносить решения от моего имени по всем вопросам партийного руководства». (Стенограмма вечернего заседания 7 февраля 1946 г.).

Но компетенция Гесса отнюдь не ограничивалась вопросами партийного руководства.

В официальном издании НСДАП «Партийный ежегодник на 1941 год» сказано: «В дополнение к обязанностям партийного руководителя заместитель фюрера обладает далеко идущими полномочиями в области государства.

Этими полномочиями являются:

во-первых, участие в национальном и государственном законодательстве, включая подготовку приказов фюрера. Заместитель фюрера, таким образом, утверждает концепцию партии...;

во-вторых, заместитель фюрера одобряет предполагаемые назначения официальных лиц и лидеров трудовой службы;

в-третьих, он обеспечивает влияние партии на самостоятельные правительства муниципальных объединений. (Документ США-255,3163-ПС).

Гесс был решительным приверженцем агрессивной политики Гитлера. Совершенные им преступления против мира достаточно полно отражены

в приговоре суда. Последним из этих преступлений следует считать миссию, принятую на себя Гессом при отлете в Англию, рассчитанную на то, чтобы облегчить осуществление агрессии против Советского Союза путем временного замирения с Англией.

Неудача этой миссии привела к изоляции Гесса, и он не принимал непосредственного участия в планировании и совершении последующих преступлений гитлеризма.

Однако не подлежит сомнению то, что Гесс сделал все зависящее от него для подготовки этих преступлений.

Гесс наряду с Гиммлером выступил в роли создателя тех эсэсовско-полицейских организаций германского фашизма, которые впоследствии осуществили наиболее жестокие преступления против человечности.

Подсудимый прямо указывал на «особые задачи», которые должны быть выполнены эсэсовскими формированиями на оккупированных территориях.

При создании войск СС (Ваффен СС) Гесс издал через партийную канцелярию специальный приказ, в котором обязывал органы гитлеровской партии всемерно содействовать набору в эти войска членов партии. Он следующим образом формулировал тогда задачи, стоящие перед Ваффен СС:

«Соединения войск СС, состоящие из национал-социалистов, благодаря их усиленной национал-социалистской подготовке в отношении проблем расы и национальности, более удобны, чем другие вооруженные соединения *для специальных задач, которые должны разрешаться на оккупированных восточных территориях*». (Документ ВБ-267, 3245-ПС).

Еще в 1934 году подсудимый выступил в качестве инициатора предложения, чтобы так называемая «СД при рейхсфюрере СС» (служба безопасности) приобрела исключительные полномочия, став главенствующей силой в фашистской Германии.

9 июня 1934 г. Гессом был издан декрет, согласно которому «СД при рейхсфюрере СС» была объявлена «единственной организацией службы политической информации и защиты партии». (Документ ВБ-257).

Таким образом, подсудимый принимал непосредственное участие в создании и укреплении системы специальных полицейских органов, подготовляемых для совершения преступлений на оккупированных территориях.

Гесс всегда выступал, как последовательный сторонник человеконенавистнической теории «высшей расы».

В речи, произнесенной еще 16 января 1937 г., он, говоря о воспитании немецкого народа, указывал: «*Они должны быть воспитаны таким образом, чтобы ставить немцев выше людей других наций*, независимо от их социального положения или происхождения». (Документ ВБ-253, 3124-ПС).

Гессом был подписан так называемый «Закон о защите крови и чести» от 15 сентября 1935 г. (Документ США-200, 3179-ПС). В тексте этого закона было указано, что «заместителю фюрера поручается издать необходимые декреты и постановления» для практического проведения в жизнь «нюрнбергских законов».

14 ноября 1935 г. Гессом был издан указ согласно закону об имперском гражданстве, по которому евреи лишались права голосовать при выборах и занимать общественные посты. (Документ ВБ-258, 1417-ПС).

20 мая 1938 г. декретом за подписью Гесса действие «нюрнбергских законов» было распространено на Австрию. (Документ ВБ-259, 2124-ПС).

12 октября 1939 г. Гессом был подписан декрет «об учреждении администрации польских оккупированных территорий» («Рейхсгезетцблатт» № 210, 1939 г., стр. 2077). Статьей 2 этого декрета подсудимому Франку были предоставлены в Польше права диктатора.

Имеются веские доказательства того, что подсудимый не ограничился этим общим распоряжением, вводившим на территориях оккупированной Польши режим произвола. Как видно из письма имперского министра юстиции к начальнику имперской канцелярии от 17 апреля 1941 г., Гесс явился инициатором создания особых «уголовных законов» для поляков и евреев на оккупированных восточных территориях. Роль подсудимого в создании этих «законов» характеризуется министром юстиции следующим образом:

«В соответствии с мнением заместителя фюрера, я исходил из той точки зрения, что поляк менее чувствителен к обычному тюремному заключению...». Согласно этим новым видам наказания «заключенные должны содержаться вне тюрем в лагерях и должны быть принуждены к тяжелейшему труду...». «Введение телесного наказания, которое заместитель фюрера вынес на обсуждение, не было включено в проект. Я не могу согласиться с этим видом наказания...». «Судопроизводство, включавшее предъявление обвинения, было упразднено, поскольку казалось совершенно невыносимым, чтобы поляки или евреи могли иметь возможность заставить германского обвинителя предъявлять им обвинительное заключение. Поляки и евреи были также лишены права возбуждать судебное преследование от своего имени или привлекаться на стороне обвинения». «С самого начала имелось намерение, в случае нужды, увеличить «особые условия». Когда эта нужда через некоторое время стала явной, был издан... дополнительный указ, на который имелась ссылка в письме от заместителя фюрера». (Документ ВБ-268, Р-96).

Таким образом, не подлежит сомнению, что Гесс наряду с другими главными военными преступниками виновен в совершении преступлений против человечности.

Учитывая, что Гесс был третьим по значению политическим руководителем в гитлеровской Германии, что он играл решающую роль в преступлениях фашистского режима, я считаю единственно правильной мерой наказания для него — смертную казнь.

V. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ О ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ КАБИНЕТЕ

Комитет обвинителей поставил перед Трибуналом вопрос о признании преступной организацией правительственного кабинета фашистской Германии. Приговор необоснованно отвергает предложение обвинителей, не признавая гитлеровское правительство преступной организацией.

С этим решением я согласиться не могу.

Трибунал признал установленным, что гитлеровцами совершены бесчисленные и чудовищные преступления.

Трибунал признал установленным, что эти преступления, как правило, совершались преднамеренно и организованно по заранее разработанным планам и директивам («План Барбаросса», «Ночь и туман», «Пуля» и др.).

Трибунал признал преступными несколько массовых организаций гитлеровского режима, которые были созданы гитлеровцами для выполнения их планов.

При этих условиях представляется тем более необоснованным и принципиально неправильным отказ в признании преступной организацией гитлеровского правительства, которое являлось руководящим штабом, принимавшим прямое участие в разработке этих преступных планов. Члены этого штаба были наделены большой властью, руководили соответствующими ведомствами, каждое из которых по своей линии участвовало в составлении и претворении в жизнь этих планов.

В подтверждение уместно привести несколько фактов:

Немедленно после захвата фашистами власти — 24 марта 1933 г. был издан закон «О защите народа и государства», которым имперскому правительству, помимо рейхстага, было предоставлено право законодательства.

26 мая 1933 г. имперское правительство издает указ о конфискации собственности коммунистических организаций, а 14 июня того же года конфискует собственность социал-демократических организаций. 1 декабря 1933 г. имперское правительство публикует закон «Об обеспечении единства партии и государства».

Продолжая ликвидацию демократических институтов, имперское правительство в 1934 году законом «О реконструкции империи» отменяет демократические выборы в центральные и местные представительные учреждения. Рейхстаг превращается в учреждение, не имеющее реального значения. (Стенограмма вечернего заседания 22 ноября 1945 г., стр. 23—25).

Законом от 7 апреля 1933 г. и другими все государственные служащие, в том числе и судьи, замеченные когда-либо в антифашистских настроениях или в принадлежности к левым организациям, а также евреи, были уволены со службы и заменены фашистами. Согласно «Основным положениям немецкого закона о чиновниках» от 26 января 1937 г. «внутренняя связь чиновника с партией является предпосылкой для его назначения на должность... Чиновник должен быть исполнителем воли национал-социалистского государства, руководимого НСДАП». (Документ защиты № 28, стр. 59).

1 мая 1934 г. создается министерство образования, которому поручается воспитание учащихся в духе милитаризма, расовой непримиримости и извращенного фашистскими бредовыми идеями представления о действительности. (Документ 2078-ПС).

Уничтожаются свободные профсоюзы, собственность их конфискуется, а большинство руководителей заключается в тюрьмы.

Для подавления всякого сопротивления правительством создаются гестапо и концентрационные лагери. Без всякого суда и предъявления какого-либо конкретного обвинения арестовываются и истребляются сотни тысяч людей по одному подозрению в антифашистских настроениях.

Были изданы так называемые «Нюрнбергские законы» против евреев. Члены имперского правительства — Гесс и Фрик издали дополнительные декреты в развитие этих законов.

Деятельность гитлеровского правительства привела к войне, унесшей миллионы человеческих жизней и причинившей неисчислимый материальный ущерб и неизмеримые страдания народам.

4 февраля 1938 года Гитлер создал тайный совет министров, в следующих словах определив его назначение: «Для помощи мне советами по вопросам внешней политики я создаю тайный совет» («Рейхсгезетцблатт», 1938 г., часть 1, стр. 112, документ 2031-ПС). Внешняя политика гитлеровского правительства была политикой агрессии. Поэтому члены тайного совета должны быть признаны ответственными за эту политику. На процессе были попытки представить тайный совет как фиктивный, никогда практически не функционировавший. Однако с этим согласиться нельзя. Достаточно вспомнить письмо Розенберга к Гитлеру, в котором Розенберг настойчиво добивается назначения в качестве члена тайного совета министров, чтобы оценить значение этого совета.

Еще большее значение в практической подготовке агрессивных войн имел имперский совет обороны, возглавлявшийся Герингом. Членами совета обороны, как известно, являлись: Гесс, Фрик, Функ, Кейтель, Редер, Ламмерс. (Документы 2194-ПС, 2018-ПС).

Значение совета обороны и его роль в подготовке войн были охарактеризованы Герингом на заседании от 23 июня 1939 г.: «Совет обороны империи является решающей корпорацией в империи по вопросам подготовки к войне». (Документ 3787-ПС, США-782).

Тогда же Геринг подчеркнул, что «заседания совета обороны созываются для принятия самых важных решений». Из представленных обвинением протоколов заседаний имперского совета обороны видно, что совет действительно принимал очень важные решения. Из этих протоколов также видно, что в обсуждении мероприятий по подготовке к войне, наряду с членами совета обороны, участвовали и другие министры.

Так, например, на заседании 23 июня 1939 г. приняли участие министры: труда, продовольствия и сельского хозяйства, финансов, путей сообщения и другие, а протокол заседания был разослан всем министрам. (Документ США-782).

Приговор Трибунала справедливо отмечает некоторые особенности гитлеровского правительства, как руководящего государственного органа: отсутствие регулярных заседаний кабинета, издание в некоторых случаях законов отдельными министрами, пользовавшимися необычной самостоятельностью, огромная личная власть Гитлера. Эти особенности, однако, не опровергают, а лишь подтверждают вывод, что гитлеровское правительство — не обычное правительство, а преступная организация.

Конечно, Гитлер обладал весьма значительной личной властью, но это ни в коей мере не снимает ответственности с правительственного кабинета, члены которого были убежденными приверженцами Гитлера, наиболее приближенными к нему руководящими лицами, практически

осуществлявшими и одобрявшими все его мероприятия, пока не пришлось за них отвечать.

Я считаю, что имелись все основания признать гитлеровское правительство преступной организацией.

VI. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ О ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ И ОКВ

В приговоре неправильно отвергается обвинение в преступной деятельности генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил (ОКВ).

Отказ в признании преступной организацией генерального штаба и ОКВ противоречит фактическому положению вещей и доказательственным материалам, предъявленным в ходе судебного следствия.

Не подлежит сомнению, что руководящий состав вооруженных сил фашистской Германии, наряду с партийно-эсэсовским аппаратом, являлся важнейшим органом по подготовке и осуществлению агрессивных и человеконенавистнических планов. Это со всей определенностью признавалось и подчеркивалось самими гитлеровцами в их официальных изданиях, предназначенных для офицеров вооруженных сил. В фашистском партийном издании «Политика и офицер III империи» прямо говорилось о том, что фашистский режим поддерживают и возглавляют: «два столпа: партия и вооруженные силы. Они являются формами выражения той же философии жизни...», «задачи партии и вооруженных сил находятся в неразрывном единстве и в общей ответственности... они зависят от успеха или неуспеха друг друга». (Документ 4060-ПС, США-928, стр. 4).

Эта органическая взаимосвязь между гитлеровским партийно-эсэсовским аппаратом и фашистскими вооруженными силами была особенно крепка на той верхней ступени военной иерархии, которую Обвинительный акт объединяет понятием преступной организации — генштаба и ОКВ.

Самый подбор представителей верховного командования в гитлеровской Германии подчинялся критериям преданности режиму со стороны офицеров и их готовности сочетать осуществление агрессии с выполнением преступных директив в отношении обращения с военнопленными и мирным населением на оккупированных территориях.

Руководители германских вооруженных сил были отнюдь не просто офицерами, достигшими определенных ступеней военной иерархии. Они являлись, прежде всего, сплоченной группой, которой были доверены наиболее засекреченные планы гитлеровского руководства. Представленные доказательства полностью подтверждают, что военные руководители вполне оправдали это доверие и были убежденными сторонниками и ревностными исполнителями гитлеровских планов.

Неслучайно во главе верховного командования военно-воздушными силами стоял «второй человек» фашистского «рейха» — Геринг; верховное командование военно-морских сил возглавлял Дениц, впоследствии назначенный Гитлером своим преемником; верховное командование вооруженными силами было сосредоточено в руках Кейтеля, подписавшего бо́льшую часть директив об уничтожении военнопленных и мирного населения оккупированных территорий.

Поэтому не могут быть признаны уместными параллели с построением высшего военного командования в союзных государствах. В демократической стране ни один уважающий себя военный специалист не будет подготовлять одновременно с разработкой чисто военных планов мероприятия по осуществлению массовых репрессий в отношении мирного населения или заранее санкционировать безжалостное обращение и убийство военнопленных.

Между тем именно этим занимались высшие руководители генерального штаба и ОКВ фашистской Германии. Факт совершения ими тягчайших преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности не только не отрицается, но специально подчеркивается в приговоре Суда. Однако из этого факта не сделано надлежащего вывода.

В приговоре сказано:

«Они опозорили почетную профессию воина. Без военного руководства этой сотни высших офицеров вооруженных сил агрессивные стремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы чисто академическими и бесплодными...». И далее:

«Мир должен знать, что многие из этих людей надругались над солдатской присягой. Теперь, когда это нужно для их защиты, они заявляют, что они должны были повиноваться, и когда становится ясным, что зверские преступления Гитлера были общеизвестны среди них, они говорят, что они не повиновались. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом мы должны сказать».

Все эти утверждения приговора справедливы и основываются на многочисленных достоверных судебных доказательствах. Непонятно только, почему «эта сотня высших офицеров», причинившая миру и своей собственной стране столько страданий,— не признана преступной организацией.

В обоснование этого в приговоре приводятся противоречащие фактам утверждения:

а) что указанные преступления были совершены представителями генерального штаба и ОКВ, как отдельными личностями, но не как членами преступного сообщества, и

б) что генштаб и ОКВ были лишь орудием в руках заговорщиков и простыми интерпретаторами их воли.

Многочисленные доказательства опровергают эти выводы.

1. Руководящие представители генерального штаба и ОКВ, наряду с узким кругом высших гитлеровских чиновников, привлекались заговорщиками к разработке и осуществлению планов агрессии, не как пассивные исполнители, но как активные участники заговора против мира и человечества.

Без их советов и активного содействия Гитлер вообще не мог бы разрешать эти вопросы.

В большинстве случаев их мнение было решающим. Невозможно представить себе, как могли осуществляться агрессивные планы гитлеровской Германии, если бы основной руководящий состав вооруженных сил их полностью не поддерживал.

Гитлер менее всего скрывал свои преступные планы и движущие им мотивы именно от руководящих представителей военного командования.

Так, например, готовя нападение на Польшу, он еще 29 мая 1939 г. на совещании с высшими военачальниками в новой имперской канцелярии заявлял им:

«Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на востоке».

«Таким образом, отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности». (Документ Л-79).

Задолго до момента захвата Чехословакии, в директиве от 30 мая 1938 года, Гитлер, обращаясь к представителям военного командования, цинично заявлял:

«Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности». (Документ 388-ПС).

Перед захватом Югославии в директиве, датированной 27 марта 1941 г., Гитлер, обращаясь к представителям верховного командования, писал:

«Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лойяльности, ее следует рассматривать, как врага, и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно». (Документ 1746-ПС).

Готовя нападение на СССР, Гитлер привлек представителей генштаба и ОКВ к разработке связанных с этим планов и директив отнюдь не как простых военных специалистов.

В «указаниях о применении пропаганды в районе «Барбаросса», изданных ОКВ в июне 1941 года, указывалось:

«Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза». (Документ СССР-477).

Уже 13 мая 1941 г. ОКВ предписал войскам применение любых террористических мер против гражданского населения временно оккупированных районов Советского Союза.

Там же специально оговаривалось: «Чтобы утверждались только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства». (Документ С-50).

2. ОКВ и генеральным штабом были изданы наиболее жестокие постановления и приказы о беспощадных мероприятиях против безоружного мирного населения и военнопленных.

В «постановлении об особой подсудности в районе «Барбаросса» ОКВ, подготовляя нападение на Советский Союз, заранее отменило действие военных судов, предоставив право расправы с мирным населением отдельным офицерам и солдатам.

Там говорилось, в частности:

«Преступления враждебных гражданских лиц изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов...», «заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны...», «категорически запрещается сохранять заподозренных для предания их суду». Там же предусматривались «самые крайние меры», в частности, «массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников».

В этом же распоряжении ОКВ заранее гарантировало безнаказанность военным преступникам из числа военнослужащих германской армии. Там говорилось: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок...».

В ходе войны верховное командование последовательно проводило эту линию, усиливая террор в отношении военнопленных и мирного населения оккупированных стран.

В директиве ОКВ от 16 сентября 1941 г. говорилось:

«Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости». (Документ Р-98).

ОКВ 23 июля 1941 г., обращаясь к командующим армейскими группировками, прямо ориентировало их на то, что: «Не в истребовании дополнительных охранных частей, но в применении соответствующих драконовских мер, командующие должны находить средства для содержания в порядке своих районов безопасности». (Документ 459-ПС).

В директиве ОКВ от 16 декабря 1941 г. говорилось:

«Войска... имеют право и обязаны применять... любые средства, без ограничения, *также против женщин и детей*, если это только способствует успеху...». (Документ СССР-16).

К числу наиболее жестоких директив ОКВ об обращении с военнопленными нужно отнести приказ под названием «Кугель» («Пуля»).

Основанием для применения смертной казни к военнопленным служили проступки, которые, согласно международных конвенций, вообще не могли влечь за собой применение наказания (например, побег из лагеря).

В другом приказе «Ночь и туман» говорилось:

«За проступки такого рода кара, заключающаяся в лишении свободы и даже в пожизненном заключении, является признаком слабости. Добиться действительной эффективности можно только смертной казнью или такими мерами, которые обусловливают незнание населения о судьбе виновных». (Документ Л-90, США-224, стенограмма вечернего заседания 25 января 1946 г.).

В процессе судебного следствия были широко представлены доказательства применения этого приказа. Одним из примеров подобного рода преступлений является убийство 50 английских офицеров-летчиков. То обстоятельство, что это преступление было инспирировано верховным командованием, не вызывает сомнения.

ОКВ был также разослан приказ об уничтожении отрядов «командос». Суду представлен оригинал этого приказа. (Документ 498-ПС, США-591). Входившие в отряды «командос» солдаты и офицеры союзных армий согласно этому приказу должны были быть расстреляны, за исключением тех случаев, когда был необходим допрос, после которого их все равно расстреливали.

Приказ неуклонно выполнялся командующими армейскими группировками. В июне 1944 года Рунштедт — главнокомандующий немецкими войсками на западе, докладывал, что приказ Гитлера «об обращении с группами «командос» противника до настоящего времени выполняется». (Документ 531-ПС, США-550).

3. Верховное командование, наряду с СС и полицией, ответственно за все наиболее жестокие полицейские действия в оккупированных районах.

В инструкции «об особых областях», изданной ОКВ 13 марта 1941 г., предусматривалась необходимость согласования действий на оккупированных территориях между командованием армии и рейхсфюрером СС. Как видно из показаний начальника III Управления РСХА и одновременно начальника эйнзатцгруппы «Д» Отто Олендорфа и начальника VI Управления РСХА Вальтера Шелленберга, во исполнение указаний ОКВ, между генеральным штабом и РСХА было заключено соглашение об организации специальных «оперативных групп» полиции безопасности и СД,— «эйнзатцгрупп», придаваемых соответствующим армейским группировкам.

Преступления, совершенные эйнзатцгруппами на территории временно оккупированных районов, неисчислимы. Эйнзатцгруппы действовали в тесном контакте с командующими соответствующими армейскими группировками.

Весьма характерен для доказательства этой связи следующий отрывок из отчета эйнзатцгруппы «А»:

«... в наши задачи входило установить личный контакт с командующим и начальником тыла. Нужно отметить, что отношения с армией сложились самые лучшие, в некоторых случаях близкие, почти сердечные, как например, с командующим танковой группой генерал-полковником Гоппнер». (Документ Л-180).

4. Представители верховного командования действовали во всех звеньях, как члены преступной группы.

Директивы ОКВ и генштаба, несмотря на явные нарушения международного права и обычаев ведения войны, не только не вызывали протеста со стороны высших штабных офицеров и командования отдельных армейских групп, но неуклонно претворялись в жизнь и дополнялись изданными в развитие этих директив, еще более жестокими приказами.

В этом отношении характерна обращенная к солдатам директива командующего армейской группировкой фельдмаршала фон Рейхенау: «Солдат на восточных территориях является не просто воином в соответствии с искусством ведения войны, но также является носителем беспощадной национальной идеологии». И далее, призывая к истреблению евреев, Рейхенау писал: «Таким образом, солдат должен иметь полное

понимание необходимости в жестоком и справедливом мщении против недочеловеков — евреев». (Документ США-556).

В качестве примера можно также сослаться на приказ фельдмаршала фон Манштейна, адресованный солдатам. В этом приказе, исходя из «политических целей войны», фельдмаршал цинично призывал солдат вести ее, нарушая «установленные правила ведения войны в Европе». (Документ США-927).

Таким образом, в ходе предъявления доказательств в полной мере установлено, что генеральный штаб и верховное командование гитлеровской армии представляли собою очень опасную преступную организацию.

* * *

Я счел своим долгом судьи написать особое мнение по тем важным вопросам, по которым я разошелся с решением членов Трибунала.

Член Международного Военного Трибунала от СССР

Генерал-майор юстиции *И. Т. НИКИТЧЕНКО*

1 октября 1946 года

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

РЕШЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАСЕДАНИЯ КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА ПО ХОДАТАЙСТВАМ ОСУЖДЕННЫХ О ПОМИЛОВАНИИ

9 и 10 октября 1946 г. в Берлине состоялось 42-е чрезвычайное заседание Контрольного Совета под председательством генерала армии Кениг. На заседании присутствовали: Маршал Советского Союза Соколовский, генерал Макнерни и Маршал Королевских воздушных сил сэр Шолто Дуглас.

I. Контрольный Совет, действуя во исполнение положений Лондонского соглашения и устава от 8 августа 1945 г. и своей директивы № 35, рассмотрел все просьбы о помиловании, представленные ему обвиняемыми, осужденными Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге 1 октября 1946 г., или их защитниками.

II. Просьбы о помиловании были представлены от имени Геринга, Гесса, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Функа, Деница, Редера, Заукеля, Иодля, Зейс-Инкварта, фон Нейрата, а также от имени следующих организаций, объявленных преступными по приговору Международного Военного Трибунала, а именно: СС, Гестапо, СД и руководящего состава нацистской партии.

III. Просьбы о помиловании не были представлены Кальтенбруннером, фон Ширахом и Шпеером.

IV. Просьбы о помиловании Геринга, Штрейхера, Франка и фон Нейрата были представлены их защитниками без согласия на то или полномочий со стороны подзащитных; тем не менее Контрольный Совет рассмотрел по существу эти просьбы о помиловании наравне со всеми другими.

V. Действуя на основании вышеизложенного, Контрольный Совет решил:

1) что ходатайства, представленные организациями СС, Гестапо, СД и руководящим составом нацистской партии, не приемлемы, поскольку Контрольный Совет не уполномочен пересматривать приговоры Международного Военного Трибунала и может только осуществлять право помилования;

2) что ходатайство Редера не приемлемо, потому что Контрольный Совет может осуществлять только право помилования по уже принятым приговорам, но не увеличивать меру наказания[1];

3) отклонить просьбы о помиловании, представленные Герингом, Гессом, Риббентропом, Кейтелем, Розенбергом, Франком, Фриком,

---

[1] Подсудимый Редер просил заменить ему пожизненное заключение расстрелом.— Составители.

Штрейхером, Заукелем, Иодлем, Зейс-Инквартом, Функом, Деницем и фон Нейратом;

4) отклонить ходатайства Геринга, Иодля и Кейтеля, поданные ими на случай, если их просьбы о помиловании будут отклонены, о замене казни через повешение — расстрелом;

5) что просьба о помиловании, представленная от имени Бормана, отклоняется как преждевременная. Однако Борману предоставляется право представить такую просьбу в течение четырех дней после его ареста, когда таковой будет иметь место.

VI. В конце заседания Маршал Соколовский как советский представитель сделал следующее заявление Контрольному Совету:

«Международный Военный Трибунал в Нюрнберге заслушал дело, имеющее совершенно исключительное значение. Трибуналом рассмотрено дело о преступной агрессии, вовлекшей человечество в катастрофу мировой войны, о военных преступлениях, беспрецедентных по масштабам и жестокости, и об организованных гитлеровским государством убийствах миллионов мирных граждан.

Как член Контрольного Совета я должен констатировать, что Трибунал, в течение 10 месяцев тщательно рассматривавший все предъявленные доказательства, вынес приговор, который дает полную картину преступлений гитлеровцев.

Я твердо убежден в том, что осужденные Трибуналом главные военные преступники, с приговором которым мы только что согласились, заслужили определенное им Трибуналом наказание.

Одновременно я считаю своим долгом заявить, что я в полной мере разделяю мнение члена Трибунала от СССР генерала Никитченко и полагаю, что имелись вполне достаточные основания также для осуждения Шахта, Папена и Фриче и применения смертной казни в отношении Гесса и для признания преступными организациями гитлеровского правительства, генерального штаба и верховного военного командования.

Во время разбора дела на суде было ясно установлено, что Папен и Шахт активно помогали Гитлеру притти к власти. Шахт обеспечил затем экономическую и финансовую подготовку агрессии. Фриче вместе с Геббельсом в течение ряда лет вел отравляющую германский народ нацистскую пропаганду. Гесс — заместитель Гитлера по партии, третий по значению человек в гитлеровской Германии, ответственен за все преступления гитлеровского режима.

Отношение мирового общественного мнения к приговору Трибунала и особому мнению представителя от СССР убеждает делегацию от Советского Союза в Контрольном Совете в справедливости как рассмотренных нами решений Международного Военного Трибунала, так и особого мнения члена Международного Военного Трибунала от СССР». (ТАСС).

43-Е ОЧЕРЕДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА

10 октября 1946 года в Берлине состоялось очередное 43-е заседание Контрольного Совета под председательством генерала армии Кениг. На заседании присутствовали: Маршал Советского Союза Соколовский, генерал Макнерни и Маршал Королевских воздушных сил сэр Шолто Дуглас.

Контрольный Совет утвердил и подписал закон № 37 об административных судах, который будет опубликован 15 октября.

Контрольный Совет подтвердил, что приведение в исполнение смертных приговоров лицам, присужденным к смертной казни Международным Военным Трибуналом, состоится 16 октября 1946 года. При казни будут присутствовать члены четырехсторонней комиссии, назначенные для этой цели, а также по два представителя прессы от каждой из оккупирующих держав и один официальный фотограф. (ТАСС.)

КАЗНЬ ГЛАВНЫХ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

СООБЩЕНИЕ ЧЕТЫРЕХДЕРЖАВНОЙ КОМИССИИ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Приговоры к смертной казни, вынесенные Международным Военным Трибуналом 1 октября 1946 г. нижеуказанным военным преступникам: Иоахиму фон Риббентропу, Вильгельму Кейтелю, Эрнсту Кальтенбруннеру, Альфреду Розенбергу, Гансу Франку, Вильгельму Фрику, Юлиусу Штрейхеру, Фрицу Заукелю, Альфреду Иодлю, Артуру Зейсс-Инкварту, были приведены в исполнение сегодня в нашем присутствии.

Геринг Герман Вильгельм совершил самоубийство в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 г.

В качестве официально уполномоченных свидетелей от немецкого народа присутствовали: министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер, главный прокурор г. Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер, которые видели труп Германа Вильгельма Геринга.

Четырехдержавная комиссия
по заключению главных военных преступников

СООБЩЕНИЕ ТАСС

Нюрнберг, 16 октября. Восемь журналистов — по два от каждой из оккупирующих Германию держав — присутствовали при казни главных немецких военных преступников, приговоренных к смертной казни через повешение Международным Военным Трибуналом.

Казнь была совершена в здании, находящемся во дворе нюрнбергской тюрьмы. Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут и закончилось в 2 часа 46 минут.

ЛЕТОПИСЬ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

1. 8 августа 1945 г. в Лондоне было подписано соглашение представителями СССР, США, Великобритании и Франции об организации Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси и утвержден Устав этого Трибунала.

2. Для собирания доказательств и поддержания обвинения был создан Комитет обвинителей, в составе Главных обвинителей: от СССР — Р. А. Руденко; от США — Р. Джексон; от Великобритании — Х. Шоукросс и от Франции — де Ментон.

3. 18 октября 1945 г. в Берлине состоялось заседание Международного Военного Трибунала, на котором от Комитета обвинителей был принят обвинительный акт против главных немецких военных преступников: Геринга, Гесса, Риббентропа, Лея, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Шахта, Круппа, Функа, Деница, Редера, Зейсс-Инкварта, Иодля, Заукеля, Шираха, Нейрата, Шпеера, Папена, Фриче и Бормана, а также о признании преступными организациями: руководящего состава НСДАП, имперского правительства, ОКВ и генерального штаба; СА; СС; СД и гестапо[1].

4. 20 ноября 1945 г. в Нюрнберге в здании Дворца юстиции состоялось первое открытое заседание Международного Военного Трибунала. Судебное заседание открылось вступительным словом председательствующего — лорда Лоуренса. Был оглашен обвинительный акт.

5. 21 ноября 1945 г. председательствующий опросил всех подсудимых, которые на вопрос: «признают ли они себя виновными?» ответили отрицательно. Главный обвинитель от США Джексон произнес вступительную речь.

6. 22 ноября 1945 г. представитель американского обвинения полковник Стори доложил Трибуналу порядок представления доказательств американским обвинением и представил доказательство подлинности немецких трофейных документов. Американские обвинители начали представление доказательств по разделу обвинения: «Общий план или заговор».

7. 23 ноября 1945 г. американские обвинители представляли доказательства по разделам обвинения: «Экономическая подготовка Германии к агрессивной войне» и «Агрессивная война».

8. 29 ноября 1945 г. американский обвинитель Олдерман представил доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Австрии». В качестве доказательства демонстрировался документальный фильм «Нацистские концентрационные лагери».

9. 4 декабря 1945 г. Главный обвинитель от Великобритании Шоукросс произнес вступительную речь.

10. 5 декабря 1945 г. заместитель Главного обвинителя от Великобритании представлял доказательства по разделу обвинения: «Общий заговор».

11. 7 декабря 1945 г. английские обвинители представляли доказательства по разделам обвинения: «Вторжение в Данию и Норвегию», «Агрессия против Бельгии, Нидерландов и Люксембурга». Американский обвинитель Олдерман выступил по разделу обвинения: «Агрессия против СССР».

12. 10 декабря 1945 г. выступление американского обвинителя Олдермана по разделу обвинения: «Германское сотрудничество с Италией и Японией и агрессивная война против США».

---

[1] 25 октября 1945 г. Лей в тюрьме покончил самоубийством. В отношении Круппа Трибунал 15 ноября 1945 г. вынес постановление о приостановлении дела в связи с болезнью обвиняемого.

13. 11 декабря 1945 г. Демонстрация в качестве документального доказательства фильма «Нацистский план».

14. 3 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Отто Олендорфа представителями обвинения — полковником Эйменом (США) и полковником Ю. В. Покровским (СССР). Олендорф признал, что руководимая им эйнзатцгруппа «Д» уничтожила на оккупированной территории СССР свыше 90 000 мирных жителей.

15. 4 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Вальтера Шелленберга членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко.

16. 7 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Бах-Зелевского представителем обвинения от СССР полковником Ю. В. Покровским.

17. 8 января 1946 г. Выступление представителя обвинения от Великобритании майора Элвина Джонса на тему: «Агрессия, как база нацистской идеологии» и представление им в качестве доказательства книги Гитлера «Майн Кампф».

18. 11 января 1946 г. Допрос представителями обвинения от СССР, США и Франции свидетеля Франца Блаха.

19. 17 января 1946 г. Главный обвинитель от Франции де Ментон произнес вступительную речь. Представитель французского обвинения представил доказательства по разделу обвинения: «Экономическое разграбление».

20. 23 января 1946 г. Председательствующий огласил решение Трибунала о принятии в качестве доказательства письменных показаний фон Шредера.

21. 24 января 1946 г. Представитель обвинения от Франции представил доказательства по разделу обвинения: «Нарушение законов и обычаев войны».

22. 25 января 1946 г. Допрос свидетеля Мориса Лалена Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко. Допрос в качестве свидетеля Мари Вайан Кутюрье о злодеяниях в концентрационных лагерях.

23. 29 января 1946 г. Допрос Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко свидетеля Франсуа Буа — очевидца массового истребления советских военнопленных.

24. 1 февраля 1946 г. Выступление представителя обвинения от Франции на тему: «Юридическая квалификация преступлений».

25. 8 февраля 1946 г. Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко произнес вступительную речь. Представитель обвинения от СССР полковник Д. С. Карев доложил Трибуналу порядок представления доказательств советским обвинением.

26. 8—11 февраля 1946 г. Советский обвинитель полковник Ю. В. Покровский представлял доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии».

27. 11 февраля 1946 г. Представление советским обвинением доказательств по разделу: «Агрессия против СССР». Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко допрашивал в качестве свидетеля фельдмаршала Паулюса.

28. 12 февраля 1946 г. Перекрестный допрос Паулюса защитой, членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко, членом Трибунала от США Биддлом и председательствующим. Допрос советским обвинителем свидетеля Бушенгагена.

29. 13—14 февраля 1946 г. Советский обвинитель полковник Ю. В. Покровский представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными».

30. 14—18 февраля 1946 г. Советский обвинитель Л. Н. Смирнов представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступления против мирного населения».

31. 19 февраля 1946 г. Представление советским обвинением вещественных доказательств (мыла, изготовленного из человеческого жира, изделий из человеческой кожи) и демонстрация в качестве доказательства документального фильма о зверствах гитлеровцев на оккупированной территории СССР.

32. 20 февраля 1946 г. Советский обвинитель представил доказательства по разделу обвинения: «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности».

33. 21 февраля 1946 г. Советский обвинитель представил доказательства по разделу обвинения: «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей». Демонстрация в качестве доказательства документального фильма «Разрушение произведений искусства и памятников национальной культуры на оккупированной территории СССР».

34. 22 февраля 1946 г. Советский обвинитель представил доказательства по разделу обвинения: «Разрушение сел и городов». Демонстрация в качестве доказательств документальных фильмов о разрушении Лидице в Чехословакии и разрушениях, произведенных гитлеровцами на оккупированной территории СССР. Допрос советским обвинителем свидетеля академика И. А. Орбели.

35. 22 февраля 1946 г. Представление советским обвинением доказательств по разделу обвинения: «Угон в рабство».

36. 23 февраля 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР с возражениями против ходатайств защиты о вызове свидетелей и приобщении ряда документов.

37. 25 февраля 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР с возражениями против ходатайства защитника Риббентропа о вызове некоторых свидетелей.

38. 25—27 февраля 1946 г. Советский обвинитель Л. Н. Смирнов представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступления против человечности».

39. 26 февраля 1946 г. Допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским свидетелей Григорьева и Кивелиша. Демонстрация в качестве доказательства документального фильма о зверствах гитлеровцев.

40. 27 февраля 1946 г. Допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым свидетелей Суцкевера, Ройзмана и протоиерея Ломакина.

41. 28 февраля 1946 г. Выступления Главных обвинителей по вопросу о рассмотрении дела в отношении преступных организаций.

42. 2 марта 1946 г. Повторное выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко по вопросу о преступных организациях.

43. 4 марта 1946 г. Оглашение представителем советского обвинения Л. Н. Смирновым некоторых пунктов официального отчета английского правительства, касающегося расстрела 50 английских летчиков.

44. 8 марта 1946 г. Защита начала представление доказательств.

45. 11 марта 1946 г. Перекрестный допрос «свидетеля» Мильха Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

46. 12 марта 1946 г. Перекрестный допрос обвинением «свидетелей» Браухича, Кернера и Кессельринга.

47. 21—22 марта 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Геринга Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко. Выступления Главных обвинителей по вопросу об оглашении документов, представляемых защитой. Возражения Р. А. Руденко против оглашения и представления адвокатом Штамером выдержек из так называемой «Белой книги».

48. 25 марта 1946 г. Выступления представителей советского и английского обвинения с возражениями против некоторых документов, представленных адвокатом Зейдлем.

49. 27 марта 1946 г. Перекрестный допрос представителями советского, английского и американского обвинения «свидетеля» Штейнграхта, вызванного защитником Риббентропа.

50. 28 марта 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против заявления адвоката Зейдля и поставленных им вопросов «свидетельнице» Маргарите Бланк (секретарь Риббентропа).

51. 2 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Риббентропа Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

52. 5—6 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

53. 8 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля представителями обвинения от Великобритании и США.

54. 9 апреля 1946 г. Выступление представителя обвинения от СССР с возражениями против некоторых документов, представленных защитником Розенберга. Перекрестный допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским «свидетеля» Ламмерса.

55. 10 апреля 1946 г. Перекрестный допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским «свидетеля» Вестгофа. Выступления Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко и представителя обвинения от США с протестом против нарушения защитой порядка представления доказательств.

56. 13 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера советским обвинителем. Выступление советского обвинителя с возражениями против представления показаний Данкера по делу Розенберга.

57. 17 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Розенберга Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко. Выступления представителей советского обвинения с возражениями против принятия некоторых документов, представленных адвокатами Тома и Зейдлем.

58. 18 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Франка представителем советского обвинения Л. Н. Смирновым.

59. 23 апреля 1946 г. Перекрестный допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым «свидетеля» Бюллера.

60. 26 апреля 1946 г. Допрос «свидетеля» Гизевиуса Главным обвинителем от США Джексоном и представителями советского обвинения Г. Н. Александровым.

61. 2 мая 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против принятия некоторых документов, представленных защитником Шахта. Перекрестный допрос подсудимого Шахта Главным обвинителем от США.

62. 3—4 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шахта представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Допрос подсудимого Функа защитой.

63. 7 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Функа советским обвинителем. Выступление представителя советского обвинения Ю. В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных адвокатом Кранцбюллером в защиту Деница.

64. 10 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Деница советским обвинителем Ю. В. Покровским.

65. 11 мая 1946 г. Выступление советского обвинителя Ю. В. Покровского с заключением по дополнительному ходатайству подсудимого Геринга о вызове свидетелей.

66. 16 мая 1946 г. Выступление представителя советского обвинения Ю. В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных защитником Редера.

67. 20 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Редера советским обвинителем Ю. В. Покровским.

68. 21 мая 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против некоторых вопросов, заданных адвокатом Зейдлем «свидетелю» Вейцзеккеру.

69. 27 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шираха представителем советского обвинения Г. Н. Александровым.

70. 30—31 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Заукеля представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Допрос Заукеля членом Трибунала от США Биддлом.

71. 3 июня 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с заключением по ходатайству подсудимого Геринга о вызове дополнительных свидетелей.

72. 7 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Иодля советским обвинителем Ю. В. Покровским.

73. 10—12 июня 1946 г. Допрос подсудимого Зейсс-Инкварта.

74. 13 июня 1946 г. Оглашение решения Трибунала о заключительных речах адвокатов.

75. 17—19 июня 1946 г. Допрос подсудимого Папена.

76. 19—20 июня 1946 г. Допрос защитой подсудимого Шпеера.

77. 21 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шпеера Главным обвинителем от США Джексоном и советским обвинителем. Допрос Шпеера членом Трибунала от США Биддлом.

78. 22—24 июня 1946 г. Допрос защитой подсудимого Нейрата.

79. 25—26 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Нейрата советским обвинителем. Допрос Нейрата членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко, членом Трибунала от США Биддлом и председательствующим.

80. 27—28 июня 1946 г. Допрос защитой подсудимого Фриче.

81. 28 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Фриче Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

82. 3 июля 1946 г. Представление защитой и обвинением дополнительных доказательств.

83. 4—25 июля 1946 г. Защитительные речи адвокатов.

84. 26 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от США Джексона.

85. 27 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Шоукросса.

86. 29 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Франции де Риба.[1]

87. 29—30 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко.

---

[1] В ходе процесса Главный обвинитель от Франции де Ментон был заменен французским правительством Шампетье де Рибом.

88. 30 июля 1946 г. Защитники преступных организаций начали представление доказательств [1].

89. 31 июля 1946 г. Представление советским обвинителем дополнительных документов в доказательство преступности НСДАП.

90. 5—6 августа 1946 г. Перекрестный допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым «свидетелей» по делу «СС» Брилля, Гаузера и Рейнеке.

91. 8—9 августа 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем и членом Трибунала от США «свидетеля» по делу «СС» Зиверса. Перекрестный допрос «свидетеля» Браухича представителем советского обвинения Г. Н. Александровым.

92. 12 августа 1946 г. Перекрестный допрос «свидетеля» Манштейна представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Допрос защитой «свидетеля» Рунштедта.

93. 16 августа 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко в связи с заявлением адвоката Штамера о непричастности Геринга к преступным медицинским опытам над заключенными в гитлеровских концлагерях.

94. 22—28 августа 1946 г. Защитительные речи адвокатов по делам преступных организаций.

95. 26 августа 1946 г. Допрос генерал-майора медицинской службы немецкой армии профессора военно-медицинской академии Вальтера Шрайбера представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Шрайбер дал подробные показания о подготовке гитлеровцами бактериологической войны.

96. 28—29 августа 1946 г. Заключительная речь английского обвинителя Файфа по делу преступных организаций.

97. 29 августа 1946 г. Заключительные речи американских обвинителей Додда и Тейлора и Главного обвинителя от Франции де Риба по делу преступных организаций. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко по делу преступных организаций.

98. 31 августа 1946 г. Последние слова подсудимых. Трибунал удалился на совещание для постановки приговора.

99. 30 сентября — 1 октября 1946 г. Оглашение приговора Международного Военного Трибунала. Трибунал приговорил Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Иодля, Зейсс-Инкварта и Бормана (заочно) — к смертной казни через повешение; Гесса, Функа и Редера — к пожизненному тюремному заключению; Шираха и Шпеера — к 20 годам тюремного заключения; Нейрата — к 15 годам тюремного заключения и Деница — к 10 годам тюремного заключения. Объявление председательствующим о занесении в протокол судебного заседания особого мнения члена Трибунала от СССР И. Т. Никитченко в связи с оправданием Шахта, Папена и Фриче, неприменением смертной казни к Гессу и непризнанием преступными организациями имперского правительства, ОКВ и генерального штаба.

100. 16 октября 1946 г. Приговор Международного Военного Трибунала, осудившего к повешению Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера, Фрика, Франка, Штрейхера, Иодля, Заукеля и Зейсс-Инкварта приведен в исполнение во дворе Нюрнбергской тюрьмы. Геринг за $2^1/_2$ часа до казни покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий.

---

[1] Обвинение представляло доказательства против преступных организаций одновременно с представлением доказательств по делам отдельных подсудимых.



ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ПОМЕЩЕННЫХ ВО ВТОРОМ ТОМЕ

Стр.

Преступления против человечности

Уничтожение славянских и других народов

Тайные пункты для уничтожения мирных людей, созданные германским фашизмом

Эксперименты над живыми людьми

Умерщвление психически больных

ПОЯСНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ И СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

АБВЕР — военная разведка (контрразведка).

АНЕНЭРБЕ — «Институт по изучению наследственности»— расистское учреждение, находившееся в непосредственном ведении Гиммлера.

АНШЛЮСС — так именовали гитлеровцы захват Австрии.

АПА — внешнеполитический отдел нацистской партии.

БРИГАДЕНФЮРЕР — генеральский чин в войсках СС (бригадный генерал).

БЛИТЦКРИГ — молниеносная война.

БЛОКЛЕЙТЕР — квартальный организатор нацистской партии.

ВЕРМАХТ — вооруженные силы фашистской Германии.

ВФСП — управление по делам военнопленных.

ВФХА — административно-хозяйственное управление, ведавшее концентрационными лагерями (отдел РСХА).

ГАУЛЕЙТЕР — руководитель областной организации нацистской партии.

ГАУПТШТУРМФЮРЕР СС — капитан.

ГАУПТШАРФЮРЕР СС — унтер-офицерский чин в войсках СС.

ГЕБИТСКОМИССАР — руководитель гитлеровской администрации на оккупированной территории. Гебитскомиссариат соответствовал округу.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР — так именовался Франк, а оккупированная Польша — генерал-губернаторством.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР — руководитель гитлеровской администрации на оккупированной территории. Генерал-комиссариат соответствовал области или нескольким областям.

ГЕНОЦИД — истребление национальных и расовых групп.

ГЕСТАПО — государственная тайная полиция.

ГИТЛЕРЮГЕНД (гитлеровская молодежь) — молодежная фашистская организация.

ГРУППЕНФЮРЕР — генеральский чин в СС и СА, соответствует генерал-майору

ГФП — тайная полевая полиция.

ДАФ — «Германский трудовой фронт» — гитлеровская организация, созданная нацистами вместо ликвидированных ими профессиональных союзов.

ДУЛАГ — гитлеровский лагерь для советских военнопленных.

«ДУШЕГУБКИ» (ГАЗВАГЕНЫ) — специально оборудованные автомашины, в которых гитлеровцы истребляли свои жертвы отработанным газом.

«ЗЕЛЕНАЯ ПАПКА» — директивы Геринга по экономическому разграблению СССР и установлению разбойничьей гитлеровской администрации на оккупируемых территориях Советского Союза.

ЗИПО — полиция безопасности.

ЗОНДЕРБЕХАНДЛУНГ — «особое обращение» с военнопленными, означающее уничтожение их.

ЗОНДЕРКОМАНДЫ — специальный отряд полиции, СД и СС, который занимался массовым уничтожением мирного населения.

КРЕЙСЛЕЙТЕР — руководитель окружной организации нацистской партии.

КРИПО — государственная уголовная полиция.

«КУГЕЛЬ» («ПУЛЯ») — приказ о немедленном расстреле военнопленных, бежавших из лагерей, при их поимке. Этот приказ распространялся на всех военнопленных, за исключением американских и английских.

ЛЕБЕНСРАУМ — «жизненное пространство» — территориальная экспансия германского фашизма.

МЕФО — мошенническая банковская операция, проведенная Шахтом для перевооружения гитлеровской армии и давшая гитлеровцам 12 миллиардов марок.

НСДАП — «Национал-социалистская германская рабочая партия» — так в целях обмана народных масс именовали немецкие фашисты гитлеровскую партию.

НСФ — немецко-фашистское благотворительное общество.

НЮРНБЕРГСКИЕ ЗАКОНЫ — расистские законы гитлеровцев о преследовании евреев в Германии.

ОБЕРГРУППЕНФЮРЕР — генеральский чин в СС и СА, соответствует генерал-лейтенанту.

ОБЕРШТУРМБАННФЮРЕР СС — подполковник.

ОБЕРШТУРМФЮРЕР СС — старший лейтенант.

ОКВ — ОБЕРКОМАНДО ДЕР ВЕРМАХТ — верховное командование германских вооруженных сил.

ОКЛ — верховное командование военно-воздушных сил.

ОКМ — верховное командование военно-морских сил.

ОКХ — верховное командование сухопутных сил.

ОПЕРАТИВНЫЕ ГРУППЫ — специальные отряды полиции, СД и СС, которые занимались массовым уничтожением мирного населения.

«ОПЕРАЦИЯ АВ» — план уничтожения польской интеллигенции.

«ОПЕРАЦИЯ АТИЛЛА» — операция по захвату неоккупированных районов Франции.

«ОПЕРАЦИЯ КОТБУС» — массовое истребление еврейского населения Белоруссии и Прибалтийских республик.

«ОПЕРАЦИЯ МАРИТА» — план захвата Греции и Югославии.

«ОПЕРАЦИЯ СЕНО» — план захвата на оккупированных территориях СССР 40—50 тысяч подростков от 10 до 14 лет и вывоза их в гитлеровскую Германию для онемечивания.

«ОПЕРАЦИЯ ШУЛУНГ» — план ремилитаризации Рейнской области.

«ОПЕРАЦИЯ ФЕЛИКС» — план захвата Гибралтара.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОДТА — широко разветвленная военно-строительная организация гитлеровской Германии, названная по имени ее руководителя инженера Фрица Тодта.

ОРТСГРУППЕНЛЕЙТЕР — руководитель местной организации нацистской партии.

«ОСТДЕЙТШЕР БЕОБАХТЕР» — нацистский официоз, издававшийся в Восточной Германии.

«ПЛАН БАРБАРОССА» («ВАРИАНТ БАРБАРОССА»)— план нападения на Советский Союз.

«ПЛАН ВЕЗЕР» («ВАРИАНТ ВЕЗЕР») — план оккупации Норвегии и Дании.

«ПЛАН ВЕЙСС» («БЕЛЫЙ ПЛАН») — план нападения на Польшу.

«ПЛАН ГЕЛЬБ» — план вторжения в Нидерланды.

«ПЛАН ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ», «ПЛАН СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ», «ПЛАН ЧЕРНОБУРАЯ ЛИСА» — планы нападения на север СССР через Норвегию и Финляндию, в частности, захват Мурманской железной дороги.

«ПЛАН ГРЮН» («ЗЕЛЕНЫЙ ПЛАН») — план захвата Чехословакии.

«ПЛАН ЗЕЕЛЕВЕ» — план вторжения в Англию.

«ПЛАН ИЗАБЕЛЛА» — план оккупации Испании.

«ПЛАН ОЛЬДЕНБУРГ» — программа экономического разграбления оккупируемых территорий СССР.

«ПЛАН ОТТО» — план захвата Австрии.

РЕЙТСКОРПУС — кавалерийский корпус СА.

РЕЙХСКОМИССАР — высший чин гитлеровского управителя на оккупированной территории.

РЕЙХСЛЕЙТЕР — высший ранг руководителя нацистской партии.

РЕЙХСМАРШАЛ — воинское звание Геринга.

РЕЙХСФЮРЕР СС — глава СС — Гиммлер.

РСХА — Главное имперское управление безопасности.

СА — штурмовые отряды. СС — охранные отряды — террористические банды гитлеровской партии.

СД — Служба безопасности при рейхсфюрере СС — широко разветвленная шпионско-террористическая организация германского фашизма.

«СИЛА ЧЕРЕЗ РАДОСТЬ» — туристско-спортивное нацистское общество, всецело находившееся под влиянием и контролем немецко-фашистской партии.

УНТЕРШТУРМФЮРЕР СС — младший лейтенант.

ФРАЙКОР — гитлеровская военная организация судетских немцев, участвовавшая в захвате Чехословакии.

ХОХАЙТСТРЕГЕР — «носитель власти», так именовалась руководящая группа чиновников нацистской партии.

ХОЭ ШУЛЕ — высшая фашистская партийная школа.

ЦЕЛЛЕНЛЕЙТЕР — руководитель ячейки нацистской партии.

ШАРФЮРЕР СС — унтер-офицерский чин в войсках СС.

«ШВАРЦКОР» («ЧЕРНЫЙ КОРПУС») — официальная газета эсэсовцев.
ШТАЛАГ — стационарный концентрационный лагерь для советских военнопленных.
ШТАНДАРТЕНФЮРЕР СС — полковник.
ШТАНДГЕРИХТЕ — гитлеровский чрезвычайный суд в Чехословакии.
ШТУРМБАННФЮРЕР СС — майор.
ШТУРМФЮРЕР СС — лейтенант.

ЭЙНЗАТЦГРУППА — специальный отряд полиции, СД и СС, который занимался массовым уничтожением мирного населения.
ЭЙНЗАТЦШТАБ — специальный штаб. Так, эйнзатцштаб Розенберга занимался разграблением художественных ценностей на оккупированных территориях.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Сдано в набор 21/VII 1950 г.
Подписано к печати 27/VI 1951 г.
Бумага 70×108 1/16. Бум. л. 19,5. Печ. л. 53,43 (в том числе 1,37 п.л. вклеек).
Уч.-изд. л. 47,94 (в том числе 0,47 вклеек).
А06029. Заказ № 1814.
Тираж 10 000 экз. Цена 18 р. 80 к.

* * *

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
103	19 сверху	Радеру	Редеру
159	24 снизу	проволокой	проволокой,
213	8 снизу	еще раз	еще не раз
237	20 сверху	вызову	вывозу
252	6 сверху	можете	может
432	21 сверху	Мюнхенского	Мюнхенское
450	12 сверху	и Локарно	в Локарно
453	15 снизу	преступлением	преступлением"
453	6 снизу	агрессивная	„агрессивная
480	25 снизу	уничтожить":	уничтожить:
498	23 сверху	были ответственны	была ответственна
542	15 сверху	нападения	нападение

Нюрнбергский процесс, т. II.

Сдано в набор 21/VII 1950 г.
Подписано к печати 27/VI 1951 г.
Бумага 70×108$^{1}/_{16}$. Бум. л. 19,5. Печ. л. 53,43 (в том числе 1,37 п.л. вклеек).
Уч.-изд. л. 47,94 (в том числе 0,47 вклеек).
А06029. Заказ № 1814.
Тираж 10 000 экз. Цена 18 р. 80 к.

* * *

Первая Образцовая [illegible]

